

Моя публикация Бибисофия

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.



МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская улица, соб. домъ.

1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

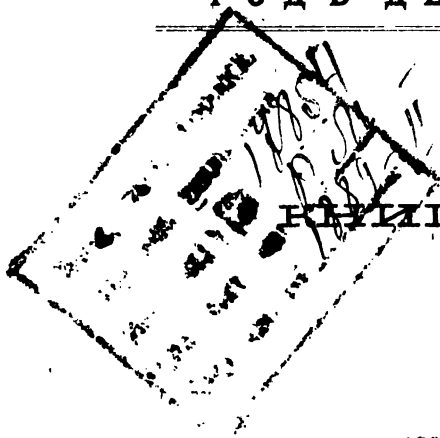
	Стр.
I. ЧЕРНЫЙ ГОДЪ. Романъ. Часть III. <i>Продолженіе</i> .—Г. П. Дамилевскаго.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. И. Пальмина.	96
III. ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ. Романъ Джоржа Кэбля. Переводъ съ англійскаго А. С. П. (<i>Продолженіе</i>)	97
IV. ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ. (Повѣсть).—Д. Сибиряна (Д. Н. Мамина).	149
V. ВЪ ПОГОНЮ ЗА ПРОШЛЫМЪ. Разсказъ Жоржа Дюржи. Переводъ съ французскаго В. М. Р.	204
VI. ГРѢХИ ТЯЖКІЕ. (Очерки).—Гл. И. Успенскаго.	214
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Величко.	232
VIII. О СВОБОДѢ ПЛАВАНІЯ ПО СУЭЗСКОМУ КАНАЛУ.—Графа Л. А. Камаровскаго	1
IX. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ЗЕМСТВА: Земство и народное образованіе.—Я. В. Абрамова.	14
X. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА. (Сообщено г. Андреевымъ).	29
XI. ПО ЗАКАСПІЙСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.—Эд. Р. Циммермана	47
XII. ЮЛІЙ СЛОВАЦКІЙ.—Л. А. Полонскаго	61
XIII. СЕМЬЯ ДРЕВНЯГО РИМА	101
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Наши рѣки.—А. И. Воейкова	127
XV. ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ. (Письма изъ Парижа).—Франко-Слава	143

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.



КНИГА II.

МОСКВА.

1889.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

Типо-литографія: Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

UNIV. OF CALIFORNIA

~~WITHDRAWN~~

Digitized by Google

11750
K. 875
V. 10:2
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ЧЕРНЫЙ ГОДЪ. Романъ. Часть III. <i>Продолженіе</i> .—Г. П. Дамилевскаго.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. И. Пальмина.	96
III. ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ. Романъ Джоржа Кэбля. Переводъ съ англійскаго А. С. П. <i>Продолженіе</i>	97
IV. ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ. (Повѣсть).—Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина).	149
V. ВЪ ПОГОНЮ ЗА ПРОШЛЫМЪ. Разсказъ Жоржа Дюрки. Переводъ съ французскаго В. М. Р.	204
VI. ГРѢХИ ТЯЖЕБІЕ. (Очерки).—Гл. И. Успенскаго.	214
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Велико	232
VIII. О СВОБОДѢ ПЛАВАНІЯ ПО СУЭЗСКОМУ КАНАЛУ.—Графа Л. А. Камаровскаго	1
IX. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ЗЕМСТВА: Земство и народное образованіе.—Я. В. Абрамова.	14
X. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА. (Сообщено г. Андреевичемъ).	29
XI. ПО ЗАКАСПІЙСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. Эд. Р. Циммермана.	47
XII. ЮЛІЙ СЛОВАЦКІЙ.—Л. А. Полонскаго.	61
XIII. СЕМЬЯ ДРЕВНЯГО РИМА.	101
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Наши рѣки.—А. И. Воейкова	127
XV. ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ. (Письма изъ Парижа).—Франко-Слава	143

- XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева. 158
- XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Государственная роспись на 1889 годъ.—Мировые судьи въ Архангельской губерціи.—Дѣло Звѣздочетова.—Земская колонія для сиротъ въ Москвѣ.—Вопросъ объ уѣздномъ управленіи въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ.—Хлѣбный отпускъ въ 1888 г.—Ходатайство борисоглѣбскаго земства.—Вопросъ о хлѣбныхъ тарифахъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.—Проектъ г. Исаева о займѣ на хозяйственныя улучшенія.—Мелиорационный кредитъ.—Уменьшеніе чумы скота въ Россіи 166
- XVIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXII.—Н. В. Шелгунова 193
- XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Московскій «Малый театр»: *Татьяна Репина*, комедія А. С. Суворина.—*Теобанд*, трагедія Д. В. Аверкіева.—Фотографическая выставка въ Москвѣ.—Ан. 213
- XX. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Исторія.—Юридическія книги.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Дѣтскія книги и учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», январь.—«Русскій Вѣстникъ», январь.—Дѣтскіе журналы. III. Отвѣтъ на замѣтку «Московскихъ Вѣдомостей» 45



ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

Романъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КРОВАВЫЙ МЕТЕОРЪ.

„И видѣвъ нѣкоего—обидима спосбствова и сотвори отмщеніе“.

(Дѣянія Апостольскія, VII, 24).

I.

Лакей отворилъ Алексію Дуганову дверь въ губернаторскій кабинетъ.

Генераль фонъ-Брандтъ, худой и высокій, съ красными отъ недавняго купанья глазами, полулежалъ на мягкой софѣ, просматривая полученныя въ то утро гамбургскія газеты. Онъ былъ въ зеленомъ, шелковомъ халатѣ, въ бухарскихъ туфляхъ на босу ногу и въ черной, шелковой шапочкѣ, поверхъ мокрыхъ и развившихся послѣ купанья волосъ.

— Ба!—кого вижу?—съ удивленіемъ и радостью вскрикнулъ Брандтъ: милости прошу, дорогой гость, садитесь. Какъ здоровье Варвары Ивановны?

— Отъ нея-то, по ея порученію, я и пріѣхалъ,—отвѣтилъ, усѣвшись, Алексеѣй: скажите, ваше превосходительство,—мы получили письма... что слышно о злодѣѣ?... гдѣ онъ, далеко ли? и нѣтъ ли какой-либо отъ него опасности здѣшнему краю?

— Опасности? гм!...—произнесъ Брандтъ: да не хотите ли трубочки? вотъ вамъ табакъ, рекомендую—свѣжій.

— Нѣтъ, благодарствую; курить дорогою.

— Вы получили, говорите, письма?—продолжалъ Брандтъ: а вотъ я ничего и ни отъ кого не получаю; точно сговорились, точно ничего нѣтъ! И если что, сказать вамъ, знаю, то единственно отсюда,—указалъ онъ на пачку нѣмецкихъ газетъ.

— Что же говорить газеты?

Губернаторъ потеръ себѣ переносицу и, взявъ съ двухъ сторонъ шапочку, передвинулъ её на лысой головѣ.

— О, эти заграничныя газеты,— отвѣтилъ онъ: хотя онѣ, знаете, все наше русское осуждаютъ и подь-часъ зло острятъ, но говорятъ и правду. По ихъ мнѣнію, мы проиграемъ дѣло; а Пугачова, представьте, эти столь умные и серьёзные нѣмцы считаютъ, какъ бы вы думали, гѣмь?... братомъ претендентки на престолъ, княжны Таракановой.

— Но какъ ваше мнѣніе о здѣшнемъ народѣ, о краѣ? сладимъ мы съ Пугачовымъ?

— О, въ этомъ будьте спокойны!— отвѣтилъ Брандтъ: благодаря Бога, здѣсь у насъ все еще пока благополучно. Я еще сегодня дѣлалъ смотръ гарнизону и артиллеріи. Приняты всѣ мѣры и, хотя въ началѣ скучно было въ орудіяхъ, порохѣ и офицерахъ, теперь все то улажено, а если дерзкій самозванецъ осмѣлится явиться передъ нашими стѣнами, мы его не допустимъ и отобьемъ. Одно горе,— сказалъ и остановился Брандтъ, запахиваясь въ халатъ.

— Что именно?— спросилъ Алексѣй.

— Прислали намъ этого Павла Сергѣевича Потѣмкина. Я буду съ вами откровененъ,— произнесъ Брандтъ: ну, я васъ спрашиваю, на что онъ мнѣ? и какъ тутъ упражняться съ серьёзнымъ дѣломъ, когда тебѣ на шею садятъ этакаго, извините, надутаго чехвала и вреднаго хвастуна? Кузень фаворита! да намъ-то, вѣрнымъ слугамъ монархини, на что онъ? Врѣтъ, похваляется, будто ему дана верхняя надъ всѣми власть. Духъ отбиваетъ... приходится одно—сложить руки и терпѣливо сидѣть, аки... какъ это говорится? аки Іову на гноищѣ...

— Что же здѣсь поручено Павлу Сергѣевичу? — спросилъ Алексѣй.

— А Господь его знаетъ. Инструкцій не показываетъ, вмѣшивается во все, подрывая решпетъ къ истинному владыкѣ края,— вотъ и все его дѣло... Придирчивъ, мелочень и грубъ...

— Но почему же все это вышло такъ?— спросилъ Алексѣй.

— Благоговѣніе передъ державствомъ смыкаетъ вѣрнымъ рабамъ уста,— отвѣтилъ, склонивъ голову, Брандтъ: тутъ я, государь мой, безгласенъ и нѣмъ! но, чтобъ я спустилъ обидчику, потому только, что онъ двоюродный братецъ фаворита? Аттанде-съ! извините... Великая монархиня, по высоко-матерней любви къ подданнымъ, всѣхъ призрѣваетъ и отличаетъ равно... За что же такая

власть выскочкамъ и блюдолизамъ двора? Я старше его годами, чиномъ и службой. Обиды такой не прощу.

«Экое горе! и такова судьба всѣхъ нашихъ дѣлъ!» — подумалъ, слушая эти жалобы, Дугановъ: «тутъ бы заботиться о единеніи, общиыхъ усиліяхъ для охраны города и края, для истребленія врага, а они не успѣли встрѣтиться, и уже оба чуть не на ножахъ!»

— Какъ же, однако, вы думаете, ваше превосходительство? — спросилъ Алексѣй: опасность не грозитъ намъ? и вы первый, — можно ли надѣяться, — удостойте ли насъ, по обѣщанію, своимъ заѣздомъ?

— Пока, сударь мой, повторяю, — сказалъ, покраснѣвъ и хмурясь, Брандтъ: пока я на этомъ мѣстѣ, злодѣй не осмѣлится, не дерзнетъ сюда приступить! Есть слабые духомъ, не скрою отъ васъ, есть трусы, — собрались и уже тайно выѣхали изъ города.

— Давно ли?

— По ночамъ, батюшка, украдкой, — горько усмѣхнулся Брандтъ: но что же это значитъ? ровно ничего, малодушіе и только.

— Такъ что же окончательно сказать Варварѣ Ивановнѣ? — спросилъ Дугановъ, вставая и взявъ шляпу.

— Бланияйтесь ея превосходительству и скажите, пусть будетъ совершенно покойна... Не допущу злодѣя на пушечный выстрѣлъ, самъ выступлю впереди войска и горожанъ, а въ доказательство, что всѣ страхи ложны... изъ первыхъ, да, изъ первыхъ, буду на вашемъ праздникѣ.

Алексѣй поклонился и вышелъ.

— Еще слово, — сказалъ по-нѣмецки Брандтъ, догнавъ его въ залъ: если бы, однако, сверхъ ожиданія, злодѣй предпринялъ покушеніе сюда, я дамъ тотчасъ знать, — и тогда милости просимъ въ нашу крѣпость. Тутъ увидите, какъ я разнесу и добыю злодѣя. Такъ и передайте почтенной Варварѣ Ивановнѣ.

«Передать-то все это я передамъ, — разсуждалъ Алексѣй, ѣдучи обратно, тѣмъ же дремучимъ, спокойнымъ лѣсомъ, изъ Базани: но дѣло, кажется, дѣйствительно, неладно и надо, въ виду ихъ несогласій, принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры».

Возвратясь въ Туровцово, Алексѣй успокоилъ, какъ могъ, Варвару Ивановну и остальныхъ домашнихъ. Въ тотъ же вечеръ, однако, когда въ домѣ все затихло, онъ призвалъ къ себѣ своего кучера, спросилъ его, подкованы ли лошади и исправна ли карета, и объявилъ, что надо готовиться, такъ какъ онъ получилъ письмо изъ Горокъ и, вслѣдъ за днемъ рожденія Варвары Ивановны, долженъ ѣхать во-свояси. — «И отлично, сударь, — отвѣтилъ кучеръ:

пора! и то лошади томятся, точно оть домоваго, — по ночамъ корма не ѣдятъ...»

Подъ шумокъ послѣднихъ приготовленій къ празднику, Алексѣй и Серафима, которой мужъ по секрету объяснилъ свое рѣшеніе, уложили свои чемоданы и сундуки.

— Это уже вы и собираетесь? — спросила Варвара Ивановна, заставъ ихъ за укладкой.

— Нельзя, шатап, — отвѣтила Серафима: хлѣбъ у насъ поспѣваетъ; да и Маріи беспокоить своимъ молчаніемъ. Приготовимся заранее; наѣдутъ гости, въ суетѣ при нихъ будетъ не до сборовъ.

— Такъ, такъ, — вздыхая и уходя, сказала старуха.

Слуги и всѣ въ домѣ также знали уже, что Алексѣй и Серафима ѣдутъ, вслѣдъ за праздникомъ, и потому никто не удивился, когда къ садовому крыльцу, откуда былъ ходъ на половину Дугановыхъ, подвѣтали, укрытую бѣлымъ чехломъ, ихъ карету, а для вещей и прислуги фургонъ. Варвара Ивановна старалась быть покойною; но она съ грустью смотрѣла на Серафиму и на ея рѣзвившихся по дому и по саду дѣтей.

«Все это шумно, полно жизни теперь, — думала она: а скоро всѣ разѣдутся, домъ опустѣетъ и опять я останусь одна. Ну, да я готовлю имъ сюрпризъ. Все собиралась къ нимъ въ Горки; теперь, едва уѣдутъ, покачу къ нимъ и сама».

До праздника Варвары Ивановны оставалось не болѣе трехъ-четырехъ дней. Въ это время ждали окончательно пріѣзда Маріи. — «Не пишеть, значить ѣдетъ!» — думали всѣ. Но Маріи не ѣхала и не отзывалась.

— Что же это, наконецъ, значить? — не вытерпѣвъ, съ тревогой спросила Туровцова Алексѣя: ужъ и въ самомъ дѣлѣ, здорова ли Мама? Написали бы вы къ Травкину или къ Нинетъ.

— Писалъ, успокойтесь; думаю, она будетъ не нынче, завтра.

За день до праздника, утромъ, когда въ домѣ еще спали, Алексѣй, по обычаю, поднялся на бельведеръ и съ мыслью: «ну, навѣрное ничего опять не увижу!» — навелъ подозрную трубу на окрестности. На сибирскомъ трактѣ было пустынно и тихо; тамъ лѣниво тянулся какой-то обозъ и чернѣло нѣсколько отдѣльныхъ пѣшеходовъ. Алексѣй навелъ трубу на лѣсную просѣку и сталъ смотрѣть пристальнѣе. По дорогѣ отъ города столбомъ неслась пыль. Среди просѣки, онъ увидѣлъ всадника, скакавшаго къ Туровцовскому двору. Миновавъ мостъ черезъ ручей, всадникъ скрылся за садомъ. — «Не съ почты ли?» — подумалъ Алексѣй, вспомнивъ, что

съ вечера поговаривали о посылкѣ въ городъ, и сошелъ съ бельведера. Внизу на галлерей, соединявшей домъ съ служительскимъ флигелемъ, онъ увидѣлъ своего камердинера Дрона. Постоянно въ пудрѣ, въ сѣромъ ливрейномъ фракѣ и въ башмакахъ, съ стальными пряжками, солидный, важный и плотный Дронъ, теперь казался растеряннымъ.

— Что это? нарочный изъ города? — спросилъ его не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ Алексѣй.

Дронъ молча подалъ ему, на подносѣ, нѣсколько писемъ. Отъ крыльца къ конюшнѣ, черезъ дворъ, шелъ, пошатываясь, ѣздовой Сашка, ведя подъ уздцы дымившагося, усталого коня. Алексѣй въ поданной пачкѣ пакетовъ разглядѣлъ письмо отъ Марі, вскрылъ его и началъ читать. Письмо было изъ-подъ Самары. Марі, извѣщала, что неожиданно возникшіе слухи о приближеніи самозванца и его полчищъ отъ Уральскихъ горъ къ Волгѣ такъ сильно смутили ее и напугали, что она, какъ ей это ни прискорбно, послѣ долгихъ колебаний, рѣшила отмѣнить свою поѣздку въ Туровцово и обратилась съ просьбою къ Травкину — прибыть въ Свйблowo и немедленно проводить ее въ Горки, гдѣ она и будетъ ждать возврата Алексѣя и Серафимы. — «Поздравьте за меня почтенную Варвару Ивановну, — писала Марі: а на меня не сѣтуйте. Вы себѣ представить не можете, дорогіе мои, какіе ужасы и страсти рассказываютъ здѣсь о неистовствахъ злодѣя и его изувѣровъ. Казаки-раскольники, изъ его войска, врываются въ церкви православныхъ, обдираютъ оклады съ образовъ, пьютъ водку изъ причастныхъ чашъ, на дѣкосахъ ѣдятъ мясо, утираются антиминсами, какъ платками, а въ алтари пускаютъ собакъ и свиней. Недавно гусары, занявъ разоренную мятежниками крѣпость, нашли всѣ образа храма въ пуляхъ изверговъ: злодѣи нарочно разстрѣливали ихъ, при чемъ въ уста Спасителя на Распятіи вбили гвоздь. Все это, Серафимочка, пишу тебѣ, прибавляя: охъ, не сидите долго возлѣ Казани; сейчасъ видѣла исправника, — самозванецъ, по слухамъ, повернулъ на Осу, а это вѣдь на пути къ Казани. Уѣзжайте скорѣе; да берите съ собой и крестную. Молюсь Пресвятой Божіей Матери, защитницѣ праведныхъ. И знайте, если въ Горкахъ не застану васъ, уговорю Силу Ѳомича и, долго не думая, пущусь съ нимъ, на Воронежъ, въ Ракитное. Туда злодѣй, авось, уже не достигнетъ. Господь-вседержитель! въ рудѣ Твои предаюся, — спаси насъ, пошлуй и защити».

— И такъ Марья Родіоновна не будетъ, — сказалъ Алексѣй, дочитавъ письмо.

— Не здоровы? занемогли?—спросилъ Дронъ, глядя на барина и какъ бы собираясь еще о чемъ-то ему сказать.

— Нѣтъ, здорова... но вышли такія обстоятельства.

Между прочими письмами Алексѣй разглядѣлъ пакетъ и съ почеркомъ Травкина.

— Иди себѣ,—сказалъ онъ Дрону, вскрывая и читая это письмо.

II.

Дронъ отошелъ къ сторонѣ. Письмо Травкина еще болѣе взволновало Алексѣя.

«Вѣчно-незабвенный и высокочтимый благодѣтель мой и дорогой сосѣдъ, Алексѣй Андреевичъ, — писалъ Травкинъ: на дняхъ дерзнулъ въ репортиціи своей дать вамъ отъ сердца совѣтъ. Нынѣ паки и паки считаю долгомъ подтвердить его. Эй, не отлагайте! молю, заклинаю, спѣшите,—великое началось шатаніе уже и въ нашемъ народѣ; пошли вездѣ крайне-вредительные толги и колобродства. Чернь мятется на базарахъ, въ кабакахъ и вопить: «это намъ, братцы, свѣтъ открылся, Господь насъ сыскалъ; казаки, башкиры и всякія орды нашему батюшкѣ, новоявленному царю, покорились; намъ ли ему противотворничать? Надо милостивцу сдаться, надо пресвѣтлаго встрѣтить, безъ лукавства, криводушія и премеѣннія сердцовъ». —Такъ-то, благодѣтели вы мои, толкуютъ у меня и даже въ Горкахъ. О, ужасъ! о, существо! Да неужели же, вслѣдъ за слѣпцами, вѣрять тому, что злодѣй, оное подлое чудище, не самозванецъ, а во истину царь? Развѣ могъ онъ, — пытался я говорить заблудшимъ, —сверхъ природы воскреснуть и вторично объявиться живой? И царь ли онъ, —твердилъ я вашимъ и своимъ крестьянамъ, —когда оскверняетъ храмы, безъ суда вѣшаетъ и бросаетъ въ огонь неповинныхъ священниковъ, благодѣтельныхъ вамъ помѣщиковъ и офицеровъ, а ихъ семьи казнить десятками, сотнями? Обижаютъ ли, мучатъ ли васъ, скажите?... Молчатъ на это омраченные слѣпцы и думаютъ, по всей видимости, злое. До чего мы дождались! И неужели намъ суждено вернуться къ варварской эпохѣ, къ безвременью Стеньки Разина, къ смутамъ, бывшимъ за сто лѣтъ назадъ? Сердце болитъ, а потокъ грабежей, огня, висѣлицъ и крови, по всей видимости, двигается и къ намъ оттолѣ, гдѣ погибъ неповинный мой братъ Павелъ. Его гласомъ снова заклинаю васъ, Алексѣй Андреевичъ, и вашихъ: не слушайте легкомысленныхъ и непрозорливыхъ упорственниковъ, бѣгите, спасайтесь. Азъ же, грѣшный и малый, получивъ вчерашняго числа краткую цидулочку отъ дражайшей и всякой жертвы достойной Марьи Родіоновны, въ ту-жъ

минуту, какъ пишу это, уже добылъ почтовыхъ и лечу къ ней, дабы выволить ее, со чадомъ и съ кузиною, и сюда проводить въ сохранности. И тако, мнѣ шествуящу, глаголю и, со слезами, клятвенно восклицаю: бросьте завѣренія хвастуновъ и претендантовъ на знаніе истины, недоступной имъ. Вѣрьте испытанному другу и, хотя бы на крыльяхъ вѣтра, спѣшите въ свой уголь, а тутъ уже потолкуемъ, какъ и что далѣе.—*С. Травкинъ*».

— Варвара Ивановна проснулась?—спросилъ Алексѣй, дочитавъ письмо Силы Ѳомича и видя, что Дронъ не уходилъ съ галлерей.

Дронъ не отвѣчалъ. Алексѣй пристально взглянулъ на него. Смущенное лицо слуги озадачило его.

— Что съ тобою?—спросилъ его Алексѣй.

— Огорчительныя письма, видно, изволили получить изъ вашихъ мѣстъ, — сказалъ Дронъ: да не ладныя дѣла, сударь, смѣю доложить, и по здѣшней близости.

— Что такое? говори, — произнесъ, подходя къ нему, Алексѣй.

— Помирать, видно, отецъ родной, всѣмъ намъ, — несмѣло, упавшимъ голосомъ, отвѣтилъ Дронъ.

— Не понимаю, объясни.

Дронъ оглянулся. Руки его дрожали. Полныя щеки тряслись отъ заглушаемыхъ слезъ.

— Злодѣй... Пугачъ, — выговорилъ онъ съ трудомъ: идетъ къ Базани... по близости уже видѣли... тьмы, то-есть, темъ...

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Сашка, ѣздовой, какъ отдавалъ письма.

Алексѣй взглянулъ къ сторонѣ конюшни. Сашка привязывалъ къ яслямъ лошадь. Толпа дворни окружала его, очевидно, слушая его вѣсти. Алексѣй съ секунду подумалъ.

— Старая барыня одѣлась? — спросилъ онъ: чай, надѣюсь, готовъ?

— Одѣлись, — все приготовлено-съ...

— Ну, Дронюшка, ничего; все это, можетъ быть, еще пустые рассказы и слухи. Иди, не тревожь никого; все узнаемъ и примемъ мѣры.

— Охъ, сударь, не слухи, — сказалъ, покачавъ головою, Дронъ: Сашка говорить, въ городѣ такой переполохъ, суета; толкуютъ, за слободами видимо-невидимо злодѣйскаго войска... по близости гарцуютъ верховые, а дальше валомъ валить пѣхота...

— Повторяю тебѣ, это еще, весьма можетъ быть, вздоръ... Подай чай и поменьше, пока, объ этомъ говори. Сейчасъ пошлю новаго нарочнаго къ губернатору. Молчи же... понялъ?

— Понялъ-съ.

Алексѣй, оставивъ галерею, направился къ конюшнѣ.

— Чего собрались? — громко крикнулъ онъ, останавливаясь передъ дворовыми, окружавшими ѣздоваго: слушаете дурака?

— Да мы, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, ничего, — отвѣчали, разступясь и снимая шапки, дворовые: мы только такъ, что, молъ, онъ баеть?

— То-то, ребята, лучше по мѣстамъ! — скомандовалъ Алексѣй: а чтобъ вамъ доказать, что не все то правда, что сорока носить на хвостъ, ну-ка, Филать, да Сысой, — обратился онъ къ своему и туровцовскому гучерамъ: готовьте лошадей, — мы, съ Варварой Ивановной, сами съѣдимъ вечеромъ въ городъ... никакого Пугачова тамъ нѣтъ.

— Одначе, баринъ, помилуйте, — отозвался было кухонный мужикъ, въ сѣрой курткѣ: оно бы, точно, ничего... да вонъ Сашка божится...

— Ты самъ его видѣлъ? самъ? — крикнулъ опять Алексѣй, наступая грудью на Сашку: ну, говори, ракалія, говори при всѣхъ!

— Я, ваша милость, не то, чтобы самъ, — отвѣтилъ, кланяясь, Сашка: а люди, помилуйте, сказывали.

— То-то люди! самъ гдѣ-нибудь увидѣлъ стадо коровъ, либо свиней... ну, съ пьяныхъ глазъ и струсилъ, небо съ овчинку показалось!

— А и впрямь, ребята, можетъ такъ! молодецъ баринъ! — разсмѣялась, расходясь, толпа: и въ-заправду Сашка, можетъ, видѣлъ свиней...

Все общество Алексѣй засталъ въ гостиной. Поздоровавшись съ Варварой Ивановной и съ прочими, онъ подсѣлъ къ Серафимѣ, шепнулъ ей, чтобъ она не выдала того, что услышитъ, и наскоро передалъ ей о полученныхъ извѣстіяхъ.

— Такъ это правда? — спросила, помертвѣвъ, Серафима.

— Болѣе я не сомнѣваюсь, будь готова, — сегодня въ ночь мы ѣдемъ, — сказалъ Алексѣй, съ чашкой чая, пересаживаясь къ общему столу.

— Какое чудное утро! — сказалъ онъ, спокойно оглядывая всѣхъ: не жарко, вѣтерокъ... Вотъ бы всею компаніей проѣхать въ городъ.

— Quelle idée! — поморщилась Туровцова: то разбойниковъ ждуть, а то вдругъ кататься по лѣсамъ.

— Не пугайтесь, mesdames, никакихъ разбойниковъ; но не дурно бы снова справиться. Вонъ Травкинъ опять пишетъ.

— Охъ, ужъ этотъ вашъ Травкинъ, — вздохнула Туровцова: надоѣлъ онъ, какъ горькая рѣдьба.

— Получено, однако, письмо и отъ Марі.

— Что же она будетъ наконецъ?

Алексѣй помолчалъ.

— Нѣтъ, не будетъ, — сказалъ онъ.

— Почему?

— Боится; и всёмъ совѣтуетъ отсюда уѣзжать.

Туровцова подняла глаза къ потолку и стала искать въ ридикюль и карманахъ флаконъ, съ нюхательнымъ спиртомъ.

— Прочти, что пишетъ Марі, — обратилась къ мужу Серафима, подавая крѣстной лежавшей на столѣ флаконъ.

Алексѣй прочелъ вслухъ письмо Марі, потомъ и письмо Травкина. Лица всѣхъ вытянулись и поблѣднѣли.

— А опасности, по-моему, все-таки, никакой нѣтъ, — сказалъ Алексѣй: вы не хотите ѣхать, съѣзжу, пожалуй, снова я одинъ и все разузнаю. Если же хотите окончательно успокоиться, я совѣтовалъ бы, не долго думая, собраться, да всёмъ на время и переѣхать въ Казань. Это, во-первыхъ, городъ, а не деревня, во-вторыхъ, тамъ и войско и полиція подъ бокомъ... Бережёнаго Богъ бережетъ, да и губернаторъ почти пріятель.

Всѣ на это промолчали.

— Вы кончили? — спросила Варвара Ивановна, обращаясь къ Алексѣю.

— Кончилъ... это мое искреннее мнѣніе.

— И отлично! — сказала Туровцова, надвѣвъ очки и глядя сквозь нихъ на Алексѣя: вы, Alexis, можете хитрить и дипломатничать, какъ знаете; скажу прямо, я вашу стратеѣму проникла. Не возражайте, — вы въ глубинѣ души считаете меня неправой и находите, что отсюда прямо надо бѣжать... А я вамъ отвѣчу, — отправляйтесь изъ этихъ мѣстъ, съ Божьей помощью, куда знаете, я же отсюда, — прибавила Варвара Ивановна, оглядывая гостиную: и вообще изъ этого дома — ни ногой... да, да, ни ногой!

III.

Туровцова сказала это такъ рѣшительно и съ такимъ достоинствомъ, а высокая, съ зеркалами, бронзами и портретами императорской фамиліи и предковъ, гостиная такъ весело освѣщалась солнцемъ сквозь вѣтви столѣтнихъ деревьевъ, что всѣ невольню

подумали: «Да, эта стойкая и властная, подобная гордой львицѣ, хозяйка не покинетъ этого дома и спокойно останется здѣсь».

— И что вы въ самомъ дѣлѣ думаете,—продолжала старуха: неужели вашъ этотъ Тамерланъ и Чингизъ,—excusez du peu, какъ вы его называете,—осмѣлятся, съ своими бунтовщиками, проникнуть сюда и тронуть меня или васъ?... А мои-то здѣшніе подданные? Развѣ они выдадутъ меня? Ея величество, для ободренія края, назвала себя казанскою помѣщицей. Она сдѣлала этимъ честь намъ, да скажу прямо—и себѣ самой... Я же изстари, отъ предковъ, здѣсь, въ селѣ, помѣщица, тоже царица... У меня тутъ три тысячи душъ и изъ нихъ чуть не полторы тысячи здоровыхъ и крѣпкихъ хранителей. Я ихъ не тиранила, я заботилась о нихъ, холила и лѣдила ихъ по всѣ дни. Въ голодъ, сударь, сама толокѣнная лепешки, да блины изъ лебеды съ ними ѣла, а ихъ дѣтишекъ и женъ отъ цынки въ собственныхъ моихъ хоромахъ лѣчила и кормила... такъ имъ бунтовать, за душегубами идти? Дронюшка, а Дронь!—крикнула Туровцова, увидя въ залѣ слугу Алексѣя, поливавшего изъ лейки на окнахъ цвѣты: иди, рассказывай имъ... да святую правду... Ты не здѣшній, сторонній, говори, что слышалъ.

— Что приказать изволите, ваше превосходительство?—спросилъ Дронь, остановясь у двери.

— Говори, любятъ меня, почитаютъ мои мужики?

— Какъ не любить свою, то-есть, благодѣтельницу и мать! Одно слово, всѣ ваше превосходительство хвалятъ.

— Слышите? А тѣснила я ихъ? Обижала въ чемъ-нибудь?

— Что вы, матушка, да когда же? Глаза лопни, ничего не слыхалъ, какъ есть.

— Ну, а защитятъ они меня, если бы, на случай, эти изверги... ну, вздумали бы прійти сюда?

— Животъ, милосердная, положить, дубинами всякаго избьютъ... самому мнѣ, глаза лопни, похвалялись...

— Vous voyez?—съ торжествомъ оглянула всѣхъ Туровцова: ну, иди себѣ, Дронь, благодарю... Филиппычу и другимъ прикащикамъ уже велѣно, а ты моимъ именовъ еще подтверди, чтобъ созвали сейчасъ всѣхъ сотскихъ и старостъ и поставили бы, съ вечера, караулы, съ дубинами, а то и съ ружьями,—охотниковъ у насъ не мало,—вокругъ деревни и выселковъ, на дорогѣ и у двора. Понялъ?

— Все, матушка, понялъ,—отвѣтилъ, уходя, Дронь.

— А вы, господа, какъ знаете,—заклчила, вставая, Туровцова: завтра я пойду къ обѣдни, помолимся, закусимъ,—много гостей, въ виду такихъ слуховъ, пожалуй, въ правду, и не ждатель,—помор-

щилась старуха: можете ѣхать, куда угодно, — въ Казань, въ Горки, хоть въ Москву; я же, съ Божьимъ благословеніемъ, останусь здѣсь.

Съ уходомъ Варвары Ивановны, Алексѣй, Серафима и прочіе домочадцы сперва помолчали, потомъ стали толковать: «Неужели же такъ и оставить здѣсь старуху? И что, если ѣздовой Сашка, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ правду?» — Передъ обѣдомъ рѣшили снова послать, для болѣе точныхъ развѣдокъ, вѣрнаго нарочнаго въ Казань. Алексѣй, тѣмъ временемъ, на всякій случай, настоялъ на окончательной укладкѣ. Серафима, съ горничной, не только собрала, но и упаковала послѣднія изъ имѣвшихся своихъ и дѣтскихъ вещей. Оставалось только вынести все это въ стоявшіе у крыльца экипажи. Лошади Дугановыхъ, съ обѣда, ѣли кормъ въ хомутахъ.

Обѣдъ и вечерній чай прошли невесело. Всѣ, съ видимымъ смущеніемъ, нетерпѣливо ожидали вѣстей изъ города, куда Алексѣй Андреевичъ написалъ обстоятельныя письма не только къ губернатору, но и знакомому полиціймейстеру. — «Разъясните, наконецъ, — спрашивалъ онъ ихъ: вѣрны ли дошедшіе до насъ слухи, будто злодѣй уже невдали отъ Казани, и не уѣхать ли намъ, для спокойствія, изъ этихъ мѣстъ?»

Солнце склонилось къ закату. Посланный съ письмами «вѣрный развѣдчикъ» еще не возвращался. — «Написали бы вы только губернатору, — вскользь замѣтила за чаемъ Варвара Ивановна Алексѣю: онъ экспедитивнѣе и отвѣтилъ бы сейчасъ, а полиціймейстеръ порядочный суета, и гдѣ его тамъ найдутъ, въ постоянномъ шныряніи по городу?» — Не менѣе другихъ томясь неизвѣстностью, но скрывая это, Туровцова, рапѣе обыкновеннаго, велѣла подавать ужинъ и, не дождавшись конца его, встала, подъ предлогомъ усталости, простилась со всѣми и ушла къ себѣ.

Стемнѣло. Всѣ въ домѣ и флигеляхъ улеглись. Настала общая тишина. Часы съ музыкой, нѣжнымъ пѣвучимъ звономъ, пробили въ залѣ девять, десять и одиннадцать. Въ окна замолкшаго дома изъ сада глядѣла тихая, звѣздная ночь. Караульные, во дворѣ, на деревнѣ и за садомъ, били въ чугунныя доски. Скоро и они утомнились. Заснула деревня, какъ и барскій дворъ.

Туровцова не спала. Изъ-за бѣлаго, кисейнаго полога, ей была видна ея просторная, уставленная коммодами и канапé, опочивальня, съ лампадкой, горѣвшей у образовъ. Передъ огнями чуть шевелились въ темнотѣ верхушки деревьевъ.

«И неужели, наконецъ, это правда?» — невольно раздумывала въ постели Туровцова: «неужели и въ самомъ дѣлѣ надо бросить

этотъ уголь, родное гнѣздо предковъ, и бѣжать, спастись, — отъ кого? — отъ горсти бунтующихъ, подбитыхъ какимъ-то казакомъ, мужиковъ? И этотъ домъ, эти комнаты, мебель, картины и гобелены — все, нажитое дѣдами и отцами, можетъ достаться разъяренной черни, будетъ разграблено и истреблено? И за что?... Я здѣсь бѣгала дѣвочкой, росла; ставъ законной владѣлицей вотчинъ, я заботилась о подданныхъ, была имъ матерью, праведнымъ судией, защитницей и другомъ. Неужели же эти самые люди, среди которыхъ я выросла, въ случаѣ нападенія на меня, не станутъ за меня грудью, не защитятъ своей благодѣтельницы и госпожи? Быть не можетъ! Въ дѣтствѣ рассказывали няни, — пращуръ нашъ, при Стенькѣ Разинѣ, былъ спасенъ своими подданными... Они спрятали его въ стогъ сѣна и, какъ ни грозилъ имъ Стенька и его клеветы, не выдали его. Пугачовъ принялъ имя покойнаго государя; но у правительства много войска и силы, и злодѣя навѣрное скоро уймуть. Alexis не понимаетъ сути дѣла, а она такъ проста. Для слѣпой, глухой черни самозванецъ — истинный царь. Чтобы повластвовать, хотя не-надолго, хоть на-короткѣ, онъ истребляетъ главныхъ своихъ противниковъ — офицеровъ, чиновниковъ, духовенство и дворянъ. Говорятъ, народъ исполняетъ его казни; но онъ это дѣлаетъ не потому, что и самъ онъ будто-бы кровожаденъ или имѣетъ причину мстить, — а потому, что ему это приказываетъ мнимый, для него же настоящій государь. И что они толкуютъ? крестьяне вонъ, со слезами, не изъ одного села, везли къ этому извергу своихъ помѣщиковъ и ихъ семьи, говоря: «Вы намъ отцы родные! да что дѣлать, надо слушаться, — приказываетъ самъ царь!» — Ихъ сбиваютъ... Я-же проповѣдниковъ, возмутителей къ себѣ не допущу... у меня своя полиція, — не посмѣютъ, буду въ оба смотрѣть... У правительства достаточно войска; Казань укрѣплена, а губернаторъ клялся, что злодѣй не посмѣетъ сюда. И, разумѣется, онъ, какъ честный, заботливый человекъ, извѣститъ, коли что...» — Съ этими мыслями Туровцова закрыла глаза и стала дремать.

Что-то неожиданно разбудило ее. Она взглянула по комнатѣ. Поверхъ деревьевъ какъ бы что-то свѣтилось. Сперва старухѣ показалось, что это всходитъ мѣсяцъ; но тутъ же она сообразила и вспомнила, что мѣсяцъ въ это время, надъ садомъ, поднимался, нѣсколько лѣвѣе, именно къ сторонѣ гостинаго балкона. — «Не начинается ли разсвѣтъ? — подумала она: нѣтъ, не можетъ быть, — съ полчаса назадъ часы явственно прозвонили полночь и я, помню еще, сама считала ихъ бой». — Полоса свѣта надъ деревьями изъ блѣдно-розовой становилась красною и поднималась выше и выше. — «Что

же это, однако? не пожаръ ли?—спросила себя Туровцова, спустивъ ноги съ кровати и отыскивая ими на коврикѣ туфли: надо разбудить прислугу, послать справиться, гдѣ это, у насъ или сосѣдей? Какъ бы къ сторонѣ Волги,—у Воейковыхъ, какъ будто, или Ильиныхъ,—село горить, или лѣсъ?...

Туровцова встала, набросила на плечи ночной бѣлый коготь, оправила на головѣ чепецъ и взяла бронзовый канделябръ, стоявшій на туалетѣ, у ея изголовья.—«Пройду къ Аринушкѣ,—подумала она о главной своей прислугѣ, старой ключницѣ, спавшей въ особой коморкѣ у буфета: она разумная, не подниметъ, съ просонья, лишней тревоги и суеты». — Варвара Ивановна, проходя къ лампадкѣ, чтобы зажечь канделябръ, невольно взглянула на окна. Зарево захватило уже чуть не половину неба. До слуха Туровцовой дошли странные звуки, но не снаружи, а точно кто-либо ходилъ по корридору или въ гостиной. — «Должно быть, проснулась Аринушка, прошла въ дѣвичью» — рѣшила Варвара Ивановна. Но въ это время, какъ бы подъ чьею-то ногой, треснула половица. Звукъ донесся изъ залы. — «Ахъ, такъ и есть, Арина побудила горничныхъ, и зачѣмъ?—подумала старуха: точно не знаетъ ихъ; еще даромъ разбудятъ и напугаютъ Серафиму и дѣтей!» — Туровцова зажгла свѣчи, накинута себѣ на шею фуляровый платокъ и, съ канделябромъ въ рукахъ, тихо отворила дверь въ гостиную. Она ступила за порогъ и остолбенѣла. Канделябръ чуть не выпалъ изъ ея рукъ.

IV.

По освѣщенной залѣ двигались, съ поглажей, слуги. Ими распоряжался встревоженный Алексѣй. Одѣтая въ дорожный капоръ и манти, блѣдная Серафима сидѣла у двери гостиной на стулѣ, держа младшаго изъ дѣтей на рукахъ, а двухъ другихъ, также дремавшихъ,—у своихъ колѣнъ. Толстая, подслѣповая, съ непокрытой сѣдою косичкой, Аринушка стояла поодаль, глядя въ зальныя окна на зарево, полыхавшее надъ садомъ.

— Серафима, да что же это?—въ ужасѣ вскрикнула Туровцова, медленно выступая отъ двери спальни на середину гостиной.

— Ахъ, шатап, — отвѣтила Серафима, передавъ дѣтей Аринушкѣ и со слезами припадая къ плечу крѣстной: великое горе! мы все готовили, чтобы вамъ рассказать и предложить... ахъ, родная! Пугачовъ дѣйствительно подступилъ къ Казани и... зажегъ ее. Городъ съ вечера горить со всѣхъ сторонъ.

Туровцова опустила канделябръ на столъ и молча перекрестилась. Ее окружилъ.

— Кто привезъ это извѣстiе? — спросила она.

— Посланный не возвратился изъ города, — онъ либо попался въ плѣнь или погибъ, — отвѣтилъ Алексѣй: я передъ вечеромъ послалъ другаго, этотъ даже не доѣхалъ, къ городу уже нѣтъ доступа.

— Тимошка братнинъ впервые ѣздилъ, ой-ой! — захныкала Ари-нушка: убили, видно, тамъ, извели!... Конецъ всѣмъ, конецъ пришелъ.

— Да полно, Арина, не смущай глупостями! — сказалъ Алексѣй, подвигая Туровцова кресло: садитесь, Варвара Ивановна, и прежде всего, ради Бога, успокойтесь.

— И съ чего ты взялъ, что я беспокоюсь? — отвѣтила Туровцова, оглядываясь и ища въ карманахъ свои очки.

Ей подали ихъ.

— Я ни мало не встревожена, — продолжала Туровцова: а только удивлена. Творится что-то непонятное. Дарьюшка, Гаша, дайте мнѣ шаль; тутъ что-то свѣжо. А ты, Alexis, говори, — что это вы затѣяли?

— Ъхать надо, вотъ что! — сказалъ Алексѣй: мимо насъ съ вечера уже проѣхали Писаревы, Татищевы, Шеншины; дорога вправо и влево полна бѣгущими изъ Казани. Мы, Варвара Ивановна, только ждали конца укладки, чтобы васъ не тревожить даромъ и разбудить, когда все будетъ уложено, и наше, и ваше. Все готово; лошади запряжены, надо ѣхать. Позванъ и священникъ, для напутственнаго молебна.

— Ъдемъ, сѣге шапан, одѣвайтесь, не медлите, — сказала, плача, Серафима: долго ли вамъ собраться?

— Служите, мои милые, молебенъ! что же, Господь вамъ поможетъ! — отвѣтила Туровцова, кутаясь въ шаль: и я охотно помолюсь съ вами, но ѣхать — не поѣду.

— Бабенька, не бросай насъ! — закричали старшія дѣти Серафимы, вырываясь отъ матери и подбѣгая къ старухѣ: въ нашей каретѣ поѣдемъ; наша просторная, и Филать на козлахъ, — будешь намъ говорить сказки, а у насъ варенье и все...

— Спасибо, дорогія, и у меня карета и варенье, — отвѣтила Туровцова, нѣжно обнимая и цѣлуя дѣтей: ну, можно ли разстаться съ такими прелестными крошками, и есть же еще на свѣтѣ такія наслажденія! Поѣзжайте, дѣти, я подожду и васъ непременно догоню.

— Mais, de grâces, шапан, au nom de Dieu, — сказала Серафима, подсѣвъ къ старухѣ и всячески стараясь убѣдить ее не медлить.

— Да у меня дѣла, помилуйте, расчеты... Я остаюсь, а вы, — что же? — поѣзжайте, съ Богомъ. Все ли у васъ готово? Эй, кто

туть? Позвать Филиппыча... Не простудите только ночью дѣтей. Деньги есть ли у васъ на дорогу? припасли ли мелочи?

— Есть, благодаримъ.

— И куда же это вы рѣшили? въ Горки?

— Нѣтъ, туда уже опасно, — въ Москву.

— На Арзамасъ и Рязань?

— Да, на Рязань.

— Ну, Господь съ вами! помолимся, пойдёмъ!

Туровцова вышла со всѣми въ залу.

Отслужили молебенъ. Отецъ Гарвасій окропилъ всѣхъ святою водою. Слуги, крестясь, растерянно смотрѣли изъ коридора, буфета и прихожей на отъѣзжавшихъ. Серафима съ чувствомъ склонилась на грудь крестной.

— Благословите, родная, насъ и дѣтей, — сказала она, отирая слезы.

— Господь вамъ да поможетъ, — произнесла Туровцова, крестя Серафиму, ея мужа и дѣтей: не сомнѣваюсь, доѣдете благополучно, — а тамъ, даю слово, двинусь и я. Не въ Рязани догоню, увидимся въ Москвѣ. Благодарю за посѣщеніе... Ну, садемъ же, по обычаю, — заключила Варвара Ивановна, первая сѣвъ на стулъ и кивая Аринушкѣ и прочимъ, чтобъ и тѣ сѣли.

Господа и слуги размѣстились по стульямъ.

— А теперь съ Богомъ! — произнесла, вставая, Туровцова: кто васъ провожаетъ изъ нашихъ? безъ нашего советесь съ пути.

— Дронъ отлично знаетъ дорогу, — сказалъ Алексѣй: онъ не разъ отсюда ѣздилъ съ нами въ Москву.

— И отлично, смотри же, Дронъ, въ оба, береги господь... Кормить будете въ Курмышѣ, — зайди къ воеводѣ и кланяйся; скажи, его подарокъ — чайныя розы — здравствуютъ... повидимся вскорѣ, отблагодарю сама, — а нашимъ, молю, прошу во всемъ пособить.

Всѣ стали прощаться и медленно вышли на крыльцо. У подъѣзда стояли, съ зажжёнными фонарями, готовые въ путь экипажи. Слуги стали подсаживать въ карету и коляску господь и дѣтей. Одѣтый по-дорожному, у дверецъ кареты, стоялъ, безъ шапки, важный и почтительно нахмуренный Дронъ.

— Отъ Курмыша на Пензу? — спросилъ онъ, обращаясь къ барину: или прямо, на Москву?

— Поѣдешь, куда велятъ, — отвѣтилъ Алексѣй.

Дронъ молча захлопнулъ дверцу, подтянулъ на себѣ поясъ и взлѣзъ на козлы.

— Провизіи взялъ ли? — спросила его Туровцова.

— Все взяли, — отвѣтили, уже невидимый на козлахъ, Дронь.

— Ну, съ Богомъ! — объявила Варвара Ивановна, крестя съ крыльца тронувшіеся экипажи.

Гремя колесами и тяжело переваливаясь кузовами, карета шестерней и коляска четверкой медленно выѣхали за ворота. Стукъ рессоръ нѣсколько времени слышался за садомъ. Прогрѣвъ въ каменной настлѣкъ мельничной запруды, экипажи выѣхали на большую дорогу и затихли.

— Ну, дастъ Господь, доѣдутъ благополучно, — сказала Варвара Ивановна, въ сопровожденіи Филиппыча и Аринушки, возвращаясь въ домъ: ступай, Филиппычъ, посмотри, вездѣ ли на мѣстахъ стража?

— А какъ же на завтра? — спросилъ Филиппычъ.

— Скажи священнику, я буду, какъ всегда, къ ранней обѣднѣ... Все, что велѣно гостовать, готовьте. На счетъ же всего прочаго, призову утромъ и распорядюсь.

Туровцова прошла снова въ спальню. Слуги и служанки, погасивъ въ домѣ свѣчи, также разошлись по своимъ угламъ. Въ наставшей тишинѣ слышались только постукиванья въ доски разбуженныхъ Филиппычемъ сторожей. Кухонный мужикъ, въ сѣрой курткѣ, вышелъ на крыльцо поварни, глядя на яркое зарево, по прежнему стоявшее надъ садомъ. — «О, Господи! — подумалъ онъ: Царица Небесная! кому конецъ? намъ ли, или господамъ? воля или та же неволя, да еще хуже?» — Надъ садомъ что-то громко бухнуло отъ Казани и гулко пронеслось къ мельницѣ, по рѣкѣ. За первымъ звукомъ раздался еще громче и раскатистѣе второй. — «Палить! пушки стрѣляютъ!» — подумалъ, крестясь, мужикъ: «онъ ли бьетъ по городу, его ли гонять оттоль?»

Возвратясь въ спальню, Варвара Ивановна оправила лампадку передъ образами, перекрестила комнату, погасила свѣчи, раздѣлась и легла въ постель. Звуки выстрѣловъ остановили было ея вниманіе. — «Наконецъ, догадались, — подумала она: стрѣляютъ по злодѣямъ, на утро имъ конецъ... А ѣхать, пожалуй, надо. Все устрою завтра и двинусь. Одной, дѣйствительно, неловко въ такой смутѣ; да могутъ даромъ и напугать». — Часы въ залѣ прозвонили, съ обычною трелью, два часа, потомъ три... Туровцова болѣе не слышала ихъ колокольчиковъ; она крѣпко заснула.

Настало утро, день рожденія Варвары Ивановны. Съ первымъ звономъ колокола, она встала, одѣлась въ лучшее свое платье и, спросивъ у прислуживавшей ей Ариши, все ли готово для пріема гостей, съ обычною торжественностью, въ сопровожденіи ключни-

цы и главныхъ горничныхъ, несшихъ надъ нею зонтикъ, а въ рукахъ вѣеръ, платокъ и ея накидку, отправилась къ обѣднѣ.

Церковь уже была полна народомъ. Кромѣ своихъ, туровцовскихъ, пришло немало и чужихъ, окрестныхъ крестьянъ и крестьянокъ, всегда помнившихъ этотъ день и шедшихъ сюда поздравить генеральшу и вкусить ея щедрыхъ угощеній. Туровцова стала на особый, новый коврикъ, слѣва у алтаря; справа, возлѣ влироса, она увидѣла нѣсколько мелкопомѣстныхъ, всегдашнихъ своихъ посѣтителей, изъ сосѣднихъ дворянъ и дворянокъ. Перекрестясь и поклонившись, при входѣ, налево и направо, Варвара Ивановна мысленно сосчитала прибывшихъ посѣтителей: ихъ, съ стоявшимъ впереди, отставнымъ полковникомъ-старикомъ, въ пудрѣ и косѣ, съ подвязанною, раненою рукой, было всего семь человекъ. — «Немного!» — подумала, вздохнувъ, Туровцова: «ни Щетинныхъ, ни Чоголовыхъ! хороши!... но авось еще подѣдутъ». Старуха, впрочемъ, тутъ же утѣшилась: отецъ Гервасій, въ розово-золотой, глазетовой ризѣ и фіолетовой, бархатной камилавкѣ, полученной имъ, благодаря генеральшѣ, служилъ такъ благоговѣйно и чинно, а вновь отдѣланный заботами хозяйки храмъ, благоухая ладаномъ, смирной и живыми розами и левкоями, такъ сіялъ рѣзьбой, обновленною живописью и хрусталемъ паникадилъ, и поданные Варвары Ивановны, въ то же время, такъ усердно молились, крестясь и кланяясь, въ клубахъ кадильнаго дыма, что Варвара Ивановна даже прослезилась и, въ умиленіи, прошептала: «Господи! за что же мнѣ, грѣшной и недостойной рабѣ, все радостное сіе?»

Послѣ обѣдни, былъ отслуженъ молебенъ, съ водосвятиемъ, и провозглашено, подхваченное хоромъ пѣвчихъ, многолѣтіе строительницъ и благодѣтельницацъ храма. Отецъ Гервасій, при этомъ, сказалъ краснорѣчивое слово, съ чувствомъ воскликнувъ въ концѣ его: «О, сколь поучительно, братіе, сколь радостно видѣть намъ, что въ оное время, когда міръ земной мятѣтся и наша брменная персть обуревается, готовая изныть отъ надвигающихся на насъ смертныхъ страховъ и ожиданій, — она, благодѣтельница сей Господней, тихой храмины, спокойно предстоить здѣсь, передъ Творцомъ и ближними, во всеоружіи вѣры, благой надежды и непоколебимой великости своей души! Помолимся, братіе, за нее!» — Вся церковь молилась, творя земные поклоны.

Варвара Ивановна, отирая слезы и набожно потушась, тихо вышла изъ церкви, сопровождаемая домочадцами и гостями. Главный барскій дворъ, тѣмъ временемъ, былъ устланъ скатертями и

цвѣтными портищами. На нихъ разложили нарѣзанные ломти караваевъ и уставили миски, тарелки и кѣхвы, съ дымящимися яствами. Народъ усѣлся на доскахъ и на травѣ, вокругъ портищъ и скамеекъ. Священникъ благословилъ трапезу. Туровцова нѣкоторое время, съ параднаго крыльца, смотрѣла въ лорнетъ на обѣдающихъ среди двора, затѣмъ, съ малымъ, общимъ поклономъ, пригласила въ домъ сосѣдей и духовенство. Угостивъ ихъ роскошною закуской и винами и выпивъ сама только небольшую, японскую чашечку зеленого чая, съ бисквитами, она взяла зонтикъ и перчатки и, въ сопровожденіи священника, снова вышла во дворъ.

Нѣсколькимъ стамъ трапезующихъ здѣсь уже были, подъ наблюдениемъ Филиппыча, не по одному разу, поднесены медъ, пиво и разныя водки. Языки у всѣхъ развязались. Веселый, громкій говоръ несся изъ густыхъ рядовъ крестьянъ. Красные отъ вкусной ѣды и обильной выпивки, мужики и бабы, не слушая другъ друга, горланили, размахивая руками; нѣкоторые цѣловались другъ съ другомъ и, поднявъ шапки, затягивали пѣсню:

«Малинушка... распрекрасная... ой, сморо-о-дина...»

Барвара Ивановна, съ лорнетомъ у глазъ, благосклонно подошла къ обѣдающимъ.

— Все ли вамъ, ребята, подано?—спросила она: довольны ли вы?

— Благодаримъ, матушка... разлюбезная... во-какъ, то-есть, благодаримъ!

— А ты, Уляша, —обратилась съ улыбкой Туровцова къ одной изъ бабъ, служившей у нея когда-то въ горничныхъ: ты одна, а гдѣ же твой мужъ?

— Мы, сударыня, ваши, то-есть, подневольныя, — отвѣтила совсѣмъ опьянѣвшая Уляша, оправляя съѣхавшую съ головы на затылокъ кичку: одно слово, рабскія рабыни!... ну, іонъ, —выходить, Пѣтра, —и голодаетъ, потому больше около тваво стада... тѣ бражничаютъ, имъ что! а приказные тиранятъ его, да и ты, правду сказать, поѣдомъ ѣшь его, вотъ что!

— Что ты, что ты, кувалда!—замахали на бабу сосѣди и сосѣдки: экъ, надрызгалась, чортова глотка, замолчи!

— Почему молчать? намъ тоже съ господами антиресно!

— Ты прости ее, мать-государыня, —сказалъ, поднявшись съ травы и цѣлуя руку барыни, худой, какъ шесть, и блѣдный, недавно умиравшій отъ лихорадки, а теперъ также пьяный, лѣсовщикъ Тихонъ: что бабу слушать, —она одна сырость и дрянь!... а мы, то-есть, всѣ за тебя, родимая, какъ одинъ... вотъ какъ, грудь! преположимъ животы!

— Всѣ, всѣ! — оглушительно кригнули ближніе и дальніе изъ рядовъ.

Священникъ нагнулся къ Туровцовой.

— Извольте видѣть, ваше превосходительство, какъ преданъ вамъ народъ, — сказала онъ ей, въ полголоса, оправляя изъ голубой рясы свои бѣлыя, полныя руки: еще намедни была у нихъ сходка, — съ дрекольемъ, говорятъ, съ топорами, коли что, а мы ужь своей владѣлицы не выдадимъ.

— Всѣ, матушка милосердная, поголовно всѣ! — продолжали кричать мужики и бабы, поднимаясь отъ скатертей и шумною толпой окружая барыню.

V.

Туровцова рукой дала знакъ, чтобъ помолчали. Отецъ Гервасій тоже махнулъ шляпой, что барыня, молъ, хочеть имъ говорить. Всѣ мигомъ стихли.

— Вотъ что, милые мои, — сказала Варвара Ивановна, принимая отъ глазъ лорнетъ и странно, подслѣповато, поѣтому, глядя на толпу: вы знаете, слышали вѣроятно, что злодѣй, именующій себя государемъ, пришелъ и въ наши мѣста... говорятъ, что онъ будто уже и возлѣ Казани.

— Что-жь, коли его царское величество, значить, къ намъ, — начала было пискливо и развязно въ толпѣ другая баба, изъ сосѣдскихъ.

— Шш! нишкни, колъ те въ ротъ! — закричали на нее свои и чужіе мужики, отпихивая ее въ задніе ряды.

— Такъ вотъ, еслибы этотъ злодѣй Пугачовъ, — продолжала, не обративъ вниманія на дерзкую, Туровцова: еслибы онъ вздумалъ въ наши мѣста, сюда, — какъ, скажите, поступили бы вы?

Толпа молчала. Одни умильно и жалобно, какъ бы ожидая чего-то трогательнаго, смотрѣли прямо въ ротъ Варварѣ Ивановнѣ; другіе, сопя носомъ и глядя въ землю, вертѣли въ рукахъ шапки.

— Да вы скажите, чада мои, — вмѣшался, крикнувъ, священникъ: въ случаѣ чего, Боже упаси, будете ли вѣрны, то-есть, своей благодѣтельница, станете ли ее защищать?

— Всѣ, одно слово, всѣ! — дружно крикнула опять толпа: да какъ ему, окаянному, ироду, посмѣтъ? да мы его, матушка, шапка-ми! ни въ жизнь, то-есть, не пустимъ сюда.

Туровцова пристально оглянула окружавшихъ ее. Лица всѣхъ были такъ искренни и такъ преданно-добродушно смотрѣли на нее, что она радостно вздохнула.

— Спасибо вамъ, ребята!—сказала она, кланяясь: *дайте имъ еще вина! пейте на здоровье, веселитесь!*

Варвара Ивановна спокойно возвратилась въ домъ. Время до обѣда прошло въ бесѣдахъ съ гостями. Нѣкоторые изъ сосѣдей, робко оглядываясь, начали было говорить, что вотъ отецъ Гервасій вѣрно выразился о тяжкихъ и смутныхъ временахъ, что *Казань дѣйствительно, по слухамъ, осаждена, уже второй день, городъ горитъ, и какъ бы непрощенные гости не нагрянули изъ-за Волги и ближе?*

— Полноте, государи мои,—возразилъ раненый полковникъ, глянувъ въ садовое окно гостиной, въ которой всѣ сидѣли: дымъ нонче сталъ куда меньше, пожаръ, по видимости, гасятъ и, *можетъ, уже погасили; а нешто злодѣевъ такъ и пустятъ, куда они захотятъ?* Прежде всего надо супостатамъ разбить въ баталіи регулярныя наши войска,—чего еще, благодаря Бога, съ нами не случилось,—а потомъ перейти по сю сторону Волги. Гдѣ имъ, сермяжникамъ, взять судовъ, да и кто ихъ пропуститъ?

Всѣ благодарно взглянули на полковника. Пригласили всѣхъ въ столовую. Обѣдъ прошелъ чинно, но нѣсколько натянуто.

— Хоть насъ и мало сегодня, — сказала Туровцова, грустно оглядывая гостей: пейте, дорогіе, кушайте во здравіе! Филиппычъ, подливай шампанскаго! мальвазіи сюда! полковнику—венгерскаго.

За обѣдомъ пѣли пѣвчіе, а во время тоста за хозяйку, во дворѣ раздались выстрѣлы изъ мѣдныхъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ. Послѣ обѣда гости съ хозяйкой гуляли по саду. За вечернимъ чаемъ, на садовомъ балконѣ, Варвару Ивановну вызвали на парадное крыльцо, во дворъ. Сюда собрались старыя и молодыя краснокутскія бабы, съ курами, подситками яицъ, пряжей и отрѣзками холстовъ,—обычными отдариваніями барынѣ за щедрое угощеніе того дня.

— А Уляша и не пришла?—улыбнулась Туровцова, милостиво принимая подношенія дарительницъ и давая имъ цѣловать свою руку.

— Вѣстимо, родимая, стыдно ей!—скалили зубы еще краснотлицыя, отъ обѣденныхъ питій, бабы: не гнѣвайся на скалдырницу, забудь!

— Она безъ ногъ, въ погребу свекрухи, спитъ! что ей, кобылѣ, станетъ!—хохотали, утираясь, дарительницы.

Варвара Ивановна сказала нѣсколько словъ стоявшему возлѣ нея Филиппычу. По его знаку, изъ-за угла дома, вышли деревенскіе музыканты, съ балалайками и бубнами. Ключникъ съ подвальнымъ, въ то же время, выкатили изъ погреба новыя боченки, съ медомъ и пивомъ. Раздалось трѣнканье балалаекъ. Пожилыя бабы

взмахнули платнами, молодья взялись подь бока. Изъ кухни и служительскаго флигеля высочили парни, и всё пустились въ плясъ.

Варвара Ивановна и ея гости долго не сходили съ крыльца, любуясь весельемъ народа, пляски котораго, съ наступленіемъ темноты, смѣнились пѣснями. Когда дворецкій доложилъ, что готовъ ужинъ, Туровцова провела гостей въ столовую и усадила ихъ, но сама извинилась, что не останется съ ними. — «Стара я стала, — сказала она, откланиваясь: будьте, какъ дома; что всякому что нужно, требуйте, а я наморилась, простите, уйду!»

Удалась въ опочивальню, она выслала оттуда горничныхъ и велѣла позвать къ себѣ прикащика.

— Что, Филиппычъ? — спросила Туровцова, когда онъ вошелъ и сталъ у трюмъ, за которымъ она кончала ночной туалетъ: есть ли новыя слухи о Казани? возвратился ли посланный къ губернатору?

— Посланнаго, сударыня, еще нѣтъ, а пожаръ уменьшается, видно и отсель, мало уже огня.

— Погасили, стало быть?

— Нечему, видно, больше горѣть! — отвѣтилъ, со вздохомъ, Филиппычъ: нефѣдовскіе давеча проѣхали, — сказываютъ, выгорѣли не только слободы, и весь городъ до самаго Кремля.

— Ну, а этотъ... ихній царь, гдѣ онъ? — спросила Туровцова.

— Тамъ же, слышно, въ лагерьъ, подь городомъ.

— Ты же отъ себя посылаешь провѣдать?

— Что даромъ-то посылать! Второй и третій гонецъ, тамъ же, въѣдъ, остались.

— Остались? да какъ они смѣли? — спросила, обратясь къ прикащику, Туровцова: или ты нестрога приказывалъ?

Филиппычъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Охъ, милостивая, какъ не приказывать? Только понче, не во гнѣвъ вамъ будетъ сказано, такое тутъ и кругомъ дѣется, такое... И что у нихъ, вражьихъ сыновъ, на умъ, не поймешь!

— О чемъ ты это?

— Какъ о чемъ? отъ кабака народа никакъ не отженѣшь; вся слобода, почитай, тамъ вторыя сутки, толкуютъ неподобное, орутъ, а подойдешь, какъ воды въ ротъ набрали, ни словечка тебѣ, ни намека.

Туровцова встала отъ трюмъ.

— Завтра чтобъ все было готово, — сказала она: когда выѣду, еще не знаю, но можетъ быть въ скорости... даже и завтра...

— И давно, матушка, пора, — отвѣтилъ Филиппычъ: мадо ли что можетъ выйти! опять же подозрительный человекъ понче на-

ѣзжалъ сюда, — привозилъ какую-то бумагу, будто бы манифестъ... я къ нимъ, грозилъ, — не говорить... всё — какъ опалѣли!

— Манифестъ? — встревожилась Туровцова: это новости!... а какъ, полагаешь, далеко ли наши уѣхали за сутки!

— Лошади у Алексѣя Андреевича рѣзвые, отдохнули... версть за сто, пожалуй, коли не болѣе, будутъ ночевать.

— Ну, иди съ Богомъ, — закончила Варвара Ивановна: обойди только, получше осмотри нашу полицію, — не пьянъ ли кто изъ сторожей? а утромъ позову тебя и все остальное уладимъ.

Прикащикъ, поклонясь въ поясъ, вышелъ. Туровцова заперла обѣ двери на замокъ, помолилась, раздѣлась, откинула пологъ, погасила свѣчи и легла. — «Манифестъ! да, болѣе нечего медлить, завтра же отдамъ послѣднія приказанія и уѣду» — мыслила она, засыпая: «подослали таки совратителя, пронигъ... по всему видно, дѣйствительно, на время надо уѣхать, переждать въ иныхъ, болѣе безопасныхъ мѣстахъ».

VI.

Непонятный, странный шумъ разбудилъ Варвару Ивановну. Она открыла глаза. Въ ея удивленію, было уже почти свѣтло. Солнце косыми лучами освѣщало, изъ-за угла галлерей, березу и кусты сирени, росшіе у оконъ. Туровцова, по примѣтамъ, поняла, что было уже не менѣе пяти-шести часовъ утра. Она отдернула у кровати пологъ, стала обуваться. Странный шумъ усиливался. Послышались возгласы, даже какъ бы крики, сперва у воротъ, возлѣ конюшни или амбара, потомъ ближе. — «Филиппычъ на кого-нибудь сердится, кричитъ», — подумала Туровцова: «вѣрный слуга, а подѣ-часъ ротозѣй и несносный горланъ!» — Шумъ становился громче. Бѣто-то быстро пробѣжалъ, мимо оконъ, по саду. Раздался крикъ: «Эй, сюда, ребята, тутъ!» — «Ужъ не пожаръ ли во дворѣ?» — пришло въ голову Варварѣ Ивановнѣ: «натопили кухню, съ-позаранку, видно, и вспыхнуло!» — Она вскочила, на-скоро нагнувъ на себя капоть.

— Арина, Дарьюшка! — крикнула она: да кто же тутъ? скорѣе, сюда!

Никто въ домѣ не отзывался. — «Что это они, оглохли?» — подумала Туровцова, съ сердцемъ дѣргая за шнурокъ звонка.

Не дождавшись никого и на звонокъ, она вышла въ корридоръ и оттуда, мимо столовой, въ дѣвичью. Всѣ комнаты были пусты. Видя въ дѣвичьей, на сундукахъ, неубранныя постели горничныхъ и валявшіеся по полу ихъ платья и башмаки, она снова сказала се-

БѢ: «да, и впрямь, видно, пожаръ! всё, какъ оглашенные, выско-
чили, забывъ обо мнѣ!»—Варвара Ивановна возвратилась въ спаль-
ню, раскрыла комодъ, достала изъ его потайнаго ящика свертокъ,
съ болѣе цѣнными изъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей, сунула
его и кошелекъ, съ деньгами, въ карманъ капота и, съ облегченною
душою, мысля: «если и впрямь пожаръ, сберегу хоть это!»—поспѣ-
шила къ парадному крыльцу. Минуя прихожую, она взглянула въ
окно и отступила. Дворъ, отъ воротъ до кухоннаго флигеля и
конторы, былъ полонъ народа. Въ распахнутыхъ зипунахъ, съ
шапками на затылкѣ, двигалась, горланила и размахивала руками
толпа странныхъ, незнакомыхъ людей. Между ними, нѣкоторые бы-
ли съ дубинами.—«Гдѣ же Филиппычъ, приказные? что это за на-
родъ?»—подумала Туровцова, ближе подходя къ окну. Экипажей
гостей не было уже во дворѣ; гости, очевидно, разъѣхались. Впра-
во отъ палисадника, сквозь деревья, была видна площадка парад-
наго крыльца. На ней, держась за перила, осаждаемый напиравши-
ми на него какими-то оборванцами, стоялъ блѣдный, съ растрепан-
ными волосами, Филиппычъ. Онъ растерянно прижималъ руки къ
груди и, кому-то низко кланяясь, о чемъ-то говорилъ.—«Что это?
передъ кѣмъ онъ?»—удивилась Варвара Ивановна, берясь за руч-
ку выходныхъ дверей. Она отворила ихъ, ступила въ запертыя
сѣни, помедлила и вышла на крыльцо.

Гулъ толпы, стоявшей передъ крыльцомъ, совершенно оглушилъ
ее. При ея появленіи, голоса понемногу смолкли.

— Что вамъ надо?—громко спросила Туровцова, разглядѣвъ,
въ дальнихъ рядахъ, нѣсколько знакомыхъ мужиковъ своей дерев-
ни.—Впереди стояли, въ чекменяхъ, какіе-то незнакомые казаки.

Мужики молча попятились. Кое-кто снялъ шапки. Казаки, мрач-
но потупясь, не двигались съ мѣста.

— Въ чемъ дѣло, Филиппычъ? что это здѣсь за люди?

Приказникъ молчалъ.

— Если вамъ что нужно, идите въ контору,—продолжала Ту-
ровцова: а хотѣли меня видѣть, вотъ я...

Спокойный, властительный видъ увѣренной въ себя старухи,
ея бѣлый, длинный капоть и сѣдые бубли, подъ высокимъ, съ обор-
ками чепцомъ, подѣйствовали на всѣхъ. Толпа дрогнула, нѣсколь-
ко ослѣла назадъ.

— Вы вчера такъ увѣряли меня въ преданности,—начала было,
обращаясь къ своимъ, Туровцова: гдѣ же ваши завѣренія, божба?

— Да что на нее смотрѣть!—раздался голосъ изъ заднихъ ря-
довъ: колдовка-чортъ! заговорить!...

Впередь выступилъ рослый и рыжій, въ красномъ, казачкомъ чекменѣ, бородачъ. Гдѣ-то въ толпѣ вертѣлась, размахивая руками, и Ульяна.

— Батюшка, нашъ государь, — сказалъ онъ, ставъ у крыльца: прислалъ насъ, боярыня, къ тебѣ... Волею покорись; отдавай все, что у тебя есть, — корми, угощай царёво войско.

Туровцова поняла ужасъ своего положенія. Она взглянула на Филиппыча. Тотъ молча стоялъ, прислонясь къ двери. Въ разныхъ углахъ видѣлись оттертые отъ дома, испуганные слуги, — лакеи, горничныя, пѣвчіе и повара.

Прошло нѣсколько секундъ общаго недоумѣнія. Всѣ глаза были устремлены на Туровцову. Она, судорожно перебирая ленты чепца, думала: «Кончено! правы были Серафима и Алексѣй! Да, надо было ѣхать съ ними. Неужели же уступить, отдать этимъ насильникамъ домъ, кладовыя и все? Или слѣдуетъ противиться имъ, попробовать усовѣстить ихъ, уговорить? Не успѣлъ извѣстить губернаторъ, погубилъ лъстивый нѣмецъ! Перехваченъ, видно, и послѣдній гонецъ!»

За дворомъ, въ это мгновеніе, на церкви, раздался звукъ набата. Ворвавшійся, подъ общій шумъ, на звонарню, отставной, съ вечера выпившій гдѣ-то, солдатъ билъ во всѣ колокола. Отъ деревни ко двору бѣжали остальные, запоздавшіе, туровцовскіе мужики.

— Ну-ка, ребята, впередь! — объявилъ, взбираясь по ступенькамъ, рыжій казакъ: бери ее, хрычовку, вяжи!

— Но вы же вчера, вы же... одумайтесь! — вскрикнула изъ всѣхъ силъ Туровцова: вы — христіане... Господь накажетъ!

— Въ Сибирь, въ бѣлую Арапію насъ сошлешь? — визгнулъ чей-то женскій голосъ: ну, это ужъ погоди!

— Ура! — гаркнули чужіе и свои: чего на нее глядѣть? ура!

Толпа навалилась на крыльцо. Филиппыча и конторщика сбросили съ площадки, черезъ перила. Испуганная, блѣдная Туровцова исчезла среди сѣрыхъ зипуновъ, чекменей, бараньихъ шапокъ и въ кучу сбившихся плечъ и спиныхъ. Раздался неистовый женскій вопль. Въ воздухѣ бессильно мелькнули бѣлыя и худыя руки и, съ развившеюся, тощею косой, сѣдая голова... Все смѣшалось въ кучу. Верблюжьи кафтаны, сермяги и чекмени, обрушивъ перила, раздѣлились. Часть толпы бросилась къ палисаднику, ограждавшему домъ съ этой стороны. Рвали изъ рукъ въ руки свертокъ, выпавшій изъ кармана старухи. Остальные ломились въ дубовую, кѣмъ-то изнутри снова занертую, огромную дверь сѣней. Дверь затрещала и рухнула. Толпа, колеблясь и напирая другъ на друга, хлы-

нула въ сѣни, оттуда въ прихожую и въ залу. Черезъ садовый балконъ, въ гостиную ввалилась другая толпа. Въ разныхъ концахъ дома слышались отчаянные, молившіе о пощадѣ крики. Здѣсь и тамъ полилась кровь. Падали, съ раздробленными черепами, сбѣжавшіеся послѣдніе защитники барскаго добра. Домъ наполнился трескомъ разбиваемыхъ шкафовъ, комодовъ, бауловъ и сундуковъ. — «Гостей, братцы, забыли!» — раздался голосъ. — «Гдѣ они, брюхатые? развѣ не всё убѣгли?» — «Въ погребѣ Митька нашель, за бочками!» — «Волоки ихъ сюда! на берѣзы!»

Приземистый, въ рысей шапкѣ, на бритой головѣ, скуластый, съ узкими глазами, башкирецъ, войдя въ залу, съ розмаха ударилъ дубиной по старинному зеркалу, въ рамѣ изъ разноцвѣтнаго хрусталя. Зеркало разлетѣлось въ дребезги. Толпа захохотала. Одни ломали штофную, раззолоченную мебель, кресла, диваны, стулья и бананѣ; другіе тащили изъ кладовыхъ серебряную и фаянсовую посуду, бутылки съ виномъ и ликерами, иконы, подушки, ковры и пуховики. Нѣкоторые на ходу ѣли захваченные въ шкафахъ остатки булокъ, сладкихъ чайныхъ печеній и пирожныхъ.

Въ буфетѣ шла драка за столовый серебряный сервизъ. Въ спальнѣ дѣлили и рвали другъ у друга изъ рукъ платья хозяйки, робѣоны, мантильи, оконныя занавѣси и пологъ ея постели. Въ садовому балкону изъ главнаго подвала подкатили бочку старой водки, отбили топоромъ ея дно и всё черпали, чѣмъ попало — стаканами, шапками и пригоршнями. — «Еще бочку! волоки!» — кричали пьющіе. Босой и тощій псаломщикъ, въ нанковой рясѣ, черной скуфьѣ и съ саблей у пояса, сопровождавшій грабителей изъ Базани, бросился въ залу, сѣлъ за клавикорды и крикнулъ: «Я музыкантъ, ребята, слушай!» — Онъ ударилъ по клавишамъ и пьянымъ, хриплымъ голосомъ зашѣлъ: «Пей, православные! Исая, ликуй!» — Съ вышки бельведера толпа, раскачавъ, сбросила на землю, найденнаго тамъ, астронома Антонушку, проглядѣвшаго набѣгъ незваныхъ гостей. — «Колдунъ-вѣдовщикъ!» — кричали, сбрасывая его. Сверху же было видно, какъ казаки, съ татарами, окруживъ церковь, ломились въ ея двери, стрѣляя въ окна по спрятавшимся въ ней причетникамъ.

Сквозь оглушительные крики и гамъ грабившей и пившей, подъ звуки набата, толпы, послышались выстрѣлы на улицѣ. Въ воротахъ подскакалъ, стрѣляя на воздухъ, отрядъ новыхъ всадниковъ. Впереди ихъ ѣхалъ Идорка; рядомъ съ нимъ Прядышевъ. Идорка съ сѣдла что-то издали кричалъ.

— Казань взята! ура, Казань!—слышалось во дворѣ.

Прядышевъ соскочилъ съ коня, отдалъ его подручному казаку и бросился къ кучкѣ мужиковъ, обдиравшихъ у конюшни съ поваленнаго и разбитаго въ щепы вѣнскаго дормёза остатки кожи, бронзы и сукна.

— Ты здѣшній?—спросилъ онъ ближайшаго мужика.

— Здѣшніе, туровчане, а тебѣ что?

— Гдѣ ваши господа? гдѣ ихъ родичи, Дугановы, коли слышалъ?

— Вонъ тебѣ кого надо!—не оглядываясь, отвѣтилъ спрошенный, отрывая мозолистою, волосатою рукой полоски шелковаго аграманта внутри кузова: побѣгли.

— Куда?

Мужикъ не отвѣчалъ.

— Да говори же, чортова голова!—крикнулъ Прядышевъ, наступая на него.

Мужикъ оглянулся, увидѣлъ, что передъ спрашивавшимъ его всѣ стояли безъ шапокъ, и тоже снялъ шапку.

— Куда убѣжали Дугановы?—повторилъ Прядышевъ.

Мужикъ молча указалъ шапкой на гору, за садъ.

— Это куда-же дорога?

— Въ Нижній, родимый, а то и въ Курмышъ.

— Всѣ убѣжали?

Мужикъ почесалъ въ бородѣ.

— Генеральша ваша ушла?—спросилъ Прядышевъ.

— Осталась.

— Гдѣ же она?

Мужикъ молча указалъ на палисадникъ, въ которомъ росло нѣсколько красивыхъ, развѣсистыхъ березъ. На одной изъ нихъ висѣло что-то длинное, бѣлое, какъ бы закинутая на вѣтви, для просушки, простыня. Изъ-подъ складокъ этого бѣлаго и длиннаго виднѣлись вышитыя гарусомъ и бисеромъ туфли, съ высокими, выгибными каблуканами. Невдали, на другихъ трехъ березахъ, висѣли найденные въ погребѣ гости хозяйки...

Прядышевъ, отвернувшись и крестясь, пошелъ къ боковой галлерей, соединявшей домъ съ кухоннымъ флигелемъ.

— Батюшки, родименькіе, свѣтики! бьютъ!—раздался крикъ изъ конторы, смежной съ флигелемъ.

На конторское крыльцо выскочили нѣсколько казаковъ и башикиръ. Они тащили спрятавшихся на чердакѣ младшаго конторщи-

ка, поваренка-подростка, въ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ, и кухоннаго, въ сѣрой курткѣ, мужика.

— Говори, гдѣ господскія деньги?—твердилъ старшій изъ казаковъ, нанося удары побѣлѣвшему отъ страха конторщику: ты записывалъ, ты собиралъ! гдѣ скрѣня, съ казною? гдѣ холсты, пряжа, мѣха?

— Все было у самой енаральши, у насъ ничего! — вопилъ конторщикъ, вскидывая на окружающихъ молящія глаза.

— Ну-ка, Гассанъ, — сказалъ казакъ, мигнувъ стоявшему рядомъ съ нимъ башкирцу: спроси ты его!

Башкирецъ молча поднялъ дубину и ударилъ ею по затылку конторщика. Тотъ, обливаясь кровью, упалъ ничкомъ.

Другіе стали рубить саблями по плечамъ поваренка и кухоннаго мужика. Оба окровавленные хватились за сабли мучителей.

— Стой, изверги, что вы!—крикнулъ, подбѣгая къ крыльцу, Прядышевъ: не смѣй трогать! за что?

— А ты что за свазчикъ?—огрызнулся на него казакъ: откулича взялся?

— А вотъ откуль, душегубы вы! — бѣшено крикнулъ Прядышевъ, выхватывая пистолеть: не смѣй бить неповинныхъ; батюшкѣ-царю доложу!

— Далеча до него, — презрительно усмѣхнулся казакъ: былъ, да може весь уже вышелъ, — а тута мы всѣ цари!

— Нѣтъ, не далеча, слѣдомъ поспѣваетъ, — объявилъ Прядышевъ.

— И мы скажемъ ему, — подхватили другіе грабители.

— Что скажете? ну, говори, что?

— А то же, — добычу дѣлимъ, — не смѣй мѣшать... подступи только.

— И подступлю! — крикнулъ Прядышевъ, цѣлясь изъ пистолета: вонъ отсюда!

VI.

Казакъ одинъ за другимъ удалился. Прядышевъ, шагая черезъ тѣла конторщика и кухоннаго мужика, подошелъ къ поваренку, еле дышавшему въ углу крыльца.

— Гдѣ, скажи, — обратился онъ, нагнувшись, къ нему: гдѣ родичи вашей госпожи?

— Ой, ой, родимые! — ухватясь за плечи и качаясь, стоналъ окровавленный мальчикъ: голубчики мои, помираю!

— Буда уѣхали Дугановы? говори, голубчикъ, не бойся, я имъ не врагъ.

— Въ Москву, сердечный, въ Москву.

— Ты правду говоришь?

— Богъ убей, не прими мать сыра земля.

— А, можетъ быть, они еще въ домѣ, не ушли, заперлись гдѣ въ подвалѣ?

— Ушли, батюшка, ночью ушли. О, милые, смерть!

Изъ дома, со стороны сада, послышался отчаянный, женскій крикъ. — «Она, она!» — подумалъ Прядышевъ: «мальчикъ утаилъ; ее нашли, терзаютъ!» — Онъ безъ памяти бросился на галерею.

Крыльцо послѣдней было залито кровью; здѣсь лежала убитая, красивая, съ развившеюся косой, горничная Глаша. Далѣе, на полу галереи, среди пролитыхъ винъ и водки, валялись окровавленные, съ отсѣченными головами и руками, тѣла садовника, сѣдаго парикмахера и старшихъ музыкантовъ, сбѣжавшихся при появленіи шайки защищать барыню. Въ воздухѣ чувствовался тяжелый запахъ водки и свѣжей крови. Въ окно галереи Прядышевъ увидѣлъ кучу казаковъ и мужиковъ, стоявшихъ у входа въ липовую аллею. Они смотрѣли на крайнюю липу, въ вѣтвяхъ которой виднѣлся босой, въ синей рубахѣ, казакъ. Онъ держалъ въ рукахъ веревку, другой конецъ которой двое стоявшихъ внизу привязывали къ шеѣ кричавшей и молившей о пощадѣ, толстой и приземистой, съ сѣдою косичкой, старухи — ключницы Арины.

— Соколики! голубчики! — вопила старуха, лоя и цѣлуя руки и полы кафтановъ своихъ палачей: ангелы-свѣты! все укажу, бери! душеньку на покаяніе пустите...

— Врешь, чертовка! не говорила — поздно теперь!...

Со двора бритоголовый, безъ шапки, красный отъ хмѣля Идорка сюда же со смѣхомъ тащилъ за волосы окровавленнаго, въ разорванной синей рясѣ, отца Гервасія. — «Что, и батьку?» — кричали ему на встрѣчу отъ деревьевъ. — «Присягу не принималъ, отказалъ!...» — «На сукъ его, жеребца, на сукъ!»

Прядышевъ ухватился за голову, припалъ головой къ окну. — «Треклятые изверги, палачи!» — мысленно вскрикнулъ онъ: «вамъ только этого и нужно, — крови, убійствъ, грабежей! Не царь онъ, такой же извергъ. Будьте вы прокляты! Прочь отсюда... Но куда? и какъ я спасу безъ нихъ ту, неповинную, и ея семью? Спасти можно только съ ними и черезъ нихъ! Они дѣйствительно здѣсь сила, цари! но куда это тащатъ солому, неужели поджигать?»

За садомъ, отъ мельницы, въ это время, послышался конскій

шопоть. Прядышевъ съвозъ деревья увидѣлъ отрядъ уланъ, скакавшихъ, съ саблями и съ пиками на перевѣсѣ. Впереди отряда, на шѣгомѣ, костлявомъ иноходцѣ, рысью ѣхалъ плотный, въ черной венгеркѣ, съ болтавшимися у висковъ гусарскими локонами, командиръ. Прядышевъ узналъ въ немъ грозу Пугачова, — Михельсона.

— Ребята, уланы! самъ Михельсонъ! — крикнулъ онъ толпѣ, вѣшавшей, рядомъ съ ключницей, еще кого-то изъ слугъ.

Толпа разсѣялась въ разсыпную по саду, а онъ выскочилъ черезъ окно галлерей во дворъ, подбѣжалъ къ конюшнѣ, отвязалъ своего сѣраго, прыгнулъ на него и, съ крикомъ: «грабять!» — прилегъ къ лугѣ сѣда. Бонь, приученный къ этому сибирскому окрику, понесся стрѣлой. Прядышевъ, подъ пулями, успѣлъ промчатся до конца села, когда уланы влетѣли во дворъ, а съ мельничной плотины грянула поставленная Михельсономъ, на перерѣзъ бѣгущимъ, пушка. Картечь засвистѣла по саду и по прыгавшимъ черезъ заборы и канавы сада, застигнутымъ въ расплохъ, грабителямъ.

— Ни одного не выпустить! бей ихъ, вали! — слышался охрипшій голосъ Михельсона.

Проскакавъ, поемъ и лѣсомъ, версть пять, Прядышевъ остановился, на пригоркѣ у Волги, и оглянулся. Со стороны Краснаго-Бута поднимался громадный столбъ дыма. Съ пригорка было видно, что горѣла подоженная грабителями усадьба Туровцовъ: домъ былъ уже весь въ пламени; загорались и другія постройки. За Волгой виднѣлись полосы дыма надъ догоравшею Базанью; по рѣкѣ плыли барки, расшивы и лодки, съ мятежниками, переходившими на эту сторону. По дорогѣ неслась пыль экипажей, съ бѣглецами, спасавшимися въ направленіи къ Москвѣ.

Алексѣй и Серафима, съ дѣтьми, благополучно миновали Свияжскъ, Цивильскъ и приблизились къ рѣкѣ Сурѣ. Въ двое сутокъ они сдѣлали болѣе полутораста версть. Невдали отъ переправы черезъ Суру, ихъ обогналъ посланный въ Москву, отъ казанскаго губернатора, гонецъ. Отъ него Алексѣй на почтовой станціи узналъ, что Базань вся почти сожжена, что изъ трехъ тысячъ ея домовъ истреблено болѣе двухъ тысячъ и что Пугачовъ, отбитый отъ города, перейдя по сю сторону Волги, бросился, въ обходъ Свияжка, на Чебоксары и чуть ли оттуда не пойдетъ на Москву. — «Такъ сказывали на допросѣ плѣнные, — говорилъ гонецъ: меня послали прямымъ трактомъ на Курмышь». — Алексѣй вздохнулъ свободнѣе. Онъ былъ далеко впереди самозванца и его злодѣевъ.

Лошади Дугановыхъ въ двухсуточной ѣздѣ сильно притомились. Приходилось дать имъ хорошую дневку, либо нанять другихъ лошадей, — но гдѣ? Настигая по дорогѣ множество другихъ, такихъ же, какъ они, бѣглецовъ, путники убѣдились, что въ эти смутные дни не было никакой возможности не только нанять, но даже, ни за какія деньги, купить новыхъ, сносныхъ лошадей. Содержатели переполненныхъ постоянныхъ дворовъ неохотно пускали къ себѣ проѣзжихъ, а иные, боясь налета разбойничьихъ шаекъ, бросали свои дворы и прятались, гдѣ попало.

Прошли еще сутки. День клонился къ вечеру. Дорога шла надъ опушкой большого лѣса. Истомленные лошади, кое-какъ подкормленные въ какой-то деревенькѣ, едва тащились. Путниковъ, подъ лѣсомъ, стала настигать чья-то бричка. Сидѣвшіе въ ней, очевидно, ѣхали не издалека. Рослая, сытая лошадь неслись дружно. Зависть взяла кучера дугановской коляски, въ которой ѣхалъ, изнывая отъ жары и пыли, самъ Алексѣй.

— А что, сударь, — сказалъ кучеръ, обращаясь къ Дуганову: не свернуть ли въ лѣсъ? постояли бы, покормили бы на травѣ, какъ слѣдъ, — а завтра, то-есть, на зорькѣ, и съ Богомъ... Буда ни уѣдешь, коли лошадь сыта!

— Да вѣдь до Курмыша не болѣе двѣнадцати верстѣ.

— Такъ-то, такъ, — вздохнулъ кучеръ: а достанемъ ли на постояломъ, не то, чтобы овса, хоть бы сноснаго сѣна? Чѣмъ кормили у этой мордвы? А въ лѣсу, сударь, прохлада, ни этой жары, ни мухъ... трава тоже свѣжая, найдемъ и воды.

Алексѣй взглянулъ на небо. Безоблачная, тихая, прозрачная синева была такъ привлекательна. Солнце, обливая алыми лучами лѣсъ, поля и вербы почтовой дороги, готовилось зайти за дальніе, тонувшіе въ легкомъ туманѣ, холмы. На взгорьѣ, съ котораго спустилась дорога, показалась пыль; послышался прерывистый звукъ колокольчика. Между вербъ обозначалась подъѣзжавшая къ лѣсу почтовая телѣга. На ней, покачиваясь между подушекъ, сидѣлъ, съ подвязанною рукой, красивый, очевидно раненый, офицеръ. Алексѣй, видя, что телѣга, объѣзжая дорожную водоройну, поѣхала шагомъ, всталъ изъ коляски и вышелъ на встрѣчу офицеру.

— Извините, — сказалъ онъ, подходя къ нему, съ приподнятою шляпой: откуда вы? успокойте насъ... мы изъ-подъ Базани, спѣшимъ въ Москву...

— И я оттуда, — отвѣтилъ, кланяясь, офицеръ: раненъ на Арскомъ полѣ, въ грудь и руку... Торопитесь!... отпросился съ

эстафетой, да въ-рядъ ли донесетъ Господь... Убиты генералы Нефедовъ и Бударивцевъ, а сколько отставныхъ!...

— Правда ли, что Пугачовъ уже на этой сторонѣ? и что стало съ самой Казанью?—спросилъ Алексѣй.

— Слѣдомъ, батюшка, слѣдомъ побѣдители за нами!—безнадежно махнулъ рукой офицеръ: а Казань—море огня, гряда тлѣющихъ развалинъ. Пугачова видѣлъ я лично,—въ красномъ кафтанѣ, на бѣломъ конѣ и съ саблей на-голо, пронесся онъ передъ нашимъ фронтомъ. Солдаты оторопѣли и не стрѣляли. Ужась, сударь, ужась!

Офицеръ тронулъ за плечо ямщика, чтобы тотъ ѣхалъ далѣе. Тройка понеслась. Алексѣй молча взглянулъ на небо. Ясная синева была также прозрачна и тиха. Жаворонки звенѣли надъ полями.—«Неужели все кончено?»—подумалъ Алексѣй: «неужели намъ, счастливымъ донинѣ, неповиннымъ ни въ чемъ, также суждено стать жертвами?»

— Ну, что?—спросила его Серафима, когда онъ, стараясь быть спокойнымъ, подошелъ къ каретѣ: что сказалъ этотъ офицеръ?

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ Алексѣй: а вотъ кучеръ совѣтуетъ свернуть въ лѣсъ; здѣсь дѣйствительно и покормимъ, и отдохнемъ, лучше всякаго постоялаго.

— Что же, и отлично,—весело сказала Серафима, удерживая радостные возгласы и прыжки дѣтей, слышавшихъ объ отдыхѣ въ лѣсу.

Экипажи своротили въ лѣсную просѣку; пока было свѣтло, проѣхали еще нѣсколько верстъ. Лѣсная чаща становилась темнѣе, деревья гуще и выше. У перекрестка двухъ дорогъ встрѣтили пѣшаго мужика.

— Чей, дядя, лѣсъ?—спросилъ пѣшехода кучеръ.

— Дѣмкиныхъ купцовъ.

— Далече ли отсель до Курмыша?

— Верстъ семь,—да вы не туда ѣдете.

— Знаемъ. А есть ли тутъ по близости жилье?

— Въ лѣсу жилья нѣту, одинъ мельникъ, вона, за лѣсомъ,—указалъ мужикъ вдаль: а вамъ, родимые, что же?

— Покормить бы лошадокъ, притомилися.

— Бери, милый, влѣво... тутъ тебѣ будетъ вражекъ, а маленечко подальше полявинка... трава богатѣющая и ручей по овражку-то,—попить лошадей.

Экипажи направились къ овражку, миновали его и остановились на просторной, уютной полянѣ. Кучера распрягли упарен-

ныхъ лошадей и стали ихъ водить. Прислуга, развязавъ разныя укладки и узлы, занялась самоваромъ. Серафима умылась и умыла дѣтей, сняла съ нихъ запыленные, дорожныя платья, одѣла ихъ полегче и пустила бѣгать по травѣ. Вода въ ручьѣ оказалась отличною для чая. Алексѣй, съ Дрономъ и горничною, разостлалъ подъ деревомъ коверъ, устроивъ его дорожною, холодною закуской и, когда принесли сюда же привѣтливо пыхтѣвшій самоваръ, влинуть жену и дѣтей.

— Готово, пожалуйста, — сказалъ онъ, разливая въ чашки чай.

— Какъ здѣсь хорошо! — невольно воскликнула Серафима, окидывая счастливымъ взглядомъ поляну, съ распряженными на ней экипажами и радостно фыркавшими на прохладѣ лошадьми: а какой чудный, душистый воздухъ и какая, точно сказочная, тишина!

— Добраться бы скорѣе до Москвы, — вздохнулъ, какъ бы не слыша словъ жены, Алексѣй.

— Ну, что же, доѣхали сюда, — отвѣтила она: доѣдемъ и далѣе.

— Да, это правда, Бурмышъ — рукой подать, за нимъ Арзамасъ. Переѣдемъ Оку, тогда уже безопасно.

— А какъ-то выбралась шапакъ? — сказала Серафима, намазывая дѣтямъ и мужу масло на хлѣбъ: вотъ не догнала же, какъ обѣщала сама; пожалуй, до Москвы и не увидимся.

— Отчего же? — возразилъ мужъ: не въ Бурмышѣ, на переправѣ, авось догонитъ еще на Окѣ.

«Сказать ли ей о переходѣ Пугачова черезъ Волгу?» — думалъ, между тѣмъ, Алексѣй: «нѣтъ, лучше завтра; пусть не тревожится и получше отдохнетъ!»

VIII.

Сумерки сгустились на полянѣ, хотя надъ деревьями еще виднѣлся свѣтъ. Лошади попаслись на травѣ, ихъ напоили и засыпали имъ въ торбы овса. Вкусившія сочной, свѣжей пищи, лошади дремали, не касаясь овса. Убравъ посуду, стали закусывать слуги. Надъ стемнѣвшими верхушками лѣса проглянули звѣзды. Скоро все небо засвѣтилось ими. Ни единый звукъ не доносился на поляну изъ таинственно-молчавшей, окрестной гущины.

— Смотри, — сказала Серафима мужу: какъ тамъ, вверху, торжественно и ясно, и какъ здѣсь, внизу, тихо и темно; усталыя лошади насытились и не жуютъ больше, спать.

— И прибавь, слава Богу, что ни одна изъ нихъ въ этой гоньбѣ не захромала, — замѣтилъ Алексѣй: натерпѣлись бы мы, страхъ и подумать, не то, что испытать.

Дѣти давно спали въ каретѣ. Серафима еще что-то рассказывала и вдругъ, почувшися, смѣла.

— Эге, сударыня, да и ты вдюешь носомъ, — улыбнулся Алексѣй: иди, пора спать.

Онъ провелъ жену въ каретѣ, помогъ ей устроиться тамъ, рядомъ съ дѣтми, подозвалъ Дрона, обонелъ съ нимъ поляну и остановился у коляски.

— Ну-ка, Дронушка, сказалъ онъ: достань здѣсь изъ-подъ сидѣнья ящикъ.

Дронъ исполнилъ приказаніе Дуганова.

— Видишь ли, голубчикъ, — произнесъ Алексѣй, отпирая ящикъ и доставая оттуда оружіе: все можетъ случиться; злодѣи отбиты отъ Казани, но слышно перешли на сю сторону... двинулись къ Чебоксарамъ.

— Это, упаси Господи, слѣдомъ за нами?

— Да, все можетъ случиться, нагрянуть, пожалуй, и сюда.

— Такъ что же мы стоимъ, сударь? Ъхать бы, хоть по-малу, дальше.

— Нѣтъ ужъ, видишь ли, не такъ еще, думаю, опасно; отдохнуть лошади, побѣгутъ скорѣй.

— Положимъ, сударь, и у казаковъ вои тоже не желѣзные; однако, смѣлюсь доложить, они, слышно, налетаютъ и силой вездѣ свѣжихъ берутъ.

— Это правда, — сказалъ Алексѣй: потому-то и надо намъ особенно жалѣть своихъ.

— Ироды, сударь, какъ подумаю, сущіе ироды искаріотскіе! — въ негодованіи даже плюнулъ Дронъ.

— Такъ видишь ли, голубчикъ, — продолжалъ Алексѣй: не хотѣлъ я тревожить барыню, а тебѣ все теперь открою. Плохо, надо быть очень на-сторожѣ. А потому вотъ тебѣ, Дронушка, ружье. Бучеру отдай это другое, — вотъ и заряды, а себѣ я оставляю штуцеръ и пистолеты. Хорошо я сдѣлалъ, что купилъ, по случаю, у татарина въ Казани, эти ружья; думалъ въ Горкахъ охотиться осеью на гусей. Ты изстари былъ у покойнаго тестя егеремъ, бучеръ тоже стрѣляетъ, — даромъ хоть не отдадимся.

— Оно, сударь, правда, — отвѣтилъ въ раздумьи Дронъ: даромъ что же гибнуть? да какъ помыслишь, эхъ...

— Что же? говори.

— Да, сказываютъ, его, окаяннаго, прости Господи, ни пули, ни бомбы не берутъ.

— Вздоръ, сущій вздоръ! ну, не стыдно ли? — съ досадою воз-

разилъ Алексѣй: вотъ ужъ вамъ нагородили! не дай только промаха, увидишь, свалится, какъ и всякій. А еще хуже, не вздумай струсить, измѣнить... Ты смотри у меня, на рукахъ у насъ молодая барыня, надо ее беречь, — опять же малыя дѣти.

— Что вы, сударь, батюшка, да можно ли? да я землю буду грызть, разорвись утроба, лопни глаза!... у самого дѣти...

— То-то, Дронь, я и не думаю, а великій грѣхъ возьмешь на душу! Иди же, объяви кучеру и всѣмъ; заряжайте ружья и глядите въ оба, а какъ что, — слушаться и отъ меня не отставать. Помни одно, — мы погибнемъ, не сдобровать и вамъ!

Алексѣй влѣзъ въ коляску, поднялъ ея верхъ, положилъ возлѣ себя заряженный штуцеръ, прилегъ и векорѣ заснулъ.

Ночь прошла благополучно. Съ восходомъ солнца, путниковъ разбудили птичьи крики. Алексѣй выглянулъ изъ-подъ зонта коляски. Вершины деревьевъ золотились лучами зари. Лѣсъ стоналъ отъ голосовъ пернатого населенія. Надъ прогалинами, гоняясь за мухами и комарами, кружились ласточки. Черные, желтоносые дрозды, съ рѣзкимъ щолканьемъ, проносились между кустовъ. Зеленныя иволги звуками флейтъ перекликались въ вершинахъ деревьевъ. Стайки дикихъ утокъ спускались къ ручью, но, видя на полянѣ людей, съ шумомъ взлѣтывали и уносились далѣе. Вдругъ въ воздухѣ потемнѣло. Откуда-то, поднявшись надъ лѣсомъ, съ громкимъ карканьемъ, неслась туча воронъ. — «Что это онѣ разорались?» — подумалъ Алексѣй, взглянувъ на вершины деревьевъ: «все ли благополучно у лѣса, на дорогѣ? пора запрягать!»

Напившіяся чаю дѣти прыгали по травѣ и собирали цвѣты. Серафима съ горничной кончала укладку вещей.

— Выкупали бы вы, до запряжки, лошадей, — обратился Алексѣй къ кучерамъ.

— Выкупали, сударь, и сами искупались, — отвѣтилъ Дронь, оправляя на себѣ еще мокрые волосы: а тутъ, дальше, по ручью, смѣю доложить, есть мельница и при ней на хозяйствѣ мельникъ живетъ. Тамъ для сударыни и дѣтокъ можно бы достать свѣжаго хлѣба и молока.

— Ты откуда это знаешь?

— Шель, какъ мы купались тамъ, у вражка, пастухъ-скотарь и сказывалъ.

— Гдѣ же это будетъ, въ какой сторонѣ?

Дронь указалъ на солнце, къ востоку.

— Не по пути, — отвѣтилъ Алексѣй: намъ къ Бурмышу — вотъ куда, а то будетъ крюкъ. Ну-ка, ребята, проворнѣе!

— Все готово, — произнесъ, усаживаясь на козлы, старшій жучерь.

Всѣ размѣстились и снова выѣхали на почтовый трактъ. Лошади по утренней прохладѣ бѣжали рѣзво и дружно. Скоро стали видны церкви, а тамъ и дома Курмышѣ. Доносился колокольный звонъ; въ тотъ день былъ праздникъ. Невдали отъ города надо было проѣзжать большое село. Едва экипажи, взбивая пыль, приблизились ко въѣзду въ околицу, ихъ съ шумомъ остановила толпа мужиковъ. Народъ, послѣ обѣдни, уже подгулялъ у кабака. Одни, стоя въ синихъ кумачныхъ рубахахъ и заложивъ руки за поясъ, весело усмѣхались, глядя на подѣхавшихъ баръ. Другіе, съ красными потными лицами, лѣзли прямо на лошадей, хватаясь за уздечки и постромки. Отъ общаго шума и гама трудно было понять, въ чемъ дѣло.

— Э-эхъ, малинушка-матушка! — плаксиво голосилъ совсѣмъ пьяный, растрепанный мужичонка, въ дырявомъ зинунѣ, ни съ того, ни съ сего кланяясь въ землю передъ экипажами: милостивые, добрые, кормильцы вы наши!

— Пошелъ прочь! слышишь ли ты? — крикнулъ жучерь бареты, стегнувъ по лошадямъ и стараясь прорваться сивозъ буйновъ: еще наѣду, берегись!

— А ты постой, — отозвались изъ толпы: ишь, какая цаца! говори, что за проѣзжатели?

— Полковникъ изъ Казани.

— Полковникъ, вотъ что! а куда?

— На что вамъ?

— А на то, — всякаго, то-есть, проѣзжателя приказано подзрѣвать.

— А какъ не скажемъ?

— Ну, и ладно, — не скажешь, не поѣдешь, — не велѣно пущать.

— Кто не велѣлъ?

— Батюшка-царь.

— Гдѣ онъ?

— Подходить, ждемъ милостивца, — а тута генераль сидить.

«Опоздали!» — подумалъ, блѣднѣя, Алексѣй: «дать имъ денегъ, хуже не вышло бы... все отнять, задержать самихъ».

— Давно ли генераль въ Курмышѣ? — спросилъ онъ.

— Эвеси, только туды прошелъ.

— Уходите, родименькіе, — голосилъ, кланяясь, мужичонка: то-есть, съ глазъ долой!... мы что? намъ велѣно... отпустишь ихъ, православный народъ?

— Для-че не пустить?—ответили изъ толпы: не ѣдутъ далѣе, ну, и уходи, значить, отгулица пришелъ.

Алексѣй велѣлъ ѣхать обратно. Лошади снова рысцой добѣжали до лѣса и остановились.

— А вѣдь отдѣлялись недурно,—сказалъ по-французски Алексѣй, подойдя къ женѣ: могли бы понасть въ большую бѣду.

— Чѣмъ же, однако, все это можетъ кончиться? — спросила Серафима.

— Пустяки, объѣдемъ городъ кругомъ.

— Куда прикажете, сударь?—спросилъ кучеръ, придерживая лошадей, на вспотѣвшіе бока и спины которыхъ жадно бросались слѣзни и оводы.

— Заѣдемъ опять въ лѣсъ,—обратился Алексѣй по-французски къ женѣ: этотъ набѣгъ на Курмышъ сдѣланъ очевидно какою-нибудь ничтожною шайкой... У нихъ всякій головорѣзъ—генераль. Нечего дѣлать, переждемъ; насъ тутъ не увидать; буяны потѣшатся и уйдутъ, тогда и двинемся опять.

Серафима, съ трудомъ удерживая слезы, молча глядѣла на дѣтей. Въ знакъ согласія, она кивнула головой. Алексѣй отдалъ приказаніе кучеру. Экипажи снова свернули въ лѣсъ.

IX.

На этотъ разъ ѣхали недолго. Узкая, сыроватая колея пошла книзу, песчанымъ косогоромъ. Лѣсъ порѣдѣлъ. Слѣва тянулись березы и ольхи, справа выглянулъ ручей, у вершины котораго путники ночевали. Здѣсь онъ былъ уже рѣкою, красиво извивавшеюся между отлогихъ, поросшихъ кустами, береговъ. Далѣе стали видны верхушки водяной мельницы и стоявшей возлѣ нея избы. Понесся шумъ бѣгущей по жолобу и падавшей въ омутъ воды. Рабочее колесо стояло неподвижно. Сѣдой, сторбленный мельникъ, въ бѣлой рубахѣ, сидѣлъ, грѣясь на солнцѣ, у мельничнаго крыльца.

Алексѣй вышелъ изъ коляски.

— Съ праздникомъ, дѣдушка!—сказалъ онъ, подходя къ нему.

Мельникъ снялъ шапку и молча поклонился.

— Мы издалека,—продолжалъ Алексѣй: нужно въ городъ, а у васъ не покойно, мутятъ мужики. Гдѣ бы намъ тутъ укрыться, переждать?

— Укрыться, родимые? — прошамбаль мельникъ, оглядывая грузную, запыленную карету, изъ окна которой испуганно смотрѣли глаза блѣдной, молодой барыни и весело улыбались лица дѣтей, занятыхъ шумомъ падавшей воды.

— Да, дѣдушка,—обратилась къ мельнику, удерживая дѣтей, Серафима: нѣтъ ли тутъ по близости спокойнаго пристанища? мы въѣхали въ ближнее село на почтовой дорогѣ, но тамъ народъ бушеетъ, не пускаетъ.

Старикъ покачалъ головой.

— Не въ-время, кормильцы, ѣдете,—сказалъ онъ, вздохнувъ: оно точно, оумнительно стало въ нашей сторонѣ, а въ городъ лучше вамъ и вовсе не ѣхать.

— Почему?—спросилъ Алексѣй.

— Нешто не сказывали на селѣ? Это нынче ѣхали съ базару мужички... сказываютъ, поднялся народъ вчера съ вечера и порѣшилъ воеводу и приказныхъ.

— Какъ порѣшилъ?—спросила Серафима.

— Прискакалъ это гонецъ,—шамкалъ мельникъ, не видя, что баринъ дѣлаетъ ему знаки, чтобъ онъ молчалъ: говорить, ждите, ребята, на утро енарала, а слѣдомъ и самого батюшку-царя; ну, народъ возрадовался, приказныхъ связали, всѣхъ потопили, а воеводу,—о, Господи!—ввели на колокольню, да и сбросили, что ли, оттоль.

Серафима въ ужасѣ закрыла глаза.

— Mon Dieu, mon Dieu! quelle horreur!—вскрикнула она, прижимая къ себѣ дѣтей: demandez, priez le de nous sauver...

— Это все еще, можетъ быть, одни слухи,—спокойно сказалъ Алексѣй: люди испуганы и толкуютъ. У тебя, дѣдушка, негдѣ приютиться, ты на проѣзжей дорогѣ. Нѣтъ ли тутъ по близости, въ лѣсу, пчельника или лѣсной сторожки.

— Лѣсъ, батюшка, монастырскій, его Богъ бережетъ, а пчель-монахи ношѣ, по засухѣ, держатъ за Бурой, на лугахъ.

Алексѣй взошелъ на мельничное крыльцо.

— Городъ въ ту сторону?—спросилъ онъ, указывая за рѣду.

— Нѣтъ, кормилецъ, вонъ гдѣ,—указалъ мельникъ лѣвѣе.

— А это же чтó за церковь?

— Монастырь.

— Нельзя ли тамъ укрыться?

— Трудно,—монахи, уже три дня, какъ заперлись, не пускаютъ къ себѣ никого.

— Ну, прощай, дѣдушка;—сказалъ Алексѣй, возвращаясь и сядя въ коляску: поѣдемъ, авось сами найдемъ себѣ приютъ.

— Богъ въ помощь, кормильцы! счастливо, миленькіе!

.. Лошади уже тронулись.

— А слушай-на, старикъ, — отозвался съ возель Дронъ: нѣтъ ли у тебя свѣжаго хлѣба, барскимъ дѣтямъ, либо крынки молока?

— Ничего нѣту-ти, — прамбалъ, почесываясь и щурясь отъ солнца, дѣдь: хозяйка холсты на монастырь понесла, а коровѣнку зимой еще волки заѣли, — радъ бы, миленькіе, да нѣту-ти!

— И все вретъ скалдырникъ! — ворчалъ, оглядываясь на мельницу, Дронъ: ужъ народецъ! самъ голодъ, какъ быкъ, а дѣтямъ жалѣть молока...

Не о дѣтяхъ думалъ въ это время Дронъ. Онъ еще съ вечера голодалъ, рассчитывая на лучшую пищу въ городѣ, а теперь видѣлъ, что опять быть ему и прочимъ слугамъ на однихъ сухаряхъ.

Новое мѣсто въ лѣсу, выбранное Алексѣемъ для остановки, оказалось, какъ и вчерашнее, также укромно и защищено со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ ужъ именно медвѣжьей уголь! — сказала мужу Серафима, оглядывая громадныя деревья, когда ѡкипажи, версты черезъ двѣ отъ мельницы, снова свернули съ просѣлка въ гущину: чисто разбойничья глушь.

— За то никакіе калабрійскіе брави насъ тутъ не найдутъ.

Бучера опять распрягли и пустили на траву лошадей. Снова — вынуты узлы съ закуской. Пока принесли воды и ставили самоваръ, дѣти съ горничной собирали цвѣты. Серафима, подъ вуалью отъ комаровъ и мошекъ, чтобы разсѣяться хотя немного, достала изъ кареты книгу и сѣла подъ деревомъ.

— Я тебѣ, Alexis, почитаю, вслухъ... хочешь? — обратилась она къ мужу.

— Сдѣлай одолженіе.

Алексѣй опустилсѣ на траву. Чтеніе, однако, не клеилось. Бомары и мошки кусали Серафиму и сквозь вуаль. Она, то и дѣло, съ досадою, отгоняла ихъ книгой. Алексѣй не слушалъ чтенія. Подошелъ, съ озабоченнымъ видомъ, Дронъ.

— Ну, чай готовъ? — спросилъ Алексѣй.

— Готовъ-то, готовъ, да смѣю доложить о другомъ.

— Что еще?

Дронъ оглянулся.

— Припасы, сударь, повышли, — сказалъ онъ: вамъ и дѣткамъ будетъ еще до вечера булокъ, сыру, есть и цѣлая жареная курица... ну, а на завтра?...

Алексѣй молчалъ.

— Въ Цывилъскѣ, сударь, помните, не во гнѣвъ будь вамъ

сказано,—продолжалъ Дронъ: я совѣтовалъ больше брать живности, масла, хлѣба, ну, и прочаго...

— Такъ что же?

— Не помирать же, сударь; вамъ маловато, а у насъ, простите, ничего не осталось, кромѣ сухарей.

— Что же дѣлать?—озабоченно спросилъ Алексѣй: не придумаешь ли чего? безъ овса тоже не быть же лошадямъ.

— Ужъ я, сударь, про все думалъ и самъ съ кучеромъ говорилъ... пострѣлять бы дичинки, и ружья есть, да боязно, — ну, какъ на выстрѣлы нагряться, найдутъ здѣсь?

— Вотъ что,—сказалъ, вставая, Алексѣй: зови форрейтора Митьку.

Митька подошелъ.

— Лѣзь, Митя, на берѣзу,—сказалъ ему Алексѣй: гляди, не видать ли церкви?

Мальчикъ скинулъ армякъ и сапоги и, какъ бѣлка, вскарабкался по вѣтвямъ.

— Видно,—крикнулъ онъ съ вершины дерева.

— Пятиглавая?

— Такъ точно.

— Далеко ли?

— Версть пять будетъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Эвеси,—кричалъ сверху мальчикъ, показывая черезъ лѣсъ: тутъ сбоку и дорога видно туда, вонъ и поворотъ.

— Ну, ладно, лѣзь долой. Такъ вотъ что,—обратился Алексѣй къ Дрону, доставая кошелекъ: вотъ тебѣ деньги, ѣзжай въ монастырь и купи всякихъ припасовъ... ну, муки, тамъ, земли какой, овса для лошадей, крупъ,—котелокъ хоть небольшой добудь у монаховъ, рыбы свѣжей, а не то и соленой, хоть постнаго масла, да хлѣба готоваго побольше... Скажи, что ты проѣзжій, изъ купцовъ, что ли,—обозъ, молъ, присталъ въ лѣсу, такъ подводчикамъ нужна, молъ, провизія. Понялъ?

— Какъ не понять! не впервые,—замылся Дронъ: только въ этой-то ливрей, опять же въ косъ... ну, какой я купецъ?

— Такъ развѣ кучера послать? — обратился Алексѣй къ Се-рафимѣ.

— О, Боже!—вздохнула она: такую-то простоту?

— И то правда, ему не слѣдъ бросать и лошадей.

— Да я, сударь, коли угодно,—объявилъ Дронъ: переодѣнусь въ его армякъ, готовъ обрѣзать и косу.

— Зачѣмъ, Андронъ Ильичъ, рѣзать ее?—вѣзналась слышавшая это горничная: можно и подъ шанку подвернуть.

— А и то правда,—отвѣтилъ Дронъ: такъ ѣхать, сударь?

— Съ Богомъ.

Х.

Сказано—сдѣлано. Дронъ, въ кучерскомъ армякѣ и съ подвернутой косой, опросталъ отъ вещей телѣгу, запрегъ въ нее пристяжнаго изъ коляски и, сунувъ деньги за пазуху, двинулся по направлению къ монастырю. У опушки лѣса, отдѣленная оврагомъ отъ его бѣлыхъ, высокихъ стѣнъ, расположилась небольшая, но, благодаря сосѣдству съ монастырскою святыней, зажиточная деревушка, съ постояннымъ дворомъ и двумя лавченками. Въѣхавши въ ея околицу и увидя эти лавки, Дронъ сердито подумалъ: «Эка, брехунъ-мельникъ! о лавкахъ, старый чортъ, и умолчалъ. Не хотѣлъ пособить эдакимъ-то господамъ!»—Примѣтя, что ворота монастыря точно заперты, онъ подѣхалъ къ одной изъ лавокъ, отыскалъ во дворѣ ея хозяина, купилъ у него муки, два мѣшка овса и кругъ, а дѣтямъ, кстати, фунтъ орѣховъ, и спросилъ лавочника, гдѣ купить хлѣба. Тотъ ему указалъ дворъ пекаря.—«На обитель, дядя, печемъ!»—съ гордостью сказалъ, выпившій для праздника, хлѣбникъ, укладывая въ кулекъ все, что у него осталось отъ утренней продажи.

— А нѣтъ ли хоть постнаго маслица?—спросилъ довольный покупками Дронъ, доставая изъ кошелька деньги.

Хлѣбникъ, съ удивленіемъ, въ рукахъ покупателя разглядѣлъ, между мелочью, нѣсколько золотыхъ монетъ.

— Кушцы будете?—спросилъ онъ.

— Да, обозъ тутъ въ лѣсу... работнички проголодались,—небрежно отвѣтилъ Дронъ, подавая для размѣна червонецъ: всякому давай свѣженькаго.

— Обнаковенно,—согласился хлѣбникъ: не токма, значить, человекъ, всякая тварь. Вотъ, дядя, тебѣ сдача.

Дронъ вышелъ, уложилъ кулекъ, и видя, что къ лавкѣ подошли еще два мужика, поспѣшилъ сѣсть въ телѣгу.

— Одначе, землячокъ, стой, обожди,—сказалъ ему съ крыльца хлѣбникъ, переговоривъ съ подошедшими мужиками.

— Что тебѣ, милый человекъ?—спросилъ, обернувшись съ телѣги, Дронъ.

— Да вотъ что, любезный, точно ли ты купецъ? Господь нонѣ велѣно хватать, не пропускать; а у тебя такія, то-есть, деньги? Не изъ господскихъ ли ты? могимъ за то отвѣчать.

— Брешете, ребята!—отвѣтилъ Дронъ, хлестнувъ по лошади, и помчался.

— Стой,—закричали ему во слѣдъ: держи его.

Не обращая вниманія на крики, Дронъ проскакалъ улицу, выѣхалъ за деревню и уже сталъ близиться къ лѣсу. На встрѣчу ему, изъ-за пригорна, показалась куча парней. Они шли, заломивъ шапки, и, покачиваясь, горланили пѣсню.

— Стой, держи!—громче слышались сзади Дрона крики.

Онъ оглянулся. Отъ деревни за нимъ, крича и размахивая руками, гнались нѣсколько всадниковъ. Пѣшіе, увидя погоню, бросились на встрѣчу Дрона. Его задержали и окружили. Изъ-подъ упавшей шляпы у него обозначилась коса.

— Такъ вотъ ты кто!—пристали къ нему верховые, между которыми Дронъ увидѣлъ и хлѣбника: признавайся, покуналъ ли себя, господамъ?

— Знать не знаю ни о какихъ господахъ, лопни глаза.

— Снимай его, ребята, волоки...

— Полноте, православные, за что?

— А вотъ узнаешь... Сказано, не велѣно пропускать господъ; приказъ такой вышелъ—ловить ихъ и представлять въ городъ начальству. Бей его, ребята!

— Стойте, соколики... отпустите душу на покаяніе.

— Бей, Андрюшка! тащи, Демидъ.

Андрюшка далъ Дрону такого тумака, что не надо было его и тащить, онъ самъ свалился съ телѣги на земь. Дронъ, оглядывая сумрачныя лица окружавшихъ его, подумалъ: «Господи, прости прегрѣшенія! ихъ спасти—погубить, значить, себя! такъ за что же?»—и рассказалъ всю сущую правду.

— Вона что! — толковали озадаченные мужики: надо, выходить, повѣстить стариковъ. Мы, дядя, не то, чтобы какъ,—старались они успокоить Дрона: мы, какъ передъ Богомъ, всѣ, то-есть, безъ обиды... потому начальство велѣло... а намъ какъ не послушаться, нѣтъ ли, выходить, чаво?

— То-то, дѣтушки, не обидьте ни меня, ни ихъ,—кланялся мужикамъ Дронъ: господа у меня добрые,—не люди, сказать, ну, ангелы, и дѣтки у нихъ... да и у меня семья, дѣти тоже и внуки.

— Зачѣмъ, дядя, обижать? мы все ладомъ, какъ есть. Гони, Родька, къ Власычу, а ты, Андрюшка, къ Кузьмину; задержали, молъ, барскаго холоуя.

Поскакали Родька и Андрюшка. Мужики, балагурия, усѣлись на землѣ вокругъ телѣги. Дронъ, нѣсколько обиженный прозвищемъ

холуя, такъ, впрочемъ, былъ доволенъ добрыми завѣреніями крестьянъ—все уладить мирно и безъ обидъ,—что досталъ мѣшечекъ съ орѣхами и угостилъ ими своихъ стражей.

— Откули вы, по правдѣ?—спрашивали его мужики, щелкая орѣхи.

— Говорю по истинной правдѣ,—произнесъ Дронъ: мы саратовскіе; подъ Базанью были—у генеральши, первой богачки въ губерніи, и тутъ, значить, въ лѣсу, ея родичи.

Возвратились верхами Андрюшка и Родька. Чернобородый, въ новыхъ сапогахъ, Андрюшка засуетился и объявилъ, что барскаго лакея надо прежде всего вести на допросъ къ сотскому. Сѣдой, съ ввалившеюся грудью и въ худыхъ лаптишкахъ, Родька долго вглядывался въ Дрона и объявилъ, что нечего ходить къ сотскому, сотскій съ утра загулялъ, а нужно дать знать прясловцамъ.

— У нихъ, ребята, лучше вѣдомо,—сказалъ онъ, глухо кашля: они съ самимъ енараломъ говорили и ужъ,—какъ и что,—обсудятъ.

Ребята поспорили и положили, тѣмъ же Андрюшкѣ и Родькѣ—ѣхать въ Пряслово. Часа черезъ два, въ лѣсу послышался говоръ множества голосовъ. Между деревьями замелькали сѣрые и черные зипуны. На поляну высыпала толпа мужиковъ, съ вилами, дрекольями и косами. То прибыли Прясловцы.

Впереди всѣхъ, съ дубиной на плечѣ, шелъ не высокаго роста, широкоплечій, съ опухшимъ лицомъ, вывернутыми врозь ногами и въ порванной, войлочной шапкѣ, пьяный и, очевидно, отъ давняго запоя, страдавшій желтухой, кузнецъ. Прясловцы окружили Дрона.

— Ну, барскій рабъ, сказывай, — обратился къ нему кузнецъ: гдѣ твои баре?

Дронъ замаялся. Кузнецъ, покаясь на него желтыми бѣлками, съ розмаха ударилъ его по уху.

— За что, милый, дерешься?—вскрикнулъ, пошатнувшись, Дронъ: мы люди смиренные, никому никакого зла...

Кузнецъ ударилъ его въ другое ухо. Дронъ упалъ на траву. Бровь сочилась по его лицу.

— Веди, холушка, указывай! у, пришибу! — свирѣпо крикнулъ кузнецъ, поднимая его за шиворотъ.

— Иди! что унираешься? велѣно, значить, къ допросу!—орали остальные мужики.

Оторопѣлый Дронъ, обиженно отирая кровь полою кафтана, пошелъ впереди галдѣвшей и размахивавшей руками толпы. — «Тихе,

черти, не ори! выпустишь лисовина и лисятъ!» — окрикнулъ товарищей кузнецъ. Всѣ тихо, оскучившись, вошли въ лѣсную просѣку.

— У кого, ребята, ножъ? — спросилъ кузнецъ.

Ему подали ножъ.

— Становись къ дереву! — сказалъ кузнецъ помертвѣлому отъ страха Дрону: нечего ждать; былъ ты барскимъ слугою, будь сразу царскимъ! — и, прижавъ его къ древесному стволу, онъ обрубилъ ему косу до затылка.

Толпа покатилась со смѣху: такъ былъ смѣшонъ остриженный Дронъ.

— Тише, зубоскалы! смирно! — командовалъ, идя далѣе вывернутыми ногами, кузнецъ.

XI.

Ничего не подозрѣвавшій, Алексѣй Андреевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія Дрона, прохаживался у экипажей по полянѣ. Бучера у коновязи отъ скуки играли въ карты. Серафима, въ тѣни берѣзъ, вынувъ изъ кареты подарокъ Туровцовою внучкамъ, нѣмецкую книжку народныхъ сказокъ, переводила изъ нея дѣтямъ сказку о красной шапочкѣ и о лютомъ волкѣ. Въ то время, когда она дошла до разсказа о дѣвочкѣ, увидѣвшей подъ чепцомъ мнимой бабушки зубастую голову волка, въ гущинѣ лѣса послышался трескъ валежника, какъ бы что-то шло и надвигалось оттуда. Дѣти въ страхѣ прижались къ матери. Серафима взглянула на мужа. Алексѣй Андреевичъ, въ смущеніи, стоя среди поляны, что-то говорилъ подходившему къ нему кучеру.

— Что это? что тамъ? — спросила, роняя книгу, Серафима.

Алексѣй молча махнулъ ей рукой. Переговоривъ съ кучеромъ, онъ поспѣшилъ къ коляскѣ, вынулъ оттуда двуствольный штуцеръ и саблю и подошелъ къ женѣ. Его лицо было блѣдно; губы подергивались судорогой.

— Не бойся, милая, ничего особеннаго! — сказалъ онъ, стараясь быть спокойнымъ: какіе-то мужики подошли и стоятъ вонъ тамъ, за деревьями, въ гущинѣ... должно быть — пьяные.

— Но что же имъ нужно?

— А вотъ увидимъ, — отвѣтилъ, отходя, Алексѣй: собирайся, да живо; я велѣлъ запрягать, торопись, — бери дѣтей... не успѣемъ вмѣстѣ, — уѣзжай пока впередъ одна.

— Alexis! mon Dieu! que signifie tout cela? да куда же ты? — говорила Серафима, хватая мужа за руку: не ходи, они тебя могутъ убить!

Алексѣй обнялъ жену, тихо ототранилъ ее и, перекрестивъ ее и дѣтей, молча пошелъ по полянѣ. Шумъ въ гущинѣ усилился. Послышались отдѣльные голоса. Изъ-за крайнихъ деревьевъ выглянула голова, въ разорванной, войлочной шапкѣ.

— Не подходи, что тебѣ надо?— крикнулъ, остановясь среди поляны, Алексѣй.

— Дѣя-че, ваше благородіе, не подходить?— спросилъ кузнецъ.

— А для того, —я приказываю! дѣтей напугаешь!

— Дѣтей? у насъ приказъ повыше!— отвѣтилъ, взявшись подъ бока и покачиваясь на разставленныхъ, кривыхъ ногахъ, кузнецъ.

Сзади его изъ-за вѣтвей выступили еще нѣсколько мужиковъ, съ дрекольями въ рукахъ.

«Неужели опознали Дрона?»— въ ужасѣ подумалъ Алексѣй: «гдѣ онъ бѣдный самъ? живъ ли?»

— Кто васъ послалъ сюда? по чьему приказу явились?— спросилъ онъ передовыхъ.

— Отъ батюшки, самого царя, повелѣніе! такъ - то!— отвѣтили мужики.

— Ну, слушай же, не подходи никто! буду стрѣлять!— громко сказалъ Алексѣй, взводя курокъ ружья и оглядываясь на жену и на кучеровъ.

Барета уже была запряжена. Серафима подсаживала туда послѣдняго, меньшаго ребенка. Второй кучеръ возился съ запряжкой коляски.

— Стрѣлять?— усмѣхнулся кузнецъ: вотъ какъ! руки, баринъ, коротки, —шею, може, свернешь...

Онъ выступилъ ближе изъ-подъ деревьевъ. За нимъ вышли на поляну другіе, посмѣяе.

— Эй, уходи, выстрѣлю!— объявилъ, беря на прикладъ ружье и цѣлясь, Дугановъ.

— Покоритесь, батюшка, Алексѣй Андреевичъ! вамъ ничего вреднаго не будетъ!— вдругъ послышался изъ толпы знакомый, плаксивый голосъ: не то... пропадать, видно, и намъ!

Алексѣй опустил ружье. Среди мужицкихъ зипуновъ и бородъ, онъ разглядѣлъ растеряннаго, остриженнаго по-мужицки, Дрона.

— Такъ это ты, старый, отцовъ слуга, привелъ ихъ сюда и еще предлагаешь мнѣ сдаться?— вскрикнулъ Алексѣй: ушли, безсовѣтный, измѣнилъ, продалъ насъ?

— Не продалъ, батюшка, казній Господь!— отвѣтилъ, всхлипывая, Дронъ: убивствомъ грозили... а вѣдь не мы, сударь, одни.

и прочіе, посуди, господа, служащіе вонъ офицеры признали, пѣлуютъ крестъ новоявленному государю...

Алексѣй оглянулся. Барета, съ Серафимой и дѣтьми, уже выбралась съ поляны на дорогу. Серафима оттуда махала ему платкомъ. Коляска тоже была запряжена; кучеръ съ горничной бросали туда послѣдніе узлы.

«Прощай, жена! прощайте, дѣти!» — мысленно произнесъ Алексѣй, видя передъ собой болѣе и болѣе надвигавшіяся къ нему, хмурые и грозныя лица мужиковъ.

— Да что, братцы, глядѣть? — визгливо крикнулъ кузнецъ: бей его, вяжи, ура!

Толпа, размахивая дубинами и косами, бросилась на Алексѣя. Онъ снова поднялъ ружье, приложился и выстрѣлилъ... Нападающіе шарахнулись назадъ, къ деревьямъ; дымъ разсѣялся. — «Раненъ ли, убитъ ли кто-нибудь?» — думалъ Алексѣй, взводи курокъ втораго ствола.

Поляна опустѣла. У ея окраины валялось на травѣ нѣсколько оброненныхъ шапокъ и дубинъ. Распластавъ руки навзничъ, лежалъ убитый выстрѣломъ кузнецъ. По лѣсу шелъ трескъ отъ бѣгущей въ разсыпную толпы. Между березъ, невдали отъ дороги, бились испуганныя выстрѣломъ лошади, опрокинувшія коляску, съ кучеромъ и горничною. Алексѣй бросился къ нимъ на помощъ. Кучеръ, надавленный кузовомъ коляски, съ трудомъ вылѣзъ изъ-подъ него и когда поднялся, Алексѣй увидѣлъ, что его лицо и руки были въ крови. — «Зарѣзали, голубчики, убили!» — ревѣла, припавъ ничкомъ къ травѣ, выброшенная изъ коляски горничная.

— Уходите, сударь, хоть пѣшкомъ, а не то верхомъ! — сказалъ кучеръ, дрожащими руками сисясь освободить спутавшихся въ вѣтвяхъ и оборвавшихъ сбрую лошадей: сами изволите видѣть, можно ли ѣхать? изъ четверни осталась тройка, и лопнула ось...

Онъ указалъ на опрокинутый кузовъ коляски. Отлетѣвшее, съ концомъ задней оси, колесо лежало у ближнихъ кустовъ.

— Барыня, барыня гдѣ? — спросилъ растерявшійся, видѣвшій отъѣздъ жены, Алексѣй.

— Далече уже, видно; Филиппъ тоже, полагать надо, не сдержалъ лошадей, — не свалился бы только со страху фалеторъ съ выноснаго.

— Буда они поѣхали?

Кучеръ указалъ вправо, къ сторонѣ большой дороги.

— Готово, батюшна, садитесь, да скорѣй! — произнесъ онъ,

опроставъ и подводя барину остальнаго пристяжнаго коня: еще догоните, успокойте сударыню и дѣтокъ.

— А ты-же?

— Намъ что! — отвѣтилъ кучеръ, отирая травой раненную руку: насъ, холопей, не тронуть; мы имъ нешто нужны?

— Да возьми хоть это, — сказалъ Алексѣй, бросая на траву саблю: авось пригодится

— И, батюшка! еще хуже будетъ; своею смертию погрѣмъ! супротивъ такой аравы нешто устоишь?

— Ой, ой, зарѣзали младшеньку, погубили сироту! — выла, припадая къ травѣ, хорошенькая, перепуганная горничная.

— Ты, Семень, береги Оеклушу! — сказалъ Алексѣй, вскидывая перевязь ружья черезъ плечо и взлѣзая на коня: найдешь знающихъ людей, почини коляску, — вотъ тебѣ деньги, — да спѣши, догоний... а ее чтобъ не обидѣли!

— Что ей, паскудѣ, станется! не съѣдятъ! — презрительно глянулъ на горничную кучеръ, освобождая изъ сучьевъ запутавшихся дышловыхъ: а вы, сударь, гоните, — не рано, да и душегубы эти какъ бы не перестрѣли.

Алексѣй поднялъ пристяжнаго вскачь. Его мучило сознаніе, что Серафима, съ дѣтьми, безъ него должна была теперь особенно тревожиться, кучеръ могъ сбиться съ дороги и, вмѣсто почтоваго тракта, врѣзаться глубже въ лѣсъ. А тутъ еще близились сумерки. Алексѣй, какъ ему показалось, ѣхалъ долго, никого не встрѣтивъ на пути. Но лѣсъ, въ той сторонѣ, куда онъ ѣхалъ, не прекращался и большой дороги, которая, по его мнѣнію, была тутъ не далеко, еще не было видно. — «Что бы это значило?» — разсуждалъ онъ, разглядывая извилистую колею и не видя на ней слѣдовъ каретнаго хода: «или я пропустилъ поворотъ, или попалъ не на тотъ путь?» — Сердце Алексѣя смалось. Въ лѣсу, между тѣмъ, замѣтно становилось темнѣе. Онъ то гналъ лошадь, то замедлялъ ее бѣгъ, давая ей вздохнуть и прислушиваясь, не гремятъ ли гдѣ, невдали, рессоры и не слышенъ ли бѣгъ каретной шестерни? Онъ поднялъ голову; вверху надъ деревьями было еще свѣтло. Облака золотились отблескомъ зари. Вдругъ Алексѣй замеръ; ему гдѣ-то почудилось фырканье лошадей; послышался стукъ экипажа. Онъ снова погналъ лошадь. Но мелькали деревья, кусты, — онъ убѣждался, что слухъ обманулъ его. Впереди и по сторонамъ все молчало, дорога была пуста. Прошло еще около полчаса. Паръ валилъ съ лошади. Алексѣй не зналъ, что дѣлать. Непривыкшій къ ѣздѣ, безъ сѣдла, на тряской, востлявой упряжной, онъ наконецъ почувствовалъ, что далѣе ѣхать не въ си-

лахъ.—«И какая цѣль?»—думалъ онъ, теряясь въ догадкахъ, гдѣ же онъ теперь и куда ѣдетъ: «сомнѣнія нѣтъ, я очевидно сбился, среди этихъ лѣсныхъ, разбѣгающихся тропинокъ... заморю только даромъ коня; надо остановиться, ждать разсвѣта... А жена, а дѣти?»—Онъ въ отчаяніи сжималъ кулаки. А тутъ еще голодъ сталъ напоминать о себѣ. Алексѣй сообразилъ, что съ утра почти ничего не ѣлъ. Въ лѣсу совершенно стемнѣло.

Своротивъ въ чащу деревъ съ дороги, Алексѣй слѣзъ съ лошади, кое-какъ пробрался сквозь вѣтви, привязалъ лошадь за уздечку къ кусту, положилъ ружье на траву и самъ свалился тутъ же. Угнѣздясь у древеснаго пня, онъ прилежъ къ нему головой, но, какъ ни былъ утомленъ, не скоро заснулъ.

ХІІ.

Спалъ онъ, какъ показалось ему, недолго. Его разбудило что-то непріятное и холодное, падавшее ему на лицо. Онъ очнулся, открылъ глаза. Начинаясь блѣдный, пасмурный разсвѣтъ. Набѣжавшее облако роняло сквозь деревья крупныя, тихія капли дождя. Лошади у куста болѣе не было. Она, вѣроятно, сорвала съ вѣтви уздечку и ушла пасть на привольѣ. Алексѣй вскочилъ, бросился искать ее. Онъ ходилъ долго, промочилъ ноги и самъ промокъ, но не нашелъ лошади.—«А ружье?»—вдругъ вспомнилъ онъ и началъ искать то дерево, подъ которымъ провелъ ночь; оглядывался, ходилъ вправо и влѣво, возвращался назадъ, соображалъ,—но тщетно. Алексѣй очутился безъ лошади и безъ ружья.—«Теперь все кончено, я безповоротно пропалъ!»—рѣшилъ онъ: «первый встрѣченный прохожій увидитъ меня, тотчасъ, по одеждѣ и по всему, признаетъ меня за барина, за дворянина, и безъ жалости выдастъ меня. Побѣгъ нашъ оглашенъ въ окрестности... тамъ на полянѣ убитый мною мужикъ... развязка неминуемая...»

Алексѣй снялъ шляпу, отеръ вспотѣвшее лицо, перекрестился и пошелъ по лѣсу, отыскивая дорогу. Скоро онъ увидѣлъ въ сторонѣ, между деревьевъ, тропинку и свернулъ на нее. Лѣсъ порѣдѣлъ. Тропинка вышла къ рѣкѣ. День прояснился. Облака разошлись. Солнце начинало припекать. Томимый жаждой, Алексѣй напился въ рѣкѣ и пошелъ ея берегомъ. Вдали показалась верхушка какого-то зданія. Алексѣй узналъ мельницу, къ которой онъ подѣзжалъ вчера утромъ съ семьей.

Серафима, выбравшись изъ лѣсу, послѣ нападенія мужиковъ, то и дѣло выглядывала изъ огня на дорогу, не догоняетъ ли ее мужъ? Воляски Алексѣя не было видно.

— Да куда же ты торопишься, Филиппъ? — спросила она кучера: баринъ насъ и такъ не догонитъ.

— Эхъ, матушка, сами-то думайте о себѣ, да о малыхъ дѣтяхъ! — укоризненно отвѣтилъ кучеръ, понукая лошадей: баринъ-то еще справится, коли что, а ужъ вамъ хоть бы доѣхать до города. Вотъ мы стороной, сударыня, мимо того каторжнаго села... Прежде было бы такъ-то... Да и городъ не далече, вонъ верхушки церквей, — указалъ съ пригорка Филиппъ: должно это и есть самый тотъ Курмышъ... объехать бы и его... Гони, Митька! — крикнулъ онъ форрейтору:

Карета съ почтовой дороги спустилась влѣво на лугъ и понеслась, извилистымъ проселкомъ, между свѣжей черной пахоти и пасущихся по снятымъ покосамъ овецъ и лошадей. Версты черезъ двѣ, проселокъ поднялся на новое взгорье. За взгорьемъ оказалась деревушка, дворовъ въ десятокъ. — «Объехать бы какъ-нибудь и это новое, чортово гнѣздо?» — подумалъ кучеръ, видя съ досадою, что дорога идетъ прямо на этотъ посѣлокъ. Онъ направилъ лошадей, по лугу, еще лѣвѣе, въ объѣздъ огородовъ и огумениковъ деревни. Но встрѣтился крутой оврагъ; внизу оврага струился ручей, а мостъ черезъ него былъ разоренъ. Пришлось опять сворачивать. Кучеръ поѣхалъ прямо въ околицу. Карету здѣсь уже замѣтили. Изъ-за плетня крайняго огорода, на подъѣзжавшихъ смотрѣла высокая старуха, знаками подзывая кого-то съ грядокъ. Съ улицы въ ближній дворъ, крича, оглядываясь и махая руками, стремглавъ бѣжала куча ребятишекъ. Митька форрейторъ, безъ крика — пади! — изъ всѣхъ силъ понукалъ выносныхъ.

Едва карета вѣхала въ деревню, на встрѣчу ей изъ ближнихъ воротъ вышелъ, съ рубанкомъ въ рукѣ, босой, съ бѣльмомъ на глазу, бородатый мужикъ.

— Куда, дядя, ѣдете? — спросилъ онъ, вытаскивая изъ бороды древесныя стружки.

— На богомольи были... мы сами курмышскіе, — отвѣтилъ, пошевеливая возжами, Филиппъ.

— Чьихъ же будете? — недовѣрчиво уставился на него бѣльмомъ бородачъ.

— А вы?

— Мы Синдѣевцы... выселокъ нашъ — Синдѣевка... а я, выходитъ, бондарь.

— Ну, а мы Лаптевыхъ кушцовъ... басонщики они, опять же держать и винный подрядъ, — придумывалъ на удачу кучеръ: ей,

вы, други! не далѣчко до дому!—прибавилъ онъ, спокойно ударивъ по лошадиамъ.

— Басонщики? Лаптевыхъ?—произнесъ бондарь, загоразивая лошадиамъ дорогу и хватая подъ уздцы дышловыхъ: не слыхано что-то такихъ!

Бучеръ оглянулся. Справа и слѣва подходили другіе мужики. Они окружили карету, заглядывая въ окна. Дѣти снова подняли плачь.

— Что вамъ нужно?—строго спросила Серафима: видите, дѣти... пугаете... ну, развѣ можно такъ?

— Зачѣмъ пугать? у самихъ, сударыня, ребята, не щенки!—заговорили крестьяне: а только такихъ дѣловъ не попустимъ... нельзя!

— Но какія же, скажите, дѣла?

— Бурмышскіе, видишь, басонщики-кунцы! а такихъ и не слыхано.

— Бучеръ съ испуга напугалъ... мы дальніе, посторонніе,—оправдывалась Серафима.

— Ужо вотъ повидимъ! начальство разбереть! въ городъ ихъ! садись, Михеичъ, и ты, Парамонъ... вези ихъ!—настаивала толпа, такъ близко наваливаясь къ окнамъ, что въ каретѣ стало трудно дышать.

— Да что же это, о, Господи!—проговорила, заливаясь слезами, Серафима: Петя, Коля, просите ихъ.

Дѣти, прижимаясь въ страхъ къ матери, еще болѣе разревѣлись.

— По что, милыя голубятки, плачете?—спросилъ, ближе всѣхъ стоявшій къ окну кареты, подслѣповатый и курносый, въ дырчыхъ лаптишкахъ, старикъ Ермиль: дай, батюшка, ручку! дай!—обратился онъ къ плакавшему Петѣ.

Понукаемый матерью, озадаченный Петя протянулъ въ окно пухленькую, мокрую отъ слезъ, руку.

— Ай да, барчѣнокъ! молодець распрекрасный!—воскликнулъ Ермиль, щуря смѣющіеся глаза и цѣлуя руку дитяти: не бойся, съ матушкой! государь-отъ нашъ милостивый, приничковъ дастъ.

Прочіе мужики, тоже присмирѣвъ, умильно смотрѣли на дитя и на Ермила.

«Что же это, Богъ мой? во снѣ или на яву?»—думала Серафима, разглядывая казавшіяся ей теперь добрыми, ласковыми и совершенно искренними лица мужиковъ: я ошибалась; бояться ихъ нечего... это не тѣ, что грозили, съ дубинами, въ лѣсу!»

— Такъ что-жь, Парамонъ? Михеичъ, лѣзь!—заговорили въ толпѣ: нечего, братцы, зѣвать! велѣно; ну, и вези.

— Да куда лѣзть-то?

— На козлы.

Михеича подталкивали въ спину. Онъ подумалъ, увелелся за колесо, сталъ на его ступицу и, обервавшись, упалъ. Тамна захохотала. Дѣти также развеселились. Михеичъ снова полѣзъ, добравшись до козелъ, усѣлся тамъ и втанилъ за собой Парамона.

— И мнѣ, видно, съвами!—сказалъ Ермиль, взлѣзая на запятки.

— Съ Богомъ! счастливаго пути! — заговорили, кланяясь, мужики.

Филиппъ шевельнулъ вожжами. — «Господи, дай намъ благополучно доѣхать!» — шептала, крестясь, Серафима. — Барета помеслась, гоня по улицѣ куръ и гусей и поднявъ облако пыли.

— А вѣдь барыню и ребятокъ-то порѣшать! — сказалъ бондарь, качая головой въ слѣдъ удалявшимся путникамъ.

— Ну, дядя Сысойко, може разсудятъ еще и иначе! — возражали, расходясь, мужики: погрозятъ и отпустятъ.

Барета, свернувъ изъ Сидѣевки, выѣхала снова на большую дорогу. Невдали обозначились берега Суры.

— Гдѣ же мы остановимся? куда насъ везете? — спросила Серафима Львовна проводниковъ.

— Да ты не сумлѣвайся, не бойся, какъ есть, ничего, — отвѣтилъ, нагнувшись съ козелъ, Парамонъ: къ самому емералу представимъ.

— Онъ праведный, вчера съ, слышно, вотъ какъ дѣла разбиралъ! — отозвался съ запятокъ Ермиль: у кого что взято, — отдано, а кому, сказывали нонче ребята, такъ и прибавилъ еще отъ казны.

Миновавъ Суру, путники въѣхали въ городъ и приблизились къ площади, полной народа.

— Куда теперь? — спросилъ, оглядываясь на провожатыхъ, кучеръ.

— Вонъ, тесовыя новыя ворота, воеводская фатѣра, — указалъ рукой Парамонъ.

— Да нѣтъ, въ ратушу держи, — вмѣшался Михѣичъ: туды сказано.

— Знаешь ты много, чортъ! ратушу емераль уволилъ, закрылъ.

Барета остановилась у каменнаго, въ одинъ этажъ, воеводскаго дома, передъ крыльцомъ и воротами котораго стояла, съ пиками и шашками, кучка яицкихъ казаковъ и башкиръ. Далѣе толпились народъ.

— Гдѣ изымали? — спросилъ чей-то голосъ: кто везеть?

— Синдѣевскіе.

— Красный, видно, звѣрь...

— Иди, доложи.

Серафимъ указали на крыльцо. Входя на него, она оглянулась; ея проводниковъ уже не было видно. Надвинувшаяся съ площади, горлачившая толпа захлестнула ихъ своею волной. Держа младшаго ребенка на рукѣ, она съ двумя другими робко ступила черезъ порогъ сѣней.

Задержанныхъ ввели въ просторную комнату, гдѣ у стола, прикрытаго зеленымъ сукномъ, передъ зеркаломъ, сидѣлъ широкоплечій, плотный человекъ, съ свѣтло-русою, широкою бородой и голубыми, красивыми глазами. То былъ опередившій самозванца, ближайшій изъ его новыхъ пособниковъ, Ивашко Твороговъ.

— Ты кто?—спросилъ онъ, оглядывая Серафиму.

Та назвала себя.

— Это твои, что-ль, малюки? — указалъ онъ на дѣтей, жавшихся къ матери.

— Мои.

Твороговъ оглянулся на стоявшаго за нимъ, въ синемъ кафтанѣ, молодого казака. Серафима остолбенѣла. Въ казакѣ она узнала того офицера, который, подъ видомъ мнимо-раненнаго подъ Казанью, вчера обогналъ ее и Алексѣя на дорогѣ подъ лѣсомъ.— «Эмиссаръ!»—подумала она: «спѣшилиъ сюда, на казенныхъ почтовыхъ, бунтовать народъ!»

— Это въ Прясловѣ, что ли, васъ остановили вчера?—спросилъ, переговоривъ съ товарищемъ, Твороговъ.

— Да, мы ѣхали вчера черезъ какое-то село и насъ далѣе отсюда не пустили.

— А по что мужъ твой, али онъ тебѣ родичъ какой, отгонялъ давеча въ лѣсу царскихъ дозорцевъ? только вотъ донесли отголъ верховые.

— То дѣйствительно былъ мой мужъ, — отвѣтила Серафима: но набѣжали вдругъ крестьяне и чуть не до смерти перепугали меня и дѣтей.

— Нѣжныя какія! — усмѣхнулся Твороговъ: а для - че было стрѣлять въ народъ? вѣдь убить, ни за-што, прясловскій кузнецъ.

Серафима не чувствовала ногъ подъ собою.

— За то отвѣтишь, съ мужемъ, — объявилъ Твороговъ: за убивство—знаешь что?

— Скажите, на милость, — не знаю, какъ васъ звать, — произнесла Серафима: гдѣ же мой мужъ? живъ ли онъ?

— Найдется, красавица, по-пусту не томишь! — отвѣтилъ Твороговъ.

Онъ далъ знакъ казаку, стоявшему у дверей.

— Близки конвой, отведи ихъ къ прочимъ; а ты, молодуха, не бойся; завтра ждемъ самого государя, онъ разберетъ твое и всякое дѣло.

Серафима, не влкаясь, молча направилась къ выходу.

— Такъ ты будешь Дуганова? помѣщица?—спросилъ ее во слѣдъ Ивашко.

Серафима, оглянувшись, молча качнула головой.

— Гдѣ ваша вотчина?

— Возлѣ Саратова.

— Какъ звать?

— Горки.

Твороговъ записалъ на клочкѣ бумаги ея слова.

— А ѣдете откуль?—спросилъ онъ.

— Изъ-подъ Казани.

— Зачѣмъ тамъ были?

— Въ гостяхъ у моей крестной.

— Какъ ее звать?

— Вдова генералъ-аншефа, Варвара Ивановна Туровцова.

Твороговъ подумалъ, какъ бы что-то вспоминая, и сказалъ:

— Такъ, такъ, знакомое дѣло... ступай, молодка, отдыхай, завтра все порѣшимъ!

Серафиму, сквозь толпу тѣснившихся, напиравшихъ другъ на друга зѣвакъ, конвойные провели въ сосѣдній, въ два яруса, домъ городской ратуши. — «Сердечная, да съ махонькими ребятками!» — слышался, при ея проходѣ, голосъ бабъ. — «Одна дорога душегубкѣ! всѣ они, дьяволы, одного сада малина!» — отзывались мужскіе голоса.

XIII.

Невысокая и длинная комната втораго яруса, куда ввели Дуганову, выходила окнами на площадь и во дворъ. Она была переполнена задержанными въ городѣ и окрестностяхъ дворянами. Здѣсь находилось не менѣе тридцати человѣкъ. Старые и молодые помѣщичьи, чиновники и отставные офицеры, женщины и дѣти, тихо разговаривая, сидѣли или лежали на скамьяхъ и прямо на полу. Въ сумеркахъ еще можно было разглядѣть ихъ блѣдныя, у нѣкоторыхъ спокойныя, у другихъ испуганныя лица и заплаканные глаза. При входѣ новой арестантки, двое-трое взглянули на нее, съ состраданіемъ; прочіе—въ туномъ отчаяніи — даже не повернулись къ ней.

— Послушай, милый,—сказала въ полголоса Серафима конвойному казаку, проводившему ее сюда: тамъ, въ нашей каретѣ, узелокъ, съ закуской... достань, голубчикъ, принеси сюда дѣтямъ.

Базаръ молча вышелъ. Закуски не приносили. Серафима, съ дѣвочкой, заснувшей на ея рукахъ, сѣла къ окну, выходявшему на площадь. Петя усѣлся рядомъ съ нею; Коля подошелъ къ окнамъ во дворъ.

— Мама, мама, — сказалъ ей, въ полголоса, Коля, подбѣгая отъ оконъ: смотри, что во дворѣ дѣлаютъ мальчики... да смотри же.

Серафима пошла за Колей, взглянула въ окно. Уличные ребята, устроивъ среди двора изъ палокъ висѣлицу, втягивали на нее веревкой за шею связаннаго котѣнка. Буча взрослыхъ, надсѣдаясь отъ смѣха, слѣдила за ихъ забавой.

— Комическая репетиція—en petit—грустной и грозной трагедіи—en grand!—тихо проговорилъ кто-то, за спиной Дугановой.

Она оглянулась. Возлѣ нея стоялъ пожилой и высокій, нѣсколько сгорбленный господинъ, съ блѣднымъ и важнымъ лицомъ. Онъ былъ въ сѣромъ суконномъ рединготѣ, но безъ камзола, въ батистовой, тонкой рубахѣ, съ кружевами, и въ однихъ чулкахъ, безъ сапоговъ.

— Да, сударыня, — сказалъ онъ, со вздохомъ: эти маленькіе будущіе Калыгулы и Нероны репетируютъ здѣсь, за-просто, въ миниатюрѣ—то, что ихъ родители и близкіе уже продѣлываютъ на площадяхъ, торжественно и въ виду всѣхъ.

Серафима въ ужасѣ отвела ребенка отъ окна.

— Отставной гвардіи капитанъ, Фѣдоръ Копьѣвъ, — сказалъ, идя рядомъ съ нею и вѣжливо кланаясь, пожилой господинъ: взяты подъ городомъ, въ собственной усадьбѣ, и, какъ видите, — прошу извинить, — въ чемъ былъ, почти босикомъ... А мой братъ, Петръ Копьѣвъ, цыvilьскій воевода, два дня назадъ, испыталъ въ своемъ городѣ участь той кошки, которую вы видѣли сейчасъ.

Серафима готова была разрыдаться.

— Но за что же, все это, за что?—спросила она, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ: вѣдь на все есть какія-нибудь основанія... тигръ, крокодилъ нападаютъ отъ голода... а здѣсь?

Копьѣвъ, молча разставивъ руки, поднялъ глаза къ потолку.

— За грѣхи наши!—сказалъ онъ: бѣднымъ и богатымъ одна участь... Нашъ родъ не изъ богатыхъ, а терпимъ тоже... Съ кѣмъ, извините, имѣю честь говорить?

Дуганова назвала себя. Копьѣвъ присѣлъ рядомъ съ нею.

— Какъ попали сюда?—спросилъ онъ: гдѣ вашъ мужъ, родина?

Серафима обо всемъ рассказала:

— Да, ваша исторія, какъ и моя, — какъ и моего брата, — одно и то же, — тяжкій сонъ на-яву! — произнесъ Копьѣвъ: а вонъ, сударыня, въ углу, у печки, господинъ, — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: видите, въ темно-вишневомъ, бархатномъ кафтанѣ, съ золотыми вистями у петель, завитой, въ серебряной пудрѣ... Это первый въ нашемъ округѣ богачъ и мотъ, князь Сивскій... Охъ, обижалъ же онъ бѣдненькихъ сосѣдей, да какъ! не крестьянъ, — съ ними онъ дружилъ и бражничалъ, — нѣтъ, своего брата дворянина! У того вонъ, въ суконномъ архалучкѣ, отставнаго майора Юрлова, — что спить, свернулся на полу, — этоть Сивскій силой вырубилъ послѣдній лѣсъ, скосилъ въ прошломъ году все сѣно, а нынче хлѣбъ; а у этой вонъ барыни, Маковневой, и у ея брата Дмитрія, что сидятъ у двери, загналъ скоть, связалъ и высѣкъ ихъ управителя... Въ службѣ не былъ, грамотѣ не ученъ и не умѣетъ писать... А франтъ, внучатный племянникъ Орловыхъ, — ну, вездѣ терпѣли и вышелъ сухъ изъ воды... Попался обидчикъ наконецъ сюда, да чтó! Этакій выйдетъ сухонекъ и здѣсь.

— Чтó, Федоръ Ильичъ, поѣшь новой гостѣй? — отозвался отъ печки мягкій, насмѣшливый голосъ Сивскаго, дремавшаго тамъ и услышавшаго кое-что изъ словъ Копьѣва: раньше тебя не вздернуть! Извините, сударыня, что вжѣшываюсь и перебиваю. Онъ, вѣдь, у насъ святоша, даже въ скоромные дни ѣсть постное... А лучше пусть скажетъ, какъ онъ радовался и предрекалъ, что скоро, мошь, всѣ избавимся отъ бича, — вотъ и избавились.

— До-нынѣ во хмѣлю, — шепнулъ Серафимъ Копьѣвъ.

«Боже! — подумала Дуганова: въ такомъ мѣстѣ и то перекосятся, ссорятся!»

— Полно вамъ, безстыдники, спорщики, душу всю за день истерзали! — отозвалась изъ дальняго угла старушка, въ черномъ платьѣ и черномъ головномъ платкѣ: у нея, сердечной, дѣти голодныя, сама она не своя и, чай, тоже голоднѣшенька, а они языки чесать, сплѣтки плести, — тьфу!

Старуха, вставъ, пригласила Серафиму въ свой уголь, гдѣ сама сидѣла, съ миловидной дѣвушкой-внучкой, достала изъ какого-то свертка хлѣба, сухой рыбы и пирога, и накормила дѣтей Серафимы, убѣдивъ закусить и ее. Въ комнатѣ стемнѣло. Бывшіе въ ней, знакомые другъ съ другомъ и незнакомые, мало-по-малу затихли.

— Да, тяжкая и главная наша бѣда — общій разладъ и ссоры! — сказала старуха, разостлавъ на полу свой капоть и мантѣ внучки и уложивъ на нихъ дѣтей Серафимы: я, матушка, сама коренная

здѣсь въ городѣ дворянка, вдова Наталья Прокофьева Ульянова. Не любить меня за правду здѣшніе, — груба, молъ, очень откровенна и зла на языкъ! А уже гдѣ тамъ зла? Истину говорю... Вотъ жуть бы и это наше тяжкое горе... Развѣ все то, что наступило, случилось бы, еслибы, сказать, эти Сивскіе, да хоть бы и Бопьёвы, вмѣсто перекоровъ, да тяжбъ, дружно собрались, да объяснили толково своимъ подданнымъ, какъ и что, вооружили ихъ и смѣло вышли бы на злодѣевъ? Почему ихъ гонять? трусы! а сами злодѣи чуть услышать — Муфель, либо графъ Меллинъ, и всѣ въ разсвѣсную.

— И что еще удивительно, — проговорила чуть помнившая себя отъ усталости и пережитыхъ тревогъ Серафима: какъ духовенство не поднимаетъ голоса, не толкуетъ черни?

— Да какое, мать ты моя, духовенство? — съ горечью шептала и вздыхала Ульянова: какое оно нынче у насъ? пошь и дьяконъ въ селѣ-пьяные, дьячекъ неграмотный, читаетъ по наслышкѣ... А была я, съ покойнымъ мужемъ, въ нѣметчинѣ; онъ отъ хворости воды тамошнія пилъ... Ну, тамъ не то, куда! не токма высшіе всѣ дружны, — чернь, почитай, вся грамотна до одного, а ужъ духовенство... да что и говорить? Я не помѣщица, какъ ты, либо какъ Бопьёвъ, да Сивскій, а попала сюда, по доносу здѣшнихъ же соборныхъ поповъ, Евдокима, да Адрияна.

— За что?

— Обнесли, что я мнимаго царя открыто зову Емелькой и воровъ. Да вѣдь онъ воръ — Емелька и есть! Свояченица маво мужа ему въ Базани, въ тюрьмѣ, и милостыню подавала, знаетъ его. Мнѣ что, вдова и сирота, некому жалѣть, въ гробъ давно гляжу... А они, бородачи, — хоругви поднимаютъ, собираются встрѣтить его, съ иконами и звономъ, а его, прости Господи, царицу Устинью на ѣктеньѣ помнятъ...

Долго еще говорила Ульянова. Серафима уже не слушала ея. Примостивъ дѣтей ближе къ себѣ, она спала крѣпкимъ, тихимъ сномъ.

Арестованные, спавшіе въ повалку, гдѣ и какъ кто устроился и легъ, были разбужены шумомъ съ надворья. Утро только — что занималось. Подошедшіе къ окнамъ увидѣли, что площадь снова уже полна народомъ. Духовенство, въ облаченіи, съ хоругвями и крестами, стояло на паперти, глядя въ сосѣдную улицу. Плотники, у церковной ограды, строили какой-то помость и по бокамъ его ставили столбы. Сторожа принесли заключеннымъ пищу. Бнязь

Сивскій тщетно уговаривалъ ихъ добыть чаю, сахару и самоваръ. Пришелъ сбитеньщикъ; нѣкоторые стали пить сбитень. Сивскій, морщась, подѣлъ къ нимъ. Серафима, выпросивъ у конвойныхъ кувшинъ воды, умыла и прибрала дѣтей. Прошло нѣсколько часовъ. — «У меня есть деньги, — подумала Серафима: что, если подкупить стражу, вырваться, уйди?»

Сидѣвшіе у оконъ неожиданно крикнули: «ѣдетъ, ѣдетъ!» — Всѣ всполошились, бросились къ окнамъ. Черезъ головы и спины другихъ, Серафима увидѣла въѣзжавшихъ рысью на площадь запыленныхъ, на тощихъ лошадяхъ, казаковъ. Во главѣ ихъ, на высокомъ, чаломъ конѣ, ѣхалъ, съ саблею въ ружь, худой и сильно-загорѣлый, глядѣвшій изподлобья, всадникъ, въ красномъ чекменѣ, въ черной, барашковой шапкѣ на-бекрень и въ наперсномъ, архимандричьемъ крестѣ, съ голубой лентой, на шеѣ.

«Пугачовъ, это Пугачовъ!» — съ ужасомъ твердили арестованные, видя въ окна, какъ, при проѣздѣ этого всадника, у наперти, преклонялись хоругви, духовенство осѣняло его крестомъ, а онъ кланялся народу, падавшему передъ нимъ, безъ шапокъ, на колѣни.

— Ваше величество, ваше...! — смѣялся князь Сивскій, кланяясь и прикладывая руку ко лбу, какъ бы къ козырьку: обрадовалъ отецъ нашъ, спасибо! оживилъ!

— Да полно, князь, паясничать! вотъ скоморохъ, и въ такую минуту! — огрызнулась на него Наталья Прокофьевна: мало тебя, видно, въ дѣтствѣ сѣкли.

— Бросьте его, бабенка! охота! — шепотомъ остановила Ульянову внучка.

— Вотъ и правда на землѣ! — обиженно сказалъ Сивскій: и скоморохъ... а что же лучше, не терять ли духа, или отчаяваться и печалить другихъ? Такъ ли я говорю, товарищи по общему горю?

Никто Сивскому не отвѣтилъ. Всѣ молча глядѣли въ окна.

Пугачовъ всталъ съ лошади, взошелъ на наперть и положилъ свою руку на руку Творогова, обмотанную желтымъ, шелковымъ платкомъ. Народъ, цѣлуя крестъ, протягиваемый священникомъ, тутъ же прикладывался къ ружью самозванца.

— Тьфу, богохульники! — не утергѣвъ, плюнула Ульянова: и это слуги алтаря! такъ вотъ, кажись, своими руками выщипала бы имъ бороды.

— Не торопись, тетенька, сама присягнешь! — вполголоса сказалъ Сивскій.

— А ужъ это увидимъ, кто первый поподличаетъ, — отрѣзала ему Наталья Прокофьевна, одергивая на головѣ платокъ.

XIV.

Присяга народа самозванцу была кончена. Окруженный приближенными, онъ прошелъ отъ церкви вправо, къ воеводскому дому, въ которомъ опрашивали Серафиму и котораго не было видно изъ ратуши. Толпа новалила туда къ крыльцу. Прошло болѣе часа. Мимо оконъ ратуши въ это время, то и дѣло, сновали пѣшіе и конные посланцы. Казаки провели къ воеводскому дому какого-то, съ связанными руками, хмураго и толстаго старика, очевидно, зажиточнаго купца.

— Мама,—обратился къ Серафимѣ Коля: а котенокъ все виситъ во дворѣ...

— Не смотри туда, милый,—остановила Колю Серафима, уводя его въ глубину комнаты.

— А посмотри, бабинька, что это?—сказала внучка Ульяновой: вотъ, вотъ у церкви.

Серафима тоже взглянула на площадь. Ея близорукіе глаза, у церковной ограды, увидѣли что-то тѣмное и высокое, чего прежде за народомъ не было видно. То были два столба, съ перекладиной; такіе же два столба видѣлись далѣе, у деревьевъ ограды.

Сердце Серафимы упало. — «Для кого это?» — подумала она: «неужели и здѣсь будутъ казни? Воевода уже смѣненъ; на его мѣсть вчера засѣдалъ другой. Неужели смѣннаго осудятъ, замучаютъ?» — И ей вспомнилось прощаніе съ крестной, ея поклонъ этому воеводѣ, благодарность за чайныя розы... — Серафима перенеслась мыслью на Волгу, въ Красный Бутъ и Горки.

— Кто здѣсь Маковневъ? Маковневъ Дмитрій, майоръ?—громко спросилъ казакъ, войдя, съ пикой и въ шапкѣ, къ плѣннымъ.

Всѣ молча и съ тревогой переглянулись. Отдохнувшій за ночь и подкрѣпившійся сбитнемъ, съ булкою, Маковневъ спокойно выступилъ впередъ. Серафима со словъ Ульяновой знала, что его, съ пожилою его сестрой, привезли за двадцать верстъ изъ ихъ деревни, на телѣгѣ, связанныхъ и въ чемъ утромъ застали: ее—въ капоть и ночью чепцѣ, его—въ ситцевомъ халатѣ, тѣлеснаго цвѣта, съ пуговками, въ видѣ бомбочекъ, и въ вышитыхъ гарусомъ башмакахъ, на босу ногу. Большая зубами, его сестра всю ночь не спала, сидя съ подвязанною щекой. Онъ, умывшись и закусивъ, смотрѣлъ свѣжо и, для утѣшенія сестры, даже весело.

— Я Маковневъ майоръ!—отвѣтилъ онъ посланному, застегиваясь и оправляя на себѣ волосы.

— Иди, ваше благородіе, требуютъ!—сказалъ казакъ, открывая дверь.

Маковнева увели. Прочіе арестанты стали разсуждать, зачѣмъ и куда повели майора, о чемъ будутъ его спрашивать и чѣмъ кончится его дѣло? Серафима увидѣла, что нѣкоторые, подѣ шумъ разговоровъ, молились, другіе, добывъ отъ стражи клочекъ бумаги, перо и чернилъ, писали, вѣроятно, къ ближнимъ письма. Такъ прошло не менѣе двухъ часовъ.

«А что же дѣлаешь мнимый царь?» — подумала Серафима. Она освѣдомилась у сторожа.

— Раздавалъ батюшка, милостивый деньги, потому дѣлилъ всѣмъ вино, теперь обѣдать съѣлъ, — отвѣтилъ сторожъ.

— Куда повели майора?

— Не можемъ знать... должно, допроса въ воеводской ждетъ.

Еще прошло съ полчаса. Серафима ощупала на пальцѣ дорогой, съ изумрудомъ, перстень. — «Подкупить ихъ, бѣжать!» — мыслила она, съ дрожью ходя по комнатѣ и поглядывая на дверь, за которою стояла стража.

— Юрловъ Василій! секундъ-майоръ Юрловъ! — объявилъ тотъ же казакъ, снова войдя въ комнату.

Отставной кавалеристъ и страстный охотникъ, Юрловъ былъ схваченъ подѣ городомъ, при переправѣ черезъ Суру. Прослышавъ о переправѣ Пугачова черезъ Волгу, онъ затѣялъ бѣжать изъ своего помѣстья въ Москву и для того нарядился мѣщаниномъ, въ поношенную сѣрую поддѣвку и въ длинныя, смазныя сапоги, а для большей неузнаваемости даже по-мужицки остригся, въ скобку. Собственный его пьянчужка егеръ, ѣздившій въ Курмышъ за лѣкарствомъ для собакъ, узналъ его и разболталъ о немъ на переправѣ.

— Прощайте, други, — сказалъ Юрловъ, кланяясь и, какъ ни былъ взволнованъ, стараясь улыбнуться товарищамъ по заключенію: не поминайте лихомъ. Копьѣвъ!... заберите борзыхъ, коли пришибутъ.

— Полноте, мужайтесь! — успокоивалъ его Копьѣвъ: все это, дастъ Богъ, кончится благополучно.

— Да я и не смущаюсь! — отвѣтилъ Юрловъ: какъ это сказано? Dieu ne peut, roi ne daigne, Vogan... сирѣчь, Юрловъ — je suis! salut, mesdames et messieurs!

Юрловъ, поклонясь, вышелъ. За нимъ, черезъ нѣкоторое время, потребовали Ульянову.

— Дворянка Наталья Ульянова! — послышался голосъ конвойнаго: кто здѣсь Ульянова?

Наталья Прокофьевна молча встала. Помолясь въ окно на цер-

ковъ, она обняла внучку, трижды перекрестила ее и поцѣловала, и когда та, прощаясь съ бабушкой, горько заплакала, старуха снова перекрестила её и, цѣлуя, тихо сказала ей, въ утѣшеніе, нѣсколь-ко теплыхъ, ободряющихъ словъ.

— Ну, а теперь вы, Серафима Львовна! честная, любящая мать!—обратилась Ульянова къ Дугановой, отводя ее въ сторону: иду въ отверстый зѣвъ лютаго тигра и, ужъ такъ думаю, меня ему не пощадить. Прости, родная! сохранить тебя Господь, побереги Соничку, мою сироту... Да сейчасъ, постылый, дай проститься!—крикнула Наталья Прокофьевна казаку, звавшему ее вторично: не на радость иду, вернусь ли?

Голосъ старухи дрогнулъ. Слезы побѣжали по ея блѣдному, морщинистому лицу. Серафима обняла ее, поцѣловала въ плечо и стала утѣшать.

— Пощада, прощеніе? нѣтъ добрая, стой, не говори,—перебила ее старуха: развѣ не видишь? никто изъ позванныхъ къ злодѣю не возвратился... Сама, разумная, молись; проси у Господа жизни для малыхъ твоихъ дѣтокъ. Не спрою, и твоя участь на волосъ,—заключила Ульянова, строго и важно смотря въ глаза Дугановой: будь готова, понимаешь, ко всему, хоть и думается мнѣ,—за что гибнуть такой красивой, доброй, да молодой? Да, сердечная, жди всего... вонъ гляди, всѣ прочіе поняли, убиваются... и князь-своморохъ плачетъ!

Серафима оглянулась. Щеголь Сивскій, ухвативъ себя за волосы, сидѣлъ въ дальнемъ углу, склонясь къ колѣнямъ. Его плечи тихо вздрагивали отъ заглушенныхъ слезъ. На новый зовъ конвойнаго, Ульянова, крестясь и шепча молитву, низко поклонилась всѣмъ и молча вышла за дверь.

«Не возвращаются, точно падаютъ въ пропасть!»—въ мучительной тревогѣ, думала Серафима: «неужели суждено не возвратиться и этой бѣдной старухѣ? да что же съ ними дѣлаютъ?»—Кто-то, идя по комнатѣ, взглянулъ въ окно на площадь и въ ужасѣ что-то вскрикнулъ. Всѣ снова бросились къ окнамъ. Поднялись отчаянные вопли, рыданія.—«Боже мой! что они видятъ тамъ?»—замирая, думала Серафима. Растерянные, съ обезумѣвшими лицами, женщины, ломая руки и продолжая что-то кричать, метались по комнатѣ. Блѣдный, потерявшійся, какъ всѣ, съ испуганными глазами и развѣвшеюся косой, князь Сивскій, припавъ къ полу, приводилъ въ чувство упавшую въ обморокъ внучку Ульяновой. Серафима вспомнила о висѣльцахъ, стоявшихъ на площади.—«Вотъ о чемъ ужасъ и крики!»—сказала она себѣ и, съ мыслью о перст-

нѣ, о спасеніи, схвативъ дѣтей, бросилась къ выходу. — «Бѣжать, бѣжать!» — мыслила она.

Дверь отворилась. У порога стоялъ тотъ же конвойный.

— Помѣщица Дуганова и капитанъ Копьѣвъ! — сказалъ онъ, глядя на плѣнныхъ.

«Кого это онъ зоветъ?» — подумала Серафима, видя, что на нее всё смотрять. Она не двигалась съ мѣста. Подошелъ сумрачный, сторбленный Копьѣвъ.

— Васъ и меня, — сказалъ онъ тихо, оправляя на себѣ платье.

Серафима бросилась къ дѣтямъ, прижала ихъ къ углу и, заграждая ихъ, обернулась.

— Не смѣйте трогать дѣтей! не отдамъ! уходите! — кричала она, не помня себя.

Конвойный выглянулъ за дверь; оттуда вышло нѣсколько сторожей.

— Возьмите деньги! это кольцо! у насъ много, алмазы! — вопила, дрожа и плача, Серафима: меня берите, ведите на казнь, — оставьте дѣтей.

Сторожа подошли къ Дугановой, отстранили ее, подняли на руки плачущихъ и рвавшихся къ ней дѣтей и понесли ихъ изъ комнаты. Серафима, поддерживаемая Копьѣвымъ, послѣдовала за ними.

— *Du calme, chère dame, du calme devant ces brigands!* — успокоивалъ ее блѣдный, старавшійся идти твердою поступью, Копьѣвъ: *on nous rendra la liberté et vous partirez...*

Шумъ и говоръ тысячеголовой толпы оглушилъ Серафиму, едва она вышла на площадь. На крыльцѣ воеводскаго дома, куда ее подвели, передъ широко-разступившимся народомъ, на стулѣ, съ высокою спинкой, опершись руками въ колѣни, сидѣлъ тотъ загорѣлый и бородатый, въ красномъ кафтанѣ, всадникъ, котораго Серафимъ называли Пугачовымъ. Онъ изподлобья глядѣлъ на подходившихъ, новыхъ арентантовъ. Сердце Серафимы сильно билось. Не слыша за собою шаговъ стражи, несшей ея дѣтей, она замедлилась у крыльца и оглянулась. Копьѣвъ, слѣдуя за нею, пристально смотрѣлъ на Пугачова и на вооруженныхъ его охранниковъ, стоявшихъ по бокамъ подъѣзда.

— Ты, сударыня, первая! стань ближе, сюда! — услышала Серафима грубый и хриплый голосъ съ крыльца.

Она медленно поднялась на нижнюю, крылечную ступеньку. Дѣтей поставили съ нею рядомъ. Гдѣ-то за народомъ, на углу ближней улицы, Серафима увидѣла свою карету, на козлахъ которой, вмѣсто Филиппа, сидѣлъ, въ лохматой шапкѣ, косоглазый калмыкъ.

Пугачовъ, посмотрѣвъ на арестантку, обернулся къ стоявшему за его стуломъ Творогову и тихо ему сказалъ: «А вѣдь красавица какая!»—Твороговъ сталъ ему что-то говорить.

XV.

Прошло нѣсколько минутъ. Видя устремленные на себя глаза смоляней и какъ бы ждавшей чего-то толпы, Серафима переживала мучительныя мгновенія. Тысячи мыслей, образовъ и воспоминаній проносились передъ нею.—«Гдѣ я? неужели, наконецъ, передъ этимъ извергомъ, о которомъ столько говорили и который вездѣ вселялъ столько ужаса?»—мыслила она, разглядывая Пугачова: «вотъ онъ, облитый кровью, замучившій десятки, сотни жертвъ, таинственный для многихъ, нецонятный и для меня, царь-мужикъ! Онъ взялъ рядъ крѣпостей, осаждалъ Оренбургъ, сжегъ Базань и теперь идетъ на Москву. Что онъ мнѣ скажетъ, зачѣмъ меня позвалъ?»—Дугановой вспомнились ея дѣтскіе годы, пансіонскія мечты съ Марі, ея свадьба и жизнь въ Горкахъ, пріѣздъ съ мужемъ въ Москву, безумный побѣгъ съ Прядышевымъ и появленіе Глѣба въ Кіевѣ.—«Отчего, вмѣсто Глѣба, не догналъ насъ тогда Алексѣй?»—спрашивала себя Серафима: «зачѣмъ меня простилъ онъ, не убилъ насъ тогда на мѣстѣ?»

— Ты вдовая, али есть и мужъ?—послышался съ крыльца тотъ же хриплый и грубый голосъ.

Дуганова поняла, что ее спрашиваетъ Пугачовъ.

— Замужняя,—отвѣтила она.

— Твои это дѣти?

— Мои,—проговорила Серафима, потупясь и судорожно глядя тонкими, бѣлыми пальцами растрепанныя и вспотѣвшія головки дѣтей.

— Помѣщица! лиходѣйка!—громко, чтобъ всѣ слышали, произнесъ Пугачовъ: много вы тиранили, пили людской крови,—попробуйте понѣ, какова своя!

Серафима вытянулась, подняла глаза на самозванца.

— Никого наша семья не тиранила,—сказала она: можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ, хоть не слышала и не знаю... можетъ другіе люди,—говорила она, спѣша и обрываясь: наши же дѣды и отцы, мы съ мужемъ, клянусь всѣмъ святымъ, заботились о подданныхъ, кормили ихъ, въ голодныя годы, и всѣмъ жертвовали для нихъ.

— Вотчина подъ Саратовымъ, что ли?—подумавъ, спросилъ самозванецъ, глядя на Творогова: а есть родичи у тебя въ Малоросіи... на Донцѣ? намъ сказывали о нихъ.

— Золовка тамъ жила, мужнинаго брата жена,—тихо отвѣтила Серафима.

— И нонче она тамъ?

— Не знаю, недавно гостила въ нашей вотчинѣ, на Волгѣ...

— Такъ вы проѣзжіе, дальніе... ладно! Авось и насъ приведетъ Господь въ Саратовъ, сами повидимъ и разспросимъ,—сказалъ Пугачовъ: а это дѣти твои, наслѣдники? У меня самого, чай знаешь, тоже сынъ, Павелъ... Смотри же, молодуха, найдется твой мужъ, и коли что, да не такъ, не одобровать тебѣ и съ хозяиномъ. По многимъ изъ вашихъ веревка плачетъ...

— Ейный мужъ, ваше величество, вчера стрѣлялъ по народу,—замѣтилъ Твороговъ: двухъ ранилъ, одного убилъ; для-ради примѣра, надежа-государь, станичники просятъ и ее тожь, съ прочими...

Серафима вздрогнула, чуть устояла. Она силилась что-то сказать и не могла. Бровь стучала ей въ голову.

— Видѣла, красавица, наши качели?—спросилъ, глядя на нее, Пугачовъ.

Серафима молчала.

— Ейнаго мужа, бабушка, ищутъ и вотъ-вотъ найдутъ,—сказалъ Твороговъ: а пока судъ да дѣло, вѣдь она въ отвѣтъ!

Пугачову жаль было молодой и красивой арестантки, но она уже очень смѣло глядѣла на него и не стѣснялась отвѣтомъ.

— Наши подданные всѣ равны передъ нами,—произнесъ самозванецъ, возвышая голосъ: ослушнику одна доля. Взгляни, сударыня, на висюлю,—не опознаешь ли тутъ кого изъ знакомцевъ?—прибавилъ онъ, указывая на церковь.

Въ прогалину между народомъ, у церковной ограды, были видны обѣ висѣлицы. На одной, въ мундирѣ и треуголкѣ, со шпагой, висѣлъ тощій и длинный какой-то канцеляристъ; рядомъ съ нимъ—полный, съ сѣдою бородою, купецъ. На другой висѣлицѣ Серафима разглядѣла нѣчто ужасное. Съ высокой перекладины спускались знакомые ей—халатъ тѣлеснаго цвѣта, съ пуговками, въ видѣ бомбочекъ,—сѣрая мѣщанская чуйка и длинное, съ оторочкой, черное платье. Серафима узнала Юрлова, Маковнева и Ульянову... Она вскрикнула, пошатнулась и, безъ чувствъ, упала со ступени на руки стоявшаго возлѣ нея Бопьѣва.

— Жидка на расплату! крупичатая!—слышалось въ толпѣ казачковъ.

— Ну, а ты, братъ крамольника и самъ бунтовщикъ!—обратился самозванецъ къ Бопьѣву: оставь-ка барыню, досмотрять ее

и другіе; брата твоего, за уворство, порѣшили... ну, а ты какъ? признаешь ли меня государемъ?

Бопьѣвъ стоялъ молча. Его блѣдное лицо стало еще блѣднѣй; глаза были опущены къ землѣ, впалая грудь дышала тяжело.

— Что же молчишь?—спросилъ самозванецъ: отвѣчай, слушаемъ.

— Боже-Господи, Вседержитель!—проговорилъ Бопьѣвъ, медленно крестясь на церковь и кланяясь: поддержи мя, грѣшнаго! укрѣпи милостью Твоею, не попусти...

Пугачовъ махнулъ рукой. Казаки бросились на Бопьѣва, связали ему руки и повели къ церкви.

— Слѣдующаго!—крикнулъ Пугачовъ, оглядываясь на ратушу, у воротъ которой шла свалка.

Съ крикомъ и гамомъ, конвойная стража, одолевъ новаго, боровшагося руками и ногами, арестанта, вела его изъ ратуши. Онъ вырвался; его поймали и за волосы тащили къ крыльцу. То былъ князь Сивскій. Темновишневый, бархатный кафтанъ на немъ былъ разорванъ; багровое отъ натуги, искаженное бѣшенствомъ, лицо было окровавлено.

— Каины, изверги!—кричалъ онъ, сился вырваться: я потворствовалъ черни, насильничалъ надъ равными себѣ... Господь покаралъ, но я не повиненъ въ человѣческой крови! не мнѣ, а вашему названцу быть на висѣлицѣ, и онъ приметъ казнь... Какой онъ царь? душегубъ, кровопійца и Каинъ, какъ вы всѣ!

— Бей его, души!—крикнулъ съ крыльца Твороговъ.

Самозванецъ далъ знакъ. Сивскаго потащили къ церкви, рубя его по плечамъ саблями.

— Убратъ и эту!—произнесъ Пугачовъ, отворачиваясь и указывая на лежавшую безъ чувствъ Серафиму.

Ее подняли на руки и понесли вслѣдъ за Сивскимъ.

— А этихъ?—спросилъ Твороговъ, указывая ногой на дѣтей Серафимы, прижатыхъ толпою внизу крыльца.

— Что хошь съ ними! хотъ удави и ихъ, чертенятъ!—отвѣтилъ самозванецъ, вставая со стула и пристально глядя, черезъ толпу, въ сосѣдную улицу.

Оттуда къ площади, изъ-за церкви, быстро приближался верховой казакъ. Доѣхавъ до крыльца, въ то время, когда народъ сталъ тѣсниться къ церкви, за новыми обреченными на смерть, казакъ спрыгнулъ съ коня и, подойдя къ Творогову, что-то проговорилъ ему, запыхавшись.

— Въ чемъ дѣло? откуда?—спросилъ самозванецъ.

— Уланы, графъ Меллинъ!—отвѣтилъ, въ полголоса, Твороговъ: переправились въ бродъ, черезъ Сурѹ, у Прасловой, видѣли пастухи...

Пугачовъ молчалъ, пощипывая бороду. Лѣвый глазъ его щурился.—«Неужели перестрѣли? неужели конецъ?»—думалъ онъ.

— Спасайся, государь, что же медлишь?—сказалъ Твороговъ: ахъ у всѣхъ у насъ двойные животы!

Пугачовъ опомнился, выступилъ на край крыльца.

— На конь, ребята, оружайся!—звучнымъ голосомъ крикнулъ онъ, глянувъ на-право и на-лѣво: поздравляю, дѣтушки! идемъ да-лѣе, на Москву!

Толпа, напиравшая къ церкви, отхлынула назадъ. Одни стояли въ недоумѣннн, другіе бросались изъ стороны въ сторону. Пугачовъ и его приближенные стали садиться на подведенныхъ лошадей. Карета Дугановой, съ выглядывавшею изъ нея женскою свитой самозванца, двинулась по площади и, обогнувъ ближній домъ, сирьлась за уголъ, на-право. За нею сталъ вытягиваться конный обозъ самозванца. Нагруженные добычей возы и телѣги скрипѣли; въ облакахъ пыли, слышались удары кнутовъ и крики погонщиковъ. Выѣзжавшіе изъ сосѣднихъ дворовъ казаки, калмыки и башкиры строились у воеводскаго дома. Почувявшіе бѣду, горожане разбѣгались съ площади.

Очнувшись у церковной ограды, брошенная здѣсь конвойными, Серафима увидѣла бѣгство толпы, сквозь которую нѣсколько мужиковъ и мѣщанъ тащили по площади блѣднаго, со связанными руками, Копьева.

— Да бросьте, не успѣете! сами спасайтесь!—сказалъ кто-то, убѣгая за толпой.

Дуганова поняла, что нѣчто грозное и роковое для мятежниковъ и благодатное для ихъ жертвъ вставало откуда-то, близилось, и что она сама еще, въ это мгновеніе, могла бы спастись. Она собрала послѣднія усилія, встала и бросилась бѣжать...

— Мама! мама!—послышались ей знакомые голоса.

Серафима оглянулась и увидѣла, среди казаковъ и мужиковъ, тащившихъ къ висѣлицѣ Копьева, своихъ дѣтей,—рванулась къ нимъ и ухватила за рослаго бородача, державшаго младшаго ребенка. Мужикъ съ силой оттолкнулъ ее, такъ что она чуть не упала.

— Чтѣ съ ними валандаться?... долбонн ихъ, Терѣха! съ барыни починъ!—раздался голосъ, съади Дугановой.

Увѣсистая дубина поднялась и размахнулась въ воздухъ. Кровь брызнула, деревья у ограды покрылись красными пятнами.

— Скачуть, скачуть!—крикнулъ Твороговъ, еще стоявшій на воеводскомъ крыльцѣ, указывая рукою по другую сторону церкви.

Пугачовъ приподнялся на стремянахъ. Черезъ головы народа, онъ увидѣлъ двухъ всадниковъ, въѣзжавшихъ слѣва на площадь, сквозь бѣжавшую имъ на встрѣчу толпу.

— Да что вы, черти!—досадливо вскрикнулъ самозванецъ: то не уланы! а наши Баранка, да Ѳедька Прѣдышевъ... эвوسي, за отрадой. Отбой, братцы, отбой!

Сказавъ это, Пугачовъ взялся за сѣдло, слѣзая съ коня. Но съ правой стороны площади, откуда приичался первый вѣстовщикъ, показался новый верховой «графъ Панинъ»—первый есаулъ самозванца, хромой Овчинниковъ.

— Сполдохъ, батюшка, сполдохъ!—кричалъ онъ, во весь голосъ, махая шапкой: гренадеры въ городѣ, прошли задворками... стража проглядѣла... уланы!... спасайся!

Пугачовъ взглянулъ на ближайшихъ изъ сообщниковъ и молча оправилъ на себѣ кафтанъ и оружіе. Его черные глаза смѣло свѣтились.

— За мной, братцы-атаманы!—крикнулъ онъ, стегнувъ изъ всей силы по коню: наша стѣжка не исхожена еще, не изъѣжена!

Начальство, стража и весь казацкій отрядъ поскакали за самозванцемъ.

— Буда таперича?—спросилъ, ровняясь съ нимъ, при выѣздѣ изъ Курмыша, Твороговъ.

Самозванецъ молчалъ.

— На Москву, что ли?—спросилъ, догнавъ его, Овчинниковъ, въ силу сдерживая взятаго въ обозѣ, новаго коня.

— Да что, братцы-станичники? нешто не видите? проспали!—сердито отвѣтилъ самозванецъ: куда на Москву? къ низу, къ Волгѣ ближе, въ Алатырь!

— Ну, а задержанные, рѣшенные?—освѣдомился Твороговъ: мало ли взято? нешто такъ и бросить? у одного князя сколько пожитковъ, всякаго добра!

— Баранка-пѣсь разсудить, да и Ѳедька маху, чай, не дастъ, коли успѣють и не передавать дьяволовъ, самихъ!—отвѣтилъ, не оглядываясь, Пугачовъ.

XVI.

Прочтя полученное черезъ моряка письмо Спесивцева, Глѣбъ Дугановъ рѣшилъ немедленно воспользоваться давнишнимъ предложеніемъ князя - главнокомандующаго и ѣхать безотлагательно на Волгу, къ женѣ. — «Бѣдная! чего она ни натерпѣлась!» — думалъ

онъ теперь: «и въ какое время я, безумный, оставилъ ее одну, съ ребенкомъ? Весь тотъ край въ пламени; шайки злодѣевъ рыскають всюду, сожгли Казань и, если встрѣтятъ сильный отпоръ, по сю сторону Волги, то какъ разъ ринутся внизъ, къ Саратову».

Глѣбъ навѣстилъ Шимкову, узналъ отъ нея, что Маря въ то время должна уже была возвратиться изъ Свиблова въ Горки, сказалъ ей, что рѣшился безотлагательно ѣхать туда, и на утро явился къ Волконскому. Домъ князя, съ недавняго времени, окружала усиленная стража; площадь передъ домомъ была уставлена пушками.

— Ну, и отлично, Дугановъ, поѣзжай!—отвѣтилъ, на просьбу своего адъютанта, Волконскій: путь къ Саратову еще не загроможденъ; самозванецъ пока вверху, за Сурой. Нынче ночью я получилъ и послалъ государынѣ эстафету. Отбитый отъ Казани, злодѣй двинулся на Чебоксары и Ядринъ: не оставляетъ, видно, мысли о походѣ на Москву. Да я недреманнымъ окомъ слѣжу за нимъ и къ первопрестольной не допущу его. Отправляйся, съ Богомъ; успѣешь еще проѣхать на Пензу или Тамбовъ.

Глѣбъ поблагодарилъ князя.

— Да что же я?—спохватился Волконскій: тебѣ, кстати, есть и оказія. Государыня шлетъ изъ Петербурга особую, секретную комиссію, для приѣма злодѣя, на случай могущей быть выдачи его отъ сообщниковъ. Члены комиссіи вчера прибыли, послѣ обѣда, и мнѣ, по повелѣнію, вчера же представлялись.

— Куда, извините, ваше сіятельство, посылается комиссія?—спросилъ Глѣбъ.

— Всюду, гдѣ бы ни оказался самозванецъ... Ты преданный монархинѣ, испытанный подданный,—продолжалъ князь, оглядываясь и понижая голосъ: тебѣ могу сообщить, по секрету: ящичіе казаки одумались, отрядили къ государынѣ нарочнаго и письменно, за скрѣпной трехсотъ человекъ, предложили схватить, заковать злодѣя Емельку и выдать его живымъ въ руки уполномоченныхъ ея величества. Комиссія ѣдетъ черезъ два дня и везетъ съ собой десять тысячъ золотомъ, за выдачу Пугачова. Для охраны пословъ и этой суммы, назначенъ конвой. Полагаю, и ты могъ бы ихъ сопровождать.

— Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство,—сказалъ Глѣбъ: вы такъ милостивы ко мнѣ...

— Очень радъ, очень радъ!

— Но кто, осмѣлюсь освѣдомиться, члены этой комиссіи?—спросилъ Глѣбъ.

Волконскій взялъ со стола знакомый Дуганову портфель, съ секретною перепиской, отперъ его небольшимъ ключикомъ, быв-

нимъ у него въ денежномъ кошельѣ, досталъ изъ портфеля распечатанный толстый пакетъ, вынулъ изъ него бумагу и началъ читать.

— Ъдетъ присланный изъ-подъ Казани отъ бунтовщиковъ яцкій казакъ—Астафій Трифоновъ, весьма способный, бойкій и ловкій, какъ сообщаютъ о немъ,—а провожаютъ его, съ особыми важными полномочіями, капитанъ гвардіи Галаховъ и приданные ему въ помощь отставной секундъ-майоръ Рѣничъ и нѣсколько гренадеровъ.

Браска румянца залила лицо Глѣба.

— Галаховъ, ваше сіятельство? — спросилъ онъ.

— Да.

— Какъ, извините, его имя и отчество, если сказано въ сообщеніи?

Волконскій снова взглянулъ въ бумагу.

— Александръ, Павловъ сынъ, изъ потомственныхъ дворянъ,— отвѣтилъ онъ: съ начала яцкихъ смуть занимался въ особомъ о нихъ, тайномъ комитетѣ... а тебѣ что? имѣешь знакомцевъ изъ Галаховыхъ?

— Ваше сіятельство,—произнесъ, охваченный сильнымъ волненіемъ, Глѣбъ: явите божескую милость! пособите къ зачисленію меня, въ какомъ бы то ни было положеніи, въ эту комиссію... Зная хорошо тѣ края, я могъ бы оказать посильную пользу дѣлу и къ своей семьѣ доѣхалъ бы спокойнѣе... Что же до Александра Павловича Галахова, то мы не только, по отцамъ еще, близко знакомы и пріатели, но даже въ Петербургѣ, въ послѣднее время, состоя въ вашей командировкѣ, я у него и квартировалъ.

— Ну, и прекрасно. Найди его и Рѣнича, да нынче же,—они гдѣ-то на Тверской, у родныхъ Рѣнича,—предупреди ихъ, а остальное я устрою.

Глѣбъ бросился на поиски Галахова, сильно обрадовалъ его, познакомился съ Рѣничемъ и, черезъ сутки, секретная комиссія, куда Глѣба причислили, въ качествѣ квартирьера, выѣхала къ отряду полковника Дрѣвица, въ Муромъ. Здѣсь члены комиссіи узнали, что Пугачовъ, отбитый отъ Бурмыша, прошелъ 20-го іюля на Алатырь, бросился къ Саранску и оттуда къ Пензѣ, которую и занялъ 4-го августа. Комиссія поспѣшила въ Пензу, но здѣсь уже не застала самозванца. Повѣсивъ въ Саранскѣ укрывшихся тамъ до трехсотъ человекъ, обоюга пола и всѣхъ возрастовъ, дворянъ, а въ Пензѣ посадивъ воеводой господскаго мужика, на мѣсто сожженнаго живымъ на кострѣ Всеволожскаго,—Пугачовъ 5-го августа вышелъ изъ Пензы, круто повернулъ влѣво и, по слухамъ, двинулся опять къ Волгѣ. У него въ это время насчитывали еще тринадцать

пушекъ и до четырехъ тысячъ войска, изъ которыхъ половина была съ ружьями, остальные—съ вилами, чепушами и дубинами.

Жители разграбленной и залитой кровью Пензы, только что избавившіеся отъ злодѣя, съ ужасомъ рассказывали о замученныхъ имъ жертвахъ. Въ городѣ и уѣздѣ, какъ узнала комиссія, были убиты, повѣшены и утоплены, съ женами и дѣтьми: графъ Головкинъ, князь Звенигородскій и генералы Пахомовъ и Сипягинъ; послѣднему мятежники живому предварительно распороли брюхо.

— Злодѣю, впрочемъ, недолго насильничать, — сказалъ кто-то, въ присутствіи Глѣба: онъ попалъ наконецъ въ настоящіе силки, очутился среди трехъ «мыслѣте»... Михельсонъ наслѣдуетъ за нимъ отъ Арзамаса, Меллинъ гонится по его пятамъ отъ Саранска, а Муфель спѣшитъ на перерѣзъ ему изъ Симбирска.

— Куда же, въ такомъ случаѣ, направится, по вашему, Пугачовъ?—спросилъ Глѣбъ.

— О, далеко теперь не уйдетъ... раздѣлка ему въ Алатырѣ, или въ Краснослободскѣ, не далѣе!

— И въ этомъ вы убѣждены?

— Такъ увѣряютъ лазутчики; и если только новый ходъ злодѣя не маска и онъ какъ-нибудь ниже не прорвется за Волгу, — ему въ самомъ близкомъ времени — капутъ!

«Ниже! а вѣдь тамъ недалеко и Саратовъ!» — думалъ, съ замираніемъ сердца, Глѣбъ: «подъ Саратовомъ Горки, а въ нихъ безпомощная, не ожидающая этого нашествія Маря».

Комиссія послѣшила выѣхать изъ Пензы. Съ трудомъ, а нерѣдко и съ оружіемъ въ рукахъ, добывая и мѣняя, въ разоренныхъ и брошенныхъ жителями селахъ, вольныхъ лошадей, она только около половины августа достигла прибрежій Волги, не видя ни шаекъ Пугачова, ни гнавшихся за нимъ военачальниковъ. Въ Петровскѣ, ея члены, къ ужасу Глѣба, узнали, что самозванецъ, ускользнувъ отъ погони, уже побывалъ въ Саратовѣ и четыре дня производилъ тамъ всякаго рода нештества, но узнавъ о близости Муфеля и Михельсона и бросился тѣмъ же правымъ берегомъ Волги, еще ниже, къ Камышину.

Мысли Глѣба не покидали Горокъ.

«Маря несомнѣнно успѣла въ-время выѣхать изъ Горокъ, — думалъ онъ: но куда? чуть не всё Поволжье охвачено смутой. Въ Малороссію, въ Ракитное? нѣтъ, туда далеко и опасно... Медвѣдича, Хопёръ и Донъ, по слухамъ, также не надѣжны... Скорѣе всего въ Тамбовъ!» — утѣшалъ себя Глѣбъ: «тамошній воевода — одноклассникъ по корпусу, а по полковой службѣ, сколько помнится, даже

кумъ Травнина... У него Сила Ѳомичъ, провожая моихъ, лучше всего могъ бы ждать болѣе спокойной поры. Да, всего скорѣе въ Тамбовѣ, дастъ Богъ, найду Марю и сына»...

XVII.

Очувившись пѣшкомъ и безъ оружія въ лѣсу, не вдали отъ Бурмыша, Алексѣй Дугановъ выбрался съ трудомъ изъ чащи на берегъ рѣки и, увидѣвъ оттуда крышу мельницы, къ которой подѣзжалъ наканунѣ, ускорилъ шаги.

«Добуду у мельника хоть ломоть хлѣба, — разсуждалъ онъ: а если удастся, то, укрывшись тамъ, выжду и развѣдаю, какъ быть далѣе».

День становился жарче. Рѣка, сверкавшая на солнцѣ въ срединѣ, у берега манила затишьемъ и прохладой.

«Дай, встать, выкупаюсь» — пришло въ голову Алексѣю: «освѣжусь здѣсь, пока, на безлюдьи, въ тѣни деревьевъ; далѣе, у мельницы, еще кого-нибудь встрѣтишь, будетъ не до того».

Алексѣй, полотивъ берегомъ, спустился къ рѣкѣ, раздѣлся, положилъ возлѣ себя, подъ деревомъ, платье, обувь и шляпу и вошелъ въ воду. Рѣка тихо плескалась о пустынный, зеленый берегъ. Бузвечики звонко стрекотали въ травѣ; ласточки, съ веселымъ пискомъ, рѣяли надъ камышомъ и водой, ловя мошекъ. Желтые и бѣлые мохыльки мелькали между снытцами, въ знойной тишинѣ, кустами. Алексѣй, съ наслажденіемъ до-нельзя измореннаго человѣка, нѣсколько разъ погрузился въ прохладную, свѣтлую воду и собирався снова окунуться.

Надъ рѣкой послышался странный звукъ. Какъ бы кто-то ухарсви гягулъ вдали. За этимъ осликомъ въ лѣсной глубинѣ раздались другіе звуки, — ближе и ближе. Явственно сталъ слышенъ конскій бѣгъ, а вскорѣ и голоса нѣсколькихъ всадниковъ, несшихся изъ лѣса къ рѣкѣ. — «Пастухи!» — подумалъ было Алексѣй: «гонять табунъ къ водопою... Нѣтъ» — рѣшилъ онъ тутъ же: «не пастухи! это потона за мной, меня ищутъ! надо спасаться!» — Бросившись къ одеждѣ, онъ сообразилъ, что одѣться уже не успѣетъ, схватилъ платье, обувь и шляпу, быстро спряталъ ихъ далѣе, подъ деревья, въ траву, и съ мыслью: «Тутъ нельзя оставаться, замѣтятъ!» — поплылъ изъ всѣхъ силъ къ противоположному берегу, гдѣ и забился подъ старую, развѣсистую иву, склонившую вѣтви къ водѣ.

Рѣка здѣсь была еще глубже. Алексѣй, не доставъ ей дна, ухватился за толстый ивовый сукъ. На берегу, отъ котораго онъ только что отплылъ, показався небольшой отрядъ вооруженныхъ каза-

ковъ. Истомленные лошади, тяжело дыша, едва переступали ногами. Потные, запачканные пылью, всадники, въ растегнутыхъ кафтанахъ и съ шапками на затылкѣ, ѣхали, очевидно, послѣ долгой и быстрой гоньбы, покачиваясь отъ жары и истомы.

— А что, ребята, закусить бы тутъ?— сказалъ ѣхавшій ближе другихъ къ рѣкѣ, бритоголовый, въ татарской тибетейкѣ, бородачъ.

— Слышь, Оедька, — окрикнули казаки всадника, нѣсколько отставшаго отъ нихъ: Баранка баетъ, закусить, а ты думалъ купаться. И ладно бы съ похмѣлья-то... попаслись бы малость и бо-ни. Что говорилъ проводникъ? далеко ли до Курмыша?

— Будетъ сперва село, тамъ переправа и городъ, версть семь.

— Слѣзай, братцы! дѣдко Устинъ, привалъ! — слышались голоса: еще успѣемъ. Въ Ядринѣ наложили въ спину, и не донесешь!

Всадники спѣшились, напоили, стреножили и пустили на траву лошадей; отвязавъ съ сѣделъ торбы, они раздѣлись и стали купаться. Первые вошли въ воду бережно, прочіе стали бросаться въ нее съ разбѣга. — «Микйшка — пѣсь! не замай!» — кричали одни. — «Ой, Ванька, дьяволь, лѣскотно!» — отзывались другіе, барахтаясь другъ съ другомъ у берега и взбивая руками и ногами столбы воды. Спины и плечи у нѣкоторыхъ были въ синякахъ. — «Одначе, нѣмецъ-то на память тебѣ всыпалъ!» — смѣялся красивый, молодой парень, плывя на спинѣ у берега: «порохъ разстрѣлили царицны объѣдки... а гнались же дьяволы!» — «Дна, братцы, нѣту-ти! прощай, Пашутка!» — отделинулся другой парень, съ повязанной, окровавленной головой, выплывъ на середину рѣки и, съ поднятыми руками, ныряя въ глубину: «вода-то, вода!» — «Вотъ ужъ Оедька придумалъ, удружилъ!» — толковали старшіе изъ казаковъ, выйдя на берегъ и, съ приятною дрожью, отираясь пучками мягкой осоки. — «А у тебя, дѣдко Устинъ, съ нѣмецкой бани-то, индо чернила по брюху съ бороды потекли!» — острила молодежь надъ вымывшимся, съдымъ есауломъ. — «Вѣничговъ, ребята, нарѣзали бы, да и впрямь попарили бы лысаго!» — крикнулъ съ рѣки парень, нырявшій на дно.

«Боже Господи!» — замиралъ, тѣмъ временемъ, у другаго берега, подъ ивой, Алексѣй Дугановъ: «что, какъ найдутъ мое платье? расположились невдали, — откроютъ и меня». §

Казаки, одинъ за другимъ, вышли изъ воды, одѣлись, разиѣстились подъ деревьями, развязали торбы и стали ѣсть. — «Устинъ Наумычъ, у тебя въ баклагѣ не высохло?» — спросилъ кто-то. — «Есть, дѣтушки, пейте!» — отвѣтилъ старикъ, подавая боченокъ. — «Графская?» — «Она! первый сортъ, вѣрнѣшъ!» — «А бился пузатый, какъ тянули на рѣлю!» — замѣтилъ нервый, выпившій изъ бак-

лаги. Всѣ захохотали. — «Какъ ты, Наумычъ, допросъ ему чинилъ?» — «Да что, сколько уже сказывалъ?» — «Скажи еще!» — «Сняли это съ него часы, кафтанъ и нарядный такой, съ позументомъ, камзолчикъ» — говорилъ есаулъ, шурясь на сотрапезниковъ смѣющимися глазами: «ну, и связали его, надѣли петельку, — а Макаровъ да Ахметка стали на древо и тянуть. Я велѣлъ маленько ослобонить его и спрашиваю: «что, ваше графское сѣятельство, горька смерть?» — «Охъ, горька, горька!» — плачетъ онъ и хрипнуть... Я кивнулъ, его и вздернули... вотъ отъ него и крѣпѣйшъ!» — Дружный хохотъ казаковъ покрылъ слова старика.

«Найдутъ, откроютъ!» — съ приливомъ новаго ужаса, думалъ Алексѣй, держась за дерево, по горло въ водѣ: «кто-нибудь отойдетъ къ сторонѣ и наткнется».

Базаки, закусивъ, увязали снова торбы, улеглись въ повалку подъ деревьями и заснули. Прошло болѣе часа. Алексѣй выглянулъ изъ-подъ ивы. Базаки еще спали. Лошади, фыркая и отмахиваясь головами и хвостами отъ мухъ и шмелей, паслись; разсыпавшись по берегу. На солнце надвинулось облако. Тѣнь застлала рѣку, деревья и лошадей. Бритая, безъ шапки, голова поднялась надъ спящими, сонно оглянула ихъ и снова опустилась подъ дерево. Еще прошло съ полчаса.

— Ну, ребята, вставайте, пора! — раздался голосъ есаула.

Базаки встали, потягиваясь. Дѣдъ Устинъ уже взнуздывалъ своего коня.

— А что, Федоръ, еще бы пополоскаться? — сказалъ кто-то: какъ писалъ Ивашко? гдѣ къ батюшкѣ-царю сборъ?

— Въ Курмышѣ, — отвѣтилъ за писаря Устинъ.

— Да мы мигомъ, еще по малости...

Нѣкоторые снова раздѣлись и бултыхнулись въ воду.

— На конь! ребята на конь! — командовалъ уже строго дѣдъ Устинъ, ходя по берегу, съ писаремъ, походка и лицо котораго Алексѣю показались какъ бы знакомыми.

«Гдѣ я его видѣлъ, гдѣ встрѣчалъ?» — раздумывалъ Алексѣй, едва держась за вѣтви.

Базаки растреножили, снова напоили лошадей, сѣли на нихъ и, двинувшись берегомъ, скрылись въ извилинахъ поросшаго кустами, прибрежнаго проселка. Алексѣй выждалъ, пока затихли звуки копытъ, бережно выплылъ изъ-подъ ивы, оглядѣлся кругомъ и, доплывъ къ берегу, гдѣ оставилъ платье и обувь, началъ одѣваться. Ожоченѣлые, сморщенные отъ воды, пальцы едва ему служили. Все его тѣло намочило и вспухло. Стуча зубами отъ холода, онъ кое-

как одѣлся и, чтобъ скорѣе согрѣться, быстро пошелъ къ мельницѣ, которую заслонялъ песчаный, поросшій ельникомъ, пригорокъ. Прислушиваясь къ малѣйшему шороху и оглядываясь, Алексѣй поднялся на пригорокъ, миновалъ ельникъ и обмеръ.

Мельница была отъ этого мѣста въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ. Не доходя до нея, по тотъ бокъ рѣки, Алексѣй увидѣлъ худую и пожилую бабу, которой до той минуты онъ не замѣчалъ и которая, полоща тамъ бѣлье, очевидно, слѣдила за нимъ съ того берега. Выйдя изъ-за кустовъ, она кому-то махала рукой на мельницу, указывая на Алексѣя и какъ бы говоря: «Глядите, вотъ онъ!» — У мельничной плотины видѣлись три всадника, отставшіе отъ прочаго отряда и о чемъ-то до той минуты говорившіе съ мельникомъ. Алексѣй со всѣхъ ногъ бросился съ пригорка въ лѣсъ; но его у мельницы увидѣли. Всадники поскакали за нимъ.

— Не уйдешь, сдавайся! — кричали они.

Алексѣй бѣжалъ, продираясь сквозь вѣтви и прыгая черезъ валежникъ и кочки. Гущина деревьевъ стала скоро рѣдѣть. Между вѣтвей замелькали широкіе просвѣты, обозначилась поляна, а за нею еще болѣе густой лѣсъ. Всадники настигали Дуганова. — «Не уйдешь; говорятъ тебѣ, верзило! не заяцъ!» — слышались ихъ голоса. Алексѣй побѣжалъ по полянѣ. Сзади его раздался выстрѣлъ. — «Миновало!» — съ радостью подумалъ Алексѣй, перемахнувъ черезъ поляну и въ ея концѣ чувствуя, какъ бы что-то вцѣпилось въ его ногу. Онъ сдѣлалъ еще усиліе и покачнулся. Ноги его подкосились; онъ съ размаха упалъ лицомъ въ траву.

— Вяжи его, долговязаго! баринъ и есть... ишь, умаялся, какъ дышетъ! снимай, Петруха, поясъ, — въ торока его! — раздавались надъ нимъ голоса.

Алексѣй лежалъ неподвижно. Въ лѣвой голени онъ ощущалъ нестерпимую боль. Его чулокъ и штиблеты пропитывались сочившеюся изъ ноги кровью.

— Зачѣмъ его вязать? не убѣжить, помѣченъ! — сказалъ одинъ изъ всадниковъ: слѣзай, Микишка, бери, и такъ довеземъ.

— Эдакого-то бѣрова? а мнѣ пѣшему, что ли? Самъ слѣзай.

— До мельника, покажѣсть, чортова голова! у него повозка... дичина, видать, не малая; ишь, какова одѣжа! батюшка отблагодарить! Тутюшніе его ищутъ, — семья его, свазываютъ, ушла отъ нихъ...

XVIII.

Казаки подняли Алексѣя, посадили на одну изъ лошадей, а сами, съ лошадьми въ поводу, пошли пѣшкомъ. На всѣ разспросы,

кто онъ, откуда и какъ сюда попалъ, Алексѣй не отзывался. Отъ потери прови, онъ едва сидѣлъ, а у мельницы уже не могъ встать съ лошади и едва помнилъ себя. Его сняли и положили подъ плотиной. Сюда, между тѣмъ, на выстрѣлъ въ лѣсу, примчались посланные есауломъ другіе изъ всадниковъ, уѣхавшихъ впередъ, и съ ними писарь.

— Боже-Господи, кого вижу! — проговорилъ писарь, нагнувшись и взглянувъ въ лицо Алексѣя.

— Такъ ты его знаешь?—спросили казаки.

— Да, да... еще бы!... давай, Сидоровъ, ручникъ, нужно ему повязку! — отвѣтилъ писарь: а ты, старикъ, — обратился онъ къ мельнику: запрягай повозку, вези арестанта.

— Помилуй, сударь, — взмолился мельникъ: одна у насъ лошадушка и та еле ходитъ, захромала, — уволь!

Сидоровъ дернулъ старика по спинѣ нагайкой. Тотъ заметался, проворно вывелъ изъ закуты сытую и здоровую лошадь и сталъ ее запрягать. Его старуха, указавшая казакамъ барина, принесла, по приказу писаря, ведро воды.

«Неужели это Прядышевъ?» — думалъ, видя и слыша все, какъ сквозь сонъ, Алексѣй: «тотъ-же голосъ, видъ, острижень помужички, казацкая одежда... онъ, онъ!» — Алексѣй хотѣлъ къ нему обратиться, сказать: «ты похищалъ мою жену, оскорбилъ насъ, опозорилъ... искупи же свой проступокъ, — видишь, что со мной, спаси меня...» — Губы Алексѣя беззвучно шевелились. Полоса густаго тумана надвигалась на его глаза. Онъ окончательно потерялъ сознаніе.

— «Дугановъ, Алексѣй Андреичъ! вотъ гдѣ свела судьба, гдѣ свидѣлись!» — разсуждалъ Прядышевъ, разувъ Алексѣя и обмывая рану на его ногѣ: «думалъ ли я въ Москвѣ? думалъ ли я въ Кіевѣ? Не онъ виноватъ, его своякъ! Не оберни меня Пантюшка, да не догони тотъ насъ тогда, въ Кіевѣ, не разстаться бы мнѣ съ Серафимой, не очутиться бы здѣсь! Треклятый проповѣдникъ, сухарь! не попался ты мнѣ послѣ, разсчитался бы я съ тобой!»

— Вези его, — сказалъ Прядышевъ мельнику, когда рана Алексѣя была перевязана и его уложили на солому, въ телѣгу: не оставать отъ насъ, въ городъ! разберемъ!

— А намъ, Федоръ Саввичъ, провожать его? будетъ награда? — спросили казаки, поймавшіе Алексѣя.

Прядышевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сѣлъ на коня и направился отъ мельницы. Пріѣхавшіе съ нимъ казаки послѣдовали за нимъ. — «Мужъ здѣсь, значитъ, и жена его недалеко!» — мыслилъ

Федоръ: «это ясно... онъ шелъ пѣшій, жену его, съ дѣтьми, полагать надо, задержали... Но гдѣ она, что съ нею? Не иначе, какъ въ городѣ! Тамъ Твороговъ, — туда ждуть и царя... надо спасти ихъ! неужели не успѣю?» — Прядышевъ погналъ лошадь; его провожатые едва поспѣвали за нимъ.

Лѣсъ скоро кончился. Вправо обозначилась ограда монастыря, прямо село Праслово, за нимъ рѣка, за рѣкою виднѣлись церкви Курмыша.

— Ты, Федоръ, выходишь, знаешь этого барина? — спросилъ Баранка, дожидавшійся Прядышева, у переправы черезъ Сурѹ, и уз навшійздѣсь отъ его провожатыхъ о плѣнникѣ, котораго захватили казаки.

— Знаю.

— Гдѣ видывалъ его?

— Въ Москвѣ.

— Кто онъ?

— Саратовскій помѣщикъ, Дугановъ.

— Богатъ?

Федоръ сообщилъ, что зналъ объ Алексѣѣ.

— Чья будетъ добыча? — спросилъ Баранка, косясь на старика есаула и на Прядышева: за нами считать его!... рѣшай, на Устина нечего смотрѣть... такъ и объявимъ царю! ребята сказываютъ, у него карета, коляска, сколько добра...

— Бери его и все, что при немъ окажется, — сказалъ Федоръ: деньги, имущество, лошадей... одно мое...

— Какой такой владъ? — удивился Баранка.

— Его хозяйка, жизнь ея! — отвѣтилъ Прядышевъ.

Татаринъ силно разсмѣялся.

— Смотри, пѣсье рыло, не попусти! — сказалъ Федоръ, придерживая коня: ты ли ее тронешь, другой ли кто, — какъ собаку, застрѣлю.

У въѣзда въ городъ, стояла пугачовская стража. Бараульные казаки, сидя на землѣ, пили изъ привезеннаго боченка водку. Всѣ были уже сильно на веселѣ.

— Здѣсь ли государь? — спросилъ, минуя ихъ, Федоръ.

— Тута.

— Что дѣлаешь?

— Деньги изъ казначейства забралъ, вино забралъ... и насъ батюшка не забылъ... ну-ка, иди, угостимъ!

— А дворянъ собрано? — спросилъ Баранка.

— Видимо-невидимо, въ ратушу согнали.

— Вѣшали кого?

— Только начали...

Прядышевъ хлестнулъ коня. Всадники поскакали.

— Смотри же, Баранка,—повторилъ Ѳеодоръ, въѣзжая въ улицу: все бери... а ужъ что сказано, голову расшибу.

— Ладно!—усмѣхнулся татаринъ.

Достигнувъ площади, Ѳеодоръ увидѣлъ верхи висѣлицъ, съ казенными на нихъ. Размахивая шапкой и во весь голосъ, на свой страхъ, крича: «постой, постой! будетъ отмѣна!»—онъ протискался сквозь бѣгущій на встрѣчу ему народъ и соскочилъ у церкви съ коня. Ближняя висѣлица была переполнена жертвами. У стоявшей поодаль, на которой висѣло двое, еще толпилось нѣсколько горожанъ.

Прядышевъ растолкалъ ихъ, увидѣлъ снущенные съ висѣличной переладины чьи-то длинныя, худыя ноги, въ штиблетахъ и чулкахъ безъ сапогъ, и рядомъ съ ними—черное, какъ бы траурное, платье, и остановился, глядя на площадку, залитую кровью. Между висѣлицей и церковною оградой, Прядышевъ разглядѣлъ что-то обезображенное, неподвижное. Свернувшись бокомъ и поджавъ руки подъ грудь, видѣлся въ темно-вишневомъ бархатномъ кафтанѣ, убитый мужчина. Въ двухъ шагахъ отъ него, раскинувшись на окровавленной травѣ, лежала, съ разбитою головой и въ ужасѣ открытыми глазами, женщина... Трое дѣтей валялись у ея ногъ. Прядышевъ узналъ Серафиму. Ему показалось, что она еще жива и смотреть на него.

— Спасайте, голубчики! дѣктора! дѣктора!—крикнулъ Прядышевъ, припавъ къ Серафимѣ и поднимая ея окровавленную голову: живыя души, смилуйтесь! неповинна она, даромъ изувѣчили каины-злѣды!

Никто не отзывался. Стоявшіе возлѣ, заслыша новыя откуда-то крики, бросились по сторонамъ. На площадь, рубя саблями и колю пиками на-право и на-лѣво, влеталъ взводъ уланъ. На встрѣчу бѣгущимъ мятежникамъ, изъ - за церкви и изъ сосѣдней улицы, грянули залпы гренадеръ. Попавшіе подъ натискъ уланъ и перекрестные выстрѣлы пѣхоты, мятежники кидались въ сосѣдніе дворы и колодцы, лѣзли на крыши, въ погреба.

— А, мошенники! измѣнять, бунтовать?—кричалъ, въѣзжая на площадь, худой и рыжій начальникъ отряда, графъ Мелайнъ: поручикъ Суходольскій!—обратился онъ къ адъютанту, отирая вспотѣвшее лицо: остановите стрѣльбу! будетъ съ нихъ.

Приказавъ рубить отбой, адъютантъ подѣхалъ къ графу.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ, взявъ подъ козырекъ: изволили видѣть?

— Что?—спросилъ графъ.

Суходольскій указалъ, за церковь, на висѣлицы.

— Тамъ, ваше сіятельство, очевидно не всѣ еще погибли,—произнесъ онъ: вонъ, изволите видѣть, кто-то возится подъ второю висѣлицей,—приводить кого-то въ чувство.

— Лѣкаря зовите! что же мы съ вами? коли живъ еще, спасутъ.

— Францъ Карлычъ!—крикнулъ Суходольскій полковому врачу, за шеренгой гренадеръ, на короточкахъ, раскуривавшему трубку.

— Gleich!—отозвался врачъ.

— Что gleich, lieber Трѣйчке? накурись еще!—ласково крикнулъ Меллинъ, услыша отвѣтъ врача.

Графъ, позванный медикъ и адъютантъ приблизились къ висѣлицѣ. Медикъ внимательно осмотрѣлъ лежавшія здѣсь тѣла.

— Nun was meinen sie?—спросилъ, глядя на него, графъ.

— Alle mausetodt!—отвѣтилъ медикъ: всѣ умерли.

— И эта женщина?—спросилъ графъ, всматриваясь въ лицо Серафимы: такъ еще молода и красива...

— Fertig!—флегматически отвѣтилъ врачъ: die Kleinen auch! (готовы! дѣти также!)

— А ты кто?—спросилъ графъ Меллинъ, увидѣвъ Прядышева, молча стоявшаго у тѣла Серафимы и ея дѣтей, изъ которыхъ одно, какъ показалось графу, еще какъ бы шевелилось: родичъ погибшей или ея палачъ?

Федоръ, отирая слезы, назвалъ себя.

— Вотъ какъ!—удивился и даже отступилъ графъ, оглядывая Прядышева: наконецъ-то изловленъ! Ну-ка, Суходольскій, связать его, да покрѣпче... приставить къ нему карауль... Давно сокола слѣдили и ждали!... вѣдь письмоводецъ Емельки, — обратился графъ къ прочимъ офицерамъ: своего рода секретарь... переписывалъ бумаги самозванца; а можетъ строчилъ и манифесты!

Приказавъ убрать и схоронить тѣла погибшихъ, Меллинъ освободилъ остальныхъ, запертыхъ въ ратушѣ, далъ краткій отдыхъ отряду и, выйдя за Курмышъ, снова форсированнымъ маршемъ бросился въ догонку за самозванцемъ.

Первые, бѣжавшіе отъ его натиска, пьяные сторожевые казаки наскочили у Пряслова на повозку, въ которой мельникъ везъ Алексѣя. Брошенный конвоемъ, мельникъ связалъ плѣнника по рукамъ и ногамъ. Нестерпимая боль въ скрученной, раненой ногѣ мучила Алексѣя. Онъ поминутно молилъ мельника развязать его. — «Поле-

жишь, сударь, и такъ!» — шамкалъ старикъ, сердито шагая лаптями по дорогѣ и что-то обдумывая.

— Куда везешь?—окликнули казаки, встрѣтивъ его, у переправы черезъ Сурѹ.

— Къ батюшкѣ государю.

— Былъ, да вышелъ,—никого въ городѣ нѣту-ти.

— Какъ же быть-то? кто уплатить за извозъ?

Казаки, смѣясь, тронулись далѣе.

— Да вы постоите, окаянные,—крикнулъ старикъ: обманъ! заплатите, одна у васъ казна... нешто даромъ трудились, изловили?... за помѣщика, сказано,—сто рублѣвъ, за енарала — тысяча,—а може ионъ енаралъ!

— Изволь,—отвѣтили, перемигнувшись и снова возвращаясь къ повозкѣ, казаки: вынимай барина, ставь его тамъ вонъ, а самъ становись тутъ... Деньги достанемъ, выкупимъ и пустимъ васъ на всѣ стороны. Становись же, да не оглядывайся,—будемъ деньги считать.

Мельникъ развязалъ Алексѣя и бережно ссадилъ его на земь.

— Стань, миленькій, стань здѣсь вотъ,—говорилъ онъ, отводя Алексѣя въ сторону: такъ, видишь, порядки; получимъ выкупъ съ бабой,—а ты, какъ отбѣдуть, подбери помы, да тоже скорѣхонько, съ Богомъ, къ своимъ.

Мельникъ провелъ Дуганова отъ телѣги на берегъ рѣки, а самъ сталъ на дорогѣ, невдали отъ него.

«Боже! скоро ли? какая пытка, какое издѣвательство надъ живымъ человѣкомъ!»—думалъ Алексѣй, глядя на Сурѹ, тихо катившую желто-бурья, хмурыя волны: и за что все это?...

Раздался ружейный залпъ. Мельникъ, ахнувъ, свалился навзничь. Алексѣй упалъ ничкомъ, раскинувъ руки...

Пьяные казаки, отвязавъ лошадь мельника и снявъ съ Алексѣя кафтанъ, камзолъ и сапоги, ускакали по дорогѣ на Алатырь.

XIX.

Маря, съ сыномъ и съ Нинетъ Ладыженцевой, въ сопровожденіи Травкина, возвратилась изъ Свиблова, близъ Самары, въ Горки, въ послѣднихъ числахъ іюля. Не заставъ здѣсь Алексѣя и Серафимы, она долго не знала, что ей дѣлать.

Первою ея мыслью было ѣхать къ свекрови въ Ракитное, или въ Москву. Травкинъ и другіе сосѣди совѣтовали ей то же. Но въ окрестностяхъ Саратова, въ то время, все было такъ спокойно, а самозванецъ, отбитый отъ Казани и, по слухамъ, будто бы

повернувший оттуда къ сѣверу, на Чебоксары и Нижній, былъ такъ далеко, что Марі рѣшилась остаться въ Горкахъ, о чемъ извѣстила и свою пріятельницу Шимкову, звавшую ее въ Москву.

— Оно, дѣйствительно, лучше ожидать здѣсь, — согласился наконецъ и Травкинъ: Алексѣй Андреевичъ не нынче, завтра, возвратится во-свояси; не станетъ же онъ, какъ ни на есть, медлить, подвергая себя и своихъ опасностямъ. Тогда вкупѣ и постановите, какъ и чтò.

Прошло болѣе недѣли. Алексѣй и Серафима въ Горки не возвращались. Марі стала сильно тревожиться.

— Хоть бы вы, Сила Ѳомичъ, почаще навѣдывались въ Саратовъ, — сказала она Травкину: тамъ у васъ столько знакомыхъ, — аптекарь Амѣнде, астрономъ Ловицъ, его помощникъ Иноходцевъ и чиновники. Они видятъ всякихъ людей, знаютъ многое, — особенно у Амѣнде въ аптекѣ, надо полагать, больше всего собирается новостей. Хоть бы къ Лаптеву съѣздили, — онъ тоже знаетъ многое.

— Былъ я, сударыня, и у Лаптева, и у Амѣнде, — отвѣтилъ Травкинъ: хоть завтра готовъ съѣздить и къ Егору Ивановичу Ловицу... Всѣ пока говорятъ въ одинъ голосъ: злодѣйскія скопища, по отбитіи отъ Казани, двинулись сперва къ Нижнему, а потомъ повернули къ Огбѣ, то-есть къ Москвѣ... Но ихъ туда, безъ сомнѣнія, не допустятъ.

— Разумѣется, не пустятъ, — виѣшалась въ разговоръ сидѣвшая тутъ же, за работой, Нинѣтъ.

— Да почему ты все это знаешь? почему такъ увѣряешь? — раздраженно спросила Марі: толковали же всѣ, что злодѣя не пустятъ къ Казани, а онъ пришелъ и выжегъ ее! И куда теперь судьба занесла нашихъ туровцовскихъ, — безъ сомнѣнія, успѣвшихъ бѣжать оттуда, — развѣ тоже кто скажетъ и вѣрно рѣшить? Боже! когда наконецъ этого изверга - самозванца схватятъ и за всѣ его звѣрства казнятъ?

— Тебѣ, chère Marie, опять будетъ неприятно, — глядя въ пальцы и считая иглой канвовыя петли, возразила Нинѣтъ: но самозванецъ ли онъ еще? и развѣ, повторяю тебѣ, кто-нибудь навѣрное убѣдился хотя бы въ этомъ?

Марі сильно поблѣднѣла. Судорога сжала ей горло.

— Слушай, Нина, — съ усиліемъ проговорила она, бросивъ на столъ свое вязанье: ты снова признаешь самозванца!... Если ты хоть разъ еще, хоть разъ въ моемъ присутствіи, скажешь это... если позволишь себѣ...

— Да помилуй, — не слушая ея и покраснѣвъ до корней во-

лось, продолжала, еще ближе склоняясь къ пальцамъ, Ладыженцева: Пугачова я вовсе не отрицаю,—это было бы просто глупо и смѣшно! Но развѣ не можетъ, въ числѣ другихъ слуховъ, оказаться вполне вѣрнымъ и тотъ, о которомъ такъ упорно толкуютъ въ народѣ, что въ отрядѣ, который отъ Оренбурга и Урала ведетъ спасенный чудомъ, истинный государь, Петръ Федоровичъ, находится и этотъ его слуга—донской казакъ Пугачовъ?

— Замолчи ты, безумная, замолчи!—крикнула Маря, затыкая себѣ уши: не терзай меня, безжалостная, пощади!

— Да въ чемъ щадить?—не унималась, блѣднѣя въ свой чередъ и отстраняясь отъ пальцевъ, Нинетъ: пойми наконецъ и ты, что не могли же всѣ сразу обезумѣть! Я навѣстила, на прошлой недѣлѣ, въ городѣ, дочерей покойнаго здѣшняго коменданта, Унгерна; имъ пишутъ изъ Сарепты,— что идущій теперь къ Москвѣ государь вовсе и не прячется. Онъ, по пути отъ Ижевскихъ заводовъ къ Казани, въ день Петра и Павла, торжественно, при всемъ народѣ, справляя именины свои и сына, цесаревича Павла Петровича... А Пугачова тоже всѣ видятъ у него въ отрядѣ и знаютъ... На вылазкахъ изъ крѣпостей этотъ казакъ нападающимъ на него прямо кричитъ, во всеуслышаніе: зачѣмъ довить Пугачова и назначать тысячи за его голову? вотъ онъ самъ идетъ къ вамъ, съ батюшкой царемъ!... И если государь, наслѣдникъ великихъ предковъ и царей, какъ увѣряютъ, идетъ къ своей столицѣ, чтобъ занять ее, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь,—войска у него мало,—то развѣ кому оттого будетъ хуже? Не одни философы говорятъ, что правленіе средняго, по дарованіямъ, мужчины неизмѣримо выше правленія даже первой по уму женщины... *Est-ce que, ma chère, à ton avis, ce n'est pas vgaais?*

— Ахъ, оставь меня, ради Бога, уйди!—истерически рыдала Маря, стуча руками по столу.

Травкинъ едва успѣвалъ успокаивать и мирить спорщицъ. Однажды онъ явился съ хутора, особенно оживленный и въ духѣ. Маря и Нинетъ, по обыкновенію, сидѣли, за обычными рукодѣльями, въ нижней столовой.

— Радостныя вѣсти,—сказалъ Сила Ѳомичъ, входя и влкаясь: вся Волга, наконецъ, скоро отпразднуетъ полную побѣду!

— Откуда вы это узнали?—недовѣрчиво спросила Маря, тоже въ тайнѣ бывшая въ какомъ-то особомъ, радостномъ возбужденіи.

— Мимо Саратова, Марья Родіоновна, вчера передъ вечеромъ, проплыли двѣ нижегородскихъ расшывы,—отвѣтилъ, обмахиваясь платкомъ, Сила Ѳомичъ: ихъ узнали по постройкѣ и по другимъ

примѣтамъ... Онѣ плыли—безъ единой живой души, но на каждой изъ мачтъ и на реяхъ висѣли казнѣнные казаки... Воронѣ кружилось надъ этими гекатомбами! Такъ эти плавучія висѣлицы и прослѣдовали ниже, въ назиданіе прочимъ мятежникамъ.

— Какой ужасъ! — не утерпѣвъ, вскрикнула Нинѣтъ: и вы, добрый, человѣколюбивый, радуетесь такому варварству?

— Не понимаю,—сказала, не слушая ея, Марі: гдѣ вы, Сила Ѳомичъ, тутъ видите освобожденіе Волги отъ злодѣевъ?

— А какъ же? — отвѣтилъ Травкинъ: забѣжалъ я къ Лаптеву,—онъ говоритъ, расшвы свободно плыли отъ самаго Нижняго и никто на всемъ пути ихъ не остановилъ,—не посмѣлъ снять съ нихъ страшнаго груза; ну, и выходить, что вся Волга оттуда, — какъ же вы этого не видите?—очищена и свободна отъ бунтовщиковъ.

— Да, пожалуй... ваши соображенія, можетъ быть, и имѣютъ долю основанія, — нѣсколько разсѣянно сказала Марі, очевидно, думавшая, въ это время, о другомъ.

— Боже мой! казни, смуты, кровь и плывущія висѣлицы! ужасъ! — проговорила, вставъ и судорожно двинувъ плечами, Ладыженцева: да когда же, о, Господи, все это кончится?

Подойдя къ окну, она нѣсколько мгновеній постояла тамъ, молча глядя на Волгу, мирно катившую свои голубыя, тихія воды, и вышла.

Едва шаги Нинѣтъ затихли за дверью, Марі порывисто взошла со стула, схватила за руку Травкина, увела его въ свою комнату, заперла дверь на ключъ и вынула изъ гармана письмо.

— Сила Ѳомичъ! дорогой нашъ! — произнесла она, какъ-то вся сіяя и обрываясь въ словахъ: вы тоже не можете не порадоваться, нашъ другъ!... Ахъ, я никому еще, даже нянѣ и Нинѣтъ, не сказала, да можетъ и вовсе не скажу... а вамъ, вамъ—все...

— Въ чемъ же, милая, голубушка, дѣло? удостойте, сообщите скорѣй.

Марі хотѣла прочесть письмо и опять сжала его въ рукѣ; строчки прыгали въ ея глазахъ.

— Надя Шймгова, — вы ее знаете, — ну, пріятельница моя... пишетъ изъ Москвы, — сегодня я послала въ Саратовъ — привезли... ахъ, не могу! не могу! — произнесла, ухватясь за сердце, Марі: Надя пишетъ, что Глѣбъ Андреевичъ... прямо тамъ и написала... Глѣбушка, представьте, — возвратясь изъ Петербурга, — получилъ командировку сюда, на Волгу, и будетъ, понимаете ли, не нынче, завтра, — не только по близости, но и здѣсь.

— Что же? если Глѣбъ Андреевичъ, дѣйствительно, команди-

рованъ въ приволжскія окольности, то кто же помышляетъ ему навѣстить и наши мѣста?—удивленно спросилъ Травкинъ.

— Ахъ, вы не понимаете, не все знаете! онъ узналъ отъ Нади и, ужъ разумѣется, ѣдетъ прямо въ Горки, въ Горки! ко мнѣ! — восторженно вскрикнула Маря: теперь уже не выпущу его, нѣтъ! — какъ бы тамъ и кого бы ни усмиряли, на Волгѣ и за Волгой... Сегодня же стану собираться и, едва явится онъ, прямо отсюда, съ нимъ, съ Васей... и съ вами, не правда ли, — на югъ, въ Ракитное, къ папан! Туда, къ нашимъ вѣрнымъ малороссамъ, не по-смѣютъ явиться никакіе Пугачовы!

Сборы Марья Родіоновна кончила очень скоро. Ликующая Сысоевна, взявъ обратно отъ священника отданныя ему на сбереженіе ея главныя похоронки, объявила, что все въ дорогу готово, — ослабѣвшая въ каретѣ шіна была перетянута, расковавшаяся пристяжная подкована, и вымыто, выглажено и уложено все барынино и барчуково бѣлье.

Маря поминутно глядѣла въ окна и съ крыльца, не ѣдетъ ли дорогой гость. — «Такъ онъ одумался? раскаялся?» — мыслила она, радостно замирая: — «да, да! Надя именно пишетъ о его раскаяніи... Онъ, очевидно, самъ ей на это намекнулъ... Не только ѣдетъ, но и раскаялся... милый, милый!»

— А что же, матушка, насчетъ эвтаго самаго злодѣя? гдѣ, слышно, эвтотъ Пугачъ?—спросила какъ-то свою барыню Сысоевна, сидя на сундукѣ, съ дѣтскимъ бѣльемъ, и опорожня, въ прикуску, третью чашку чая.

— Брось ты о немъ думать теперь, — отвѣтила Маря: чего тебѣ болѣе? Глѣбъ Андреевичъ вотъ-вотъ будетъ, мы немедленно выѣдемъ... вѣдь Ракитное родина твоя...

— Да злодѣй-то нонче гдѣ?—не унималась Сысоевна.

— Къ Окъ загнали всѣхъ, отъ Нижняго; тамъ, вѣроятно, скоро перехватаютъ ихъ всѣхъ.

XX.

Наступило шестое августа. Маря, въ этотъ день, ждала къ обѣду Травкина. — «Будутъ ваши любимыя блюда, — борщъ съ уткою и съ ветчиной, пшеничка къ маслу и жареныя перепѣлки», — сказала она, приглашая его лично, наганунѣ: «смотрите же, приѣзжайте ранѣе; можетъ быть, подѣдетъ и другой гость». — «Соблазнительно! благодарствую и всенепремѣнно буду, не опоздаю!» — отвѣтилъ, влываясь, Травкинъ. Ждали, однако, Силу Фомича весь-

ма долго. Наступилъ уже и объденный часъ; сосѣда не было. Съ хутора прѣѣхалъ нарочный, съ запиской. Марі прочла ее вслухъ.

«Извините, дорогая сосѣдушка, — писалъ Травкинъ: къ вашей трапезѣ сегодня быть не могу, — ѣду, съ Борей, на-скорахъ, въ Саратовъ, — у него сильно разболѣлись зубы, — все мѣдъ лакомга ѣлъ и навредилъ себѣ, — надо показать его лѣвгарю и взять медингаментовъ; да встрѣтилось и другое, неотлагательное дѣло, — возвратясь, обо всемъ доложу».

— Зубы у крестника болятъ, вздоръ какой! — съ неудовольствіемъ сказала, выслушавъ записку, проголодавшаяся Нинѣтъ: изъ-за такого пустяка скакать въ городъ, быть неаккуратнымъ!

«Дѣло неотлагательное!» — подумала Марі: «что же это, однако, за дѣло? даромъ Сила Ѡмичъ не поѣдетъ».

Сердце Марі невольно сжалось. Томимая предчувствіемъ чего-то необъяснимаго и тяжелаго, она вздохнула и, ничего не отвѣтивъ на замѣчаніе Нинѣтъ, велѣла слугѣ подавать обѣдъ. Сѣли на обычныхъ мѣстахъ за столъ, Нинѣтъ — противъ Марі, Вася — на высокомъ стульчикѣ, рядомъ съ нею. Сысоевна служила за Васей; слуга приносилъ и уносилъ кушанье и посуду. — «Пустой приборъ!» — подумала Марі, глядя на приготовленный и неснятый приборъ Травкина: «хорошій знакъ, — будетъ дорогой гость»...

День былъ солнечный, теплый, по лѣтнему, и тихій. Въ раскрытыя окна, какъ въ маѣ или іюнѣ, несся запахъ съ цвѣточныхъ клумбъ; влетали и вылетали, съ веселымъ жужжаніемъ, мухи. Марі, послѣ прогулки съ Васей въ саду, сидѣла въ легкомъ, бѣломъ капотѣ и въ кисейной косынкѣ на за-просто убранныхъ волосахъ. Ежедневно пудрившая вычурную, высокую причѣску, даже въ деревнѣ, Нинѣтъ была въ цвѣтномъ шелковомъ платьѣ, на фижменахъ, и въ корсетѣ, удлиннявшемъ и безъ того длинную и узкую ея талію. Послѣ борща подали душистую, сваренную въ маслу, молодую пшеничку - кукурузу. Въ вазахъ на столѣ стояли къ десерту клубника и только-что поспѣвшіе въ оранжереѣ персики. Вася, грызя сочный и сладкій качанъ пшенички, нетерпѣливо поглядывалъ на ягоды и персики. Онъ сильно загорѣлъ и поправился за лѣто. Его черные, какъ у отца, курчавые волосы, длинными локонами падали на бѣлый воротникъ пикейной курточки. — «Глѣбъ не нарадуется на него!» — думала Марі, любясь ребенкомъ.

— Что нынче, развѣ праздникъ? — спросила Нинѣтъ, едва удостоивъ погрызть пшенички и чопорно вытирая салфеткой свои тонкіе, съ длинными, тщательно выхоленными ногтями, пальцы, обмоченные сочнымъ качаномъ.

— Чтò за вопросъ? разумѣтся, празднигъ, Преображеніе Спа-са,—произнесла Марь: въ церкви была ранняя обѣдня, я ходила.

— А я, по обыгновенію, проспала,— отвѣтила Нинѣтъ: спро-сила же оттого, что съ утра не слышно звуковъ топора; у бани, въ саду, эти дни плотники что-то мастерили.

— Передбаннигъ передѣлываютъ,— отвѣтила Сысоевна: да чтò, хоть бы господа скорѣе ѣхали; тутъ, какой уже день, все празд-ники, да гулянье... Атава проспѣла, сѣять пора, а здѣшніе всѣ,— точно очумѣли,—шепчутся, толкуются у кабака. Не только нынче, и вчера весь день—хоть шаромъ покати, никого, почитай, не бы-ло на работѣ; а какой же вчера хотя былъ празднигъ? мученицы Нѣнны и только.

— Ты почему это знаешь? вотъ выучила календарь!— усмѣх-нулась Ладыженцева.

— Кума у меня въ Ракитномъ Нѣнна, вотъ что! — съ неудо-вольствіемъ, отвѣтила Сысоевна: а что народъ тутъ— куда распу-щенъ, такъ это вѣрно.

— Что же прикацику не доложишь?— продолжала язвить Ни-нѣтъ: онъ, кажется, не охотнигъ баловать работниковъ...

Сысоевна на это только махнула рукой. Убравъ посуду, послѣ пшенички, слуга пошелъ въ кухню за жаренымъ. Сысоевна унесла тарелку барченка. Прошло нѣсколько минутъ. Ни слуга, ни Сы-соевна не возвращались. Марь взглянула на часы, въ длинномъ, до потолка, ящикѣ, стоявшіе въ углу столовой. Прошло еще съ чет-верть часа.

— Чтò это? — съ досадой, сказала Марь: ужъ не запризно-валъ ли и поваръ?

— Кухня здѣсь не близкій свѣтъ,— возразила Ладыженцева: ну, не проспѣли можетъ быть заказанныя тобой перепѣлки.

Часы медленно стучали въ стихшей комнатѣ. Съ птичьяго дво-ра и отъ деревни, бывшей за садомъ, доносились веселые крики пѣтуховъ, дравшихъ горло, благодаря дившемуся вѣдру и теплу. Въ окно влетѣлъ мохнатый шмель и, гулко пронесаясь вокругъ сто-ловой, снова вылетѣлъ въ садъ. Небесная синева, безъ единого об-лачка, привѣтливо глядѣла въ окна, черезъ верхи неподвижно-сто-явшихъ липъ и тополей...

Въ концѣ дома слышались торопливые шаги. По корридорю бѣжало что-то тяжелое. Въ дверяхъ столовой показалась растерян-ная, запыхавшаяся Сысоевна. Съ секунду она не могла произнести ни слова и, опершись плечомъ о притолоку двери, только бессильно разводила руками.

— Спасайтесь, барыня, свѣтить! охъ, скорѣе! — выговорила она, наконецъ, бросившись къ столу и схватывая ребенка на руки.

— Что ты, няня? опомнись! — вскрикнула Маря.

— Злодѣи! Пугачъ! должно, самъ, за деревней, въ полѣ.. съ большой дороги, сказываютъ, ѣдутъ ко двору... да бѣги же, родимая, бѣги!

Маря обомлѣла. Она хотѣла встать и не могла; ноги не слушались ея. Комната, няня съ Васей, Нинетъ, онемѣло бросившаяся въ прихожую, все заколыхалось въ ея глазахъ.

— Господи, Господи! — твердила Маря, нища глазами икону и не видя ея: спаси насъ, Пречистая, угодники!

— Да бѣги же, сударыня! поздно будетъ! — произнесла няня, ухвативъ барыню за руку и таща ее, черезъ балконную дверь, въ садъ.

Силы Маря возвратились. Она не отставала отъ няни. Пробѣжавъ главную аллею, онѣ своротили вправо, къ рощицѣ акацій, у которой, на скатѣ пригорка, перестраивалась баня. Здѣсь Сысоевна остановилась, у груды досокъ, разныхъ обрубковъ и мелкой щепы. Маря дрожала всѣмъ тѣломъ. Испуганный ребенокъ тихо всхлипывалъ на рукахъ няни.

— Ложись, сударыня, сейчасъ ложись! — сказала Сысоевна: спрячу тебя здѣсь, не найдутъ.

— А Вася? — спросила, ломая руки, Маря.

— Да ложись же, говорю тебѣ! — понизивъ голосъ, сказала няня: за него и не бойся... Пробѣгу съ нимъ по задворкамъ, къ Маланьѣ коровницѣ, либо къ попу... Остригу его, переодѣну, назовется поповичемъ, что-ли... у Маланьи дитѣ недавно померло, — рубашку, портишки авось добуду ему!

Сысоевна опустила Васю на земь, уложила Маря у колоды, прикрыла ея обрѣзками досокъ и засыпала щепками.

— Смотри же, матушка, не воруйись! гдѣ голоса не подавай! — сказала она, нагнувшись къ Маря: а Васеньгу-свѣтика спрячу такъ, что не найдутъ...

Подхвативъ ребенка, старуха пробѣжала за баню, постояла здѣсь, прислушалась и, спустясь съ пригорка, низомъ сада, направилась къ крестьянскимъ дворамъ.

Едва Сысоевна, чуть помня себя отъ волненія и усталости, растрепанная, съ уванимъ на спину головнымъ платкомъ, добѣжала до ближайшаго крестьянскаго огорода и уже занесла ногу на перелазъ плетня, — въ барскомъ дворѣ послышались крики. Крестьясь и щепча молитву, старуха тихо высунула голову изъ-за плетня, глянула и обмерла. Барскій дворъ былъ полонъ всадниками. Часть

ихъ спѣшилась. Одни окружили домъ, другіе бѣжали въ садъ и на выгонъ, къ церкви. Домъ, очевидно, оказался запертымъ. Не женовъ въ двери, нападавшіе били окна и черезъ нихъ лѣзли въ комнаты.

Сысоевна, собравъ силы, перелѣзла черезъ плетень и, творя молитву и прижимая къ груди Васю, грядками огорода бросилась къ крайнему крестьянскому двору. Въ барской усадьбѣ послышался выстрѣлъ. Съ колокольни раздался набатъ...

Сила Ѳомичъ Травкинъ поспѣшилъ, съ Борей, въ Саратовъ, не вслѣдствіе зубной боли крестника и не по своему личному, какъ онъ писалъ, неотложному дѣлу, а потому, что вздвигшіи въ городъ, за солью для овецъ, его ключникъ привезъ извѣстіе, что, по слухамъ въ народѣ, среди охраняющихъ городъ гарнизонныхъ солдатъ и волжскихъ казаковъ явилось колебаніе и что горожане, купцы и чиновники стали грузить на барки и лодки свое имущество и тайкомъ бѣгутъ. Травкинъ завернулъ для развѣдокъ къ аптекарю, но не засталъ его дома и заѣхалъ къ Ловицу. Отъ прислуги онъ узналъ, что профессоръ вверху, на антресоляхъ, и по витой, деревянной лѣстницѣ, прошель туда. Кудой и высокій, безъ парика и въ очкахъ, лысый астрономъ сидѣлъ у раскрытаго окна, глядя въ зрительную трубу. Увидѣвъ Травкина, онъ ласково протянулъ ему руку и указалъ возлѣ себя стулъ.

— Все ли у васъ, Егоръ Ивановичъ, благополучно?—спросилъ Сила Ѳомичъ.

— О, вполне. Ссорятся только, по обычаю, начальники.

— Кто такой?

— Комендантъ и присланный уфѣ городъ изъ гвардіи, поручикъ Державинъ.

— Но какъ же это?—удивился, самъ бывший въ военной службѣ, Сила Ѳомичъ: комендантъ—полковникъ; развѣ поручикъ, хотя бы и гвардеецъ, можетъ не покоряться ему? это предосудительно, противно дисциплинѣ.

— И я то же говорю,—сказалъ Ловицъ: но это ужъ русски характеръ; одинъ трактуетъ за дислокаціонъ войска за городъ, на встрѣчу врага,—если бы тотъ объявился; другой кричитъ—насыпай земляной валъ, впередъ города, до Волги. А какой тутъ валъ, когда округъ города—высоки горы и съ нихъ легко все разрушайтъ и сжигайтъ... Aber, Gott sei Dank, все то уладится!

Травкинъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Ваши добри сосѣдъ Дугановъ ишдѣ не возвратились изъ воляжъ?—спросилъ Ловицъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ, вздохнувъ, Травкинъ: и это просто не-
постижимо! я сильно, сильно сомнѣваюсь на ихъ счетъ... въ та-
кія попали мѣста!...

— О, зачѣмъ такъ думать? — сказалъ Ловицъ, раскуривъ трубу
и предлагая ее гостю.

— Благодарю, — отказался Травкинъ.

— Вы въ городъ до вечеръ? — спросилъ Ловицъ.

— Нѣтъ-съ, ѣду сейчасъ; нельзя, знаете... родственница Ду-
гановыхъ, молодая, милая барыня, — вы ее видѣли, — гостить въ
ихъ имѣніи, безъ нихъ, и очень беспокоится, — я далъ слово по-
спѣшить.

— А жаль! ночью это, это... такой видъ на атмосферъ!... Ва-
ши Дугановъ думали, на обратный путь, взглянуть на кольца Са-
турнъ... Теперь этотъ планетъ уфъ лучшемъ видъ... ну, вотъ,
какъ серебряне поясочки округъ голубой шаръ! Оставайтесь, уви-
дите. Когда я были уфъ Гурьевъ и на Венера глядѣлъ...

— Благодарствую, не до того теперь, — отвѣтилъ, вставъ и
кланяясь, Сила Ѳомичъ.

Провожаемый хозяиномъ, онъ въ раздумьи спустился и вышелъ
на крыльцо.

XXI.

— Папа, — сказалъ Боря, встревоженно глядя на крестнаго: тутъ
проскакалъ какой-то верховой и крикнулъ лавочникамъ, —
Пугачовъ будто бы невдали отъ города...

— Что ты, что ты! — замахалъ, въ ужасѣ, руками на крестни-
ка Травкинъ: опомнись! что ты говоришь!

— Ей Богу, такъ онъ и объявилъ, — настаивалъ Боря: къ Со-
коловой горѣ, говорить, движутся, — видны и пушки...

Сила Ѳомичъ взглянулъ на Ловица, потомъ на улицу. Два со-
сѣднихъ торговца, булочникъ и гончаръ, торопливо запирали лав-
ки. Ловицъ отвелъ Травкина въ сѣни.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ, взявъ гостя за руку: уфъ мой зри-
тельный труба все видно, какъ на ладонь.

Ловицъ и Травкинъ снова поднялись на антресоли. Астрономъ
передвинулъ на подставкѣ трубу, навелъ ее ниже, за городъ, уста-
вилъ стекло къ Волгѣ и развелъ руками.

— Глядѣлъ на атмосферъ, подъ свой носъ не видалъ! — расте-
рянно сказалъ онъ, вставая.

Травкинъ присѣлъ къ трубѣ, взглянулъ въ ея стекло и отшат-
нулся. Онъ увидѣлъ нѣчто ужасающее.

Къ окраинамъ города, по московской дорогѣ, надвигалась ка-кая-то лавина. Обширный, конный и пѣшій отрядъ, виднѣлся сквозь клубы пыли. Одна его часть тянулась къ Соколовой горѣ, другая близилась прямо къ городу и его предмѣстьямъ. Съ городского ва-ла, по выгону, взвивались разрозненные дымки ружейныхъ вы-стрѣловъ.

— Не слышно, а видно, — это палать отъ города, — сказалъ Травкинъ, наклоняясь къ трубѣ: ишь, — выпалили и идутъ впередъ! благодарить Бога, — нашихъ хоть мало, а кажется стойко и смѣ-ло стремятся на врага.

Ловицъ нагнулся къ трубѣ.

— Nein... sie werfen fort ihre Waffen! — произнесъ онъ, всма-триваясь въ стекло: бросать свой оружіе... sie ubergeben sich... передаютъ себя, бѣгутъ... о, die Verrätter! прямо къ злодѣю.

— Прощайте, — сказалъ Травкинъ, бросаясь къ лѣстницѣ.

Онъ быстро спустился внизъ. Ловицъ догналъ его въ прихожей.

— Послушайте, — секунда одинъ! — вскрикнулъ онъ, остано-вивъ гостя: скажите, — вы умный человѣкъ, — чтó вы намъ ренъ дѣлать?

— Я? — удивился Травкинъ: разумѣется, бѣжать!... Не будь одна особа, давно не былъ бы здѣсь... а вы?

— О, кто бы ни оказался этотъ проблематичный человѣкъ — Пугачовъ, — обманщикъ или царь, — произнесъ Ловицъ, поднявъ на лобъ очки: онъ, дѣлая таки умны походы, атакъ, оцѣнить мир-на, учёна заслугъ... Надо ему рѣчь о Волга и Донъ...

Травкинъ сбѣжалъ съ крыльца, вскочилъ на таратайку и, мол-ча поклонясь профессору, погналъ савраску вскачь. Къ торговой площади, мимо которой онъ взялъ въ сторону, изъ сосѣднихъ улицъ и переулковъ бѣжалъ народъ. Какой-то купецъ, стоя на телѣгѣ, среди толпы, покрывавшей площадь, что-то говорилъ, размахивая руками. Сила Ѳомичъ узналъ въ немъ кума своего, богатаго кра-снорядца. — «Ура, батюшкѣ-царю! къ нему!» — кричала толпа, не слушая краснорядца.

Мелкіе торговцы уносили съ перекрестковъ лотки, съ товара-ми; купцы запирали лавки. Изъ дворовъ, протискиваясь между прохожими, выѣзжали нагруженные разнымъ хламомъ возы. Нѣ-сколько колымагъ и колясокъ, минуя главныя улицы, неслись за городъ.

У опустѣлаго комендантскаго двора, Травкинъ увидѣлъ часть гарнизонныхъ солдатъ и передъ ними нѣсколько офицеровъ и са-мого коменданта. Растерянный, на себя не похожій, полковникъ

Бошнякъ, — пряча за лацканъ растегнутаго мундира скомканное, батальонное знамя, оторванное отъ древка, — ударялъ себя въ грудь и говорилъ, со слезами, что-то трогательное и возвышенное остатку вѣрнаго гарнизона.

— Вотъ, вотъ герой! надѣется пробиться, съ горстью храбрыхъ! — сказалъ крестнику, смигивая слезы, Травкинъ: такъ и надо, и надо... Не хочеть отдавать злодѣямъ войсковой святыни.

— А мы пробьемся? — спросилъ Боря.

— Мужайся, Борисъ! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! — отвѣтилъ Сила Ѳомичъ: да держись, гляди, крѣпче, не выпади на толчкѣ.

Савраска неслась изъ всѣхъ силъ. Травкинъ миновалъ послѣдній переулокъ. Потянулись огороды, за ними монастырская роща; за рощей стало видно послѣднее подгороднее зданіе — обширный, казенный, винный заводъ, и рядомъ съ нимъ — купеческій, канатный.

Едва таратайка въѣхала въ рощу, нѣсколько рабочихъ, шедшихъ съ канатнаго завода, преградили ей дорогу.

— Стой, кто ѣдетъ? — спросили рабочіе, окруживъ таратайку.

— Да вы же здѣшніе, заводскіе! неужели не знаете меня?... что вамъ надо? — удивился Травкинъ.

— Здѣшніе-то, правда, да не прежніе! — отвѣтили рабочіе: были царицны, нынѣ опять царѣвы! Ну - ка, вставай, баринъ, да вертай!

Травкинъ ударилъ по савраскѣ. Конь двинулся было, но его осадили.

— Вязать ихъ, братцы! — крикнули канатчики.

— На что? одинъ старъ, другой дитя, — вези и такъ!

Нѣсколько рабочихъ сѣли на облучокъ таратайки и повезли плѣнниковъ обратно въ городъ.

— Да куда же вы? нѣхристи вы, что ли? — спрашивалъ Сила Ѳомичъ канатчиковъ.

— Ладно! вашего брата велѣно преставлять, — вышелъ указъ... тамъ разберуть!

Таратайка въѣхала въ улицу. Мятежники, тѣмъ временемъ, уже ворвались въ городъ. Разбивъ въ предмѣстьяхъ нѣсколько постоянныхъ дворовъ и кабаковъ, они перепились и буйными шайками рыскали по улицамъ и площадямъ, грабя лавки, дома и церкви, и убивая тѣхъ, кто пытался защищать свое добро. Надвинулась туча, поднялся сильный вѣтеръ. Улицы покрылись тучами пыли, заслонившей дома и заборы. Канатчики, задержавшіе Травкина, едва пробираясь въ пыли и, то и дѣло, наталкиваясь на слѣ-

ды грабежа и крови, сами струсили. Они хотѣли уже оставить плѣнныхъ, но потомъ разсудили, не досталось бы имъ,—скажутъ еще, что они выпустили господъ за выкупъ.

— Гдѣ батюшка-царь?—спросили они, на перекресткѣ, янц-баго казака, тащившаго на спинѣ изъ лавки огромнаго выденаго осетра: куда везти господъ?

— Царь далече, на зимовникѣ Кишимова,—отвѣтилъ казакъ: время не пришло, еще не жалуетъ въ городъ; везите въ лагерь, тамъ скажутъ!

— А гдѣ, милостивый, будетъ это?

— Подъ лѣсомъ, у Алтынной горы.

— Не опасно?

— Вези, коли говорятъ.

Канатчики доставили плѣнныхъ къ Алтынной горѣ. Здѣсь, у югозападной части города, на-скоро располагался, въ это время, подъ начальствомъ Творогова, главный, плѣшій лагерь самозванца, изъ разнаго сброда, вооруженнаго вилами, чекушами, косами и престо дубинами. Лагерь однимъ концомъ упирался въ покрытую лѣсомъ Алтынную гору, другимъ подходилъ къ городскому выгону. На гору мятежники втащили нѣсколько пушекъ и отерыли было изъ нихъ пальбу по городу; но ядра туда не долетали, да и городъ, узнавъ объ измѣнѣ гарнизона, сдался и пушки, бывшія подъ вѣдѣніемъ Чумакова, замолели. Въ лагерь тащили съ захваченныхъ на Волгѣ судовъ рыбу, соль, муку и другіе принасы; у горы и по выгону рыли землянки, ставили старшинамъ палатки и разводили костры.

Путачовъ, съ хромоногимъ своимъ фельдмаршаломъ, Овчинниковымъ, въ это время, съ хутора колониста Кишимова, заправлялъ коннымъ отрядомъ. Мелкія шайки верховыхъ, ворвавшись въ городъ, грабили его; болѣе крупныя, разсыпавшись по подгороднымъ окраинамъ, доскакивали до ближнихъ помѣщичьихъ селъ и хуторовъ. Казаки, опустошая барскія усадьбы, убивали или увозили съ собой ихъ владѣльцевъ, прикащиковъ и домочадцевъ.

Травкина и его крестника канатчики подвезли къ на-скоро установленнымъ на взгорьѣ, не вдали другъ отъ друга, палаткамъ есауловъ Идорки и Баранки. Здѣсь, въ обозѣ, подъ стражей, уже были и другіе, захваченные въ плѣнъ,—дворяне, чиновники, купцы, нѣсколько причетниковъ и священникъ, изъ подгородной слободки, знакомый Травкину. Новыхъ плѣнныхъ приняли и помѣстили, среди остальныхъ, безмолвно сидѣвшихъ на землѣ, передъ палатками, у телѣръ обоза. Ихъ еще не допрашивали. Идорка и Баранка, съ прочими изъ старшинъ, слѣдя съ пригорка за устройствомъ лагеря, заку-

сывали у одной изъ палатокъ. Передъ ними, на разостланной попо-
нѣ, лежали краюхи добытаго въ предмѣстьи хлѣба, захваченная у
пристани вяленая бѣлорыбица, свѣжая игра и осетровые балыки.
Тутъ же стояли раскупоренные ящики съ виномъ. Одинъ уже былъ
опорожненъ; къ другому только-что приступили.

Хмѣль уже замѣтно охватывалъ трапезующихъ. Вѣтеръ сталъ
стихать. Отъ палатки неслись веселые возгласы и громкій смѣхъ.
Раздавалось трѣньканье балалайки, визгъ чибузгѣй, а кто-то подь
носъ затыгивалъ пѣсню.

— Стой, братцы!—сказалъ, покачиваясь, Идорка, остановивъ
музыку и глядя на стражу, охранявшую плѣнныхъ: что морить на
жарѣ царскихъ слугъ? порѣшить сперва иродово сѣмя, господь,
а стражу отпустить.

— Да погоди, чортъ, успѣешь!—остановилъ его Баранка.

— Нѣтъ, такъ хочю, нельзя!—не унимался Идорка.

— Сядь, говорятъ тебѣ, яманъ! оставь ихъ и пей!—возразилъ
не менѣе хмѣльной Баранка.

— Какъ? эвту сволочъ? что ты, бачка! опомнись! дьяволо-
выхъ шишигъ жалъ?—спросилъ, приподнимаясь и отталкивая удер-
живавшихъ его станичниковъ, пьяный Идорка: да кто же мнѣ по-
мѣшаетъ?

— Я!—отвѣтилъ, блѣднѣя, Баранка: и не совѣтую тебѣ! чтобъ
моя не знала, слышь, и не видала! сунься, еще вдарю!

— Да какъ смѣешь? ты кто тутъ!

— А ты?

— Нѣтъ, ты кто?—настаивалъ Идорка.

— Начальникъ артилеріи, фильцымейстеръ, во кто!—отвѣ-
тилъ Баранка.

— Ахъ ты фильцыгъ, пѣсь! право слово, пѣсь! и пушки твои
ни къ дьяволу тутъ! а я енаральнаго, значить, штапу, царскій
охранникъ и надъ всѣми судья... ну, и сужу.

— Не смѣешь, собачье рыло!—отгрызнулся Баранка.

— А вотъ увидишь, колъ те въ ротъ,—проговорилъ, весь крас-
ный и въ поту, Идорка: Стрѣпетовъ, Шульга!—крикнулъ онъ кѣ-
харямъ, сорвавшись съ мѣста: ходи, бачка, сюда!

Два здоровенныхъ кѣхаря, снявъ шапки, подошли въ татарину.

XXII.

Опѣшенный отпоромъ царскаго любимца, худаго и изуродо-
ваннаго оспой Идорки, приземистый, съ рваными ноздрями, Ба-
ранка только плюнулъ и отвернулся.

— Это оврагъ?—спросилъ кѹхарей Идорка, указывая на глу-
бокую и узкую водороину, за палаткой.

— Оврагъ.

— А то вонъ мачта, али брусъ?—указаль Идорка на длинное
сосновое бревно, лежавшее, съ другими брусьями, у водороины.

— Мачта.

— Волоки ее,—мости поперёкъ прорвы.

Кѹхари перекинули бревно черезъ оврагъ.

— Давай, душа-человѣкъ, веревокъ.

Веревки были принесены.

— Да брось ты, Махметъ Салтановичъ,—уговаривали Идорку
товарищи: ну самъ батюшка прїѣдетъ, онъ и рѣшитъ.

— Безъ него разсудимъ! веди брюхоморовъ, псовъ!—крикнулъ,
разстѣгивая залитый виномъ, алый бешметъ, Идорка: на висюлю
ихъ, вяжи шайтановъ!

Онъ опять сѣлъ на землю. Кѹхари подвели плѣнныхъ къ палаткѣ.
Впереди ихъ былъ высокій и полный подгородный священникъ.

— А, отецъ честной!—приподнявъ слегка шапку, усмѣхнулся
попу потускнѣлыми отъ хмѣля глазами Идорка: не хотѣлъ честию
выйти, съ хоругвями и крестомъ? наше вамъ-съ!

Священникъ молча пощипываль свою бороду.

— А вы, кровопійцы, щеголи-дворянчики? вы что теперь?—
продолжалъ, глядя на понурья лица плѣнныхъ, Идорка: не покаялись?
трусите, скаредные ярыжки, чинѹшки, да и ты, пузанъ торго-
вецъ,—кто ты?

— Миколаевъ, сударь,—отвѣтилъ, кланяясь въ поясъ, купецъ.

— А еще стрижень, ай-ай! въ скобку и въ бородѣ! что, живо-
дѣры? хо-хо! жалъ было своо добра? На царя-то, собачьи дѣти, да
на такого-то, сказать, добраго, на монарха?

Идорка смогъ, искоса поглядывая на растерянные, блѣдные
лица плѣнныхъ.

— Стрѣпетовъ, Шульга!—крикнулъ онъ: ну-ка, бачка, народу
еще сюда! вяжи имъ, ваторжнымъ, петли, да съ колоды-то, съ ви-
сюли, по одному, и спускай собачье племя въ прорву...

Кѹхари, подозвавъ стражу, приблизились къ купцу и стали вя-
зать ему руки.—«Боже милостивый, Боже правый!»—шепталъ по-
бѣлѣвшими губами Травкинъ, прижимая къ себѣ дрожавшаго отъ
страха Борю: «вразуми ихъ, нехристей, укроти ихъ злобу и ярость
къ неповиннымъ... защити, о, Господи, защити!»

Баранка сидѣлъ, покачиваясь и налитыми кровью глазами гля-
дя въ землю.—«Молчить, пѣся харя»—думаль о немъ Идорка, слѣ-

дившій, какъ кѣхари визали руки купцу: «смирися, небось! не на того наскочилъ!»—Въ лагерѣ, между обозомъ, въ это мгновеніе, гдѣ-то снова тилигнула балалайка. За нею зазвенѣли бубны. Тихіе, веселые звуки странно прозвучали среди омраченныхъ предстоящею казнью лицъ.

— Стой, Махметъ!—сказалъ вдругъ Баранка Идоркѣ: что такъ-то, задаромъ, рѣшать хотъ бы этихъ псовъ? Повеселили бы малость ребятъ... поплясали бы, что ли? Есть, чай, между ними и плясуны?

Неожидавшій такой выходки, Идорка подумалъ и усмѣхнулся. Разсмѣялись и остальные изъ станичниковъ.

— Да ты не на-перекоръ только?—спросилъ Идорка, опомнясь и недовѣрчиво косясь на товарища.

— Убей Богъ!—отвѣтилъ Баранка: висюли одно, а пляска другое.

— Ну, и ладно!—рѣшилъ Идорка: врѣшь ты; али нѣтъ, а придумалъ ловко... Якши, ребята, брось ихъ! Ну-ка, честной отче,—сказалъ онъ священнику: начинай первый хотъ ты.

Священникъ вздрогнулъ.

— Пощади! вы тоже Божьи чада, одумайтесь!—проговорилъ онъ; едва ворочая пересохшимъ отъ страха, путающимся языкомъ: за что такое надругательство? Вы иной вѣры, ваша здѣсь власть,—таково попущеніе Господне!... Но по что такая издѣвка? слугамъ ли алтаря, подумайте, въ скоморохи идти, васъ веселить? на то есть иные, хотъ бы оный изъ малыхъ сихъ,—указалъ онъ на Борю.

Идорка и Баранка опять заспорили, кому изъ плѣнныхъ начинать плясъ. Они кричали, скрежетали зубами, ворочая бѣлками и бросая шапки объ земь.—«Я заводчикъ тутъ всему!»—кричалъ Идорка.—«Нѣтъ, я! моя придумала, а не ты!»—не спускалъ ему Баранка.

— Какъ вамъ, отецъ Игнатій, не грѣшно?—укоризненно шепнулъ Травкинъ священнику: и что вы вздумали? ужли вамъ не жаль отрока, не жаль наконецъ меня, старика?

— Да полно-те, ничего!—отвѣтилъ священникъ: нешто я спраста? вѣдь не разъ бывалъ въ Горкахъ, видѣлъ, какъ предивно пляшетъ вашъ-отъ соколѣкъ.

— А какъ смѣшается, оборвется?

— Не оборвется,—шепталъ священникъ, не спуская глазъ съ татаръ.

Спорщики смолкли. Идорка взялъ съ земли начатый бурдюгъ вина, потянулъ изъ него, отдохнулъ, еще вышилъ и утерся полой бешмета.

— Такъ-то, — сказалъ онъ Барангѣ: прячь морду, — не тебѣ тутъ командовать! зови, Стрѣпетовъ, музыку сюда, — пусть баранчугъ попляшетъ.

Явились три балалайки, чибузга и нѣсколько бубенъ. Музыка заиграла трепака.

— Иди, да иди же, Бѣричка! — въ полголоса уговаривалъ Травкинъ племянника: ну, что тебѣ? ободрись, потѣшь ихъ... Не намъ, тебѣ, можетъ быть, будетъ лучше.

Боря не помнилъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Его ноги подкашивались. Слезы катились по лицу.

— Да выступи же, псѣнокъ! что стоишь, какъ пень? — крикнулъ, недовольный медленностью мальчика, Идорка: или, твое благородіе, не уважишь приказа?

Боря медленно выступилъ изъ среды плѣнныхъ и покачнулся; но, взглянувъ на крѣстнаго, онъ опомнился, оправилъ на себѣ одежду и, взявшись подъ бока, плавно, подъ звуки музыки, присѣдая и опять выпрямляясь, пошелъ вокругъ площадки. Казаки впились въ него глазами. Сила Ѳомичъ крестилъ издали Борю. Священникъ тихо шепталъ молитву.

Мальчикъ оживился. Молніей промелькнулъ, въ этотъ мигъ, въ его мысляхъ тихій, лѣтній день въ Горкахъ, проводы Дугановыхъ въ Казань, и какъ онъ, подъ игру крѣстнаго на виолончели, танцевалъ «Варварушку». — «Варварушка, сударушка, не гнѣвайся на меня», — вспоминалъ Боря и, какъ тогда, вдругъ остановился и махнулъ рукой. Еще мигъ, онъ хлопнулъ ногой объ ногу, припрыгнулъ и такъ разошелся, вертясь по площадкѣ юлой, присѣдая и вскидывая ноги и руки, что только пятки его мелькали.

— Молодца, молодца! — кричали, подъ звонъ и гулъ музыки, казаки: ну-ка, вертунъ, еще! такъ-то! жарь, жарь...

Старшіе, слѣдя за Борей, тоже стали притопывать на мѣстѣ и качаться, а младшіе сорвались и сами пустились въ плясъ.

— Вотъ такъ лихо! жги, вали! — раздался громкій и властный голосъ надъ толпой.

Музыка мгновенно стихла. Всѣ оглянулись. На обрызганномъ пѣной, тяжело дышавшемъ конѣ, сидѣлъ подскакавшій главный начальникъ лагеря, Ивашко Твороговъ. Красный и потный, онъ былъ весь въ пыли. Боря остановился, испуганно разсматривая подѣхавшаго казака, передъ которымъ прочіе, даже Идорка и Баранка, почтительно и молча сняли шапки. Плѣнные подумали, что передъ ними былъ самъ Пугачовъ.

— Что, соколы, тѣшитесь?—спросилъ Ивашко.

— Тѣшутся ребята,—отвѣтилъ, кланяясь, Баранка: съ ене-
ралъ-фильцъгместромъ поспорили.

— О чемъ?

— На счетъ, то есть, евтихъ самыхъ господь,—произнесъ
Идорка, также кланяясь и указывая на плѣнныхъ.

— Ну, а какъ такі были ваши споры?

— Я говорю,—отвѣтилъ Идорка: надо ихъ, псовыхъ дѣтей, на
рѣли, а Гирей говорить, поплясать бы ихъ сперва заставить, по-
веселить ребятъ... не отслужилъ ли бы кто за грѣхи?

— Ну, и что-жъ, старались?—усмѣхнулся Твороговъ.

— Преусердно, Иванъ Александровичъ! Не хочешь ли винца?

— Кто же первый? не попъ ли?—спросилъ Твороговъ, прибла-
диваясь къ поданному бурдюгу и глядя на священника.

— Нѣтъ, пока избавили попа, мальченокъ эвтотъ самый постарал-
ся,—указалъ Идорка на Борю: усердствовалъ, то есть, вотъ какъ...

— Видѣлъ, видѣлъ! отслужилъ, выходитъ, за всѣхъ?—произ-
несъ Твороговъ, отдыхая и опять жадно припадая къ бурдюгу съ
виномъ.

Ивашкѣ вспомнился его собственный путь отъ Урала до Казани
и оттуда на Осу, Курмышъ, Саранскъ и Пензу. Рѣвой огня и кро-
ви пронесся онъ, съ Пугачовымъ, по этимъ городамъ. — «Сколько по-
вѣшено, побито дубьемъ и пострѣлено!» — думалъ красавецъ-Иваш-
ко, глядя на новыя жертвы казней, во имя новоявленнаго госуда-
ря: «и за дѣло вѣдь всѣ удушены и побиты!... Не покорялись, не
признавали царя!... Саратовъ сдался безъ боя; знакъ хорошій... Го-
нятся за нами генералы; а тутъ, видно, ничего не подѣлаютъ. Богат-
ства и всякихъ припасовъ тутъ безъ числа. Нагрузимъ барки,
спустимся Волгой въ Астрахань,—оттуда въ Каспій,—ищи тогда
вѣтра въ полѣ... А выше меня, у его величества, нѣтъ никого!»

«Да» — мыслилъ въ то же время Травкинъ, чувствуя, какъ
его сердце билось шибко, замирая и падая куда-то безъ слѣда:
«вотъ онъ, во очю, бунтъ низкой черни, стихійный, загадочный и
безобразный... Былъ на Божьемъ свѣтѣ Травкинъ, росла былинка,
и мигомъ ихъ не станеть... Рѣшайте, философы,—Юмъ, Аристо-
тель и Кантъ,—что это? все вмѣстѣ и рядомъ, музыка и висѣли-
цы, смѣхъ и истязанія, пляска и смерть...»

— Ну, коли потѣшилъ паренекъ молодцовъ, отслужилъ, такъ
тому видно и быть!—сказалъ Твороговъ: разные, дѣтушки, у на-
шего царя подданные и разная отъ нихъ служба... Что до меня,
именемъ его, всѣхъ задержанныхъ хоть бы и отпустить! а ты, Мах-

метъ, и ты, Гирей, за мной!—прибавилъ Ивашко, повернувъ коня: государя въ городъ просить, къ сдачѣ и къ присягѣ... немало у него тамъ важныхъ дѣловъ... одной казны захвачено двадцать пять тысячъ...

Старшины сѣли на коней.

— Что же, иначе, съ плѣнными?—спросилъ, глядя на Баранку, Идорка.

— Да сказано, вѣдь, отслужили,—ну, и ладно, пока; всѣхъ полагалъ бы ослобонить! пусть явятся къ батюшкѣ-царю... авось и его величество помилуетъ и вовсе простить.

Плѣнные бросились другъ къ другу въ объятія. Боря припалъ со слезами къ крестному. Священникъ, усиливаясь сказать товарищамъ что-то трогательное и сердечное, только молча шевелилъ губами и бровями. Травкинъ, растерянно обнимая и цѣлуя плакавшего крестника, самъ тихо всхлипывалъ, недоумѣвая въ испугѣ, дѣйствительно ли миновалъ ихъ страшный, занесенный надъ ними, ударъ?

Григорій Данилевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Е PUR SI MUOVE!

Смѣлымъ взоромъ пророчески-ясныхъ очей
Мирозданье окинулъ мудрецъ Галилей,
И открылъ онъ земное вращенье;
Но проклятью глаголь мудреца обрекли
Тѣ, кому дорога неподвижность земли,
И принудили дать отреченье.
Да, предъ силой невѣждъ, изувѣровъ, ханжей
Онъ отрекся отъ истины свѣтлой своей,
Но, украдкою, топнувъ ногою,
«Все же движется!»—судьямъ шепнулъ онъ въ укоръ.
И глаголь незабвенный не молкнетъ съ тѣхъ поръ,
Полонъ славой своей міровую...
Пронеслися вѣка... Во вселенной у насъ,
Въ бурномъ омутѣ жизни кипучей, не разъ
Свѣтлой истины голосъ священный
Въ темномъ царствѣ невѣждъ замолгалъ для людей,
Какъ замолкъ передъ грознымъ судомъ Галилей,
Передъ силой кичливо-надменной.
Такъ, порою, средъ жизни обычной, и мы,
Въ темномъ лонѣ коснѣнья, невѣжества, тьмы,
Слова истины молвить не смѣя,
Если свѣтлая мысль благодатно блеснетъ,
А надъ нами молчанья невольнаго гнѣтъ,—
Вспомнимъ древній глаголь Галилея!...
Мы шепнемъ передъ темною силою зла:
—Все же Божія правда жива и свѣтла!...
Ты не бойся, не бойся, о гений!
Галилей осужденный прославленъ въ вѣкахъ,—
Такъ и Божія правда, что молкнетъ въ устахъ,
Прозвучить для иныхъ поколѣній!...

Л. Пальминъ.

ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ *).

Романъ Джоржа Кэбля.

VIII.

Счетоводство.

Два дня послѣ того, какъ Нарцисъ разыскивалъ Ричлинга въ домѣ мадамъ Зенобин, онъ могъ бы найти его на улицѣ Чупитуля, если бы только зналъ, гдѣ надо искать его.

Его не забылъ этой улицы въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ тѣ времена, когда удобный водяной способъ перевоза хлопка посредствомъ «cotton boat» еще не вошелъ во всеобщее употребленіе и когда Пондрасъ и другія улицы еще не соперничали въ торговомъ значеніи съ Чупитуля, какъ теперь, тому не трудно будетъ вспомнить картину торговой суматохи, которая возбуждала столь понятную гордость въ сердцахъ гражданъ-утилитаристовъ. Ломовые, только ломовые, всюду ломовые фургоны! Не нынѣшніе легкіе фургоны, которые вы видите въ Нью-Йоркѣ, а громадные, тяжелые, крѣпкіе, съ двумя большими мулами, впряженными гуськомъ. Шли эти фургоны и по три заразъ, и цѣлыми десятками; встрѣчались они длинными фалангами, тянулись нескончаемыми вереницами и везли всевозможнаго рода тяжести: хлопокъ въ тюкахъ, нагроможденныхъ другъ на друга, листовой табакъ въ громадныхъ бочкахъ, ящики съ полотнянымъ и шелковымъ товаромъ, связки плетей, корзины съ бапустой, ситецъ и сѣно въ тюкахъ, беспорядочныя кучи синихъ и красныхъ плуговъ, мѣшки съ кофеемъ, пряностями и зерномъ, тюки съ мѣшечнымъ холстомъ, бочки, боченки, виски, свинину, лукъ, овесъ, ветчину, чеснокъ, патоку, рисъ, сахаръ, — чего-чего тутъ не было? Французскія и испанскія вина въ бочкахъ и

*) Русская Мысль, кн. I.

въ большихъ и въ малыхъ корзинахъ, глазированный фаянсъ свѣтло-кофейнаго цвѣта, швейцарскіе сыры, по формѣ напоминающіе телѣжныя колеса, миндаль, изюмъ, оливки, ящики съ лимонами, цѣпи въ бочкахъ, монеты, привезенныя изъ Вѣра-Бруца. По всей улицѣ раздавались крики погонщиковъ, щелканье кнутовъ, грохотъ колесъ, гулъ отъ ѣзды. Казалось, не было основанія говорить, что здѣсь могли быть люди, которымъ не доставало хлѣба или не было во что одѣться. «Мы живемъ въ великомъ городѣ», — говорили терпѣливые пѣшеходы, подолгу выжидая на углахъ случая перебѣжать на другую сторону улицы.

На одномъ изъ такихъ угловъ стоялъ, въ выжидательномъ положеніи, Ричлингъ. Онъ пока еще не нашелъ себѣ занятій, но въ его лицѣ никто бы не могъ этого прочесть. Онъ вступилъ въ борьбу вполне сознательно, готовясь бодро и терпѣливо быть всѣмъ, чѣмъ угодно, дѣлать и выносить все, что угодно, лишь бы дѣло не было предосудительнымъ или позорнымъ. Онъ не могъ знать еще, что, въ тяжелой житейской борьбѣ, даже такого рода рѣшеніе иногда не поможетъ; онъ еще не былъ проученъ опытомъ и не подозрѣвалъ, что въ жизни часто приходится молча переносить грубость и несправедливость. О томъ, что въ жизни собственно составляетъ позоръ, у него было крайне юное и — признаться ли? — совершенно американское понятіе. Онъ бы не повѣрилъ, если бы ему кто-нибудь указалъ на цѣлый рядъ предпріятій, мимо которыхъ онъ прошелъ, не замѣчая ихъ и не пытаясь найти въ нихъ для себя работу. Ему и въ голову не приходило, что онъ въ своихъ поискахъ былъ слишкомъ разборчивъ. Онъ не обратился, выражаясь иносказательно, ни къ одному дому изъ среды самарянъ, еще менѣе искалъ онъ помощи у заблудшихся овецъ Израиля, — въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Мэри жила уединенно, въ неудобной квартирѣ, недалеко отъ дома мадамъ Зенобіи. Она и не подозрѣвала, что въ добродушной ея шуткѣ по поводу того, что мужъ ея не гоняется за мѣстами, была дѣйствительно крупная истина. Ей показалось, въ двухъ или трехъ случаяхъ, когда мѣсто было уже совсѣмъ обѣщано ея мужу, что онъ не получилъ его только потому, что въ немъ замѣтили недостатокъ слуха; раза два, въ дѣйствительности, такъ и было. На томъ же углу, гдѣ остановился Ричлингъ, столпились и другіе прохожіе, задержанные тѣмъ же временнымъ замѣшательствомъ на улицѣ. Одинъ изъ такихъ прохожихъ, съ какою-то особенно дѣловитою наружностью, стоялъ очень близко къ нему. И вотъ какъ разъ въ этотъ моментъ и въ этомъ мѣстѣ произошла совер-

шенно случайная встрѣча Ричлинга съ тѣмъ человѣкомъ, отъ котораго ему суждено было получить работу. Человѣкъ этотъ добродушно выразилъ свое нетерпѣніе по поводу задержки. Ричлингъ отвѣчалъ сочувственно.

— Вы здѣшній?—спросилъ тотъ.

— Не здѣшній.

— Скупаете товаръ для торговли во внутрь страны?

Одна изъ пріятныхъ сторонъ жизни въ Новомъ-Орлеанѣ заключается въ томъ, что такого рода общительность при встрѣчѣ на улицѣ съ вновь пріѣзжими не составляетъ исключительной принадлежности шулеровъ, желающихъ заманить неопытныхъ людей въ свои сѣти.

— Нѣтъ; я ищу работы.

— Ага,— сказалъ его собесѣдникъ, подвигаясь впередъ. Ричлингъ повернулся къ нему, чувствуя, что тотъ пытливымъ взоромъ осматриваетъ его съ головы до ногъ, и прохожій опять заговорилъ:—Вы умѣете вести книги?

Въ эту минуту проходъ открылся среди экипажей, и незнакомецъ, сильный и молодой еще человѣкъ, стремительно бросился черезъ улицу; Ричлингъ послѣдовалъ за нимъ.

— Да, я умѣю вести книги,— сказалъ онъ, когда оба они достигли поворота.

Прохожій взялъ его за руку.

— Видите ли вотъ тамъ эту кучу трески и сельдей, гдѣ высокій человѣкъ работаетъ съ кистью и ведромъ? Рядомъ находится пансіонъ, а тамъ—складъ желѣзнаго и мѣднаго товара; вы отсюда можете слышать, какъ бросаютъ тамъ желѣзные листы. Вонъ тамъ вывѣска — видите?— ну, такъ слѣдующій за этимъ складъ принадлежитъ мнѣ. Войдите туда, навѣрхъ, въ контору, и подождите моего прихода.

Ричлингъ поклонился и пошелъ. Въ конторѣ онъ сѣлъ; ждать пришлось ему очень долго,— по крайней мѣрѣ, такъ ему показалось. Быть можетъ, онъ не понялъ прохожаго?—тотъ не являлся. У конторки, на другомъ концѣ комнаты, сидѣлъ какой-то человѣкъ и писалъ, ни на минуту не поднимая головы. Ричлингъ спросилъ его:

— Не знаете ли вы, когда хозяинъ вернется домой?

Пишущій поднялъ глаза и тотчасъ опустилъ ихъ опять на свою работу.

— На что онъ вамъ?

— Онъ просилъ меня подождать его здѣсь.

— Ну, такъ и идите.

Въ эту минуту явился хозяинъ: Ричлингъ всталъ, при чемъ тотъ безцеремонно воскликнулъ:

— А я-то совсѣмъ и позабылъ о васъ! Я не помню, гдѣ, вы говорили, что вели счетныя книги въ послѣдній разъ?

— Я еще не велъ счетныхъ книгъ ни у кого, но я умѣю вести ихъ.

На это послѣдовалъ быстрый и холодный отвѣтъ.

Хозяинъ и не взглянулъ на Ричлинга, досталъ пробную фляжку патоки съ грязной полки и сказалъ, поднимая ее къ свѣту и разсматривая ее.

— Ну, это бабушка на двое сказала и вы мнѣ не нужны.

— Сэръ, — сказалъ Ричлингъ такимъ рѣзкимъ тономъ, что торговецъ невольно обернулся, — если я вамъ не нуженъ, то и вы мнѣ не нужны, но я вамъ не совѣтую говорить мнѣ, что не правда то, что я сказалъ!

При первыхъ словахъ онъ было выступилъ впередъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ договорить, онъ уже стоялъ неподвижно и признавалъ свое безуміе. Онъ даже покраснѣлъ отъ досады на самого себя, хотя голосъ его еще дрожалъ отъ гнѣва и голова была поднята кверху. Когда же обидѣвшій его человѣкъ совершенно спокойно посмотрѣлъ на него, а пишущій у конторки даже не поднялъ глазъ, чувство досады только усилилось еще болѣе, когда онъ замѣтилъ, что оба они молоды, — не старѣе его.

— Я не сомнѣваюсь въ вашей правдивости, — отвѣчалъ торговецъ, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное его хладнокровіемъ, — но вы должны знать, что вы не можете взяться за веденіе большаго количества книгъ въ самый разгаръ торговыхъ сдѣлокъ, если вы еще никогда не вели ихъ.

— Нѣтъ, я этого вовсе не признаю.

— Ну, такъ я-то это знаю и признаю, — сказалъ хозяинъ еще съ болѣею холодностью. — Вотъ тамъ — видите? — лежатъ мои книги, — добавилъ онъ, возбуждаясь и указывая на три большихъ, прошнурованныхъ тома. — Со вчерашняго дня онѣ лежатъ тутъ, брошенные молодымъ человѣкомъ, который тоже никогда не велъ книгъ, но утверждалъ, что умѣетъ, и въ такомъ безпорядкѣ, что мнѣ придется заводить новыя книги. Послѣ этого я не возьму счетовода, который раньше не велъ книгъ.

Онъ отвернулся.

Несмотря на строгость, съ которой торговецъ произнесъ эти

слова, Ричлингъ почувствовалъ, что подъ вѣшнымъ видомъ порядка и солидности его торговли кроется нѣкоторая доля распущенности. Это полусознанное впечатлѣніе, быть можетъ, и придало ему смѣлости продолжать:

— Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово.

— Это бесполезно, другъ мой.

— А, можетъ быть, и придется къ чему-нибудь.

— Какъ же такъ?

— Возьмите опытнаго бухгалтера для веденія вашихъ новыхъ книгъ...

— Ручаюсь вамъ, что возьму, такъ что можете, въ этомъ отношеніи, смѣло биться объ закладъ на послѣдній вашъ долларъ! — возразилъ торговецъ, опять отворачиваясь и всунувъ руки въ карманъ. — И дѣла у него будетъ по горло.

— Вотъ это-то именно я и ждалъ, что вы скажете, — перебилъ его Ричлингъ, стараясь улыбнуться, — и въ виду этого, вы можете поручить мнѣ привести въ порядокъ ваши старыя книги.

— Какъ! поручить новичку дѣло эксперта?

Торговецъ чуть не расхохотался. Онъ покачалъ головой и хотѣлъ еще сказать что-то, но Ричлингъ настойчиво продолжалъ:

— Если только я исполню работу неудовлетворительно, я ни одного цента не возьму за нее.

— Нѣтъ, сэръ, я не могу; я никогда такого рода условій не заключаю!

Къ несчастію своему, Ричлингъ раньше никогда не проявлялъ такой настойчивости, которая могла бы очень облегчить ему задачу жизни; теперь же, задѣтый насмѣшливымъ сомнѣніемъ двухъ молодыхъ людей, ровесниковъ ему по годамъ, въ его способности оправдать на дѣлѣ свои предложенія, онъ хотѣлъ поставить на своемъ и протянулъ руку къ книгамъ.

— Дайте мнѣ ихъ на просмотръ на одинъ день. Если завтра утромъ я не съумѣю вамъ доказать въ какія-нибудь пять минутъ, что я могу ихъ привести въ порядокъ, я откажусь отъ нихъ безпрекословно.

Торговецъ на минуту посмотрѣлъ внизъ, затѣмъ обратился къ пишущему у конторки.

— Какъ ты думаешь, Самъ?

Самъ оперся локтями на пюпитръ, закусилъ острый конецъ ручки пера и, взглянувъ на хозяина, сказалъ:

— Не знаю... можно попробовать.

— Какъ, вы сказали, ваша фамилія? — спросилъ хозяинъ, опять

поворачиваясь къ Ричлингу.—Ахъ, да! Бюто васъ можете рекомендовать, мистеръ Ричлингъ?

— Что, сэръ?—и Ричлингъ слегка наклонился, напругая слухъ.

— Я спрашиваю васъ, кто васъ здѣсь знаетъ?

— Никто.

— Никто... Откуда же вы?

— Изъ Мильуоки.

Торговецъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Ахъ, да мнѣ, право, нѣтъ времени заниматься такими дѣлами!—и онъ круто повернулся, направился къ своей конторкѣ и, садясь за нее, такъ, что она на половину прикрывала его, сталъ читать распечатанное письмо.

— Кофе купленъ мной, Самъ, — сказалъ онъ, опять вставая и собираясь уходить.

— Гм... гм, — сказалъ Самъ, и все опять затихло.

Ричлингъ стоялъ, ожидая каждую минуту, что вотъ придется повернуться и уйти. Но онъ не ушелъ. Снаружи, передъ пыльными окнами конторы, раздавался уличный гулъ и ревъ. Непосредственно за стеклянною перегородкой у него, за спиной, грохоталъ, подъ самою крышей, громадный вѣртокъ, которымъ спускали товары въ рѣшетчатый люкъ. Со всѣхъ сторонъ слышны были возгласы продавцовъ, шумъ катящихся колесъ, крики конторщиковъ и носильщиковъ, занятыхъ нагрузкой. Черезъ окно ему видно было, какъ дюжій парень выхватилъ седедку изъ раскрытаго ящика и сталъ кормить ею лоснящагося пестраго кота. Даже кота цѣнили; а онъ... онъ стоялъ, чувствуя себя совершеннымъ нулемъ. Онъ впервые созналъ это, — созналъ, какъ никогда еще во всю свою жизнь. Эта истина, какъ ножъ, пронзила его; онъ понялъ, что общество требуетъ, чтобы каждый человѣкъ рассчитывалъ только на самого себя, не предъявляя никакихъ правъ на поддержку этого общества. Ему показалось, что онъ именно теперь - то и подавилъ всю свою гордость, тогда какъ онъ только вкусилъ ея горькаго разсода и она, какъ волна, подняла его и понесла, въ буквальный смыслъ, впередъ. Онъ большими шагами подошелъ къ конторкѣ, за которой стоялъ торговецъ, все еще держа письмо въ рукѣ, и сказалъ:

— Я еще не ушелъ! Можеть, вы меня и выгоните, но только не такимъ способомъ!

Торговецъ посмотрѣлъ на него съ удивленною улыбкой: выходка Ричлинга, повидимому, забавляла его и въ улыбку его сказалось даже одобреніе, но онъ ничего не отвѣтилъ. Ричлингъ сдѣлалъ жестъ рукой.

— Я не прошу вашего довѣрія. Не довѣряйте мнѣ. Испытайте меня.

Видно, что ему было тяжело; онъ не просилъ милостыни, но переживалъ все то, что испытываетъ человѣкъ, просящій ее.

Торговецъ опять взглянулъ на письмо и, не измѣняя своего положенія, спросилъ:

— Что ты на это скажешь, Самъ?

— Вреда онъ не можетъ сдѣлать, — отвѣчалъ Самъ.

Хозяинъ неожиданно взглянулъ на Ричлинга.

— Вы не изъ Мильуоки. Вы южанинъ.

Ричлингъ измѣнился въ лицѣ.

— Я сказалъ вамъ, что я изъ Мильуоки.

— Ну, что-жь? я, право, не знаю, какъ быть. Приходите завтра утромъ, мы еще поговоримъ. Мнѣ теперь некогда.

— Садитесь, — сказалъ онъ на слѣдующее утро и дружелюбно придвинулъ стулъ къ вернувшемуся просителю. — Ну, положимъ, если я вамъ дамъ эти книги въ томъ безпорядкѣ, въ которомъ онѣ находятся, что бы вы, прежде всего, сдѣлали?

Къ счастью, Мэри задала ему тотъ же вопросъ наканунѣ вечеромъ и мужъ ея имѣлъ совершенно готовый отвѣтъ, обсуженный ими обоими.

— Прежде всего, я послалъ бы вашу книгу выкладовъ въ банкъ для установленія баланса и, не дожидаясь возвращенія ея оттуда, я началъ бы выводить пробный балансъ изъ вашихъ счетовъ. Если бы мнѣ не удалось добраться до него достаточно быстро, тогда пришлось бы временно бросить эту попытку и приняться за выясненіе и провѣрку по книгамъ всѣхъ отдѣльныхъ счетовъ, съ надлежащими указаніями и объясненіями.

— Ну, ладно, — сказалъ торговецъ небрежно, — попробуйте.

— Что, сэръ? — спросилъ Ричлингъ, не разслышавъ.

— Ладно, попробуйте. Я-то не особенно дорожу рекомендаціями и, вообще, большею частью составляю себѣ мнѣніе о человѣкѣ глядя на него. Вотъ я какого рода человѣкъ!

И онъ улыбнулся съ большимъ самодовољствомъ.

Такимъ образомъ, занятый своею работою и живя на одномъ концѣ города, Ричлингъ провелъ всю зиму, а, въ то же время, живя на другомъ концѣ города, докторъ Севьеръ думалъ, что «молодая чета» давно вернулась въ Мильуоки.

Наконецъ, большія счетныя книги, съ ихъ сотнями страницъ, были приведены въ порядокъ, балансъ выведенъ и счета завѣчены. Одобреніе было высказано полное, но, тѣмъ временемъ, веде-

нѣ новыхъ книгъ было передано другому лицу, которое, въ то же время, приобрѣло вліяніе на все торговое предпріятіе, такъ что Ричлингу ничего больше не оставалось, какъ взяться за шляпу. Впрочемъ, фирма охотно рекомендовала его другой, сосѣдней, у которой книги тоже требовали провѣрки, и такимъ образомъ прошло еще нѣсколько недѣль. Счастливыя недѣли, счастливые дни! Какъ радостно и быстро протекли они! Джонъ приносилъ деньги домой, а Мэри ихъ сберегала.

— Все-таки, Джонъ, нельзя не пожалѣть, что ты не остался при первой фирмѣ А. Б. и К°. Ты какъ думаешь?

— Нѣтъ, жалѣть-то, кажется, нечего. Она, вѣрно, не протянетъ долго.

И когда онъ принесъ извѣстіе, черезъ нѣкоторое время, о крахѣ фирмы А. Б. и К°, Мэри осталась убѣжденной, что у нея очень дальновидный мужъ. Позднѣе они опять переѣхали на другую квартиру, по настойчивому желанію Ричлинга. Такимъ-то образомъ мы опять возвращаемся, только съ другой стороны, къ тому же утру, когда докторъ Севьеръ прочелъ на своей записной дощечкѣ просьбу заѣхать въ домъ на углу улицъ св. Маріи и Пританьи.

IX.

„Когда вѣтеръ дуетъ, колыбель качается“.

И понынѣ еще стоитъ тотъ домъ. Онъ имѣетъ видъ небольшой, какъ бы сдавленной постройки, состоящей изъ двухъ квартиръ, въ нижнемъ этажѣ и въ мезонинѣ; крыша этого домика далеко выступала на улицу, служа навѣсомъ надъ ступеньками крыльца. Барета доктора остановилась у этихъ ступенекъ и онъ нашелъ Мэри опять въ постели, попрежнему, больною. Скромная бѣдная нѣмка, занимавшая другую, смежную половину дома, прислуживала больной и въ этотъ день не пустила свою дочь въ школу, чтобы послать ее въ аптеку съ рецептомъ доктора.

— Только бѣдняги и помогаютъ бѣднякамъ, — подумалъ врачъ.

— Это ваши комнаты? — тихо спросилъ онъ у женщины, садясь у изголовья больной. Въ то же время, онъ окинулъ взглядомъ маленькую, бѣдно обставленную комнату.

— Здѣсь живу я, — прошептала Мэри и, несмотря на то, что она лежала пластомъ и жизнь ея находилась въ опасности, глаза ея такъ и сіяли счастьемъ и даже свергнули отъ удовольствія, когда докторъ промолвилъ въ полголоса:

— Вы!—Онъ прикоснулся рукой къ ея лбу.—Гдѣ же мистеръ Ричлингъ?

— Въ конторѣ.—Она сейчасъ хотѣла начать рассказъ о всѣхъ ихъ приключеніяхъ: все время она берегла себя,—начала она,—но имъ пришлось переѣхать на новую квартиру. Во время переѣзда и укладки,—продолжала она рассказывать,—она работала черезъ силу,—не могла иначе сдѣлать, и теперь еще они не совсѣмъ устроились...

Но докторъ ласково остановилъ ее и попросилъ лежать смирно и молчать.

— Хорошо,—отвѣчала она слабымъ голосомъ,—хорошо, но только подождите, докторъ, еще что-то я хотѣла вамъ сказать.

— Что такое?

— Джонъ...

— Ну, да, да... я знаю: онъ былъ бы, конечно, тутъ, при васъ, но вы не позволили ему бросить своего дѣла.

Она улыбнулась въ отвѣтъ, докторъ тоже улыбнулся.

— Дѣло, такъ дѣло,—сказалъ онъ.

Въ ея быстромъ, сочувственномъ взглядѣ можно было прочесть, что жизнь за послѣднее время дала и ей почувствовать всю тяжесть этой несомнѣнной истины. Она хотѣла было опять заговорить, но докторъ жестомъ руки остановилъ ее.

— Хорошо,—шепнула она и закрыла свои безпокойные, все вверхъ смотрящіе глаза.

На слѣдующій день ей стало хуже. Врачъ въ этомъ случаѣ былъ, какъ онъ самъ говорилъ, не болѣе, какъ «поздній возстановитель нарушенныхъ законовъ природы». Мэри схватила его за руку, когда пальцы его слегка дотронулись до ея висковъ.

— Вы вылечите меня?—почти шепотомъ промолвила она, и голосъ ея дрожалъ.

— Да,—возразилъ онъ,—непремѣнно... съ Божьею помощью, вылечу.

Лицо ея озарилось радостнымъ блескомъ при этихъ послѣднихъ словахъ. Онъ замѣтилъ это и поспѣшилъ прибавить:

— Я не молюсь, но я увѣренъ, что вы молитесь.

Она молча пожала руку, которую все еще не выпускала изъ своихъ.

Въ воскресенье докторъ встрѣтился съ Ричлингомъ у кровати больной. За послѣдніе два или три дня положеніе Мэри значительно улучшилось. Пока они разговаривали, она лежала смирно и только переносила свой тихій взоръ съ одного на другаго по мѣрѣ

того, какъ тотъ или другой говорилъ. Докторъ слушалъ съ интересомъ подробный рассказъ Ричлинга о всемъ томъ, что они пережили со времени послѣдней встрѣчи съ нимъ. Когда Джонъ дошелъ до описанія смѣшныхъ сторонъ только что передъ этимъ пережитыхъ ими испытаній, глаза Мэри засверкали отъ сдерживаемой веселости. Но докторъ даже не улыбнулся; Ричлингъ кончилъ свой рассказъ, а врачъ все еще молчалъ.

— Ничего, кое-какъ живется, — сказалъ Ричлингъ, глядя худенькую, слабую руку, лежащую около него на одѣялѣ. Но докторъ упорно молчалъ. — Разумѣется, — продолжалъ спокойно Ричлингъ, глядя на жену, — нечего удивляться, если иногда намъ и не везетъ. А, все-таки, живется.

Мэри посмотрѣла на доктора. Неужели онъ такъ и не согласится съ ними? Казалось, она хотѣла что-то сказать. Докторъ нагнулся къ ней и она, улыбаясь, тихо проговорила:

— «Когда вѣтеръ дуетъ, колыбель качается».

Врачъ отвѣтилъ только сомнительнымъ «гм», но слегка улыбнулся, какъ бы находя въ ея словахъ что-то забавное.

— Что она сказала? — спросилъ Ричлингъ: слова ея не были имъ разслышаны. Докторъ повторилъ ихъ и Ричлингъ тоже улыбнулся. Сказано было это хорошо, а вмѣстѣ съ тѣмъ больная хотя и улыбнулась, но отвернулась къ стѣнѣ съ смущеннымъ видомъ; казалось, улыбка ея могла перейти въ слезы. Она вспомнила, что карета доктора часто появлялась у ихъ двери, и именно вслѣдствіе того, что... колыбель никакъ не могла раскататься. Еще нѣсколько дней карета эта продолжала останавливаться передъ ихъ домомъ, а затѣмъ перестала ѣздить.

Ричлингъ зашелъ какъ-то утромъ, нѣсколько дней спустя, въ контору № 3½, улицы Кардделетъ и рассчитался за визиты доктора чрезъ посредство Нарциса. Молодому креолу доставило немало удовольствія вступить, наконецъ, въ прямыя сношенія съ человекомъ, который, не будучи старше его годами, безъ всякаго особаго старанія съ своей стороны, очевидно, сдѣлалъ впечатлѣніе на доктора Севьера. Пока одинъ платилъ деньги, а другой расписывался на счетъ, оба обмѣнялись двумя-тремя чисто-формальными дѣловыми фразами. Но когда Нарцисъ передалъ подписанный счетъ, сопровождая эту передачу изысканно-учтивымъ жестомъ, а Ричлингъ началъ складывать бумагу, чтобы положить ее въ карманъ, креоль сказалъ:

— Прошу извинить мой почеркъ.?

Ричлингъ раскрылъ сложенный листъ: почеркъ былъ превосходный.

— Неужели вы пишете иногда лучше этого?—спросилъ онъ. — Признаюсь, я бы очень желалъ обладать хоть малою долей вашего искусства.

— Нѣтъ, по-моему, это написано нехорошо. Не знаю, какъ это такъ случается, но я, рано по утрамъ, не могу писать соотвѣтственно моимъ способностямъ. Моя каллиграфія совсѣмъ пропадаетъ за этимъ пропитромъ.

— Неужели?—сказалъ Ричлингъ,—а я думалъ...

— Да, сэръ, это вѣрно. А знаете, мистеръ Ричлингъ, относительно каллиграфіи я могу сказать, что я сдѣлалъ открытіе, а именно: если мнѣ надо писать что-нибудь молодой дѣвицѣ, я всегда измѣняю свой почеркъ. Да, я умѣю это дѣлать! Вы бы удивились, если бы видѣли, какими различными почерками я умѣю писать. Это—семейный талантъ, увѣрю васъ, мистеръ Ричлингъ! У моей тетушки есть дядюшка, который служилъ въ банкѣ, и онъ умѣлъ поддѣлываться подъ почеркъ предсѣдателя, а также кассира съ такимъ изумительнымъ искусствомъ, что его прогнали изъ банка. Да, сэръ. Въ сущности, мнѣ кажется, что у васъ долженъ быть красивый почеркъ, мистеръ Ричлингъ.

— Н-не очень,—проговорилъ Ричлингъ,—почеркъ мой крупный, разборчивый, но онъ не приспособленъ къ веденію книгъ,—онъ слишкомъ тяжелъ.

— Нѣтъ, я вижу, у васъ какъ разъ подходящая къ этой фizioномія. Вы можете мнѣ не повѣрить, мистеръ Ричлингъ, но я увѣрю васъ, что я могу сейчасъ сказать, хорошій ли почеркъ у чело-вѣка, или нѣтъ, взглянувъ только на черты его лица. Знаете ли вы, что Веніаминъ Франклинъ имѣлъ прекрасный почеркъ? Вольтеръ также. Да, сэръ. Также и Наполеонъ Бонапартъ. У лорда Байрона, навѣрное, былъ тоже красивый почеркъ: съ такимъ лицомъ нельзя иначе. Этотъ лордъ Байронъ—мой любимый поэтъ; по правдѣ сказать, многіе даже предпочитаютъ его Шекспиру. Я вижу, вы торопитесь?... Что-жь дѣлать?... Я счастливъ, что познакомился съ вами, мистеръ Ричлингъ. Я жалѣю, что вы не застали доктора Севьера. При слѣдующемъ вашемъ посѣщеніи, мистеръ Ричлингъ, не удивляйтесь, если вы больше не найдете меня здѣсь. Да, сэръ. Онъ долженъ прибавить мнѣ жалованье въ концѣ нынѣшняго мѣсяца, а уже пятнадцатое марта... Вы, вѣдь, курите, мистеръ Ричлингъ?—и онъ протянулъ пачку папиросъ. Ричлингъ взялъ одну.—Я курю много въ такую погоду,—продолжалъ греошъ, за-

житая спичку о свою ногу. — Мнѣ какъ-то душно сегодня. И такъ, — и онъ схватилъ руку посѣтителя, — au' evoі, мистеръ Ричлинга! — и Нарцисъ направился къ своему пюпитру въ счастливой увѣренности, что произвелъ ослѣпительное впечатлѣніе на Ричлинга.

X.

Богатые и бѣдные.

Докторъ Севьеръ сидѣлъ однажды вечеромъ въ большомъ креслѣ, стараясь читать книгу при свѣтѣ лампы съ абажуромъ у своего письменнаго стола. Но мысли его не сосредоточивались на страницѣ открытой книги. Онъ вздохнулъ съ досады и съ конца страницы вернулся къ началу.

И что тянетъ его мысленно къ тому маленькому домику въ улицѣ св. Маріи? Была ли на то какая-нибудь уважительная причина? Они, вѣрно, и не поблагодарили бы его за такую непрошенную заботливость о нихъ, — конечно, нѣтъ, — онъ даже улыбнулся при мысли о возможности такой благодарности. Когда раза два-три, при случаѣ, онъ обнаруживалъ самое незначительное участіе къ ихъ положенію, каждый разъ онъ натыкался на ихъ молодую, живучую энергію, которая, какъ щитъ, прикрывала ихъ. Они, какъ всѣ очень молодые люди, не допускали посторонняго вмѣшательства въ свои личныя дѣла. Не разъ, качая головой при видѣ недостаточности ихъ средствъ, онъ замѣтилъ, какъ они почти безсознательно брали украдкой другъ друга за руку, какъ бы говоря: «съ насъ довольно и любви». Но, вѣдь, господа практики, вы знаете, что этого недостаточно для жизни.

«Ну, вотъ еще!» — громко вырвалось у доктора. Онъ даже приподнялся и перевернулъ страницу. Но Мэри опять передъ нимъ и тутъ же и ея мужъ, — но въ особенности Мэри. Ея образъ совершенно явственно сталъ передъ его глазами, между нимъ и книгой. Вотъ она передъ нимъ, совершенно такая же, какъ была въ тотъ день, когда онъ посѣтилъ ее въ послѣдній разъ; визитъ этотъ былъ не особенно необходимъ, сверхъ счета, бесплатный. Она сидѣла и шила что-то, тихо раскачиваясь въ качалкѣ и не замѣчая его присутствія, пѣла въ полголоса: «Бѣги, струя ты свѣтлая», — ту самую пѣсню, которую, бывало, пѣла его покойная жена. — Ахъ, дитя, дитя! неужели ты думаешь, что струя эта всегда останется «свѣтлой»? Оба они не должны были бы чувствовать себя до такой степени довольными, спокойными. Но, можетъ быть, подъ этимъ виѣшнимъ спокойствіемъ скрывается гордость?

Нѣтъ; — о, нѣтъ!... Но, вѣдь, нельзя же это спокойствіе оправдывать, хотя бы оно было даже искреннимъ. Живя, подобно имъ, въ настоящей, возможной для себя сферы дѣятельности, человѣкъ не долженъ бы отдаваться такому полному спокойствію и счастью: это — признакъ притупленія извѣстной чувствительности. Но, странное дѣло, Ричлинга никакъ нельзя было считать безчувственнымъ человѣкомъ, а Марри ужь и подавно. Докторъ тутъ перевернулъ книгу переплетомъ вверхъ и положилъ ее къ себѣ на коѣно. — «Жить, играя беззаботно, какъ дѣти на пескѣ, имъ уже не по лѣтамъ». — Онъ опять взялся за книгу. — «Но говорить имъ объ этомъ не мое дѣло». Не успѣвъ онъ, однако, взглянуть опять въ книгу, какъ раздался звонокъ, предвѣщающій посѣщеніе больного, и докторъ швырнулъ книгу на столъ.

— Да почему же вы его не попросили войти? — спросилъ онъ, какъ бы съ упрекомъ у слуги, который подаль ему карточку; посѣтитель былъ немедленно впущенъ въ комнату. Это былъ человѣкъ около пятидесяти лѣтъ, аристократической паружности, по выраженію лица котораго невозможно было опредѣлить, гдѣ кончалась въ немъ благосклонность и гдѣ начиналась гордость. Платье его было изъ тонкаго сукна, немного устарѣвшаго фасона и свободно сидѣло на немъ; онъ былъ немного выше средняго роста, широкъ, но согнутъ въ плечахъ, и было замѣтно по всему его сложенію, что когда-то онъ обладалъ большою физическою силою. Годы, а, можетъ быть, извѣстная непреклонность въ борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами какъ-то вытянули все черты его лица. Онъ извинился за несвоевременность своего посѣщенія, садясь на предложенный ему стулъ.

— Вы не житель этого города? — спросилъ докторъ Севьеръ.

— Я изъ Кентуки. — Голосъ незнакомца былъ густой и весь видъ его выражалъ сознание преимущества, связаннаго съ его социальнымъ положеніемъ.

— Да? — сказалъ докторъ, видимо, не особенно довольный и внимательно взглядываясь въ него. На немъ былъ галстукъ изъ чернаго атласа и темно-синіе штиблеты съ пуговицами; волосы его были окрашены въ темную краску, на груди его рубашки красовалось небольшое жабѣ.

— Мистрисъ... — началъ посѣтитель, но, не договаривая имени, указалъ пальцемъ на визитную карточку, которую докторъ Севьеръ положилъ на столъ подъ самую лампу, — здоровье моей жены, докторъ, повидимому, сильно разстроено. Врачи, лечившіе ее, по-

совѣтовали ей испробовать на себѣ вліяніе перемѣны мѣста, и я привезъ ее сюда, сэръ, въ вашъ дѣятельный и оживленный городъ.

Докторъ поклонился въ знакъ согласія. Незнакомецъ продолжалъ:

— Его кипучая энергія и дѣятельность составляютъ громадную противоположность съ жизнью на плантаціяхъ, сэръ.

— Дѣйствительно, это совершенно различныя жизни, — подтвердилъ врачъ.

— Конкуренція и соревнованіе многихъ тысячъ людей, — сказалъ посѣтитель, — создаютъ изъ самыхъ противоположныхъ интересовъ какъ бы одну громадную общую сѣть и составляютъ очень рѣзкій переходъ отъ спокойныхъ обычаевъ и нравовъ нашей сельской жизни. Гм... Тамъ все находится подъ управленіемъ одной воли и совершается при безпрекословномъ повиновеніи нашихъ счастливыхъ и благодарныхъ рабовъ. Я собственно предпочитаю жизнь въ деревнѣ; но я думалъ, что здѣсь я найду какъ разъ ту перемѣну и новизну впечатлѣній, которыя должны подкрѣпить и поднять духомъ больную, въ сущности, не страдающую никакимъ видимымъ недугомъ.

— И вы не достигли удовлетворительныхъ результатовъ?

— Не достигъ. Я ожидалъ совсѣмъ другаго.

Повидимому, незнакомецъ хотѣлъ дать понять, что климатъ въ Новомъ-Орлеанѣ не встрѣтилъ его съ тою гостепріимною привѣтливостью, какую долженъ онъ былъ несомнѣнно оказать гостю, привыкшему пользоваться преимуществами громаднаго состоянія, увѣренности въ своей непогрѣшимости и всеобщаго безпрекословнаго повиновенія. Наступило молчаніе, во время котораго докторъ Севьеръ взглянулъ въ сторону на книгу, лежащую у него подъ локтемъ. Но посѣтитель не возобновлялъ уже разговора и докторъ спросилъ:

— Вы желаете, чтобы я посѣтилъ вашу жену?

— Я заѣхалъ, чтобы прежде повидаться съ вами наединѣ, — промолвилъ плантаторъ, — въ данномъ случаѣ могутъ быть предложены вопросы, на которые лучше будетъ отвѣтить въ ея отсутствіи.

— Изъ этого я заключаю, что вы знаете причину ея болѣзни, не такъ ли?

— Да, я полагаю, я даже могу сказать навѣрное, что причина эта кроется въ душевномъ потрясеніи, которое она испытала отъ потери близкаго человѣка.

Докторъ сжалъ губы и поклонился.

Незнакомецъ, между тѣмъ, наклонивъ слегка голову, оперся локтями на обѣ ручки кресла и мягкимъ движеніемъ соединилъ кончики всѣхъ пальцевъ.

— Сказать вамъ всю правду, сэръ: она не можетъ оправиться отъ потери сына.

— Сынъ былъ ребенокъ еще?—спросилъ докторъ.

Въ эту минуту опять раздался звонокъ.

— Нѣтъ, онъ былъ уже не ребенокъ, а юноша, котораго я считалъ одно время весьма много общающимся: жизнь для него только начиналась.

— Какъ давно онъ умеръ?

— Вотъ уже скоро годъ, какъ онъ умеръ. Я... — рѣчь незнакомца оборвалась на этомъ мѣстѣ, такъ какъ у открытой двери появился слуга-мулатъ, а изъ-за спины послѣдняго, надъ самою его головой, выглядывало широкое, простодушное нѣмецкое лицо.

— Докторъ! — сказала лицо, высовывая громадную руку, — прошу васъ, докторъ, прошу извинить меня.

Врачъ съ недовольнымъ видомъ нахмурился на слугу за то, что онъ впустилъ новаго посѣтителя такъ несвоевременно. Но господинъ съ аристократическою наружностью вступился:

— Впустите его, пожалуйста, докторъ! У него, какъ видно, спѣшное дѣло, а мое, вѣдь, совсѣмъ не спѣшное.

— Войдите, — сказала врачъ.

Новый гость вошелъ въ комнату. Ростомъ онъ былъ выше шести футовъ и соотвѣтственной ширины въ плечахъ, а также и толщины. Изъ гладко выбритаго, жирнаго, бруглаго лица, съ подбородкомъ, какъ у быка, бротно выглядывали два добродушныхъ голубыхъ глаза. Онъ почтительно снялъ съ своей головы мягкую сѣрую шляпу, мѣстами посыпанную мукой.

— Джентльмены, — сказалъ онъ медленно, — прошу извиненія... Я, кажется, помѣшалъ вамъ, джентльмены.

— Вы желаете со мной говорить?—спросилъ докторъ Севьеръ.

Нѣмецъ сдѣлалъ странный, утвердительный жестъ, подсунувъ руку какъ-то впередъ къ самому лицу: жестъ этотъ долженъ былъ выражать уваженіе къ врачу.

— Вы угадали, докторъ. А нуждаюсь я во врачѣ, могу сказать, въ первый разъ въ жизни. Вы, право, должны извинить меня, докторъ, если я васъ беспокою: я пришелъ просить васъ навѣстить мою бѣдную...—и, ко всеобщему удивленію, слезы брызнули изъ глазъ его, — мою бѣдную жену, докторъ!— При этихъ словахъ онъ указалъ рукой на полъ и ею же ударилъ себя по лбу.—Я толь-

ко что вернулся изъ моей пекарни, входилъ въ домъ, какъ, вдругъ, вижу... на полу...—и онъ опять указалъ рукой на полъ,—что-то... лежитъ... съ почернѣвшимъ лицомъ, ну, точь-въ-точь, какъ у негра... Я смотрю, кто бы это могъ быть, и вижу... лежитъ мистрисъ Рейзинъ!... Докторъ, я бы просилъ васъ поѣхать сейчасъ, не откладывая ни секунды!

— Я сейчасъ поѣду,—сказалъ докторъ, не вставая,—а вы только напишите, вонъ тамъ, свое имя и свой адресъ, на той бѣлой дощечкѣ.

— Докторъ,—продолжалъ нѣмецъ, почтительно опуская шляпу,—я вамъ, право, очень признателенъ, и именно такъ про васъ все напередъ и рассказалъ мнѣ аптекарь нашей угловой аптеки. «Рейзенъ,—говорить онъ,—ты,—говорить,—иди,—говорить,—прямо,—слышишь?—говорить,—къ доктору Северу».

Во время этого разсказа нѣмецъ навалился своею громадною фигурой на столъ и медленно вырисовывалъ свое имя, названіе улицы и № дома.

— Вотъ такъ, докторъ, вотъ я и написалъ все, что слѣдуетъ, на дощечкѣ, но прошу извинить за почеркъ.

— Ну, хорошо, больше ничего не нужно.

Нѣмецъ все еще не уходилъ. Докторъ поклонился ему, чтобы дать ему понять, что пора уходить.

— Я вамъ повторяю, больше ничего не нужно. Черезъ минуту я буду у васъ, вѣдь, вы слышите? Даниилъ, вели подать карету!

— Джентъмены, прошу извинить меня!

И нѣмецъ вышелъ.

Все время, пока происходилъ этотъ разговоръ, другой посѣтитель, отличавшійся большимъ вѣшнимъ лоскомъ, сидѣлъ съ понишею головой, молча и неподвижно, и только одинъ разъ, и то на мгновение, когда прорвалось душевное волненіе нѣмца, онъ поднималъ голову: въ эту минуту на лицѣ его выразилось отчасти естественное состраданіе, отчасти тоже и напускное. Онъ взглянулъ на доктора.

— Я принужденъ васъ оставить,—сказалъ докторъ.

— Конечно, сэръ,—возразилъ тотъ,—это само собою разумѣется.—Въ тонѣ чувствовалась легкая принужденность и къ благосклонности, видимо, примѣшивалось внутреннее самодовольство.—Иначе и быть не можетъ,—продолжалъ онъ,—вотъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда намъ, людямъ, занимающимъ болѣе высокое положеніе въ обществѣ, вполне приличествуетъ дѣлать уступку низ-

жимъ.—Онъ, видимо, ожидалъ отвѣта, но докторъ только хмурился, глядя неопредѣленно въ пространство, и потребовалъ себѣ саног. Посѣтитель продолжалъ:

— У меня много снисхожденія, повѣрьте, сэръ, къ необразованному и невоспитанному человѣку. Люди эти занимаютъ свое мѣсто, но нельзя не признать, что они тоже испытываютъ, хотя несомнѣнно въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ мы, извѣстныя удовольствія и страданія.

Онъ всталъ, замѣтивъ, что докторъ готовился выйти.

— Меня долго, вѣроятно, не задержатъ,— сказалъ врачъ довольно сдержанно.—Если вы желаете подождать...

— Благодарю васъ... н-нѣтъ,—и посѣтитель какъ бы замеръ въ полусидячемъ, полустоячемъ положеніи.

— Вотъ книги,—сказалъ докторъ,—и вечернія газеты.

На одно мгновеніе казалось, что господинъ снова опустится на тотъ стулъ, на которомъ сидѣлъ.

— Нѣтъ, сэръ, благодарю!—быстро проговорилъ посѣтитель, вставая,—между направленіемъ этой газеты и мною нѣтъ ничего общаго.—При этомъ онъ улыбнулся, а докторъ не видѣлъ, какъ онъ незамѣтно прибралъ свою карточку со стола. Они вышли изъ дома вмѣстѣ и на крыльцѣ врачъ извинился, намекая на ихъ прерванную бесѣду.

— Не зайдете ли вы завтра ко мнѣ? Я къ вашимъ услугамъ...

Незнакомецъ слегка приподнял шляпу и опять улыбнулся, стараясь придать своей улыбкѣ какъ можно больше пріятности, но нельзя сказать, чтобы это ему вполнѣ удалось, и сказалъ послѣ минутнаго колебанія:

— Я посмотрю... постараюсь...

XI.

Мимическая сцена.

Однажды вечеромъ, около того же времени, вскорѣ послѣ весенняго равноденствія, Ричлингъ, всегда поздно возвращавшійся изъ конторы, въ этотъ день, по какой-то не особенно важной причинѣ, пришелъ домой ранѣе обыкновеннаго. Мягкій весенній воздухъ вѣялъ тепломъ. Ричлингъ вышелъ на улицу и сталъ недалеко отъ крыльца своего небольшого дома, полною грудью вдыхая окружающее его весеннее благоуханіе. Онъ то и дѣло посматривалъ сквозь окна неосвѣщенной гостиной куда-то вглубь дома, въ ту именно часть его, откуда раздавались звуки какихъ-то таинственныхъ домаш-

нихъ передвиженій и откуда его, какимъ - то ловкимъ маневромъ, только что выпроводили. Онъ нетерпѣливо переминался съ ноги на ногу, насвистывая пѣсню про себя. Наконецъ, онъ подошелъ къ крыльцу и не громко, но убѣдительно сталъ звать. Судя по отвѣту, долетѣвшему до него изъ глубины дома, онъ понялъ, что ждать долго не придется. Онъ повернулся и черезъ минуту на порогъ появилась Мэри. Она взглянула сначала вверхъ на небо, освѣщенное луной, затѣмъ внизъ, на пустую безмолвную улицу, и сѣла на ступеньки, скрестивъ руки на колѣняхъ. Во взглядѣ, который она устремила на мужа, и въ улыбка ея сказывалась усталость.

Все кругомъ было залито лучами ночнаго свѣтила. Рѣзкая противоположность яркаго блеска и тѣней придавала какую-то обманчивую прелесть и таинственность даже всей этой неживописной, безпорядочно-обстроенной и малонаселенной части города, которая отличалась своими тощими, деревянными, некрасивыми зданіями и большими пустыми, бурьяномъ заросшими, мѣстами. Ричлингъ, садясь на ступеньку около жены, обратилъ вниманіе на букетъ цвѣтовъ, приколотый къ ея груди.

— Гдѣ ты ихъ достала?—спросилъ онъ, дотрогиваясь до нихъ слегка пальцами.

— Отгадай.

Онъ покачалъ головой, зная, что во всемъ околоте у нихъ не было знакомыхъ.

— Нашъ мяснигъ далъ мнѣ ихъ,—сказала она.

Оба разсмѣялись.

— Какая ты странная,—замѣтилъ онъ.

— Почему?

— Весь этотъ простой народъ такъ и льнетъ къ тебѣ.

Она задумчиво улыбнулась.

— Ты ничего противъ этого не имѣешь, не правда ли?—спросила она.

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ онъ равнодушно и заговорилъ о другомъ.

Такъ сидѣли они вдвоемъ и такъ сидятъ многія тысячи молодыхъ людей въ нашей обширной, свободной Америкѣ: каждый изъ нихъ для остальныхъ не представлялъ ни малѣйшаго интереса, а, въ то же время, каждый разсчитываетъ и увѣренъ, что и на его долю выпадетъ хоть частица тѣхъ благъ, которыми такъ щедро надѣлена его страна; такъ сидѣли они, лѣзя свои надежды и погруженные въ мелочи своихъ повседневныхъ личныхъ интересовъ.

Наконецъ, зная, что Ричлингъ цѣлый день сидѣлъ не отрываясь

отъ своего письменнаго стола; Мэри предложила ему прогуляться при лунномъ свѣтѣ, увѣривъ его, что ея усталость совсѣмъ прошла и что для нея прогулка будетъ полезна. Ричлингъ помогъ ей закутать голову и шею и они отправились. Ночь была волшебная. Улицы, черезъ которыя они проходили, при дневномъ свѣтѣ отличающіяся такою безпѣвностью, приняли вдругъ какой-то романтическій видъ отъ фантастическаго соединенія свѣта и тѣней, звуковъ и тишины. Американскій дроздъ бѣгалъ взадъ и впередъ по краю одной изъ трубъ безформеннаго и неуклюжаго новаго дома и цѣль во всю мочь, придавая и этой прозаичной глыбѣ какую-то поэзію. Даже имена улицъ начали дѣйствовать на ихъ фантазію. Они обратили невольное вниманіе на старую проселочную дорогу, превратившуюся въ улицу и сохранившую свое старое названіе: Felicity (блаженство). Они шли по ней рука объ руку, счастливые, подъ низкими вѣтвями ряда фиговыхъ деревьевъ, перевѣсившихся на дорогу черезъ садовую стѣну, но наплывъ внутреннѣхъ чувствъ не давалъ имъ идти спокойно. Веселая, счастливая мысль, мелькнувшая случайно въ головѣ одного, передавалась мигомъ другому и уничтожала всякіе слѣды грустнаго или задумчиваго настроенія. Ихъ любовь еще не успѣла принять характера спокойнаго обладанія, хотя имъ и казалось иногда противное: взгляда, взаимнаго прикосновенія было достаточно, чтобы привести ихъ въ то восторженное состояніе, при которомъ трудно было бы и требовать отъ нихъ вполне степеннаго поведенія въ лунную ночь.

Они начали итти, осторожно и въ полголоса, по, слышавъ шаги, умоляли. Когда прохожій исчезъ, Мэри заплѣла одна:

— «Алису милую уже-ль не помнишь?»...

— Шш...—тихо остановилъ ее Джонъ.

Она весело взглянула на него вопрошающими глазами.

— Такъ звали жену доктора Севьера, — объяснилъ онъ.

— Но, вѣдь, онъ не слышитъ меня.

— А мнѣ кажется, будто онъ слышитъ.

Пѣніе прекратилось.

Пройдя широкую улицу Наядъ, названіе которой вызвало нѣсколько шутливыхъ замѣчаній съ ихъ стороны, они прошли цѣлый рядъ параллельныхъ улицъ, названныхъ въ честь девяти Музъ, и повернули домой. Они шли, не разговаривая, наслаждаясь тишиной и всѣмъ, что ихъ окружало: безграничнымъ небеснымъ пространствомъ надъ ихъ головами и твердою, надежною, великою землею подъ ихъ ногами, и другъ другомъ, и даже воображаемымъ обществомъ всѣхъ этихъ наядъ, дріадъ, Геркулеса, Вакха, Мельпомены

и, наконецъ, Терпсихоры, которая на одномъ углу пересѣкала путь Аполлону. Они шли въ полномъ упоеніи, забывая время, которое шло, вмѣстѣ съ ними, тихо и безмолвно тѣмъ же серебрянымъ путемъ.

Они вскорѣ вошли въ скверъ, вдоль котораго тянулся длинный, высокій рѣшетчатый заборъ подъ густою тѣнью апельсиновыхъ деревьевъ; сверху густая листва такъ и сверкала серебромъ. За рѣшеткой темнѣлъ старый, густо засаженный садъ, бѣлыя тропинки котораго, усыпанныя ракушками, блестѣли при лунѣ во всѣхъ направленіяхъ. Изнутри несся опьяняющій запахъ гіацинтовъ и жопилей, спрятанныхъ подъ темною тѣнью лавровъ и шамшита; тутъ же надъ ними, чинно наклонившись другъ передъ другомъ, какъ двѣ чопорныя средневѣковыя королевы, стояли въ строгой симметріи двѣ красивыя пальмы, а за ними, въ глубинѣ сада, отчетливо вырисовывалось на высокомъ небосклонѣ очертаніе старомодной громадной виллы, во вкусѣ раннихъ французскихъ колонистовъ, съ верандами, колоннадами и четырехскатною крышей.

Заноздавшіе нутяги замедлили шаги, чтобы насладиться картиной.

Въ домѣ окна были ярко освѣщены; слышны были голоса и вскорѣ до нихъ долетѣли прощальныя слова хозяина, провожавшаго своихъ гостей.

— Омнибусъ довезетъ васъ почти до вашей улицы, — сказалъ кто-то.

Докторъ Северъ возвращался домой послѣ вечера, проведеннаго у одного знакомаго, и только успѣлъ занять мѣсто въ этомъ омнибусѣ, какъ самымъ неожиданнымъ образомъ сдѣялся невольнымъ свидѣтелемъ странной нѣмой сцены, происшедшей на улицѣ. Омнибусъ, завернувъ за уголъ улицы Терпсихоры, остановился и докторъ, заплативъ кондуктору деньги за проѣздъ, только что собирался сѣсть, какъ вдругъ другой пассажиръ, который одинъ только и занималъ омнибусъ вмѣстѣ съ нимъ, приподнялся, воскликнувъ:

— Посмотрите, дѣло северное! Это, навѣрное, кончится кровопролитіемъ.

Одинъ пожилой господинъ съ дамой, оба хорошо одѣтые, стояли на тротуарѣ и собирались, какъ видно, задержать омнибусъ, чтобы сѣсть въ него: въ эту минуту къ нимъ на встрѣчу подошла, повидимому, совершенно случайно другая, совсѣмъ еще юная чета и обѣ пары остановились, какъ вкопанныя, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга. Пожилая дама, съ невыразимымъ страданіемъ на лицѣ, протянула руки къ молодому человѣку и какъ

Будто вскрикнула, но грохотъ приближающагося къ нимъ омнибуса заглушилъ звукъ ея голоса. Молодой человѣкъ, казалось, хотѣлъ броситься къ ней, но удержался и не двинулся съ мѣста, въ то время какъ сопровождающая его молодая женщина уцѣпилась за него и испуганно о чемъ-то умоляла. Старикъ же, взбѣшенный, одною рукою махалъ палкой на молодаго человѣка, осыпая его бранью, а другою съ трудомъ удерживалъ пожилую даму, которая всячески выражала свое отчаяніе: она ломала себѣ руки, бросалась впередъ и какъ бы съ угоризной указывала на молодую женщину. Въ то же мгновеніе омнибусъ покатишь къ мѣсту, гдѣ происходила вся эта мимическая сцена. Докторъ остановилъ пассажира, положивъ руку ему на плечо:

— Оставьте, не выходите: дѣло до крови не дойдетъ.

Въ эту минуту молодой человѣкъ подхватилъ своєю молодую спутницу подъ руку, съ вызывающимъ видомъ сжалъ кулакъ, и глядя прямо въ глаза старика, прошелъ молча и поспѣшно мимо него подъ угрожающей ему тростью. Когда разстояніе между обомъ увеличилось, старикъ приподнял трость еще выше, но, не опуская ее до низу, указалъ ея по направленію къ удаляющейся молодой четѣ и громко сказалъ ей вслѣдъ:

— Я приказываю вамъ немедленно выѣхать изъ этого города, сэръ!

Докторъ Севьеръ все еще смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ, подобравъ ноги подъ себя на подушкѣ сидѣнья и высунувшись изъ окна омнибуса. Онъ видѣлъ, какъ молодой человѣкъ, удаляясь, еще разъ оглянулся назадъ, и замѣтилъ на лицѣ его выраженіе того совершенно особеннаго страха, который человѣкъ чувствуетъ передъ непоправимыми послѣдствіями потери самообладанія. Омнибусъ, между тѣмъ, покатишь дальше, и молодой человѣкъ скрылся въ ночной тѣни за угломъ.

— Вотъ странное происшествіе, — сказалъ пассажиръ, обращаясь къ доктору, когда оба сѣли на прежнія свои мѣста по угламъ, у самой двери.

— Да, очень странное! — отвѣтилъ докторъ и отвернулся.

Когда омнибусъ подѣхалъ къ мѣсту драмы, врачъ узналъ при свѣтѣ луны, ярко освѣщавшемъ всю группу, въ старикѣ — своего вечерняго посѣтителя, а въ молодой четѣ — Джона и Маріи Ричлинговъ.

XII.

„Въ ней—вся жизнь, весь миръ для меня“.

Улицы св. Маріи и Пританья, на углу которыхъ жили Ричлинги, отличались своею малолюдностью и уединенностью, что придавало имъ извѣстную прелесть. Домикъ, который они занимали, какъ большая часть домовъ на этихъ улицахъ, стоялъ посреди тѣнистаго сада, какъ разъ противъ вдовьяго приюта св. Анны. Мэри по цѣлымъ днямъ сидѣла за работой въ своей качалкѣ у открытаго окна домика, распѣвая пѣсенку, и бѣдныя, старыя вдовы съ особеннымъ сочувствіемъ и умиленіемъ засматривались въ это окошко, гдѣ на ряду съ бѣдностью, ничѣмъ почти не отличающеюся отъ ихъ нищеты, молодая чета умѣла пользоваться такимъ несмѣтнымъ богатствомъ чувства, надежды, любви.

И такъ, старымъ вдовамъ было пріятно смотрѣть въ это открытое окошко. Но въ одинъ прекрасный день неожиданно-негаданно надъ жителями того домика стряслась, какъ видно, бѣда: во всякомъ случаѣ, произошла какая-то перемена. Это случилось на другой день послѣ того, какъ докторъ Севьеръ видѣлъ мимическую сцену на улицѣ: изъ окна уже не раздавалось прежней пѣсни, не видно было тамъ прежней веселости, все указывало на то, что въ маленькомъ счастливомъ домикѣ появилась непрошеною гостьей забота. Вечеромъ Мэри вышла на крыльцо и съ необычнымъ безпокойствомъ стала ждать возвращенія своего мужа, лицо котораго тоже выражало совершенно новую, не замѣченную раньше, тревогу. Такъ прошло еще три дня; вечеромъ на четвертый день мужъ, видно, принесъ домой добрыя вѣсти; онъ передалъ женѣ газету и указалъ на столбецъ отбывающихъ изъ города путешественниковъ.

— Они уѣхали!—воскликнула она.

Онъ кивнулъ ей головой и отложилъ въ сторону шляпу, а она обвила руками его шею и спрятала лицо на его груди. Бѣ вдовы уже не сомнѣвались, что туча пронеслась мимо и что жители домика, попрежнему, счастливы.

Въ конторѣ, гдѣ работалъ Ричлингъ, онъ, не подозрѣвая того, сдѣлался однажды вечеромъ предметомъ разговора своихъ хозяевъ. Онъ только что ушелъ домой, съ замѣтною поспѣшностью простившись съ ними, когда одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Ричлингъ работаетъ исключительно ради жалованья.

— Это совершенно вѣрно,—возразилъ другой,—онъ такъ же

мало интересуется нашимъ дѣломъ, какъ тотъ кровельщикъ, который кроетъ нашу крышу.

Первый задумчиво потянулъ дымъ изъ ситары и отвѣтилъ, стряхнувъ золу:

— Эту ошибку онъ раздѣляетъ со многими. Онъ совершенно забываетъ свою зависимость отъ людей и все то, чѣмъ каждый изъ насъ обязанъ другому, то - есть обществу. Онъ славный малый и способный, но воображаетъ, что начинаетъ свою жизнь на какихъ-то равноправныхъ основаніяхъ со всеѣмъ остальнымъ человечествомъ.

— Для него все человечество, весь міръ, — все включено въ его женѣ, — сказалъ второй собесѣдникъ и съ этими словами раскрылъ книгу счетовъ.

И такъ проходилъ день за днемъ. Ричлинги представляли себѣ жизнь въ видѣ океана, переплыть который они собрались съ помощью одной только взаимно связывающей ихъ любви, но дѣло въ томъ, что ихъ корабль, незамѣтно для нихъ самихъ, не плылъ, а стоялъ на одномъ мѣстѣ, зашилѣлъ, какъ говорятъ моряки. Они этого не подозрѣвали и были счастливы въ своемъ невѣдѣніи.

Однажды Мэри, сидя у открытаго окна, увидѣла карету доктора Севьера, проѣзжающую мимо. Она, не скрывая своей радости, поклонилась ему, и что же? — въ отвѣтъ онъ приподнял шляпу съ замѣтною сдержанностью, чуть ли не строгостью въ лицѣ. Что бы могло это означать? Дѣйствительно, докторъ Севьеръ сердился на нихъ, и хотя онъ не могъ опредѣленно и точно сказать, въ чемъ бы онъ могъ ихъ обвинить, но недовольство его отъ этого обстоятельства ничуть не уменьшалось.

Послѣ ночной сцены неприятныя мысли долго преслѣдовали доктора и нѣкоторое время онъ надѣялся, что случай сведетъ его съ Ричлингомъ гдѣ-нибудь на улицѣ. Наконецъ, онъ рѣшилъ нарочно проѣхать по той улицѣ, на которой жили Ричлинги, чтобы посмотреть, уѣхали они или нѣтъ изъ города послѣ такого внушительнаго приказанія.

Этотъ, самъ по себѣ ничтожный, фактъ заставилъ Мэри задуматься и весь день ея головка усиленно работала въ направленіи противоположномъ тому обычному спокойному настроенію, которое она уже успѣла приобрести отъ мужа.

Когда Джонъ пришелъ, къ вечеру, домой и обнялъ ее, она не сказала ни слова. Удивленный, онъ отвелъ ее отъ себя рукой и взглянулъ ей въ глаза. Она попробовала улыбнуться, но глаза ея были полны слезъ и она потупилась.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ ее торопливо.

— Ничего!—и она взглянула на него, пытаясь улыбнуться.

Онъ взялъ стулъ и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Что съ тобой, дитя мое?

— Я сама не знаю.

— Какъ такъ?

— Да такъ, не знаю. Я сама не понимаю, что со мной. Если бы я понимала, то я бы сказала тебѣ, но я сама не понимаю, чего я хочу.

Они посидѣли молча нѣсколько минутъ.

— Я бы хотѣла знать...—начала она.

— Что?—подхватилъ онъ, ободряя ее голосомъ.

— Я бы хотѣла знать, бываетъ ли такъ въ жизни, что человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ, довольнымъ—болѣе, чѣмъ слѣдуетъ?

Ричлингъ шутливо началъ напѣвать въ полголоса:

— «Въ ней—вся жизнь, весь миръ для меня». Это ли ты называешь...

— Постой!—сказала Мэри.—Я теперь поняла,—и она положила ему руку на плечо.—Вотъ то, что ты сказалъ сейчасъ, вотъ именно это и не должно быть.

— Мэри, что съ тобой? Да почему же?... — и лицо Джона вспыхнуло.

— Джонъ, я, конечно, охотно буду и больше чѣмъ весь миръ для тебя, и всегда должна быть, и всегда буду этимъ. А ты,—добавила она, порывисто и страстно цѣлуя его,—ты все для меня... но я... я не могу, я не имѣю права замѣнить весь миръ для тебя, и ты не долженъ этого дѣлать... Ты этимъ страшно суживаешь и миръ, и жизнь свою!

— Мэри, образумься, что ты говоришь?

— Ахъ, вѣтъ, не говори такъ, Джонъ. Я ничего особеннаго не сказала; я только стараюсь объяснить тебѣ... что-то, и сама не знаю, что.

— И я не знаю,—съ притворною печалью въ голосѣ отвѣтилъ Джонъ.

— Я только въ одномъ увѣрена,—возразила Мэри, припомнивая блѣдное, строгое лицо доктора Севьера въ то время, какъ онъ кланялся ей, проѣзжая въ своей каретѣ,—если ты не будешь принимать самъ никакого участія въ дѣлахъ виѣшняго, окружающаго насъ міра, то и онъ не приметъ никакого участія ни въ насъ, ни въ нашихъ дѣлахъ; развѣ не такъ?

— И пускай его; намъ что за дѣло, Мэри? — воскликнулъ Джонъ, восторженно обнимая ее.

— Нѣтъ, мнѣ не все равно, — возразила она. — Да, я понимаю, я не имѣю права взять тебя для себя одной и отвлечь тебя отъ всего остальнаго міра и отъ того положенія или дѣла, которое ты долженъ въ немъ занять или сдѣлать. Джонъ!...

— Да, я знаю, меня такъ зовутъ.

— Неужели я не могу тебѣ ни въ чемъ помочь?

Джонъ поднялъ голову, какъ бы чувствуя всю бесполезность своего движенія.

— Нѣтъ, не можешь.

— Ну, хорошо; но обдумаемъ вмѣстѣ, нѣтъ ли чего такого, за что мы сами могли бы взяться и не сидѣть въ ожиданіи попутнаго вѣтра... то-есть, я хочу сказать, въ ожиданіи дѣла или работы отъ другихъ...

— Прекрасно, но всякое дѣло требуетъ капитала.

— Да, я знаю, но почему же ты не придумаешь чего-нибудь такого... на примѣръ, новаго предпріятія или чего-нибудь въ этомъ родѣ, и почему не постараться найти подходящаго человѣка, обладающаго капиталомъ, который согласился бы повести дѣло вмѣстѣ съ тобой?

Онъ покачалъ головой.

— Ты говоришь о томъ, чего не понимаешь и не знаешь, да это и не важно, а вотъ что худо: ты и меня перестаешь понимать. Не достаточно придумать что-нибудь, надо умѣть выполнить придуманное. А что я умѣю дѣлать? Ничего! ничего такого, что бы стоило начать дѣлать.

— А я знаю, чѣмъ бы ты могъ быть.

— Чѣмъ же?

— Преподавателемъ въ учебномъ заведеніи.

Джонъ съ горечью улыбнулся.

— Безъ всякаго прошлаго и безъ рекомендаціи? — спросилъ онъ. Глаза ихъ встрѣтились: она потупилась и оба замолчали. Мэри тихо вздохнула; ей думалось съ грустью, что весь разговоръ ихъ ни къ чему не привелъ, но она ошиблась. Съ этого дня Джонъ къ самой работѣ приступалъ какъ-то иначе, не такъ безнечно.

XIII.

Вѣтка надламывается.

Однажды вечеромъ, въ сумерки, Мэри сидѣла у себя за работой; къ ней зашла посидѣть сосѣдка — ирландка мистрисъ Рай-

ле, жена парходнаго кочегара, съ которой Мэри случайно свела знакомство. Разказы ирландки про своихъ умершихъ дѣтей вызвали со стороны Мэри сердечное сочувствіе и та въ свою очередь почувствовала неизъяснимое влеченіе къ милой, молодой сосѣдкѣ. Она стала заходить къ ней въ сумерки и часто сидѣла молча около Мэри, видимо, находя удовольствіе и въ этомъ молчаливомъ общеніи.

— Джонъ, — сказала Мэри мужу, который неожиданно вернулся домой, — это наша сосѣдка, мистрисъ Райле.

Джонъ разсѣянно поклонился и ирландка вскорѣ простилась и ушла.

— Джонъ, — сказала опять Мэри, цѣлуя его, — что съ тобой? — и, какъ бы подавляя свое смущеніе, прибавила: — Тебѣ не нравятся мои друзья?

Съ минуту онъ помолчалъ, затѣмъ сказалъ:

— Не въ этомъ дѣло.

— Такъ почему же у тебя такой видъ?

— Я окончилъ сегодня свою работу.

— Какъ! ты не...

— Я опять безъ работы. — Они сѣли оба на маленькій диванъ.

— Мнѣ казалось, что они обѣщали дать тебѣ другую работу по окончаніи этой.

— Они говорили раньше, что, можетъ быть, и будетъ другая работа; оказывается — ея нѣтъ.

— А теперь какъ разъ дѣло начинается, — сказала Мэри. — Я не понимаю, какое они имѣютъ право...

— Нѣтъ, право за ними полное, — отвѣтилъ Джонъ, отворачиваясь, — если для нихъ такъ лучше. Я самъ сначала задалъ имъ вопросъ... и не особенно учтиво, надо признаться; но я почувствовалъ сейчасъ же, что я неправъ.

Они просидѣли молча до наступленія темноты. Тогда Джонъ всталъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Для меня это непостижимо.

— Что именно? — спросила Мэри, удерживая его за руку.

— Я не понимаю, почему насъ такъ преслѣдуетъ несчастье.

— Но, можетъ быть, это и нельзя назвать несчастьемъ, — сказала она, все еще не оставляя его руки, — можетъ быть, это и есть наше счастье, только въ скрытомъ видѣ. Помнишь, та компанія, которая лопнула и отъ которой ты въ-время ушелъ... Кто знаетъ, можетъ быть, теперь-то мы и получимъ то, что намъ нужно. — Ея

— при этомъ сіяло надеждой.

— Не унывай, Джонъ! завтра утромъ пойдѣ къ доктору Севьеру и скажи ему, что ты ищешь работы. Онъ могъ бы...

— Я былъ у него.

— Уже? и что же онъ сказалъ?

— Его не было дома.

Никто изъ сосѣдей не замѣчалъ, что дѣлалось послѣ этого въ домикѣ, гдѣ жили Ричлинги; никто и не подозрѣвалъ, глядя на нихъ, что они съ каждымъ днемъ опускались все глубже и безнадежнѣе въ пропасть нищеты. Все ихъ маленькое имущество, вещь за вещь, исчезало изъ дому и переходило незамѣтно для сосѣдей къ ростовщикамъ. Начали они съ нѣкоторыхъ золотыхъ мелкихъ вещицъ, принадлежавшихъ Мэри, по настоянію ея же, затѣмъ взяли и за мебель. Первымъ исчезъ диванъ, затѣмъ письменный столъ, а затѣмъ одинъ за другимъ и всѣ стулья. Занимать денегъ Ричлинги не хотѣли и не могли. Такъ прошло нѣсколько времени, ихъ квартира пустѣла съ каждымъ днемъ, а они все жили въ напряженномъ ожиданіи какого-то чуда, которое должно было ихъ спасти. Одна только мистрисъ Райле отчасти видѣла, отчасти догадывалась о происходящемъ и предложила имъ взять у нея денегъ взаймы; но Ричлинги, хотя и питали въ душѣ смутную надежду, что кто-нибудь именно это и предложитъ имъ, съ благодарностью отклонили ея предложеніе, оцѣнивъ ея безкорыстіе и доброту.

Вскорѣ настала и для нихъ очередь оказать добрыя услуги бѣдной сосѣдкѣ, мужъ которой былъ убитъ взрывомъ котла на пароходѣ. Во время похоронъ у Мэри текли ручьемъ слезы при видѣ отчаянія бѣдной мистрисъ Райле, когда она бросалась на гробъ мужа и раздирающимъ голосомъ просила его дожидаться рожденія ихъ ребенка; вернувшись къ себѣ въ маленькія пустыя комнаты, Мэри кинулась на шею Джону и опять заплакала, не находя словъ для выраженія своихъ чувствъ, но онъ не понималъ ее. Оба почувствовали въ эту минуту, что въ жизни можетъ быть горе несравненно хуже бѣдности.

Нѣсколько дней спустя докторъ Севьеръ, сидя поутру у себя въ конторѣ, имѣлъ съ своимъ бухгалтеромъ рѣзкій и крупный разговоръ. Онъ еще не успѣлъ совсѣмъ успокоиться, когда быстро и съ веселымъ видомъ вошелъ въ комнату Джонъ Ричлингъ.

— Какъ поживаете, докторъ?—сказалъ онъ бодрымъ и оживленнымъ голосомъ.

Врачъ слегка нахмурился.

— Здравствуйте, мистеръ Ричлингъ.

Ричлингъ въ одну минуту съежился, но, не желая показать этого, сохранилъ извѣстную легкость въ тонѣ и отвѣтилъ:

— Я не имѣлъ удовольствія видѣть васъ, докторъ, со времени послѣдняго вашего визита къ намъ.

— Значить, вы меня не видѣли надняхъ, въ тотъ вечеръ, въ омнибусѣ?—спросилъ докторъ Севьеръ.

— Нѣтъ,—возразилъ Ричлингъ съ тѣмъ же участіемъ,—развѣ я былъ въ одномъ омнибусѣ съ вами?

— Вы были на тротуарѣ.

— Нѣ-ѣтъ,—сказалъ Ричлингъ стараясь припомнить,—я видѣлъ васъ нѣсколько разъ въ каретѣ, но вы...

— Я васъ не видѣлъ.

Ричлинга какъ будто что-то ужалило. Разговоръ между ними замаялся, и онъ возобновилъ его голосомъ намѣренно пониженнымъ, чтобы Нарцисъ не могъ слышать ихъ.

— Докторъ, я зашелъ собственно для того, чтобы сказать вамъ, что я опять безъ мѣста и опять ищу работы.

— Гм... Вамъ трудно будетъ найти работу въ это время года,—сказалъ докторъ такъ холодно и громко, что Ричлингъ почувствовалъ себя опять задѣтымъ.—Да и вообще трудно найти что-нибудь даже человѣку съ хорошею рекомендаціей.

На одно мгновеніе Ричлингъ улыбнулся. Докторъ же былъ далеко отъ улыбки, которая, повидимому, ему не понравилась; онъ повернулся къ своему столу и добавилъ:

— Что-жь? можетъ быть, вамъ и не трудно будетъ.

Ричлингъ весь вспыхнулъ.

— Какъ бы тамъ ни было,—сказалъ онъ, вставая,—можете быть увѣрены, что я съ своими дѣлами не хочу никому навязываться. Прощайте.

Онъ стремительно направился къ двери.

— А какъ здоровье мистрисъ Ричлингъ?—спросилъ докторъ.

— Она здорова,—отвѣтилъ Ричлингъ, надѣвая шляпу и исчеза въ корридоръ, причемъ можно было изъ кабинета отсчитать всѣ шаги его до послѣдней ступени лѣстницы.

— Вотъ глупецъ! — пробормоталъ врачъ и сердито поднялъ глаза на Нарциса, который въ эту минуту подошелъ къ нему.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, докторъ...—заговорилъ креоль, торопливо застегивая пальто и поправляя свой галстукъ,—я иду на почту.

— Это что значить?—крикнулъ докторъ, ударя, въ то же время, кулакомъ по ручкѣ кресла.—Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ

вы угощаете меня этою чепухой и, уходя изъ конторы, все будто ходите на почту! Чтобъ я больше этой комедіи не слышалъ!

Молодой человѣкъ поклонился съ оскорбленнымъ чувствомъ собственного достоинства и сказалъ:

— Какъ угодно, сэръ.

Онъ нагналъ Ричлинга недалеко за дверью дома. Ричлингъ остановился на улицѣ, безъ всякой цѣли, какъ бы лишенный сознанія всего окружающаго и задыхаясь отъ горечи и негодованія. Ему казалось въ эту тяжелую минуту, что всё имъ испытанныя невзгоды, разочарованія и униженія, которыя раньше вовсе и не представлялись ему такими ужасными и многочисленными, теперь какъ бы собрались въ одну подавляющую массу, сразу и безпощадно навалившуюся на него, и что все это сдѣлалось съ одобренія того жестокаго человѣка, отъ котораго онъ сейчасъ вышелъ и котораго онъ оставилъ спокойно сидящимъ тамъ, наверху, въ его кабинетѣ. Смущеніе, негодованіе и злоба душили Ричлинга и лишили его на время способности слышать и видѣть. Онъ долго не могъ понять, что говорилъ ему Нарцисъ, который не скоро освободилъ его отъ своихъ докучливыхъ привѣтствій, любезностей и жалобъ на грубость доктора Севьера, въ то самое утро назвавшаго его болваномъ, и совершенно разсвѣянно и машинально отвѣчалъ на неудержимый потокъ его рѣчей.

Между тѣмъ, докторъ Севьеръ въ теченіе двухъ дней изливалъ свой гнѣвъ на человѣчество вообще и на американцевъ въ частности. Первый день онъ провелъ безпокойно и угрюмо, и въ душѣ обвинялъ Ричлинга за ихъ ссору, на второй онъ уже упрекалъ самого себя, на третій, рано утромъ, онъ постучался у двери углаваго дома св. Маріи и Пританьи. Отвѣта не было; онъ опять постучался. Босоногая служанка показала у другой двери рядомъ.

— Здѣсь уже никто не живетъ.

— Куда они переѣхали?

— Не могу знать: я сама здѣсь недавно и никого не знаю.

Врачъ сѣлъ въ карету и отвѣхалъ, не зная, что думать и что дѣлать.

— Имъ некого винить, кромѣ себя, — пришло ему въ голову какъ бы въ утѣшеніе. — А, все-таки... — сказалъ онъ про себя и замолчалъ. Мысль, что не все разрѣшалось вопросомъ объ ихъ виновности или невинности, тяготила его душу.

XIV.

Госпиталь.

Недалеко от главнаго торговаго центра въ Ново́жъ-Орлеанѣ, на большой, немощеной и пыльной площади, составляющей собственно расширение Коммонъ-стрита, возвышается громадное кирпичное, всёми извѣстное зданіе городского госпиталя.

Когда, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, корабли привозили и выгружали на улицы Новаго-Орлеана цѣлыя толпы бездомныхъ и беззащитныхъ эмигрантовъ, дѣлавшихся жертвами свирѣпствовавшихъ въ то время холеры и желтой лихорадки, этотъ величественный госпиталь сдѣлался убѣжищемъ нѣсколькихъ тысячъ несчастныхъ зараженныхъ ирландцевъ и нѣмцевъ. Онъ принималъ ихъ подъ свою защиту безъ разбора и счета, такъ что иногда больныхъ и умирающихъ скоплялось такъ много подъ его кровлей, что для нихъ не находили кроватей, они лежали на полу, и день и ночь молотокъ гробовщика во внутреннемъ госпитальномъ дворѣ не переставалъ работать. Это старое, многоэтажное зданіе стоитъ и хмурится понынѣ въ томъ же видѣ, какъ и тогда, безъ всякихъ санитарныхъ измѣненій и улучшеній. Оно служило больницей не для однихъ только эпидемій; въ немъ, кромѣ отдѣленія для заразныхъ больныхъ, было еще нѣсколько отдѣленій: одно хирургическое, другое для внутреннихъ болѣзней и, наконецъ, родовспомогательное.

Въ 1857 году профессоромъ, завѣдующимъ акушерскою клинкой, былъ докторъ Сэвьеръ. Въ одно лѣтнее утро, въ часъ, назначенный для его лекціи, онъ стоялъ у входа въ клинику среди группы студентовъ и велъ съ ними разговоръ о санитарномъ положеніи Новаго-Орлеана. Онъ горячо и долго объяснялъ имъ вредъ, который простекалъ для города отъ неблагопріятнаго расположенія его на островахъ дельты, служившей какъ бы громаднымъ дренажемъ для скопленія всѣхъ городскихъ нечистотъ и образовавшей позади города непроходимое, въсковое болото. Изъ оконъ самаго госпиталя можно было видѣть это гнѣздо заразы, которое принимало, въ почти тропическомъ климатѣ, чудовищные размѣры, въ видѣ непрекращающихся эпидемій и малярии, часто переходящей въ чахотку. Вопросъ тогда былъ новъ и студенты съ интересомъ слушали профессора. Затѣмъ докторъ и студенты вошли въ клинику и толпой стали переходить отъ одной кровати къ другой, осматривая больныхъ и бесѣдуя объ ихъ болѣзняхъ.

Въ концѣ одного изъ рядовъ кроватей лежала больная, глаза которой были устремлены на медленно подходящую къ ней толпу

съ невыразимымъ ужасомъ. Она не проявляла своего испуга ни звукомъ, ни движеніемъ, а только этимъ неподвижнымъ взглядомъ.

Толпа постепенно приближалась; можно было уже различать лица студентовъ и звучный, мягкій голосъ доктора, который въ комнатѣ больныхъ никогда громко не говорилъ. Какъ медленно, но и безповоротно ихъ приближеніе! Больная отвела глаза вверхъ къ потолку, — она не могла ужъ болѣе смотрѣть въ ту сторону, откуда они шли, и закрыла глаза, между тѣмъ какъ губы ея зашевелились, какъ бы произнося молитву. Вотъ студенты подошли уже къ четвертой больной отъ нея, затѣмъ къ третьей, ко второй. Тутъ они остановились на нѣсколько мгновеній, послѣ которыхъ докторъ подошелъ къ сосѣдней кровати и вдругъ увидѣлъ больную, лежащую рядомъ; это была молодая и красивая женщина, небольшого роста; она лежала неподвижно, съ закрытыми глазами, съ выраженіемъ неописаннаго ужаса на лицѣ. Врачъ былъ такъ пораженъ при видѣ ея, что невольное восклицаніе вырвалось у него и онъ сдѣлалъ два шага по направленію къ ней. Въ эту минуту больная открыла глаза. Боже мой! это была Мэри Ричлингъ!

— Здравствуйте, — сказалъ докторъ, учтиво и сдержанно кланяясь ей; затѣмъ, обращаясь къ студентамъ, онъ прибавилъ: — теперь мы перейдемъ прямо на ту сторону отдѣленія, — и вся толпа двинулась, послушная его указаніямъ.

— Я долженъ торопиться сегодня утромъ, — сказалъ онъ студентамъ скоро послѣ этого и, закончивъ свою лекцію, простился съ ними и пошелъ обратно по палатамъ. Проходя между рядами больныхъ, не останавливаясь нигдѣ и не оглядываясь кругомъ, онъ почувствовалъ, что кто-то дернулъ его за руку. Оглянувшись, онъ увидѣлъ одну изъ сестеръ милосердія, которымъ порученъ былъ надзоръ за госпитальными сидѣлками. Докторъ нетерпѣливо остановился.

— Ну, что такое, сестра? — сказалъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Я... я... тамъ... — она не могла продолжать при видѣ его нахмуреннаго лица.

— Да говорите же, сестра, что вамъ нужно?

— Тамъ есть больная, въ углу, послѣдняя въ ряду...

Отъ этихъ словъ раздраженіе его еще какъ будто усилилось.

— Помните о больныхъ я ужъ самъ буду, сестра, не беспокойтесь, пожалуйста, — сказалъ онъ и затѣмъ прибавилъ уже болѣе мягкимъ голосомъ: — я какъ разъ и шелъ къ ней. А вы, прошу, останьтесь пока здѣсь, — и онъ пошелъ дальше.

Подойдя къ кровати, онъ остановился: больная посмотрѣла на него.

— Мистрисъ Ричлингъ, — началъ онъ тихимъ голосомъ, и не могъ продолжать. Она не говорила и не двигалась, пыталась улыбнуться, но глаза ея наполнились слезами и вѣки задрожали.

— Боже мой! — воскликнулъ врачъ, — какъ вы сюда попали?

Отвѣта нельзя было слышать, но онъ прочелъ его по движенію ея губъ.

— Нужда привела, — сказала Мэри.

— А вашъ мужъ? — и врачъ наклонился, чтобы разобрать ея слова, невнятные отъ сдавленнаго голоса.

— Дома.

— Какъ дома? — Онъ не могъ понять, что она хотѣла сказать. — Онъ уѣхалъ... къ себѣ... на родину?

Она медленно покачала головой:

— Нѣтъ, онъ дома, на улицѣ Придооръ.

Но слова ея были, все-таки, еще загадкой для доктора; онъ не могъ понять, какъ она была доведена до такого положенія, и молчалъ, не зная, какъ спросить ее. Наконецъ, послѣ минутнаго колебанія, онъ рѣшился узнать.

— Скажите мнѣ лучше прямо, мистрисъ Ричлингъ: вашъ мужъ не сбился какъ-нибудь съ пути?

На одинъ мигъ она уставилась на него, широко раскрывъ глаза, и вдругъ заговорила:

— Ахъ, докторъ, что вы говорите! Мой мужъ... Джонъ... сбился съ пути? — Вѣки ея опустились и изъ глазъ Мэри, никогда еще не плакавшей въ присутствіи доктора, выкатились двѣ слезы и упали на плоскую подушку госпитальной постели.

— Нѣтъ, нѣтъ, простите меня, бѣдное дитя мое, — сказалъ врачъ и взялъ ее за руку. — Я знаю, этого нѣтъ, этого не можетъ быть; успокойтесь и расскажите мнѣ все, когда будете покрѣпче.

Докторъ велѣлъ перевести ее въ одну изъ отдѣльныхъ платныхъ комнатъ клиники и поручилъ особенному присмотру сестеръ, строго-на-строго наказавъ, чтобы сидѣлки не проболтались о томъ, что комната платная. Кромѣ того, онъ поручилъ передать ея мужу, что онъ проситъ его безотлагательно зайти къ нему въ контору.

Выходя изъ госпиталя, онъ подумалъ: «Лучше было бы оставить ему записку, — и онъ остановился въ раздумьѣ, держась за ручку дверцы кареты. — Впрочемъ, ему, конечно, передадутъ», — и, захлопнувъ дверцу, врачъ уѣхалъ.

Когда онъ вошелъ на другой день въ комнату больной, у него

на душѣ было сознаніе какой-то вины, хотя выраженіе лица его было спокойное. Мэри приняла его съ улыбкою и претянула къ нему свою слабую руку изъ-подъ одѣяла.

— Я рада, что попала сюда, — проговорила она въ нѣмой голосъ.

— Да, — возразилъ онъ, — здѣсь лучше, чѣмъ въ общей палатѣ.

— Я не о комнатѣ говорю, — сказала она, — я рада, что попала въ госпиталь.

— Въ госпиталь! — воскликнулъ онъ, съ удивленіемъ глядя на нее.

— Ахъ, докторъ! — продолжала она и влажные глаза ея заблестѣли.

— Что, дитя мое? — спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Бѣдные не должны стыдиться бѣдныхъ, не правда ли? — сказала она, улыбаясь.

Врачъ задумчиво провелъ рукой по ея лбу, но затѣмъ обратился съ разспросами къ сидѣлкѣ и вышелъ. Въ корридорѣ онъ спросилъ у сидѣлки:

— Развѣ мужъ больной не былъ здѣсь?

— Нѣтъ, былъ, — отвѣчала сидѣлка, — но она спала въ это время и онъ только заглянулъ въ дверь и посмотрѣлъ на нее... Онъ весь такъ и дрожалъ, — добавила она, замѣтивъ, что докторъ какъ будто ждалъ чего-то, — такъ и дрожалъ... не сказалъ ни слова, а только повторялъ шепотомъ ея имя, нѣсколько разъ повторялъ его и утиралъ глаза.

— И никто ему ничего не сказалъ?

— О, конечно, никто, сэръ! — съ особеннымъ усердіемъ отвѣчала сидѣлка.

— Вы не сказали ему, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ?

Сидѣлка испуганно посмотрѣла на него.

— Нѣтъ, сэръ; вы мнѣ не говорили...

— Гм... гм... — пробормоталъ докторъ и вынулъ карточку, на которой сдѣлалъ надпись. — Ну, смотрите же, постарайтесь не забыть передать ему эту карточку, слышите?

XV.

Наводненіе.

Въ вечеру пошелъ дождь и не переставалъ весь слѣдующій день. Улица Пріоръ, гдѣ жилъ Ричлингъ, вся исчезла подъ водой, которая начала проникать даже въ дома. Это поставило Ричлинга въ невозможность выйти изъ дома; ему оставалось только стоять на по-

рогъ своего дома и смотрѣть. По всѣмъ направленіямъ плыли лодки, челноки, наскоро сложенные плоты, нагруженные всякимъ хламомъ и пожитками бѣдныхъ жителей наводненной части города; боченки, ящики, доски, солома, веревки, всякіе обломки неслись по теченію мимо него въ самый печальный безпорядкъ. Въ вечеру дождь, наконецъ, прекратился. Ричлингъ продолжалъ стоять на крыльцѣ въ полной и жалкой безпомощности. Онъ даже не имѣлъ возможности добраться до госпиталя, чтобы навѣстить Мэри. На мгновеніе, когда онъ увидалъ неожиданно Нарциса, плывущаго въ пирогѣ по улицѣ, мимо его дома, лучъ надежды блеснулъ въ головѣ Ричлинга и, когда молодой креоль, ловко маневрируя своимъ единственнымъ весломъ, безъ всякаго видимаго усилія, граціознымъ движеніемъ руки остановилъ свою лодку какъ разъ передъ нимъ, Ричлингъ робко спросилъ у него, выдержать ли пирога ихъ обоихъ и не перекувырнутся ли они вдвомя, если онъ сядетъ съ нимъ. Нарцисъ, по обыкновенію, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, съ помощью изреченій Диккенса и другихъ извѣстныхъ писателей, далъ ему, однако, ясно понять, что они легко могутъ опрокинуться у перваго же угла, по непривычкѣ къ такого рода плаванію. Ричлингу пришлось отказаться отъ послѣдней надежды увидѣть Мэри въ этотъ день; онъ не рискнулъ промочить свое платье, которое составляло въ его борьбѣ за существованіе единственную его рекомендацію и послѣдній капиталъ.

Даже около госпиталя вся мостовая была подъ водой, такъ что, когда, на слѣдующій день, докторъ Севьеръ подѣхалъ къ крыльцу больницы, ему пришлось пройти отъ своей кареты до двери по длинной и скользкой доскѣ. Пробираясь по ней, онъ вдругъ услышалъ шумъ и говоръ у воротъ, обернулся, поскользнулся и упалъ въ воду, къ великому удовольствію собравшихся зѣвакъ.

Докторъ, сердясь и стряхивая съ себя воду, прошелъ дальше, не переодѣваясь, прямо къ Мэри и нашелъ ее въ хорошемъ состояніи. Онъ присѣлъ около ея кровати и сталъ разспрашивать объ ихъ жизни до поступленія ея въ госпиталь.

— Вотъ видите, докторъ, намъ сначала жилось хорошо. Джонъ, все-таки, по временамъ добывалъ себѣ работу и имъ были довольны. Онъ только никакъ не могъ получить постоянной работы. Несмотря на все это, мы жили себѣ помаленьку и начинали уже надѣяться, что, наконецъ, солнышко выглянетъ изъ-за тучъ.

— Да и я, признаться, думалъ то же самое, — вставилъ докторъ. — Я все рассчитывалъ, что если вамъ не удастся пристроиться, то вы мнѣ дадите знать.

— Ахъ, нѣтъ, докторъ, какъ же мы могли это сдѣлать? почему бы вы стали заботиться о здоровыхъ людяхъ?

— Ну, что же дальше?—сказалъ врачъ, не останавливаясь на этомъ спорномъ вопросѣ.—Вѣроятно, по мѣрѣ того, какъ дѣловой сезонъ проходилъ, и заработки ваши начали исчезать?

— Да,—сказала она нерѣшительнымъ голосомъ,—таяли и наши средства. Ну... а тогда... конечно...—и она махнула рукой.

— А жить надо было,—сказалъ докторъ Севьеръ съ сочувствіемъ.

Она улыбнулась, не глядя на него.

— Да, конечно; да мнѣ и не особенно было жаль вещей... я только пожалѣла о нашемъ маленькомъ кругломъ обѣденномъ столѣ. Вы помните его, да?

Врачъ не имѣлъ духа разувѣрить ее и кивнулъ головой.

— Затѣмъ, оставалась у насъ еще одна вещь.

— Какая?... кровать?

— Да.

— Неужели вы и кровать продали, мистрисъ Ричлингъ?

Слезы брызнули изъ ея глазъ и она знакомъ отвѣтила утвердительно.

— Послѣ этого,—продолжала она,—мы прекрасно устроились съ одною очень хорошею женщиной, которая незадолго передъ тѣмъ потеряла мужа и хотѣла тоже устроить свою жизнь какъ можно дешевле.

При этомъ Мэри усмѣхнулась, вспоминая что-то.

— Что васъ такъ забавляетъ во всемъ этомъ?—строго спросилъ докторъ.

— Ничего особеннаго, но я бы желала, чтобы вы видѣли эту женщину: она такая смѣшная! Вотъ мы и двинулись съ ней къ нижней части города; переездъ намъ въ этотъ разъ не стоилъ дорого.

И при этой мысли, несмотря на неудовольствіе врача, она снова не могла удержаться отъ улыбки.

— Ну, а дальше?—сказалъ онъ, съ трудомъ сдерживая свое нетерпѣніе,—а что было дальше?

— Ну, а тамъ мнѣ пришлось поработать больше, чѣмъ слѣдовало... я таскала тяжести... и заболѣла опять.

Врачъ выпрямился и, складывая руки, проговорилъ сквозь зубы, какъ бы про себя:

— Боже мой! почему не послали вы за мной тогда?

— Докторъ,—отвѣчала она, и глаза ея были полны слезъ,—

мы не могли бы вамъ заплатить, а посылать за вами, не имѣя денегъ, было бы очень нехорошо и даже несправедливо.

— Какъ несправедливо?—сердито воскликнулъ онъ.

— Послушайте, докторъ,—сказала больная и вкратчѣ взглянула на него.

— Ну, ладно, ладно.

Она не продолжала, а только смотрѣла на него почти умоляющими глазами.

— Развѣ не было справедливѣе, если бы вы дали мнѣ возможность хоть одинъ разъ оказать вамъ услугу безвозмездно, одинъ только единственный разъ?

— Такое предложеніе не могло исходить отъ насъ, докторъ, мнѣ кажется...

Онъ не могъ не признать ее правой.

— Скажите мнѣ, поистинѣ, мистрисъ Ричлингъ,—вдругъ сказалъ онъ, хватаясь за спинку стула,—что побудило васъ и вашего мужа такъ поступить? можетъ быть, какія-нибудь слова или дѣйствія съ моей стороны?

— Нѣтъ, о, нѣтъ, докторъ... совсѣмъ нѣтъ. Но...

— Да, я знаю... истинная доброта должна сама заботиться о другихъ и не ждать, чтобы къ ней обращались, не такъ ли?—сказалъ врачъ, вскакивая съ мѣста.

— Нѣтъ, повѣрьте, докторъ, мы объ этомъ и не думали; развѣ это возможно? Вина, если и есть таковая, вся на мнѣ лежитъ. Я сама первая предложила Джону положить меня въ госпиталь, такъ какъ мнѣ нужна была хорошая медицинская помощь, а даромъ я могу ее имѣть только здѣсь.

Она замолчала; врачъ стоялъ въ раздумьѣ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— А что же дѣлаетъ мистеръ Ричлингъ? все время ищетъ работы?

— Съ ранняго утра до поздняго вечера!

— Вода теперь спадаетъ; онъ, вѣроятно, къ вечеру зайдетъ къ вамъ. Скажите ему придти ко мнѣ, въ контору, завтра раномъ утромъ.

Докторъ ушелъ въ своемъ мокромъ платьѣ, о которомъ совсѣмъ забылъ; въ своей разсѣянности онъ не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и, вернувшись вечеромъ домой, слегъ въ постель. Онъ серьезно заболѣлъ и въ бреду постоянно говорилъ о Ричлингахъ; въ минуты сознанія онъ не переставалъ спрашивать о нихъ.

— Не безпокойтесь,—говорилъ ему лечившій его врачъ,—о

нихъ позаботятся и все, что надо, будетъ сдѣлано. Перестаньте думать о нихъ, Бога ради!

Въ глазахъ этого врача жизнь доктора Севьера была незамѣнима, а жизнь этихъ неизвѣстныхъ ему людей представлялась ему какою-то совершенно незначительною величиною, о которой не стоило задумываться. «Вѣрно какіе-нибудь пациенты или пенсионеры», — думалъ онъ и интересовался ими также мало, какъ если бы дѣло шло объ участи двухъ воробьевъ. Но докторъ Севьеръ не могъ успокоиться, онъ лежалъ и тревожно хмурился: мысль о Ричлингахъ преслѣдовала его.

— Какъ бы я хотѣлъ, чтобы они вернулись на родину.

— Да я ихъ уже препроводилъ туда.

— Какъ? туда? въ Мильуоки?

— Да, да.

— Ну, слава Богу!

Онъ вскорѣ началъ поправляться, но нѣсколько недѣль прошло, прежде чѣмъ онъ могъ выѣхать изъ дома. Въ первое же свое посѣщеніе госпиталя, въ разговоръ съ старшею сестрой милосердія, онъ сказалъ ей, какъ порадовало его во время болѣзни извѣстіе, что Ричлинги были отправлены къ себѣ на родину. Сестра на это покачала головой и докторъ понялъ, что его обманули. Несмотря на свою слабость, онъ побѣждалъ въ контору, чтобы просмотрѣть списки выписавшихся больныхъ. За недѣлю передъ тѣмъ Мэри выписалась домой, т. е. на улицу Пріоръ. Онъ поспѣшилъ съ себѣ и немедленно послалъ Нарциса ихъ разыскать. Креоэль отправился въ тотъ домъ, гдѣ видѣлъ Ричлинга въ день наводненія, но нашелъ квартиру запертой; ему указали ихъ новый адресъ, но, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ и разсѣянностью, онъ не довелъ своихъ поисковъ до конца. Онъ постоялъ у дома, гдѣ помѣстились Ричлинги съ мистрисъ Райле, и видѣлъ даже ирландку во дворѣ, но не потрудился войти, а удовольствовался сбивчивыми отвѣтами игравшихъ въ этомъ дворѣ дѣтей и вернулся къ доктору съ извѣстіемъ, что Ричлинги переѣхали неизвѣстно куда.

— Какъ это странно, докторъ! — проговорилъ при этомъ Нарцисъ, вѣшая свою шляпу на крючокъ, — нѣкоторыхъ людей какъ-то особенно трудно находить. Вотъ, я замѣтилъ, то же самое бываетъ, когда нужно получить съ кого-нибудь деньги по счету. И повѣрьте, я всегда по фізіономіи знаю такихъ людей и могу указать на нихъ. Вотъ странно!... И никто меня этому не училъ... «самъ дошелъ... видно, такая ужъ у меня голова!

Врачъ молчалъ, видимо, размышляя. Затѣмъ, какъ бы рѣшив-

шись, онъ взялъ бумагу и перо и написалъ объявленіе, начинающееся словами: «Требуются свѣдѣнія о мѣстожительствѣ Джона Ричлинга...»

— Нарцисъ, — позвалъ онъ, продолжая писать, — отнесите это объявленіе въ редакцію газеты *Picaune!*

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сэръ!

И клеркъ принялся за свое обычное переодѣваніе.

— Такое предложеніе съ вашей стороны, сэръ, какъ нельзя болѣе кстати, — продолжалъ онъ свою неумолимую болтовню, — курить иногда является для меня положительною необходимостью, лишеніе которой вредно отзывается на моемъ здоровьѣ и, представьте себѣ, у меня нѣтъ ни одной папироски! И какъ это они изводятъся? Можно сказать, почти безсознательно! Просто удивительно!...

И, взявъ объявленіе, онъ не забылъ платкомъ смахнуть пыль съ своихъ башмаковъ и, какъ вихрь, понесся внизъ по лѣстницѣ.

— Подожд... — крикнулъ врачъ ему вслѣдъ, вскакивая со стула, но остановился и, въ задумчивости, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Всякія соображенія приходили ему въ голову и, между прочимъ, приходилось спрашивать себя, кто былъ, собственно, этотъ Джонъ Ричлингъ? — во всякомъ случаѣ, человѣкъ, жизнь котораго заключала въ себѣ какую-то тайну, что уже само по себѣ было ненавистно для доктора Севьера. Невольно мелькнуло у него въ головѣ: не бѣжалъ ли Ричлингъ отъ послѣдствій какого-нибудь преступленія? «Нѣтъ, не можетъ быть!» — громко воскликнулъ онъ, вспомнивъ, что онъ далъ себѣ слово не думать дурно о немъ.

— Бѣдняги, пускай себѣ живутъ, какъ хотятъ, — сказалъ онъ опять вслухъ, — пускай хранятъ свою тайну, они и безъ того рано или поздно поплатятся за свое ребячливое неразуміе.

XVI.

Рафаиль Ристофало.

У Ричлинга въ карманѣ былъ всего одинъ долларъ, когда, однажды, на улицѣ незнакомый ему человѣкъ вдругъ тронулъ его за плечо.

Но вернемся назадъ. Мы уже знаемъ, что въ тотъ день, когда Мэри и Джонъ продали свою кровать, мистрисъ Райле, незамѣтно слѣдившая за ними, предложила имъ устроиться вмѣстѣ съ ней. Предложеніе было принято не безъ смущенія, но очень охотно. Ирландка наняла квартиру въ Пріоръ-стритѣ и отвела молодымъ людямъ, за скромную плату, маленькую, бѣдно, но чисто

меблированную комнату. За проданную кровать они получили семь долларовъ. На слѣдующій же день послѣ переезда на новую квартиру Ричлингъ бродилъ по торговой части города, ища, попрежнему, работы. Онъ уже не былъ тѣмъ Ричлингомъ, какимъ видѣлъ его въ первый разъ докторъ Севьеръ, предшествующею осенью, когда онъ шелъ по улицѣ Баронделетъ, съ юношескою бодростью и живостью осматривая дома, попадавшіеся ему на пути. Хотя онъ, попрежнему, ступалъ твердо и рѣшительно, но походка его какъ-то измѣнилась: она стала какъ будто менѣе эластичной, не такъ легка и не такъ тороплива, на лицѣ его была замѣтна большая задумчивость и взглядъ потерялъ прежнюю хорошую, молодую веселость. Онъ шелъ по улицѣ Пондрасъ по направленію къ рѣкѣ.

Проходя мимо торговца, который сидѣлъ передъ своею лавочкой, занятый обтесываніемъ дерева для новаго стула, Ричлингъ поклонился ему молча, учтиво, даже участливо и съ достоинствомъ. Поклонъ этотъ былъ такъ непохожъ на обычныя дѣловыя привѣтствія, что лавочникъ даже не всталъ и продолжалъ стругать. Онъ съ любопытствомъ взглянулъ на Ричлинга, который, понизивъ голосъ, спросилъ, не можетъ ли онъ дать ему работы.

— Что?—спросилъ торговецъ, новорачивая къ нему ухо и хмурясь, не глядя на него.

Ричлингъ повторилъ свою просьбу съ нѣкоторою обидой въ голосъ, но тотчасъ же сдержалъ себя.

Лавочникъ опять удивленно посмотрѣлъ на него и медленно покачалъ головой.

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ онъ, едва слышнымъ голосомъ. Ричлингъ пошелъ дальше, не обращаясь уже къ торговцамъ слѣдующихъ лавокъ: онъ чувствовалъ взглядъ этого человѣка на своей спинѣ до самаго поворота въ другую улицу. Завернувъ за уголъ, онъ и тутъ не рѣшился остановиться; изъ лавокъ несся запахъ гнилаго картофеля и старой капусты, а у дверей стояли рядами боченки съ лукомъ. У него было какое-то предчувствіе, что его услуги не будутъ приняты тамъ, гдѣ северно пахнетъ.

— Что за срамъ, право!—выговорилъ лавочникъ, когда Ричлингъ исчезъ за угломъ,—съ виду такой джентльменъ, а побирается изъ дома въ домъ!

— Онъ вовсе не побирается изъ дома въ домъ,—сказалъ его сосѣдъ-лавочникъ, крестъ по говору.—Онъ и не могъ бы этого дѣлать, онъ—очевидно по всему—настоящій джентльменъ.

— Чѣмъ именно и отличается отъ тебя, небось!—замѣтилъ первый. Сосѣдъ ничего не отвѣтилъ, но ловко и какъ будто равно-

душно скрутила папироску изъ простой оберточной бумаги и закурила ее, [затягиваясь съ такою силой, что треть папиросы мгновенъ превратилась въ пепель и весь дымъ безслѣдно исчезъ у него куда-то внутрь.

— Этотъ молодой человѣкъ не умѣетъ искать работы, — замѣтилъ другой сосѣдъ, подходя къ нимъ и обтирая зубочистку о брюки. — Для каждаго человѣка есть свой особый способъ исцанья: для поденщика — одинъ способъ, для джентльмена — другой, а для человѣка съ деньгами — третій, совершенно особенный. Ну, точь въ точь, какъ если бы начать удить рыбу! — Въ эту минуту изъ ноздрей перваго сосѣда появились двѣ маленькія синеватыя струйки дыма. Другой сосѣдъ продолжалъ:

— Чтобы поймать рыбу, надо знать, какіе крючки взять, какую приманку, а ужъ только послѣ этого надо...

Оба его собесѣдника не дали ему кончить.

— Приниматься удить, — сказали они въ одинъ голосъ, — это вѣрно! — Дымъ продолжалъ медленно струиться изъ ноздрей кресла, хотя онъ во второй разъ еще и не подносилъ папироски ко рту.

— Да, надо удить умѣючи, — подтвердилъ второй сосѣдъ. — Если же умѣнья нѣтъ, то никто и научить не сможетъ, и рыба на крючокъ не попадетъся.

— Впрочемъ, — сказалъ лавочникъ, не убѣдившись доводами сосѣдей, — бываетъ и такъ, что простая бойкость въ человѣкѣ, глядь, и вывезетъ его; а про этого юношу нельзя сказать, чтобы онъ былъ совсѣмъ лишенъ бойкости. — Сосѣдъ-кресло встрепенулся, почувявъ благоприятный случай для отместки за раньше сказанныя ему обидныя слова.

— Да, еще одно слово — и онъ бы тебя ободралъ, какъ ляпку, — процѣдилъ онъ, опять затягиваясь съ выраженіемъ глубокаго удовлетворенія на лицѣ.

Между тѣмъ, Ричлингъ шелъ все дальше. Сужденіе лавочниковъ о немъ было довольно вѣрное: энергіи и мужества было въ немъ достаточно, но трудно было бы себѣ представить человѣка болѣе не подходящаго къ оружающимъ его условіямъ.

Отъ природы онъ былъ дѣятельный, живой, находчивый и общительный, хотя въ обращеніи его съ людьми и чувствовалась нѣкоторая церемонность. Странное соединеніе въ немъ какой-то конфузливости и горячности создавало ему много помѣхъ въ жизни, но онъ никогда не помнилъ зла и былъ человѣкъ добрый и съ благородною душой.

Во всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ, среди которыхъ онъ на-

чалъ свою борьбу за существованіе, присоединилась еще природная склонность къ мечтательности и уединенію. Выходя по утрамъ на ново-орлеанскія улицы въ своей погонѣ за хлѣбомъ насущнымъ, онъ съ тягостнымъ чувствомъ покидалъ свои заоблачныя, идеальныя сферы и, покорный своей судьбѣ, погружался въ чуждую для него, матеріальную стихію, отъ которой ему приходилось ждать своего спасенія. Такъ онъ бродилъ и скитался по улицамъ Новаго-Орлеана, внѣ своей стихіи, какъ тритонъ, выброшенный на берегъ морскою волной. Не имѣя опредѣленной цѣли передъ собой, Ричлингъ остановился передъ мастерской и сталъ смотрѣть на работающую въ ней паровую машину. Онъ вообще любилъ машины и механику. Но его скорѣе интересовала сложность движенія самаго механизма, чѣмъ результаты этого движенія. Если бы онъ получилъ надлежащее воспитаніе, онъ могъ бы стать изобрѣтателемъ, хотя бы въ механикѣ, и, вообще, изъ него легко могъ сдѣлаться человѣкъ науки; но, какъ видно, полученное имъ воспитаніе ни къ чему его не приготовило и онъ очутился въ самомъ разгарѣ житейской борьбы безпомощный и безоружный. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на машину съ почти-дѣтскою восторженностью, когда вдругъ его кто-то тронулъ за плечо.

— Здравствуйте, — сказалъ незнакомецъ съ замѣтнымъ итальянскимъ акцентомъ, — вы развѣ не помните меня?

— Нѣтъ, — сказалъ Ричлингъ, слегка смутившись.

Незнакомецъ молчалъ и, повидимому, ждалъ, чтобы Ричлингъ узналъ его. Лицо у него было пріятное; онъ былъ малаго роста, широкоплечій, коренастый и не носилъ бороды; ему было не болѣе двадцати пяти или шести лѣтъ. Волоса, глаза и кожа его были темны, брови густы. Платье на немъ было изъ грубаго матеріала, но чистое, а бѣлье дурно вымытое. Подъ внѣшнюю безпечную грубоватостью этого человѣка чувствовалось, однако, нѣчто болѣе серьезное и глубокое, напоминающее сильныя качества его расы, благодаря которымъ она и овладѣла нѣкогда міромъ.

Приглядываясь такимъ образомъ къ незнакомцу, Ричлингъ вдругъ вспомнилъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ уже раньше встрѣтился съ нимъ. Незнакомецъ, въ качествѣ купца, торгоющаго оптомъ въ одномъ изъ маленькихъ прирѣчныхъ городовъ, явился однажды въ контору, гдѣ Ричлингъ приводилъ счетныя книги въ порядокъ, и купилъ для своей торговли всякаго рода аптечныхъ принадлежностей.

— Ахъ, да, теперь помню, — сказалъ Ричлингъ, — вы тогда отдали мнѣ на храненіе ваши деньги и они оставались у меня два или

три дня. Это были ваши собственные, карманные деньги, мнѣ помнится.

— Да, да...—и незнакомецъ усмѣхнулся.—Тѣхъ денегъ уже нѣтъ; я отдалъ ихъ патрону; между тѣмъ, онъ умеръ и весь складъ его расхитили,—словомъ, все прогорѣло.

— Ахъ, какая досада!—воскликнулъ Ричлингъ.— Но я, однако... я забылъ вашу фамилію.

— Моя фамилія Ристофало, Рафаиль Ристофало, а ваша—Ричлингъ... Да, я совсѣмъ прогорѣлъ, у меня теперь нѣтъ ни копѣйки за душой,—и, говоря это, итальянецъ засмѣялся мягкимъ, звучнымъ голосомъ, который невольно вызывалъ сочувствіе въ Ричлингѣ.

— А когда же это случилось?—спросилъ Джонъ.

— Вчера,—отвѣчалъ итальянецъ, продолжая смѣяться.

— Что же вы намѣрены дѣлать теперь? какъ устроите вы ваше будущее?—спросилъ Ричлингъ.

— Мнѣ до будущаго нѣтъ пока дѣла,—сказалъ онъ, какъ бы отмахивая рукой это будущее отъ себя.— Я долженъ позаботиться о настоящемъ.

Ричлингъ задумался надъ этими словами, которыя только очень недавно сдѣлались для него понятными.

— Не можете ли вы мнѣ дать одинъ долларъ взаймы? — спросилъ вдругъ итальянецъ.— Я верну его вамъ завтра же и дамъ еще двадцать пять центовъ въ придачу.

Ричлингъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности просьбы.

— Помилуйте, мистеръ Ристофало, я... я... у меня... дѣло въ томъ, что я... почти безъ денегъ.

— Одного доллара достаточно для меня, чтобы справиться,—сказалъ итальянецъ, не двигаясь съ мѣста.— Завтра объщаю возвратить.

— Съ однимъ долларомъ нельзя ничего начать,—сказалъ Ричлингъ, недовѣрчиво качая головой.

— Нѣтъ, можно, говорю вамъ, а завтра вы получите его обратно.

Ричлингъ продолжалъ качать головой.

— Я не могу помочь вамъ... я уже нѣкоторое время безъ работы... — запинаясь, проговорилъ онъ, и въ своемъ смущеніи онъ снялъ шляпу и сталъ водить пальцами по волосамъ.— Было время, когда мнѣ было гораздо легче давать взаймы, чѣмъ теперь,—сказалъ онъ, задумчиво глядя себѣ подъ ноги.

Пока онъ такъ стоялъ въ раздумьѣ, итальянецъ осматривалъ его съ ногъ до головы: вся фигура Ричлинга, отъ мягкой шля-

цы на головѣ до продранныхъ съ божовъ башмаковъ, сразу объяснила ему положеніе его собесѣдника, и онъ невольно продолжалъ смотрѣть на него, любясь красивыми чертами его лица. Слегка растрепавшіеся волосы его упали на лобъ и отъбѣняли тонкую, гладкую кожу лица, загорѣвшую отъ ежедневнаго скитанія по улицамъ; губы его были слегка сжаты, красивый подбородокъ не былъ подбородкомъ слабохарактернаго человѣка, въ глазахъ же было глубокое и задумчивое выраженіе. Одежда была еще краснорѣчивѣе: складки рубашки и верхнее платье носили на себѣ слѣды работы непривычной руки; все было чисто и опрятно, но отъ пронизательнаго глаза итальянца не могли ускользнуть ни бѣдность, сквозящая въ ней, ни слѣды лишеній и страданій, замѣтные въ лицѣ Ричлинга.

Наконецъ, Ричлингъ поднялъ глаза и, улыбаясь, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ вы можете быть такъ увѣрены въ успѣхъ?

— Для меня неудача не существуетъ, — сказалъ итальянецъ голосомъ, въ которомъ не было и тѣни хвастовства.

Ричлингъ молча протянулъ ему долларъ; данъ онъ былъ просто, безъ всякаго покровительственнаго вида, и принять также съ простою благодарностью.

— Гдѣ мы встрѣтимся завтра съ вами? здѣсь?—спросилъ Ристофало.

— Ахъ, да, я и забылъ, — сказалъ Ричлингъ, — можно и здѣсь встрѣтиться, если хотите; а вы мнѣ тогда расскажете, въ чемъ состоялъ вашъ денежный оборотъ?

— Конечно, расскажу, но вы бы не могли его продѣлать.

— А почему же нѣтъ?

Ристофало расхохотался.

— Да по многимъ причинамъ, повѣрьте!

Простившись съ Рафаиломъ Ристофало, Ричлингъ началъ мысленно перебирать все, что произошло между ними, и тутъ только впервые поразила его странность слѣдующаго факта: итальянецъ при встрѣчѣ тронулъ его за плечо сзади. Неужели онъ узналъ его спину? или, можетъ быть, онъ замѣтилъ его раньше и слѣдилъ за нимъ? Дѣло же собственно произошло такимъ образомъ: за часъ передъ тѣмъ, какъ Ричлингъ прошелъ мимо вонючихъ лавокъ и брезгливо отвернулся отъ нихъ, Ристофало, проходя по той же улицѣ, остановился около боченка съ яблоками, для которыхъ время только наступало, и началъ ихъ внимательно осматривать: яблоки были малы, круглы, гладки и немного завядшія. Онъ пере-

бралъ ихъ всѣ и напелъ почти половину боченка въ подходящемъ состояннн. Владѣлецъ боченка, сицилецъ по происхожденію, попросилъ за него полтора доллара. Ристофало предложилъ купить его за одинъ долларъ и еще выговорилъ себѣ право вымыть и рассортировать яблоки подѣ краномъ во дворѣ лавочника. Сицилецъ согласился на сдѣлку только потому, что покупщикъ оказался итальянцемъ. Ристофало въ одно мгновеніе ока подкатилъ боченокъ съ яблоками къ крану, поставилъ его тамъ и исчезъ, обѣщая скоро вернуться. Вскорѣ онъ явился съ двумя смуглыми, здоровенными мальчуганами, тоже родомъ изъ Сиціліи; у каждаго изъ нихъ было по корзинѣ и по чистой тряпкѣ. Работа закипѣла: мигомъ принялись мальчишки, сидя у самаго крана, мыть, вытирать и сортировать яблоки. Ристофало, между тѣмъ, стоялъ у воротъ, на улицѣ, и размышлялъ, какъ бы теперь добыть долларъ. Въ эту минуту прошелъ мимо него Ричлингъ; онъ заглянулъ во дворъ безъ всякой опредѣленной цѣли, потомъ пошелъ дальше, повернулъ назадъ и опять прошелъ мимо, но уже по другой сторонѣ улицы. Ристофало замѣтилъ его, узналъ тотчасъ же, но сдѣлалъ видъ, будто не видитъ его.

— Съ этимъ можно, — подумалъ итальянецъ. — Я скоро вернусь, — сказалъ онъ вслухъ, оглядываясь назадъ.

— Ладно, — сказалъ лавочникъ съ полнымъ довѣріемъ; онъ понялъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

Тутъ и произошла встрѣча итальянца съ Ричлингомъ. Послѣ этого Ристофало, прежде чѣмъ кончить дѣло съ боченкомъ, отправился въ бѣдный и грязный ирландскій кварталъ, находящійся совсѣмъ въ другой, отдаленной части города; тамъ онъ быстро разыскалъ грязную фруктовую лавочку и вошелъ въ сдѣлку съ ея хозяиномъ-каталонцемъ. Не прошло и полчаса, какъ полки испанца были покрыты блестящими, чистенькими пирамидками изъ худшаго сорта яблоковъ, купленныхъ Ристофало; онъ продалъ ихъ испанцу за 25 центовъ. Долларъ же Ричлинга очутился въ рукахъ сицилійца, а мальчишки, итальянецъ и непроданный еще лучший сортъ яблоковъ таинственно исчезли куда-то. Они скрылись въ той части Новаго-Орлеана, гдѣ нанимаются изъ вторыхъ и третьихъ рукъ не квартиры, и даже не комнаты, а части комнатъ, которыя служатъ убѣжищемъ для бѣднѣйшихъ и несчастнѣйшихъ жителей города; тутъ со всѣхъ концовъ города въ трехъ и четырехъэтажныхъ домахъ собирались шарманщики, трубочисты, нищіе, уличные музыканты, тряпичники и всякій грязный и бездомный сбродъ. Рафаэль Ристофало исчезъ въ одномъ изъ такихъ домовъ вмѣ-

ствѣ съ своими мальчуганами и яблоками, купивъ предваритель-но на пути небольшое количество сахару и какую-то безвред-ную краску. Мы не знаемъ, какъ это сдѣлалось и кто тутъ ему помогалъ, но намъ извѣстно, что въ тотъ же день къ вечеру итальянецъ вышелъ изъ этого дома и явился на пароходную пристань съ какимъ-то удивительнымъ, невиданнымъ дотождѣ, лакомствомъ, которое было раскуплено у него на-расхватъ многочисленную пуб-личкой, всегда толпящеюся у пристани; лакомство это состояло изъ маленькихъ, круглыхъ, блестящихъ, засахаренныхъ и подозритель-но-красныхъ печеныхъ яблоковъ съ замѣчательно искусно сдѣлан-ными стебельками, и все это было такъ аппетитно на видъ, что само просилось въ ротъ потребителя.

На другой день, передавъ Ричлингу всѣ подробности своего ком-мерческаго оборота, Ристофало вынулъ изъ своего кармана два съ половиной доллара и отдѣлилъ отъ нихъ одинъ долларъ.

— А за ночлегъ и ѣду развѣ вамъ ничего не надо платить? — спросилъ Ричлингъ.

— Ничего не надо: я переночевалъ на баркѣ у сицилійца, — и онъ показалъ свое лицо, искусанное комарами и мошками. — Ут-ромъ онъ угостилъ меня кофеемъ и морскимъ сухаремъ... мнѣ не-много нужно.

Онъ предложилъ Ричлингу, сверхъ доллара, 25 центовъ въ видѣ процентовъ, отъ которыхъ молодой человѣкъ отказался.

— Да почему же такъ?

— Ну, просто такъ... не могу ихъ взять, — смѣясь, сказалъ Ричлингъ, — не могу, да и только.

— Хорошо, — сказалъ итальянецъ, — въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ этотъ долларъ еще на одинъ день и завтра я вамъ отдамъ за него полтора доллара, хотите?

Ричлингъ опять разсмѣялся:

— Не каждый же день вамъ торговать испорченными ябло-ками!

— Нѣтъ, сегодня мнѣ не яблоки нужны, а вотъ что: на ниж-ней пристани сегодня собирается цѣлый полкъ, отправляющійся во Флориду; я ихъ угощу боченкомъ круто-сваренныхъ яицъ.

Такъ онъ и сдѣлалъ, и къ вечеру карманы итальянца были на-биты мелкимъ серебромъ, а Ричлингъ получилъ обѣщанные полто-ра доллара.

Взявъ ихъ съ видимымъ смущеніемъ, онъ сказалъ:

— Я бы далъ цѣлую сотню долларовъ, еслибъ имѣлъ ихъ, чтобъ обладать хотя небольшою долей вашего искусства.

Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ, уничтоженнымъ и опять предложилъ итальянцу свои деньги взаймы безъ всякихъ процентовъ.

Но итальянецъ уже былъ богаче своего покровителя и больше денегъ у него не бралъ. Недѣлю спустя Ричлингъ нашелъ его на пристани занятымъ выгрузкой вагоновъ; онъ успѣлъ уже купить цѣлую барку, нагруженную бананами, и перепродавалъ ихъ разнощикамъ-фруктовщикамъ.

— Сегодня я получу пятьдесятъ долларовъ, — сказалъ ему итальянецъ, обозначая что-то мѣломъ на своей доскѣ.

Ричлингъ, сочувственно хлопнувъ его по плечу, быстро отвернулся, желая скрыть свое горе: онъ все еще былъ безъ работы.

Затѣмъ послѣдовали событія намъ уже извѣстныя: мы знаемъ, какъ Мэри заболѣла и легла въ госпиталь.

— Такъ можно съ ума сойти! — съ отчаяніемъ говорилъ Ричлингъ, хватая себя за голову, но тутъ же, опомнясь, прибавлялъ: — Нѣтъ, я не долженъ допускать себя до отчаянія! Я долженъ крѣпиться! — И такъ ходилъ онъ изо дня въ день изъ торговой части города въ госпиталь и обратно.

Докторъ Севьеръ, между тѣмъ, какъ мы знаемъ, оставилъ для Ричлинга записку, прося его зайти къ нему. Когда Ричлингъ зашелъ, слуга сказалъ, и, какъ показалось ему, довольно пренебрежительнымъ тономъ, что докторъ болѣвъ и никого видѣть не желаетъ. Это было болѣе чѣмъ достаточно для растеряннаго молодого человѣка, чтобы больше не являться къ доктору; чѣмъ больше онъ нуждался въ помощи другихъ, тѣмъ дальше онъ становился отъ тѣхъ, которые могли ему помочь. Съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ ждалъ помощи, самъ не зная откуда и отъ кого, но звать на помощь, просить онъ не хотѣлъ.

Наконецъ, Мэри, выздоровѣвъ, возвратилась домой. Боже мой! сколько горя, сколько слезъ, но и сколько радостей бываетъ въ жизни человѣческой! Она вернулась здоровою, веселою и шутя объявила мужу, что, питая къ его способностямъ необычайное довѣріе, будетъ сама, при случаѣ, рекомендовать его.

Ричлингъ продолжалъ свои печальные поиски, которые казались все болѣе и болѣе безнадежными въ глухое, жаркое лѣтнее время. Наконецъ, онъ встрѣтилъ на улицѣ одного изъ компаньоновъ того торговаго дома, гдѣ исправлялъ книги въ послѣдній разъ, и тотъ указалъ ему мѣсто, гдѣ онъ могъ найти себѣ работу, опять же, впрочемъ, временную. Такимъ образомъ, Ричлингъ снова сидѣлъ въ конторѣ за счетными книгами, далеко скрытый отъ док-

тора Севьера. Когда хозяева спросили, кто можетъ его рекомендовать, Ричлингъ сначала помолчалъ въ недоумѣннн, но затѣмъ сказалъ: «Подождите, я сейчасъ приведу вамъ того, кто можетъ за меня поручиться», — исчезъ и привелъ Мэри.

— Другой рекомендаціи у меня нѣтъ, — сказалъ онъ скромно, но и не безъ гордости.

Всѣ присутствующіе разсмѣялись.

— Что-жь, сударыня, если вы поручитесь за него, мы готовы вамъ вѣрить, — объявили хозяева.

ХVII.

А л и с а.

Время шло своимъ чередомъ. Печатное заявленіе доктора Севьера относительно Ричлинга прошло незамѣченнымъ и потому ни къ какимъ послѣдствіямъ не привело. Однажды утромъ докторъ лежалъ на кушеткѣ у себя въ кабинетъ и отдыхалъ послѣ приѣма больныхъ, изнывая отъ лѣтней духоты. Вдругъ вошла въ комнату женщина маленькаго роста, покрытая вуалю. Врачъ приподнялся и сѣлъ.

— Здравствуйте, докторъ, — проговорилъ торопливо голосъ изъ-подъ вуалы. — Докторъ, — продолжалъ голосъ, задыхаясь, — докторъ...

— Это вы, мистрисъ Ричлингъ?!

Врачъ вскочилъ на ноги и подалъ ей стулъ. Она тяжело опустилась на него и едва слышно проговорила:

— Ахъ, докторъ, докторъ! Джонъ лежитъ въ госпиталѣ! — и она громко зарыдала, закрывъ лицо платкомъ. Докторъ не сразу заговорилъ.

— Что съ нимъ? — наконецъ, спросилъ онъ.

— Ознобъ... лихорадка... — Рыданія опять душили ее, но докторъ рѣзко перебилъ ее:

— Да не плачьте же, сударыня! Вамъ все это кажется страшнѣе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Что такое ознобъ, лихорадка? — чистѣйшіе пустяки! Уходи въ госпиталѣ превосходный: черезъ два дня все пройдетъ. Тутъ нѣтъ еще причинъ для слезъ; когда вы тамъ лежали, тогда дѣло было посерьезнѣе...

Мэри молчала и только качала головой, не соглашаясь съ нимъ.

— Докторъ, вылечите его.

— Я завѣдую женскимъ отдѣленіемъ.

— Да, я знаю, а, все-таки...

— Если вы желаете этого, то, конечно... я займусь имъ. Но скажите на милость, мистрисъ Ричлингъ, куда вы переѣхали? Я посылалъ...—и онъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ обыкновенно Нарцисъ; но креоль, почувявъ, что разговоръ можетъ принятъ, не совсѣмъ пріятный для него оборотъ, успѣвъ молча и безшумно выскользнуть изъ комнаты. Мэри объяснила врачу, какъ и гдѣ они устроились.

— Ну, теперь это уже безразлично, сударыня,—сказалъ докторъ,—вы здѣсь, и я васъ не отпущу, прежде нежели...—и съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана свой бумажникъ.

Но Мэри глазами и рукой сдѣлала умоляющій жестъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, я прошу васъ... не дѣлайте этого... позвольте моему бѣдному мужу еще разъ попытать счастье... хоть одинъ разъ... не принуждайте меня брать этихъ денегъ отъ васъ... увѣрю васъ, я не изъ гордости отказываюсь!...

— Въ этомъ я сильно сомнѣваюсь,—возразилъ докторъ,—потому что какая же можетъ быть другая причина вашего отказа?

— Только изъ-за мужа, повѣрьте. Я знаю очень хорошо, что бы онъ сказалъ... и, во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права брать этихъ денегъ, не зная, когда мы можемъ вернуть ихъ.—Она опустила голову и слеза капнула ей на руку.

— Да хоть никогда!—сердито воскликнулъ докторъ. Онъ даже покраснѣлъ отъ гнѣва.

Мэри приподняла свой вуаль и на блѣдномъ, озабоченномъ лицѣ ея выразилась глубокая благодарность.

— Послушайте, докторъ,—сказала она, пытаясь улыбнуться,—если мы принуждены будемъ, въ концѣ-концовъ, обратиться къ кому-нибудь за помощью, то мы придемъ къ вамъ. Джонъ получилъ работу и лишился ея только потому, что заболѣлъ. Когда онъ выздоровѣетъ, онъ найдетъ себѣ другую работу, я въ этомъ не сомнѣваюсь.—Но при этомъ она глубоко и отрывисто вздохнула. Врачъ положилъ бумажникъ обратно въ карманъ, съ недовольнымъ и неубѣжденнымъ видомъ сжалъ губы и тряхнулъ головой. Въ то же время онъ смутно чувствовалъ, что она была права.

— А почему вашъ мужъ не пришелъ ко мнѣ, когда я его звалъ?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Она рассказала, какъ не впустили къ нему Джона во время его болѣзни. «Кромѣ того,—добавила она съ улыбкой,—можетъ быть, вы этого и не знаете, докторъ, а Джонъ всегда, съ самаго начала, васъ немного побаивался».

— Но вы же не боитесь меня,—сказалъ онъ, вовсе не улыбаясь ей въ отвѣтъ.

— О, нѣтъ,—и глаза ея при этомъ даже сверкнули. Блескъ ихъ, однако, очень скоро погасъ и она тихо сказала:

— У меня есть большая просьба къ вамъ, докторъ!

Они оба встали. Мэри стояла, облокотившись на его шюпитръ, и глядѣла на него.

— Не можете ли вы достать мнѣ швейной работы? Джонъ ничего не имѣетъ противъ этого.

Въ первую минуту врачъ хотѣлъ тутъ же заказать ей двѣ дюжины рубашекъ, но во-время опомнился и сказалъ:

— Хорошо... непременно достану; а черезъ часъ я буду у вашего мужа. Прощайте.

Когда она подошла къ двери, онъ добавилъ, какъ бы про себя: «Да хранить васъ Господь!»

— Что вы сказали, сэръ?—спросила она, оборачиваясь. Но докторъ уже сидѣлъ и читалъ книгу.

Съ помощью надлежащихъ лѣкарствъ, хорошаго питанія и двухъ или трехдневнаго отдыха въ постелѣ, Ричлингъ началъ поправляться и съ неблагоразуміемъ всѣхъ выздоравливающихъ сталъ просить доктора отпустить его домой. Но докторъ не отпускалъ и уговаривалъ еще потерпѣть. Однажды, сидя у него на кровати, онъ ему сказалъ:

— Завтра, если погода будетъ хорошая, вы можете встать. Потерпите еще,—и безъ того придется мнѣ отпустить васъ домой раньше, чѣмъ бы я желалъ. Вамъ бы слѣдовало пробить здѣсь до полнаго выздоровленія и вернуться домой совсѣмъ окрѣпшимъ, но, къ несчастью, я этого сдѣлать не могу, такъ какъ госпиталь предназначенъ исключительно для больныхъ.

— А гдѣ же больница для выздоравливающихъ?

— Такой больницы нѣтъ,—возразилъ врачъ.

— Да я бы ни за что и не пошелъ туда,—сказалъ Ричлингъ, съ видимымъ удовольствіемъ валяясь на подушкѣ.— Дайте мнѣ только силы, чтобы добраться до дому, и я сейчасъ отправлюсь.

Докторъ отвернулся.

— Больные люди не могутъ сами рѣшать, что для нихъ лучше,—сказалъ онъ задумчиво.— Впрочемъ, васъ я бы отпустилъ домой къ женѣ, какъ только позволило бы ваше здоровье.

Послѣ этихъ словъ онъ впалъ въ такую глубокую задумчивость, что Ричлингъ могъ внимательно взглядѣться во всѣ черты его лица.

Ему было приятно замѣтить въ теченіе своей короткой болѣзни, что докторъ не только самъ дружески относился къ нему, но, видимо, желалъ, чтобы и Ричлингъ питалъ къ нему тѣ же чувства.

Наконецъ, врачъ прервалъ молчаніе.

— Знаете, Ричлингъ, — Мэри удивительно похожа на Алису.

— Да? — робко спросилъ Ричлингъ.

Докторъ продолжалъ:

— Тѣ же годы, тотъ же ростъ и мнѣ кажется, что даже черты лица тѣ же. Въ красотѣ Алисы было, можетъ быть, въ общемъ меньше блеска, но разницы, въ сущности, мало; ея волосы были немного темнѣе, хотя, въ то же время, въ ней было какъ будто меньше живости, чѣмъ въ Мэри. Она была прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ. Она, также какъ и Мэри, отличалась какимъ-то необъяснимымъ богатствомъ содержанія природы, хотя, можетъ быть, у обѣихъ, оно было и различно. Я бы, вѣроятно, не замѣтилъ этого различія между ними, если бы онѣ не были такъ похожи. Недолго она прожила со мной.

— Она похоронена здѣсь? — спросилъ Ричлингъ, не зная, какъ прервать наступившее молчаніе и желая, чтобы врачъ продолжалъ говорить.

— Нѣтъ, въ Виргиніи. — Докторъ на минуту опять замолчалъ, но вслѣдъ затѣмъ продолжалъ:

— Я смотрѣлъ на вашу жену въ тотъ день, когда она зашла ко мнѣ; у нея было въ лицѣ какое-то особенное выраженіе, ей обыкновенно несвойственное, какъ бы робкой мольбы о чемъ-то, и глаза ея были полны слезъ... мнѣ такъ и показалось, что передо мной стояла Алиса.

Докторъ помолчалъ опять, а Ричлингъ выразилъ свое сочувствіе тѣмъ, что слегка приподнялся, опираясь на локоть.

— Помните, Ричлингъ, какъ та дѣвушка, которую вы боготворили и приблизиться къ которой вы считали себя недостойнымъ, какъ она, сдѣлавшись вашей женой, перенесла въ свою очередь на васъ все свое обожаніе?

— Да... да... — отвѣчалъ Джонъ, съ лицомъ, сіяющимъ отъ этихъ воспоминаній. — Не правда ли, какъ это странно... просто удивительно! Я бы не повѣрилъ другому... Ну, а какъ же вы... неужели вы тоже...

— То же самое, я думаю, переживаетъ каждый человѣкъ, бракъ котораго совершился по взаимной любви. Такъ было и съ нами. Алиса была любимицей своихъ родителей и жила до замужства балованнымъ ребенкомъ у себя дома; казалось, все кругомъ жило

и дышало только ею и для нея, а ей только оставалось властвовать надъ всѣмъ.

— Да, — продолжалъ онъ, помолчавъ немного, — но, одѣвшись моею женой, она стала совсѣмъ другая. Всѣ причуды балованной дѣвочки пропали и она начала жить исключительно моими желаніями, даже прихотями, могу я сказать. Я сталъ въ ея глазахъ чѣмъ-то такимъ великимъ, недосягаемымъ. Она почти боялась меня. Я терпѣть не могу, когда меня боятся.

— Неужели, докторъ? — сказалъ Ричлингъ, не безъ удивленія и внутренно провѣря самого себя.

— Да.

Ричлингъ почувствовалъ въ эту минуту, какъ его собственная боязнь передъ этимъ человѣкомъ превращалась въ любовь.

— Когда я женился, — продолжалъ докторъ, — я думалъ, что мы съ Алисой пройдемъ вмѣстѣ, рука въ руку, по предстоящему намъ жизненному пути, раздѣляя всѣ заботы и всѣ радости жизни, взаимно вліяя и направляя другъ друга. Но вышло иначе: если бы я только не противился ей въ этомъ, она бы согласилась всю жизнь какъ планета жить заимствованнымъ отъ ея солнца свѣтомъ. А я не хотѣлъ быть ея солнцемъ; я не хотѣлъ, чтобы она не имѣла своего собственнаго свѣта и жила бы исключительно моимъ настроеніемъ, и никто не долженъ этого желать. Впрочемъ, вся жизнь моя съ ней была сплошнымъ, ежечаснымъ, ежеминутнымъ счастьемъ. Ей только недоставало нѣкотораго развитія такихъ сторонъ характера, которыя большею частью получаютъ отъ иного, лучшаго воспитанія, а, можетъ быть, и не лучшаго воспитанія, а только отъ не много болѣе суровой жизни; въ ней еще тогда не развилось необходимое для жизни умѣнье сдерживать и покорять свои чувства... но, впрочемъ, — сказалъ онъ, круто обрывая свой рассказъ, — я не могу ее анализировать... мы горячо любили другъ друга... а теперь она... на томъ свѣтѣ.

Ричлингъ былъ глубоко тронутъ.

— Ричлингъ, тѣ короткіе, счастливые дни, которые я провелъ вмѣстѣ съ ней, и составляютъ всю свѣтлую, радостную сторону моей жизни; и теперь еще, — и голосъ доктора дрогнулъ, — въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ звука слаще, милѣе, дороже для меня, какъ звукъ ея имени, моей Алисы! Берегите Мэри, Ричлингъ, — ей нѣтъ цѣны.

— Я буду беречь ее, докторъ, буду... — сказалъ Ричлингъ, горячо сжимая руку врача въ своей, но докторъ почти выдернулъ ее и, вставая, сказалъ:

— Да, завтра вы можете встать.

Въ тотъ день, когда Ричлингъ выписался и отправился къ себѣ, въ свое зараженное маляріей жилище въ Пріоръ-стритѣ, докторъ Севьеръ, подъѣзжая къ воротамъ госпиталя, встрѣтился съ нимъ. Ричлингъ махнулъ ему рукой въ знакъ привѣтствія; онъ былъ еще слабъ и качался на ногахъ.

— Иду домой!—весело сказалъ онъ.

Врачъ остановилъ карету и, высунувшись, проговорилъ:

— Смотрите, не дѣлайте неосторожностей... я заѣду черезъ день или два.

А. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

(Повѣсть).

I.

— Господи, какъ дороги дрова, Антонида Васильевна!

— А квартиры, Яковъ Иванычъ?

— И квартиры тоже... Все новые дома строить, все строить, а квартиры и не думаютъ дешевѣть. Я за свою конурку пять рублей плачу, Антонида Васильевна... Впрочемъ, нужно будетъ перемѣнить квартиру.

— Я три рубля плачу вотъ за эту мерзость, Яковъ Иванычъ. И квартиры дороги, и дрова дороги, и люди нынѣшніе—дрянь.

— Совершенно вѣрно - съ: дрянные люди. Даже и не люди, а такъ что-то такое: взять въ руки нечего. Даже молодежь—и та ничего не стоитъ. А въ наше - то время, Антонида Васильевна... Господи, точно все это во снѣ видишь!... Закроешь глаза и видишь...

— Въ живыхъ-то только мы съ вами остались.

— Да... Сколько лѣтъ будетъ, какъ умеръ Крапивинъ?

— Ахъ, давно... двадцать лѣтъ.

— Неужели? А точно вотъ вчера все было... И генералъ умеръ, и Додоновъ... всѣ умерли.

Послѣ этихъ грустныхъ воспоминаній наступила длинная пауза. Яковъ Ивановичъ долго жевалъ своимъ беззубымъ ртомъ, перебиралъ въ рукахъ платокъ, щурился и тяжело вздыхалъ. Все это было прелюдіей къ одному и тому же разговору, который всегда бѣсилъ Антониду Васильевну. О, она отлично знала, что старикъ пройдетъ своею расслабленною походкой по комнатѣ, поправитъ старомодный воротникъ скюртука и проговоритъ:

— А, вѣдь, я говорилъ вамъ *тогда*, Антонида Васильевна... Ахъ, напрасно вы меня не послушались!...

Антонида Васильевна вскакивала съ мѣста, выпрямлялась и, принявъ гордую позу, отвѣчала одно и то же:

— Яковъ Иванычъ, вы никогда меня не понимали!

— Сорокъ лѣтъ я вамъ повторяю одно и то же... ахъ, напрасно, Антонида Васильевна! Помилуйте, я тогда прямо сказалъ вамъ: покаетесь, Антонида Васильевна, да будетъ поздно. Да.

— И не покаюсь!

— А вотъ покаетесь.

— А нѣтъ!

Глядя на старика, Антонида Васильевна часто думала: «Совсѣмъ изъ ума выжилъ человѣкъ... и куда что дѣвалось, подумаешь!...» Яковъ Ивановичъ думалъ то же, глядя на Антониду Васильевну, и грустно качалъ головой. Неужели это она, та Антонида Васильевна, за которой ухаживалъ самъ хромоу генералъ?... Сгорбилась, обрюзгла, состарилась, глаза слезятся, лицо въ морщинахъ, волосы сѣдые,—даже тѣни не осталось отъ прежней красавицы. Все тѣнь и суета, а женщины всегда останутся легкомысленными созданиями и будутъ всегда жить сегодняшнимъ днемъ. Яковъ Ивановичъ съ сожалѣніемъ оглядывалъ пустую комнату своей пріятельницы, просиженный диванъ, единственный коммодъ, заключавшій въ своихъ нѣдрахъ все движимое Антонида Васильевны, и еще разъ качалъ головой.

— Не хотите ли кофе, Яковъ Иванычъ?

— Отчего же... Я, знаете, когда шелъ сюда, то думалъ: а хорошо бы выпить кофе. Бровь согрѣвается.

Пока Антонида Васильевна возилась около самовара и согрѣвала дрянной жестяной кофейникъ, Яковъ Ивановичъ ходилъ своими старческими шажками и что-нибудь рассказывалъ.

— Вчера я былъ на рынкѣ, Антонида Васильевна... Капуста была такая дешевая. Я всегда у одной прасолки покупаю... Обиживаетъ она меня, но я ужъ привыкъ къ ней. Хорошо-съ... Стою я съ мѣшкомъ около лавки, а на меня лошадь... ей-Богу, чуть не смiali. Сидитъ купчиха и говоритъ: «Я два воза капусты купила да возъ огурцовъ». Вѣдь, это очень выгодно, Антонида Васильевна, т.-е. выгодно все оптомъ покупать. Конечно, у кого есть деньги, такъ тѣмъ выгодно... Вотъ говядина тоже, сахаръ, кофе... Я всегда завидую богатымъ: все дешево покупаютъ, потому что въ время. Привезли капусту—давай капусту, завололи телянка—давай телянка... хе-хе!... Я прежде тоже хозяйственно жилъ и всегда дѣлалъ запасы... Своя коровна была, лошадка... Вы мнѣ не крѣпко наливайте: докторъ не велитъ пить крѣпкой кофе.

— Знаю, знаю... Вотъ вамъ сливки, Яковъ Ивановичъ.

— Благодарю... Такъ я и говорю, Антонида Васильевна: дешево богатымъ людямъ на свѣтѣ жить. Комнаты большія, свѣтлыя, теплыя, запасовъ всякихъ много, да еще деньги въ банкѣ лежать. Понадобилось—и взялъ изъ банка...

— Да, отлично.

Старики часто ссорились, особенно въ ненастную погоду, но одинъ безъ другаго сильно скучали. Однажды у Якова Ивановича заболѣли ноги, и онъ цѣлую недѣлю не показывался. Антонида Васильевна даже всплакнула про себя и послала знакомую кухарку узнать о здоровьи. Сама она не рѣшалась навѣстить своего старо-го друга: какъ она пойдетъ на квартиру къ холостому человѣку? Впрочемъ, старики хворали рѣдко, хотя Якову Ивановичу стукнуло уже восемьдесятъ лѣтъ, а Антонидѣ Васильевнѣ было подѣ семьдесятъ. Какъ особа съ тактомъ, старушка не показывала вида, что рада каждому визиту своего старо-го друга, и что безъ него страшно скучаетъ. Мужчины неблагодарны, и тотъ же Яковъ Ивановичъ могъ подумать про нее Богъ знаетъ что, какъ всѣ мужчины. Имъ только позволь... Отношенія Якова Ивановича дѣйствительно носили корыстный характеръ: отчего не напиться кофе фирмы «Чужой и К°», а потомъ, все-таки, моционъ полезная вещь, и, наконецъ, керосинъ напрасно горитъ, когда сидишь одинъ дома. Угощать Антонида Васильевна любила, какъ всѣ женщины,— у ней это было въ натурѣ отдавать послѣднее. Вотъ это-то и довело ее до коморки, когда другія женщины, которыя не стоятъ ея нальца, развѣзжаютъ на рысакахъ и погупаютъ капусту возами.

А какіе бываютъ скверные дни осенью, когда дождь зарядитъ съ утра! На улицахъ грязь, окна въ комнатахъ отпотѣютъ, изъ всякой щели ползетъ предательская сырость, и богатые кажутся еще богаче, а бѣдность еще бѣднѣе. Яковъ Ивановичъ кашлялъ, охалъ и, все-таки, ползъ къ Антонидѣ Васильевнѣ, чтобы хоть поскучать виѣстѣ. Именно стоялъ такой ненастный день, когда старикъ явился напиться кофе къ Антонидѣ Васильевнѣ. Онъ въ темной передней бережно снялъ калоши, осторожно поставилъ въ уголокъ свой зонтъ, снялъ отяжелѣвшую отъ дождя шинель съ краганомъ и проговорилъ въ дверяхъ:

— Можно войти, Антонида Васильевна?

Яковъ Ивановичъ былъ самый вѣжливый и деликатный человекъ и Антонида Васильевна именно за это его и любила больше всего: увы, такихъ вѣжливыхъ людей больше нѣтъ... Нынѣшніе люди не понимаютъ такой простой истины, что вѣжливость—это цѣ-

лѣй капиталъ и что, благодаря именно ей, въ свое время Яковъ Ивановичъ всегда пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ у женщинъ. О, любовь ему ровно ничего не стоила, и ему многое прощалось именно за умѣнье держать себя. Яковъ Ивановичъ во-время умѣлъ быть и смѣлымъ, и скромнымъ, и всегда молчалъ: ни одной тайны не было имъ выдано. Вотъ секретъ дожить до восьмидесяти лѣтъ, еще въ силахъ, а дальше уже «трудъ и болѣзнь»... Женщины любили Якова Ивановича и въ критическихъ случаяхъ совѣтовались съ нимъ, какъ было и съ Антониной Васильевной. Конечно, онъ дѣлалъ по-своему, а Яковъ Ивановичъ молчалъ, будто ничего не знаетъ.

— Пожалуйте, Яковъ Ивановичъ...

Занявъ свое обычное мѣсто на диванѣ, Яковъ Ивановичъ съ присуще старымъ людямъ проницательностью сразу замѣтилъ, что Антонина Васильевна была сегодня не въ своей тарелкѣ. Можетъ быть, получила неприятное письмо? Нѣтъ, писемъ она уже давно ни отъ кого не получала. Время писемъ миновало для нея... Что бы такое могло быть?

— Холодно, Антонина Васильевна.

— Очень холодно, Яковъ Ивановичъ.

Въ своемъ темномъ люстриновомъ платьѣ Антонина Васильевна походила бы на монашку, если бы лицо ея не было покрыто темными пятнами отъ дрянныхъ старинныхъ бѣлилъ. У монахини лицо бываетъ такое бѣлое и кожа—точно корка просвиры. Дома воротничковъ и рукавчиковъ она не носила, а когда приходилъ Яковъ Ивановичъ, накидывала на плечи старенькую ковровую шаль. Теперь Антонина Васильевна куталась въ свою «тряпочку», какъ она называла шаль, сильнѣе обыкновеннаго и старалась не смотрѣть на гостя. Перебравъ всѣ темы, Яковъ Ивановичъ вопросительно поглядѣлъ на дверь, откуда долженъ былъ появиться кипѣвшій самоваръ. Онъ не понималъ, зачѣмъ хозяйка такъ медлитъ, а сегодня ему особенно хотѣлось выпить кофе, — мерзавецъ погода.

— Вы здоровы ли, Антонина Васильевна?—спросилъ онъ, наконецъ, аккуратно понюхавъ табаку.

Антонина Васильевна что-то перебирала на своемъ комодѣ и удивленно оглянулась, а потомъ быстро вынула изъ кармана платокъ и закрыла имъ лицо. Послышались сдержанныя всхлипыванія. Какъ всѣ мужчины, Яковъ Ивановичъ не выносилъ женскихъ слезъ и разсердился. Помилуйте, такъ могутъ капризничать однѣ дѣвочки... О, онъ хорошо знаетъ цѣну этимъ женскимъ слезамъ и никогда имъ не вѣрилъ. Въ немъ проснулась старческая жесто-

кость. Но Яковъ Ивановичъ всегда былъ вѣжливый дамскій кавалеръ, поэтому, давъ время пройти пароксизму, спросилъ, по возможности, ласково:

— Что съ вами, Антонида Васильевна?... Не могу ли я чѣмъ-нибудь быть полезнымъ?

— У меня... у меня нѣтъ больше кофе...

Яковъ Ивановичъ былъ огорченъ, но, все-таки, плакать не слѣдовало. Въ жизни ему приходилось много видѣть женскихъ слезъ и поэтому онъ пустилъ въ оборотъ тотъ безмысленный наборъ фразъ, какими утѣшаютъ плачущихъ женщинъ. Женщины любятъ, чтобы ихъ такъ заговаривали, а смыслъ—это другое дѣло. Но и это вѣрное средство не помогало; Антонида Васильевна продолжала плакать... Да и слезы были нехорошія,—тѣ тихія слезы, которыми, какъ осеннему мелкому дождю, конца нѣтъ. Старый эгоистъ только теперь пожалѣлъ свою пріятельницу, тѣмъ болѣе, что это искреннее горе касалось и его.

— Что же, Антонида Васильевна; убиваться?—бормotalъ онъ.—Если нѣтъ кофе, то можно и чаю напиться. Отлично согрѣваетъ...

— И чаю нѣтъ... я... я не ѣла уже два дня... ничего нѣтъ.

У Якова Ивановича вырвался неопредѣленный звукъ: «это ужь слишкомъ,—и северная погода, и эти слезы». Онъ даже посмотрѣлъ на дверь, чтобы половчѣе улизнуть,—последнее много разъ выручало его изъ критическихъ обстоятельствъ. Но Антонида Васильевна повернулась уже къ нему и, не вытирая катившихся по ея лицу мелкихъ старческихъ слезъ, порывисто заговорила:

— Все это пустяки...

— Какъ пустяки?

— Что я нищая—это пустяки... Сама виновата. Но меня убиваетъ одно: сегодня 21 сентября...

— Ахъ, да... Вѣдь, Павелъ Ефимычъ былъ бы сегодня именинникъ. Да, да... Скажите, а я-то и забылъ. Давно ли это было, подумаешь... Пиръ горой шелъ у Павла Ефимыча... шампанское...

— И это пустяки,—прервала его Антонида Васильевна, кожная платокъ въ дрожавшихъ рукахъ.—Сегодня я убѣдилась, наконецъ, что *тогда* я, дѣйствительно, была глупа, а вы—правы... Да, вы были правы, Яковъ Иванычъ, хотя прошлаго и не вернешь.

— Ахъ, Антонида Васильевна, Антонида Васильевна... вѣдь, я же говорилъ вамъ тогда?... Если бы вы меня послушались...

— Я была молода... глупа... Бто бы могъ подумать, что я проживу такъ безсовѣстно долго? Вѣдь, я давно пережила себя...

— Да, да, состарились мы съ вами, Антонида Васильевна...

— У меня теперь все бы было: и свой домъ, и лошади, и прислуга... Сорокъ лѣтъ я думала, что поступила, какъ и слѣдуетъ порядочной женщиной, но вотъ, сами видите, что изъ этого вышло... Нѣтъ больше кофе, Яковъ Ивановичъ!...

Это признаніе, вырванное отчаяніемъ, обрадовало Якова Ивановича. О, онъ былъ правъ, а женщины упрямы, какъ кошки... Если бы можно было вернуться назадъ какимъ-нибудь чудомъ и поднять изъ земли прошлое! Въ старикѣ съ страшною силой проснулась бессильная жадность, и его маленькіе глазки засверкали.

— Знаете, что я вамъ скажу?—заговорилъ онъ, взволнованный желаніемъ сказать Антонидѣ Васильевнѣ что-нибудь неприятное и хоть этимъ выместить на ней собственную правоту.—Ниче такъ не сдѣлають, да! Нынѣшнія примадонны умнѣе и этихъ сантиментальностей не признають... Стоило тогда ломаться!

— Нынѣшнія примадонны?

Антонида Васильевна покраснѣла остаткомъ своей старческой крови и молча указала Якову Ивановичу на дверь.

— Уйду, самъ уйду-съ...—бормоталъ онъ, спохватившись, что пересолилъ.—И дернуло же за языкъ съ нынѣшними примадоннами... А, все-таки, я правъ...

— Да, вы правы, но уходите... всѣ правы... я оскорблена именно этимъ.

Очутившись на улицѣ, Яковъ Ивановичъ долго стоялъ на тротуарѣ и никакъ не могъ понять, какъ это все вдругъ вышло: сидѣлъ на диванѣ и вдругъ—вонъ... что же это такое?... Онъ вернулся, постучалъ въ дверь, но отвѣта не послѣдовало.

II.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ такой же ненастный осенній день, Антонида Васильевна сидѣла въ своей комнатѣ передъ зеркаломъ и старательно закручивала прядь своихъ бѣлокурыхъ волосъ въ папильотки. Въ этотъ моментъ въ комнату вбѣжали двѣ дѣвушки и въ одинъ голосъ закричали:

— Смотрите, смотрите: медвѣди!

— Смотрите: собаки!

Театральная квартира была какъ разъ напротивъ театра, и по чистенькой городской улицѣ медленно двигалась цѣлая вереница телѣгъ. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по четыре собаки и при нихъ «человѣкъ». Собаки, истомленные длиннымъ путешествіемъ и промок-

шія подъ дождемъ, равнодушно смотрѣли по сторонамъ. Сопровождавшая ихъ прислуга была одѣта въ однообразный охотничій костюмъ: короткія сѣрыя куртки съ серебряными пуговицами, широкія синія шаровары, барашковыя высокія шапки съ красными, свѣшивавшимися на одинъ бокъ курпеями и красныя широкія кушаки. У борзятниковъ, выжлятниковъ и довзлачихъ были свои собственные серебряныя значки, прицѣпленные къ лѣвому плечу, и у каждаго за поясомъ по кинжалу. Это была настоящая цсовая охота, обставленная со всею роскошью. Когда первый обозъ, состоявшій изъ двадцати пяти телѣгъ, миновалъ, за нимъ показались громадныя дроги, на какихъ возятъ тяжести. На дрогахъ были поставлены большія клѣтки изъ полосоваго желѣза, и въ каждой клѣткѣ сидѣло по живому медвѣдю. Всѣхъ дрогъ было пять, по числу медвѣдей, и въ каждахъ было заложено по три тройки. Понятно, что такая необыкновенная процессія взбудоражила городъ, и по улицѣ за поѣдомъ бѣжала цѣлая толпа.

— Да это звѣринецъ!...—говорилъ кто-то изъ дѣвушекъ въ театральной квартирѣ.

— Нѣтъ, барская охота, какъ у насъ въ Расеѣ...—замѣтила крѣпостная няня Улитушка, состоявшая безсмѣнно при театральныхъ барышняхъ.

— А медвѣди зачѣмъ, няня?

— Цсовъ натравливать, чтобы злѣе были... У настоящихъ господъ всегда такъ дѣлають.

Естественнымъ являлся вопросъ, чья же это охота, но именно на него никто и не могъ отвѣтить. Въ Западной Сибири крупныхъ помѣщиковъ не было, а золотопромышленники-раскольники не имѣли и понятія о настоящихъ барскихъ потѣхахъ.

— Нужно узнать, няня,—рѣшила Антонида Васильевна, занятая небывалымъ зрѣлищемъ. — Сходи къ Павлу Ефимычу и спроси...

— Такъ и пошла: нашли дѣвчонку!—ворчала старуха.

— Няня, да, вѣдь, всего два шага?...

— У, баловницы!... Да и Павла Ефимыча дома нѣтъ.

— Все равно, отъ камердинера узнаешь...

Старушка всегда ворчала, но баловницы умѣли заставить ее сдѣлать по-своему, какъ было и теперь: «Ну, инъ, схожу... не отвяжешься отъ васъ».

— Бѣдные медвѣди, какъ имъ тяжело сидѣть въ этихъ клѣткахъ!—жалѣлъ кто-то изъ дѣвушекъ, провожая глазами дроги.—

Разбило ихъ дорогой. Вошь, посмотрите, одинъ лижетъ желѣзную полосу... Бѣдняжка, онъ пить хочетъ.

Одинъ изъ медвѣдей стоялъ на заднихъ лапахъ, ухватившись передними за переплетъ рѣшетки, и смѣшно поводилъ мордой. Онъ чутко нюхалъ городской воздухъ и глухо кряхтѣлъ. Лошади фыркали и косились. Какіе-то бойкіе городскіе мальчишки подбѣгали къ самымъ дрогамъ и ўхали на любопытныхъ звѣрей.

— Вотъ я васъ!...—кричалъ главный доѣзжачій, замахиваясь на ребятъ толстымъ арапникомъ.

Антонида Васильевна задумчиво проводила глазами весь обозъ, и ей вдругъ сдѣлалось грустно. Неужели этихъ медвѣдей будутъ травить громадными меделянскими собаками? Ухъ, страшно!... Бѣдныя, какъ имъ тяжело сидѣть въ своихъ клѣткахъ. Что-то такое тяжелое и горькое заняло въ груди дѣвушки: вѣдь, и она тоже сидитъ въ своей клѣткѣ.

— Няня, няня, ну, что?—кричали дѣвушки, веселою гурьбой обступая возвратившуюся Улитушку.—Чья это охота?

— Охъ, отстаньте...—отмахивалась старушка.—Чего пристали-то, какъ осеннія мухи? Вотъ и не скажу... Павелъ Ефимычъ на репетицію велѣлъ идти. Вотъ вамъ и охота...

— Нянюшка, миленькая...

— Барская охота, извѣстно... Заводчикъ тутъ есть, Додоновъ по фамилии,—ну, такъ его и охота.

Театральная квартира помѣщалась въ двухъэтажномъ деревянномъ домѣ съ мезониномъ. Въ нижнемъ этажѣ жили актеры, а въ верхнемъ актрисы. Самъ антрепренеръ Крапивинъ помѣщался въ мезонинѣ, наверху. Эта труппа въ Загорьѣ являлась первой и пока еще только готовилась къ спектаклямъ. Театръ тоже былъ недавно построенъ, и въ немъ еще пахло известкой, глиной и свѣжимъ деревомъ. На репетицію ходить не составляло особаго труда: перешелъ улицу и—въ театрѣ. Актеры уходили раньше, а за ними уже являлись актрисы, подъ надзоромъ Улитушки.

Когда всѣ собрались въ театрѣ, тамъ только и разговору было о проѣхавшей мимо охотѣ и о неизвѣстномъ никому Додоновѣ. Предположеніямъ, догадкамъ и шуткамъ не было конца.

— Онъ и оркестръ свой везетъ,—разсказывалъ капельмейстеръ Яковъ Ивановичъ, толкавшійся на репетиціяхъ около женскихъ уборныхъ.—Да-съ, двадцать пять человекъ музыкантовъ... Большой любитель музыки. Въ Краснослободскомъ заводѣ у него и театръ построенъ.

— Кто же будетъ играть въ театрѣ?

— А ужь этого я не знаю... Спросите у Павла Ефимыча.

Комикъ Гаврюша (онъ же и декораторъ) замѣтилъ, что, вѣроятно, у Додонова медвѣди будутъ давать представленія. Всезнающій Яковъ Ивановичъ сообщилъ, между прочимъ, что Додоновъ постоянно живетъ въ Петербургъ, гдѣ у него настоящій дворецъ и царская охота. Теперь онъ вздумалъ пріѣхать на Уралъ, чтобы осмотрѣть свои заводы. Мужчины шептались и хихикали между собой, передавая подробности, какъ сегодня черезъ городъ въ закрытыхъ повозкахъ провезли въ Краснослободскій заводъ цѣлый гаремъ, — Додоновъ былъ холостякъ и любилъ женщинъ. Яковъ Ивановичъ весело подмигивалъ и щелкалъ языкомъ, какъ скворецъ.

— Хорошій человекъ этотъ Додоновъ и умѣетъ позить... А что касается представленій на его театрѣ, то я полагаю такъ, что ему безъ насъ не обойтись. Вотъ Антонидъ Васильевичъ прекрасный случай показать свои таланты... При ея красотѣ и талантахъ все возможно-сь...

На репетиціяхъ царилъ строгій порядокъ, и Брапивинъ не терпѣлъ закулисныхъ сближеній и вольностей. За каждый недосмотръ головой отвѣчала Улитушка, на попеченіи которой находилось цѣлыхъ пять актрисъ. Теперь ей стоило большаго труда удержать свою команду въ уборныхъ, да и актеры точно сбѣсились: такъ и лѣзутъ. Особенно надѣдалъ Яковъ Ивановичъ.

— Ты-то съ какой радости приклеился здѣсь, шубный клей? — ругалась съ нимъ Улитушка, загоразивая спиной дверь въ уборную Антониды Васильевны. — Твое дѣло на скрипкѣ скрипѣть... Уждь вотъ придетъ Павелъ Ефимычъ... Способа съ вами никакого нѣтъ, съ озорниками!

Появленіе на сценѣ антрепренера водворило приличный порядокъ, и Улитушка вздохнула свободно. Брапивинъ шутить не любилъ и держалъ свою труппу въ ежовыхъ рукавицахъ. Сегодня онъ замѣтно былъ не въ духъ и едва кивнулъ головой на низкіе поклоны актеровъ. Подвернувшійся подъ руку Гаврюша получилъ нагоняй за недоконченную еще декорацию.

— Павелъ Ефимычъ, помиуйте, да когда же... — оправдывался комикъ, разводя руками. — И роль учи, и декорациі расписывай.

— Ты у меня разсуждать? — закричалъ Брапивинъ и, погрозивъ пальцемъ, прибавилъ: — Кто будетъ со мной баласы точить, сейчасъ на гауптвахту посажу... Черену записочку генералу и — готовъ рабъ Божій.

Въ виду такой грозы, Улитушка, конечно, и не подумала жа-

ловаться, хотя Яковъ Ивановичъ и показывалъ ей языкъ, спрятавшись за декорацию.

— Можно войти, Антонида Васильевна?—спросилъ Брапивинъ въ дверяхъ уборной: отдѣльная уборная была только у Антонида Васильевны, какъ у примадонны и главной надежды всей труппы.

— Можно.

Быстро оглянувъ дѣвушку, Брапивинъ присѣлъ къ столу съ зеркаломъ и широко вздохнулъ. Ему на видъ было подь сорокъ, но для своихъ лѣтъ Брапивинъ сохранился очень хорошо. Широкий въ кости, плотный и сухощавый, онъ еще былъ хоть куда. Умное лицо съ большими темными глазами нравилось женщинамъ, и только на лбу собирались преждевременныя морщины. Дома и въ театрѣ ходилъ онъ въ короткой бархатной курткѣ, всегда застегнутой наглухо.

— Вы свой номеръ приготовили?— небрежно спросилъ онъ, ероша русыя кудри и думая о чемъ-то другомъ.

— Да... Я отлично выучилъ.

Дѣвушка всегда немного конфузилась въ присутствіи Брапивина, который говорилъ ей въ рѣзко выдѣляя ее изъ остальнаго женскаго персонала. Держалъ онъ себя съ ней слишкомъ вѣжливо для антрепренера.

— Я на васъ надѣюсь...— коротко отвѣтилъ Брапивинъ и прибавилъ:— сегодня на репетицію будетъ самъ генераль.

— Какъ же я въ папильоткахъ буду нѣтъ?

— Ничего... Старикъ добрый. Онъ расширявалъ меня, и я впередъ похвастанся вашими пѣніемъ.

Этотъ мимоходомъ брошенный комплиментъ заставилъ Антониду Васильевну покраснѣть, и она почувствовала, какъ въ груди у нея сердце забило тревогу.

— Главное— костюмъ...— продолжалъ Брапивинъ, отбивая по столу красивыми длинными пальцами дробь.— Впрочемъ, я самъ посмотрю, когда все будетъ готово. Кстати, генераль мнѣ говорилъ... Вы, вѣроятно, видѣли сегодня этотъ дурацкій поѣздъ съ собаками?

— Да... и медвѣди.

— И медвѣди... Такъ генераль предупредилъ меня, что этотъ Додоновъ большой меломанъ и, вѣроятно, сдѣлаеть труппѣ предложеніе отправиться къ нему на заводъ... Все будетъ зависѣть отъ генерала, и я, право, не знаю, какъ отказаться отъ подобной чести.

— Зачѣмъ же отказываться?

Лицо у Брапивина вдругъ нахмурилось и онъ быстро вскинулъ

глазами на смутившуюся отъ этого быстрого взгляда дѣвушку. Онъ даже раскрылъ ротъ, чтобы что-то высказать, но удержался и только торопливо тряхнулъ своими кудрями.

— Тамъ увидимъ, — бормоталъ онъ, уже ласково глядя на Антонида Васильевну.

Когда Крапивинъ вышелъ изъ уборной, Антонида Васильевна опустилась на стулъ въ сладкой истомѣ. Она теперь поняла все: Крапивинъ ее любитъ больше, чѣмъ антрепренеръ. У ней кружилась голова отъ незнакомаго ей чувства охватившей радости. Какъ ей дороги показались теперь эти голыя стѣны, колченогая мебель и вообще вся убогая обстановка уборной, — вотъ здѣсь сейчасъ тихо и радостно зародилось ея первое дѣвичье счастье, и молодое сердце ударило въ тактъ съ другимъ сердцемъ. Дѣвушка поняла и смутную тревогу Крапивина, который впередъ ревновалъ ее къ Додонову. Она посмотрѣла на себя въ зеркало, выпрямилась и гордо улыбнулась.

— Генераль прѣехалъ, — шептала Улитушка, врываясь въ уборную. — Прѣехалъ и сѣлъ въ передній рядъ. А плуть Яшва такъ подъ самымъ носомъ у него и лебезить.

Въ дверь постучалъ Гаврюша, — онъ исправлялъ и режиссерскія обязанности. Нужно было выходить. Антонида Васильевна на скорую руку повязала голову тюрбаномъ, перекрестилась и увѣренно вышла изъ уборной. Этотъ тюрбанъ очень шелъ къ ней и сразу понравился генералу, который назвалъ ее туркомъ. Она исполнила свой номеръ отлично, молодой голосъ легко и свободно разливался въ пустой залъ.

— Одобряю! — громко повторялъ генераль и даже въ тактъ стучалъ костью.

Это былъ настоящій николаевскій генераль, высокій, плотный, остриженный подъ гребенку и туго затянутый въ военный мундиръ съ узкими рукавами, раструбомъ закрывавшими верхнюю часть кисти руки. Сѣдые бакенбарды отъ самага уха шли полукругомъ къ щетинистымъ усамъ. Широкое красное лицо съ большимъ носомъ глядѣло грозно. Одна генеральская нога была контужена еще подъ Браиловымъ въ турецкую кампанію 1827 года, и старикъ ходилъ съ короткимъ костью, который служилъ, въ то же время, и орудіемъ домашнихъ мѣръ исправленія. Вытянувшійся въ струнку молоденькій адъютантъ вездѣ сопровождалъ генерала, какъ тѣнь, и ловилъ каждый его жестъ.

— Ваше высокопревосходительство, какъ вы находите? — почтительно спрашивалъ Крапивинъ, заходя къ генералу сбоку.

— Одобряю... А, впрочемъ, братецъ, сюртукъ нужно надѣвать... да, сюртукъ.

— Слушаю - съ... Рады стараться, ваше высокопревосходительство.

— Ты долженъ другимъ служить примѣромъ... Я не люблю безпорядковъ. Даже турки—и тѣ свой порядокъ знаютъ...

Довольный своимъ каламбуромъ, старикъ отправился за кулисы и ласково потрепалъ Антониду Васильевну по заалѣвшейся щекѣ.

— Ну, турокъ, старайся... Мы будемъ смотрѣть и молодѣть. А я здѣсь живу, какъ отецъ въ большой семьѣ... Такъ, Гоголенко?

— Точно такъ-съ, ваше высокопревосходительство! — звонко отвѣчалъ адъютантъ, дѣлая подъ козырекъ.

— Будьте и для насъ роднымъ отцомъ, ваше высокопревосходительство, — говорилъ Брапивинъ, беря Антониду Васильевну вѣжливо за руку.

Генералъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, смѣрилъ глазами стоявшую передъ нимъ парочку и, весело улыбувшись, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не роднымъ, а посаженнымъ отцомъ согласенъ быть, хе, хе, хе!...

Антонида Васильевна вырвала свою руку и, зардѣвшись, скрылась въ уборной. Это еще больше размѣшило генерала и онъ, возвращаясь изъ-за кулисъ, нѣсколько разъ повторилъ:

— Турки всегда бѣгаютъ отъ русскихъ... Такъ, Гоголенко?

— Точно такъ-съ, ваше высокопревосходительство.

— Всегда бѣгаютъ, пока ихъ не возьмутъ въ плѣнъ...

III.

Появленіе перваго театра въ Загорѣ всецѣло обязано было генералу. Старикъ захотѣлъ, чтобы театръ былъ, и театръ явился, какъ по щучьему велѣнью. Генералъ былъ всемогущъ и при нѣкоторой пылкости воображенія могъ бы строить пирамиды. Загорскіе купцы устроили подписку, и каменное зданіе театра, начатое весной, къ осени было кончено. Для начала сороковыхъ годовъ такая быстрота построекъ не была зауряднымъ явленіемъ. Секретъ заключался въ томъ, что генералъ пожелалъ.

Труднѣе было организовать первую труппу, но и тутъ дѣло уладилось чуть не само собой. Подвернулся кочевавшій по ярмаркамъ средней Россіи антрепренеръ Брапивинъ, который и согласился ѣхать въ Сибирь. Правильно поставленныя труппы тогда существовали только въ столицахъ, да по богатымъ помѣщичьимъ имѣ-

ніямъ. Иногда еще появлялись бродячія труппы на бѣйкихъ ярмаркахъ, какъ и полуцыганская труппа Крапивина. Получивъ приглашеніе въ Сибирь, онъ вынужденъ былъ потерять полгода, прежде чѣмъ обставилъ себя приличными силами. Актеры еще были—военные въ отставкѣ, прогорѣвшіе помѣщики, выгнанные со службы чиновники, но актрисъ, какъ свободной профессіи, почти не существовало. Порядочныя дѣвушки не могли поступать на сцену уже потому, что быть актрисой считалось зазорнымъ, а крѣпостныя артистки были недоступны. У Крапивина явилась отчаянная мысль самому создать собственныхъ актрисъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Орловскую губернію, въ имѣнье недавно умершаго помѣщика-меломана, у котораго былъ свой домашній театръ и при немъ театральное училище, и здѣсь законтрактовалъ шесть дѣвочекъ-подростковъ на особыхъ условіяхъ. Наслѣдники меломана были рады выгодной аферѣ и отпустили своихъ воспитанницъ подъ надзоромъ няньки Улитушки, которая должна была отвѣчать головой за цѣлость довѣреннаго ей живаго товара. Дѣвочки всѣ до одной были крѣпостныя—дочери дворовыхъ и крестьянъ. Воспитанныя въ училищѣ «полубарышнями», какъ говорила Улитушка, онѣ были рады отправиться въ неизвѣстную даль. Самъ Крапивинъ, на ихъ счастье, былъ очень порядочный человѣкъ и страстный любитель сцены. Онъ постарался обставить свою труппу, чтобъ она не походила на ярмарочныя балаганы,—средства были обезпечены впередъ.

Прежде чѣмъ отправиться на Уралъ, Крапивинъ на пути далъ нѣсколько пробныхъ спектаклей, чтобы опредѣлить собственные силы и чтобы труппа вообще, выражаясь технически, слѣлась. Какъ оказалось, выборъ былъ сдѣланъ недурно и молодые артистки производили просто фуроръ, особенно въ средѣ помѣщицъей публики. Сразу выдались Антонида Васильевна, какъ хорошая пѣвица и драматическая актриса, а потомъ балерина Фимушка (у орловскаго меломана было обращено особенное вниманіе на балетъ). Въ Симбирскѣ у Крапивина произошла непріятная исторія изъ-за этихъ примадоннъ: привязались два помѣщика, которые сначала ухаживали за актрисами, а потомъ хотѣли ихъ украсть. Когда послѣднее не удалось и они узнали, что актрисы крѣпостныя, то повѣлились, что ихъ купить, несмотря ни на какіе контракты. Крапивину ничего не оставалось, какъ спастись бѣгствомъ отъ закулисныхъ героевъ, и онъ бѣжалъ, поплатившись за свои быстрые успѣхи декораціями и частью театральнаго гардероба. Это было хорошимъ урокомъ для человѣка, который ѣхалъ въ Сибирь, — приходилось держать ухо востро.

— Ты у меня смотри, старая! — каждое утро грозилъ Крапивинъ являвшейся къ нему съ докладомъ Улитущкѣ. — Безъ соли съѣмъ, ежели что...

— И то стараюсь, Павелъ Ефимычъ: всѣ глазыньки проглядѣла...

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Крапивина являлось то, что въ Сибири не было помѣщиковъ, слѣдовательно, не могло быть и сибирскихъ неприятностей, а купцы не посмѣютъ грабить его. Конечно, были здѣсь богатые золотопромышленники-раскольники, потому крупные заводчики, но первые жили по-старинному, а послѣдніе не показывали носа на Уралъ. Все-таки, во избѣжаніе недоразумѣній, Крапивинъ, по пріѣздѣ въ Загорье, немедленно явился къ генералу и объяснилъ ему все на-чистоту.

— Не безпокойся, братецъ: я здѣсь одинъ отецъ для всѣхъ, — успокоилъ его старикъ, любившій театр. — Гусаровъ у насъ нѣтъ, а съ остальными мы справимся, въ-случаѣ чего... На гауптвахту — и конецъ дѣлу.

— Я маленькій человекъ, ваше высокопревосходительство, защитите.

— Хорошо, хорошо... У меня все по-семейному.

Старикъ генералъ былъ главнымъ горнымъ начальникомъ и пользовался почти неограниченною диктаторскою властью. Крѣпостное горное положеніе являлось государствомъ въ государствѣ, и недаромъ старикъ называлъ себя подъ веселую руку царемъ.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, Крапивинъ постарался обставить себя и дома, какъ въ неприступной крѣпости. Помѣстившись въ мезонинѣ, онъ могъ видѣть каждый шагъ. Антрисы не имѣли права дѣлать ни одного шага безъ его позволенія. Когда комикъ Гаврюша брэнчалъ на разбитыхъ фортепіанахъ, помогая Антонидѣ Васильевнѣ разучивать оперные нумера, Улитущка сидѣла около него съ чулкомъ въ рукахъ и не спускала глазъ. То же было и съ Яковомъ Ивановичемъ, когда подъ его скрипку выплясывала Фимущка любимые публикой характерные танцы.

— Гаврюша ничего, а Яшки я боюсь: хитерь песь, — жаловалась Улитущка. — Того гляди, набалууетъ. Очень ужъ у него глазъ вострый, да масляный.

Въ виду такой опасности, Крапивинъ заставлялъ Антониду Васильевну разучивать нумера при себѣ. Онъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ даровитой дѣвушкѣ, дѣлавшей быстрые успѣхи. Репертуаръ былъ небольшой, но тщательно составленный: оперы — *Семирамида, Бѣлая дама, Тоска по родинѣ*, трагедіи — *Ковар-*

ство и любовь, *Дмитрій Донской*, драмы — *Она помпшана, Дитя, потерянное въ лесу*, комедіи — *Урокъ дочкамъ, Земная жена, Три султанши, Жена и зонтикъ* и цѣлый рядъ веселыхъ старинныхъ водевилей — *Архивариусъ, Ночной колокольчикъ, Лорнетъ* и т. д. Больше всего Крапивинъ рассчитывалъ на двѣ пьесы, которыя и ставилъ на первый разъ съ особенною тщательностью: *Парама Сибирячка* Полевого и *Русская Жвадьба* Сухонина. Онъ видѣлъ эти пьесы въ Петербургѣ и хотѣлъ удивить провинціальную публику. Кроме того, Антонида Васильевна разучила нѣсколько модныхъ романсовъ.

— Намъ придется создавать здѣсь театральную публику, — объяснялъ Крапивинъ своей примадоннѣ, съ которою обращался по-товарищески. — Дѣло не легкое, но мы будемъ работать вмѣстѣ.

— Я боюсь генерала, Павелъ Ефимычъ, — наивно признавалась Антонида Васильевна, выращенная въ страхѣ Божиѣмъ и барскомъ.

— Пустяки... Старикъ добрый.

Дома актрисы ходили въ простенькихъ ситцевыхъ платьяхъ и вообще одѣвались скромно. Театральный гардеробъ тоже былъ не великъ, потому что невозможно было обставить сразу цѣлый театръ. Но все это, сравнительно, являлось пустяками, а Крапивина беспокоила мысль о томъ, какъ бы выкупить своихъ артистокъ на волю. Конечно, онъ могъ сначала откупить одну Антониду Васильевну, но такое преимущество поставило бы его въ фальшивое положеніе предъ остальными, тѣмъ болѣе, что онъ положительно чувствовалъ себя неравнодушнымъ къ примадоннамъ. Въ немъ боролись антрепренеръ и любовникъ.

Первое представленіе сошло блистательно. Присутствовалъ самъ генералъ, а, слѣдовательно, вся его свита и цѣлый штатъ горныхъ инженеровъ. Набрались въ ложахъ мѣстные чиновники и купцы съ семьями, а одинъ золотопромышленникъ купилъ цѣлыхъ пять ложъ, чтобы угодить генералу, но самъ въ театръ не посмѣлъ явиться, опасаясь своихъ начетчиковъ и исправленныхъ поповъ съ Иргиза. Однимъ словомъ, набралась чисто-сибирская публика. Въ новенькомъ занавѣсѣ уже были проверчены хористками дыры и любопытные глаза разсматривали сидѣвшихъ въ партерѣ.

— Додоновъ здѣсь, — шушукались между собой актрисы. — Сидитъ рядомъ съ генераломъ.

Послѣднее извѣстіе сильно взволновало Крапивина. Онъ инстинктивно боялся этого человѣка, напоминавшаго ему оставленную тамъ, далеко, помѣщичью Россію. Онъ даже боялся подойти къ

занавѣсу и посмотрѣть на своего непріятеля. Антонида Васильевна тоже замѣтно волновалась, но старалась не выдать себя. А Додоновъ сидѣлъ и весело разговаривалъ съ генераломъ. Это былъ средняго роста, среднихъ лѣтъ господинъ, одѣтый въ статское платье. Но сюртукъ не могъ скрыть военной выправки. Додоновъ когда-то служилъ въ одномъ изъ дорогихъ полковъ и по одной исторіи вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Круглое усатое лицо глядѣло большими усталыми глазами. Когда Додоновъ улыбался, у него непріятно оскаливались десна. Массивная золотая цѣпь, болтавшаяся на пестромъ бархатномъ жилетѣ, и толстый перстень съ большимъ солитеромъ на большомъ пальцѣ лѣвой руки выдавали записнаго столичнаго щеголя. Онъ сидѣлъ, заложивъ одну короткую ногу за другую, и не обращалъ никакого вниманія на почтительно сидѣвшую въ партерѣ публику.

— Я тоже люблю театръ, ваше превосходительство, — говорилъ онъ, немного картавя и растягивая слова.

— Отличное дѣло, отличное дѣло... Необходимо развивать вкусъ въ публикѣ.

— У меня будетъ свой театръ, ваше превосходительство. Надеюсь, что вы не откажетесь ошастливитъ меня своимъ посѣщеніемъ, когда, конечно, все будетъ устроено.

— Непремѣнно, непременно.

Генералъ вообще былъ въ духѣ и шлоливо шутилъ съ окружающими. Когда онъ аплодировалъ, остальные неистово его поддерживали. Въ одномъ мѣстѣ онъ рѣзко оборвалъ Якова Ивановича:

— Вторая скрипка вретъ!

Параша Сибирячка прошла отлично, и самъ генералъ вызывалъ Антониду Васильевну. Додоновъ молчалъ и только мелькомъ взглянулъ на раскланивавшуюся примадонну прищуренными глазами. Этотъ взглядъ сильно смутилъ дѣвушку, и она чувствовала его на себѣ все время, — онъ ее точно связывалъ и лишалъ необходимой свободы.

Танцовавшая въ антрактѣ Фимушка вызвала цѣлую бурю восторга, генералъ даже стучалъ своимъ костылемъ, а Додоновъ аплодировалъ ей, улыбался и еще сильнѣе щурилъ свои глаза.

— Какovy у меня актрисы, полковникъ? — хвастался старикъ. — Хоть сейчасъ въ столицу... Конечно, онъ еще молоды...

— Съ молодостью еще можно помириться, ваше превосходительство... Это такой недостатокъ, который исправляется самъ собой.

— Ты думаешь?... Полковникъ, смотрите, у меня строго... Ни-ни!...

Вызванный Брапивинъ раскланивался съ публикой, прижимая руку къ сердцу. Додоновъ внимательно разсматривалъ его въ золотой лорнетъ, а потомъ, не дождавшись конца спектакля, ушелъ. У Брапивина точно гора съ плечъ свалилась, когда онъ увидѣлъ рядомъ съ генераломъ пустое кресло. Но Брапивинъ поторопился обрадоваться: Додоновъ сидѣлъ въ уборной Фимушки и, какъ ни въ чемъ не бывало, забавлялся омущеніемъ перепуганной вѣрнопостной танцовщицы. Улитушка попробовала было загородить ему дорогу въ уборную, но Додоновъ оттолкнулъ ее, какъ тряпичную куклу.

— Пропала моя головушка... — причитала старуха, поймавъ Брапивина. — Такъ прямо и лѣзетъ въ двери, бестыжіе глаза. Легкое мѣсто сказать: Фимушка-то чуть не голая тамъ съ нимъ сидитъ.

Брапивинъ весь побѣлѣлъ отъ бѣшенства, но что дѣлать съ нахаломъ? Выгнать его — значило оскорбить генерала. Но опытный и бывалый человѣкъ нашелся: отданъ былъ приказъ Якову Ивановичу играть какой-то испанскій танецъ, и Фимушка была освобождена. Она танцевала теперь съ особеннымъ усердіемъ и немедленно, послѣ своего нумера, подъ конвоемъ Улитушки, была препровождена на квартиру. Додоновъ посидѣлъ нѣсколько времени одинъ, а потомъ надѣлъ картузь и вышелъ. Вся труппа вздохнула свободнѣе, когда его широкая спина скрылась въ проходѣ со сцены въ буфетъ. Антонида Васильевна сидѣла въ это время въ своей уборной, затворивъ двери на крючокъ, — ее была лихорадка, какъ и въ Симбирскѣ.

«Если такъ дѣло пойдетъ и здѣсь, то мнѣ опять придется бѣжать», — думалъ про себя Брапивинъ, рѣшившійся бороться отчаянно.

Послѣ спектакля генералъ тоже явился за кулисы и потребовалъ «турка». Когда дѣвушка, не успѣвшая еще переодѣться послѣ *Русской свадьбы*, вышла къ нему въ своемъ красномъ сарафанѣ, онъ по-отечески расцѣловалъ ее въ обѣ щеки и проговорилъ:

— Одобряю, милашка... Есть талантъ. Молода еще, всего не поймешь сразу, но старайся. Такъ, Гоголенко?

— Совершенно вѣрно-съ, ваше высокопревосходительство.

— Весьма одобряю...

Со стороны генерала особенной опасности не предвидѣлось: онъ былъ женатый человѣкъ, да и его собственныя лѣта служили лучшимъ обезпеченіемъ. Старикъ дѣйствительно любилъ сцену, и только.

Первые же спектакли показали, что существованіе труппы въ

Загорьё совершенно обезпечено. Главною поддержкой всего дѣла являлся, все-таки, генералъ, который не пропускалъ ни одного представленія. Послѣ перваго спектакля Додоновъ больше не показывался въ театрѣ. Крапивинъ лѣзъ изъ кожи, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и съ ранняго утра до поздняго вечера не зналъ отдыха. Онъ былъ одинъ и вездѣ долженъ былъ поспѣть въ свое время. Единственнымъ его отдыхомъ были тѣ немногіе часы, которые онъ проводилъ въ комнатѣ Антонида Васильевны, — у ней была своя комната, какъ и уборная.

— Нужно серьезно относиться къ дѣлу, — поучалъ Крапивинъ свою первую ученицу. — Первые успѣхи еще ничего не значать. Даромъ ничего не дается... Для сцены стоить поработать. Насъ послѣ помянуть добрымъ словомъ...

Старая Улитушка была очень недовольна этими бесѣдами съ глазу на глазъ. «Вотъ еще моду затѣяли, на что это похоже?... Отвѣчать-то передъ господами кому придется?... А дѣвка молодая, долго ли до грѣха?...» Другія дѣвушки ревновали Антониду Васильевну и посмѣивались надъ старухой, особенно беззаботная и простоватая Фимушка.

— Охъ, согрѣшила я съ вами! — стонала старуха и даже отплеывалась. — Вотъ ты, Фимка, ногами дрыгаешь, а того и не подумаешь, что и ноги-то у тебя не свои.

— А чья, няня?

— Извѣстно, чьи — господскія... Вся ты чужая, Фимка!

IV.

Передъ Рождествомъ генералъ пригласилъ Крапивина къ себѣ. Антрепренеръ надѣлъ свою лучшую пару и отправился съ визитомъ не безъ нѣкотораго опасенія. Когда извожигъ подвозилъ его къ высокому двухэтажному зданію съ мезониномъ, колоннами, террасой и двумя балконами, онъ предпочелъ бы лучше вернуться домой. Утро стояло морозное, и стоявшія у подъѣзда лошади нетерпѣливо вытанцовывали лихорадочную дробь. Въ передней уже ожидали своей очереди нѣсколько горныхъ чиновниковъ и два подрядчика. Крапивинъ скромно помѣстился въ уголокъ и здѣсь терпѣливо ожидалъ своей очереди. Швейцаръ изъ отставныхъ солдатъ появлялся въ дверяхъ и выкрикивалъ фамилію очереднаго. Крапивину пришлось ждать не долго — швейцаръ пригласилъ его на очередь.

Передняя съ комнатою, гдѣ дожидались посѣтители своей очереди, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Широкая мраморная лѣстни-

на вела вверхъ, гдѣ расположена была генеральская казенная квартира.

— Обождите малость здѣсь, — задыхавшимся шепотомъ предупредилъ швейцаръ, оставляя Брапивина во второй приемной, наверху.

Онъ вернулся сейчасъ же и молча распахнулъ двери въ большой залъ съ паркетнымъ поломъ. Изъ этой комнаты одна дверь вела въ гостиную, а другая въ кабинетъ. Генераль сидѣлъ у письменнаго стола въ «вольтеровскомъ» креслѣ; Гоголенко скромно помялся въ уголѣ, между письменнымъ столомъ и шкафомъ съ бумагами.

— А, это ты, братецъ! — заговорилъ генераль, не глядя на вошедшаго и милостиво протягивая ему два пальца.

— Не замедлилъ явиться, ваше высокопревосходительство.

— Спасибо за исправность... А я тебя, братецъ, пригласилъ за тѣмъ, чтобы поблагодарить... Да, спасибо. Отличная у тебя труппа.

— Вы очень снисходительны, ваше высокопревосходительство.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Что хорошо, то хорошо... Одобряю. Даже столичные люди, и тѣ приходятъ въ восторгъ... Миѣ весьма лестно. Вчера былъ у меня полковникъ Додоновъ и тоже одобрялъ. Онъ большой меломанъ и знаетъ толкъ... гм... да. Такъ вотъ этотъ полковникъ Додоновъ и пригласилъ меня къ себѣ на заводъ. У него тамъ театръ домашній выстроенъ... вся обстановка... Такъ какъ въ субботу труппа свободна, то полковникъ Додоновъ и дѣлаетъ тебѣ приглашеніе играть у него. До завода всего пятьдесятъ верстъ, зимой это три часа ѣзды... Всѣ расходы и лошади на счетъ полковника Додонова. Предложеніе выгодное для тебя и лестное для меня... Ну, что же ты молчишь?

— Я, ваше высокопревосходительство... если, конечно, вы, ваше высокопревосходительство... вообще, я очень благодаренъ вашему высокопревосходительству.

— Я это зналъ и впередъ выразилъ свое согласіе полковнику... Въ слѣдующую субботу мы, значить, увидимся съ тобой въ Краснослободскомъ заводѣ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше высокопревосходительство...

— Постарайся не ударить лицомъ въ грязь... Не такъ ли Гоголенко?

— Точно такъ-съ, ваше высокопревосходительство,

Брапивинъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, но ничего не возражалъ, — это было бесполезно. Генераль не выносилъ противорѣчій. Когда

Крапивинъ; откланявшись, выходилъ уже изъ двери, старикъ окликнулъ его.

— Вотъ что, братецъ... Если ты сомнѣваешься за безопасность своей труппы, то могу тебѣ поручиться. Полковникъ, конечно, большой аматеръ и любитъ хорошенькихъ женщинъ, но, во-первыхъ, у него своя труппа есть для этого, а, во-вторыхъ, мы ему пропишемъ такую Симбирскую губернію... У меня все по-семейному, и я не посмотрю, что онъ полковникъ!

— Радъ стараться, ваше высокопревосходительство!

Домой Крапивинъ вернулся какъ въ туманѣ. У него все вертѣлось въ головѣ. Какъ избыть налетѣвшую бѣду? Пожалуй, это будетъ похуже симбирскихъ помѣщиковъ, да и бѣжать дальше ужъ было некуда.

— Позовите ко мнѣ Антонида Васильевну, — сказалъ онъ кому-то изъ попавшихся на встрѣчу актеровъ.

Когда дѣвушка пришла въ мезонинъ, Крапивинъ довольно сухо пригласилъ ее сѣсть, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и заговорилъ:

— Сейчасъ я получилъ большую непріятность... Генералъ непремѣнно желаетъ, чтобы наша труппа каждую субботу ѣздила въ Краснослободскій заводъ и давала спектакли на домашнемъ театрѣ Додонова. Вы, вѣроятно, стороной слышали, что за человекъ этотъ Додоновъ, поэтому не буду распространяться о немъ... Разсориться съ генераломъ я не могу, и остается одно средство спасенія: бѣжать опять. Вотъ я и пригласилъ васъ, Антонида Васильевна, чтобы серьезно посовѣтоваться, что дѣлать. Я на васъ смотрю, какъ на лучшую надежду всей труппы... вы ужъ большая... наконецъ, вы хорошо знаете меня.

Эта откровенность сначала смутила Антонида Васильевну, но потомъ она прямо посмотрѣла въ глаза Крапивину и проговорила тихо:

— Откровенность за откровенность, Павелъ Ефимычъ: вы боитесь за меня?

— Если хотите, да... я именно за васъ боюсь...

— Напрасно... Я слишкомъ уважаю свое положеніе, чтобы промѣнять его на какое-нибудь другое.

Крапивинъ ласково взялъ ее за руки и со слезами въ голосѣ заговорилъ:

— Дитя мое, я вѣрю вамъ... я не могу не вѣрить. Но для всякаго страшно одно: человекъ не знаетъ самого себя. Я понимаю, что въ васъ сейчасъ говорить извѣстное чувство благодарности, нако-

ищъ, въ васъ есть хорошія привычки и то, что называется порядочностью, но есть также богатство, роскошь... Устоите ли вы передъ страшнымъ соблазномъ? Богатства я вамъ не могу обѣщать... напротивъ, передъ вами жизнь, полная лишеній и труда. Наша профессія даже не пользуется необходимою степенью уваженія и особенно женщины приходится выносить много несправедливостей. Вы знаете, какъ смотрять на актрисъ наши театральные меломаны...

Брапивинъ вообще говорилъ не дурно, а теперь онъ увлекся.

— Искусство святая вещь, а сцена—это верхъ всякаго искусства. Вашими слезами будутъ плавать тысячи зрителей, они же будутъ смѣяться вашимъ смѣхомъ, а вы будете проводить въ темную и необразованную массу идеи истины, добра и красоты. Хорошая сцена воспитываетъ массы, она вноситъ въ ежедневный обиходъ этой жизни свой языкъ и пробуждаетъ въ обществѣ лучшіе инстинкты и стремленія. Величайшіе умы работали для театра, чтобы этимъ путемъ провести въ жизнь свои завѣтныя убѣжденія, назвать каждый порокъ егѳ настоящимъ именемъ, обличить неправду и сказать ласковое, хорошее слово тѣмъ, кому жизнь тяжела... Ахъ, нѣтъ, вы еще не можете понять всего!— какъ-то застоналъ Брапивинъ и отвернулся, чтобы скрыть наворачнувшіяся на глаза слезы.— Вы потомъ, когда-нибудь поймете меня.

Дѣйствительно, эта убѣжденная рѣчь была понятна дѣвушка только въ половину, а Брапивинъ говорилъ съ ней слишкомъ возвышеннымъ языкомъ. Ей болѣе понятно было то, что слышалось въ интонаціи, въ страстныхъ переливахъ голоса и во взглядѣ собеседника. Раньше ей льстило особенное вниманіе, съ какимъ относился къ ней Брапивинъ, но теперь она даже испугалась завязывавшейся короткости. Ей просто хотѣлось жить, не взваливая на себя какихъ-то странныхъ обязанностей и не подвергаясь отвѣтственности.

На этомъ общемъ совѣтѣ было рѣшено, что труппа поѣдетъ къ Додонову, принявъ необходимыя предосторожности. Брапивинъ, все-таки, ужасно волновался, хотя и старался не выдавать себя передъ труппой. Онъ сдѣлался подозрительнымъ. Актеры были слишкомъ испорченный народъ, чтобы сочувствовать ему. Въ этомъ случаѣ онъ и не ошибался. Первымъ противникомъ являлся тотъ же Яковъ Ивановичъ, разстроивавшій труппу своими смѣшками и подмигиваніями.

— У насъ не труппа, а какой-то монастырь,—вышучивалъ онъ актеровъ.—Конечно, Брапивину это на руку... И Антониду Васильевну въ лапы забралъ, да и другихъ упустить не хочется.

Жирно будетъ... хе, хе! Погоди, вотъ Додоновъ покажетъ, какъ добрые люди на свѣтѣ живутъ.

Наступила и роковая первая суббота. Въ полдень къ театраль-ной квартирѣ подкатило ровно десять троекъ, заложенныхъ въ ковровыя кашевыя. Изъ всѣхъ экипажей выдѣлялась бѣлая кашевая, заложенная сивою тройкой. И дуга была бѣлая, и вся сбруя изъ бѣлой лакированной кожи съ серебрянымъ наборомъ, и колокольцы подъ дугой серебряные; ухарь-кучеръ съ сѣдою бородой сидѣлъ на облучкѣ орломъ.

— Я скажусь больной...—заявила Антонида Васильевна въ рѣшительную минуту.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—успокаивалъ ее Крапивинъ.—Я этого не желаю... Дѣлайте такъ, какъ скажетъ вамъ ваше сердце. Что думаю я, вы знаете...

Прокатиться на такихъ тройкахъ для всей труппы было настоящимъ праздникомъ. Особенно волновались женщины; напрасно стараясь скрыть свою радость отъ хмурившагося начальства. Крапивинъ своими руками усадилъ Антониду Васильевну въ бѣлую кашевую, вмѣстѣ съ нянькою Улитушкой. Бадерина Фимушка тоже рассчитывала попасть сюда и была обижена, когда пришлось ѣхать въ обыкновенной кашевой, вмѣстѣ съ другими. Крапивинъ ѣхалъ послѣднимъ и на всякій случай сунулъ заряженный пистолетъ въ боковой карманъ своей бархатной курточки. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ режиссеръ Гаврюша.

— Взяли бы и насъ, Павелъ Ефимычъ, — просился Яковъ Ивановичъ.

— У Додонова свой оркестръ.

Но Яковъ Ивановичъ, все-таки, уѣхалъ въ Краснослободскій заводъ, примостившись гдѣ-то съ актрисами.

Погода стояла морозная, крѣпкая. Широкая дорога лентой повела въ Уралъ, туда, гдѣ синими шапками тѣснились горы! Скоро начался лѣсъ, стоявшій по колѣна въ глубокомъ снѣгу. Особенно красивы были ели, обсыпанные мягкими бѣлыми хлопьями, точно какія сказочныя деревья. Съ гикомъ и свистомъ летѣли тройки впередъ, заливаясь колокольчиками, а впереди всѣхъ, какъ лебедь, неслась бѣлая кашевая. Вся труппа была въ восторгѣ отъ этого импровизированнаго удовольствія, и даже Гаврюша улыбался, искоса поглядывая на молчавшаго Крапивина. Антонида Васильевна заагѣлась на морозѣ всею своею молодою кровью и все оглядывалась назадъ, стараясь разсмотрѣть, гдѣ ѣхалъ Крапивинъ.

— Няня, какъ хорошо... какъ хорошо!—шептала она, припадая къ Улитушкѣ.

— Глупая ты, Тонюшка, вотъ што!—ворчала зябнувшая старуха.—Чему радуешься-то прежде времени? Павелъ Ефимычъ вонъ ночь-ночью сидитъ...

— Ахъ, няня... чѣмъ же мы-то виноваты?

Въ одномъ мѣстѣ заяцъ бойко пересѣкъ дорогу, отговываясь не много въ сторону и присѣлъ подь елкой. Улитушка такъ и ахнула.

— Охъ, не ладно дѣло...—шептала она, творя молитву и отплеываясь на лѣвую сторону.—Чтобы ему пусто было, треклятому! Обождалъ бы, а то прямо черезъ дорогу. Охъ, не быть добру...

Въ сумерки повѣздъ уже подѣзжалъ къ заводу. Кругомъ широкими валами расходились горы. Селеніе залегло кривыми улицами по отлогому скату. Громадный заводскій прудъ уходилъ изъ глазъ бѣлою скатертью. У плотины весело дымилась и сыпала искрами фабрика. Веселые огоньки жигали по всему селенію. Громадный господскій домъ стоялъ на прирутости, недалеко отъ фабрики, и спускался къ пруду стариннымъ садомъ. Огня были ярко освѣщены, и, видимо, все ожидало гостей. Въ саду темною глыбой поднималось какое-то необыкновенное зданіе, съ вышками и башенками.

— Это театръ?—спрашивала Антонида Васильевна кучера.

— Нѣтъ, барышня... собачій дворецъ.

Подѣздъ былъ ярко освѣщенъ и гостей встрѣтила цѣлая толпа прислуги, разодѣтой въ русскіе костюмы—поддевки, красныя шелковые рубахи, бархатныя шаровары и круглыя шапочки съ павлиньими перьями. Пахнуло тепломъ громаднаго барскаго дома. Воздухъ былъ подкурень ароматическою смолкой. Какой-то лысый старичокъ принималъ всѣхъ съ низкими поклонами и повелъ гостей въ нижній этажъ, гдѣ приготовлена была цѣлая квартира—три комнаты для актрисъ и двѣ для актеровъ. Нѣсколько горничныхъ помогали актрисамъ раздѣваться и глядѣли на нихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Крапивинъ осмотрѣлъ квартиру и заперъ на ключъ маленькую дверь, выходящую куда-то въ темный корридоръ.

— Пожалуйте къ барину,—приглашалъ его лысый старичокъ.—Генералъ еще не пріѣхали, и придется подождать-съ.

Крапивина повели во второй этажъ, передавая съ рукъ на руки, отъ одного лакея къ другому. Мраморная широкая лѣстница была устлана ковромъ, по сторонамъ зеленѣла шпалера изъ экзотическихкихъ растений. Во второмъ этажѣ открывалась цѣлая амфилада комнатъ, освѣщенныхъ въ ожиданіи генерала, какъ передъ праздникомъ. Хозяинъ ждалъ антрепренера въ своемъ кабинетѣ. Это бы-

ла высокая комната, обитая дорогими тисненными обоями. По стѣнамъ было развѣшено всевозможное охотничье оружіе, блестящее золотомъ и серебряною насѣчкой. Два швафа по угламъ тоже заняты были принадлежностями охоты. Нѣсколько турецкихъ низенькихъ диванчиковъ и большой письменный столъ составляли всю мебель. Надъ столомъ, въ простѣннѣ между двумя окнами, въ тяжелой золоченой рамѣ висѣла большая картина. Конечно, это была голая красавица, валявшаяся на пестрой тигровой шкурѣ. Додоновъ дома ходилъ въ пестромъ шелковомъ бешметѣ и въ турецкой фесѣ. Онъ не протянулъ руки Крапивину и не предложилъ стула.

— Генералъ передалъ вамъ мои условія, — съ легкою картавостью проговорилъ онъ, передавая пакетъ. — А это мой задатокъ. Надѣюсь, господа артисты не будутъ на меня въ претензіи.

— Я думалъ бы свести счеты потомъ.

— Пожалуйста, безъ возраженій.

Выходя изъ кабинета, Крапивинъ думалъ: «Вотъ мерзавецъ!» Онъ, не разорвавъ конверта, сунулъ пакетъ въ боковой карманъ, гдѣ лежалъ пистолетъ. Слѣдующею неприятностью для него было то, что онъ нашелъ актеровъ въ буфетѣ, гдѣ ихъ угощала лысый старичокъ. Актрисамъ былъ поданъ чай.

— Мнѣ придется, пожалуй, играть одному, — замѣтилъ Крапивинъ, указывая старичку на бутылки.

— Съ холоду только погрѣться... немножко...

— Все это такъ, но не лишнее было бы спросить и меня.

— Слушаю-съ.

У.

Генералъ заставилъ себя прождать до девяти часовъ вечера. Согрѣвшись послѣ холода, актрисы дремали, а Фимушка, привезенная для какого-то нумера въ дивертисментъ, спала самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Антонида Васильевна жаловалась на головную боль, — у ней дѣйствительно глаза были красные.

— Мнѣ нужно посмотрѣть сцену, — нѣсколько разъ повторилъ Крапивинъ прислуживавшемуся около актеровъ старику.

— Все готово, будьте спокойны. У насъ порядокъ.

— Да, вѣдь, нужно же знать, какъ двери отворяются?

— Не приказано-съ...

Когда послѣдовало, наконецъ, приказаніе, актеровъ гурьбой повели какими-то корридорами и переходами сначала въ зимній садъ, а потомъ уже въ театръ. Это было совсѣмъ отдѣльное зданіе, устро-

енное по специальному плану. Маленькая сцена походила на игрушку, — вымощена она была такъ высоко, что музыканты сидѣли совсѣмъ въ ямѣ. Партера не было, а для публики назначался полукругъ ложъ. Вся обстановка этой затѣи поражала роскошью. Стѣны и потолокъ росписаны въ голубовато-сѣромъ тонѣ, съ серебромъ; такой же занавѣсъ съ довольно смѣлымъ миеологическимъ сюжетомъ — Венера рождалась изъ серебряной пѣны; ложи отдѣлены между собой драпировками изъ тяжелаго китайскаго шелка, въ простѣнкахъ опять шелковые полосы, — однимъ словомъ, театръ хоть куда. Уборная примадонны походила на бонбоньерку, выложенную серебрянымъ атласомъ. Даже Крапивинъ ахнулъ, когда осматрѣлъ все.

— Это какой-то сумасшедшій, — бормоталъ онъ, шагая за кулисами. — Тутъ нужно не нашихъ ситцевыхъ актрисъ, а совсѣмъ другое.

Всѣхъ больше восторгался Яковъ Ивановичъ, толкавшійся въ оркестрѣ. У Додонова свой оркестръ состоялъ изъ двадцати пяти человекъ, подъ управленіемъ капельмейстера - итальянца Неметти. Музыканты были набраны изъ своихъ крѣпостныхъ и всюду сопровождали владыку.

Спектакль начался только въ десять часовъ и кончился около часа. Для перваго раза былъ поставленъ водевиль *Петербургскій булочникъ*, а остальное дивертисментъ: пѣла Антонида Васильевна, танцевала качучу Фимушка, самъ Крапивинъ декламировалъ монологъ изъ *Разбойниковъ* Шиллера. Антракты были очень короткіе, такъ что актеры едва успѣвали переодѣться. Публику изображали всего двое: генераль и Додоновъ. Гоголенко, конечно, былъ тутъ же, но онъ не могъ идти въ счетъ, какъ простая тѣнь генерала. Въ углу одной ложи пряталась какая-то женская фигура, которая интересовала всѣхъ актеровъ, — очевидно, это была одна изъ додоровскихъ одалисокъ. Яковъ Ивановичъ напрасно старался разглядѣть таинственную незнакомку, хотя послѣ и увѣрялъ всѣхъ, что это замѣчательной красоты дѣвушка, съ огненными глазами и китайскою ножкой.

Аплодисментовъ и вызововъ не было, а только генераль послалъ своего адъютанта выразить господамъ артистамъ благодарность. Крапивинъ вздохнулъ свободнѣе, когда все кончилось. На дѣлѣ пока еще ничего страшнаго не было, хотя Улитушка вздыхала и морщилась больше обыкновеннаго.

— Это просто скучно, — рѣшила Фимушка, когда актрисы вернулись въ свои комнаты. — Хотѣ бы медвѣдѣй посмотреть.

Утромъ слѣдующаго дня труппа весело катила домой тою же до-

рогой и въ томъ же порядкѣ. Крапивинъ совсѣмъ успокоился. Когда онъ вечеромъ распечаталъ конвертъ, въ немъ оказалась ровно тысяча рублей, — это было ужъ совсѣмъ по-барски, и можно было помириться съ нѣкоторыми неудобствами. Да и самъ Додоновъ держался такимъ непреступнымъ божествомъ, что лучшаго и требовать было нельзя.

Любопытство труппы было удовлетворено, и Крапивинъ былъ спокоенъ за слѣдующую поѣздку. Додоновъ просто дурилъ, не зная, куда ему дѣвать свои милліоны. Ну, и пусть его дуришь... Антониды Васильевна молчала, но она только сейчасъ замѣтила бѣдную обстановку и своей квартиры, и театральной уборной. Она даже во снѣ видѣла *свою* уборную въ театрѣ Додонова, — да, это была *ея* уборная, устроенная именно для нея. У дѣвушки являлось неясное и глухое чувство недовольства, нежеланіе выдать свое душевное настроеніе, особенно Крапивину. Никогда она еще не чувствовала съ такою болѣзненной ясностью своего приниженаго положенія крѣпостной артистки, и что-то вродѣ зависти мелькнуло у нея къ другой обстановкѣ.

— А ты не слушай Павла-то Ефимыча. Совсѣмъ-то не слушай: онъ свое, а ты свое. У мужчинъ у всѣхъ одна повадка...

— Грѣшно, няня, тебѣ такъ говорить...

— Не про себя говорю, матушка. И въ глаза Павлу-то Ефимычу скажу... Мужчина-то куда захотѣлъ, туда и пошелъ, а дѣвушкѣ одна дорога.

— Какая?

— А такая... Будешь все знать, скоро состаришься.

Слѣдующая поѣздка оказалось веселѣе. Генералъ не пріѣхалъ, и Додоновъ послѣ спектакля пригласилъ всю труппу ужинать къ себѣ наверхъ. Все время на хорахъ играла музыка, и дамы были въ восторгѣ. Додоновъ сидѣлъ въ концѣ стола и весело разговаривалъ съ Антонидой Васильевной. Онъ самъ почти не пилъ никакого вина, но къ гостямъ былъ безпощаденъ — прислуживавшіе за столомъ лакеи не давали опустѣть ни одной рюмкѣ. Крапивинъ пилъ больше обыкновеннаго и дѣлалъ видъ, что очень доволенъ всѣмъ и всѣми. Только когда Фимушка выпила лишнее и чуть не заснула за столомъ, онъ поблѣднѣлъ и сморщился.

— Господа, не забудьте, что мы здѣсь ѣдимъ и пьемъ изъ милости, — объяснялъ Крапивинъ подгулявшимъ артистамъ. — Это печальная необходимость въ нашемъ положеніи, но нужно бояться прихлебательства и лакейства.

Въ слѣдующій разъ Додоновъ показалъ трупищъ свой собачій дворецъ и вообще всю охоту.

— Хотите посмотреть, какъ травать мѣдвѣдей?— предлагалъ онъ Антонидѣ Васильевнѣ.

— Ахъ, нѣтъ... Страшно!

— Ну, не такъ страшно, какъ можетъ показаться издали, — замѣтилъ онъ, прищуривая глаза. — Знаете, какое самое страшное изъ всѣхъ животныхъ?

— Тигръ?

— Нѣтъ.

— Левъ?

— Нѣтъ: человѣкъ.

Съ своими гостями Додоновъ вообще держался джентльменомъ. Правда, проскальзывала иногда обидная снисходительность, но онъ умѣлъ ее очень ловко ступевать. Когда генерала не было, въ театрѣ набиралось довольно много публики, и всѣ ложи были заняты. Появлялся старичокъ исправникъ, потомъ старшіе служащіе съ семьями. Додоновъ обыкновенно сидѣлъ въ ложѣ одинъ и на сцену не заглядывалъ.

— Гдѣ же гаремъ?—допытывалась любопытная Фимушка.

Актеры молчали, хотя и шептались между собой. Существованіе гарема было извѣстно всѣмъ и больше всего интересовало гостей, но никто и ничего не умѣлъ сказать. Улитушка пробовала заговаривать съ горничными, но тѣ прикидывались чуть не глухонѣмыми. Лысый старичокъ, — его звали Иваномъ Гордѣвичемъ, — былъ ласковъ попрежнему, но тоже молчалъ.

Этотъ Иванъ Гордѣвичъ, пріѣзжая въ городъ, непременно завертывалъ къ актерамъ. Онъ «барышнямъ» привозилъ конфеты, а мужчинъ угощалъ барскими сигарами. Особенно близко ласковый старичокъ сошелся съ Улитушкой и Яковомъ Ивановичемъ. Они запирались втроемъ и о чемъ-то подолгу бесѣдовали. Улитушка замѣтно скрытичала, а по вечерамъ отъ нея пахло иногда наливкою. Однажды Иванъ Гордѣвичъ забрался въ комнату Антониды Васильевны.

— Посмотрѣть на васъ завернулъ, ангелъ вы нашъ, — объяснилъ онъ. — Довольно-таки у насъ въ заводѣ про васъ разговоровъ... хе, хе!

— Неужели ужъ другихъ разговоровъ нѣтъ, какъ только про меня?

— Говоримъ обо всемъ... разное говоримъ, а подѣ конецъ и сведемъ на Антониду Васильевну. Ей Богу-съ...

— А для чего вы Улитушку наливкой поите?

— Что-то не упомяну-сь... При древности ихнихъ лѣтъ ихъ и безъ наливки вѣтромъ шатаеть, а старушка почтенная. Позвольте ручку поцаловать.

Антонида Васильевна подозрѣвала, что происходитъ что-то неладное, но что именно—не могла разгадать. Ее и занимало легкое ухаживанье Додонова, и вмѣстѣ дѣлалось страшно. Но, вѣдь, не съѣсть же онъ ее, въ самомъ дѣлѣ, а отчего не подурочить такого миллионера, привыкшаго къ легкимъ побѣдамъ? Пугало ее, между прочимъ, то, что Додоновъ славился силой: ломалъ подковы и ходилъ одинъ на медвѣдя, — что такому звѣрю стоило схватить ее и затащить куда-нибудь въ такой уголокъ своего дворца, откуда не выпарапашься? При каждомъ удобномъ случаѣ Улитушка старалась вернуть словечко за Додонова—вотъ баринъ, такъ настоящій баринъ, и все у него форменно.

— А зачѣмъ онъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ мучить, хорошій-то баринъ?—спорила съ ней Фимушка.—Набралъ ихъ чуть не сотню, да и заперъ подъ замокъ, какъ нащей.

— Ты еще этого и понимать не можешь: извѣстно, барское положеніе. Чего имъ, дѣвушкамъ твоимъ, сдѣлается: кормятъ, одѣваютъ, а потомъ и замужъ выдадутъ. Не бойсь, не убудетъ, что поживуть въ холѣ, да въ нѣгѣ. За счастье должны считатьъ, что вниманіе обратили на ихъ черную кость...

Въ Улитушкѣ сказалось старое рабье сердце, хотя она и сама въ дни своей юности не мало износила горя отъ такого барскаго вниманія.

Послѣдняя суббота передъ Рождествомъ осталась въ памяти Антонида Васильевны навсегда. Въ господскомъ домѣ опять ждали генерала, и артисты слонялись изъ угла въ уголокъ безъ всякаго дѣла. Особенно скучали артистки, которымъ положительно было некуда дѣваться. Актеры въ такихъ случаяхъ обыкновенно забирались во флигель къ додоровскимъ музыкантамъ и тамъ коротали время за графиномъ съ водкой. Зимній вечеръ тянулся безъ конца. Фимушка, по обыкновенію, спала, другія актрисы тоже дремали. Одна Улитушка старалась бодрствовать, что стоило ей громадныхъ усилій: послѣ мороза старуху такъ и позывало всхрапнуть часикъ-другой. Антонида Васильевна сидѣла у стола и читала какую-то роль для праздничныхъ спектаклей. Чья-то легкая руна притронулась къ ея плечу и заставила оглянуться, — это была низенькая старушка въ старинномъ сарафанѣ съ серебряными пуговицами. Она глазами показала на дремавшую Улитушку и знаками пригласила слѣдовать

за собой. Въ первую минуту дѣвушка не согласилась, но потомъ махнула на все рукой: одолѣла скука... Да и старушка такая приличная на видъ, а Додоновъ сидитъ въ кабинетѣ съ Брапивинимъ. Старушка, какъ тѣнь, повела ее за собою.

— Куда вы меня ведете?—спрашивала Антонида Васильевна, когда онѣ очутились въ корридорѣ.

— Милушка ты моя, не бойся...—ласково шептала старушка.—Послали меня за тобой... Пелагея Силантьевна прислала, потому давно ей охота тебя повидать.

— Какая Пелагея Силантьевна?

— А вотъ увидишь какая... Только бы этотъ змѣй намъ не встрѣтился, Иванъ Гордѣичъ. Сживетъ онъ меня со свѣту...

Безвыходное положеніе ласковой старушки тронуло Антониду Васильевну, и она пошла за ней, догадываясь, куда та ее вела. Минувавъ большой корридоръ, онѣ свернули куда-то налѣво, потомъ поднялись во второй этажъ и опять пошли по корридору. Видимо, ихъ ждали, и невидимая рука отворила дверь въ концѣ корридора.

— Ну, вотъ и пришли, слава Богу,—уже весело заговорила старушка и повела гостью за руку черезъ рядъ низенькихъ и жарко натопленныхъ комнатъ.

Бругомъ была самая скромная семейная обстановка. Обтянутая дешевенькимъ ситцомъ мебель, выкрашенные сѣрою краской стѣны, цвѣты—и только. На встрѣчу изъ одной комнаты показалась невысокаго роста, худенькая дама и сдѣлала старушкѣ знакъ оставить ихъ однѣхъ.

— Извините, что я васъ побезпокоила,—заговорила она пріятнымъ и свѣжимъ голосомъ, который совсѣмъ ужъ не гармонировалъ съ ея истомленнымъ, худымъ лицомъ и тонкими, какъ плети, руками.—Вы не сердитесь?

— Нѣтъ... вы желали меня видѣть?

Хозяйка усадила гостью на маленькій диванчикъ и все смотрѣла на нее своими неестественно горѣвшими глазами.

— Неужели вы ничего не слышали про Пелагею Силантьевну?—спрашивала она, едва удерживаясь отъ желанія расцѣловать гостью.—А мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, видѣть совсѣмъ близко. Какая вы красивая... свѣжая... Я всего разъ видѣла васъ, и то издали—въ первый спектакль. Но о васъ столько говорятъ... я первая безъ ума отъ васъ... помните, какъ вы тогда пѣли?... Я, вѣдь, то же прежде мѣла...

Хозяйка не давала гостѣ сказать слова и все говорила сама, говорила торопливо, точно боялась чего-то не досказать. Время

отъ времени она схватывала руку Антонида Васильевны и прикладывала ее къ своей груди.

— Слышите, какъ сердце бьется... точно птица? О, я скоро умру, и лучше... А, вѣдь, я тоже была красивая, — не такая, какъ вы, но могла нравиться...

Пелагея Силантьевна откровенно рассказала о себѣ все: она дочь чиновника, бѣднаго маленькаго петербургскаго чиновника, и познакомилась съ Додоновымъ лѣтъ десять тому назадъ, когда поступила швеей къ его матери. За работой она всегда пѣла, и голосъ ее погубилъ... У Додонова всегда былъ цѣлый штатъ любовницъ, но она его полюбила и теперь еще любить.

— Вы, можетъ быть, хотите взглянуть на его теперешнихъ фаворитокъ? — неожиданно предложила она и, не дожидаясь отвѣта, что-то шепнула ласковой старушкѣ, вынырнувшей точно изъ-подъ земли. — Это будетъ для васъ интересно... а потомъ Галактіоновна васъ проводитъ, другимъ ходомъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь.

Въ корридорѣ скрипнули двери и послышались легкіе шаги. Антонида Васильевна не знала, куда ей дѣваться: и посмотрѣть ей хотѣлось додоновскихъ красавицъ, и какъ-то дѣлалось совѣстно. Вѣдь, имъ, навѣрное, будетъ неловко передъ постороннимъ человекомъ. А въ сосѣдней комнатѣ уже слышался смѣхъ и шушуканье, и ворчаніе Галактіоновны, терявшееся въ сдержанномъ шумѣ голосовъ. Когда Антонида Васильевна вышла въ гостиную, у ней зарябило въ глазахъ, — такъ много было дѣвушекъ. Много было красивыхъ и молодыхъ лицъ, но красавицы ни одной, и всѣ одѣты очень скромно, какъ небогатые швейки. Онѣ смотрѣли на актрису во всѣ глаза и только двѣ дѣвушки прятались назадъ.

— Это новенькія... — шепнула Пелагея Силантьевна. — Еще не успѣли привыкнуть.

Всѣхъ дѣвушекъ было пятнадцать и Пелагея Силантьевна называла ихъ въ глаза мастерицами.

— Хотите посмотрѣть дѣвичью? — предлагала она.

— Если это никого не стѣснить.

— У насъ не-просто, безъ стѣсненій.

«Дѣвичья» состояла изъ ряда комнатъ, обставленныхъ еще скромнѣе квартиры Пелагеей Силантьевны. Получалось что-то вродѣ меблированныхъ комнатъ. Въ каждой кровать, коммодъ съ зеркаломъ и нѣсколько стульевъ. На всѣхъ окнахъ занавѣски. Дѣвушки сначала дичились гости, а потомъ самыя смѣлыя даже начали разговаривать съ ней. Была и общая комната, въ которой жили дѣ-

вушки, получившія отставку. Въ другой такой же общей комнатѣ поѣщались кандидати въ дѣвичью, — ихъ долго мыли и чистили, учили манерамъ и умѣнью одѣваться, прежде чѣмъ представить владыкѣ. Одна комната была заперта, и Антонида Васильевна заинтересовалась узнать, что здѣсь находится.

— А это такъ... на всякій случай, — уклончиво отвѣтила Пелагея Силантьевна, моргая глазами въ сторону толпившихся дѣвушекъ.

— Барцеръ? — догадывалась Антонида Васильевна.

— Почти... вообще, когда нужно отдѣлать кого-нибудь. Наказаній у насъ не полагается, а домашнія мѣры...

По знаку Пелагеи Силантьевны всѣ дѣвушки разошлись по своимъ мѣстамъ. Антонида Васильевна стала прощаться. У ней такъ было грустно и тяжело на душѣ.

— Посидѣли бы вы, голубчикъ, — умоляла хозяйка. — Если бы вы знали, какъ мы здѣсь всѣ любимъ васъ... Когда вы поете, всѣ дѣвушки слушаютъ васъ изъ зимняго сада. Въ театръ имъ нельзя показаться, такъ хоть издали послушаютъ... Онѣ меня умоляли пригласить васъ сюда.

— Очень рада... я не знала этого раньше.

— А вы обратили вниманіе на послѣднюю привязанность Виссаріона Платоныча? Представьте себѣ, совсѣмъ какая-то замарашка, а ему нравится... Конечно, она еще дѣвчонка, ей нѣтъ и шестнадцати лѣтъ, но, все-таки, странный вкусъ.

На прощанье Пелагея Силантьевна взяла съ гостыя слово, что она еще какъ-нибудь завернетъ къ нимъ въ дѣвичью. Старая Галактионовна провела ее обратно черезъ второй этажъ, парадными комнатами. Дордогой она спросила Антониду Васильевну:

— Ты сегодня опять пѣть будешь?

— Буду...

— Спой ты што-нибудь жалобное, голубушка ты наша, — самое жалобное. Это мнѣ дѣвушки наказывали тебя попросить... Въ ножки, говорятъ, поклонись соловушкѣ.

— Хорошо, хорошо...

Кажется, еще никогда Антонида Васильевна не пѣла такъ хорошо, какъ въ этотъ вечеръ. Генераль и Додоновъ аплодировали, а она не заставляла себя просить и начинала снова пѣть. Кончилось это тѣмъ, что ей сдѣлалось дурно.

— Зачѣмъ такъ насилловать себя? — ворчалъ Крапивинъ, ухаживавшій за нею съ какими-то спиртами. — Это неблагоразумно, а этихъ дураковъ мы не удивимъ...

Дѣвушка не сказала, для кого она пѣла. Ее была лихорадка, и зубы выдѣлывали холодную дрожь. О, она знала, для кого пѣла, и благодарила Бога, что могла вылить свою душу... Пусть хоть въ пѣснѣ узнаютъ о волѣ, о любимомъ и дорогомъ человѣкѣ, о гурѣ и радости свободныхъ людей.

VII.

Додоновъ жилъ княземъ и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Краснослободскіе заводы давали ежегодно милліонъ рублей чистаго дивиденда. Поездка на Уралъ была одной изъ его дорогихъ фантазій. Въ Петербургѣ сидѣть надоѣло, за границей онъ успѣлъ пожить вездѣ, все видѣлъ и все испыталъ, что можно было купить на деньги. У него были три слабости: женщины, охота и музыка. Въ карты онъ не игралъ и вина почти не пилъ. По натурѣ онъ не былъ злымъ человѣкомъ, какъ не былъ и добрымъ. Жизнь велъ скорѣе уединенную и рѣдко гдѣ бывалъ. Половину дня онъ проводилъ за книгами: прекрасная библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ путешествовала всюду за нимъ. Владѣя тремя новыми языками, онъ могъ наслаждаться сокровищами всей европейской литературы. Прибавьте къ этому желѣзное здоровье, молодость, красивую наружность, — кажется, и желать больше ничего не оставалось, а Додоновъ былъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ и скучалъ, какъ сто нищихъ вмѣстѣ не могутъ скучать.

Сотни людей рабозѣпствовали передъ нимъ и жадно ловили каждый его взглядъ, а владыка боялся наступленія слѣдующаго дня, который принесетъ съ собою новую скуку. Единственная страсть, которая еще минутами согрѣвала его, была любовь къ женщинамъ. Но и здѣсь все являлось выстроеннымъ по извѣстному шаблону. Продажная красота уже давно не прельщала его, а свои крѣпостныя красавицы надоѣдали собачьей покорностью, — каждая новая женщина являлась только копіей предъидущей. Иногда Додоновъ начиналъ ненавидѣть всѣхъ женщинъ и не заглядывалъ въ дѣвичью по мѣсяцамъ. Единственнымъ исключеніемъ являлась Пелагея Силантьевна, отъ которой онъ никакъ не могъ избавиться. Она присосалась къ нему, какъ чужеродное растеніе, и онъ не могъ выпутаться. Это были самыя невозможныя отношенія. Додоновъ даже не могъ сказать, красива она или нѣтъ, какъ о самомъ себѣ. Его поражала кошачья живучесть этой женщины, преслѣдовавшей его, какъ собственная тѣнь. Она была съ нимъ то ласкова, то груба до дерзости и всегда полна жизни и внутренняго огня. Всего болѣе

Додонова удивляло то, что она его любила, и любила искренно. Былъ еще другой человек, который тоже любил его, — это лысый старичокъ Иванъ Гордѣевичъ. Поэтому, вѣроятно, старикъ и главная метресса ненавидѣли другъ друга всѣми силами души, что забавляло иногда Додонова.

— Ну, что новенькаго, премудрый Соломонъ? — спрашивалъ Додоновъ: онъ по-домашнему называлъ старика Соломономъ. — Когда ты женишься на Полѣ?...

— Это вы касательно Пелагеи Силантьевны?

— Да, касательно...

— Лучше ужъ я удавлюсь, Виссаріонъ Платонычъ... Это — аспидъ, а не баба. Ржавчина, купоросная кислота...

— Значить, ты ее боишься?

— Я?... Да я ее пополамъ перекушу.

Паша платила тою же монетою премудрому Соломону, и не одинъ разъ у нихъ дѣло доходило до рукопашной. Додоновъ смотрѣлъ на нихъ и улыбался, какъ надъ иллюстраціей человѣческаго ничтожества. Жизнь, полная бездѣлья и всякихъ излишествъ, очень рано выработала изъ него дешеваго философа-пессимиста. Чужія страданія не трогали его душу, а правды для него не было на свѣтѣ. Все шло, какъ этому нужно было идти, и все пойдетъ, какъ тому должно быть. Каждый человекъ — жалкая пѣшка въ игрѣ невидимой руки. Гарунъ-Аль-Рашидъ насчиталъ въ своей жизни четырнадцать счастливыхъ дней, а Гёте всего одну четверть часа, да и эти сче-ты были сдѣланы подъ старость и едва ли соответствовали истинѣ. Изъ чего же хлопотать, работать, убиваться?

Живымъ человекомъ Додоновъ чувствовалъ себя только на охотѣ, когда шелъ съ рогатиной на медвѣдя. Нужно было чѣмъ-нибудь встряхнуть притупленную нервную систему, и тутъ являлись такія ощущенія, какихъ не переживалъ ни одинъ нѣмецкій философъ. Но теперь и охота не тѣшила Додонова. Въ послѣдній разъ на медвѣжьей облавѣ онъ промазалъ по матерому звѣрю въ пятнадцати шагахъ и только махнулъ рукой, когда медвѣдь пошелъ на утекъ. Главный медвѣжатникъ Никита даже обругалъ барина за оплошку и добилъ краснаго звѣря уже самъ.

— Шкуру ты сvezeshъ туда... въ городъ... — устало приказывалъ Додоновъ премудрому Соломону. — Да чтобы голова была набита, какъ живая.

Эта медвѣжья шкура появилась на полу уборной Антонида Васильевны въ городскомъ театрѣ. Никто не видалъ, какъ она пала туда, но всѣ знали, откуда явился такой подарокъ.

Охота была заброшена, и скучавшія безъ дѣла собаки были по ночамъ въ своемъ собачьемъ дворцѣ. Привезенные для травли живые медвѣди тоже лежали по клѣткамъ самымъ мирнымъ образомъ. А Додоновъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и только по вечерамъ отдавалъ приказъ, чтобы въ главной залѣ играла музыка. Оркестръ игралъ въ пустыхъ комнатахъ, а Додоновъ лежалъ у себя въ кабинетѣ и слушалъ. Онъ закрывалъ глаза и старался вызвать любимую женскую тѣнь, которая отъ субботы до субботы бредила по его пустовавшему дворцу. Премудрый Соломонъ только вздыхалъ, безсильный помочь барскому горю.

Когда онъ являлся изъ города, Додоновъ спрашивалъ его нѣмымъ взглядомъ своихъ усталыхъ большихъ глазъ.

— Плохо, Виссаріонъ Платонычъ... — уныло докладывалъ вѣрный рабъ. — Поперекъ дороги всталъ этотъ проклятый Брапивинъ.

— Я ее куплю, если на то пошло, — отвѣчалъ Додоновъ.

— Это бы вѣрнѣе, Виссаріонъ Платонычъ...

— Убирайся, дуракъ!

Купить вѣрностную примадонну дѣло было самое легкое, но не этого ждалъ Додоновъ. У него своихъ красавицъ непочатый уголь. Ему хотѣлось, чтобы Антонида Васильевна сама его любила. Чѣмъ онъ хуже какого-нибудь несчастнаго Брапивина? Додоновъ нѣсколько разъ приглашалъ антрепренера къ себѣ въ кабинетъ и подолгу разговаривалъ съ нимъ: ничего особеннаго въ немъ нѣтъ и даже старше его лѣтъ на пять. Конечно, онъ постоянно у ней на глазахъ; наконецъ, она находится въ извѣстной отъ него зависимости, но это все были пустяки.

Разъ вечеромъ Иванъ Гардѣевичъ явился съ таинственнымъ видомъ, какъ собака, учуявшая дичь. Онъ даже облизывался отъ удовольствія.

— Что скажешь, премудрый Соломонъ?

— Суета суетствій, Виссаріонъ Платонычъ, и всяческая суета...

— Только-то?... Ну, не особенно много даже для мудрости Соломона...

— А есть и еще вѣсточка одна...

Старикъ осторожно оглянулся кругомъ и, подеравшись къ самому уху владыки, прошепталъ:

— Антонида Васильевна въ прошлый разъ была въ нашей дѣвичьей.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно-съ... И всѣхъ вашихъ метресокъ видѣла. А надвела ее Пелагея Силантьевна...

Додоновъ вскочилъ, какъ ужаленный, и даже замахнулся на старика.

— Убейте, на мѣстѣ убейте, — шепталъ съежившійся отъ страха Соломонъ, — а было дѣло... Всю дѣвичью обошла и обо всемъ разспрашивала. Теперь какъ я къ нимъ на глаза-то покажусь?

— Позвать Полю сюда!

Когда явилась къ отвѣту Пелагея Силантьевна, Додоновъ встрѣтилъ ее отборною руганью, размахивая руками подь самымъ ея носомъ. Иванъ Гордѣвичъ подслушивалъ происходившую бурю сейчасъ за дверями и улыбался. Что онъ съ ней разговариваетъ? Батагъ бы прямо съ уха - на - ухо или отдалъ бы въ его распоряженіе...

— Для чего ты это дѣлала, а?! — ревѣлъ Додоновъ, наступая на Пелагею Силантьевну. — Ты хочешь отмолчаться, змѣя... Нѣтъ, я изъ тебя жилы вытяну, на конюшню пошлю...

— Виссаріонъ Платонычъ...

— Молчать!... Да мнѣ на всю дѣвичью наплевать... слышала?... Мнѣ надоѣла вся эта ваша гадость, да!... Я знаю, чего ты добивалась: пусть-де актриса посмотритъ, какъ Виссаріонъ Платонычъ развратничаетъ, да?... Такъ?... Ты боялась новой соперницы, да?... Такъ знай же, что ты сдѣлала себѣ же хуже...

Едва замѣтная улыбка скользнула по безкровнымъ губамъ Пелагеи Силантьевны, и она смѣло посмотрѣла въ глаза Додонову.

— Вы забываете только одно, Виссаріонъ Платонычъ, — заговорила она увѣреннымъ тономъ, — что за вами есть и еще кое-что, кромѣ дѣвичьей...

— А, ты желаешь пугать меня... Вонъ!

— Вы лучше убейте меня, а пока я жива...

Додоновъ сильно позвонилъ. Когда на звонокъ высочилъ Иванъ Гордѣвичъ, онъ, не глядя на обоихъ, проговорилъ всего одно грозное слово:

— На конюшню!

— Я не ваша крѣпостная! — кричала Пелагея Силантьевна, стараясь отбиться отъ Ивана Гордѣвича. — Я не позволю обращаться съ собой какъ съ крѣпостною дѣвкой...

— Двойную порцію этой змѣѣ! — спокойно продолжалъ Додоновъ. — Я за все отвѣчаю...

Когда барахтавшуюся и кричавшую Пелагею Силантьевну вытащили изъ кабинета и когда смолкъ на лѣстницѣ поднятый этой возней шумъ, Додоновъ опять позвонилъ. Въ дверяхъ витанулся

лакей въ русской поддевѣ. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ по комна-
тѣ, Додоновъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— Извоили звонить-съ...

— Я? Ахъ, да... Иди скорѣе на конюшню и скажи, чтобы от-
пустили Полю сейчасъ же.

— Слушаю-съ.

Какъ ни торопился Иванъ Гордѣвичъ исполнить барское прика-
заніе, но не успѣлъ. Пелагею Силантьевну дотащили уже до кор-
пуса конюшенъ, гдѣ происходили всякія экзекуціи, и высочили уже
конюха, какъ прибѣжалъ во весь духъ лакей и остановилъ гото-
вившееся жестокое дѣло. У Ивана Гордѣвича опустились руки: все
было готово, какихъ-нибудь десять минутъ и—Пелагея Силантьевна
не ушла бы изъ конюшни на своихъ ногахъ, а тутъ вдругъ... Ста-
рикъ опрометью бросился наверхъ, чтобы провѣрить лакея.

— Оставить Полю, а мнѣ лучшую тройку,—приказалъ Додо-
новъ, не смотря на премудраго Соломона.

Вся дѣвичья замерла отъ страха, когда Пелагею Силантьевну
принесли изъ конюшни на рукахъ. Ей сдѣлалось дурно и Галакті-
онова долго хлопотала около больной, растирая ее разными сна-
добьями. Когда Пелагея Силантьевна пришла въ себя, она долго
хохотала и плакала, какъ сумасшедшая,—съ ней истерика про-
должалась всю ночь.

— Онъ меня узнаетъ... Я ему покажу... ха, ха!...—залива-
лась она, кусая зубами подушку.—Пусть бьютъ... я не крѣпостная.

VIII.

Лучшая сѣрая тройка вихремъ неслась въ Загорье, а Додоновъ
все погонялъ. Сѣдой старикъ-гучеръ, лучший наѣздникъ, не жалѣлъ
лошадей: все равно—тройка пропала. Черезъ два часа показался
городъ, и загнанная тройка остановилась у театральной квартиры.
Додоновъ вбѣжалъ прямо во второй этажъ. Крапивина, къ несчастью,
не было дома, и Улитушка, попробовавшая загородить дорогу, отле-
тѣла въ уголь, какъ ворона.

— Мнѣ нужно видѣть Антониду Васильевну,—потребовалъ До-
доновъ, располагаясь въ залѣ, какъ у себя дома.

— Она не одѣта,—доблаживала перепуганная горничная.

— Я подожду.

Антонида Васильевна учила роль, когда горничная прибѣжала
сказать ей о неожиданномъ гостѣ. Дѣвушка даже не удивилась, точно-

она ждала Додонова. Одѣвшись въ простенькое домашнее платье и поправивъ волосы передъ зеркаломъ, она вышла въ залу такая спокойная и самоувѣренная. Додоновъ сидѣлъ на диванѣ, низко опустивъ голову. Скрипъ отворившейся двери заставилъ его оглянуться.

— Вы меня желаете видѣть? — проговорила Антонида Васильевна, не протягивая руки.

— Да.

— Что вамъ угодно?

Додоновъ нетерпѣливо оглянулся и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Не беспокойтесь, насъ никто не будетъ подслушивать, — предупредила его Антонида Васильевна.

— Раньше я не рѣшался объяснитьсь съ вами, но вы сами дали поводъ... — началъ Додоновъ, трогая усы.

— Именно?

— Вы понимаете, про что я говорю... Вы видѣли и знаете все и, какъ порядочная женщина, какъ дѣвушка, не можете не презирать меня.

— Совершенно вѣрно. Я могу только удивляться вашему присутствію вотъ здѣсь.

— Я васъ не задержу. Замятьте: вы первая дали мнѣ поводъ! Вы знаете меня съ самой дурной стороны, и я пріѣхалъ сказать вамъ, что... что я, дѣйствительно, дурной человѣкъ.

— И только?

По странному тону Антонида Васильевна приняла Додонова за пьянаго, да и глаза у него были красные.

— Нѣтъ, не только! — уже рѣзко заговорилъ онъ. — Я былъ дурной человѣкъ до встрѣчи съ вами... У меня открылись глаза, и я самъ презираю себя. Богатые, избалованные люди вездѣ одинаковы, съ тою разницей, что дѣлаютъ гадости съ большею или меньшею степенью откровенности. Я откровеннѣе другихъ... Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы я былъ другимъ человѣкомъ.

— Другимъ вы не будете, Виссаріонъ Платонычъ, а меня вы оставьте въ покоѣ... Если вы желаете откровеннаго мнѣнія о себѣ, то узнайте: я васъ ненавижу.

Додоновъ разсмѣялся и прищурилъ глаза. Смѣлая рѣчь крѣпостной примадонны еще сильнѣе разожгла его страстное чувство.

— А если я васъ куплю, какъ крѣпостную? — прошепталъ онъ.

— Никогда этого не будетъ.

— Ага, увидимъ...

— Я отравлюсь, даю вамъ мое честное слово. Лучше честная смерть, чѣмъ позорная жизнь... Отъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ

вы держите въ своей дѣвичьей, вы этого не услышите, такъ выслушайте отъ меня.

— Вы жестоко раскаетесь въ своихъ словахъ.

— Никогда. До свиданія.

Додоновъ вскочилъ и умоляюще протянулъ руку впередъ.

— Еще одно слово, — шепталъ онъ, жѣняя тонъ. — Нѣтъ такого страшнаго грѣшника, который не могъ бы заслужить прощенія... Я еще не встрѣчалъ дѣйствительно порядочной женщины. Во мнѣ всегда видѣли только деньги и деньги... Дѣйствительнаго чувства, серьезной привязанности я не зналъ до сихъ поръ. Не заставляйте меня дѣлать новую несправедливость. Я сдаюсь на всѣ ваши условія, и нѣтъ такого желанія, которое не было бы исполнено сейчасъ же.

Антонида Васильевна показала молча на дверь. Додоновъ поклонился, быстро повернулся и вышелъ. Спускаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтился съ Крапивинымъ, но не узналъ его. Крапивинъ остановился и проводилъ его глазами до экипажа, а затѣмъ быстро сбѣжалъ во второй этажъ.

— Какъ разбойникъ ворвался, — докладывала шепотомъ Улитка, — а Тонюшка его приняла по-своему... Не понравилось, вотъ и бѣжалъ.

Антрепренеръ пробѣжалъ прямо въ комнату Антонида Васильевны. Дѣвушка лежала за ширмочкой на своей кровати и горько рыдала.

— Что случилось, Антонида Васильевна?

— То, что должно было случиться.

— Додоновъ предлагалъ вамъ что-нибудь?

— Все... на выборъ... Я сказала, что лучше отравлюсь.

— Дитя мое, потерпите. Сегодня я получилъ письмо отъ вашего помѣщика, съ которымъ веду переговоры относительно вольныхъ всей труппѣ. Да...

— И что же?

— Слава о вашихъ успѣхахъ, къ несчастью, предупредила мое письмо, и онъ требуетъ за одну вашу свободу десять тысячъ.

Въ отвѣтъ слышались новыя рыданія. Крапивинъ схватилъ себя за голову и молчалъ. Въ окно, разрисованное морозомъ, смотрѣлся уже ранній зимній вечеръ. Откуда-то издалека доносился жалобный благовѣстъ. Антонида Васильевна оставалась за ширмочкой и тяжело всхлипывала. Да, она крѣпостная и съ ней могутъ сдѣлать все, что захотятъ. Зачѣмъ же ее учили, зачѣмъ въ

ея роляхъ говорится о какой-то свободной жизни, о любви и радостяхъ? Кругомъ такъ темно и не видно просвѣта.

— Я думаю обратиться къ генералу, — заговорилъ Крапивинъ послѣ длинной паузы. — Старикъ добръ...

— Что изъ этого выйдетъ?

— Во-первыхъ, необходимо отдѣлаться отъ Додонова, а, во-вторыхъ... вообще, нужно же что-нибудь дѣлать.

— О Додоновѣ не беспокойтесь: онъ во второй разъ не придетъ.

Въ послѣднее время между Антониной Васильевной и Крапивинимъ установились немного натянутыя отношенія и она, видимо, избѣгала откровенныхъ разговоровъ съ нимъ. Определеннаго повода къ такому положенію не было, но дѣвушка инстинктивно стала держаться подале, точно провѣряя самоѣ себя. Вѣдь, она его не любила, — зачѣмъ же мучить челоуѣка напрасно? Крапивинъ, кажется, догадывался о душевномъ настроеніи своей любимицы и старался не лѣзть въ глаза. Онъ полагался на время. Вѣдь, она еще такъ молода и многого не въ состояніи понять. Даже въ отношенія къ Додонову онъ не желалъ вмѣшиваться, — пусть сама оцѣнитъ, кто и чего стоить. Эти слезы послѣ визита Додонова служили лучшимъ доказательствомъ, что онъ, Крапивинъ, разсчиталъ вѣрно. Конечно, было извѣстное увлеченіе обстановкой и разсказами о Додоновѣ, но это пройдетъ само собой, только не нужно навязываться съ своею собственною особой.

Вопросъ о выкупѣ крѣпостныхъ актрисъ не давалъ покоя Крапивину. Если ужъ теперь помѣщикъ требуетъ за одну Антониду Васильевну десять тысячъ, то отчего ему не назначить пятьдесятъ, — произволу нѣтъ границъ и конца. Иногда Крапивину приходила мысль обратиться къ Додонову: что ему значило выкинуть какихъ-нибудь двадцать тысячъ! Эта сумма давила теперь антрепренера, какъ тяжелый камень. Были, конечно, богатые люди въ Загорѣ, особенно въ средѣ золотопромышленниковъ, но какъ къ нимъ обратиться, когда раскольниковыя попы и начетчики считаютъ театръ бѣсоугодною пляской? Оставалось ждать и сколачивать средства изъ своихъ театралныхъ грошей. А время уходитъ и вмѣстѣ съ нимъ день за днемъ подтачиваются силы. Крапивинъ хватался за свои рѣдѣвшія кудри и приходилъ въ отчаяніе. Недоставало только этой исторіи съ Додоновымъ.

Слова Антонины Васильевны не сбылись: Додоновъ не оставилъ ее въ покоѣ. Онъ теперь почти каждый день являлся въ спектакль и занималъ свое обычное мѣсто въ первомъ ряду. Когда былъ назначенъ бенефисъ Антонины Васильевны, — это былъ первый ея

бенефисъ, — онъ послалъ ей за свое мѣсто тысячу рублей и букетъ изъ бѣлыхъ камелій.

— Я ему возвращу эти деньги... — заявила Антонида Васильевна.

— Нѣтъ, не возвращайте, — совѣтовалъ Крапивинъ. — Пусть онъ пойдутъ на ваше освобожденіе изъ крѣпостной зависимости... Додонову не все ли равно, куда ни бросать деньги, а здѣсь онъ, по крайней мѣрѣ, пойдутъ на хорошее дѣло.

Антонида Васильевна ничего не отвѣтила и только задумалась. Обстоятельства такъ складывались, что ей точно нельзя было избавиться отъ Додонова. Вотъ и Крапивинъ совѣтуетъ взять деньги... Послѣ того, что она наговорила ему тогда, другой на его мѣстѣ и носу не показалъ бы въ театръ, а онъ еще букетъ посылаетъ. Эта настойчивость интриговала ее: можетъ быть, Додоновъ и не такой человѣкъ, какимъ кажется. И няня Улитушка то же говорить... Принявъ деньги, Антонида Васильевна сочла себя обязанной приколоть одну камелію къ своему бѣлому платью. Она была необыкновенно эффектна въ этотъ вечеръ и на безконечные вызовы пропѣла лучшіе нумера въ своемъ репертуарѣ.

— Если бы я былъ помоложе, полковникъ... — повторилъ нѣсколько разъ генералъ, подмигивая Додонову. — Вѣдь, это бриллиантъ!...

— Рѣдкіе камни, ваше превосходительство, требуютъ слишкомъ дорогой оправы, — отшучивался Додоновъ.

По желанію генерала, была устроена подписка и бенефицианткѣ поднесли нѣсколько золотыхъ бездѣлушекъ: два браслета, брошь и серьги. Послѣ спектакля въ уборной Антонида Васильевна набралось много поклонниковъ и въ томъ числѣ генералъ съ Додоновымъ. Крапивинъ велѣлъ подать шампанскаго, — пиръ, такъ пиръ.

— Въ наше время пили шампанское изъ башмачковъ красавиць... — шутилъ генералъ, чокаясь съ Антонидой Васильевной.

— Какъ хозяйка, по русскому обычаю, я желаю васъ поцѣловать, ваше высокопревосходительство... — заявила бенефициантка, покраснѣвъ отъ собственной смѣлости.

— Спасибо... Это ужъ совсѣмъ по-семейному.

Генералъ поцѣловалъ хорошенькую актрису при звукахъ торжественнаго туша и громкихъ аплодисментахъ набравшейся въ уборной публики. Молчалъ одинъ Додоновъ. Онъ держался какъ-то въ сторонѣ, какъ виноватый. Эта покорность польстила Антонидѣ Васильевнѣ. Да и она сегодня была такъ счастлива, какъ еще ни-

когда, а этот Додоновъ походилъ на школьника, поставленнаго въ уголъ. Даже генераль замѣтилъ это и проговорилъ:

— Что ты, братецъ, какъ мокрая курица?... Можетъ быть, мнѣ завидуешь?

— У меня сегодня въ чужомъ пиру похмѣлье, ваше превосходительство—отвѣтилъ Додоновъ и сейчасъ же началъ прощаться.

— Какой онъ странный...—удивлялся старикъ, когда Додоновъ вышелъ.— Право, очень странный. Не такъ ли, Гоголенко?

— Совершенно странный, ваше высокопревосходительство.

— А, между тѣмъ, полковникъ... богатъ... молодъ...

Развеселившійся генераль заставилъ Антонида Васильевну поцѣловаться и съ Крапивинимъ, что та исполнила очень неохотно. Крапивинъ былъ этимъ огорченъ и замѣтно надулся, но дѣвушка чувствовала себя слишкомъ счастливой, чтобы замѣчать чужое настроеніе. Дома его ожидала другая неприятность: комната Антониды Васильевны во время спектакля была убрана за-ново. Бровать изъ краснаго дерева была покрыта одѣяломъ изъ бухарскаго шелка, китайская ширмочка служила для нея точно экраномъ; роскошный туалетъ, зеркало въ настоящей серебряной рамѣ, коверъ на полу, мягкій диванчикъ, обитый голубымъ атласомъ, — словомъ, все за-ново. Конечно, это устроилъ Иванъ Гордѣевичъ, пока шелъ спектакль, и объ этой затѣѣ знала впередъ одна Улитушка. Отъ старухи сегодня пахло наливкой сильнѣе обыкновеннаго. Крапивинъ совсѣмъ взбѣсился, когда узналъ все.

— Я этого не могу позволить!—кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ.—Я антрепренеръ и всѣ артистки у меня на отвѣтственности.

Антонида Васильевна молчала. Ей сдѣлалось жаль, когда стали выносить изъ комнаты додоновскіе подарки и поставили на мѣсто старую мебель. Торжество закончилось для нея слезами. Она не могла даже дать отчета самой себѣ, о чемъ плакала. Въ душѣ накипѣло такое обидное и нехорошее чувство: зачѣмъ она крѣпостная, подневольная актриса, зачѣмъ Додоновъ такой богатый и дурной человѣкъ?... Гдѣ-то въ глубинѣ души у ней шевельнулось чувство къ нему, и она сама испугалась, какъ человѣкъ, который неожиданно очутился на краю пропасти. Но, съ другой стороны, что она сдѣлала такое, чтобы сердиться на нее, какъ дѣлаетъ Крапивинъ?... И Крапивинъ тоже нехорошій человѣкъ, потому что думаетъ только о себѣ. Да, онъ эгоистъ, этотъ Крапивинъ.

— Ишь какъ расходился!—ворчала Улитушка, раздѣвая свою «шпитонку», какъ она называла всѣхъ своихъ воспитанницъ.—Небилъ помѣшала... Вѣдь она, небиль-то, не виновата. А ты бы

завелъ самъ такую-то... Додоновъ баринъ настоящій, ничего не пожалѣеть.

— Няня, будетъ тебѣ... — оговорила ее Антонида Васильевна, лежа въ постели.

— А всегда скажу... Тоже съ меня не голова снята. Да... форменный баринъ.

Явилось еще одно обстоятельство, которое тоже неприятно дѣйствовало на Антониду Васильевну. Другія актрисы завидовали ей, а откровенная Фимушка высказала это слишкомъ ужь прямо. Эта зависть отравила бенефицианткѣ ея торжество окончательно, и она даже швырнула свои подарки на полъ.

— Ну, Милитриса Кирбитьевна, ты не очень швыряй, — ворчала на нее Улитушка, подбирая футляры. — Тоже не щепки, а деньги плачены... Вонъ Фимушка-то что говорить: «Я бы, говорить, прямо убѣжала къ Додонову». Умокъ-то у ней не великъ, а тоже придумала.

Крапивинъ въ это время ходилъ у себя въ мезонинѣ изъ угла въ уголъ, какъ попавшій въ засаду волкъ. Тагъ-то цѣнять его работы, его честность, его преданность одному искусству... Достаточно показать нѣсколько блестящихъ побрякушекъ и шелковыхъ тряпокъ, чтобы разрушить всю его работу. Нѣтъ, онъ такъ дешево не продастъ себя. То неприятное чувство, которое онъ пережилъ сегодня, начало мучить, какъ напрасная тяжесть. Ему захотѣлось сказать что-нибудь ласковое Антонидѣ Васильевнѣ, — пусть день кончится для нея мирно. Онъ спустился во второй этажъ и постучалъ въ двери комнаты своей любимицы.

— Антонида Васильевна, вы спите?

Отвѣта не послѣдовало: примадонна сердилась, и Крапивинъ, улыбнувшись, побрелъ въ свой мезонинъ.

IX.

Съ Антонидой Васильевной происходило что-то странное: она начала задумываться и скучать. По субботамъ труппа, попрежнему, убѣжала въ Краснослободскій заводъ. Додоновъ былъ предупредителенъ, вѣжливъ — и только. Онъ только разъ спросилъ Антониду Васильевну, правда ли, что его подарки выброшены изъ комнаты.

— Да, правда, — отвѣчала она, опустивъ глаза.

— Это было ваше собственное желаніе?

— И да, и нѣтъ... Сначала мнѣ не хотѣлось разставаться съ такими хорошими вещами, но потомъ я поняла, что принимать такіе дорогіе подарки неприлично...

— Почему?

— Потому, что нужно умѣть за нихъ заплатить, а что можетъ дать крѣпостная актриса?... Кроме этого, съ вашей стороны было просто не деликатно обязывать бѣдную, трудящуюся дѣвушку такими денежными подарками. Поставьте себя на мое мѣсто и скажите, какъ вы поступили бы?

— Я?... Я сказалъ бы, что этого слишкомъ мало... да! Развѣ можно заплатить деньгами за то наслажденіе, которое доставляется талантомъ?... Нищимъ являюсь я, а не вы... Своимъ пѣніемъ, своею игрою вы будите во мнѣ живаго человѣка... Вѣдь, это называется воскресеніемъ изъ мертвыхъ.

Они сидѣли одни въ большой гостиной, гдѣ со стѣны смотрѣли хмурые фамильные портреты. Теперь Антонида Васильевна нисколько не боялась Додонова и спокойно ходила по всемъ комнатамъ, кроме дѣвичьей. Ловкій Иванъ Гордѣвичъ умѣлъ такъ устроить дѣла, что Крапивинъ не мѣшалъ этимъ tête-à-tête. Въ тяжелой обстановкѣ барскаго стараго дома Антонида Васильевна являлась для Додонова блуждающимъ солнечнымъ лучомъ, который на мгновеніе освѣщалъ его темную жизнь и исчезалъ. Она и сейчасъ сидѣла на бархатномъ диванѣ такая красивая, свѣжая и столько было чарующей прелести въ этой бѣлокурой грѣзовской головкѣ, глядѣвшей прямо въ душу Додонову своими сѣрыми лучистыми глазами. У ней являлось желаніе помучить этого пресытившагося человѣка, и она замѣтно оживлялась въ его присутствіи.

— Вы меня презираете, Антонида Васильевна?—спросилъ Додоновъ тихо и протянулъ свою руку къ ея рукѣ.

— Да, да... Мнѣ дѣлается гадко, когда я подумаю о вашей жизни. Бывшій офицеръ, образованный человѣкъ и такъ погрязнуть... Я удивляюсь, какъ можно унижить себя до такой степени? Есть просто извѣстная порядочность, которая не позволяетъ дурнымъ людямъ дѣлать гадости.

— Но если нѣтъ руки, которая вывела бы изъ этой обстановки, если нѣтъ отвѣта на самое святое чувство и если этимъ человѣка заставляютъ дѣлать новыя гадости?

— Что вы хотите этимъ сказать?

Додоновъ взялъ ее за руку и съ какимъ-то благоговѣніемъ поцѣловалъ кончики ея пальцевъ. Она хотѣла выдернуть руку и не могла—голова кружилась, въ глазахъ завертѣлись красныя пятна.

Ей было и страшно, и хорошо, но она переселила себя и засмѣялась нехорошимъ, холоднымъ смѣхомъ.

— Какія нѣжности, Виссаріонъ Платонычъ... Вы, кажется, принимаете меня за горничную. Не хотите ли, я вамъ подарю ленточку на память?

Этотъ смѣхъ точно ужалилъ Додонова, и онъ даже отсочилъ отъ нея. О, это было похуже того, что онъ слышалъ отъ нея раньше!

— Понимаю все,— шепталъ онъ, хватаясь за голову.— Вы любите другаго... Для этого другаго... вы найдете и другія слова...

— Вы меня оскорбляете, Виссаріонъ Платонычъ... Не забудьте, что я у васъ въ гостяхъ, и это вдвойнѣ обидно.

Она встала и съ гордо поднятою головой вышла изъ комнаты. Какъ онъ смѣлъ такъ говорить съ ней? Про себя она повторяла каждое его слово и отрывала въ немъ что-нибудь обидное для себя. Но не все ли ей равно, что онъ говоритъ? Антонида Васильевна обманывала себя: ее уже начинало тянуть къ Додонову. Въ немъ было что-то такое особенное, чего нѣтъ въ другихъ. Такого человека можно бы и полюбить, если бы не эта проклятая дѣвчья... Какой-то предательскій голосъ напентывалъ ей: «Ты будешь царицей въ этомъ дворцѣ... жизнь польется сплошнымъ праздникомъ... а тамъ, въ столицѣ, ты сама будешь наслаждаться игрой лучшихъ артистовъ»... Собственная бѣдная обстановка начала казаться еще бѣднѣе, а жизнь игрушкой. Конечно, пока она молода и красива, все будетъ хорошо, но, вѣдь, красота такъ быстро проходитъ, а тамъ, впереди, тяжелое будущее состарившейся и пережившей себя примадонны. Антонида Васильевна часто плакала, оставаясь одна; и съ Крапивинимъ была холоднѣе прежняго.

А кругомъ нея составилъ цѣлый заговоръ, участниками котораго были: Иванъ Гордѣвичъ, Яковъ Ивановичъ и Улитушка. Они частенько собирались втроемъ и долго судили и редили про барскія дѣла.

— Гордичка она, — повторялъ Иванъ Гордѣвичъ, приглашая свою лысину. — Счастье лѣзетъ въ ротъ, а она отвергаетъ. По моему, женское естество вездѣ одинаково и только одна барская прихоть, что подай вотъ эту, а остальныхъ не надо. И нужно этимъ пользоваться... Другая бы даже весьма благодарна была... А ужъ какъ Виссаріонъ Платонычъ тоскуютъ-сь. Можно сказать, спать и видятъ Антониду Васильевну.

— А сколько онъ дастъ за нее? — спрашивалъ Яковъ Ивановичъ.

— Ничего, говорить, не пожалѣю... Пятьдесятъ тысячъ сейчасъ наличными, а что касаето подарковъ и благодарности—не въ счетъ.

Яковъ Ивановичъ и премудрый Соломонъ искренно жалѣли, зачѣмъ они не родились такою красавицей, какъ Антонида Васильевна.

— Все равно, такъ, даромъ пропадетъ,—резонировалъ Соломонъ,—и послѣ сама будетъ жалѣть-сь. Только будетъ поздно-сь.

— Конечно, будетъ каяться,—поддакивалъ Яковъ Ивановичъ.—Ну, выйдетъ она за Брапивина... ну, и вытягивайся изъ всѣхъ жилъ на сценѣ, пока въ силахъ, а дальше-то что?

— Эхъ, молодое-зелено,—качалъ головой Соломонъ.

Привлеченная къ дѣлу Улитушка сочувствовала этимъ взглядамъ и вносила еще свою рабью покорность барской волѣ. Она взяла на себя трудную роль переговорить съ Антонидой Васильевной окончательно, потому что сезонъ подходилъ къ концу и такого другаго случая не дожиденься. Старуха долго ходила около своей «шпитонки», прежде чѣмъ рѣшилась выговорить все, что лежало на ея старой душѣ.

— Тоюшка, а ты напрасно Виссаріона-то Платоныча обѣгаешь...—начала она однажды вечеромъ, когда дѣвушка сидѣла передъ зеркаломъ въ пашьюткахъ и выравнивала волосы.—Вонъ онъ што говорить-то: ничего, слышь, не пожалѣю... Только бери. Право... Иванъ Гордвичъ говорить, што пятьдесятъ тысячъ отдасть, а подарки особо. На волю бы выкупилась и меня старуху выкупила, и стали бы жить да поживать... Дѣвичья-то память до порога.

Прислонившись къ спинкѣ стула, Антонида Васильевна смотрѣла на нянюку остановившимися отъ изумленія глазами. Не во снѣ ли все это происходитъ?... А расходившаяся старуха не унималась и продолжала свое:

— Тоже вотъ и Яковъ Ивановичъ,—ему-то какая корысть?—а онъ въ одинъ голосъ съ Иваномъ-то Гордвичемъ... Добра тебѣ все желаютъ, касаточка. Разъ-то согрѣшишь, такъ и Богъ простить... Не ты первая, а съ актрисами это даже и даромъ бываетъ. Подвернется какой худой человѣкъ—дѣвушки какъ не бывало... А Виссаріонъ Платонычъ не обидитъ: въ золотѣ будешь ходить.

— Такъ пятьдесятъ тысячъ, няня?

— Пятьдесятъ, касаточка.

— Отлично... Я сама подумаю.

— Подумай, касаточка, Господь съ тобой... Этакого счастья

въ другой-то разъ и не дождешься, а женская наша красота до времени.

Антонида Васильевна больше не плакала. Она цѣлую ночь не сомкнула глазъ, и все думала... Припомнилось ей, какъ ее насильно взяли отъ семьи тамъ, въ Россіи, и отдали въ театральную школу; какъ она постепенно забывала своихъ родныхъ, простыхъ дворовыхъ, и какъ теперь она была для нихъ хуже, чѣмъ чужая. Впереди роскошь, богатое бездѣлье... Ее и торгуютъ, какъ лошадь. Отъ денегъ у всѣхъ закружилась голова, начиная съ несчастной Улиточки. Стоитъ только рѣшиться, и широкая дорога открыта. Утромъ Антонида Васильевна передала нянькѣ, что сама желаетъ переговорить съ Додоновымъ, и сама назначила ему часъ, когда онъ можетъ придти къ ней, не рискуя встрѣтиться съ Брапивиннымъ.

— Давно бы такъ-то, касаточка...—обрадовалась старуха.

Заговорщики торжествовали. Яковъ Ивановичъ самъ полетѣлъ съ радостною вѣстью въ Краснослободскій заводъ и въ назначенный часъ Додоновъ входилъ въ комнату Антонида Васильевны.

— Вы меня желали видѣть, Антонида Васильевна?

— Да... Я желала бы слышать отъ васъ лично все то, что мнѣ передавали. Вы сами назначили цифру въ пятьдесятъ тысячъ?

— Послушайте, это уже извѣстно вамъ и не все ли равно, кто назначалъ...

— Значить, вѣрно?

— Да.

— И будутъ подарки?

— Антонида Васильевна, что за тонъ?

Она посмотрѣла на него такими печальными глазами и замолчала.

— Дѣвичья будетъ уничтожена немедленно...—заговорилъ Додоновъ, поощренный этимъ молчаніемъ.—Я понимаю, что это грубо назначить цифру, но, вѣдь, это только гарантія.

— Благодарю васъ, что вы такъ оцѣнили мой позоръ... и знайте, что я... я любила васъ... а теперь прощайте... навсегда. Вы меня убили...

Она не выдержала и громко зарыдала. Додоновъ хотѣлъ подойти къ ней, но она отстранила его движеніемъ руки.

— Если такъ, то вотъ мое послѣднее слово: выходите за меня замужъ,—предлагалъ Додоновъ.

— Замужъ?... Чтобы вы бросили меня черезъ недѣлю?... Нѣтъ, одно мгновеніе я думала нѣсколько иначе о васъ, и если бы отда-

лась вамъ, то не за деньги и не за честь носить вашу фамилю... Прощайте, прощайте!...

— Опомнитесь, Антонида Васильевна...

— Довольно... будеть..

Видимо, ей хотѣлось сказать ему что-то еще на прощанье, но она только махнула рукой и убѣжала за ширму. Додоновъ постоялъ среди комнаты нѣсколько минутъ и, стиснувъ зубы, проговорилъ:

— Тогда я васъ куплю, Антонида Васильевна.

— Покупайте, какъ покупаете собакъ.

Додоновъ круто повернулся и торопливо вышелъ. У него голова шла кругомъ. О, онъ отомститъ за это оскорбленіе!... Какая-нибудь жалкая провинціальная актриса и такъ обращается съ нимъ, Виссаріономъ Додоновымъ?... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ...

Вечеромъ этого же дня въ театрѣ Яковъ Ивановичъ отозвалъ Антониду Васильевну за кулисы и, всплеснувъ руками, какъ - то простоналъ:

— Антонида Васильевна, что вы надѣлали... что вы надѣлали?!

— Да вамъ-то какая забота, Яковъ Ивановичъ?

— Безкорыстно-съ, сударыня... Добра вамъ желалъ, единственно по этой причинѣ. Послѣ меня, можетъ, и добрымъ словомъ помянете...

— Оставьте меня!... Вы всё, кажется, помѣшались... А если вы еще осмѣлитесь приставать ко мнѣ съ своими сожалѣніями, я должна буду обратиться къ Павлу Ефимичу...

— Нѣтъ-съ, это пустое-съ... Антонида Васильевна, въ самомъ дѣлѣ, подумайте хорошенько! Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, да я...

— Вотъ и замѣните меня, а я буду вамъ очень благодарна.

— Погордились, сударыня...

— Вонъ!

Яковъ Ивановичъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все началъ головой. Онъ даже забылъ, что около театра его ожидаетъ премудрый Соломонъ, пріѣхавшій изъ Краснослободскаго завода за окончательнымъ отвѣтомъ.

— Ну, что?—спрашивалъ онъ, когда показался, наконецъ, Яковъ Ивановичъ.

— Ничего... прогнала...

Мудрецы только развели руками. Что же, своего ума къ чужой кожѣ не пришьешь...

Вся труппа уже знала о случившемся, и шушукалась по всѣмъ угламъ. Актрисы выражали свое одобреніе, актеры качали головами. Ничего не зналъ одинъ Брапивинъ, который былъ занятъ съ декораторомъ Гаврюшей и даже самъ что-то красилъ и мазалъ, одѣвшись во вретиче. У Гаврюши давно чесался языкъ, чтобы разсказать все патрону, но онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, что только кряхтѣлъ и вздыхалъ.

— Что, у тебя животъ болитъ?—спросилъ, наконецъ, его Брапивинъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Ефимычъ...

Гаврюша, наконецъ, не выдержалъ и разсказалъ все, что происходило сегодня въ театральнѣй квартирѣ. Брапивинъ слушалъ его и понималъ всего одно слово: Додоновъ... Додоновъ... Додоновъ. А гдѣ Антонида Васильевна?... Потому онъ опомнился и закричалъ, какъ раненый звѣрь:

— Да ты все врешь, Гаврюшка?!... Все это ваши закулисные сплетни и дрязги... Никогда и ничего не смѣть мнѣ говорить объ Антонидѣ Васильевнѣ!

— Какъ вамъ будетъ угодно.

IX.

Дворецъ въ Краснослободскомъ заводѣ зловѣще смолкъ. Баринъ затворился въ кабинетъ, и никто не смѣлъдохнуть. Всѣмъ собакамъ были надѣты намордники, чтобы не лаяли. Музыка больше не играла, охота, кучера, прислуга—всѣ попрятались по угламъ. Ночью только одинъ огонекъ свѣтился во всемъ дворцѣ: это былъ освѣщенъ кабинетъ барина. Дѣвичья на ночь запиралась на желѣзные ставни, такъ что огня тамъ никогда не было видно съ улицы. Вообще, получалось настоящее мертвое царство.

Бодрствовалъ одинъ Иванъ Гордѣевичъ, который обходилъ всѣ углы и закоулки неслышными шагами, какъ настоящій котъ. Утромъ и вечеромъ онъ исправно являлся въ кабинетъ съ докладомъ и вытягивался у дверей, какъ листъ передъ травой. Додоновъ молча выслушивалъ его и отсылалъ назадъ движеніемъ руки.

— Ты виноватъ кругомъ, — проговорилъ, наконецъ, Додоновъ на одномъ изъ такихъ пріемовъ. — Не умѣлъ повести дѣла...

— Простите, Виссаріонъ Платонычъ, — каялся премудрый Соломонъ, падая на колѣни. — Старался, хлопоталъ...

— Дуракъ!

Въ слѣдующій разъ онъ, не глядя на вѣрнаго слугу, отдалъ короткій приказъ:

— Поѣзжай туда, въ помѣстье... и купи мнѣ всѣхъ актрисъ. Сколько будетъ стоить—все равно... Я покажу имъ, какъ смѣяться надъ Додоновымъ...

Ровно черезъ часъ Иванъ Гордѣевичъ выѣзжалъ уже въ легкой зимней кибиткѣ, направляясь куда-то въ Малороссію. По маршруту онъ долженъ былъ ѣхать день и ночь.

Первое извѣстіе объ этой экспедиціи Крапивину принесли, конечно, Яковъ Ивановичъ, знавшій рѣшительно все, что дѣлалось въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ.

— Это похуже будетъ симбирскихъ помѣщиковъ, Павелъ Ефимычъ,—заключилъ онъ свою осторожную рѣчь.—Всю труппу, говоритъ, куплю и свой домашній театръ открою... Оркестръ есть, помѣщеніе есть, недостаетъ только актрисъ.

У Крапивина буквально опустились руки отъ такой напасти. Онъ упустилъ удобное время для выкупа, а теперь гдѣ же ему конгуррировать съ Додоновымъ, который броситъ и сто тысячъ, чтобы только добиться своего? Даже къ генералу идти не зачѣмъ. Старикъ, конечно, добръ, но что онъ подѣлаетъ съ такимъ самодуromъ? Спокойною и увѣренною оставалась одна Антонида Васильевна. Она теперь утѣшала Крапивина.

— Есть же на свѣтѣ правда?—повторяла дѣвушка.—Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ...

Крапивинъ слушалъ эти несбыточные надежды и на время успокоивался. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ, что ждетъ всѣхъ впереди? Положимъ, это была надежда утопающаго, но, все-таки, нужно же хоть что-нибудь, чтобы тянуть день за днемъ. Подробностей исторіи Антониды Васильевны съ Додоновымъ онъ не пытался узнавать изъ чувства простой деликатности. Онъ желалъ вѣрить ей, хотя и понималъ, что прямого отвѣта на свои чувства сейчасъ въ ней не встрѣтитъ. Она не любила его, а только уважала.

Въ Загорьѣ только и было толковъ, что о Додоновѣ. Стоустая молва разуврасилась такими подробностями, что позавидовала бы сама Шехеразада. Рассказывали, что Крапивинъ бросился на Додонова съ ножомъ, а Додоновъ хотѣлъ затравить его медвѣдями; что примадонна хотѣла отравиться, но ее спасъ Яковъ Ивановичъ; что самъ генералъ замѣшанъ въ этой исторіи, потому что явился счастливымъ соперникомъ Додонова, и т. д. Передавали о какой-то крупной размолвкѣ Додонова съ генераломъ, что и подтвердилось очень скоро. Рано утромъ, во вторникъ на мясляницѣ, черезъ Загорье двигался опять цѣлый рядъ обозовъ. Везли медвѣдей въ желѣзныхъ влѣткахъ, музыкантовъ, цѣлый обозъ собакъ; точно тро-

нулась какая-то неприятельская армія. Медвѣжья клѣтки были обшиты кошками, собакъ везли въ громаднѣхъ фурахъ, музыкантовъ въ крытыхъ возахъ. Дѣвичья была отправлена раньше, и ее провезли ночью. Одной прислуги, считая охоту, музыкантовъ и дѣвичью, было отправлено больше трехсотъ человекъ, такъ что обозъ растянулся на тысячу верстъ, на станціяхъ не хватало лошадей и отдѣльнымъ транспортамъ приходилось ждать очереди. Все это двигалось опять мимо театральной квартиры, но уже не привлекало вниманія.

— Это какой-то сумасшедшій, — удивлялся Крапивинъ. — Неужели нельзя было подождать весны?

Оказалось, что послѣднее было невозможно. У Додонова произошло дѣйствительно недоразумѣніе съ генераломъ, но не изъ-за примадонны, а за карточнымъ столомъ. Собственно говоря, это были такіе пустяки, о которыхъ не стоило говорить, но Додоновъ обидѣлся и рѣшился сейчасъ же отправиться со всею ордой въ Петербургъ. Стоило ли дожидаться весны, когда вся разница по транспортованію заключалась въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ рублей? Но эта размолвка Додонова съ генераломъ спасла труппу Крапивина. Очевидно, здѣсь дѣятельно работала Пелагея Силантьевна, умѣвшая настроить Додонова. У ней былъ прямой расчетъ избавиться отъ новой соперницы въ лицѣ Антонида Васильевны. Додоновъ жилъ вспышками и только нужно было умѣть воспользоваться его настроеніемъ.

У Пелагеи Силантьевны былъ свой планъ, который скоро и объяснился.

Труппа Крапивина играла на масляницѣ каждый день. Работы всѣмъ было по горло, особенно самому Крапивину. Сезонъ кончался и нужно было взять послѣднюю дань съ публики, мало-помалу привыкшей къ театру. У праздничной публики особенный фуроръ производила Фимушка, танцовавшая свои номера съ большимъ шикомъ. На время эта крѣпостная балерина отодвинула на второй планъ даже Антониду Васильевну съ ея драматическими ролями, оперными аріями и романсами. Самъ Крапивинъ ухаживалъ за ней, какъ за главною доходною статьей.

— Попала въ честь и наша Фимушка, — удивлялась Улитушка, качая своею дряхлою головой. — За простоту ей Господь счастье посылаетъ.

Генералъ, попрежнему, сидѣлъ въ своемъ креслѣ перваго ряда и громко одобрялъ артистовъ. Абонированное на весь сезонъ кресло Додонова оставалось пустымъ. Но въ четвергъ на масляницѣ

вся труппа была опять встревожена: Додоновъ появился въ театрѣ и сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, рядомъ съ генераломъ. Къ общему удивленію, враги бесѣдовали между собой въ антрактахъ самымъ мирнымъ образомъ. Крапивинъ сильно взволновался, почувствовавъ какую-то бѣду.

— Берегитесь и будьте осторожны, — предупредилъ онъ Антонида Васильевну, — отъ этого сумасброда нужно всего ожидать...

На всякій случай Крапивинъ осматрѣлъ всѣ входы и выходы въ театрѣ и не спускалъ Антониду Васильевну съ глазъ. Спектаклю, казалось, не было конца, а тутъ еще генераль заставлялъ Якова Ивановича повторять свои любимые номера. Крапивинъ то и дѣло вынималъ часы, считая каждую минуту. Досталось режиссеру Гавриушѣ, который едва ворочался, потомъ суфлеру и по порядку всѣмъ другимъ театральнымъ маленькимъ людямъ. Въ пылу усердія поскорѣе смотать ненавистный вечеръ, Крапивинъ дѣлался несправедливымъ и не замѣчалъ самъ, что никто не виноватъ, и дѣло идетъ своимъ обычнымъ ходомъ. Подвернувшаяся подъ руку Улитушка не избѣжала общей участи.

— Ты чего тутъ, старая крыса, мѣшаешься? — ругался Крапивинъ. — Ну, чего бѣгаешь, какъ угорѣлая?

Улитушка даже оторопѣла въ первую минуту и только потомъ настолько собралась съ силами, чтобы обругать сбѣсившагося маэстро.

— погоди, вотъ укротятъ тебя... — ворчала она, улепетывая въ ближайшую уборную. — Не великъ въ перьяхъ-то!...

О проискахъ старухи Крапивинъ кое-что зналъ, но не хотѣлъ съ ней связываться, а теперь у него вырвалось рѣзкое слово общимъ счетомъ. Въ сущности, старушонка была порядочная дрянь и вѣчно заводила въ труппѣ какіе-нибудь ссоры и переборы.

Спектакль кончался, и оставался одинъ водевиль. Актриса попросила Крапивинъ дожидаться конца, чтобы всѣмъ идти вмѣстѣ. Въ антрактѣ передъ водевилемъ танцевала свою качучу Фимушка. Эта лѣнивая и глухая толстуха, когда выходила на сцену съ голубымъ шарфомъ и въ голубой газовой юбочкѣ, производила фуроръ, какъ было и теперь. Гримируясь въ своей уборной, Крапивинъ, — онъ игралъ всѣ роли «на затычку», — съ удовольствіемъ слышалъ, какъ благодарно ревѣла публика, вызывая Фимушку, какъ надрывался Яковъ Ивановичъ съ своимъ оркестромъ и какъ стучалъ костылемъ въ тактъ «кадансу» самъ генераль. Потомъ все смогло, потому что для эффекта Фимушка должна была провалиться въ люкъ, какъ это дѣлалось въ то время: фея улета-

ла въ небеса или проваливалась, — то и другое придавало определенный конец номеру.

Когда Крапивинъ вышелъ на сцену, то съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Додонова больше нѣтъ въ театрѣ. Оставался одинъ генераль, разслабленно мигавшій опухшими красными вѣками. Благодаря Крапивину, водевиль свертѣли въ полчаса, и антрепренеръ самъ удивился, что такъ скоро все кончилось. Не срывая грима, онъ бросился въ уборную къ Антонидѣ Васильевнѣ: она была налицо, — значить, все благополучно.

— Одѣвайтесь, я сейчасъ, — весело проговорилъ Крапивинъ, убѣгая къ себѣ.

Когда онъ вышелъ, труппа была въ сборѣ, и не оказалось налицо одной Фимушки. Она провалилась въ люкъ и больше не возвращалась. Рабочіе видѣли, какъ она подъ сценой надѣвала шубку, а дальше всѣ слѣды терялись. На квартирѣ Фимушки тоже не было. Только стоявшіе у театра извозчики сообщили, что къ подъѣзду, черезъ который входили и выходили артисты, подъѣзжалъ додоновскій дорожный возокъ и какая-то дама вышла и сѣла въ него. Очевидно, балерину увезъ Додоновъ... Пока шелъ водевиль, онъ былъ уже далеко.

Дѣйствительно, Додоновъ устроилъ это похищеніе и былъ счастливъ своею легкою побѣдой. Конечно, все было подстроено раньше, при дружномъ содѣйствіи Якова Ивановича, Улитушки и Пелагеи Силантьевны, а Фимушка по своей глупости была рада романическому приключенію. Она какъ была въ своей газовой голубой юбочкѣ и въ трико, такъ и отправилась въ неизвѣстный путь, отдавшись Додонову. Они вдвоемъ катили по московскому тракту, сломя голову, и это приводило Фимушку въ восторгъ. Додоновъ закутывалъ ее въ свою медвѣжью шубу, какъ ребенка.

За бѣглецами летѣла повозка съ Пелагеей Силантьевной, не оставшейся въ накладѣ. Додоновъ послалъ гонца воротить Ивана Гордѣевича съ дороги.

Х.

Романъ Антониды Васильевны закончился бѣгствомъ Фимушки. Черезъ два года она вышла замужъ за Крапивина, который двадцать пять лѣтъ оставался антрепренеромъ и справедливо гордился тѣмъ, что создалъ первую въ Сибири труппу. На его рукахъ выросло цѣлое поколѣніе артистовъ; все это были прямые потомки бывшихъ крѣпостныхъ актрисъ. Конечно, недостатокъ въ труд-

ныхъ и тяжелыхъ дняхъ не было, труппа не разъ распадалась и снова складывалась, но Крапивинъ держался прочно, какъ человѣкъ вполне порядочный. Одно его огорчало, именно, что Антониды Васильевна оказалась бездѣтной, но и эта бѣда поправилась, когда эта чета приютила круглую сиротку, оставшуюся послѣ Фимушки. Бѣдная танцовщица пропала съ Додоновымъ года два и опять вернулась къ Крапивину въ самомъ несчастномъ видѣ—постарѣвшая и беременная. Крапивинъ не помнилъ зла и пригрѣлъ ее. Выкупая своихъ артистовъ, онъ выкупилъ и Фимушку, которая еще разъ обманула его надежды: балерина простудилась и скоро умерла.

Додоновъ плохо кончилъ: его погубило освобожденіе крестьянъ, а потомъ цѣлый рядъ процессовъ. Капельмейстеръ, завѣдывавшій додоновскимъ оркестромъ, отморозилъ пальцы, играя зимой на открытомъ воздухѣ, одинъ изъ медвѣдей оборвалъ цѣпь и загрызъ двухъ бабъ и т. д. Бѣда не приходитъ одна. Но скандальнѣе всего разыгралось дѣло съ дѣвичьей. Былъ поднятъ громкій процессъ, тянувшійся годами. Оказался цѣлый рядъ страшныхъ преступленій: ни одна хорошенькая дѣвушка въ дѣвичьей не выживала больше года. Одна загадочная смерть слѣдовала за другой и умирали именно тѣ дѣвушки, которыя нравились Додонову больше другихъ. Молва обвиняла во всемъ Пелагею Силантьевну, отравлявшую своихъ крѣпостныхъ соперницъ. Насчитывали больше десятитысякъ жертвъ. Потомъ вышло наружу, что въ дѣвичьей за все время ея существованія не было ни одного ребенка. Являлось подозрѣніе въ томъ, что и это находилось въ связи съ загадочною смертью безвѣстныхъ красавицъ. Къ слѣдствію была притянута и старая Галактіоновна, и самъ премудрый Соломонъ. Вообще, дѣло разыгралось настолько широко, что нужны были сотни тысячъ рублей, чтобы замазать все и предать волѣ Божіей, какъ и вышло въ концѣ-концовъ, когда съ Додонова уже нечего было взять. Онъ разорился окончательно, и Краснослободскіе заводы пошли съ молотка.

Оставшись нищимъ, Додоновъ женился на Пелагеѣ Силантьевнѣ и конецъ своихъ дней провелъ у ней нахлѣбникомъ. Старая метреса приберегла какія-то крохи отъ додоновскаго роскошества и на эти средства содержала мужа.

Крапивинская труппа распалась окончательно со смертью своего основателя. Было время, когда въ Загорѣ широко развернулись первые золотопромышленники, и у Крапивина дѣло шло блестящимъ образомъ. Онъ даже приобрѣлъ въ собственность домъ, гдѣ

помѣщалась театральная квартира. Были свои лошади и вообще вся обстановка на широкую ногу. Деньги какъ наживались, такъ и проживались. По своей артистической натурѣ Крапивинъ былъ не способенъ къ благоразумному откладыванію средствъ про черный день. Когда закончилось крѣпостное горное дѣло и задававшіе всему тонъ горные инженеры потеряли насиженные мѣста, дѣла у труппы сразу упали. Крапивинъ, все-таки, кончилъ свое дѣло съ честью, потому что смерть предупредила грозившій труппѣ крахъ. Антонида Васильевна осталась ни съ чѣмъ и перебивалась кое-какъ, поступивъ на вторыя роли.

Случившаяся размолвка послѣ сорокалѣтней дружбы повліяла на обоихъ стариковъ. Они сидѣли по своимъ угламъ и горько жаловались на свою судьбу. Конечно, Яковъ Ивановичъ въ качествѣ кавалера старой школы долженъ былъ первымъ извиниться передъ дамой, но, съ другой стороны, какъ же онъ будетъ извиняться, когда она первая оскорбила его, указавъ на дверь? Каждый вечеръ Яковъ Ивановичъ проходилъ мимо дома, гдѣ жила Антонида Васильевна, и все не могъ рѣшиться пойти первымъ на примиреніе. Онъ даже поднимался на крыльцо и брался за ручку двери, но его точно отталкивала чья-то сильная рука.

Осень смѣнилась зимой. Грязь покрылась бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ. Старые люди чувствуютъ себя въ это время особенно плохо, — вѣдь, зима напоминаетъ смерть. Яковъ Ивановичъ сильно прихворнулъ. Отозвались кое-какіе грѣхи юности, застарѣлые ревматизмы, катарры, простуды. Онъ даже лежалъ въ постели недѣли двѣ. За то какъ хорошо выздоравливать, точно родишься во второй разъ! Первою мыслью, когда Яковъ Ивановичъ получилъ возможность выходить на свѣжій воздухъ, — первая мысль, конечно, была о томъ, чтобы сейчасъ же сходить къ Антонидѣ Васильевнѣ и примириться.

— О, женщины, женщины!... развѣ можно на васъ сердиться серьезному человѣку?—разсуждалъ старикъ, пробираясь по знакомой дорогѣ съ большими остановками.—Всѣ женщины немножко легкомысленны... хе, хе!...

Ему представлялось впередъ, какъ ей будетъ неловко и совѣстно передъ нимъ, а онъ сдѣлаетъ такой видъ, что не понимаетъ: не правда ли, вѣдь, будетъ очень смѣшно? О, женщины, женщины!... Но вотъ и знакомый домъ, и проклятая лѣстница, по которой такъ трудно подниматься, и дверь... да, та самая дверь, въ которую... Якова Ивановича по шеямъ... хе, хе!...

— Вамъ кого угодно?—окликнулъ старика незнакомый женскій голосъ.

— Какъ кого? Антонида Васильевну...

— Ихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, милая? Развѣ она переѣхала на другую квартиру?

— Да, переѣхала... на кладбище. Вотъ ужъ девятый день завтра...

— Девятый день?... Странно!...—бормоталъ Яковъ Ивановичъ.

Онъ вышелъ опять на крыльцо и долго стоялъ, не надѣвая шапки. Девятый день... переѣхала на квартиру... Вдругъ жгучая боль схватила его сердце, и Яковъ Ивановичъ громко зарыдалъ, какъ ребенокъ. Боже мой, онъ остался теперь совершенно одинъ, одинъ изъ всей крапивинской труппы.

Д. Сибирякъ.

ВЪ ПОГОНЮ ЗА ПРОШЛЫМЪ.

Разсказъ Жоржа Дюрюи.

Когда они любили другъ друга, имъ обоимъ вмѣстѣ не было сорока лѣтъ. Онъ только что получилъ высшую награду за скульптуру, она была учительницей въ одномъ богатомъ семействѣ. Оливье уговорилъ Мариетту ѣхать съ нимъ въ Италію, гдѣ они прожили три года счастливою жизнью, полною труда и беззаботнаго веселья. Затѣмъ они разстались, такъ какъ юношеская любовь, эта чудная любовь, услаждающая утро жизни, подвержена тому же закону быстраго увяданія, какъ и самые душистые цвѣты, самые сочные плоды. Они разстались безъ упрековъ и горькихъ жалобъ, какъ разъ въ ту минуту, когда почувствовали, что любовь ихъ готова изсякнуть; оба они принадлежали къ тѣмъ людямъ, которые, вмѣсто того, чтобы опорожнить флаконъ, полный благовонной эссенціи, и затѣмъ выбросить его, предпочитаютъ бережно сохранить въ немъ послѣднюю каплю, чтобы впослѣдствіи можно было насладиться ароматомъ, казавшимся нѣкогда такимъ пріятнымъ. Оливье приобрѣлъ славу, богатство; ему завидовали мужчины, женщины любили его и, такимъ образомъ, онъ получалъ, въ разнообразныхъ, но одинаково лестныхъ видахъ, то особенное поклоненіе, которымъ мужчины и женщины пріивѣтствуютъ по-своему восходящія свѣтила. У Мариетты были любовныя похождения, куда влекли ее кочевые инстинкты ея сердца, неспособнаго долго останавливаться на одномъ чувствѣ. Многіе любили ее; одинъ изъ нихъ женился на ней и оставилъ ее вдовой съ огромнымъ состояніемъ и титуломъ маркизы.

Пятнадцать лѣтъ прошло, Оливье и Мариетта ни разу не видались со времени разлуки. Однажды случай, любящій подобныя столкновения, свелъ ихъ на балѣ. «Кто эта красивая женщина?» — спро-

силъ себя Оливье, не узнавая въ сверкающей драгоцѣнными камнями дамъ своей прежней подруги, не носившей въ тѣ времена другихъ украшеній, кромѣ бѣлой камелии въ волосахъ и розы на груди. «Кто этотъ видный мужчина?» — думала въ свою очередь Мариетта, смутно припоминая, что видѣла гдѣ-то подобную бородку клиномъ и закрученные усы, но только черные, а не съ просѣдью.

Ихъ взгляды встрѣтились и они узнали другъ друга. Съ одного конца залы на другой, сквозь раздѣлявшую ихъ толпу равнодушныхъ людей, Мариетта и Оливье нѣжно улыбнулись другъ другу, какъ въ тѣ времена, когда, желая сказать другъ другу только одно, всегда одно и то же, они подолгу безмолвно сидѣли рука въ руку; ихъ вѣки сдѣлались вдругъ влажны, съ быстротой молніи промелькнуло воспоминаніе о прежнихъ счастливыхъ дняхъ; двѣ нѣжныя мысли, невидимыя посланницы сердецъ, встрѣтились и обмѣнялись привѣтомъ; точно какой-нибудь таинственный магнитъ потянулъ другъ къ другу эти два существа, тѣло и душа которыхъ сливались когда-то въ безконечныхъ поцѣлуяхъ. Въ ту минуту, какъ художникъ направился къ марезизѣ, Мариетта поднялась ему на встрѣчу.

— Такъ это вы? — воскликнула Мариетта, протягивая ему руку. — Вотъ неожиданная встрѣча!

Они сѣли въ темномъ уголкѣ маленькой пустой гостиной, инстинктивно, по старой привычкѣ влюбленныхъ, ища уединенія и тишины. Большая лампа, покрытая розовымъ абажуромъ, слабо освѣщала этотъ будуаръ, куда шумные звуки вальса, задержанные бархатными партъерами и заглушенные восточными коврами, долетали, какъ отдаленная мелодія, смягчая непринужденность бесѣды и располагая души къ нѣжнымъ изліяніямъ. Они высказывали радость, которую испытали, когда вдругъ увидѣли другъ друга, въ пылу охватившаго ихъ волненія они передавали другъ другу какъ прожили эти пятнадцать лѣтъ. Презирая ложь, они ничего не скрывали, ни своего настоящаго положенія, ни измѣнъ, которыми они омрачили память о своей любви. Но въ легкой болтовнѣ, въ которой они выражали свои признанія, просвѣчивало какъ бы сожалѣніе, что они не остались вѣрны другъ другу, какъ бы робкое сознаніе въ ошибкѣ, совершенной тѣмъ, что они искали счастья далеко, тогда какъ оно было подъ рукой. Когда оркестръ заигралъ одну изъ цыганскихъ арій, хмѣльная музыка которыхъ опьяняетъ какъ ароматъ цвѣтка изъ теплыхъ странъ, Мариетта увидѣла, что другъ ея устремилъ на нее долгій взглядъ, въ которомъ сказалось неожиданно вспыхнувшая страсть прежнихъ желаній, и этотъ взглядъ, охва-

тившій ее потокомъ ласкъ, этотъ властный и умоляющій взглядъ вызвалъ трепеть въ ея груди и дѣвственный румянецъ къ ея щекамъ. Оливье наклонился къ ней и слегка дрожащимъ голосомъ прошепталъ на ухо нѣсколько словъ.

— Такъ вы хотите, — отвѣтила она, — прибавить еще одну главу къ нашему роману? Что же!... Но только съ условіемъ: мы начнемъ его съ той страницы, гдѣ онъ оборвался... Я завтра уѣзжаю въ Римъ, пріѣзжайте туда же черезъ три дня... Я хочу быть вновь вашей, мой милый Оливье, только послѣ того, какъ мы вернемся опять къ нашему прошедшему.

Ночь свѣтла и холодна. Чтобы казаться прекраснѣе, она выстала изъ своего небеснаго ларчика всѣ свои драгоценности; вонь, наверху, тянется млечный путь, какъ звѣздный потокъ; одиночныя свѣтила льютъ здѣсь и тамъ свои разноцвѣтные огни и кажутся драгоценными каменьями, рубинами, изумрудами и бриллиантами, рассыпанными по громадной черной мантии. На стеклахъ вагоновъ иней арабесками рисуетъ свои изящныя узоры; сквозь нихъ мелькнетъ иногда въ полѣ скелетъ какого-нибудь дерева, склонившійся подъ своимъ бѣлымъ саваномъ. И въ то время, какъ поѣздъ несется къ Моданѣ, Оливье, полузакрывъ глаза, мечтаетъ о другѣ, ожидающемъ его тамъ, въ странѣ, гдѣ небо вѣчно голубое и теплая зима которой обладаетъ мягкостью нашей весны. Онъ увидитъ ее, наконецъ, чудную, дорогую Италію!... И въ этомъ человѣкѣ, утомленномъ лихорадочною жизнью Парижа, съ ея вѣчною борьбой, завистью и пошлою любовью, мысль, что онъ снова отдастся всею душой искусству, природѣ и настоящей любви, вызвала пріятное чувство сладкаго покоя, какого-то неземнаго мира, уже охватившаго его и дающаго ему предвкусить счастье, котораго онъ ѣхалъ искать.

Туринъ, Флоренція, Орвіето... Природа въ зелени и цвѣту; легкій вѣтерокъ приноситъ нѣжный ароматъ, воздухъ прозраченъ, виноградныя лозы вьются вокругъ вѣтвей вязовъ и перекидываютъ съ одного дерева на другое пурпурныя гирлянды, такъ восхищавшія Виргилія. Оливье мечтаетъ о Маріеттѣ. Нельзя встрѣтить любимой когда-то женщины, еще молодой и красивой, не получивъ сейчасъ же доказательства, что чувства имѣютъ также свою память, иногда даже болѣе цѣпкую и быстрѣе пробуждающуюся, чѣмъ память сердца. Воспоминаніе о прежнихъ ласкахъ—жгучее воспоминаніе, не знаешь, мучительное или пріятное—проникаетъ въ наше тѣло, какъ стрѣла, и неожиданно пробуждаетъ на-

стойчивое желаніе испытать еще разъ сладость поцѣлуевъ, навсегда, казалось, забытыхъ. Поэтому-то Оливье, увидѣвъ маркизу, почувствовалъ во всемъ тѣлѣ дрожь, предвѣстницу пробуждающейся страсти. На свиданіе съ нею онъ ѣхалъ вдвойнѣ влюбленнымъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ для него въ Мариеттѣ было двѣ женщины: прежняя, знаемая, къ которой влекли его воспоминанія, и новая, неизвѣстная, которую онъ страстно жаждалъ узнать.

Утромъ въ Римѣ, выходя изъ вагона, Оливье замѣтилъ на платформѣ станціи ожидавшую его маркизу. На ней было простенькое коричневое платье, шляпка съ узкими полями, украшенная двумя сѣрыми перьями, похожая на ту, которую, какъ припоминалъ Оливье, онъ видѣлъ на ея головѣ, когда они уѣзжали вмѣстѣ въ Италію, — прежняя шляпка придавала гордой маркизѣ, роскошно разцвѣтшей пышной красавицѣ тридцати пяти лѣтъ, скромный видъ бывшей учительницы.

— А! — воскликнулъ Оливье, — дорогая Мариетта, вы все та же!.. Вѣдь, вчера, не правда ли, мы только разстались?

— Идемъ, — отвѣтила она, съ невыразимо нѣжною улыбкой, — я увожу тебя съ собой...

Они сѣли въ экипажъ, привезшій ихъ въ улицу Санъ - Клодіо и остановившійся у дома, который артистъ сразу узналъ. Поднявшись на третій этажъ, она отворила дверь со словами:

— Вотъ мы и дома!

Это была ихъ прежняя комната: мебель стояла на тѣхъ же мѣстахъ, столъ съ красною скатертью, залитой опрокинутыми имъ чернилами, кресло, на которомъ она, какъ избалованный ребенокъ, ласкалась, сидя на его колѣняхъ, кровать, закрытая занавѣской съ нестрыми разводами... Онъ окинулъ умиленнымъ взоромъ всю эту обстановку, пошлую для другихъ, но не для него, такъ какъ не было ни одного предмета, не сохранившаго въ его глазахъ частицы поэзіи ихъ любви. Оливье замѣтилъ, что Мариетта всюду поставила цвѣты, бѣлыя и красныя камелии, пунцовыя розы, пармскія фіалки, — фіалки, которыя они, бывало, собирали вмѣстѣ въ садахъ виллы Лудовизи и которыя она любила прятать за лифъ, зная, что ея любовнику доставляло удовольствіе вдыхать вечеромъ ароматы ея шеи, какъ букетъ.

— Ахъ, милая, дорогая! — сказалъ онъ, — какъ мы будемъ счастливы!

И онъ хотѣлъ обнять ее. Но она ловко выскользнула изъ его объятій и отвѣтила съ своенравною граціей:

— Нѣтъ, мой милый Оливье!... Это только первая станція нашего путешествія... Я дарю вамъ эту ночь, — отдайте мнѣ взаимѣнь этотъ день!

И, такъ какъ онъ продолжалъ умолять, она прибавила:

— Ахъ, вотъ всё вы, мужчины, таковы! Всегда мы должны сейчасъ же уступать вашему настойчивому требованію... Точно вы не понимаете всей прелести этой утонченности, ради которой отдаляютъ свое счастье, чтобы лучше насладиться имъ?... Хотите, я вамъ скажу: вы обжора, а не лакомка въ любви!

— Ахъ, дорогая моя, — замѣтилъ онъ, — вы, кажется, не только лакомка, но и знатокъ философіи любви!

Съ этими словами они весело вышли изъ комнаты. Мариетта предложила идти къ берегу Тибра завтракать въ одну trattoria, гдѣ они любили прежде ѣсть spaghetti, запивая бѣлымъ орвиетскимъ виномъ. Оливье нашелъ эту мысль прекрасной и они заняли мѣсто на чистомъ воздухѣ, на террасѣ osteria, подъ тѣнью громаднаго апельсиннаго дерева, за столикомъ, гдѣ они нашли вырѣзанные на деревянной ручкѣ ножа ихъ сплетенные вензеля съ обозначеніемъ года.

— Посмотри!... — сказала Оливье, — семнадцать лѣтъ уже... Помнишь, какъ мы любили другъ друга въ этотъ день?

— Да! — отвѣтила Мариетта, — ты только что окончилъ твою Діану... Мы пили за твой успѣхъ, но чистую воду, Aqua pura въ стаканахъ для шампанскаго, такъ какъ у насъ оставалось только три франка до конца мѣсяца... Потомъ мы пошли смотрѣть Моисея... Затѣмъ мы вернулись въ нашу комнату... Помню ли я!... О, чудный день!... Какое счастливое то было время, не правда ли?

Оба умоляли на нѣсколько минутъ, охваченные воспоминаніями, которыя медленно проносились то полустертыя, какъ старыя, выгорѣвшія отъ солнца фотографіи, то выдѣлялись яркими картинами. Надъ ихъ головами разстилался необъятный голубой сводъ итальянскаго неба; насѣкомыя громко жужжали въ темной зелени цвѣтущихъ апельсинныхъ деревьевъ, наполнявшихъ воздухъ чуднымъ, опьяняющимъ благоуханіемъ. У ногъ ихъ Тибръ шумно катилъ свои быстрыя мытныя воды, бурлившія въ грозныхъ желтоватыхъ водоворотахъ около быковъ Ponte Rotto. На другомъ берегу виднѣлись Клоака Максима, красивый храмъ Весты, старинные дома, омываемые рѣкой Яникуль, и всё развалины памятниковъ, придающія видъ грустнаго величія этому уголку Рима и дѣлавшія его когда-то столь дорогимъ ихъ юнымъ сердцамъ.

— Что происходитъ въ этой головѣ?—спросила вдругъ Мариетта, прикасаясь пальцемъ ко лбу своего друга.—Быть можетъ, я имѣла несчастіе не угодить вамъ, что вы смотрите на меня такимъ недобрымъ взглядомъ?

Съ минуту онъ какъ будто колебался, потомъ рѣзко сказалъ:

— Мариетта, я хочу знать, любили ли вы кого-нибудь больше меня?

— О, другъ мой, какъ можете вы задавать подобные вопросы и особенно въ такомъ мѣстѣ?...

— Скажите мнѣ, умоляю васъ!... Я хочу знать...

— Я не знаю, даже любила ли я кого-нибудь, кромѣ васъ, гадкій вы человекъ!

— Но вы же сами сказали мнѣ это!

— А если теперь мнѣ угодно забыть это, то какое право, спрашиваю я васъ, имѣете вы вспоминать?

Подстрекаемый какимъ-то гадкимъ любопытствомъ, поднимающимся изъ глубины сердецъ мужчинъ, Оливье настаивалъ, чтобы она отвѣтила на его вопросъ. Что-то, сильнѣе его воли, заставило его думать о любовникахъ, которыхъ она имѣла, и находить на устахъ своей прежней любовницы слѣды не своихъ поцѣлуевъ, а ихъ. И хотя онъ самъ себѣ былъ противенъ, но онъ не могъ побѣдить гнуснаго желанія провѣрить страсти, которыя она внушала, и своими собственными ушами убѣдиться, въ какой степени она ихъ раздѣляла.

— Оливье, Оливье, это было бы отвратительно, если бы вы не были безумнымъ въ эту минуту!—сказала Мариетта.

У него хватило духу отвѣтить, что онъ не изъ ревности спрашиваетъ ее.

— А, да!—произнесла она.—Ну, милый мой, если такъ, если это забавляетъ васъ, будемъ говорить о моихъ капризахъ и о вашихъ побѣдахъ... Это будетъ какъ нельзя болѣе уместно.

Тогда въ немъ произошелъ рѣзкій переворотъ. Ему сдѣлалось стыдно и за низкое побужденіе, порыва котораго онъ не сумѣлъ побѣдить, и за подлость, которую онъ совершалъ, оскорбляя эту женщину, великодушно отдающуюся ему.

— Мариетта,—началъ онъ,—прости!... Я былъ, дѣйствительно, безумецъ... Я самъ чувствую теперь, что святотатство говорить въ этомъ мѣстѣ, гдѣ мы любили другъ друга, о другой любви, кромѣ нашей!

Она протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и они принялись болтать о томъ и другомъ, о парижскихъ театрахъ, о му-

зыкѣ, романахъ, легкимъ тономъ свѣтской болтовни. Но, въ то же время, они наблюдали другъ за другомъ съ проникательностью, которую давала имъ пріобрѣтенная опытность, и они начинали видѣть другъ друга не такими, какими они казались при встрѣчѣ, а какими сдѣлала ихъ жизнь за время ихъ долгой разлуки. Маріеттѣ показалось, что ея другъ сдѣлался скептикомъ, насмѣшливымъ, пресыщеннымъ человѣкомъ, что его острый критическій умъ иссушилъ въ немъ источникъ великодушныхъ порывовъ. Оливье съ своей стороны замѣтилъ, что бывшая учительница, превратившись въ великосвѣтскую даму, утратила свою естественность, что въ ней не осталось той цѣломудренной скромности, того обаянія невинности и наивности, которыя придавали когда-то его молодой любовницѣ почти дѣвственный и какъ бы трогательный видъ, и они оба разочаровывались, замѣчая, насколько года отняли сходства у идеальныхъ образовъ, сохранившихся въ ихъ воспоминаніи.

По окончаніи завтрака Маріетта и Оливье отправились гулять по городу. Они зашли въ Ватиканъ и удивились, что не чувствуютъ того благовѣйнаго трепета, который они испытывали прежде, входя въ свѣтилище Рафаэля и Микель-Анджело. Они посѣтили Сикстинскую капеллу, Станцы и Ложи.

— Что же, — сказала Маріетта, выходя, — ты ничего не говоришь?

— Что хочешь ты, чтобы я говорилъ?... Я возмущу тебя, если признаюсь, что не нахожу всего этого такимъ прекраснымъ...

— Странно! — отвѣтила Маріетта. — На меня это произвело такое же впечатлѣніе... Видишь ли, милый мой, у насъ были протыя сердца въ тѣ времена, а теперь не то...

— Можетъ быть.

Она слегка вздохнула и прибавила черезъ минуту:

— Это жаль! Какъ хорошо было восхищаться!

Впечатлѣніе разочарованія, только что произведенное на нихъ искусствомъ, присоединилось къ чувству грусти, уже закраившемуся въ ихъ сердца, и увеличило смутное недовольство, которое они начинали испытывать.

Они взяли экипажъ и поѣхали на Via Appia въ тотъ часъ, когда заходящее солнце освѣщаетъ мягкими тонами мраморъ античныхъ гробницъ и страшно удлиняетъ тѣнь водопроводовъ. Во времена ихъ любви, Оливье, утомленный дневнымъ трудомъ, приходилъ иногда къ Маріеттѣ, ожидавшей его въ Пинчіо, на скамейкѣ, и они шли за городъ, выбирали гдѣ-нибудь въ полѣ лужайку, пе-

стрѣющую цвѣтами, садились рядомъ и въ безмолвномъ восторгѣ любовались картиной, казавшейся имъ тогда самую величественной на свѣтѣ.

Потомъ, когда солнце скрывалось тамъ, въ сторонѣ моря и Остіи, они возвращались домой, серьезные, задумчивые, проникнутые величественною красотой мѣста и картины. Оливье читаль на ходу стихи, которые она повторяла потихоньку, или разговаривали о богахъ Рима, которыхъ они чувствовали повсюду вокругъ себя, о лучезарномъ Аполлонѣ, блестящую колесницу котораго они только что видѣли, о непорочной Діанѣ, нѣжный и блѣдный серпъ которой начиналъ блестѣть надъ Сабинскими горами; ихъ души, упоенныя великолѣпіемъ формъ и очарованіемъ красокъ, дѣлались языческими въ этой средѣ, полной античнаго величія; и медленно, рука въ руку, устремивъ взоръ къ небесамъ, гдѣ тамъ и сямъ загорались звѣздочки, они возвращались по дорогѣ, окаймленной гробницами, и шаги ихъ гулко раздавались по громаднымъ камнямъ, попиравшимся, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, римскими сандалями. Въ этотъ день, дойдя до гробницы Цецилія Метелла, Маріетта вдругъ воскликнула:

— Ахъ, мой блѣдный Оливье, какая мнѣ сегодня неудача!... А я такъ радовалась этой прогулкѣ!... Я не люблю больше римской Кампаньи, это прошло!...

— Дѣло въ томъ, — отвѣтилъ Оливье, — что и окрестности Париза также красивы, но въ другомъ родѣ.

Пройдя метровъ сто дальше, они встрѣтили группу молодыхъ людей, разговаривавшихъ по-французски; ихъ сопровождали три или четыре красивыя дѣвушки, смуглыя, высокія, стройныя, какъ каріатиды. Это были пансіонеры виллы Медичи, художники, прогуливавшіеся съ своими натурщицами. Они смѣялись, цѣловали красивыхъ дѣвушекъ съ бессмысленными глазами, пѣли пѣсни, говорили нелѣпыя каламбуры; затѣмъ юное искристое веселье быстро потухало: вздорную болтовню смѣняли разсужденія объ искусствѣ; они вдругъ дѣлались серьезны и повторяли, показывая другъ другу возвышающіеся вдали холмы Альбано и Фраскати: «какъ великолѣпно! какъ красиво!» Затѣмъ снова раздавался громкій хохотъ, веселыя шутки и заигрыванья съ спутницами. Маріетта и Оливье слѣдили за ними глазами, пока они не скрылись за поворотомъ; тогда, не говоря ни слова, они обмѣнялись долгимъ взглядомъ. Этотъ взглядъ означалъ: «Вотъ какими и мы были!... Что же измѣнилось въ насъ?»

Наступала ночь и они отправились въ ресторанъ, расположенный по ту сторону *Ponte-Molle*, на лѣвой сторонѣ дороги, ведущей къ скалѣ Назоновъ. Они часто приходили сюда съ веселою толпой друзей устраивать маленькія пирушки, во время которыхъ *Asti sprumante* зажигало ихъ сердца такимъ же весельемъ, какъ родныя французскія вина. Они пообѣдали вдвоемъ въ кабинетѣ, гдѣ узнали полинявшіе и постарѣвшіе персидскіе обои съ бѣлыми и розовыми букетами на голубомъ фонѣ. За десертомъ Оливье спросилъ *Marietta*, помнитъ ли она ту старую пѣсню, которую онъ такъ любилъ.

Она запѣла, но имъ сейчасъ же показалось, что веселье словъ и музыки звучитъ какою-то фальшью.

— Ты плачешь?—спросилъ онъ, видя, какъ двѣ крупныя слезы выкатились изъ глазъ *Marietta*.

— Это такъ!—сказала она.—Я вспомнила бѣднаго Генриха...

Это былъ авторъ пѣсни, одинъ изъ ихъ лучшихъ друзей, умершій отъ чахотки на двадцать пятомъ году.

— Ты также плачешь?—воскликнула и *Marietta*.—Что съ тобой?

— Не обращай вниманія... Я тоже думаю о Генрихѣ...

Они лгали другъ другу: оба они плакали о себѣ самихъ, а не о погибшемъ другѣ.

— Вернемся домой, хочешь?—спросилъ Оливье.

Не произнеся ни одного слова, они прошли разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ комнаты, полной цвѣтовъ, гдѣ они любили другъ друга и гдѣ предполагали, нѣсколько часовъ тому назадъ, снова любить, снова быть счастливыми, какъ бывало. Медленнымъ шагомъ, какимъ провожаютъ покойника на кладбище, совершили они этотъ послѣдній переходъ въ погонѣ за прошлымъ. Острая до боли печаль овладѣла всѣмъ ихъ существомъ; усиліе, которое они сдѣлали, чтобы воскресить молодость и вернуть свѣжесть прежней любви, повлекло за собой только тоску, горькое разочарованіе. Любовь, искусство, природа, сами они,—все это одно за другимъ, во время этой несчастной прогулки, служило имъ поводомъ къ недовольству, сожалѣнію и грусти. Когда они дошли до дверей, они взглянули другъ на друга, каждый надѣясь найти въ глазахъ другаго лучъ, который бы поддержалъ его, но въ ихъ глазахъ былъ мракъ, также какъ и въ ихъ душахъ, и они неподвижно стояли другъ противъ друга, чувствуя, что съ каждою секундой надвигается и растетъ что-то непреодолимое и раздѣляетъ ихъ навсегда.

— До завтра, другъ мой,—произнесла, наконецъ, маркиза, протягивая руку.—Я устала!...

— Какъ хотите, -- отвѣтилъ онъ, -- я тоже усталъ... Покойной ночи, Мариетта!

— Прощайте, Оливье!

Все было кончено.

На другой день Оливье проснулся поздно. Слуга подалъ ему письмо. Оно было отъ Мариетты и заключало въ себѣ слѣдующее:

«Когда вы получите это письмо, меня уже не будетъ здѣсь... Мы ошиблись, другъ мой, требуя отъ нашей прежней любви чего-нибудь другаго или лучшаго, чѣмъ воспоминаніе... Сохранимъ благоговѣнно эту увядшую розу и не будемъ добиваться, чтобы она вновь расцвѣла... Я не та Мариетта, которую вы любили, а вы не тотъ Оливье, котораго я боготворила. Вы сами видѣли, что мы искали другъ друга и не нашли. Намъ обоимъ недостаетъ чего-то, чего нельзя замѣнить ничѣмъ: чистоты сердца и молодости. Поэтому-то мы сдѣлали тщетную попытку, попробовавъ вновь дать счастье другъ другу, какъ въ тѣ времена, когда мы были юны и наивны: любовь дважды не приходитъ».

В. Р.

ГРѢХИ ТЯЖКІЕ *).

(Очерки).

V. «Невидимки».

I.

Едва только грѣховодникъ купонъ прикоснется своею антихристовою печатью къ тихой степной станицѣ или къ тихому черноземному селу, на тихой рѣкѣ, и запечатлѣветъ это прикосновеніе, бросивъ на тихомъ берегу парходную пристань, а въ привольной степи станцію или вокзалъ желѣзной дороги, — такъ съ той же минуты и въ станицѣ, и въ селѣ начинается твориться что-то никогда небывалое, никому неизвѣстное и, главное, нѣчто такое, чему никакъ нельзя не повиноваться. Какая-то невѣдомая сила разламываетъ бѣленькіе уютные домики, утопавшіе въ зелени тополей, и строить огромнѣйшіе, столичнаго фасона дома; строить одно зданіе вслѣдъ за другимъ, безъ отдыха и остановки, наполняетъ эти зданія гостиницами, огромными, невиданными прежде магазинами, изъ которыхъ какъ бы сами собой лѣзутъ и сами собой надѣваются на всѣхъ по-просту одѣтыхъ обывателей новые небывалые костюмы, пиджаки, визитки, всякія необыкновенныя шляпы, тюрнюры. Невѣдомая сила, не говоря ни слова, не приказывая черезъ полицію, начинаетъ выгонять мирныхъ жителей, проводившихъ тихіе лѣтніе вечера за игрою въ дурачки, въ кафе-шантаны, въ загородные сады, заставляетъ слушать шансонетки на непонятномъ языкѣ, учитъ не стыдиться короткихъ, выше колѣнъ, юбокъ, выразительныхъ движеній акробатовъ и наѣздниковъ цирка, и сразу, по щучьему велѣнью, гипнотизируетъ массы скромныхъ и совершенно невинныхъ дѣвушекъ, дочерей мѣстныхъ небогатыхъ обывателей, выгоняя ихъ на новый промыселъ на новомъ тротуарѣ.

*) *Русская Мысль* 1888 г., кн. XII.

Вчера одна изъ этихъ невинныхъ дѣвушекъ думала выйти замужъ за дьячкова сына или за прикащика въ овощной лавкѣ, получающаго три рубля, другая собирались торговать калачами, а третья и ея подруга совсѣмъ было рѣшили идти въ монастырь. Но пришелъ антихристъ, изумилъ тысячами неожиданностей, прервалъ и уничтожилъ всѣ мысли, воспитанныя исконною жизнью въ тихой семьѣ тихой станицы, тихаго села, и, оставивъ безъ своихъ мыслей, «внушилъ» страхъ «пропастъ», живя съ пустыми руками, осрамилъ простой самодѣльный нарядъ, осрамилъ наивныя мечты быть счастливой съ прикащикомъ, съ дьячковымъ сыномъ, и вытацилъ, почти безъ сопротивленія, точно виноватыхъ въ невѣжествѣ и бѣдности, въ сады, въ «шантаны», на гулянья, въ номера, закабалилъ одежей, шляпкой, зонтикомъ, ботинкомъ съ коблучкомъ.

Такого рода послѣдствія прикосновенія антихристовой печати къ тихимъ уголкамъ русской земли большею частью прिवѣтствуются людьми безразличнаго образа мыслей о себѣ и ближнемъ, какъ радостныя событія, какъ благодатный дождь, оросившій пустынный мѣста и пробудившій въ нихъ жизнь; но въ комъ есть капля чувства, чтобы ощущать въ дѣлахъ человѣческихъ разницу между «медомъ и дегтемъ», между добромъ и зломъ, тому нельзя, безъ ощущенія бровнаго огорченія, равнодушно смотрѣть на эти внезапныя, мгновенныя процвѣтанія нашихъ тихихъ селъ, тихихъ станицъ. Приглядѣвшись и притерпѣвшись на своемъ вѣку ко всякимъ жестокостямъ жизни, и даже привыкнувъ немалое количество ихъ почитать «неизбѣжными фазисами», я, все-таки, не могъ не испытать, при видѣ этихъ внезапныхъ процвѣтаній, того самаго ощущенія, которое иногда выносилось съ кладбища, гдѣ только что зарыли милаго и симпатичнаго человѣка. Два года тому назадъ онъ, милый человѣкъ, былъ живъ, сидѣлъ, веселый и здоровый, подъ этимъ окномъ, любовался вечеромъ и тополемъ; сидѣлъ онъ въ одной рубахѣ, распоясанный, и отъ жары былъ даже босикомъ, но, главное, онъ былъ простъ, добръ, веселъ и, еще главнѣе, былъ живъ. А теперь онъ одѣтъ, застегнутъ, обритъ, причесанъ, но уже мертвъ, блѣденъ, съ истощеннымъ лицомъ, хотя и въ красивомъ, газетовомъ, позолоченномъ гробу.

Хорошо, весело было проѣхать по грунтовымъ дорогамъ Кубанской области, когда еще «чугунка» только строилась и только еще носились слухи, что она «когда-то будетъ». Что будетъ послѣ этого, никто не зналъ, да и не думалъ объ этомъ. Овощный прикащикъ вполне еще вѣрилъ въ свой предстоящій бракъ и невѣста его тер-

пѣливо ждала того дня, когда ея женихъ наживетъ пятнадцать рублей, чтобы заплатить за свадьбу. Тихо тянулись свѣтлые, несуетливые дни; солнце, не спѣша, шло по небу цѣлый Божій день; не торопилось оно и начинало садиться лишь тогда, когда уже видѣло, что стала позѣвывать вся Кубанская область. Для шутиваго разговора, отъ котораго даже и въ старикахъ играла жизнь, времени хватало ни чуть не меньше, чѣмъ на работу. Но прошло два года, припечаталъ антихристъ къ «тихому мѣсту» шумный вокзалъ, и вся эта благодать пошла прахомъ. За огромными зданіями пропала древняя станичная церковка; ранній, до заутрени, унылый, тревожный, пронзительный свистъ паровика поглотилъ скромные, рѣдкіе, осторожные звуки колокола, начинавшаго призывомъ къ «заутрени» тихій станичный день; пропала мягкая дорога и каждое колесо затрещало, загремѣло по каменной мостовой; суета, огни, суматоха встрѣчныхъ и поперечныхъ пиджаковъ, шляпъ, турнюровъ, зонтиковъ. Суматоха безъ разговоровъ, молчаливая, дѣловая; молчаливая, скучная, задумчивая, обремененная антихристовыми печатями толпа, снующая по гуляньямъ, бульварамъ, циркамъ, снующая подъ звуки скрипокъ, духовыхъ инструментовъ, подъ хлопанье турецкаго барабана, который какъ будто всѣми силами старается растолкать этотъ, удрученный антихристовою печатью, народъ. Нѣтъ, это уже гробъ газетовый, обитый серебряною парчой, и въ немъ уже не живой, хотя и разукрашенный покойникъ.

II.

Въ такомъ-то новоявленномъ, внезапно процвѣтшемъ городѣ Кубанской области пришлось мнѣ, года два тому назадъ, прожить цѣлую недѣлю. Передъ этимъ я былъ въ немъ еще двумя годами раньше, и хотя въ немъ и тогда были уже замѣтны кое-какіе слѣды пришествія антихриста (новая гостиница, какая-то панорама и лотерея), но все это было еще въ самомъ слабомъ намегѣ и вовсе не мѣшало вполне ясно ощущать и видѣть жизнь большой, обильной довольствомъ станицы, тихаго, простаго, лѣниваго, но не купленнаго и не проданнаго уголка. Несказанно пораженъ былъ я блескомъ газетоваго гроба, когда заглянулъ сюда еще черезъ два года послѣ перваго посѣщенія; степной городъ, т.-е. большая, богатая станица, былъ уже припечатанъ антихристомъ къ новороссійской желѣзной дорогѣ, чрезъ станцію Тихорѣцкую былъ уже скованъ рельсовыми желѣзными объятіями со всею Россіей, а чрезъ Черное море и Новороссійскій портъ—со всѣмъ бѣлымъ свѣтомъ.

Онъ уже присосался ко всему бѣлому свѣту и бѣлый свѣтъ присосался къ нему. И уже жадно пьютъ они другъ изъ друга «свѣженькую кровушку»...

Не будь у меня самой настоятельной необходимости прожить въ этомъ городѣ недѣлю и не имѣй я въ это время работы, которая приковывала меня къ столу и почти не выпускала изъ номера новой гостиницы, я не знаю, какъ бы я пережилъ эту недѣлю тоски при видѣ преобразованной въ городъ станицы и тихой станичной *жизни* въ шумную, трескучую городскую суету-суеть. Но хотя обязательная работа и держала меня почти постоянно въ номерѣ гостиницы у стола и у пера, все-таки, нельзя было не выходить на улицу. Палящій іюльскій зной раза три, а то и четыре въ день непременно выгонялъ меня на Кубань, въ купальню, и тогда я, волей-неволей, долженъ былъ видѣть реформированную купономъ жизнь новаго города. Путь мой изъ гостиницы на Кубань лежалъ по большой улицѣ, мимо училища и собора, мимо цѣлаго ряда новенькихъ съ иголки магазиновъ, кондитерскихъ, конторъ нотаріусовъ, мимо вывѣсокъ ссудныхъ жассъ, зубныхъ врачей, парикмахерскихъ и т. д. вплоть до третьяго перекрестка, обогнувъ который я уже шелъ до Кубани по прямой линіи мимо большой базарной площади, бывшей въ это время положительно человѣческимъ рынкомъ.

Въ особенности было многое множество станичныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ (старухъ, вѣдь, не берутъ на работу), которыхъ всякаго рода «арендатели» буквально расхватывали цѣлыми толпами на полевые работы. Въ это время во всѣхъ направленіяхъ дорогъ, идущихъ къ Темрюку, къ Крымской станицѣ и за Кубанью, постоянно мчались фуры и всякаго рода повозки, нагруженные этимъ живымъ товаромъ; человѣкъ по восьми, по десяти молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ сидятъ, свѣсивъ голыя ноги по бокамъ фуры, и иногда пѣсни поютъ, а иногда молчатъ, точно бараны, которыхъ везутъ на продажу и которые не понимаютъ, что съ ними дѣлаютъ. Огромное количество ихъ везутъ на табачныя плантаціи, огромное количество ихъ поглощаетъ Ростовъ на табачныхъ фабрикахъ, огромное количество ихъ, тысячами, моетъ въ Дону овечью шерсть. Все это приходитъ полное цвѣтущаго здоровья, приносить съ собой дѣтскую способность придавать труду отъѣнокъ простой, изящной, радостной игры, но какъ все это гибнетъ, какъ все это истаптывается подъ ногами купона, какъ все это рвется въ клочья! Одни рассказы о пришлыхъ и уже отвѣдавшихъ благъ купона рабочихъ о томъ, что творится съ этими молодыми женщинами на однѣхъ

только табачныхъ плантаціяхъ, которые мнѣ пришлось слышать, производятъ непередаваемое словами, кровное огорченіе; и, вѣдь, съ дѣтскимъ весельемъ, даже, пожалуй, съ пѣснями, постепенно только замирающими, гибнуть онѣ. Сколько молодого тепла, живой силы, могучаго здоровья чувствуешь, бывало, въ этой сплошной массѣ молодого рабочаго народа, пробиваясь сквозь ихъ плотные ряды (онѣ тѣснятся около какого-нибудь «арендателя») по дорогѣ въ купальню. Раннимъ утромъ ихъ бывало на базарѣ, буквально, видимо-невидимо. Точно изъ бани жарко натопленной выйдешь, выбравшись изъ океана этой продающейся живой человѣческой силы, и тутъ же, на каждомъ шагѣ, видишь, какъ эта сила выматывается изъ человѣка.

Вся правая сторона базара застроена новыми домами, переполненными всякаго рода питейными заведеніями; портерная смѣняется кабакомъ, кабакъ — трактиромъ безъ машины, а этотъ послѣдній смѣнился огромнымъ вертепомъ съ неустанно ревающимъ оркестріономъ, конечно, дешеваго издѣлія. Во всякое время дня, особливо въ самыя раннія часы, въ часы похмѣлья послѣ вчерашняго, и вечеромъ, послѣ оконченной работы, для похмѣлья завтрашняго, — все эти пьяныя мѣста бывали переполнены народомъ обоюго пола и всякаго возраста; въ открытыя отъ жары, духоты, трактирнаго кухоннаго смрада окна видны были толпы рабочаго народа, кучами облипавашаго крошечные трактирные столики. Городъ «процвѣталъ» не по днямъ, а по часамъ, строился, красился, прифранчивался на всѣ манеры — и рабочій народъ валилъ сюда тысячными толпами. Пьянаго народа, горланящаго дѣсни или безпомощно склонившагося надъ столомъ, свѣсившаго голову за спинку стула, какъ изъ мужчинъ, такъ и изъ женщинъ, даже изъ самыхъ юныхъ дѣвушекъ, всегда было во всѣхъ этихъ заведеніяхъ множество. Пришлый народъ зарабатывалъ и пропивалъ, входилъ въ случайныя связи, совращалъ и самъ совращался съ пути. Много всякаго безобразія приходилось мнѣ видѣть въ открытыя окна заведеній каждый разъ, когда я шелъ на Кубань, и подъ конецъ моего пребыванія положительно едва могъ переносить эти ревушіе звуки органовъ, эти ўханья барабана, мѣднаго скрежета органныхъ тарелокъ, акомпанировавшихъ угасанію живой силы въ сивухѣ и въ грубомъ распутствѣ.

Наконецъ, слава Богу, насталъ день отъѣзда. Поѣздъ отходилъ днемъ; часа за полтора до отъѣзда я заглянулъ на почту и въ первый разъ въ теченіе недѣли имѣлъ случай пройти по городу необычнымъ для меня путемъ. Возвращался я черезъ базаръ, но уже

съ противоположнаго конца, и долженъ былъ перейти его весь, и поперекъ. Въ этомъ концѣ звуки неистовствовавшаго органа были почти совершенно не слышны; по временамъ только едва-едва слышалось его гудѣнье и только въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ сразу занеистовствуетъ очень ужъ много инструментовъ. Но среди непривычной тишины, въ этомъ углу базара, неожиданно стали слышаться откуда-то какіе-то иные звуки, унылые, глубокіе, трогательные. Они такъ были неожиданны послѣ пьянаго кабацкаго рева и грохота трактирныхъ машинъ, что я невольно остановился и прислушался. Звуки ясно доносились до меня и ясно напоминали звуки церковнаго органа. Что-то глубоко одолавающее душу горькою печалью слышалось въ нихъ, хотя они были какъ-то отрывочны и, прозвучавъ, растрогавъ, замолкали на нѣсколько мгновеній. Скоро я уловилъ тотъ пунктъ, откуда они доносились, и пошелъ по ихъ направленію. Огромная толпа народа окружала то мѣсто, откуда они шли и слышались все яснѣе и яснѣе, но, къ сожалѣнію, замолкли въ то время, когда я сталъ торопливо проталкиваться опять съвозъ ту же горячую, сплошную массу человѣческихъ тѣлъ.

III.

Звуки замолкли, толпа хранила мертвое, благоговѣйное молчаніе, а я увидѣлъ слѣдующее: прямо на землѣ, то-есть на толстомъ слоѣ сухаго навоза, стоялъ, покосившись на бокъ, старый-престарый гармоніумъ. Отъ дождей, отъ ветхости онъ было самаго жалкаго вида; задняя часть, для защиты механизма отъ пыли, была кое-какъ завѣшена грязнымъ лоскуткомъ пестрой фланели, повидимому, вырѣзанной изъ женской юбки; какое-то дорогое дерево, которымъ былъ когда-то отдѣланъ инструментъ, мѣстами было совершенно ободрано, а мѣстами вздулось пузырями и уже лопнуло. Подвижные бронзовые подсвѣчники были отломлены, а вверху инструмента стояла деревянная чашка, точь-въ-точь такая, какую протягиваютъ прохожему, прося подаянія, слѣпые нищіе.

За этимъ жалкимъ инструментомъ сидѣлъ слѣпой человѣкъ, полный, какъ бы отекшій, слегка рябой. Куча густыхъ черныхъ волосъ, топорщась на затылкѣ, закрывала весь его лобъ. Песокъ густо напитался въ эти густые волосы, густо покрывалъ инструментъ и весь нищенскій костюмъ (рваный пиджакъ и грязную рубаху съ разстегнутымъ воротомъ) слѣпца. Онъ сидѣлъ на старомъ, мягкомъ, но тоже совершенно оборванномъ креслѣ и, повидимому, отдыхая, нюхалъ изъ тавлинки табакъ. Несмотря на его впалые,

мертвые глаза, лицо его не носило отпечатка горя или несчастія, напротивъ, оно было самое добродушное, веселое, даже до того веселое, что ослабляло тѣ впечатлѣнія печали, которыя доносились отъ мѣста, гдѣ былъ слѣпецъ и его гармоніумъ. Онъ какъ бы не замѣчалъ, что онъ слѣпъ, и, повертывая въ жирныхъ, короткихъ, хотя, признаться, грязныхъ-прегрязныхъ пальцахъ свою березовую тавлинку, разговаривалъ съ народомъ всегда съ легкой улыбкой на губахъ. А къ нему подходили изъ толпы разные люди довольно часто.

— Отпойте, будьте милосливы, нашей Корсунской!—робко, почти шепотомъ, проситъ старенькій крестьянинъ, подходя къ гармоніуму безъ шапки и глядя въ деревянную чашку пятакъ.

— «Заступница усердная»?—спрашиваетъ слѣпецъ, поворачивая лицо какъ разъ въ ту сторону, гдѣ шепчетъ крестьянинъ, и уничтожая этою чуткостью слуха всякую тѣнь непріятнаго впечатлѣнія его слѣпоты.

— Ужь будьте добрые, нашей Корсунской!... Не прочимъ какимъ...

— Прочихъ, душа моя, никакихъ нѣтъ!—поплотнѣй привалившись спиной къ креслу и понюхивая табагъ, ужь прямо съ улыбкой, добродушнѣйшимъ голосомъ, начинаетъ онъ разсуждать.—Есть это у васъ упрямство: то Корсунской, то Почаевской, то Владимірской... Упорство этакое, чтобы «нашей»!... Отпой именно «нашей», а не чужой!

Слышатся въ толпѣ какіе-то голоса и возраженія, но сразу ихъ не поймешь.

— Никакихъ «прочихъ» нѣтъ, а есть одна Владычица Богородица! Одна! Въ тысячахъ мѣстахъ она являлась, а все одна и во всѣхъ мѣстахъ ей одна похвала — «Заступница усердная, Мати Господа вышняго!...» И нѣтъ ничего больше... «Нашей»!... Одна Она Владычица!

Слѣпецъ крѣпко понюхалъ и отеръ носъ скомканнымъ платкомъ непостижимаго цвѣта.

— Ну, пуцай ужь! Отпойте хошь!

— Вотъ такъ бы и надо!

Слѣпецъ потеръ носъ и прибавилъ:

— Отпою! Очереди надо погодить... Раньше псаломъ просили...

Во время этого разговора изъ толпы постоянно выходили крестьяне, козаки, мужчины, женщины и клали деньги въ чашку. Одинъ высокій русскій мужикъ, плотникъ, съ инструментами и мѣшкомъ за спиной, поспѣшно проходя мимо толпы и слыша разговоръ о бо-

жественномъ, оглядѣлъ все это, минуту пораздумалъ, потомъ, быстро снявъ шапку, перекрестился, проворно вынулъ изъ кошелька двѣ копѣйки, положилъ ихъ въ чашку и, взявъ оттуда копѣйку сдачи, поспѣшно пошелъ «по своимъ дѣламъ». Деньги каждую минуту звякали въ чашку, каждую минуту люди подходили и просили отпѣть либо то, либо другое («Упокой, Господи, душу раба твоего...» и пр.), а слѣпецъ сидѣлъ, поигрывалъ табакеркой, очевидно, ясно ощущалъ каждый звукъ копѣйки, падающей въ чашку, и, повидимому, вовсе не скучно себя чувствовалъ.

Изъ среды обыкновенной массы рабочихъ и деревенскихъ людей, которые толпились около слѣпца, иной разъ выдѣлялись какія-то странныя личности бродяжнаго, неприютнаго типа, доказывавая постороннему наблюдателю, какъ много въ народѣ этихъ странствующихъ оригиналовъ и какъ мало мы знаемъ нашъ народъ, понимая его только какъ земледѣльца. Неожиданно подошелъ изъ толпы какой-то рослый дѣтина; блестящіе, возбужденные, какъ у дerviша, глаза, раскрытая, опаленная солнцемъ грудь, нищенскій костюмъ, мѣховая рыжая шапка и какія-то сумки, повѣшенные черезъ оба плеча справа и слѣва, и, наконецъ, длинный, въ ростъ человѣка, посохъ,—все это говорило, что человѣкъ этотъ какой-то фанатикъ скитальчества, безпокойный искатель чего-то, а, пожалуй, и проповѣдникъ.

Последнее подтвердилось очень скоро. Протолкавшись сквозь толпу, онъ протянулъ слѣпцу руку, на которой не было двухъ пальцевъ, и сказалъ нервно и торопливо:

— Возьми руку-то!... Пощупай!... Что? узналъ?

Слѣпой нѣсколько секундъ молча ощупывалъ руку и вдругъ, какъ будто что-то вспомнивъ, весь просіялъ и съ юношескою улыбкой обернулся въ сторону странника.

— А-а-а! Кузнецовъ? Ты, что ли?...

— Я, я, я, Кузнецовъ! Вспомнилъ?

— Какъ не вспомнить!... Ну, какъ же ты? Откуда? Куда?

Но пока слѣпой говорилъ это, Кузнецовъ уже кричалъ ему:

— Не говори! не спрашивай! Нельзя намъ при народѣ болтать!... Понимаешь? Одно—всѣмъ уважу пути! Всѣмъ пути уважу!... Молчи, не разговаривай! Понимаешь?

Кузнецовъ вырвалъ у слѣпца руку и отошелъ въ толпу, а слѣпой опять понюхалъ табакъ, тихо размѣялся и, слегка повернувъ голову въ ту сторону, гдѣ онъ ощущалъ присутствіе Кузнецова, смѣшливымъ тономъ сказалъ ему:

— Эхъ, Кузнецовъ, Кузнецовъ!... Все ты, я вижу... пути все

у тебя! Ужь ежели мы съ тобой пути будемъ показывать, такъ всё, брать, отъ насъ разбѣгутся!... Пути!

И слѣпой засмѣялся, но Бузнецовъ, попрежнему, еще не до-слушавъ его словъ, опять кричалъ:

— Молчи, молчи! не говори! Укажу, укажу пути! Оставь!... Прощай!

— Ай идешь?

— Иду, прощай! Спаси тебя Христось!... Укажу!...

— Ну, съ Богомъ!

Слѣпой еще разъ со смѣшкомъ сказалъ: «пути!», затѣмъ протянулъ руку къ чашкѣ, ссыпалъ изъ нея деньги въ горсть и положилъ ихъ въ боковой карманъ; потомъ торопливо понюхалъ табакъ, отеръ носъ тѣмъ же приѣмомъ и, подвинувшись съ табуретомъ немного впередъ, спросилъ толпу:

— Кто желалъ «Помилуй мя, Боже»?

Послѣ незначительнаго молчанія какой-то мужичокъ выдѣлился изъ толпы и почти шепотомъ сказалъ:

— Мы!

— Ну, вотъ, извольте.

IV.

Слѣпой придвинулся съ кресломъ къ инструменту, протянулъ руки къ клавишамъ, низко нагнулся надъ ними и въ ту же минуту лицо его приняло умное, даже глубоко-умное выраженіе. Тихимъ речитативомъ, тихимъ и мягкимъ теноромъ, онъ не пропѣлъ, а съ глубокимъ чувствомъ произнесъ, медленно, вразумительно, первую строчку псалма: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Осторожное прикосновеніе къ клавишамъ, двумя тремя тянучими скорбными нотами, придало этому покаянному вздоху рыдающее выраженіе,—и толпа была сразу взята этими звуками «за душу», «за живое». Приходилось мнѣ бывать на богослуженіяхъ въ католическихъ соборахъ за границей, въ Парижѣ, Кельнѣ; сравнивать музыку церковныхъ органовъ съ музыкой ветхаго гармоніума на базарной площади, конечно, было бы дѣломъ «неумственнымъ», но мнѣ кажется, что въ речитативахъ и музыкѣ базарнаго пѣвца было одно несомнѣнное достоинство: речитативы его возбуждали въ толпѣ *понятныя* душевныя муки и скорби, прямо проникали въ душу, въ совѣсть слушающей толпы; въ речитативахъ слѣпца звуки только усиливали смыслъ и значеніе какъ бы пересказываемыхъ имъ душевныхъ терзаній

псалмопѣвца. Красота, сила и могущество *звуковъ* органа и хора поглощаютъ простой и трогательный смыслъ *слова*, выраженнаго въ духовной пѣснѣ. Эти звуки органа и хора волнуютъ, потрясаютъ, то радуютъ, то разжалобиваютъ, но дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, только на нервы слушателя, волнуя ихъ неясно сознаннымъ, хотя и могущественнымъ впечатлѣніемъ. Великолѣпный архіерейскій хоръ въ нашемъ православномъ кафедральномъ соборѣ также потрясаетъ только нервы слушателей, стремясь къ тому, чтобы въ сильные моменты религіознаго пѣнія громокипящими звуками былъ переполненъ весь огромный храмъ, вплоть до самой дальней глубины всѣхъ четырехъ куполовъ. «Хорошо!» — говорятъ знатоки хороваго пѣнія, когда дьяконъ съумѣетъ расколоть своимъ многолѣтіемъ нѣсколько аршинныхъ стеколъ въ окнахъ собора. И точно хорошо, даже, какъ иногда выражаются любители, «любо-два».

Но все это ничто сравнительно съ вразумительнымъ, задушевнымъ пересказомъ внятными, *понятными* каждому живому человѣку, словами, который сразу захватилъ за душу всю толпу простаго народа, какъ только слѣпецъ произнесъ первое слово и усилилъ его осторожнымъ, въ мѣру взятымъ, простымъ, подходящимъ къ смыслу слова звукомъ своего полугнилаго гармоніума.

Омой меня отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти меня...

Беззаконія мои я сознаю и грѣхъ мой всегда предъ Тобою...

Я въ беззаконіи зачатъ и во грѣхѣхъ родила меня мать моя...

Когда, при какихъ условіяхъ русскій простой человѣкъ, этотъ вѣчный недоимщикъ, неплательщикъ, этотъ постоянный разрушитель довѣрія къ Россіи крупныхъ финансовыхъ фирмъ, постоянный напоминатель всему отечеству о предстоящихъ неурожаяхъ, засухахъ, голодовкахъ, когда это существо, съ представленіемъ о которомъ всегда мерещится какое-то и чего-то разореніе, изможденіе, непосильное растрачиваніе силъ, питаемыхъ мякиной, древесною корой, — когда и при какихъ наилучшихъ обстоятельствахъ своей жизни могло бы это существо хоть только ознакомиться съ ощущеніемъ своего личнаго паденія, грѣха, личнаго страданія, личною скорбью о самомъ себѣ? Тотъ же псаломъ весь вѣкъ бормоталъ ему сельскій приходскій дьячекъ также въ недалекомъ отъ него разстояніи — съ клироса и также съ цѣлью наполнить звуками «кумполь» сельской церкви. О покаяніи во грѣхахъ и батюшка упоминалъ передъ великимъ постомъ съ амвона. И каяться ходилъ всякій изъ этой блуждающей по лицу земли Русской толпы проста-

го народа, плетущагося за кускомъ хлѣба, за пропитаніемъ для своего семейства... Но никогда никто изъ всей этой темной, удрученной кускомъ хлѣба массы не ощущалъ самого себя и не задумывался надъ самимъ собой, надъ своею совѣстью, надъ своею душой въ такихъ огромныхъ, неожиданныхъ размѣрахъ, какъ это заставилъ его невольно ощутить простой, задушевный, выразительный пересказъ базарнымъ музыкантомъ понятныхъ всякому живому человѣку словъ о понятныхъ человѣку человѣческихъ грѣхахъ и скорбяхъ.

Слова, исходяція изъ страдающей души человѣческой и проникающія въ такую же страдающую душу, которая никогда не придавала имъ никакого значенія, да и теперь лишь ощущаетъ только то, что затронуто что-то горькое въ душѣ, — эти слова на неизмѣримо-далекое разстояніе унесли всѣ мысли толпы отъ ея ежеминутной, вѣковѣчной трудовой маяты. Толпа вся состояла изъ тѣхъ же самыхъ трактирныхъ и кабачныхъ, опухшихъ или истощенныхъ рабочихъ, привлеченныхъ «продрѣтаніемъ» когда-то тихаго и чистаго мѣста. Крестьяне, козаки, женщины, продающіяся на плантаціи и на разныхъ полевыхъ работахъ, — словомъ, все былъ тотъ самый народъ, котораго всякій видитъ не иначе, какъ живущимъ подъ властью какихъ-то суетныхъ заботъ, тревогъ, огорченій и вообще не свѣтлыхъ, не широкихъ мыслей. И вся эта масса ординарныхъ, иногда ничего не внушающихъ лицъ или внушающихъ только тяжкія мысли и ощущенія, была поистинѣ неузнаваема. На опухшихъ кабачныхъ лицахъ легли черты дѣтской слезливости, а у иного тряслась голова и изъ тусклыхъ глазъ падали слезы куда ни попало. Слышались глубокіе вздохи, иногда всхлипыванія и вообще вся толпа превратилась въ скорбящаго человѣка, человѣка съ сокрушеннымъ сердцемъ, совсѣмъ не похожаго на ту человѣческую силу, которая безцѣльно тратитъ себя въ лошадиномъ трудѣ и въ смрадномъ кабацѣ.

Нѣтъ! нигдѣ — ни на базарѣ, ни на черной работѣ, ни въ кабацѣ — никогда не забирала такая горькая тоска за самого себя, какая забрала толпу словами и звуками базарнаго пѣвца и базарнаго инструмента. Слова и звуки до мельчайшихъ подробностей слышались всею толпой среди ненарушимой тишины. Солнце ярко и внимательно смотрѣло на этихъ крѣпко задумавшихся людей, и они безъ шапокъ, съ вспотѣвшими головами, съ огорченными лицами жадно припадали своими сокрушенными сердцами къ простымъ, но «за живое», «за душу» берущимъ словамъ:

Возврати мнѣ радость спасенія Твоего!

У.

Вспоро началъ ѣздить, убѣгая отъ преслѣдующаго города и направляясь къ станціи Тихорѣцкой, но и разставался съ нимъ далеко не съ тѣмъ удовольствіемъ, которое ощущалъ нѣсколько часовъ тому назадъ при приближеніи минуты отъѣзда. Теперь я бы охотно остался въ этомъ городѣ еще на цѣлую недѣлю, лишь бы мнѣ хорошенько разузнать подробности о слѣдномъ базарномъ пѣвцѣ и музыкантѣ, ближе сойтись съ нимъ, познакомиться, послушать его разсказы о томъ, что видѣлъ онъ на своемъ вѣку. Но нельзя было остаться ни минуты и я, волей-неволей, долженъ былъ отказаться отъ истиннаго удовольствія кота еще разъ видѣть и слышать этого человѣка. Однако, желаніе, все-таки, хотѣ что-нибудь и отъ кого-нибудь узнать о немъ не покидало меня и въ дорогѣ. Не разъ я обращался съ вопросами къ моимъ собѣдникамъ, пассажирамъ третьяго класса, все людямъ простымъ, болѣею частью чернорабочимъ, прохожимъ и переходимъ людямъ, полагая, что если имъ извѣстны базарные кабаки и базаръ вообще, то не можетъ быть неизвѣстенъ и базарный пѣвецъ. Почти всѣ до единаго, къ кому я ни обращался, знали его, слышали, всѣ были растроганы его псалмами, всѣ хвалили, но никто ничего болѣе обстоятельнаго о немъ не зналъ. Раза два я пересаживался и перетаскивалъ мой дорожный мѣшокъ изъ вагона въ вагонъ, входить въ знакомства съ новыми прѣзжими новыхъ вагоновъ, но все было безуспѣшно; наконецъ, уже подъ самую Тихорѣцкую станцію, на мое счастье, попались мнѣ пріятные собесѣдники. Это были наши великороссійскіе мужики, переѣзжавшіе на заработки въ другую половину сѣвернаго Вавнава, къ Ставрополю, такъ какъ въ «этихъ мѣстахъ» даже много «набили» народу со всѣхъ концовъ Россіи.

Всѣ они знали пѣвца и всѣ хвалили.

— Ужъ чего лучше! Ужъ разжалобить, такъ разжалобить!... Ужъ нечего сказать!

— Хорошо, одно слово—хорошо!... И вездѣ онъ, по всѣмъ станціямъ, по ярмаркамъ ѣздитъ и вездѣ его почитаютъ!

— Въ нашихъ мѣстахъ и не слыхивано, чтобы этакъ-то божеественное пѣть!

— Такъ тебѣ стезой и прошибаетъ.

— Это-ль онъ тайно?—спросилъ я, довольный услышаннымъ поревнившимъ похвалъ.

— А Богъ его знаетъ! Звать-то его Семенъ Васильевичъ... въ

Кіевѣ, вишь, въ монастырѣ, монахъ его слѣпому научилъ музыкѣ-то... А такъ, чтобы толкомъ сказать, нѣтъ, этого не знаемъ.

— Хочешь знать, кто таковъ Семень Васильевъ?—громко и храбро провозгласилъ какой-то мастеровой изъ желѣзно-дорожныхъ. Развязный парень, въ картузѣ на бекрень, занявъ ногами два переднихъ мѣста, сидѣлъ у окна на противоположной отъ насъ сторонѣ и крутилъ папироску изъ газетной бумаги.

— Боли знаешь, такъ скажи.

— Адвокатъ! вотъ кто Семень-то Васильевъ!

— Слепой-то?—въ изумленіи спросили мужики, да и я не могъ не воскликнуть.

— Какъ? Этотъ слѣпой и пѣвецъ—адвокатъ? какъ же можетъ это быть?

— Очень просто! Прималъ дѣла, рѣшалъ по законамъ!

— Слепой?

— Окончательно!

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердилъ слова мастерового новый собесѣдникъ, по внѣшности мелкій торговецъ.—Вѣрно! Дѣйствительно былъ когда-то... занимался. Теперича онъ оставилъ это занятіе, а года два тому назадъ очень много дѣловъ дѣлалъ.

— Да какъ же онъ могъ дѣлать это?

— А очень просто: были у него законы, книги... И вотъ онъ заставлялъ читать ихъ свою жену; она читаетъ, а онъ запоминаетъ... А когда вытвердилъ, такъ приказалъ женѣ сдѣлать съ боку книги обрѣзъ. Какъ какая часть обанчивается, такъ она и вырѣжетъ... Такъ оно, если сбоку смотрѣть, ступеньками вышло. И онъ щупомъ зналъ, на какомъ вырѣзѣ надо отвернуть и по какому дѣлу какой вырѣзъ... Покажетъ женѣ пальцемъ, на какомъ мѣстѣ надо книгу открыть, и заставитъ ее читать законъ. «Читай мнѣ статью такую-то»,—ну, та и читаетъ, а потомъ и пишетъ, что онъ приказываетъ, и бумаги за него подаетъ.

— Да кому же охота идти къ слѣпому, когда есть настоящіе, зрячіе адвокаты?

— Э-э-э! господинъ, развѣ мало тутъ темнаго народу-то по Кавказу ходить?... Пришлый онъ, темный, ничего не знаетъ,—гдѣ ему адвоката искать? Онъ и такъ-то путается, какъ во тьмѣ кромѣшной. Здѣсь его, пришлаго-то, иногородняго, любятъ теребить. Тамъ отдадутъ въ аренду, деньги возьмутъ и гонять, а иной, недобрый, мало прогнать, еще и взыскиваетъ... И условіе написать на аренду земли, и отъ напраснаго взыска вывернуться. Мало ли дѣловъ!

Темный, несвѣдущій человекъ какъ паутиной ими опутанъ. Тутъ и слѣпому будешь радъ-радехонекъ, только бы заступился.

— А заступался?

— А какже? Прежде очень его хвалили... Все подробно разсудить, разспросить, бумагу написать, указать, къ кому идти. Посовѣтуешь, хорошо посовѣтуешь... Хвалили!

— И деньгу даже хорошую наживалъ!—развязно присовокупилъ мастеровой.—Огребалъ, можно сказать, деньгу!

— Ну, ужъ и огребалъ! Тоже, языкъ-то у тебя какъ обухъ грохаетъ!... Откуда ему огребать-то?

— И не токма огребалъ, а и подъ проценты пуцалъ,—вотъ что, ежели тебѣ угодно знать!... Да! подъ заклады давалъ! Понимаешь? чуешь? Подъ закладъ!

— Нѣтъ, почтенный, это не онъ. Это, ежели сказать правду, женино дѣло!... Дѣйствительно, очень можетъ быть. Но только это женино дѣло... Она тоже тонко дѣла понимала, и много помогала мужу. Теперь вотъ онъ безъ нея-то—какъ безъ рукъ!

— Умерла?—спросилъ я.

— Умереть не умерла, только время провела!—оняť провозгласилъ мастеровой.

— Разсталась, то-есть,—объяснилъ мелкій торговецъ.

— Ра-зо-шлась! — иронически произнесъ мастеровой.—Подобрала деньжонки, да и удрала, съ Богомъ по морозцу... Ловбая дама. Умерла очень пріятно!

— Дѣйствительно, надо прямо сказать, скрылась она,—объяснялъ мнѣ торговецъ,—неизвѣстно гдѣ находится... Вотъ, какъ она ушла-то, ему ужъ пришлось дѣла-то судейскія бросить. Куда! И много по этому случаю огорчается на него народу. Гдѣ какія бумаги, не знаетъ, самъ сыскать не можетъ... Много убытку натворилъ!... Напуталъ!... А то, бывало, день псалмы поетъ, а послѣ объѣда по судебнымъ дѣламъ принимаетъ... Ну, теперича ему осталось только что пѣть, да инструментъ... вотъ все его имущество.

— Что-жь, хорошо, хорошо поетъ! Дай Богъ ему здоровья... Хорошо!

— Этого ужъ не отнять! Камень—и тотъ заплачетъ.

И опять много-много хвалили слѣпого пѣвца.

— А что, ребята, чудится мнѣ, будто иной разъ, во псалмѣ-то, словно бы не по нашему вкусу поется?

Это проговорилъ новый собесѣдникъ, молодой плечистый парень, все время слушавшій разговоры молча, пожевывая бѣлый хлѣбъ.

Парень былъ рослый, сильный и съ добродушнымъ лицомъ, но въ его глазахъ, маленькихъ и блѣдно-зеленоватыхъ или блѣдно-сѣроватыхъ, былъ какой-то нездоровый блескъ и какая-то неподвижность выраженія. Не то въ нихъ таилась скрытая, но острая злоба, не то до безъизменности острое горе. Бѣль онъ не спѣша, какъ будто лѣниво, но казалось, что нервы его не такъ спокойны, какъ кажется съ перваго взгляда.

— Въ псалмѣй-то не по твоему вкусу?— оборвалъ его мастеровой.— Очнись, прочухайся!

— Пра не по-нашему!— сдержанно улыбаясь и вовсе не смущаясь окрикомъ мастерового, говорилъ парень, не спѣша продолжая жевать бѣлый хлѣбъ.

— А ты слухалъ, какъ слѣпой-то пѣлъ?

— Какъ не слушать! Плакалъ, не то что... Въ недѣлю-то раза по три отъ работы отрывался, даже сталъ всѣ слова запоминать...

— Ну, такъ что же не по-твоему-то вышло?

— Оно, коли ежели взять, какъ человекъ вается, такъ хорошо... нечего говорить! Это въ псалмѣй хорошо! Вотъ я съ перву-то началу эти слова-то и прималъ къ сердцу. Всѣ мы грѣшныя. Мы, вѣдь, какія анафемы-то? (острая черта не то злобы, не те дедическаго недуга мельнула въ глазахъ парня). Нешто нашему брату, ежели сказать по совѣсти, можно вполнѣ довѣрять? Когда передъ арендаторомъ-жидомъ тихоней притворяемся — есть тутъ, вѣдь, правда? Норовишь самъ его оплестъ! Вѣдь, на умѣ одно: только бы его-то оборудовать хорошеенько, въ дуракахъ оставить! А бабѣ, случаемъ, не наплетешь развѣ всякаго? Не обманешь?

— Нечего сказать! Хорошъ паренекъ!— правоучительно проговорилъ мастеровой.

— Да и самъ-то ты нешто такъ и не норовилъ оплестъ человека, чтобы тебѣ лучше было?

— Оплетать — не оплетать, а охулки на руку не класть!

Слушатели разсмѣялись, а тѣло настроенный парень продолжалъ:

— Вотъ такъ оно и есть по нашему-то вкусу! Виновать предъ Богомъ!... Ужь пойду каяться, такъ не къ тебѣ, не къ арендатору и не къ бабѣ!... Только къ Богу! Только Онъ можетъ меня помиловать... Распахнусь весь! Подлецъ я! Обманщикъ! Съ умысломъ одинъ глазъ на грѣхъ закрывалъ, будто не вижу!... Прости меня всѣ, кого я обидѣлъ и надулъ, — не легче мнѣ отъ этого. Только Богъ, Онъ можетъ меня очувствовать... Передъ

Нимъ—разорвусь! Ни предъ вѣмъ такъ не откроюсь, только предъ Нимъ... Попаюсь изъ всѣхъ силъ! Разорвусь, а съ пустыми къ Нему не пойду!

— Чего? — совершенно не понимая, что говоритъ мужикъ, прищуриваясь, оболтнула мастеровой.

— Да, не пойду съ пустякомъ къ Создателю! Ты самъ не знаешь, отчего ты оподѣлъ, очертелъ, — Онь знаетъ! Передъ нимъ надо только распахнуться! Всю на-чужо одязать внолнѣ! Вотъ, молъ, сподню въ меня нечисти навазо! Какъ мнѣ быть?... А чтобъ съ умысломъ подходить—это... ужь мнѣ не по вкусу!

— Хорошъ, хороши паренекъ! — промронизировала мастеровой. — Хорошъ!... Оказываешься, умѣешь ты грѣхавъ на душу-то намотать!

— Да, братъ! Много у меня грѣховъ, много! И у тебя, поди, не мало?

— Ахъ, ты, чудодѣй атакой! — снисходительно засмѣялся мастеровой. — Болтаешь невѣдомо что! Такъ слѣпой-то не по вкусу пришедея?

— Итъ, братъ, по вкусу онъ мнѣ! Дай Богъ ему здоровья! Призрите, Госкоди, — добро онъ намъ дѣдаетъ! А не по вкусу мнѣ чтобъ молиться съ хитрыми умысломъ, — это не по вкусу! За слазуте и спасибо Семену Васильеву!... Это дѣло доброе!

— Передъ Богомъ — доброе дѣло! — подтвердили нѣсколько голосовъ. — Что хорошо, то ужь того отнять нельзя.

— Я и на работѣ планивалъ съ холоду, да съ голоду, да съ злу, — продолжалъ парень, — да не та была слаза!

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно подошла и станція, и воѣ ми разбрелись кто куда.

VI.

Со дня этой неожиданной встрѣчи съ слѣпыми базарнымъ цѣвцомъ, сказавшимся къ тому же, и крестьянскимъ адвокатомъ, прошло уже три года; но пройдетъ и еще три, а мнѣ кажется, что эта мимолетная встрѣча не изгладится изъ моей памяти. Ежедневная «газета» приноситъ намъ десятки извѣстій о матеріальныхъ мученіяхъ народа и сотни проектовъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ къ облегченію его изнурительной жизни. Но до крайности рѣдко изъ этихъ мелко - премежно напечатанныхъ и длинныхъ - предлинныхъ столбцахъ слышатся слова, насающіяся духовныхъ надобностей

народа. Мы рады, благодарны, искренно цѣнимъ труды подвижниковъ на пользу народнаго благосостоянія, но не можемъ также не цѣнить и тѣхъ неимѣющихъ опредѣленнаго наименованія, званія, положенія «невидимокъ», которыя среди темныхъ народныхъ массъ, изъ-за совѣсти или просто изъ-за куска хлѣба, удовлетворяють, какъ умѣють, тѣ требованія духовной жизни народа, которымъ въ расходныхъ статьяхъ всевозможныхъ бюджетовъ не оказано рѣшительно никакого вниманія.

Не подвижники эти «невидимки», радѣтели о духовныхъ надобностяхъ народа, это—просто добрые люди или же, повторяю, люди простаго разсчета, куска хлѣба; но въ томъ и другомъ случаѣ,—честь имъ и хвала,—они умѣють понять, что народная душа разстроена не менѣе народнаго кармана, и ощущають надобность придти ей на помощь, откликнуться на ея заботы и печали. Семенъ Васильевичъ беретъ деньги за псалмы, но, вѣдь, и «гречаника» онъ бы могъ отдернуть, какъ слѣдуетъ, для пьяныхъ прикащиковъ, кутиль-бушчиковъ и вообще для всякихъ веселыхъ людей. Денегъ, конечно, эти веселые люди надавали бы ему гораздо больше, чѣмъ это могутъ сдѣлать крестьяне и рабочіе. Но почему-то онъ чувствуетъ себя лучше и пріятнѣе, когда вокругъ него толпится душевно растревоженный, умиленный простой человекъ, дающій ему свои копейки отъ чистаго сердца и, — онъ знаетъ это?—за дѣло. И если Семенъ Васильевичъ предпочитаетъ трогать народъ «за душу» не для веселья, а для пробужденія въ ней скорби о самой себѣ, то, стало быть, кромѣ хлѣба, у него есть и добрая мысль о меньшемъ братѣ, и, переѣзжая на волахъ изъ станицы въ станицу, съ ярмарки на ярмарку съ своимъ инструментомъ и съ табакеркой, онъ до нѣкоторой степени сознательно заботился о пробужденіи народной совѣсти. Его нельзя не почитать на ряду съ тѣми «невидимками», радѣющими о народной совѣсти, которыя, невидимо и непонятно для насъ, дѣлають въ народѣ добрыя дѣла несравненно большаго размѣра.

Учителя «невидимки» изъ простыхъ крестьянъ, открывая свои школы,—не земскія и не церковныя,—учатъ грамотѣ несравненно большее число народа, чѣмъ теперь могутъ выучить школы всѣхъ вѣдомствъ и учреждений. Въ существенномъ же дѣлѣ—*устроенія* жизни, взаимныхъ отношеній людей и осмысленія своего личнаго существованія,—въ этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ главнѣйшее участіе принимаютъ тѣ же «невидимки». И до чего оно важно и многосложно, это я постараюсь слегка указать въ слѣ-

дующемъ очеркѣ. Говорю «слегка» потому, что свѣдѣнія о лицѣ, которое сдѣлалось «невидимкою» добровольно, — хотя къ этому не было никакой, понятной людямъ не «темной» народной среды, надобности, — заимствованы мною изъ провинціальной печати. Лично я не зналъ этого замѣчательнаго человѣка, но и тѣ дослутки его некрологовъ, которые пришлось перечитать уже послѣ его смерти, все-таки, дадутъ понятіе о размѣрахъ тѣхъ нравственныхъ требованій *темныхъ* народныхъ массъ, которыя могутъ заставить человѣка, наилучшимъ образомъ поставленнаго въ такъ называемомъ обществѣ, по тому или иному поводу, предпочесть жизни и дѣятельности въ этомъ обществѣ жизнь и дѣятельность въ «невидимкахъ».

Гл. Успенскій.

Изъ Жафиза.

Июдь окошномъ твоимъ я стою одинокъ...
Миръ окутали тѣни ночныя.
Плещеть пѣсня моя, будто горный потокъ,
Объ угрюмыя стѣны глухія.

Хоть въ окошкѣ твоемъ и не видно огня,
Но ты пѣсню услышишь, я знаю.
Только сердце глухое не слышитъ меня,—
Знать, не поняло, какъ я страдаю...

Иль на мягкой, душистой постели своей
Ты трепещешь, но робко таишься,
Озарить меня ласковымъ свѣтомъ очей,
Пастъ въ объятія мои ты боишься?

Ты боишься, что дѣвичьей гордости ледъ
Вмигъ растаетъ восторга слезами,
Какъ лавина, упавшая съ горныхъ высотъ,
Подъ палящими солнца лучами?

Иль другаго ты любишь? Такъ знай же: меня
Замолчать ты не можешь заставить,—
И до зорьки румяной, до бѣлаго дня
Красоту твою буду я славить!

Прогреми-жь, моя пѣсня, въ нѣмой тишинѣ,
Нарушая спокойствіе ночи,
Чтобъ соперникъ не спалъ, чтобъ не могъ и во снѣ
Цѣловать дорогія мнѣ очи!...

Василій Величко.

О свободѣ плаванія по Суэзскому каналу.

Въ наиболѣ примѣчательнымъ международнымъ договорамъ нашихъ дней относится недавно состоявшееся соглашеніе между государствами насчетъ свободы плаванія по Суэзскому каналу. Лишь съ этого момента надъ каналомъ закрѣпленъ дѣйствительно присущій ему характеръ *міроваго*, для всѣхъ открытаго *пути сообщенія*.

Прежде чѣмъ познакомиться съ самимъ названнымъ договоромъ, бросимъ взглядъ на долгіе, предшествовавшіе ему переговоры.

I.

Какъ извѣстно, Суэзскій каналъ оконченъ въ 1869 году. Это грандіозное предпріятіе Лессепсъ совершилъ не на средства мѣстнаго, египетскаго правительства и не на капиталы его подданныхъ, а на средства космополитической компаніи капиталистовъ изъ всѣхъ странъ, имѣющей свое пребываніе въ Парижѣ. Англія вначалѣ относилась къ дѣлу прорытія канала враждебно, но въ 1875 году она приобрѣла ловкою покупкой въ свои руки большинство акцій этого товарищества. Хотя, по статистическимъ даннымъ, большинство всѣхъ судовъ, проходящихъ черезъ каналъ, принадлежитъ англійскому флоту, а затѣмъ французскому и голландскому, но, очевидно, въ свободѣ плаванія по Суэзскому каналу заинтересованы всѣ морскія государства Европы, а также и Россія. Каналъ представляетъ самый краткій путь къ дальнему Востоку, что получаетъ особую важность въ виду большаго оживленія колониальной политики европейскихъ державъ за эти послѣдніе годы.

Неудивительно поэтому, что забота объ его охранѣ всегда занимала правительства. Во время русско-турецкой войны 1877 года акціонеры Суэзской компаніи были въ сильной тревогѣ за его безопасность. Тогда же англійское правительство поставило русскому на видъ (въ депешѣ 6 мая), что «всякая попытка къ блокадѣ или къ воспрепятствованію свободы плаванія по каналу или его окрестностямъ (ou ses abords) будетъ сочтена имъ за угрозу Индіи. Торговые и финансовыя интересы европейскихъ народовъ

не допускаютъ даже временнаго занятія Египта, хотя бы въ стратегическихъ видахъ». Уже въ этой депешѣ вопросъ о каналѣ связывается съ участіемъ Египта.

Россія отвѣчала 18 (30) мая, что она «не втянетъ Египетъ въ сферу военныхъ дѣйствій и не имѣетъ намѣренія блокировать или инымъ какимъ-либо способомъ угрожать свободѣ судоходства по Суэзскому каналу, который она считаетъ сооруженіемъ международнымъ, долженствующимъ въ интересахъ мировой торговли пребывать внѣ всякихъ на него посягательствъ». Вскорѣ затѣмъ хедивъ извѣстилъ находившихся при немъ иностранныхъ агентовъ о намѣреніи Порты не мѣшать нейтральнымъ судамъ плавать по каналу, но о закрытіи его для русскаго флага *)).

Прежде чѣмъ правительства сговорились между собою насчетъ занимающаго насъ вопроса, институтъ международного права высказался на брюссельскомъ съѣздѣ (въ 1879 г.) за то, чтобы «въ интересахъ всѣхъ народовъ пользованіе Суэзскимъ каналомъ для сообщеній всякаго рода было, насколько возможно, охраняемо положительнымъ международнымъ правомъ. Для этого желательно, чтобы государства согласились между собою не совершать такихъ дѣйствій, даже во время войны, которыя могутъ причинить каналу и его окрестностямъ поврежденія» **).

Возмущеніе Араби-паши и послѣдовавшее за тѣмъ занятіе Египта англичанами повели къ дипломатическимъ переговорамъ о Суэзскомъ каналѣ, — переговорамъ, которые съ различными перерывами тянулись съ 1883 года по наше время. Исходною ихъ точкой должна быть признана циркулярная депеша Англіи, отъ 3 января 1883 г., начертавшая программу для позднѣйшей конференціи 1885 г., бывшей въ Парижѣ. Документъ этотъ ***) во многихъ отношеніяхъ любопытенъ. Англійское правительство въ немъ сознается, что событія предшествовавшаго года въ Египтѣ обратили на Суэзскій каналъ общее вниманіе. Оно не отрицаетъ, что заняло своими войсками каналъ и даже сдѣлало его базисомъ военныхъ операций, правда, отъ имени хедива и въ видахъ восстановленія его власти. Хотя эти посягательства будто бы ни въ чемъ не стѣснили тогда свободы движенія по немъ, но Англія, все-таки, считаетъ нужнымъ заключеніе между великими державами такого соглашенія, которое въ будущемъ точнѣе опредѣлило бы положеніе канала и предупредило бы могущія угрожать ему опасности. Съ этою цѣлью Англія предложила признать слѣдующія начала: свобода плаванія по каналу допускается для всякихъ кораблей и при всякихъ обязательствахъ. Никакое враждебное дѣйствіе не должно совершаться ни въ каналѣ или его окрестностяхъ, ни даже въ территориальныхъ водахъ Египта, хотя бы Турція была одною изъ воюющихъ сторонъ. Воспрещается возводить укрѣпленія въ его сосѣдствѣ. Во время войны устанавливается срокъ,

*) *D'Avril*: „Négociations relatives au canal de Suez“ (въ *Revue d'histoire diplomatique* 1888, № 1 и 2).

**) *Annuaire de l'Institut de dr. intern.* Troisième et quatrième années. T. I, p. 349.

***) Назв. *Recue*, № 1.

въ продолженіе котораго суда воюющихъ могутъ пребывать въ каналѣ, но ни войска, ни военныя принадлежности не могутъ быть въ немъ оставляемы. Кромѣ прямо выговоренныхъ условій, территоріальныя права египетскаго правительства ни въ чемъ не стѣсняются. Оно заботится о выполненіи правилъ, которыя будутъ признаны относительно прохода по каналу, во время войны, судовъ воюющихъ. Указанныя нормы не приложимы къ мѣрамъ, могущимъ явиться необходимыми для защиты Египта.

Если первый починъ въ дѣлѣ регулированія судоходства по Суэзскому каналу взяла на себя Англія, то всѣми переговорами руководила далѣе и привела ихъ, наконецъ, къ благополучному концу Франція. Въ началѣ 1885 г. Ферри предложилъ Англіи созвать въ Каирѣ комиссію для рѣшенія этого вопроса. Англія отвѣчала, что всякой предварительной конференціи она предпочла бы прямыя переговоры между кабинетами и во всякомъ случаѣ находила неудобнымъ созвать предполагавшуюся конференцію въ Каирѣ. Возникли пренія объ избраніи для этого Парижа или Лондона. Наконецъ, между великими державами состоялась декларация, подписанная въ Лондонѣ 17 марта 1885 года, въ силу которой онѣ согласились созвать 30 марта конференцію въ Парижѣ для выработки, на основаніи англійской циркулярной ноты 3 января 1883 г., предварительнаго проекта относительно полной свободы плаванія по Суэзскому каналу. Делегатъ хедива долженъ былъ принять участіе въ этомъ собраніи съ совѣщательнымъ голосомъ.

Но прежде чѣмъ открылась парижская конференція, былъ поднятъ вопросъ о государствахъ, которымъ на ней слѣдовало участвовать. По мысли шести великихъ державъ и Порты, только ихъ делегаты должны были составить предварительное соглашеніе, къ которому остальные государства были бы позднѣе приглашены присоединиться. Въ этой мысли сказывалась прежняя фикція о какомъ-то полновластіи великихъ державъ надъ Европою. Хотѣли, вѣроятно, повторить совершенно сюда не идущіе прецеденты парижскаго и берлинскаго конгрессовъ. Но пока еще шли переговоры, Испанія, Португалія, Голландія, Греція и Швеція выразили желаніе быть допущенными на конференцію. Англія очень дипломатично отвѣчала, что она противъ этого желанія ничего не будетъ имѣть, если послѣдуетъ согласіе остальныхъ державъ. Послѣднія же въ своихъ отвѣтахъ стали на точку зрѣнія интересовъ, а не права. Первоначальныя мысли о допущеніи на конференцію всѣхъ морскихъ державъ или имѣющихъ колоніи были оставлены и гр. Бальноки заявилъ представителю Португаліи, что, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, только одно португальское судно прошло по Суэзскому каналу, а Гирсъ отвѣчалъ Греціи, что, по отклоненіи желанія Португаліи, существуетъ еще менѣе основанія согласиться на ея просьбу, въ виду отсутствія какого-либо интереса для Греціи въ вопросѣ объ участи Суэзскаго канала. Поистинѣ странное заявленіе! Въ обезпеченномъ положеніи этого канала заинтересованы всѣ страны міра, а съ точки зрѣнія международнаго права обсуждать способы опредѣленія такой обезпеченности имѣли равное право всѣ государства Европы и даже Аме-

рики, если бы того пожелали *). Только для Испаніи и Голландіи, въ виду важности ихъ колоній, Франція согласилась сдѣлать исключеніе, противъ чего не возражали и остальные кабинеты.

Такимъ образомъ, состоялась 30 марта 1885 г. парижская конференція изъ делегатовъ 9 государствъ, кромѣ представителя Египта, допущеннаго съ совѣщательнымъ голосомъ. Нѣкоторыя государства назначили на нее по два члена, другія по одному. Представителемъ Россіи былъ г. Хитрово, нашъ генеральный консулъ въ Египтѣ. Предсѣдателемъ, сообразно съ обычаями, избранъ первый делегатъ Франціи—Бильо, директоръ политическаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ средѣ членовъ были не одни дипломаты, но и нѣкоторые интернаціоналисты: Ассеръ отъ Голландіи и Пьерантони отъ Италіи. Комиссія, выработывавшая предварительный проектъ, обращалась за разъясненіями нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ къ творцу канала, Лессепсу, и къ Рено, проф. международного права въ Парижѣ.

Оба наиболѣе заинтересованныя правительства, англійское и французское, представили конференціи по проекту международного соглашения на счетъ Суэцкаго канала. Англійскій ни въ чемъ существенно не удаляется отъ депеши 3 января 1883 г. Называя каналъ «путемъ нейтральнымъ» (*passage neutre*), онъ нѣсколько только подробнѣе говоритъ о проходѣ по немъ военныхъ судовъ воюющихъ. Имъ не дозволяется проводить чрезъ каналъ свои призы или пребывать въ немъ болѣе 24 часовъ, за исключеніемъ развѣ крайней нужды (*relâche forcée*); но и при этихъ обстоятельствахъ они должны какъ можно болѣе поспѣшать своимъ уходомъ. Французскій проектъ дозволяетъ военнымъ кораблямъ (согласно, впрочемъ, съ англійскимъ) по каналу проходить, но не останавливаться, и затѣмъ предоставляетъ каждой изъ договаривающихся сторонъ, при его устьяхъ, содержать по два легкихъ военныхъ корабля. Самымъ оригинальнымъ дополненіемъ французскаго проекта является статья объ учрежденіи надъ каналомъ наблюдательной международной комиссіи изъ делегатовъ великихъ державъ, Порты и Египта. При содѣйствіи командующихъ станціонерами, эта комиссія охраняла бы свободу движенія по каналу. Затѣмъ французское правительство рекомендуетъ державамъ оговорку о томъ, что ни одна изъ нихъ не будетъ впредь искать для себя никакого территориальнаго, торговаго или иного преимущества во всемъ, касающемся Суэцкаго канала. Для того, чтобы согласовать оба эти проекта и, гдѣ нужно, дополнить ихъ, конференція назначила специальную комиссію изъ делегатовъ великихъ державъ, Турціи и Египта (по одному члену). Предсѣдателемъ въ ней былъ избранъ второй делегатъ Франціи—Барреръ, генеральный кон-

*) Какъ извѣстно, актъ берлинской конференціи 1885 г. обсуждался и подписанъ уполномоченными 14 государствъ: кромѣ шести великихъ державъ и Порты, еще делегатами Испаніи, Португаліи, Голландіи, Бельгіи, Швеции, Дании и С. Штатовъ. Суэцскій каналъ по важности едва ли уступалъ африканскимъ интересамъ, обсуждавшимся тогда въ Берлинѣ.

суль въ Египтѣ. Она имѣла не менѣе шестнадцати засѣданій и такъ какъ не могла придти къ единогласному рѣшенію всѣхъ пунктовъ, то выработанный ею проектъ былъ еще тщательно обсуждаемъ въ полномъ составѣ конференціи, засѣдавшей до 13 іюня 1885 г. Протоколы какъ названной комиссіи, такъ и самой конференціи полны интереса, являясь лучшимъ и всестороннимъ комментариемъ къ трактату 24 октября 1887 г. о Суэзскомъ каналѣ *).

Какъ ни старалась конференція, но и она не достигла единодушія между своими членами. Черезъ ея работы, какъ и черезъ позднѣйшіе переговоры, красною нитью тянутся разногласія по нѣкоторымъ пунктамъ между Англіею и Франціею. Остальныя державы болѣею частью были согласны съ послѣднею; Италия не разъ склонялась на сторону первой. Споры эти источникомъ своимъ имѣли, съ одной стороны, безспорно, важные и сложные интересы, которые хотѣли регулировать; съ другой—они вытекали изъ противоположныхъ политическихъ тенденцій Англіи, все еще держащей Египеть, и Франціи, весьма враждебной этой оккупации. Хотя прямо эти тенденции не высказывались, но онѣ много осложняли и затягивали пренія. Съ самаго начала конференціи ясно выступило несогласіе во взглядахъ на предстоящую ей работу. Делегатъ Англіи заявилъ, что конференціи дана программа въ депешѣ 3 января 1883 г. и она изъ нея не должна выходить. Напротивъ, Бильо поставилъ своимъ товарищамъ на видъ, что они могутъ свободно изучать всѣ вопросы юридическіе, морскіе, торговые и политическіе, которые тѣсно связаны съ проблемою свободнаго плаванія по каналу. Названная депеша не представляетъ неизмѣнныхъ рамокъ, и кабинеты оговорили свое право дѣлать къ ней другія и новыя предложенія. Далѣе, много спорили объ учрежденіи международной наблюдательной комиссіи надъ каналомъ, объ опредѣленіи полосъ моря и суши, прилегающихъ къ нему и долженствующихъ также быть нейтрализованными, о правахъ хедива въ дѣлѣ защиты канала и своей территоріи и т. д.

Въ заключеніе парижская конференція представила на разсмотрѣніе державъ выработанный ею проектъ конвенціи изъ 17 статей **). Англія, болѣею частью поддерживаемая Италіею, сдѣлала противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оговорки. Въ виду этого и такъ какъ съ самаго начала было рѣшено, что постановленія конференціи имѣютъ лишь подготовительный характеръ и не могутъ обязать правительства, послѣднія должны были теперь придать этимъ постановленіямъ окончательную форму. Возникшіе отсюда переговоры, несмотря на всю подготовленность почвы, затянулись опять на два года. Прежде всего, надо было стовориться Франціи съ Англіею ***). Это имъ и поставили на видъ державы. Смѣна министерствъ въ Англіи сперва

*) Они напечатаны въ *Archives diplomatiques* 1886, I, p. 19—60; 181—185; 265—341, Avril, p. 33—53.

**) *Archives* 1886, Avril, p. 48.

***) Эти переговоры отчасти сообщаются въ *Archives* 1886, Avr., p. 53—62, 1888, мая, p. 263—283; Avr. p. 19, 63.

послужила тормазомъ этому дѣлу. Затѣмъ, кромѣ разногласія по Египту, между обоими кабинетами шли непріятные переговоры относительно Гебридскихъ острововъ, которые заняла Франція и которые Англія, уступая требованіямъ своихъ австралійскихъ колоній, хотѣла непремѣнно очистить. Между тѣмъ, во Франціи Фрейсине уступилъ свое мѣсто Флурану. Послѣдній ловко воспользовался гебридскимъ дѣломъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ привести къ концу и многолѣтніе переговоры о Суэцѣ. 24 октября 1887 г. подписанъ между Франціею и Англіею договоръ о свободѣ по немъ плаванія *). Сообщенный державамъ, онъ¹ былъ постепенно ими принятъ и лишь въ октябрь 1888 г. получилъ утвержденіе султана **). Нельзя не пожалѣть, что большая часть англійскихъ возраженій и поправокъ введены въ договоръ 1887 г. сравнительно съ текстомъ 1885 г.

II.

Обращаясь теперь къ толкованію самаго договора 1887 г., мы будемъ имѣть въ виду работы парижской конференціи 1885 г., такъ какъ составленный ею текстъ легъ въ основаніе и занимающаго насъ трактата. Онъ раздѣляется на 16 статей и имѣетъ цѣлью своею: «окончательно гарантировать свободу сообщеній по Суэзскому каналу во всякое время для всѣхъ державъ. Для этого онъ является дополненіемъ султанскаго фирмана 1866 г., давая санкцію относящимся сюда распоряженіямъ (concessions) хедива».

Ст. 1. Морской Суэзскій каналъ признается навсегда свободнымъ и открытымъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время для всякаго торговаго или военнаго судна, безъ различія флага. Вслѣдствіе этого, высшія договаривающіяся стороны соглашаются никоимъ образомъ не посягать на свободу плаванія по каналу какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Каналъ никогда не можетъ подлежать блокадѣ.

Какому основному принципу подчиняется каналъ? Есть ли это его нейтрализация? Хотя дипломатическіе документы не разъ такъ выражаются и даже въ первоначальномъ англійскомъ проектѣ договора встрѣчается, какъ мы видѣли, терминъ «нейтральный путь», мы, однако, должны отвергнуть это понятіе. Нейтрализация обозначала бы совершенное закрытіе канала для всѣхъ военныхъ кораблей. Въ этомъ смыслѣ понималъ парижскій трактатъ нейтрализацию Чернаго моря и такимъ же образомъ толкуется неприкосновенность территоріи нейтрализованныхъ странъ. Когда институтъ международнаго права изучалъ положеніе Суэзскаго канала, многіе его члены настаивали именно на его «нейтрализаціи». Но на это никогда не согласилась бы Англія, нуждающаяся въ каналѣ и для провоза по немъ своихъ военныхъ силъ на Востокъ. Поэтому трактатъ замѣнилъ слово «нейтрализація» другимъ, болѣе подходящимъ—«свобода плаванія». Свобода эта, говорятъ, есть между-

*) *Archives*, 1888, Aug., p. 42—44.

***) Обмѣнъ ратификацій суэзскаго договора состоялся въ Константинополѣ 5—17 декабря 1888 г.

народная повинность, возложенная, въ интересахъ всѣхъ, на территориальнаго владѣльца съ его согласія. Но фактически, пожалуй, можно сказать, что каналъ нейтрализованъ въ виду того, что воспрещается какъ возводить по его теченію укрѣпленія, такъ и совершать на немъ какія бы то ни было враждебныя дѣйствія. Подъ осужденіемъ блокады слѣдуетъ разумѣть, какъ замѣтилъ Пьерантони, и блокады мирныя.

Ст. 2 распространяетъ постановленія, касающіяся морскаго канала, и на каналъ прѣсноводный, столь необходимый для поддержки перваго.

По ст. 3 стороны обязываются также охранять матеріалъ, всѣ учрежденія и постройки на каналахъ морскомъ и прѣсноводномъ.

Сюда относятся и всѣ машины, необходимыя для сохраненія этихъ путей въ порядкѣ.

Ст. 4. Въ силу того, что морской каналъ и во время войны остается открытымъ для военныхъ судовъ воюющихъ (ст. 1), стороны признаютъ, что никакое примѣненіе права войны *), никакое враждебное дѣйствіе и вообще никакое дѣйствіе, могущее угрожать свободѣ движенія по каналу, не допускаются ни въ самомъ каналѣ и входныхъ къ нему портахъ, ни на разстояніи трехъ морскихъ миль отъ послѣднихъ, даже въ томъ случаѣ, если бы Порты были одною изъ воюющихъ сторонъ **). Военнымъ судамъ воюющихъ дозволяется въ каналѣ и его начальныхъ портахъ возобновлять свои запасы лишь въ предѣлахъ строгой необходимости. Проходъ этихъ судовъ по каналу долженъ совершаться на основаніи дѣйствующихъ правилъ, въ наиболѣе краткій срокъ и безъ какихъ бы то ни было иныхъ задержекъ, кромѣ требуемыхъ службою. Стоянка ихъ въ Портъ-Саидѣ или на Суэзскомъ рейдѣ не должна продолжаться долѣе 24 часовъ, кромѣ случая укрывательства отъ бури или неизбѣжной починки ***). Но и тутъ они обязаны уходить при первой возможности. Полагается 24-хъ часовой срокъ между выходомъ изъ начальныхъ портовъ корабля одной воюющей стороны и уходомъ корабля другой ****). Эта статья вызвала среди конференціи самыя оживленныя и продолжительныя пренія. Первоначально, въ интересахъ охраны канала, воспрещеніе враждебныхъ дѣйствій хотѣли распространить на его *окрестности*, зависящія отъ него *порты*, а равно на *территориальныя воды Египта* (предложеніе англійскихъ делегатовъ, вошедшее и въ текстъ 1885 г.). Французскій проектъ упоминалъ только о территориальныхъ водахъ Египта, что, по замѣчанію д'Авриля, очевидно, недостаточно: слѣдовало сказать: *территориальныя воды*

*) Наприм., права *осмотра* кораблей, какъ заявилъ о томъ Ассеръ.

***) Въ текстѣ 1885 г. это мѣсто выражено такъ: *враждебныя дѣйствія не допускаются въ каналъ или его окрестностяхъ (ou ses approches), ни въ территориальныхъ водахъ Египта.*

****) *Sauf le cas de relâche forcée.*

*****) Передъ этою статьей въ текстѣ 1885 г. стояла еще другая (ст. 4), не вошедшая въ трактатъ, слѣдующаго содержанія: „воспрещается постройка укрѣпленій, могущихъ угрожать морскому каналу на пунктахъ, командующихъ надъ нимъ, или угрожающихъ плаванію по каналу или входу въ него. Всякій такой пунктъ не подлежитъ военному занятію“.

и *Турции*, ибо послѣдней принадлежитъ все восточное побережье Краснаго моря противъ Египта, съ портами Іембо и Джида. Споръ возникъ изъ-за того, говорить ли объ этихъ территоріальныхъ водахъ и какъ опредѣлить ихъ границу? Очевидно, охрана одного канала оказалась бы на практикѣ недостаточною вслѣдствіе физическихъ условій тамошней мѣстности, но какъ провести предѣльную черту нейтрализированной полосы? Обсуждая это, Пьерантони сказалъ, что тутъ мыслимы четыре приема: либо держаться стариннаго международнаго обычая, устанавлиющаго границу территоріальнаго моря на три англійскія мили (одну географическую) отъ берега, либо отправляться отъ практическихъ мотивовъ, нѣкогда создавшихъ этотъ обычай, т. е. отъ возможности защищать море съ берега пушечными выстрѣлами. Это разстояніе въ наше время доходить до 15 километровъ, но, вслѣдствіе усовершенствованія артиллеріи, можетъ современемъ все далѣе отодвигаться отъ берега. Третій способъ опредѣленія нейтральной полосы состоялъ бы въ ограниченіи ея пространствомъ, которое среднимъ числомъ можетъ пройти въ сутки войско въ походѣ, т. е. 25 километрами. Очевидно, совершенно произвольный критерій, ибо, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, арміи въ наши дни быстро переносятся чрезъ громадныя пространства *). Наконецъ, коммиссія могла бы вообще отъ себя воспретить въ извѣстныхъ предѣлахъ сооруженіе укрѣпленій.

Делегатъ Россіи, г. Хитрово выступилъ тогда съ предложеніемъ — для большаго обезпеченія канала *нейтрализировать Красное море* либо цѣлкомъ, либо въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ каналомъ частяхъ. Блокада его со стороны Средиземнаго моря, куда онъ прямо выходитъ широкимъ устьемъ, представляется мало вѣроятною, но иное должно сказать о его противоположномъ, южномъ концѣ (со стороны Суэца). Тутъ море, являющееся его продолженіемъ, составляетъ сперва весьма узкій, естественный какъ бы каналъ, да и далѣе фарватеръ на немъ очень стѣсняется вслѣдствіе безчисленныхъ отмелей и коралловыхъ рифовъ. Судходство вдоль его береговъ весьма поэтому опасно. Если коммиссія ничего не сдѣлаетъ, чтобы предотвратить весьма возможную блокаду этихъ частей Краснаго моря, она установитъ собственно фиктивную охрану самаго канала. Подъ его окрестностями (*арросчес*) слѣдуетъ въ дѣйствительности разумѣть пункты, далеко отъ него отстоящіе.

Эта смѣлая, но вполнѣ вѣрная мысль г. Хитрово вызвала не малую тревогу среди его товарищей. Въ ней увидѣли какую-то заднюю политическую мысль самого русскаго правительства. «Это почти насильственное (?) вмѣшательство Россіи въ Египтъ и дѣйствія ея въ Абиссиніи, — воскликаетъ д'Авриль, — очень характерные симптомы». Представитель Англій заявилъ категорично, что предложеніе г. Хитрово выходитъ изъ компетенціи собранія и должно быть обсуждаемо между кабинетами. Оно, по замѣчанію итальянскаго делегата, послѣдствіемъ своимъ должно имѣть нейтрализацію Аден-

*) Возраженіе русскаго делегата.

скаго залива и Перима. Другіе, оспаривая эти возраженія, находили мысль г. Хитрово практичною. Для начала, по мнѣнію д'Авриля, можно было бы ограничиться воспрещеніемъ враждебныхъ дѣйствій, хотя бы въ предѣлахъ и *Суэзскаго залива*, немногимъ болѣе широкаго, чѣмъ каналъ, и оканчивающагося южнымъ пунктомъ Синайскаго полуострова. Послѣ долгихъ споровъ въ окончательной редакціи исчезли упоминанія объ окрестностяхъ канала и о территориальныхъ водахъ, и, по требованію Англии (поддержанному и Италією), враждебныя дѣйствія запрещены: въ каналѣ, его входныхъ портахъ и на разстояніи трехъ морскихъ миль отъ нихъ.

Можно понять, что, при существовавшихъ условіяхъ, дипломатіи было трудно добиться болѣе широкой и прочной охраны Суэзскаго канала. Тѣмъ не менѣе, современемъ кабинетамъ придется распространить нейтрализацію на все Красное море и согласиться о невооруженіи Адена и Перима. Этого категорично требуютъ интересы торговли и всемірныхъ сношеній, идущихъ путемъ этого канала, который, по вѣрному замѣчанію русскаго делегата, связываетъ между собою четыре континента и государства Европы съ ихъ колониальными владѣніями.

Бъ сожалѣнію, англійской дипломатіи удалось одержать другую немало-важную побѣду: нормы трактата 1887 г. имѣютъ въ виду окончательное регулированіе судоходства по Суэцу, а потому примѣнимы пока лишь настолько, насколько это согласуемо съ современнымъ положеніемъ Египта, признаваемымъ *исключительнымъ* и *переходнымъ*. Другими словами, настоящая конвенція не должна стѣснять свободы дѣйствія англійскаго правительства *въ періодъ занятія Египта* *). На это формально согласилась Франція, какъ видно изъ одной депеши Флурана къ Нидерландамъ (18 ноября 1887 г.).

Ст. 5. Въ военное время воюющія стороны не могутъ высаживать или брать въ каналѣ и его оконечныхъ портахъ ни войскъ, ни снарядовъ, ни военныхъ матеріаловъ.

Но, въ случаѣ временнаго поврежденія или задержки (*empêchement*) въ каналѣ, дозволяется высаживать или брать въ этихъ портахъ войска небольшими отрядами, не превышающими 1,000 человекъ, съ соответствующими военными матеріалами.

Запрещеніе, о которомъ говорить эта статья, по тексту 1885 г. имѣ-

*) Англія заключила 22 мая 1887 г. конвенцію съ султаномъ, въ которой, признавъ свободу плаванія по Суэзскому каналу, сообразно съ высказанными ея воззрѣніями на парижской конференціи, она обѣщаетъ удалить свои войска изъ Египта по истеченіи третьяго года со времени подписанія настоящей конвенціи, если тому не помѣшаетъ какая-либо внутренняя или внѣшняя опасность. Англія говоритъ о намѣреніи предложить державамъ подписать актъ, которымъ гарантировалась бы „территориальная неприкосновенность Египта“, но выговариваетъ для Турціи и для себя право занять Египетъ, въ случаѣ опасности, войсками. Вѣроятно, послѣдній пунктъ былъ причиною сильной оппозиціи, оказанной этой конвенціи со стороны Франціи и Россіи, которыя и побудили султана отказать ей въ ратификаціи (текстъ ея съ приложеніями напечатанъ въ *Archives diplomatiques* 1887, *Abuse—Spt.*).

ло одинаковую силу какъ для военнаго, такъ и для *мирнаго* времени. Вторая ея половина взята изъ перваго прибавленія къ англо-турецкой конвенціи 22 мая 1887 г., гдѣ говорилось, что держава, которая захочетъ воспользоваться этимъ правомъ, обязана возвѣстить объ этомъ за сутки командующаго портомъ, гдѣ имѣетъ быть высадка, и послѣдній долженъ контролировать за этимъ проходомъ войскъ. Впрочемъ, общій смыслъ настоящей статьи тотъ, что въ каналѣ запрещается военнымъ судамъ оставаться, вслѣдствіе чего не дозволяется и иноземнымъ войскамъ высаживаться на его берегахъ. Само собою разумѣется, это запрещеніе не простирается на отдѣльныхъ, безоружныхъ моряковъ или военныхъ, которые на краткій срокъ захотѣли бы выйти на берегъ.

Ст. 6. Призы подчиняются во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ же правиламъ, какъ и военные суда воюющихъ.

Ст. 7. Державы обязываются не держать въ водахъ канала (включая сюда озера Тимса и Горькія) никакого военнаго судна. Впрочемъ, во входныхъ портахъ: въ Саидѣ и Суэцѣ онѣ могутъ имѣть военные корабли, но не болѣе двухъ для каждой державы. Воюющія лишаются этого права.

Эта статья вводитъ для территоріальнаго владѣтеля повинность. Делегатъ Англій былъ первоначально противъ допущенія стоянки въ каналѣ иностранныхъ судовъ, но подъ конецъ согласился въ указанныхъ предѣлахъ, такъ что эта статья была уже принята и парижскою конференціей.

Этимъ оканчивается первая часть занимающаго насъ договора, содержащая въ себѣ *юридическія нормы* касательно канала. Во второй части (ст. 8 — 16) рѣчь идетъ о *практическихъ способахъ* примѣненія этихъ нормъ или объ обезпеченіи въ дѣйствительности свободы судоходства по каналу.

Ст. 8. Представителямъ въ Египтѣ державъ, подписавшихъ настоящій трактатъ, поручается наблюденіе за его исполненіемъ. При всякомъ случаѣ, угрожающемъ безопасности или свободѣ плаванія по каналу, они, по приглашенію старѣйшаго изъ нихъ, собираются, чтобы сдѣлать необходимыя удостовѣренія. Они извѣщаютъ правительство хедива объ усмотрѣнной ими опасности для того, чтобы послѣдній принялъ мѣры къ восстановленію безопасности свободы движенія по каналу. Во всякомъ случаѣ, они собираются одинъ разъ въ годъ, чтобы удостовѣриться въ должномъ исполненіи трактата.

Они могутъ особенно требовать снесенія всякаго сооруженія или разсѣянія всякаго скопленія людей на одномъ изъ береговъ канала, которыя цѣлью или слѣдствіемъ своимъ могли бы имѣть покушеніе на свободу и полную безопасность плаванія.

Ни одна статья, даже вопросъ о территоріальныхъ водахъ, не вызвала столько споровъ, какъ эта. Во французскомъ проектѣ предлагалось надзоръ за каналомъ поручить особой *наблюдательной комиссіи* изъ делегатовъ державъ, подписавшихъ лондонскую декларацию 17 марта 1885 года. Это былъ бы органъ международный и постоянный. Въ составъ его входили бы

делегатъ отъ Турціи и делегатъ отъ Египта. Члены этой комиссіи могли бы обращаться за содѣйствіемъ къ командующимъ станціонерами великихъ державъ *). Она входитъ въ соглашеніе съ компаніей Суэзскаго канала относительно правилъ о судоходствѣ и морской полиціи, надзираетъ вообще за исполненіемъ настоящаго договора и дѣлаетъ съ этою цѣлью всѣ нужныя предложенія или сообщенія державамъ. На парижской конференціи рѣзко столкнулись два противоположныя мнѣнія. Барреръ обстоятельно указалъ на пользу такого международнаго органа. Мысли его въ цѣломъ поддерживали его товарищи, делегаты Германіи, Австріи и Россіи. Они не безъ основанія уподобляли положеніе и значеніе Суэца съ нижнимъ Дунаемъ, гдѣ, какъ извѣстно, учрежденіе международной комиссіи принесло судоходству не мало пользы. Съ другой стороны, представитель Англіи рѣшительно оспаривалъ какъ аналогію между Суэцомъ и Дунаемъ, такъ и необходимость вообще какого бы то ни было, для перваго, особаго и постояннаго органа. Эти жаркія пренія представляютъ большой интересъ и мы жалѣемъ, что, по недостатку мѣста, не можемъ подробнѣе на нихъ остановиться. Делегаты Италіи (Ресманъ и Пьерантони) старались занять между противниками посредствующее и примиряющее мѣсто. Тогда возникла мысль, вмѣсто комиссіи изъ *спеціальныхъ делегатовъ*, поручить надзоръ за каналомъ *представителямъ державъ* въ Египтѣ, т.-е. ихъ консуламъ въ Каирѣ, подъ предсѣдательствомъ делегата Турціи.

Въ этой редакціи составленъ текстъ 1885 г., хотя на конференціи делегатъ Германіи вполне основательно выставилъ на видъ недостаточность такого контроля, предоставленнаго исключительно *дипломатическимъ* агентамъ, обремененнымъ, сверхъ того, массою текущихъ дѣлъ.

Но и по установленіи этого перваго пункта споры вызывали вопросы о томъ, кому созывать представителей державъ: только ли ихъ старшинъ (doyen, какъ рѣшаетъ договоръ 1887 года), или предоставить это право каждому изъ нихъ (что было бы, конечно, предпочтительнѣе), а затѣмъ, къ кому обращаться имъ съ своими представленіями: къ хедиву или къ своимъ правительствамъ? Трактатъ 1887 г. даетъ и тутъ рѣшеніе въ первомъ, худшемъ смыслѣ, хотя нельзя не замѣтить, что не только текстъ 1885 г., но и представители Англіи высказались за право членовъ комиссіи обращаться съ заявленіями прямо къ назначившимъ ихъ правительствамъ.

Наконецъ, представители второстепенныхъ державъ, Испаніи и Голландіи, пожелали участвовать въ надзорѣ за каналомъ. Это противорѣчило первоначальнымъ переговорамъ, но допущено вслѣдствіе подписанія ими договора 1887 г.

Нельзя не видѣть въ устраниніи особой международной комиссіи надъ каналомъ главный недостатокъ занимающаго насъ теперь акта. Подобный

*) По мысли французскаго правительства, державамъ предоставлялось содержать при устьяхъ канала легкія суда подъ военнымъ флагомъ, въ числѣ двухъ для каждой изъ нихъ.

органъ, что бы ни говорили его противники, необходимъ вслѣдствіе международнаго, міроваго значенія суэзскаго пути, а также неустойчиваго, хаотическаго состоянія Египта и даже самой Блистательной Порты.

Ст. 9. Правительство Египта принимаетъ въ предѣлахъ своихъ полномочій, вытекающихъ изъ фирмановъ и сообразно съ условіями настоящаго договора, всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія исполненія этого договора. Въ случаѣ, если у него не окажется достаточныхъ средствъ, оно должно обратиться къ Портѣ, которая совѣщается съ другими державами, подписавшими лондонскую декларацию 17 марта 1885 г., для установленія общаго соглашенія касательно мѣръ въ отвѣтъ на призывъ хедива. Постановленія статей 4, 5, 7 и 8 не могутъ служить препятствіемъ къ принятію мѣръ въ силу настоящей статьи.

На основаніи этой статьи Порта обязывается совѣщаться только съ представителями великихъ державъ, что, очевидно, несправедливо, разъ делегатамъ Испаніи и Голландіи дано право, какъ мы сейчасъ сказали, принимать участіе въ надзорѣ за каналомъ.

Ст. 10. Точно также статьи 4, 5, 7 и 8 не будутъ служить препятствіемъ для принятія мѣръ, которыя султанъ и хедивъ — отъ имени султана и въ предѣлахъ своихъ полномочій — сочтутъ необходимыми для обезпеченія собственными своими силами обороны Египта и поддержанія тамъ общественнаго порядка. Въ случаѣ, если султану или хедиву придется обратиться къ полномочіямъ, предоставляемымъ имъ настоящею статьею, они извѣщаютъ о томъ державы, подписавшія лондонскую декларацию.

Слова: *собственными своими силами* введены въ договоръ по предложенію Россіи, не безъ сильнаго противодѣйствія со стороны Англіи. Они хотѣли не допустить содѣйствіе союзниковъ территоріальной власти при оборонѣ собственно канала, а не остальнаго Египта *).

Ст. 11. Мѣры, могущія быть приняты въ силу статей 9 и 10 настоящаго договора, не должны служить препятствіемъ свободѣ плаванія по каналу. При этомъ воспрещается возводить постоянныя укрѣпленія въ нарушеніе постановленій ст. 8.

Настоящая статья является какъ бы расширеніемъ ст. 8: ею постановляется, что даже для выполненія трактата и для обороны Египта никакія постоянныя укрѣпленія возводимы быть не могутъ.

Ст. 12. Сообразно съ принципомъ равенства при плаваніи по каналу, положеннымъ въ основаніе настоящаго трактата, стороны обязываются не искать для себя ни территоріальныхъ или торговыхъ преимуществъ, ни привилегій въ могущихъ послѣдовать международныхъ соглашенияхъ. Впрочемъ, права Турціи, какъ державы территоріальной, сохраняютъ свою силу. Это такъ называемое постановленіе о «безкорыстіи». Англійское адмиралтейство обладаетъ на берегу канала обширнымъ складочнымъ мѣстомъ для угля. Большинство акцій суэзской компаніи въ рукахъ англійскаго пра-

*) *D'Avril*, назв. ст.

вительства. Все это не признано противорѣчающимъ настоящей статьѣ, которая осуждаетъ лишь пріобрѣтеніе привилегій путемъ *международныхъ* соглашеній *).

Въ ст. 13 дѣлается оговорка, что помимо обязательствъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ договоромъ, не можетъ быть допущено никакое посягательство на верховныя права султана, а также на права и вольности хедива, вытекающія изъ фирмановъ.

Ст. 14. Стороны соглашаются, что проистекающія изъ настоящаго договора обязательства не ограничиваются продолжительностью концессионныхъ актовъ всемірной компаніи Суэзскаго канала.

Ст. 15. Постановленія настоящаго трактата не должны служить препятствіемъ къ примѣненію существующихъ въ Египтѣ санитарныхъ мѣръ.

Ст. 16. Стороны обязываются довести настоящій трактатъ до свѣдѣнія державъ, не подписавшихъ его, съ приглашеніемъ присоединиться къ нему.

Таковы постановленія акта 1887 г. о свободѣ движенія по Суэзскому каналу. При изложеніи его содержанія мы упомянули о нѣкоторыхъ его существенныхъ недостаткахъ и пробѣлахъ, но, несмотря на это, онъ дѣлаетъ честь дипломатіи нашего времени, доведшей его до конца послѣ тяжелыхъ, многолѣтнихъ переговоровъ. Можно надѣяться, что начала, положенныя въ его основаніе, будутъ современемъ еще расширены и послужать образцомъ при установленіи свободы судоходства по другимъ важнымъ артеріямъ міровыхъ сношеній. Такіе пути могутъ лишь въ силу международныхъ соглашеній сдѣлаться общимъ достояніемъ человѣчества и пользоваться надлежащею охраной какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Гр. Л. Камаровскій.

*) *D'Avril*, назв. ст.

Очерки современного земства.

Земство и народное образование *).

I.

Если до введенія земскихъ учреждений у насъ не было никакой организаціи по охраненію народнаго здравія, не было даже заботъ объ этомъ предметѣ и деревенскому населенію было всецѣло предоставлено обходиться «своими средствами», то не менѣе справедливо, что ранѣе введенія земства у насъ не было и народнаго образованія въ строгомъ смыслѣ этого слова. Нельзя сказать, чтобы у насъ не прилагалось заботъ объ образованіи народа и до земства. Палаты государственныхъ имуществъ, удѣльные управления, духовенство, — всѣ эти вѣдомства были призваны насаждать просвѣщеніе въ деревенской массѣ и всѣ они старались въ этомъ направленіи. Если судить по числу школъ, существовавшихъ въ уѣздахъ въ моментъ введенія земскихъ учреждений, то рядомъ съ мѣстностями, въ которыхъ народное образованіе было въ очевидномъ заголѣ, многія мѣстности можно

*) Чтобы не пестрить текста постоянными ссылками на источники, перечислим ихъ здѣсь: 1) отчеты земскихъ управъ, доклады земскимъ собраніямъ, журналы послѣднихъ и земскія смѣты; 2) отчеты инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ; 3) сборники статистическихъ свѣдѣній, изданные земскими статистиками; 4) спеціальныя земскія изслѣдованія по народному образованію, какъ-то: „Народное образованіе въ Московской губерніи“, „Очеркъ народнаго образованія въ Новгородской губерніи за 1884—85 годъ“, „Народное образованіе въ Воронежскомъ уѣздѣ“, „Народное образованіе въ Острогскомъ уѣздѣ“, „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринбургскому уѣзду“, „Народное образованіе“, *И. И. Шидловскій*: „О санитарномъ осмотрѣ народныхъ училищъ Чистопольскаго уѣзда“ и др.; 5) „Земскій ежегодникъ за 1884 годъ“, „Сводъ свѣдѣній о доходахъ и расходахъ по земскимъ смѣтамъ и раскладамъ за время съ 1871 по 1880 г.“, такой же сводъ за время съ 1881 по 1883 г. и „Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1884—1885 г.“; 6) частныя изслѣдованія, каковы брошюра *А. Красева*: „Что даетъ крестьянину начальная народная школа“, статья *П. Кислякова*: „Страивующіе учителя и подвижныя школы въ Курской губерніи“ (*Сверный Вѣстникъ* 1888 г., № 3) и др.; 7) статьи по народному образованію въ провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ; 8) „С.-Петербургскія начальныя училища въ 1877—1887 годахъ“. Спб., 1888 г.

Послѣ этого указанія мы будемъ дѣлать ссылки на источники только при цитатѣ или въ случаяхъ, когда по особымъ причинамъ необходимо будетъ точное указаніе источника.

было бы счесть весьма счастливыми относительно данного предмета *). По некоторым мѣстностямъ число школъ дореформеннаго времени лишь немногимъ уступало числу существующихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ школъ въ настоящее время. Наконецъ, были мѣстности, гдѣ число школъ при введеніи земства было больше, чѣмъ тамъ имѣется школъ теперь. Но когда мы рассмотримъ дѣло поближе, то значеніе цифръ, касающихся числа школъ въ дореформенное время, предстанетъ намъ совѣтъ въ иномъ видѣ. Прежде всего отмѣтимъ, что въ дореформенныхъ школахъ училось совершенно ничтожное число дѣтей, которое не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ числомъ учащихся въ настоящее время **). Но этого мало. Огромнѣйшее большинство дореформенныхъ школъ, равно какъ и учащихся, числилось лишь номинально, на бумагѣ, для представленія отчетовъ на начальству, совершенно не существуя въ дѣйствительности, а тѣ школы, которыя дѣйствительно существовали и дѣйствительно имѣли учащихся, представляли лишь какую-то пародію на школы и не могутъ идти ни въ какое сравненіе даже съ существующими «школами грамотности»; сравнивать же дореформенныя школы съ нынѣшними земскими или министерскими было бы просто смѣшно. И это имѣло мѣсто рѣшительно повсюду, какую бы мѣстность Россіи мы ни взяли. Вотъ что, наприм., представляли собою дореформенныя школы Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи, гдѣ будто бы этихъ школъ было вдвое больше, чѣмъ существуетъ теперь земскихъ школъ: «школъ вовсе не было (до введенія земскихъ учрежденій) въ смыслѣ учебныхъ заведеній, а были какіе-то жалкіе пріюты при волостныхъ правленіяхъ или въ заброшенныхъ избахъ, гдѣ, подъ видомъ просвѣщенія, учащіяся знакомились съ эссенціей деревенскихъ безобразій и пороковъ; не легко бывало иногда разыскывать и самихъ учащихся. Въ теплую погоду они разбѣгались по работамъ и полямъ, кто куда попало, а въ земніе дватри мѣсяца заглядывала въ школу едва десятая часть того числа, которое значилось по бумагамъ. Въмѣсто учителей, оказывались субъекты, неспособные ни къ какому труду и проживавшіе на счетъ своего умѣнья разбирать съ грѣхомъ пополамъ письма на посредствѣ того же умѣнья эксплуатировавшіе сельское населеніе къ достиженію своихъ весьма несложныхъ цѣ-

*) Вотъ рядъ относящихся сюда данныхъ. Приводимъ цифри, означающія число школъ, существовавшихъ въ деревняхъ и селахъ въ моментъ введенія земскихъ учрежденій; цифри въ скобкахъ означаютъ число школъ въ настоящее время. Въ Пермской губерніи было 188 школъ (теперь 930), въ Казанской на уѣздъ приходилось отъ 5 до 10 школъ (теперь 794 по губ.), въ Новгородской было 484 (теперь 584), въ Орловской—162 (520), въ Острожскомъ уѣздѣ—50 (113), въ Бердянскомъ уѣздѣ—12 (158), въ Кулявскомъ—30 (45), въ Ананьевскомъ—85 (42), въ Полтавскомъ—18 (37), въ Самарской губерніи—216 (836) и т. д.

***) Въ Полтавскомъ уѣздѣ учащихся было 597 (теперь 2,691), въ Казанскомъ—259 (теперь 2,678), въ Кулявскомъ уѣздѣ—863 (3,058), въ Бердянскомъ—754 (10,314), въ Острожскомъ—2,431 (6,100), въ Чистопольскомъ—383 (3,510), въ Орловской губерніи—8,034 (36,850), въ Новгородской—11,606 (22,584), въ Пермской—9,238 (63,129) и т. д.

лей—«добыть на табачокъ» *). Не лучше стояло дѣло въ Бупянской уѣздѣ, Харьковской губерніи, гдѣ числилось до земства школъ почти столько же, сколько имѣется теперь земскихъ школъ: «наставниками въ этихъ школахъ, называвшихся церковно-приходскими, числились исключительно мѣстные священники и только одинъ былъ изъ поселянъ; но, за многочисленностью своихъ прямыхъ обязанностей по приходу, священники числились наставниками въ этихъ школахъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь номинально, на бумагѣ, и, получая отпускаемое на этомъ предметъ жалованье отъ сельскихъ обществъ въ размѣрѣ отъ 100 до 150 рублей въ годъ, весьма часто поручали дѣло преподаванія въ школахъ своимъ причетникамъ или даже отставнымъ солдатамъ, уплачивая имъ за это рублей 25—30 въ годъ, сами же въ школы вовсе не заглядывали... Если принять во вниманіе нравственный и умственный уровень учителей этихъ школъ и практикуемые ими грубые приемы обученія, и вспомнить, что въ тѣхъ же школахъ почти никто не оканчивалъ полного курса ученія, то, кажется, не рискуя ошибиться, можно придти къ заключенію, что списки учениковъ велись больше для формы, какъ и самыя школы существовали больше на бумагѣ; не фактивенъ былъ только производившійся на нихъ обществами расходъ» **). Въ Новгородской губерніи учителями дореформенныхъ школъ были отставные солдаты и мѣщане, «оставившіе всякія другія занятія вслѣдствіе нетрезваго поведенія», грамотные крестьяне, священники и причетники. «Обученіе на священниковъ и причетниковъ было обязательно возложено духовнымъ начальствомъ. Люди, занятые своими прямыми обязанностями, нерѣдко не имѣющіе никакого призванія и не готовящіеся быть учителями, насильственно призваны къ этой высокой обязанности». Неудивительно, что «школы числились только на бумагѣ»; если же иныя и существовали въ дѣйствительности, то были поставлены самымъ невозможнымъ образомъ, «учебныхъ пособій никакихъ не имѣлось и дѣти обучались только чтенію букваря, часослова и псалтиря» ***). Въ Пермской губерніи «многія школы существовали только номинально. Способы преподаванія въ большей части училищъ были весьма неудовлетворительны, что объясняется неудовлетворительностью личного состава преподавателей: въ нѣкоторыхъ школахъ учили грамотѣ, которые сами плохо разбирали печать и своимъ образомъ жизни могли даже дурно вліять на нравственную сторону учащихся». «Учебныхъ пособій было ничтожное количество; обстановка школъ — большею частью самая жалкая. Если сюда прибавить еще отсутствіе симпатій самого населенія къ школахъ, мѣстами же открытое противодѣйствіе имъ, въ общемъ — полное

*) Сборникъ Херсонскаго Земства 1875 г., № 12. «Отчетъ губерн. зем. упр. за 1866—1874 г.».

**) Журналъ купянскаго земскаго собранія 1885 г. Приложение: «Очеркъ 20-ти лѣтней дѣятельности купянскаго земства», стр. 107 и 108.

***) Очеркъ народнаго образованія въ Новгородской губерніи въ 1884—85 г. Ч. II: «Очеркъ дѣятельности новгородскаго губернскаго земства по народному образованію», стр. 2 и 3.

равнодушіе къ основательной грамотности, то будетъ понятно, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ и съ какими мизерными данными пришлось начать земству дѣло просвѣщенія*). Въ Воронежскомъ уѣздѣ обученіемъ въ дореформенныхъ школахъ занимались священники, дьяконы и причетники, ведшіе дѣло, однако, крайне неаккуратно, вслѣдствіе постоянного отвлеченія служебными занятіями, затѣмъ такъ называемыя «чернички», а всего болѣе отставные солдаты, военные и сельскіе писаря, дворовые и т. д. То же самое имѣло мѣсто и въ Острогожскомъ уѣздѣ. При этомъ въ томъ и другомъ уѣздѣ многія школы существовали только на бумагѣ; въ число учащихъ въ отчетныхъ вѣдомостяхъ заносился значительный процентъ тавихъ дѣтей, которыя посѣщали школу всего разъ-два или набирались для экстренныхъ и торжественныхъ случаевъ, и т. д.

Насколько фиктивно было существованіе огромнѣйшаго большинства дореформенныхъ школъ, это немедленно же обнаружилось, лишь только явились земскія учрежденія, и, благодаря этому, съ духовенства, палаты государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ управленій была фактически снята обязанность показывать въ вѣдомостяхъ свое просвѣтительное рвеніе. Произошла словно сцена изъ фантазмагоріи: огромнѣйшее болшинство дореформенныхъ школъ немедленно же исчезло безслѣдно, точно ихъ никогда и не было. И это совершенно понятно, такъ какъ фактически болшинство дореформенныхъ школъ дѣйствительно не существовало. Земства получили въ наслѣдіе отъ дореформеннаго времени лишь самую незначительную часть числившихся въ это время школъ. Нижеслѣдующія данныя могутъ дать понятіе о ничтожности этого наслѣдія. Воронежское уѣздное земство приняло только 6 школъ (теперь существуетъ 38 земскихъ и 6 частныхъ), Бердянское—12 (теперь 158), Кирилловское—3 (теперь 46, не считая школъ грамотности), Бѣлозерское—2 (теперь 40, тоже безъ школъ грамотности) и т. д. Но и то незначительное наслѣдіе, которое оставлено дореформеннымъ временемъ, состояло исключительно изъ небольшихъ группъ учениковъ, посѣщавшихъ унаслѣдованныя школы; все же остальное, что въ общей совокупности и составляетъ «школу»,—подготовленные преподаватели, болѣе или менѣе приспособленныя школьныя помѣщенія, классная обстановка, учебныя пособія, школьныя бібліотеки,—все это совершенно отсутствовало. Не получило также земство отъ дореформеннаго времени ни опыта веденія дѣла, ни организациі самаго дѣла, такъ какъ никакого веденія дѣла и никакой организациі въ дореформенное время и не существовало.

Такимъ образомъ, земству пришлось буквально создать дѣло народнаго образованія. Земству предстояла на этомъ пути огромная и разносторонняя организационная работа, которую земство и выполнило съ честью. Въ слѣдующей главѣ мы кратко разсмотримъ ходъ этой организационной работы земства въ области народнаго образованія, остановившись подробнѣе лишь на самыхъ послѣднихъ по времени частяхъ этой работы, продолжающейся доселѣ.

*) Сборникъ Пермскаго Земства 1886 г., № 1. Статья Н. И. Моллесона: «Земскіе итоги въ Пермской губерніи».

II.

Вопреки установившемуся мнѣнію объ особенно блестящемъ ходѣ земскихъ дѣлъ въ первый періодъ существованія земскихъ учрежденій, намъ приходится здѣсь, подобно тому, какъ и въ статьѣ, посвященной дѣятельности земства по охраненію народнаго здравія, указать на крайне незначительную дѣятельность земства въ указанный періодъ въ области народнаго образованія. Какъ мы указывали и въ первой статьѣ, слабая земская дѣятельность въ первый періодъ существованія земскихъ учрежденій прямо обуславливалась, съ одной стороны, неподготовленностью земскихъ дѣятелей къ новому, небывалому на Руси дѣлу, къ которому и подготовиться было негдѣ, а также полнымъ отсутствіемъ предшествующаго опыта, котораго совсѣмъ не было передано земству учрежденіями, вѣдавшими земскія дѣла, въ томъ числѣ и дѣло народнаго образованія, въ дореформенное время. Земскимъ дѣятелямъ приходилось сперва учиться земскому дѣлу, присматриваться къ тому, что требовалось жизнью, и находить способы для удовлетворенія этихъ требованій, и уже потомъ работать.

Мы не будемъ здѣсь говорить о первыхъ шагахъ въ области народнаго образованія губернскихъ земствъ. Собственно для народнаго образованія дѣятельность губернскихъ земствъ, по самому существу дѣла, имѣла и имѣетъ сравнительно ограниченное значеніе. Ниже мы обрисуемъ, въ чемъ выражается эта дѣятельность губернскихъ земствъ въ настоящее время. Теперь же отмѣтимъ только, что на первыхъ порахъ заботы губернскихъ земствъ о народномъ образованіи выражались почти исключительно въ созданіи учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью приготовленіе контингента подготовленныхъ учителей для народныхъ школъ. Но и эти дѣломъ занялись на первыхъ порахъ далеко не всѣ губерскія земства.

Центръ тяжести въ данномъ случаѣ, однако, по самой природѣ вещей, долженъ лежать въ дѣятельности уѣздныхъ земствъ. А что дѣлали послѣдніе на первыхъ порахъ, мы увидимъ сейчасъ на рядѣ примѣровъ.

Предъ нами первая уѣздная земскія собранія Новгородской губерніи. Изъ нихъ Старорусское постановляетъ открыть 12 училищъ и, чтобы достигнуть исправнаго посѣщенія ихъ учениками, опредѣлило дѣлать за первое уклоненіе выговоръ, а за второе—налагать на родителей учениковъ штрафъ въ размѣрѣ 10 коп.; боровичское собраніе отказалось сдѣлать какія-либо ассигнованія на народное образованіе, ссылаясь на недостатокъ средствъ, едва достаточныхъ для удовлетворенія обязательныхъ расходовъ, и постановило повѣсить кружки для добровольныхъ пожертвованій на народное образованіе при церквахъ, волостныхъ правленіяхъ и питейныхъ заведеніяхъ; устюжское собраніе постановило взыскивать съ каждаго владѣльца помѣщенія, отдаваемого подъ питейное заведеніе, по 5 р. и сборъ этотъ исключительно назначать на народное образованіе; бѣлозерское собраніе ассигновало на пособіе существовавшимъ школамъ 1,000 руб., но изъ нихъ было израсходовано только 12 р. 80 к., и т. д. Явленія въ та-

комъ же родъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Ананьевское собраніе 1865 г. постановило ходатайствовать предъ правительствомъ о постройкѣ зданій для народныхъ школъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ есть не мене 100 дворовъ, гдѣ же число дворовъ не достигаетъ этой цифры, «убѣждать населеніе въ пользѣ и необходимости народнаго образованія чрезъ мировыхъ посредниковъ, и ассигновало на 1866 годъ 1,000 р. въ распоряженіе училищнаго совѣта. Изъ этихъ денегъ было израсходовано только 210 р. Къ оставшимся 790 р. собраніе прибавило на 1867 годъ еще 710 р. съ тѣмъ, чтобы «пособіе оказывалось только тѣмъ школамъ, гдѣ сельскія общества согласятся на *обязательное* обученіе». На 1868 г. на народное образованіе было назначено только 885 р. — въ пособіе школамъ лишь нѣсколькихъ обществъ, постановившихъ приговоры, которыми они обязывались: 1) «строить помѣщенія для школъ, 2) учить дѣтей съ Покрова до Пасхи и 3) для образованія школьнаго капитала засѣвать ежегодно нѣсколько десятинъ хлѣба». Въ 1869 г. *изъ сметы былъ совсѣмъ исключенъ расходъ на народныя школы*. Въ 1870 г. земство откровенно признавалось, что «состояніе народныхъ школъ въ уѣздѣ представляетъ для насъ *страну неизвѣстную*»; въ этомъ году было снова ассигновано 1,500 р., т. е. опять столько же, сколько въ 1867 г. Не лучше шло дѣло въ первые годы въ полтавскомъ уѣздномъ земствѣ. Въ первомъ очередномъ собраніи 1865 года о народномъ образованіи не было произнесено ни слова. Второе очередное собраніе 1866 г. постановило, что на земствѣ лежитъ обязанность направлять всѣ свои свободныя средства исключительно на дѣло развитія *общаго и высшаго образованія для всѣхъ сословій*; только практическія соображенія о неминуемомъ закрытіи всѣхъ уже существовавшихъ школъ; если имъ будетъ отказано въ помощи, побудили собраніе назначить опредѣленную сумму на поддержаніе этихъ школъ «впредь до появленія въ средѣ сельскихъ обществъ сознанія о пользѣ и необходимости образованія и готовности тратить на этотъ предметъ собственные средства». Пособіи школамъ выдавались въ размѣрѣ всего 75 р., а третье очередное собраніе уменьшило пособіе до 50 р. на школу. Никакихъ заботъ ни объ открытіи школъ, ни о веденіи дѣла земство не проявляло, предоставивъ все на волю самихъ сельскихъ обществъ. Скромныя земскія ассигновки на народное образованіе не израсходывались и на половину. Самыя ассигновки уменьшались съ каждымъ годомъ и въ виду той несчастной мысли, что попеченіе о низшемъ образованіи не входитъ въ сферу обязанностей земства. Характерно, что въ 1867 г. земское собраніе, обсуждая, по инициативѣ губернскаго земскаго собранія, вопросъ объ учительской семинаріи, категорически высказало свое несочувствіе учрежденію семинаріи, мотивируя свое отрицательное мнѣніе тѣмъ, что народная школа не нуждается въ «профессорахъ». Затѣмъ собранія 1870, 1871 и 1872 годовъ систематически высказывались противъ проектированныхъ губернскимъ земствомъ сѣздовъ народныхъ учителей или педагогическихъ курсовъ. И въ такомъ печальномъ положеніи оставалось въ Полтавскомъ уѣздѣ дѣло народнаго образованія вплоть до 1873 г.

Въ Казанской губерніи уже черезъ 5—6 лѣтъ по введеніи земскихъ учреждений число школъ все еще оставалось крайне незначительнымъ. Первые ассигновки уѣздныхъ земствъ этой губерніи на народное образованіе были совершенно ничтожны; иныя земства въ первые 2—3 года совсѣмъ не ассигновали на школы ни копѣйки. Уже въ 1871 году весь школьный бюджетъ уѣздныхъ земствъ Казанской губерніи не достигалъ и 41 тыс. руб., а нѣкоторыя земства тратили на школы изумительно ничтожныя суммы: именно ядринское—360 р. или 1,4% своего бюджета, царевкокшайское—800 р. или 1,8% и цивильское 943 р. или 1,8%.

Фактовъ, подобныхъ указаннымъ, можно привести весьма много; и это неудивительно, такъ какъ эти факты были повсемѣстны, составляли общее правило. Факты иного рода являлись рѣдкимъ исключеніемъ, но все же они были. Были земства, которыя уже съ первыхъ лѣтъ своего существованія отдали должное вниманіе школьному дѣлу и сумѣли стать въ этомъ дѣлѣ на вполне практическую почву. Укажемъ для примѣра на чистопольское земство. Последнее уже въ 1866 г. (на 2-мъ очередномъ собраніи) приняло въ свое вѣдѣніе 14 школъ, ассигновало въ смѣту по народному образованію 3,000 р. и отправило трехъ мальчиковъ въ казанскую школу для приготовленія учителей. Въ 1868 г. земскихъ школъ было уже 18 и земство принимало мѣры къ улучшенію школьныхъ помѣщеній; ассигновка возросла до 5,631 р. Въ 1870 г. школъ было 19, ассигновка—8,400 руб. Въ 1874 г. школъ—27, ассигновка—12,061 р.

Во всякомъ случаѣ, земства, подобныя чистопольскому, являлись единичными; большинство или относилось къ дѣлу народнаго образованія мало-внимательно, или не знало, какъ приступить къ дѣлу. Жизнь, однако, брала свое. Назрѣвшая потребность давала себя знать. Знакомство съ дѣломъ указывало пути дѣятельности. Накоплялся опытъ, который неизбежно толкалъ земскія учрежденія на путь болѣе активнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія. Земства, ссылавшіяся на недостатокъ средствъ, какъ на причину уклоненія отъ заботъ о народномъ образованіи, уже не могли держаться этого основанія въ виду увеличившихся земскихъ сборовъ. Земскіе дѣятели, предоставлявшіе дѣло народнаго образованія самостоятельности крестьянскихъ обществъ, должны были убѣдиться, что даже при самомъ сочувственномъ отношеніи крестьянъ къ школьному дѣлу необходима общая организація послѣдняго, которая взяла бы на себя рядъ заботъ, превышающихъ средства и разумніе отдѣльныхъ сельскихъ обществъ (подготовка и контроль учителей, рациональное устройство школьныхъ помѣщеній и мебели, полученіе учебныхъ пособій и т. д.), а при недостаткѣ указаннаго сочувствія необходима для развитія дѣла народнаго образованія внѣшняя инициатива въ той или другой формѣ. Наконецъ, въ земства, просто равнодушныя къ дѣлу народнаго образованія, проникали мало-помалу болѣе свѣжіе элементы, увеличилось число гласныхъ, требовавшихъ болѣе активнаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Все это опредѣлялось чрезъ нѣсколько лѣтъ по открытіи земскихъ учреж-

деній, примѣрно къ началу 70-хъ годовъ (въ однихъ земствахъ раньше, въ другихъ позже) *). И вотъ съ этого времени начинается дѣятельная организаціонная работа, подготовившая возможность быстрого количественнаго роста народно-образовательнаго дѣла. Конечно, въ отдѣльныхъ земствахъ эта работа шла неодинаково успѣшно; самая работа продолжается доселѣ и будетъ продолжаться всегда, такъ какъ дѣло народного образованія—живое дѣло и постоянно будетъ проявлять новыя нужды и потребности. Но несомнѣнно, что въ большинствѣ земствъ важнѣйшія, основныя стороны указанной работы были болѣе или менѣе окончены уже къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ. Въ чемъ состояла эта работа, мы теперь и разсмотримъ.

Подъ вліяніемъ требованій жизни, почти всѣ уѣздныя земства въ первой половинѣ 70-хъ годовъ уже держались того воззрѣнія, что дѣло народного образованія должно быть однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ вѣдѣнія земскихъ учреждений. Это убѣжденіе легло фундаментомъ всѣхъ принимавшихся земствами мѣръ, всей ихъ дѣятельности въ данной области. Приобрѣтеніе этого убѣжденія было первымъ существеннымъ шагомъ земствъ въ дѣлѣ народного образованія,—шагомъ, неизбѣжно повлекшимъ за собою рядъ другихъ.

Какъ мы уже видѣли, земства не получили отъ дореформеннаго времени, строго говоря, ничего,—ни подготовленныхъ учителей, ни школьныхъ зданій, ни учебной обстановки, ни учебныхъ пособій, ни матеріальныхъ средствъ, ни самой организаціи дѣла—завѣдыванія школами, порядка ихъ открытія, установленія отношеній къ нимъ сельскихъ обществъ и т. д. Все это земству пришлось создавать вновь.

Первою заботой земствъ, разъ они пришли къ убѣжденію о необходимости принятія въ свои руки дѣла народного образованія, была подготовка учителей для народныхъ школъ и вообще принятіе мѣръ для улучшенія учительскаго персонала. Прежде всего этимъ дѣломъ занялись губернскія земства, открывшія учительскія семинаріи и школы. Тѣ же губернскія земства заботились о педагогическомъ развитіи уже имѣющагося учительскаго персонала, съ какою цѣлью устраивали учительскіе сѣзды, педагогическіе курсы и т. п. Въ томъ же направленіи начали дѣйствовать и уѣздныя земства, посылая своихъ стипендіатовъ въ учительскія семинаріи, земскія и правительственныя, и педагогическія школы иныхъ наименованій. Но такъ какъ контингентъ специально-подготовленныхъ лицъ былъ всегда недостаточенъ, а въ первое время былъ совершенно ничтоженъ, между тѣмъ какъ развивающееся дѣло народного образованія требовало все бѣльшаго числа учителей, то земства стали прилагать старанія къ тому, чтобы изъ лицъ, не получившихъ специально-педагогической подготовки, въ народныя учителя шли наиболѣе развитые, наиболѣе образованные элементы. Для дости-

*) Какъ были земства, правильно отнесшіяся къ дѣлу народного образованія съ первыхъ моментовъ своего существованія, такъ есть земства (къ счастью, ихъ всего нѣсколько), которыя доселѣ относятся къ означенному дѣлу такъ же, какъ относились къ нему большинство земствъ въ первые годы своего существованія.

женія этой цѣли стали заботиться объ улучшеніи матеріальныхъ условій учителей. Началось дѣло съ того, что земства стали ассигновать суммы въ дополненіе къ жалованью, платимому учителямъ изъ сельско-общественныхъ суммъ. Скоро, однако, земствамъ пришлось убѣдиться въ несостоятельности такого порядка вещей. Зависимости учителей отъ должностныхъ волостныхъ и сельскихъ лицъ, неаккуратная выдача учителямъ жалованья, отказъ иныхъ обществъ отъ уплаты учительскаго содержанія,—все это заставило огромнѣйшее большинство земствъ принять учительское жалованье всецѣло на земскій счетъ, оставивъ на обществахъ лишь обязанность оказанія учителямъ нѣкоторыхъ натуральныхъ услугъ, необходимыхъ какъ для учителя, такъ и для школы (освѣщеніе, отопленіе, прислуга); при этомъ многія земства заботятся о томъ, чтобы и въ послѣднемъ отношеніи учителя были въ возможно меньшей зависимости отъ обществъ, а нѣкоторыя и указанные предметы приняли на земскій счетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ земствъ, съ теченіемъ времени, содержаніе учителей постепенно возвышается общимъ увеличеніемъ нормы жалованья, прибавками за пятнадцатилѣтіе, наградами и т. д. Одновременно земства проявили заботу и объ умственныхъ интересахъ учителей, для чего устраивали учительскія библіотеки при школахъ, общія учительскія библіотеки на весь уѣздъ или общія земскія библіотеки, доступныя для пользованія и учителямъ, которымъ разсылаются книги даромъ по земской почтѣ. Насколько оказались успѣшными мѣры земства, принятія съ цѣлью улучшенія учительскаго персонала, мы увидимъ ниже; пока же скажемъ, что какъ учительскій персоналъ народныхъ школъ, такъ и положеніе его отличаются отъ того, что было въ до-реформенное время, такъ же рѣзко, какъ небо отъ земли.

Кромѣ общихъ вопросовъ, касающихся учительскаго персонала, земство разрѣшило также и рядъ частныхъ, относящихся сюда, вопросовъ. Самымъ важнымъ изъ послѣднихъ является вопросъ о допущеніи въ народныя школы учительницъ. Земство съ перваго же момента отнеслось къ этому вопросу благоприятно. Въ этомъ случаѣ земству пришлось идти какъ противъ предрасудковъ общества, такъ, во многихъ мѣстахъ, и противъ предубѣжденія народа. Однако, жизнь показала, что избранный земствомъ путь былъ вполне вѣренъ. Учительница оказалась въ народной школѣ больше на мѣстѣ, нежели учитель - мужчина, и если въ настоящее время въ известной части общества еще сохраняется предрасудокъ, въ силу котораго на народную учительницу смотреть подозрительно, то народное предубѣжденіе противъ учительницъ исчезло безслѣдно. Число учительницъ въ народныхъ школахъ растетъ съ каждымъ годомъ и уже теперь оно почти повсемѣстно мало чѣмъ уступаетъ числу учителей, а кое-гдѣ даже превосходитъ послѣднее *).

*) Вотъ для характеристики указываемаго явленія рядъ данныхъ: въ Пермской губ. среди учительскаго персонала 555 мужчинъ и 464 женщины, въ Московской—408 м. и 356 ж., въ Новгородской—368 м. и 127 ж., въ Таврической—288 м. и 184 ж., въ Остро-гожскомъ уѣздѣ—50 м. и 45 ж., въ Воронежскомъ—80 м. и 11 ж., въ Вессергонскомъ—27 м. и 46 ж., въ Псковскомъ—49 м. и 20 ж., въ Спбжскомъ—10 м. и 22 ж., Ела-

Затѣмъ земствомъ созданъ особый институтъ учителей съ помощниковъ. Необходимость этого института была вызвана быстрымъ ростомъ числа учащихся въ школахъ, при которомъ дѣятельность учителей крайне затруднялась. Введеніе института учительскихъ помощниковъ сдѣлало болѣе производительнымъ трудъ учителей и дало возможность одной и той же школѣ обучать большее число учениковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ учительскимъ помощникамъ передаются болѣе легкія и второстепенныя части учительскаго труда, то къ исполненію ихъ обязанностей могли быть допущены лица безъ специальной подготовки, часто, наприм., наиболѣе даровитые мальчики, кончившіе курсъ въ той же школѣ, которые, такимъ образомъ, практически приобрѣтали навыкъ къ педагогическому дѣлу и впоследствии дѣлались учителями, проходя курсъ специальной школы или приобрѣтая свидѣтельство на званіе народнаго учителя по особому экзамену. Такимъ образомъ, и эта мѣра оказалась въ высшей степени практичною и полезною.

Относительно курса народныхъ школъ земствомъ сдѣлано очень многое. Прежнія школы въ самомъ лучшемъ случаѣ могли дать умѣнье механическаго чтенія, письма и счета. Земская школа даетъ несравненно болѣе: Сознательное чтеніе и письмо, почти вся ариметика, довольно широкій курсъ Закона Божія, грамматика, знакомство съ многими отрывками лучшихъ изящныхъ произведеній, нѣкоторыя знанія по естественнымъ наукамъ, географіи и исторіи,—вотъ что на практикѣ даетъ земская школа. Но земства и этимъ не довольствуются и стремятся расширить школьный курсъ. Кое-гдѣ (правда, въ очень немногихъ мѣстахъ) земства добились того, что училищныя совѣты обратили трехлѣтній курсъ начальныхъ училищъ въ четырехлѣтній. Затѣмъ, принявъ на себя заботы о начальномъ образованіи, земство дало возможность ассигнуемья на тотъ же предметъ по министерству народнаго просвѣщенія средства всецѣло обратить на устройство двухклассныхъ училищъ съ пятилѣтнимъ курсомъ. Къ тому же, многія двухклассныя училища открыты только потому, что на нихъ выдается субсидію земство. Сюда же нужно отнести стремленіе земства устраивать при школахъ ремесленные классы и вводить въ кругъ предметовъ преподаванія рукодѣлія и, наконецъ, проявившееся въ послѣднее время въ рядѣ земствъ стремленіе сдѣлать народную школу разсадницею сельско-хозяйственныхъ знаній, — стремленіе, уже кое-гдѣ получающее нѣкоторое осуществленіе.

Рядомъ съ этими улучшеніями школьнаго дѣла шла выработка средствъ расширенія дѣйствія школъ. Въ виду разбросанности населенія во многихъ частяхъ Россіи (на сѣверѣ—деревни и починки, а на югѣ—хутора), зем-

бужскомъ—28 м. и 43 ж., Новоузенскомъ—55 м. и 89 ж. и Кулявскомъ—24 м. и 21 ж. При этомъ не лишне замѣтить, что образовательный уровень учительницъ вообще выше такого же уровня учителей: между учительницами встрѣчаются лица съ высшимъ образованіемъ и несравненно болѣе, чѣмъ среди учителей, процентъ лицъ съ среднимъ образованіемъ. За то лицъ, получившихъ специальную подготовку въ учительскихъ семинаріяхъ и т. п. учрежденіяхъ, значительно больше между учителями, чѣмъ между учительницами.

ство старалось создать условия, при которых школьное образование было бы доступно возможно большей части населения. Отсюда, помимо увеличения числа школ, явились ночлежные приюты и общежития при школах, благодаря чему школою могут пользоваться дети из населенных пунктов, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ помѣщенія школы, и затѣмъ передвижныя школы, странствующія изъ одного населеннаго пункта въ другой. Въ послѣднее время земства, сознавая невозможность создать въ ближайшемъ будущемъ такое количество земскихъ школъ, которое вполнѣ соответствовало бы потребности народа въ образованіи, обратили вниманіе на самобытныя народныя школы, такъ называемыя школы грамотности, и заботятся какъ объ ихъ возникновеніи, такъ и о рациональной постановкѣ въ нихъ дѣла. Сюда же должно быть отнесено содѣйствіе многихъ земствъ возникшимъ въ послѣднее время церковно-приходскимъ школамъ. Наконецъ, нѣкоторыя земства прилагаютъ спеціальныя заботы объ увеличеніи числа учащихся женскаго пола.

Стремясь сдѣлать возможно болѣе доступнымъ школьное образование для дѣтей, земства не могли не остановиться и на проявляющемся желаніи получить нѣкоторое образование со стороны взрослого безграмотнаго населенія. Отсюда нѣкоторыя земства устроили вечернее или воскресное обученіе взрослыхъ, а также чтенія для послѣднихъ по научнымъ предметамъ. Дѣло это, однако, встрѣчало и встрѣчаетъ много препятствій и пока стоитъ въ самомъ началѣ своего развитія.

Обратило вниманіе земство и на возможность факта утраты бывшими учениками народной школы вынесенныхъ изъ послѣдней знаний и для предупрежденія этой печальной возможности выработало рядъ мѣръ. Кое-гдѣ устроены вечернія и воскресныя повторительныя занятія съ бывшими учениками школъ; кое-гдѣ производились повѣрочныя испытанія всѣмъ, окончившимъ курсъ земской школы со времени ея существованія; но гораздо болѣе значеніе имѣетъ все болѣе расширяющееся дѣло устройства школьныхъ библиотекъ, пользование которыми доступно всѣмъ грамотнымъ крестьянамъ.

Параллельно всему этому выработывалась организація завѣдыванія школами. Установились отношенія между всѣми лицами и вѣдомствами, являющимися въ томъ или другомъ отношеніи прикосновенными къ школьному дѣлу. Земства, устранивныя отъ прямого завѣдыванія учебною стороною школьнаго дѣла, слѣдятъ за ходомъ чрезъ членовъ училищнаго совѣта отъ земства. Кое-гдѣ имѣются особыя земскіе инспектора училищъ. Нѣкоторыя земства имѣютъ особыя должности завѣдующихъ хозяйственною частью школьнаго дѣла.

Не мало времени и средствъ пришлось затратить земствамъ и на надлежащую постановку матеріальной стороны школьнаго дѣла. Земства много сдѣлали для улучшенія этой стороны. Теперь тѣ чудовищно-безобразныя помѣщенія, которыя представляли общее правило для дореформенныхъ школъ, остались явленіемъ исключительнымъ. Если и теперь школьныя

помѣщенія во многихъ случаяхъ заставляютъ желать многого, то рядомъ съ такими помѣщеніями не мало школъ обладаютъ вполне удовлетворительными, специально для нихъ выстроенными зданіями. И улучшеніе школьныхъ зданій идетъ впередъ съ каждымъ годомъ.

Точно также улучшена внутренняя обстановка школъ и школы снабжены учебными пособиями. Созданы особые склады послѣднихъ, для удешевленія ихъ, и вообще организовано дѣло снабженія школъ пособиями.

Выработаны правила, которыми опредѣляются отношенія по школьному дѣлу земствъ и сельскихъ обществъ. Въ разныхъ мѣстахъ обязанности послѣднихъ опредѣляются различно, но важно то, что эти обязанности не являются нынѣ случайными, измѣнчивыми, а составляютъ пѣчто постоянное, общеизвѣстное, для соблюденія чего выработана особая организациа дѣла. Въмѣстѣ съ тѣмъ установленъ порядокъ открытія новыхъ школъ.

Наконецъ, размежеваны области дѣла между губернскими и уѣздными земствами. Губернскія земства взяли на себя, помимо устройства и содержанія средне-учебныхъ заведеній, преимущественную заботу о специально-педагогической подготовкѣ учителей, устройство специальныхъ ремесленныхъ, сельско-хозяйственныхъ и медицинскихъ школъ, выдачу субсидій или ссудъ уѣзднымъ земствамъ или чрезъ послѣднія сельскимъ обществамъ на устройство и ремонтъ школьныхъ зданій; многія губернскія земства считаютъ своею обязанностью заботиться о возникновеніи библиотекъ при земскихъ школахъ, а также содѣйствовать лучшему снабженію школъ учебными пособиями, для чего ими учреждены особые склады послѣднихъ; нѣкоторыя губернскія земства принимаютъ на себя выдачу дополнительнаго жалованья учителямъ за выслугою извѣстнаго числа лѣтъ, даютъ особыя субсидіи уѣзднымъ земствамъ на развитіе женскаго образованія въ сельскомъ населеніи, участвуютъ въ расходахъ по содержанію двухклассныхъ училищъ и т. д. Уѣздныя земства, принимая участіе во всѣхъ перечисленныхъ пунктахъ дѣятельности губернскихъ земствъ, приняли на себя, главнымъ образомъ, содержаніе начальныхъ школъ.

Такова въ важнѣйшихъ чертахъ организаціонная работа, выполненная земствомъ по народному образованію. Теперь, когда важнѣйшія части этой работы приведены къ окончанію или близятся къ концу, многія детали ея могутъ казаться неважными, простыми и легкими; но когда это дѣло приходилось вести безъ всякаго руководства предшествующаго опыта, ощупью, въ потьмахъ, когда каждый шагъ впередъ долженъ былъ являться результатомъ цѣлага ряда попытокъ, когда нужно было строить все зданіе заново, выработывая при этомъ и его планъ,—тогда дѣло должно было быть не такъ-то легкимъ. Нужно было употребить много и времени, и труда, и матеріальныхъ средствъ; возможны были и ошибки, и уклоненія отъ правильнаго пути.

Очерченная выше организаціонная работа земствъ была закончена въ своихъ важнѣйшихъ частяхъ, какъ и въ дѣлѣ охраненія народнаго обра-

зованія, лишь къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ, съ этого времени начался быстрый количественный ростъ народно-образовательнаго дѣла, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

III.

Въ 1869 году земства расходовали на народное образованіе еще менѣе 1 милліона рублей (953,081 р.), что составляло всего 5,3% земскаго бюджета. Затѣмъ съ каждымъ годомъ земскіе расходы на народное образованіе возрастали и абсолютно, и по отношенію къ общей величинѣ всего земскаго бюджета. Черезъ пять лѣтъ, въ 1874 году, расходы на народное образованіе составляли уже 2.952,226 руб. (11,4% земскаго бюджета), еще черезъ пять лѣтъ—въ 1879 г.—4.595,666 руб. (13,7%) и, наконецъ, въ 1885 г.—6.887,000 р. (16%). Въ два послѣднихъ года расходъ земства на народное образованіе возросъ еще болѣе, какъ это можно видѣть изъ цѣлага ряда данныхъ, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей *). Къ сожалѣнію, свода данныхъ по всѣмъ земскимъ губерніямъ за два послѣдніе года мы не имѣемъ. Уменьшеніе ассигновокъ на народное образованіе по нѣкоторымъ земствамъ объясняется тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое попало въ послѣдніе годы большинство земствъ, благодаря чрезвычайному накопленію недоимокъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что сокращеніе ассигновокъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ влечетъ за собою сокращеніе школьнаго дѣла, а чаще ведетъ лишь къ уменьшенію вознагражденія учителей и приостановкѣ построекъ школьныхъ зданій. Огромнѣйшее большинство земствъ, однако, и при совершенно затруднительномъ финансовомъ положеніи не только не уменьшало въ послѣдніе годы ассигновокъ по народному образованію, а, напротивъ, увеличивало и, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ въ сноскѣ примѣровъ, по инымъ уѣздамъ въ размѣрахъ чрезвычайныхъ.

*) Вотъ нѣкоторыя относящіяся сюда данныя:

	Ассигновано на народное образованіе:				Ассигновано на народное образованіе:		
	на 1885 годъ.	на 1888 годъ.	% увелич.(+) или уменьш.(—).		на 1885 годъ.	на 1888 годъ.	% увелич.(+) или уменьш.(—).
Козловскій уѣздъ	29,746	35,973	+ 21	Елатомскій уѣздъ	6,680	5,846	— 12
Лебедянскій „	15,100	17,120	+ 13	Сорожскій „	5,950	9,585	+ 61
Тамбовскій „	32,035	34,048	+ 6	Нолинскій „	35,160	20,500	— 42
Кирсановск. „	6,200	6,200	± 0	Порѣчскій „	2,475	3,050	+ 23
Липецкій „	8,816	9,256	+ 5	Екатеринб. „	86,895	89,606	+ 3
Борисоглѣб. „	13,752	37,037	+ 98	Вятскій „	32,016	29,641	— 7
Темниковск. „	10,324	11,829	+ 14	Камышинск. „	25,976	31,180	+ 20
Усманскій „	11,322	16,000	+ 41	Пермскій „	57,280	60,049	+ 5
Спасскій „	9,590	9,310	— 3	Сибирскій „	8,750	9,000	+ 3
Шацкій „	6,830	6,830	± 0	Рославльскій „	3,806	4,779	+ 26
Моршанскій „	28,545	31,155	+ 9				

Но данныя о ростѣ земскихъ расходовъ на народное образованіе еще не даютъ понятія о размѣрахъ роста народно-образовательнаго дѣла. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ у земствъ накоплялся опытъ и создавалась и упрочивалась организація дѣла, земскіе расходы на народное образованіе дѣлались все болѣе и болѣе производительными, почему ростъ числа учащихся въ земскихъ школахъ значительно опережаетъ возростаніе ассигновокъ на эти школы. Такимъ образомъ, для полного уясненія размѣровъ роста народно-образовательнаго дѣла при попеченіи земства, необходимы погодныя данныя о числѣ учащихся въ земскихъ школахъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ свода богатаго цифроваго матеріала, относящагося къ росту народно-образовательнаго дѣла и заключающагося въ земскихъ изданіяхъ. Отдѣльному лицу и думать нечего о томъ, чтобы пересмотрѣть всю массу земскихъ изданій за все время существованія земства: это превышаетъ единичныя силы. Такое дѣло подъ силу только цѣлому учрежденію, обладающему достаточнымъ персоналомъ и надлежащими средствами. Къ сожалѣнію, данныя по народному образованію, публикуемыя за разные годы центральнымъ статистическимъ комитетомъ, заимствуются имъ изъ крайне сомнительныхъ источниковъ, неоднородны по отдѣльнымъ мѣстностямъ, крайне неполны и прямо невѣрны, такъ что оперировать надъ ними, какъ это иногда дѣлается у насъ въ печати, не имѣетъ никакого смысла *). По необходимости приходится ограничиваться немногими данными, которыя могли быть собраны лично нами.

*) Недавно намъ пришлось встрѣтить въ одной газетѣ бойкія разсужденія о томъ, что населеніе земскихъ губерній, платя земскихъ повинностей *значительно болѣе*, нежели населеніе неземскихъ губерній, имѣетъ *менше* возможности получить образованіе и воспользоваться медицинскою помощью. При этомъ проводилась параллель между сосѣдними земскими и неземскими губерніями: Полтавскою и Кіевскою, Смоленскою и Витебскою. Данныя для подтвержденія указанного абсурда были взяты изъ *Сборника свѣдѣній по Россіи за 1884—1885 и.*, изданнаго въ прошломъ году центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Мы провѣрили эти данныя и они оказались совершеннымъ вздоромъ. Укажемъ одинъ примѣръ. Въ Полтавской губ. сельскихъ школъ показано 599 съ 39,460 учащимися, а въ сосѣдней Кіевской—1,308 школъ съ 45,148 учащимися. Преимущество, какъ видимъ, на сторонѣ неземской Кіевской губ. Когда, однако, мы обратились для провѣрки этихъ данныхъ къ отчету попечителя кіевскаго учебнаго округа, то увидѣли, что центральный статистическій комитетъ включилъ въ число школъ по Кіевской губ. существующія преимущественно на бумагѣ церковно-приходскія школы, отчего общее число школъ по этой губерніи и вышло такое большое. Если же считать только дѣйствительно существующія школы, то въ одной земской Полтавской губ. таковыхъ оказывается болѣе, чѣмъ въ *трехъ неземскихъ губерніяхъ* юго-западнаго края—Кіевской, Волынской и Подольской, *всѣмъ* взятымъ. Еще лучше вышло съ цифровыми данными, касающимися медицинской части: ни одна цифра по Полтавской губ. (число врачей, фельдшеровъ, больницъ, кроватей, пособій) не только не оказалась истинною, но всѣ онѣ уменьшены въ нѣсколько разъ противъ дѣйствительности. (Подробнѣе объ этомъ см. статью *Фалшивая статистика въ Недѣль* за 1888 г., № 14, „опроверженіе“ на эту статью отъ центрального статистическаго комитета въ № 16 и отвѣтъ на это „опроверженіе“ въ № 17, а также статью председателя полтавской губернской земской управы г. Зеленскаго въ № 4360 *Новаго Времени*.)

Выше, въ сноскѣ къ первой главѣ, былъ уже приведенъ рядъ параллельныхъ данныхъ о числѣ школъ и учащихся въ первый годъ существованія земскихъ учреждений и въ настоящее время. Изъ этихъ данныхъ наглядно видно, какъ сильно выросло народно-образовательное дѣло, благодаря земству. Общее число учащихся возросло по отдѣльнымъ мѣстностямъ отъ 4 до 15 разъ, причѣмъ надо имѣть еще въ виду громадную разницу въ томъ, что выносили ученикъ изъ школы прежде и выносятъ теперь. О постепенномъ ростѣ числа учащихся въ разныхъ земскихъ мѣстностяхъ даютъ понятіе нижеслѣдующія данныя:

Среднее годовое число учащихся за пятилѣтія:

	1866—70 г.	1871—76 г.	1876—80 г.	1881—85 г.	1886 г.	1887 г.
Чистопольскій уѣздъ	706	—	2,137	3,024	3,510	—
Полтавскій уѣздъ	1,068	1,267	1,985	2,349	—	—
Орловская губ.	8,032	17,872	23,550	27,825	—	36,850
Александр. у. (Екатер. г.)	—	2,290	2,803	3,322	4,076	—
Острогожскій уѣздъ	2,431	3,265	3,980	4,832	—	—
Воронежскій уѣздъ	—	970	1,209	2,392	—	—
Бердянскій у. (среди правосл.)	754	—	—	5,758	7,560	—

Не будемъ приводить дальнѣйшихъ данныхъ, такъ какъ всѣ имѣющіяся у насъ данныя совершенно тождественны съ приведенными и говорятъ одно и то же. Мы видимъ изъ этихъ данныхъ, что въ первое десятилѣтіе существованія земскихъ школъ число учащихся возросло несравненно медленнѣе, нежели во второе десятилѣтіе, что въ первую половину втораго десятилѣтія это возрастаніе шло также гораздо медленнѣе, нежели во вторую половину, и что, наконецъ, наиболѣе быстрый ростъ числа учащихся падаетъ на два послѣдніе года—1886 и 1887. Ясно, какое громадное значеніе имѣетъ та организационная работа земства, которую мы старались очертить выше: пока она была въ самомъ началѣ, ростъ числа учащихся былъ самый медленный; по мѣрѣ же роста этой работы росло и число учащихся, а когда организационная работа къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ заканчивалась въ своихъ важнѣйшихъ сторонахъ, ростъ числа учащихся достигъ наибольшей степени. Это даетъ намъ право дѣлать благоприятныя заключенія относительно будущаго, и эти заключенія вполнѣ подтверждаются данными за 1886 и 1887 годы, въ которые число учащихся получило наибольшій приростъ.

Я. Абрамовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова *).

Первое изъ сохранившихся писемъ отца и матери Н. А. Добролюбова было писано къ нему 27 сентября, отправлено 28, получено Николаемъ Александровичемъ 5 октября, то-есть на восьмой день по отправленіи (почта въ тѣ времена очень часто запаздывала). Письмо матери служить, между прочимъ, отвѣтомъ на (не сохранившееся) письмо сына, заключавшее въ себѣ поздравленіе ея съ днемъ рожденія. Листъ начинается письмомъ отца, состоящимъ лишь изъ немногихъ строкъ. Отецъ говоритъ, что посылаются при этомъ письмѣ «еще десять рублей» и прибавляетъ: «Я увѣренъ, что ты не употребишь оныя деньги безразсудно. А въ необходимомъ и даже полезномъ не отказывай себѣ ни въ чемъ. Чаю покупай себѣ лучшаго».

Послѣ отца пишетъ мать:

«Я вчерась писала тебѣ, милый Николенька, и была очень утѣшена полученнымъ отъ тебя письмомъ. Никакъ не ожидая, чтобы ты, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, могъ вспомнить день моего рожденія, я была спокойна, какъ давно не бывала; но каково-жъ мое удивленіе: къ вечеру нашъ добрый Михайль Алексѣевичъ принесъ твое письмо, такъ неожиданно полученное, которое еще больше меня обрадовало потому, что я не ожидала».

Она благодаритъ сына за то, что онъ вспомнилъ о днѣ ея рожденія, и продолжаетъ:

«Мы къ тебѣ не скоро отвѣчали»,—вѣроятно, на письмо отъ 6 сентября,—«потому, что писалъ къ тебѣ Михайль Алексѣевичъ, такъ чтобы не затруднять тебя излишнею пересылкой. Мы разсчитали, что у тебя за покупкой книгъ останется немного денегъ, потому посылаемъ ихъ тебѣ».

Мать проситъ его беречь здоровье, не отказывать себѣ ни въ чемъ надобномъ, и продолжаетъ:

«Отецъ написалъ такъ коротко» потому, что спѣшилъ къ обѣднѣ; онъ просилъ ее отвѣчать на заключавшіеся въ письмѣ сына, отъ 6 сентября, вопросы о томъ, какія изъ вещей, ставшихъ ненужными ему по поступленіи въ институтъ, слѣдуетъ ему продать. Она выражаетъ согласіе на то, чтобы онъ продалъ всѣ перечисленные имъ вещи, кромѣ чемодана:

*) *Русская Мысль*, кн. I.

«Чемоданъ, если можно; то оставь при себѣ: онъ тебѣ понадобится, когда поѣдешь къ намъ въ гости; а я надѣюсь, что это будетъ, дождусь тебя къ себѣ, чтобы на тебя полюбоваться въ твоёмъ мундирѣ».

Она возвращается къ тому, что очень обрадована полученнымъ вчера письмомъ сына:

«Будь здоровъ, спокоенъ и счастливъ. Тысячу разъ благодарю тебя за письмо твое. Оно меня очень радуетъ. Но только папаша велѣлъ мнѣ написать, чтобъ ты не тратилъ время дорогое, котораго такъ мало даютъ тебѣ *), на ненужныя письма. Но къ намъ, прошу тебя, писать хоть понемногу. Прощай, мой милый, мой дорогой Николенька, какъ ты самъ себя называлъ въ письмѣ. Мнѣ это названіе очень пріятно. Любящая тебя много, очень много, мать твоя З. Добролюбова».

Въ тѣ времена въ среднемъ кругу провинціального общества было принято называть взрослыхъ дѣтей въ письмахъ къ нимъ по имени и отчеству. Александръ Ивановичъ обыкновенно и называлъ такъ сына. Зинаида Васильевна раза два поддавалась этому обычаю. Сынъ просилъ ее называть его, попрежнему, Николенькой.

Къ письму Зинаиды Васильевны сдѣлала приписку младшая сестра ея, Варвара Васильевна:

«Благодарю тебя, милый Николенька, за память. Радуюсь, что ты не пошелъ въ куты. Варвара К.».

Варвара Васильевна Колосовская была и сама, какъ Зинаида Васильевна, жена священника. Но это, какъ видимъ, не стѣсняло ее имѣть безпристрастное мнѣніе о «кутѣ». Въ однихъ изъ своихъ писемъ къ Николаю Александровичу она объясняетъ и причину, по которой рада, что онъ не пошелъ въ куты: семинаристы и студенты духовныхъ академій имѣютъ неуклюжія манеры и плохо знаютъ приличія; племянникъ ея теперь отстанетъ отъ этихъ принадлежностей кутейническаго воспитанія.

Она была бойчѣе Зинаиды Васильевны въ шуткахъ. Но если она дѣлала такую приписку къ письму сестры, то не ясно ли, что Зинаида Васильевна раздѣляла ея мнѣніе о преимуществахъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній надъ духовными? Да и у самой Зинаиды Васильевны высказывается предпочтеніе института, духовной академіи въ словахъ, что ей пріятно будетъ видѣть сына въ институтскомъ мундирѣ (онъ былъ одинаковый съ университетскимъ).

Прочитавъ первое изъ сохранившихся писемъ отца и матери къ Николаю Александровичу, нельзя не увидѣть, что деликатность его характера была единственнымъ источникомъ мучительнаго сомнѣнія въ томъ, одобрятъ ли отецъ и мать его предпочтеніе институтскаго курса академическому. Онъ не могъ не знать, что мать предпочитаетъ свѣтскія учебныя заведенія духовнымъ; и онъ превосходно зналъ, что понятія обо всемъ на

*) Николай Александровичъ сообщил отцу и матери распредѣленіе дня въ институтѣ; отецъ нашелъ, какъ видно по письмамъ Николаю Александровичу, что, при такомъ распредѣленіи дня, остается слишкомъ мало времени для серьезныхъ, самостоятельныхъ занятій, къ какимъ привыкъ дома сынъ.

свѣтъ одинаковы у отца и матери. Послѣ того разговора съ отцомъ, въ которомъ рѣчь была доведена до вопроса, можетъ ли отецъ содержать его въ университетѣ, онъ не могъ не понимать, что прежнія разсужденія отца о преимуществахъ академическаго воспитанія надъ университетскимъ были только результатомъ желанія отца отклонить его отъ намѣренія, неудобно-исполнимаго по недостатку денегъ, сберечь его отъ огорченія раскрытіемъ положенія денежныхъ дѣлъ семейства.

Съ того дня, какъ получено было Николаемъ Александровичемъ письмо отца и матери, говорившее, что они и не думали сердиться на него за предпочтеніе институтскаго курса академическому, напротивъ рады его поступленію въ институтъ, жизнь его шла спокойно до половины марта.

Въ первыя недѣли по поступленіи въ институтъ Николай Александровичъ восхищался имъ. Но очень скоро увидѣлъ, что и институтскія лекціи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ (именно: лекціи Срезневскаго по славянскимъ нарѣчіямъ и Н. М. Благовѣщенскаго по римской литературѣ) хороши сами по себѣ, даютъ ему, въ общей сложности своей, слишкомъ мало знанія сравнительно съ тѣмъ, сколько желаетъ и можетъ онъ пріобрѣтать. Не дальше, какъ черезъ мѣсяць по началѣ курса, онъ уже сталъ употреблять на занятія, постороннія требованія институтскаго курса, всѣ тѣ часы, какіе оставлялъ въ распоряженіи студентовъ институтскій порядокъ дня, регулированный обязательнымъ росписаніемъ отъ минуты, определенной для пробужденія, до минуты, въ которую гасятся лампы съ запрещеніемъ имѣть послѣ того свѣтъ для работы.

Отецъ, прочитавъ это росписаніе, сообщенное ему и матери сыномъ при самомъ началѣ курса, замѣтилъ, что оно даетъ слишкомъ мало времени для занятій болѣе серьезныхъ, чѣмъ школьная работа, требуемая уставомъ заведенія. Отецъ вывелъ изъ этого, что сынъ, имѣвшій въ семинарскіе годы, гораздо болѣе времени для занятій по своему выбору, не можетъ быть доволенъ институтскимъ порядкомъ дня, стѣсняющимъ свободу занятій, мѣшающимъ серьезности ихъ. Сынъ сначала хотѣлъ успокоить отца въ этомъ отношеніи, но въ письмѣ отъ 27 октября признался, что замѣчаніе его справедливо.

«Надобно сказать правду, папаша: вы совершенно правы. Времени для занятій здѣсь мало... — Занятные часы такъ часто перерываются, что нѣтъ возможности втянуться въ работу... Только начнешь заниматься, вдуматься, сосредоточишь мысль на одномъ предметѣ, — какъ вдругъ звонокъ — ужинать — — Развлечешься, и опять трудно приняться за прежнее дѣло. И только вновь соберешься съ мыслями — приходитъ гувернеръ и желаетъ спокойной ночи».

Съ сентября до января отецъ и мать три раза присылали сыну деньги, хотя онъ постоянно писалъ, что не нужно присылать ихъ, что у него еще остается много. Послѣ третьей присылки онъ пишетъ (27 января 1854 г.):

«Наканунѣ дня моего рожденія, 23 января, получилъ я письмо ваше, мои добрые папаша и мамаша, и не могъ надивиться, для чего приложены при

немъ эти 10 р. с. Наконецъ, рѣшилъ я, что вы просто хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ ко дню моего рожденія, не болѣе. По поводу этихъ денегъ я считала, сколько всѣхъ денегъ передали вы мнѣ отъ августа мѣсяца, и нашелъ огромную сумму — почти сто рублей. Разумѣется, сколько ни присылайте денегъ, ихъ всѣ можно истратить на предметы очень полезные и даже, пожалуй, нужные. Но если нѣтъ денегъ, такъ и обойдешься безъ нихъ, — а черезъ годъ, согласишься, онѣ ужъ и не нужны —. Я могу совершенно успокоить васъ и, благодаря за присылку, могу сказать, что я, дѣйствительно, какъ вы предполагали, не нуждался въ деньгахъ: доселѣ я никому не былъ долженъ, даже булочнику, — доселѣ я никогда не сидѣлъ безъ копѣйки въ карманѣ, доселѣ я честнѣе всѣхъ велъ свое маленькое хозяйство, т. е. не пробивался на шаромыжку, а всегда имѣлъ своей чай, са соею булкой*), свою бумажку, сургучъ, ниточку, пуговку и проч., и проч.

Кромѣ недовольства институтомъ, у Николая Александровича не было до половины марта никакого тяжелаго чувства и не было огорченій, кромѣ мелкихъ столкновеній съ назойливою, лицемерною, льстивою и вмѣстѣ грубою институтскою формалистикою. Письма его за все это время имѣютъ обыденное содержаніе, подобное тому, какое обыкновенно имѣютъ письма любящихъ сыновей-юношей къ родителямъ. Онъ рассказываетъ, какъ идетъ его жизнь, чѣмъ онъ занимается, успокоиваетъ опасенія отца и матери за его здоровье въ дурномъ петербургскомъ климатѣ, сообщаетъ петербургскія новости, какія доходили до института; больше всего мѣста въ новостяхъ занимаютъ извѣстія о нашей войнѣ съ Турціей и ея союзниками; къ слухамъ о ходѣ военныхъ дѣйствій присоединены нѣкоторые изъ патріотическихкихъ стихотвореній, восхищавшихъ тогда массу петербургской публики.

Отецъ Николая Александровича былъ человекъ не болѣе, какъ семинарскаго образованія, да и то не такого, какое приобрѣтали любознательные семинаристы время сына, а бывшаго въ это время ужъ старомоднымъ съ новой семинарскаго точки зрѣнія. И въ слогѣ Александра Ивановича есть слѣды старой семинарскаго витіеватости; но сравнительно съ тѣмъ, какъ писало огромное большинство священниковъ его поколѣнія, онъ писалъ очень простымъ слогомъ, производящимъ самое выгодное для него впечатлѣніе на человека, читавшаго много писемъ священниковъ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ онъ.

А по своему содержанію всѣ его письма отъ перваго слова до послѣдней строки показываютъ въ немъ человека очень умнаго и дѣльнаго, добраго, де-

*) Въ институтѣ не было тогда чая; кто изъ студентовъ хотѣлъ пить чай, тотъ долженъ былъ имѣть свой. Пища въ институтѣ была недостаточная; кто изъ студентовъ, имѣвшихъ мало денегъ, но все же имѣвшихъ какія-нибудь деньги, не хотѣлъ голодать, принужденъ былъ покупать хоть булку къ чаю. Воссе не имѣющіе денегъ тоже пили чай съ булкой, — съ ними дѣлились товарищи. Главнымъ организаторомъ пособій товарищамъ очень скоро сталъ Николай Александровичъ, и когда у другихъ не случалось свободныхъ денегъ, онъ давалъ изъ своихъ всѣ надобные рубли, говоря получающему, что это деньги всего товарищескаго общества.

ликатнаго. Онъ былъ чуждъ всякаго педантства; въ его совѣтахъ сыну нѣтъ ни тѣни резонерства, они просты, дѣльны. Многословія онъ не любилъ, да и некогда было ему писать длинно; слогъ его сжатый, онъ писалъ кратко и дѣльно. Онъ не навязывалъ своихъ мнѣній сыну, всегда предоставляетъ ему поступать по собственному соображенію или влеченію. Въ одномъ только совѣтѣ онъ настойчивъ: «не отнимай у себя времени на то, чтобы писать длинные письма,—говоритъ онъ сыну,—не утомляй себя этимъ, у тебя и безъ того много дѣла; не трать времени на письма къ людямъ, къ которымъ не имѣешь обязанности или надобности писать; и жъ намъ пиши лишь столько, сколько дозволяютъ твои занятія; для насъ достаточны будутъ и короткія письма».

Мы видимъ въ письмахъ Александра Ивановича такого отца, который постоянно думаетъ о томъ, чтобы не быть въ тягость сыну своими желаніями, не стѣснять его свободу своими мнѣніями.

Зинаида Васильевна писала простымъ разговорнымъ языкомъ. Когда она разсказывала какую-нибудь новость подробно, разсказъ ея хорошъ. Письма ея проникнуты нѣжною любовью къ сыну.

Каждое письмо отъ него было радостью и для нея, и для Александра Ивановича. Оно читалось сначала ими безмолвно; потомъ Александръ Ивановичъ читалъ вслухъ дѣтямъ и всѣмъ, кто былъ въ комнатѣ, если были тутъ еще кто-нибудь. Когда приходили гости, Александръ Ивановичъ вынималъ письмо сына и читалъ имъ. Антонина Александровна говоритъ, что такимъ образомъ ей приходилось слышать каждое письмо брата раза четыре, разъ пять.

Если сыну случалось пропустить ту почту, съ которой ждали письма отъ сына отецъ и мать, матерью овладѣвало безпокойство; а если проходило еще нѣсколько дней безъ письма отъ сына, начиналъ тревожиться и отецъ. Вотъ какъ разсказываетъ сыну (въ письмѣ отъ 1 янв. 1854) Зинаида Васильевна объ одномъ изъ такихъ случаевъ:

«У насъ, слава Богу, все хорошо; только одно насъ безпокоитъ, что такъ давно ты къ намъ не пишешь, и что здоровъ ли ты. Неужели тебя такъ приковали золотыя цѣпи (*милая, драгоценная для тебя цѣпи науки*), что нѣтъ времени написать нѣсколько строкъ намъ? Не только я одна безпокоюсь, но и папаша частенько говоритъ: что отъ тебя нѣтъ писемъ? Все ждали къ празднику; но и тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Разъ онъ шелъ мимо семинаріи и, увидѣвши у служителя въ рукахъ письмо съ твоимъ почеркомъ (*на адресъ*), такъ обрадовался, что, забывши, что оно не къ намъ, принесъ домой; но, закусивши, поѣхалъ самъ къ Лаврскому (*товарищу Николаю Александровичу по семинаріи, къ которому было это письмо*) за тѣмъ, чтобы прочитать его тамъ; а В. В. (*Валеріанъ Викторовичъ Лаврскій*) былъ такъ добръ ко мнѣ, что на другой день приносилъ его ко мнѣ прочесть».

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, 16 дек., отвѣчая на тревожные вопросы

сына по поводу упоминаній въ письмѣ отца и ея о ихъ легкихъ нездоровьяхъ, Зинаида Васильевна писала:

«Мы очень жалѣли, что тебя беспокоили нашею болѣзнью. Это правда, у папаши болѣла нога — — но, слава Богу, прошло благополучно. А моя болѣзнь, ты знаешь, давнишняя. Я не была покойна до тѣхъ поръ, какъ получила отъ тебя письмо; — — тутъ я совершенно успокоилась и болѣзнь моя прошла. Теперь я здорова».

Около 24 февраля поѣхалъ въ Петербургъ сынъ Бориса Евфимовича Прутенко, Михаилъ Борисовичъ; Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна послали съ нимъ своему сыну письмо и полуимперіалъ. Но онъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ Москвѣ; потому это письмо къ нему не могло быть замѣною письма, идущаго по почтѣ, и они написали 27 февраля сыну письмо, которое отправили по почтѣ. Это было послѣднее письмо, написанное сыну Зинаидой Васильевной. Приводимъ его вполнѣ. Оно служить отвѣтомъ на письмо сына отъ 18 февраля:

«Милый, неоцѣненный другъ мой, Николай Александровичъ! Я очень рада, что ты здоровъ и веселъ и доволенъ своимъ поступленіемъ въ институтъ. Отъ души радуюсь, что этимъ исполнилось всегдашнее твое желаніе. Жалѣю и о твоихъ многотрудныхъ занятіяхъ *). Но да поможетъ тебѣ Господь. Прошу тебя, береги больше всего свое драгоценное здоровье; оно ничѣмъ не можетъ замѣниться: ни честью (*почестями*), ни богатствомъ. Мы съ удовольствіемъ читали и радовались твоей умѣренности (*въ желаніи школьныхъ отличій и въ школьныхъ занятіяхъ*). Да и къ чему такъ много изнурять себя излишнимъ занятіемъ: не всѣмъ же можно быть первыми **); а мы очень въ тебѣ увѣрены, что ты и не при усиленныхъ занятіяхъ будешь не изъ послѣднихъ. А всего лучше, когда ты къ намъ пріѣдешь совершенно здоровымъ, какъ общаешься. Но только не черезъ пять мѣсяцевъ; это очень долго ***). Мы всѣ тебя съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и рассчитываемъ время твоего отпуска. Я бы желала знать, какъ ты кончилъ свое сочиненіе ****), и порадовало ли оно тебя, и какъ ты проводилъ масляницу, не видалъ ли чего интереснаго для насъ и новаго. А ты же и общайся написать побольше. Но вотъ у насъ прошла и первая недѣля поста, а мы

*) «Жалѣю и о твоихъ» — это «и» здѣсь потому, что слова Зинаиды Васильевны служатъ отвѣтомъ на слова сына въ письмѣ отъ 18 февраля: «У васъ, мои милые, родные, опять начнутся такіе труды (у отца, съ наступленіемъ великаго поста, начинающаяся съ 22 февраля) и «безпокойства» (у матери за здоровье отца, изнуряемаго великопостнымъ служеніемъ).

**) По его письмамъ нельзя было догадаться, что въ это время хорошіе профессора (какъ, напримѣръ, Срезневскій) ужъ видѣли: студента такого даровитаго и съ такими обширными знаніями еще не бывало въ институтѣ.

***) Дѣйствительно, въ половинѣ февраля, когда писалъ о «пяти» мѣсяцахъ Николай Александровичъ, оставалось только четыре, а теперь ужъ только три съ половиной мѣсяца до начала институтскихъ каникулъ.

****) Это былъ разборъ степеней вѣрности перевода *Энеиды* г. Шершеневича; Николай Александровичъ слѣдилъ стихъ за стихомъ всю первую книгу перевода съ подлинникомъ.

отъ тебя не получили обѣщаннаго письма, и опять начинаю беспокоиться о твоёмъ здоровьи *). Можетъ быть, тебѣ совершенно и некогда писать намъ при твоихъ трудныхъ занятіяхъ; но что же дѣлать, дружочекъ мой, прошу тебя, хотя понемногу, а пиши, хотя два письма въ мѣсяць, для нашего спокойствія. А я въ тебѣ увѣрена, что ты меня попрежнему любишь. Папаша въ церкви, у насъ много причастниковъ, въ томъ числѣ и Михайлъ Ивановичъ нашъ. Родные наши все здоровы. Желая и прошу Бога, чтобъ и ты былъ совершенно здоровъ, веселъ и успѣвалъ во всемъ хорошо. Остаюсь любящая тебя много, много З. Д.»

Николай Александровичъ получилъ это письмо 2 марта. Послѣ того двѣ недѣли не было письма отъ отца и матери. Это не представляло ничего особеннаго: они обыкновенно писали ему не чаще, чѣмъ разъ въ двѣ недѣли. Такъ шло время до 14 марта, вѣроятно, не возбуждая въ Николаѣ Александровичѣ никакихъ опасеній. — Михайлъ Борисовичъ Прутченко, остававшійся въ Москвѣ, какъ видно, слишкомъ двѣ недѣли, пріѣхалъ въ Петербургъ и 16 марта отдалъ Николаю Александровичу полумимперіаль и письмо отъ 22 февраля, посланное съ нимъ (письмо это не сохранилось). На другой день пришло къ Николаю Александровичу письмо, отправленное отцомъ по почтѣ 13 марта (черезъ пять дней по кончинѣ Зинаиды Васильевны); онъ началъ читать—и прочелъ слова отца, подготовившія его къ полученію извѣстія о смерти матери. Это письмо Александра Ивановича не сохранилось. Какими выраженіями подготовлялъ онъ сына къ извѣстію о смерти матери, мы можемъ угадывать по мыслямъ, возбужденнымъ ими въ сынѣ; очевидно, что были выраженія, говорившія, что болѣзнь матери очень опасна, и, быть можетъ, было прибавлено къ этому, что мало остается надежды на ея выздоровленіе. Читеніемъ этихъ, по всей вѣроятности, немногихъ, простыхъ словъ началось въ Николаѣ Александровичѣ то душевное состояніе, которое едва могъ выдержать организмъ юноши, въ то время еще здороваго, сильнаго. Вотъ письмо, написанное Николаемъ Александровичемъ отцу въ тотъ же день:

1854. 17 марта. Петербургъ.

«Вчера получилъ я письмо ваше, папаша и мамаша мои, посланное съ Михайломъ Борисовичемъ, а нынѣ получилъ еще письмо отъ васъ, папаша, отъ 13 марта. Первые строки обрадовали меня, извѣстивши о новой сестрицѣ... Но далѣе ужасная вѣсть поразила меня, какъ нельзя болѣе, и только слабая надежда меня поддерживаетъ... Я все не вѣрю, я не могу подумать, чтобы могло совершиться это ужасное несчастіе. Богъ знаетъ, какъ много, какъ постоянно нужна была для насъ милая, нѣжная, кроткая, любящая мамаша наша, нашъ благодѣтельный геній, нашъ милый другъ и хранитель... Боже мой! въ прахъ и смиренія повергаюсь пе-

*) Замѣтимъ: письмо сына, на которое она отвѣчаетъ, было писано 18 февр.; это значить: прошло еще только четыре дня или, много, пять дней по его полученіи, и она уже снова беспокоится, здоровъ ли сынъ.

редь Твоею святою волей! Едва дерзкія *) мысли посѣтили было мою голову, какъ вотъ страшная кара грозить уже мнѣ, видимымъ образомъ называя самонадѣянность надменнаго ума... Но я смиряюсь, я надѣюсь, я вѣрую, Господи!... Помози моему невѣрію, поддержи меня, сохрани мнѣ, моимъ милымъ добрую нашу хранительницу! Я могу только молиться, я могу обращаться только къ Богу, съ моею глубокою горестью... Но я вѣрю, что сильно это орудіе, я твердо вѣрую, Господи, что Ты слышишь вопль моего сердца,—и не только моего,—Ты слышишь молитвы, совершаемыя передъ алтаремъ Твоимъ **), слышишь молитвы, произносимыя невинными устами чистыхъ младенцевъ и Ты помилуешь всѣхъ насъ,—Ты услышишь эти молитвы! Вѣрую, вѣрую, вѣрую,—твердо и крѣпко, съ любовью и молитвой!...

«Но—Боже мой!—отчего я не съ вами, папаша?... Отчего не могу видѣть и утѣшить теперь васъ, отчего много дней долженъ я ждать вашего новаго извѣстія, которое рѣшить все? Еслибъ я былъ съ вами, еслибъ чудомъ какимъ-нибудь могъ я перенестись къ вамъ,—о, я вылечилъ бы мою мамашу, я влилъ бы бодрость и свѣжесть въ печальную душу вашу, я далъ бы крѣпость и силу ослабѣвшимъ членамъ больной моей милой, неогнѣнной матери, я пробудилъ бы въ ней новыя силы, остановилъ бы дыханіе жизни на устахъ ея. Бя любовь отделинулась бы на горячій призывъ сыновняго сердца.

«Но что есть, того не пережѣнишь... Нужно предаться Провидѣнію и ждать... Но еслибъ могъ я скорѣе, скорѣе получить письмо отъ васъ,—радостную вѣсть о выздоровленіи мамаша. Что бы ни было, пишите ко мнѣ, пишите скорѣе, пишите каждый день, если можно, хоть по двѣ строчки,—если еще не все кончено. Пишите вы, Михаилъ Алексѣевичъ ***), пишите чаще, больше, подробнѣе, не скрывая ничего отъ меня... Я все приму и перенесу съ твердостью, хотя вѣсть можетъ быть ужасна, такъ ужасна, что ничего ужаснѣе, кажется, не можетъ быть для меня... Мамашенька, мамашенька!... Слышите ли вы еще?... Благословите меня, успокойте меня, утвердите меня, утвердите во мнѣ вѣру въ Провидѣніе, спасите меня и на этомъ пути!...

«Я увѣренъ, папаша, что вы ничего не пожалѣете, употребите всѣ средства для того, чтобы сохранить драгоценную, слабую жизнь... Я самъ съ своей стороны, молясь Богу, вмѣстѣ прошу заочно и докторовъ нашихъ, особенно добраго Егора Егорыча ****), который уже давно знаетъ натуру мамаша, который и меня спасъ однажды отъ смерти... Пусть употребить онъ все стараніе и искусство... Благодарный сынъ отплатитъ за мать свою.

*) Мысли о томъ, что онъ будетъ радостью и гордостью матери.

***) Молитвы его отца, іерея, совершающаго литургію.

****) Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, ближайшій другъ Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны, бывалъ у нихъ едва ли не каждый день.

*****) Егоръ Егоровичъ Эвеніусъ считался хорошимъ врачомъ, какъ должно думать по нѣсколькимъ упоминаемымъ о немъ въ письмахъ Николаю Александровича. Онъ былъ, между прочимъ, врачомъ, лечившимъ пресвященнаго.

«Сестры и братья мои! не плачьте, не шумите, пожалуйста... Умоляю васъ... Можетъ быть, вы не понимаете всей опасности... Покойте, радуйте мамашу, не дайте повода ни къ какому потрясенію... Нянюшка! побереги ихъ, посмотрите за ними!... Ради Господа Бога! Добрые родные наши,—всѣ, всѣ вы любили меня и всѣхъ насъ!... Употребите всѣ старанія и заботы... Услужите этимъ всей семьѣ нашей, обяжите насъ на вѣки!... Издали, но близко къ вамъ, умоляю я васъ объ этомъ...

«Я совершенно здоровъ, и былъ бы доволенъ и спокоенъ, если бы не тревожила мысль о тяжелой болѣзни мамашеньки... Боже! помилуй насъ!...

«Но, папаша, если уже нѣтъ надежды, если все кончено,—да подкрѣпить васъ Господь!... Да вынесетъ могучая душа ваша тяжкое горе, покоряясь премудрому Промыслу, въ которомъ вы всегда почерпали силу и мужество!... Но уже я сказалъ, что твердо вѣрую въ опредѣленіе Промысла, который молю о спасеніи мамашы!... И если это письмо будетъ вами получено еще тогда, когда не будетъ все кончено,—оно послужитъ вамъ залогомъ радостной переменъ; оно должно успокоить васъ и оправдать надежду мою... Это испытаніе, посланное отъ Бога... Кто знаетъ, можетъ быть, это устроено для утвержденія меня въ вѣрѣ... Вѣдь, и одна душа много значить у Бога!... Мужайтесь же, мужайтесь, мой добрый папаша!... Будемъ другъ другу облегчать тяжкое бремя горести...

— — *).

«Нынѣ мы говѣемъ, и, черезъ два дня готовясь приступить къ страшнымъ тайнамъ Христовымъ, я заочно прошу у васъ прощенія во всемъ, въ чемъ когда-нибудь огорчилъ васъ... Прошу прощенія и благословенія у васъ, мамаша, твердо вѣря, что вы и заочно, и еще не получивъ этого письма, благословляете меня со всею прежнею горячею любовью... Выздоровливайте, моя милая мамашенька, дождитесь радостнаго свиданія со мной черезъ какіе-нибудь три мѣсяца... Насъ нынѣ отпустить, кажется, ранѣе обыкновеннаго... И я твердо вѣрую, что Господь милосердный не лишитъ меня счастья увидѣться скоро, скоро съ милою, доброю моею маменькой...»

Прошла недѣля, и все еще не было никакого извѣщенія отъ отца о матери. Николай Александровичъ написалъ второе письмо отцу, оставлявшему его въ томительной неизвѣстности. Онъ все еще хотѣлъ надѣяться, что мать жива, и въ письмѣ своемъ обращался также и къ ней.

25 марта. Петерб.

«Не дождавшись вашего письма, пишу къ вамъ, мои милые папашенька и мамашенька. Я много грустилъ о болѣзни вашей, мамашенька, но вѣрная надежда не покидала меня и въ самой грусти. Въ субботу, 20 числа, приобщился я св. Таинъ, и много, много молился я о вашемъ здо-

*) Кончая письмо, Николай Александровичъ припомнилъ, что долженъ извѣстить отца объ исполненіи порученія, даннаго имъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ; порученіе состояло въ томъ, чтобы навести справки о положеніи дѣла, которымъ интересовался отецъ. Сообщивъ ему собранныя о дѣлѣ свѣдѣнія, Николай Александровичъ, — вѣроятно, послѣ нѣкотораго нерыва, — прибавилъ приписку.

ровы, мамашенька, о вашемъ спокойствіи, папаша. Послѣ этого стало мнѣ веселѣе и надежда моя укрѣпилась еще болѣе... Сладостно прозвучали въ ухахъ моихъ слова воскреснаго Евангелія: все возможно вѣрующему,—и съ полною готовностью зывалъ я ко Господу: вѣрую, Господи, помози моему невѣрію. Съ полною увѣренностью теперь пишу я къ вамъ, что мое письмо найдетъ васъ, мамаша, внѣ опасности. Господь милосердый услышалъ, вѣрно, сердечныя вопли дѣтей, чистыя молитвы ваши, папаша, и вынулъ слезнымъ прошеніямъ и обѣтамъ любящаго сына. Теперь со дня на день буду ждать отъ васъ письма, которое подтвердитъ мои убѣжденія и надежды. А въ отвѣтъ на это письмо я надѣюсь найти словечка три, написанныя вашею рукою, мамашенька, моя милая, дорогая мамашенька. Ахъ, еслибъ вы знали, сколько я люблю васъ... Но, вѣдь, вы и сами меня такъ любите, если еще не больше. Умоляю васъ—берегите себя. Пусть доктора употребятъ всѣ усилія, пусть будутъ удалены отъ васъ всѣ горести и непріятности, всѣ заботы семейныя, пусть нѣжная любовь окружитъ постель вашу, и ваше здоровье быстро станетъ поправляться. Тяжело, я думаю, было вамъ, мой добрый папаша, вынести тяжкую болѣзнь, дрожать при видѣ опасности... Но вѣкъ безъ несчастья нельзя прожить, только бы это несчастье не было невозвратно, невознаградиво... Болѣзнь пройдетъ и воспоминаніе о ней будетъ пріятно во время совершеннаго здоровья... Вѣдь, вамъ, мамаша, и не въ первый разъ такая болѣзнь. Кажется, послѣ родовъ Васеньки вы тоже были сильно, сильно больны нѣсколько дней. И тотъ же Егоръ Егоровичъ Эвеніусъ и г. Линдемманъ вылечили васъ. И теперь они могутъ сдѣлать это.

«Я совершенно здоровъ и ничего теперь не желаю, кромѣ радостной вѣсти отъ васъ о вашемъ выздоровленіи, мамаша».

Но въ тотъ же день, какъ Николай Александровичъ написалъ это письмо, онъ, отдавъ его на почту, получилъ письмо отца, увѣдомлявшее его, что мать умерла *).

И вотъ письмо къ отцу, второе, написанное имъ въ этотъ день:

25 марта 1864 г. С.-Петербург.

«Добрый мой, милый мой, драгоценный для меня папашенька! Чтѣ мнѣ отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо? Велика моя горестъ, но прежде всего не могу я не поблагодарить васъ за вашу предусмотрительность. Ваша любовь, ваше благоразуміе разчитали вѣрно. Въ теченіе недѣли я привыкъ къ тагостной мысли, и нынѣшняя вѣсть поразила меня уже не такъ сильно, какъ я ожидалъ. Тяжко, тяжело, невыразимо тяжело мнѣ; но я не изнемогъ подъ бременемъ страданій, я сохранилъ силу разсудка и мысли. Всего болѣе беспокоюсь я о васъ, мой милый, несравненный папаша. Вамъ, вѣрно, было горько присутствовать при послѣднихъ страданіяхъ нашей милой мамашеньки. Вѣрно, и теперь еще тяжело, горько, грустно вамъ... Вы

*) Это письмо отца также не сохранилось. Оно было отъ 20 марта, какъ упоминается въ сохранившемся письмѣ Александра Ивановича отъ 27 марта.

тишете, успокаивая меня, что вы предаетесь въ волю благаго и премудраго Промысла... Дай Богъ вамъ силу и твердость къ перенесенію этого бѣдствія! И что же еще можемъ мы дѣлать, какъ не покоряться волѣ Господней, распоряжающейя несповѣдимо, но всегда премудро? Наши сѣтованія не могутъ намъ помочь, не могутъ утѣшить. Твердая воля способна къ перенесенію всякихъ бѣдствій, и твердость воли, сила духа, показываемая въ несчастіяхъ, благоразуміе, распорядительность въ тяжелыхъ обстоятельствахъ возвышаютъ человѣка, показываютъ истинное его достоинство. Вы, папашенька, ни въ чемъ не можете упрекнуть себя: вы употребили все, что отъ васъ зависѣло для спасенія жизни мамаша. Богъ не судилъ такъ... что же дѣлать: такова Его святая воля!... Въ отношеніи ко мнѣ тоже вы сдѣлали весьма много при этомъ. Вы спасли меня отъ тягостнаго отчаянія, вы поддержали мои силы, дали мнѣ время оправиться, привыкнуть къ тягостной мысли, и я не сомнѣваюсь, что всѣ ваши распоряденія по дому и хозяйству будутъ также прекрасны и вполне замѣнять для моихъ милыхъ сестеръ и братьевъ попеченія матери *). Наша добрая бабенка **) будетъ, вѣрно, такъ добра, что позаботится о нихъ, приложить все свое попеченіе объ ихъ воспитаніи и образованіи... Бѣдныя, бѣдныя мои сестры, милые братья мои! Какъ бы нужна для васъ теперь любовь материнская! Но Господь оставилъ вамъ милаго, несравненнаго папашу: любите его, радуйте, утѣшайте, молитесь, чтобы Господь Богъ подкрѣпилъ его!... Такъ много, такъ много горя!...

«Папашенька! надѣйтесь, надѣйтесь, что еще счастье снова посѣтитъ смиренную долю нашу, и въ кругу дѣтей, которыя будутъ тѣмъ больше любить и утѣшать васъ, вы найдете отраду и забвеніе о незабвенномъ... На этихъ дняхъ читалъ я Жуковскаго: онъ много утѣшилъ меня. Вотъ что написалъ я у него:

„Лучшій другъ намъ въ жизни сей—
Вѣра въ Провидѣнье—
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—живый сонъ,
Счастье—пробужденье“.

«И мы—будетъ время—пробудимся отъ этого несчастія и, осѣненные благодѣтельнымъ гениемъ нашей доброй хравительницы-матушки, узнаемъ радость... Я буду находить утѣшеніе, подкрѣпленіе въ васъ и, съ своей стороны, буду стараться дѣлать все, отъ меня зависящее, для спокойствія и радости вашей. Отнынѣ вся моя жизнь, всѣ труды, всѣ старанія мои будутъ посвящены вамъ, вамъ однимъ нераздѣльно... Мамашѣ уже теперь личаго не нужно: нужны ей только святыя молитвы церкви, и я надѣюсь,

*) Эти увѣренія, что не можетъ сомнѣваться въ благоразуміи распорядившей отца, служить, безъ сомнѣнія, отвѣтомъ на сомнѣнія отца, счумѣлъ ли распорядиться устройствомъ возможно хорошей жизни для дочерей и маленькихъ снновей.

**) Припомнимъ слова Антоніана Александровича, что мать Александра Ивановича жила съ дочерьми далеко отъ Нижняго, и что онъ по кончинѣ Зинаиды Васильевны просилъ ее переселиться къ нему для заботы о его дѣтяхъ и домашнемъ порядкѣ.

что наши молитвы, и особенно ваши, передъ престоломъ Божиимъ, при страшной жертвѣ Господней, дойдутъ до Всевышняго, и Онъ успокоитъ земную страдалицу въ ангельскихъ селеніяхъ. Я не сомнѣваюсь—ей тамъ лучше, свободнѣе, веселѣе. Добрая душа ея найдетъ тамъ въ безконечной красотѣ несозданной, въ неизреченномъ блаженствѣ святыхъ осуществленіе того, о чемъ тосковала она въ этой бѣдной жизни... Ее воззвалъ Господь, чтобы награды за горести, претерпѣнныя ею въ мірѣ... И теперь, вѣрно, съ небесъ смотритъ она на насъ, и будетъ радоваться, если мы будемъ достойны того... Объ ней нечего жалѣть: я томлюсь только безпокойствомъ о васъ, мой добрый папаша, жалѣю о себѣ, о своемъ бѣдномъ сердцѣ, на которое всегда такъ сладостно отзывалось сердце матери, и о моихъ братьяхъ и сестрахъ. Но въ васъ есть столько любви, что вы можете развить ее на все окружающее васъ и сдѣлать потерю безцѣнной матери, по крайней мѣрѣ, менѣе ощутительною для насъ...

«Мнѣ хотѣлось бы знать о новомъ устройствѣ въ домѣ, какое заведено вами; хотѣлось бы узнать опредѣленіе о состояніи моихъ сестеръ. Прикажете, папаша, чтобъ онѣ писали ко мнѣ... А что бѣдная, невинная причина нашей горести, Лизанька? *) Что Володя и Ваня? **) На нихъ нужно обратить теперь вниманіе... Папаша, папашенька! я вполнѣ, вполнѣ надѣюсь на васъ... Да поможетъ вамъ Господь милосердый!»

Черезъ четыре дня по отправленіи этого письма Николай Александровичъ получилъ письмо отца отъ 24 марта (также не сохранившееся). Онъ началъ писать отвѣтъ на него въ тотъ же день, но этотъ день (29 марта) былъ понедѣльникъ. Почта изъ Москвы въ Нижній по вторникамъ не ходила, отправлялась по средамъ; письма, посланные изъ Петербурга въ понедѣльникъ, пришедши въ Москву во вторникъ, лежали тамъ до среды; потому раньше вторника не для чего было отправлять письмо, и Николай Александровичъ закончилъ его и отдалъ его на почту уже во вторникъ, 30 числа.

1854 г. 29—30 марта. Слб.

«Нынѣ я хотѣлъ непременно писать вамъ, мой милый, добрый, несравненный папаша. Я знаю, что вы и при своемъ тяжкомъ горѣ заботитесь обо мнѣ. Нынѣ, 29, получилъ я еще утѣшительное письмо ваше со вложеніемъ листка *Ниж. Губ. Вид.*; нѣсколько разъ прочиталъ статью Павл. Иван. ***)—и не могъ удержаться отъ слезъ... Я счастливъ тѣмъ, что жизнь и смерть нашего чистаго ангела, нашей неоцѣнной мамашеньки, возбуждаетъ во всѣхъ, знавшихъ ее, такое участіе. Послѣ вашего письма отъ

*) Та дочка, послѣ рожденія которой мать умерла отъ простуды.

**) Братъ Николая Александровича.

***) Этотъ „Пав. Иван.“, помѣстившій въ *Нижнегородск. Губернскихъ Видомостей* некрологъ Зинаиды Васильевны, быть можетъ, протоиерей Павелъ Ивановичъ Лебедевъ, назначенный по смерти Александра Ивановича однимъ изъ опекуновъ его дѣтей. Судя по тому, какъ держалъ онъ себя въ качествѣ опекуна, должно думать, что онъ былъ человѣкъ хорошей и разсудительный.

20 марта, полученнаго 25 марта, я уже получилъ нѣсколько извѣстій о нашей горькой потерѣ... — — *). Всѣ принимаютъ участіе, всѣ стараются утѣшить меня. Я теперь довольно спокоенъ, хотя еще не могу надолго оторваться отъ печальной мысли. Пишу ли, читаю ли, мнѣ все представляется кроткій образъ мамаша, встаютъ въ памяти воспоминанія дѣтства, и при мысли, что все это исчезло безвозвратно, тяжело, тяжело ноетъ сердце. Но я стараюсь одолѣть себя, я представляю вашу любовь, папенька, о которой и мамаша такъ часто писала мнѣ; я воображаю маленькихъ сестеръ и братьевъ, которые теперь такъ нуждаются въ поддержаніи, утѣшеніи. Думаю, что самъ я долженъ васъ утѣшить и поддержать въ вашей скорби, и моя печаль разсѣивается и остается только неизбѣжная тихая грусть... Я усердно молюсь за мамашу и надѣюсь, что Господь сподобитъ ей быть въ селеніяхъ праведныхъ, въ неизреченной славѣ и блаженствѣ райскомъ. Молитвы церкви восполняютъ недостатки ея, если какіе отыщутся передъ Единымъ Непогрѣшимымъ.

«Ваше увѣдомленіе о болѣзни моей мамаша поразило меня не менѣе, даже, можетъ быть, болѣе, нежели самая вѣсть о смерти ея. Такъ это было неожиданно, такъ много противорѣчило моимъ надеждамъ. Въ борьбѣ между страхомъ и надеждой провелъ я недѣлю, и когда все рѣшилось, я сдѣлался какъ-то тупъ къ печали... Безъ слезъ, безъ мысли, безъ воспоминаній, а просто съ какою-то тяжестью въ сердцѣ часто оставался я по нѣсколько минутъ. Къ счастью, нашлись здѣсь два добрые человека, которые утѣшили меня».

Это были институтскіе товарищи Николая Александровича. Особенно ободряли его совѣты одного изъ нихъ, говорившаго о его обязанности поддерживать отца. Пересказавъ ихъ, Николай Александровичъ продолжаетъ:

«Такіе совѣты и убѣжденія дѣйствительно вливали въ меня мужество и отвлекали мысль мою отъ тяжелой потери къ вашему положенію, папенька, заставляли думать о живыхъ болѣе, чѣмъ о мертвыхъ. Теперь, благодаря Бога, я довольно спокоенъ, поддержанный вашими письмами, вашимъ примѣромъ, вашими молитвами».

За этимъ слѣдуютъ горячія обращенія къ бабушкѣ, о которой Николай Александровичъ предполагаетъ, что она пріѣхала жить у сына, и къ Фастѣ Васильевнѣ; онъ умоляетъ ихъ помогать его отцу въ заботахъ о его сестрахъ и братьяхъ. Въ концѣ письма онъ проситъ отца быть спокойнымъ за него:

«Обо мнѣ прошу васъ не беспокоиться. Я пристроенъ уже и мнѣ остается только увѣнчать своими трудами и успѣхами ваши безчисленныя заботы и попеченія обо мнѣ... Вы пишете, что ждете меня на вакацію: я съ радостью поспѣшу утѣшить васъ и постараюсь заставить васъ забыть въ объятіяхъ сыновнихъ ваше горе, нашу общую невозвратимую потерю».

*) Тутъ перечисляются петербургскіе знакомые Николая Александровича, которые имѣли знакомыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и получили отъ нихъ извѣстіе о смерти Зинаиды Васильевны.

Вскорѣ послѣ отправленія этого письма Николай Александровичъ получилъ письмо отца отъ 27 марта; оно первое изъ сохранившихся писемъ Александра Ивановича къ сыну по кончинѣ Зинаиды Васильевны. Приводимъ начало его:

Суббота, 27 марта 1854 г.

«Вотъ и 20-й день нашему незабвенному другу! Сейчасъ съ кладбища... Священное безмолвіе... Блажени умирающіи о Господѣ... Ей тамъ, право, лучше... Каково-то намъ? Особенно мнѣ... Я лишился съ ней всѣхъ благъ».

Но онъ говоритъ, что начинаетъ успокоиваться.

«Не унывай и не ропщи и ты, милый мой Николай. Прошу тебя, увѣщеваю, — нѣтъ! повелѣваю быть равнодушнѣе. — — Ободришь. Успокой меня своимъ терпѣніемъ. — — Будемъ молить Бога, чтобъ Онъ даровалъ намъ здоровье и продлилъ лѣта твои и мои — — для поддержанія и устроенія дѣтей.

«Я писалъ тебѣ отъ 20 и 24 сего марта. Во всѣхъ письмахъ прошу тебя не предаваться мрачной скорби и сѣтованію. Позволь же мнѣ надѣяться на твою твердость».

Но и черезъ мѣсяцъ по полученіи письма, которымъ отецъ осторожно подготавливалъ сына къ извѣстію о смерти матери, сынъ все еще оставался въ такомъ тяжеломъ настроеніи души, что впадалъ среди дня въ галлюцинаціи. Вотъ что писалъ онъ отцу 20 апрѣля:

«Испуганное странною потерей сердце бьется и трепещетъ при малѣйшей неизвѣстности и беспокойствѣ. Во всемъ видитъ оно грозный призракъ новаго бѣдствія. Всю святую недѣлю я ждалъ письма отъ васъ, мой милый, неоцѣненный, горячо-горячо любимый папашенька. Съ наступленіемъ нынѣшней недѣли беспокойство мое страшно усилилось. Не могу придумать, отчего вы не пишете ко мнѣ. Я посылалъ къ вамъ письма 2, 6 и 11 апрѣля. Не знаю, получили ли вы ихъ. Я писалъ къ вамъ о нѣкоторыхъ своихъ успѣхахъ, о радостныхъ новостяхъ русскихъ; но, признаюсь, все это не веселитъ меня. Что всѣ земныя радости, что все счастье наше, если не съ кѣмъ раздѣлить его, не кого порадовать своею радостью? Теперь, послѣ горькой утраты нашей милой, нашей родимой, больше нѣтъ для меня радости, какъ ваше счастье, ваше спокойствіе и радость, добрый, любимый папаша мой!... Не мнѣ утѣшать васъ бесплодными разсужденіями, не мнѣ говорить вамъ о терпѣніи и покорности Промыслу... Я слишкомъ слабъ для этого, я слишкомъ сильно чувствую наше общее горе... Но, папаша, если возможна радость на землѣ, послѣ столь тяжкаго горя, я обещаю вамъ радость въ дѣтяхъ вашихъ, которыя теперь принадлежатъ вамъ нераздѣльно и единственно, всею душой, всею любовью и мыслію. Любите насъ, и счастье снова посѣтитъ нашу смиренную, опустѣвшую обитель... Горько буду плакать я черезъ полтора или два мѣсяца, пріѣхавши домой, но надѣюсь найти отраду въ вашей отеческой любви... Но до тѣхъ поръ мнѣ хочется знать подробности послѣднихъ дней мамаша... Впрочемъ, зачѣмъ это?... Ваше сердце разорвется отъ страшнаго воспоминанія. Нѣтъ, не пишете мнѣ этого,

а скажите только, какъ вы устроились нынѣ, какъ встрѣтили праздникъ; все ли такъ хорошо, какъ бывало прежде?... Господи, дай мнѣ забвеніе прошлыхъ печалей и радостей! Дай позабыть незабвенное! Дай хоть на часъ успокоиться! Вдали отъ роднаго, привѣтнаго слова, безъ вашихъ отрадныхъ писемъ, я невольно поддаюсь мучительному объятію тоски. Страшная потеря растетъ передо мною и принимаетъ все болѣе и болѣе гигантскіе размѣры. За что я ни возьмусь—ничто не занимаетъ и не развлекаетъ меня. Достаточно одной черты, одного незначительнаго слова, одного легкаго намека, чтобы перенести меня въ прежнее, невозвратно-минувшее, счастливое прошлое, представить тоскливому воображенію кроткій образъ бѣдной матери... О, папаша! простите, простите меня, что я такъ безжалостно раздражаю вашу душу... Я самъ не понимаю, что со мной дѣлается... 16 апрѣля я былъ у обѣдни въ здѣшней Благовѣщенской церкви. Жарко молился я о душѣ милой мамашы нашей, и пѣніе «Пасхи Господней» какъ-то отраднo было для меня. Только это не всегда такъ на меня дѣйствуетъ... Двѣнадцать разъ въ день, утромъ и вечеромъ, передъ обѣдомъ и ужиномъ слышу я: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», но часто эта святая пѣснь кажется мнѣ горькою, жестокою насмѣшкой надъ моимъ положеніемъ... И при этомъ я страшусь за васъ, папашечка!.. Здоровы ли вы, спокойны ли, утѣшаютъ ли васъ дѣти ваши? Какovy оказываются наши родные? Хорошо ли обходится съ дѣтьми и съ хозяйствомъ наша нянюшка? Вѣрно, многое васъ разстраиваетъ... Что дѣлать, мой милый, великодушный папаша... Нужно ждать и надѣяться, что все это устроится современемъ. Вдругъ всего же нельзя сдѣлать... Ниночка не замѣнитъ мамашу съ перваго раза даже и въ хозяйствѣ *)... Но, вѣрно, она попривыкнетъ и будетъ распорядиться лучше. Вокругъ меня все такія веселыя лица. Нѣкоторые ѣздили на Святую домой, наприм., въ Тверь, Москву... Всѣ радуются веснѣ, хорошей погодѣ, скорому окончанію лекцій, успѣхамъ русскаго оружія...»

Николай Александровичъ передаетъ отцу слухи съ театра войны и продолжаетъ:

«Въ общихъ, огромныхъ событіяхъ отечества какъ-то невольно поддаешься патриотическому чувству и отълигаешься на общую радость. Но свое горе, все-таки, близко къ сердцу и тяжелымъ камнемъ давить его. Вы это знаете, мой добрый папаша, и я напрасно тревожу васъ; но, право, самъ не знаю, что такъ мучитъ меня, именно потому, что нѣтъ писемъ ни отъ васъ, ни отъ другихъ родныхъ и знакомыхъ. Порой находить на меня какое-то забытье: я на-яву дремлю, и мнѣ все представляется въ какихъ-то туманныхъ, неясныхъ образахъ; тогда я спрашиваю себя, не есть все это тяжкій сонъ, не мечта ли разгоряченнаго воображенія?... Но всѣ мысли такъ ясны, воспоминанія имѣютъ такую обстоятельность, подробность и свѣтлость, какой не бываетъ въ сновидѣніяхъ. Горькая дѣйствительность предстаётъ во всей ужасной своей истинѣ.

*) По смерти матери, хозяйкой въ домѣ пришлось быть, какъ мы видѣли, Антонинѣ Александровнѣ, которой было только еще тринадцать лѣтъ.

«А, между тѣмъ, съ 1 мая начнутся экзамены... Нужна вся энергія, вся сосредоточенность мыслей и памяти. Ева ли я могу сдать экзамены совершенно удачно. Помолитесь обо мнѣ, папашенька. Вы такъ добры и чисты, что Господь услышитъ молитву вашу. Вчера, впрочемъ, отвѣчалъ я двумъ профессорамъ на репетиціяхъ; ничего, обошлось какъ слѣдуетъ. Нынѣ профессоръ (*Лебедевъ*) разбиралъ въ классѣ мое сочиненіе, о которомъ спрашивала меня еще моя милая, обожаемая мамаша; разборъ свой онъ закончилъ тѣмъ, что мой трудъ отлично-хорошій, во всѣхъ отношеніяхъ, образцовый трудъ... О, какъ бы порадовалась мамашенька, если бы могла узнать это при своей жизни!... Порадуйтесь же вы за нее, мой нѣжно-любимый папаша!...»

Прошелъ еще мѣсяцъ, и душевное состояніе Николая Александровича оставалось все такое же; галлюцинаціи продолжались. Онъ писалъ 24 мая отцу:

«Вчера, мой милый папашенька, получилъ я записочку Ниночки и при ней письмоцо Михаила Алексѣевича. Изъ него узналъ я, что вы здоровы и очень заняты въ настоящее время, и пожелалъ вамъ счастливо и легко кончить труды свои. Узналъ я также, что у насъ былъ 18 ч. Оранскій образъ Пресвятой Владычицы, передъ которой, вѣрно, помолились вы о душѣ нашей милой, незабвенной мамаша,—не забыли, вѣрно, помолиться и о тоскующемъ на чужбинѣ сынѣ вашемъ. Не понимаю самъ, что со мною дѣлается: чѣмъ лучше идетъ все, лично до меня касающееся по институту, тѣмъ сильнѣе грущу я о потерѣ мамаша. Вотъ уже кончились три экзамена, о которыхъ я писалъ вамъ, изъ тѣхъ самыхъ предметовъ и въ тѣ самые сроки. Изъ всѣхъ предметовъ получилъ я по 5».

Онъ передаетъ отцу подробности экзаменовъ; слова его очень скромны; но, все-таки, ясно, что институтское начальство выставляло его въ славу институту, на показъ посѣтившему экзамены министру народнаго просвѣщенія. Скромными выраженіями рассказавъ, что до сихъ поръ всѣ экзамены идутъ у него «какъ слѣдуетъ», онъ возвращается къ той давно опровергнутой отцомъ и матерью, но, все-таки, какъ видимъ, не покидавшей его мысли, что глубоко опечалилъ ихъ своимъ поступленіемъ въ институтъ, и выводитъ изъ нея такое заключеніе, которое находится въ явной несообразности съ хорошо извѣстною ему причиной смерти матери (припомнимъ, что мать умерла отъ простуды); онъ съ самаго полученія извѣстія о смерти ея сдѣлалъ выводъ, который не могъ бы придти въ голову никому, кромѣ такого человѣка, какъ онъ, и увеличивалъ свое душевное страданіе размышленіями объ ужасномъ послѣдствіи его самовольства:

«Теперь уже я не словами, а дѣломъ надѣюсь оправдаться передъ вами въ своемъ, нѣсколько произвольномъ, поступкѣ. Говорю «нѣсколько» потому, что знаю,—вы никогда не имѣли предубѣжденія противъ свѣтскихъ заведеній, и единственно матеріальныхъ средства были причиною того, что я не отправился въ казанскій университетъ... Одно только страшно терзаетъ меня по временамъ, это—мысль, что мое своевольное поступленіе въ

институтъ и сопровождавшія его обстоятельства имѣли, можетъ быть, слишкомъ гибельное вліяніе на разстроенное и безъ того здоровье моей мамы, особенно въ тогдшнемъ ея положеніи, и приблизили ее ко гробу. Какъ я ни гоню отъ себя эту мысль, но она довольно часто приходитъ мнѣ въ голову и шепчетъ мнѣ, что я певольный убійца своей матери... Тяжко, неизяснимо тяжело становится на душѣ, когда посѣщаетъ меня эта безотрадная, отчаянная мысль, и тѣмъ больше тяготитъ она меня, что поправить дѣло уже невозможно... Я не оправдаюсь передъ матерью, не представлю ей своихъ успѣховъ, не скажу, что я имѣлъ право такъ поступить, какъ поступилъ, потому что надѣялся вознаградить ее за всѣ лишенія и горести, которыя она потерпѣла отъ меня, послѣ разлуки со мной... Не успѣлъ я ее порадовать, не услышитъ она отчаяннаго, безнадежнаго сыновняго вопля, не увидитъ горькихъ слезъ, не отвѣтитъ на радостный призывъ и не встрѣтитъ ея кроткаго взора, полнаго безпредѣльной любви, свѣтлый, полный гордаго сознанія своихъ силъ и исполненнаго долга — взглядъ ея сына. И чтобы смерти подождать эти три мѣсяца!... Какого полнаго, невозмутимаго счастья дождались бы и я, и моя мамаша, и всѣ, насъ окружающіе... Теперь въ вашей любви, въ вашемъ сердцѣ, папаша, буду искать я моего счастья. Всѣ эти успѣхи, эти чужія похвалы, сказанныя съ видомъ покровительства, на которое не имѣютъ права, или съ искусно скрытою завистью; эти знанія, питающія умъ, а не сердце, — все это, право, чистый вздоръ, и не можетъ доставить счастья... Хорошо еще, что я имѣю такого отца, какъ вы, мой милый, несравненный папаша... О, я очень, очень люблю васъ и любилъ и буду любить всегда; только мнѣ какъ-то совѣстно говорить вамъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что это естественно, что иначе и не можетъ быть».

Черезъ три недѣли послѣ этого онъ поѣхалъ къ отцу и черезъ полтора мѣсяца по приѣздѣ похоронилъ отца.

О томъ, какое вліяніе на всю его жизнь имѣла смерть матери и отца, Михайлъ Алексѣевичъ Костровъ въ своихъ воспоминаніяхъ говорить:

«Кто-то (анонимный авторъ одного изъ некрологовъ Добролюбова) сказалъ, что покойный Николай Александровичъ былъ всегда слабого сложения. Рѣшительно сказать этого нельзя, хотя и точно онъ былъ золотушнаго сложения. — Конечно, усиленные занятія въ семинаріи, а отчасти и (раньше того) въ училищѣ, и по поступленіи въ институтъ могли имѣть не очень благоприятное вліяніе на его здоровье; но останься въ живыхъ его отецъ и мать, все обошлось бы для него недурно, и онъ живъ былъ бы и, —относительно говоря, —здоровствовалъ бы доселѣ. Рѣшительное вліяніе на разстройство его здоровья произвела смерть его матери, а потомъ и отца. — Смерть родителей и особенно, кажется, матери, подлѣ которой онъ до 17 лѣтъ находился неотлучно, для которой онъ былъ любимымъ сыномъ, и не только сыномъ, но и лучшимъ другомъ, потому что отецъ, по службѣ своей, чаще всего отсутствовалъ, и которую и самъ онъ любилъ,

кажъ другому и не удастся любить, была такимъ ударомъ для него, отъ котораго онъ не опомнился до смерти своей. «На что мнѣ и жизнь-то теперь,—т.-е., безъ матери,—говорилъ онъ намъ при последнемъ нашемъ свиданіи (*въ августъ 1861 г., за три мѣсяца . передъ смертю*),—развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ-то я еще лѣтъ пять, шесть поживу...»

А за три мѣсяца до послѣдняго свиданія съ родными, онъ, 16 мая 1861 г., писалъ изъ Неаполя Антонинѣ Александровнѣ: «Говоря по правдѣ, со времени маменькиной смерти до сихъ поръ я и не видывалъ радостныхъ дней».

По закаспійской желѣзной дорогѣ.

(Посвящается князю Михаилу Ивановичу Хилкову).

Мой другъ!

Совершая поѣздки по закаспійской желѣзной дорогѣ, я не разъ вспоминалъ о нашемъ путешествіи по Америкѣ, предпринятомъ съ Вами вдвоемъ въ 1851 году. Пусть же это, посвящаемое Вамъ, описаніе моей поѣздки и въ Васъ также пробудитъ пріятныя воспоминанія о нашихъ давнишнихъ странствованіяхъ по дѣвственнымъ степямъ дальняго Запада, гдѣ приходилось намъ быть очевидцами возникающихъ рельсовыхъ путей, во многихъ отношеніяхъ сходныхъ съ закаспійскою желѣзною дорогой.

Искренно Вамъ преданный

Эдуардъ Циммерманъ.

I.

До Низиль-Арвата.

Отношенія нашей и иностранной печати къ Закаспійскому краю.—Бивальне и настоящіе пути въ Среднюю Азію.—Баку и связь его съ закаспійскою желѣзною дорогой.—Каспій.—Узунъ-Ада.—Станціи, вагоны и пассажиры.—Михайловскъ и окрѣпители.—Балканы и степь.—Казанджикъ и хлопковая плантація.—Кизиль-Арватъ.—Градущая судьба краснокожихъ и туркменъ.—Прежняя крѣпость и теперешній городъ.—Окрестности его.—Степь Кара-Кумъ.—Древнія поселенія въ ней и походы Кира.

Поѣздъ московско-ризанской желѣзной дороги двинулся ровно въ полдень, 5 апрѣля 1888 года, и понесся по направленію къ югу, къ краямъ, гдѣ въ это время весна уже въ полномъ разгарѣ.

Наскучивъ довольно однообразными, давно знакомыми видами по сторонамъ, принимаюсь за газету. Но и въ ней также нахожу мало интереснаго и новаго. Все тѣ же толки о томъ, быть или не быть Фердинанду съ Клементиной въ Болгаріи? Такъ и кажется, будто къ этому такъ называемому восточному вопросу сводится вся измелъчавшая политика европейскихъ государствъ. Читающая публика перестала даже интересоваться этимъ прословутымъ вопросомъ; между тѣмъ, именно на нашихъ восточныхъ окраинахъ совершаются теперь событія, тѣсно съ нимъ связанныя. Тамъ, за Каспійскимъ моремъ, въ послѣднія десятилѣтія происходило поступательное движеніе русскихъ войскъ въ глубь Средней Азіи, сильно вскодебавшее от-

ношенія европейскихъ державъ къ тому же самому вопросу, за исходомъ котораго въ послѣднюю турецкую кампанію съ такимъ живымъ увлеченіемъ слѣдили чуть ли не всѣ классы нашего общества. Однако, въ настоящее время русская публика какъ-то равнодушно, отчасти даже недовѣрчиво относится къ сказаннымъ событіямъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ, не придавая имъ, повидимому, особенно важнаго значенія. По газетнымъ и журнальнымъ статьямъ она получаетъ смутное представленіе о какихъ-то покоренныхъ песчаныхъ пустыняхъ, по которымъ рыщутъ дикіе туркмены, и еще — о пролагаемой правительствомъ желѣзной дорогѣ по этимъ мало обитаемымъ пространствамъ. Изрѣдка лишь появляются короткія телеграфическія извѣстія о томъ, что творится въ тѣхъ отдаленныхъ, мало знакомыхъ среднеазиатскихъ краяхъ.

Если о степени общественного интереса судить по произведеніямъ печати вообще, то нашими новыми среднеазиатскими владѣніями гораздо болѣе заинтересованы за границей, нежели въ самой Россіи. Правда, наши естествоиспытатели и военные инженеры совершали замѣчательныя изслѣдованія въ среднеазиатскихъ странахъ. Они пролили много свѣту на эти мало извѣстные доселѣ края. Но подобныя труды ученыхъ и военныхъ писателей, изложенныя ими въ солидныхъ сочиненіяхъ, доступны большею частью только специалистамъ по извѣстнымъ отраслямъ знанія, а потому вовсе не проникаютъ въ читающую публику.

Другое дѣло—за границей, особенно въ Англіи. Тамъ за послѣднія десятилѣтія появилось не мало общедоступныхъ описаній путешествій по Средней Азіи и такихъ же брошюръ по поводу пролагаемой западной желѣзной дороги. Судя по этимъ популярно изложеннымъ сочиненіямъ, надо полагать, что тамъ, за границей, не только правительственныя лица и специалисты, но также и читающая публика дѣйствительно интересуются нашими новыми владѣніями въ Азіи.

По правдѣ сказать, описанія прежнихъ путешественниковъ, проникавшихъ въ Туркестанскій край, не возбуждаютъ въ насъ охоты пускаться по ихъ слѣдамъ. Эти отважные странники пробирались туда обыкновенно изъ Оренбурга, и описанія ихъ наполнены разсказами о томительныхъ тысячеверстныхъ переѣздахъ въ тарантасѣ по безлюднымъ киргизскимъ степнямъ, объ изнурительныхъ передвиженіяхъ съ караванами по песчанымъ пустынямъ, гдѣ люди и животныя нерѣдко подвергались опасности погибнуть отъ недостатка воды или отъ нападенія туркменъ. Если путешественникъ не былъ специалистомъ, то эти трудныя и томительныя странствованія по знойнымъ пескамъ вообще мало вознаграждались тѣми скудными свѣдѣніями, какія удавалось ему собрать въ средѣ туземнаго населенія,—тѣмъ еще болѣе, что послѣднее всегда крайне недовѣрчиво, даже враждебно относилось ко всѣмъ иноземцамъ и иновѣрцамъ, подозрѣвая въ нихъ опасныхъ шпионовъ.

Теперь совсѣмъ иное дѣло: теперь можно проникнуть въ наши среднеазиатскія области не съ сѣвера, черезъ Оренбургъ, какъ бывало прежде,

а съ южныхъ предѣловъ, по закаспійской желѣзной дорогѣ, пользуясь хотя нѣкоторыми удобствами цивилизованной обстановки. Для этого приходится, однако, миновать станцію Рязань, направиться далѣе на Владикавказъ, потомъ проѣхать на почтовыхъ по военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ и отсюда уже перенестись по рельсовому пути къ западному берегу Каспійскаго моря — въ Баку, совершивъ такимъ образомъ въ пятеро слишкомъ сутокъ переѣздъ въ 2,500 верстъ съ небольшимъ.

Баку, какъ главный портъ на западномъ берегу моря, состоитъ уже въ нѣкоторой связи съ Закаспійскимъ краемъ, и на самомъ городѣ успѣло даже отразиться, въ коммерческомъ отношеніи, влияние нашей, только что открытой желѣзной дороги. И въ самомъ дѣлѣ, прибывъ въ этотъ портъ, я сталъ тамошнихъ торговцевъ въ тревожномъ ожиданіи предстоявшей въ городѣ ярмарки. Въ первый разъ она была открыта въ маѣ 1887 года въ надеждѣ, что съ продолженіемъ закаспійской дороги азіатскіе купцы, пользуясь близостью къ нимъ этого порта, придутъ туда съ тѣмъ, чтобы вступить въ сношеніе съ московскими торговыми фирмами, какъ съ главными представителями партіонной торговли съ среднеазиатскимъ краемъ. Эта попытка оказалась, однако, не совсѣмъ удачною — по той простой причинѣ, что московское купечество, имѣя въ виду предстоящую въ скоромъ времени нижегородскую ярмарку, почти вовсе не явилось въ Баку. Въ 1888 году тоже нельзя было ожидать большаго успѣха. И дѣйствительно, дѣла ярмарки, какъ оказалось впоследствии, ограничились однимъ мелочнымъ торгомъ и нѣкоторымъ сбытомъ мѣстныхъ кустарныхъ произведеній. Какъ бы то ни было, но связь между Закаспійскимъ краемъ и Баку, все-таки, не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что сама желѣзная дорога состоитъ въ сильной отъ него зависимости, получая оттуда топливо въ видѣ нефтяныхъ остатковъ.

Пароходъ компаніи «Кавказъ и Меркурій», на которомъ я занялъ мѣсто, забравъ нефть и нагружившись разною кладью, двинулся въ море около трехъ часовъ пополудни. Раскинувшись амфитеатромъ по скату холма, городъ съ его обширною набережною, обведенною каменнымъ парапетомъ, съ стоявшими у пристани паровыми и парусными судами, явилъ передъ нами живую картину довольно значительнаго торговаго порта. Миновавъ нефтяные заводы Нобеля въ Чернозъ Городкѣ, мы вышли въ открытое море, и вскорѣ Баку, съ его пустынными окрестностями, пропалъ совсѣмъ изъ вида. Почти въ одно время съ нами изъ порта вышли еще два парохода — одинъ въ Астрахань, другой въ Петровскъ; а далѣе намъ повстрѣчались другія суда, возвращавшіяся съ восточныхъ береговъ. Вблизи и вдали то и дѣло показывались паруса, такъ что вообще Каспійское море представилось намъ въ оживленномъ видѣ. По поверхности водъ ходила легкая зыбь. Качки почти вовсе не ощущалось. Хотя и рассказываютъ о случающихся будто бы бурныхъ волненіяхъ Каспія и о сильной качкѣ на немъ, но, сравнительно съ океаномъ, врядъ ли на этомъ морѣ бываютъ очень высокія волны. Да и самыя пароходы, съ ихъ низкими бортами, какъ мнѣ казалось, вовсе не приспособлены къ плаванію по бурнымъ волнамъ.

Проѣхавъ спокойно ночь, мы въ девятомъ часу утра стали осторожно пробираться между островами и мелями и приближались къ противоположному восточному берегу. Передъ нами показалась песчаная покатость, и пароходъ, издавъ гулкій, протяжный свистъ, вскорѣ присталъ къ выдавшейся въ море пристани. Пассажиры третьяго класса, большею частью армяне, персы и бухарцы, въ пестрыхъ халатахъ и съ чалмами на головахъ, гурьбой высыпали съ палубы на подмостки и шумно и крикливо направились къ рельсамъ. Въ то же время на пароходъ устремились носильщики, безъ оглядки толкая встрѣчныхъ и предлагая свои услуги пассажирамъ. Этимъ дѣломъ здѣсь промышляютъ большею частью персы, не знающіе, какъ оказывается, соперниковъ по части переноски тяжелыхъ кладей. Среди азіатскаго люда кое-гдѣ лишь мелькнетъ окладистая борода русскаго мужика; но здѣсь онъ является болѣе въ качествѣ зрителя или распорядителя, уряжающаго, такъ сказать, движеніе азіатской толпы.

Здѣшняя исходная станція закаспійской желѣзной дороги носить названіе «Узунъ-Ада», что въ переводѣ значить длинный островъ. И дѣйствительно, она расположена на продолговатомъ островѣ, сплошь покрытомъ голыми песками и слившемся съ материкомъ Азіи неглубокою мелью. Крайняя необходимость заставила построить вокзалъ на такомъ безпріютномъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что, благодаря морской глубинѣ близъ острова, здѣсь предпочтительно предъ другими мѣстами оказалась возможность заложить удобную пристань для большихъ судовъ, глубоко сидящихъ въ водѣ. И вотъ на голыхъ пескахъ, которые прежде посѣщались развѣ одними тюленями, года два тому назадъ соорудили станцію, а по мели навели дамбу, для того чтобы соединить островъ съ материкомъ, и по дамбѣ, какъ бы по перешейку, проложили рельсы по направленію къ востоку.

Сдавъ свой чемоданъ одному изъ персовъ, я послѣдовалъ за нимъ на вокзалъ, съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто въ вагонѣ втораго класса. Однако, слова: вагонъ, вокзалъ, станція могутъ, пожалуй, ввести въ заблужденіе читателей, привыкшихъ развѣзжать по нашимъ вполне готовымъ желѣзнымъ дорогамъ, движеніе по которымъ открывается не прежде, пока всѣ постройки и весь подвижной составъ не приноровлены къ удобствамъ прихотливаго пассажира. Еслибъ мнѣ пришлось писать для жителей западнаго полушарія, для американцевъ, то я могъ бы объясниться въ двухъ-трехъ словахъ, сказавъ, что мы находимся теперь на только что возникшей желѣзной дорогѣ, и меня поняли бы безъ дальнѣйшихъ толкованій. И дѣйствительно, въ Соединенныхъ Штатахъ намъ нерѣдко приходилось развѣзжать по дорогѣ, на которой подвижной составъ состоялъ изъ однихъ платформъ и нѣсколькихъ товарныхъ вагоновъ, а станціями служили наскоро сколоченные бараки. Въ такомъ же видѣ засталъ я и нашу закаспійскую дорогу, когда впервые проѣхалъ по ней. Однако, въ сравненіи съ американскими первобытнаго свойства постройками вокзалъ въ Узунъ-Ада можетъ считаться даже роскошнымъ: онъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ небольшихъ домовъ, изъ которыхъ одинъ назначенъ для пассажировъ 1-го

я 2-го классовъ, а другой—для 3-го, или, вѣрнѣе сказать, для азіатской черни. Въ буфетѣ, которымъ завѣдуетъ армянинъ, предлагаются чай, разные напитки и закуски.

По другую сторону рельсъ противъ станціи вытянулся рядъ деревянныхъ строеній, въ которыхъ открыты лавки съ разными товарами, идущими на потребу служащихъ при желѣзной дорогѣ, также гостиницы, трактиры и кабаки для рабочихъ. Право, еслибъ не эти вывѣски съ надписями: «Русская харчевня», «Ренсковой погребъ»,—еслибъ не срубныя избы, то можно бы вообразить себѣ, что попалъ въ какую-нибудь вновь заселяемую мѣстность дальняго запада Сѣверной Америки, а никакъ не на древній восточный материкъ, который привыкли считать навѣки заснувшимъ. Съ другой стороны, позади станціоннаго дома рассыпаны здѣсь и тамъ жилища для должностныхъ лицъ, осужденныхъ проживать съ своими семьями среди голыхъ, лишенныхъ растительности песковъ. Тутъ же по близости находится лѣсная пристань, куда бревна, доски и тому подобный строевой матеріалъ доставляется водою съ береговъ Камы и Волги. Такъ ради желѣзной дороги сталъ населяться неприютный островъ Узунъ-Ада, названіе котораго года два тому назадъ не упоминалось ни въ одной географіи.

Подъ вечеръ къ станціи подкатилъ поѣздъ, въ которомъ я занялъ мѣсто въ вагонѣ 2-го класса. Это былъ, какъ оказалось, простой товарный вагонъ, въ которомъ пристроили сидѣнья болѣе мягкія, чѣмъ въ третьемъ классѣ, гдѣ поставлены простыя деревянные скамьи. Что же касается вагоновъ перваго класса, то они, какъ видно, пока только подразумеваются, а налицо ихъ вовсе еще нѣтъ, и даже въ росписаніи поѣздовъ подъ рубрикою 1-го класса поставлены пустыя мѣста. Почтово-пассажирскіе поѣзда ходятъ только по два раза въ недѣлю, а товарные—каждый день. Къ послѣднимъ прицѣпляются, впрочемъ, вагоны третьяго класса. Второклассныхъ пассажировъ бываетъ немного; притомъ же, къ нимъ относятся большею частью служащіе при желѣзной дорогѣ или члены ихъ семействъ, пользующіеся даровыми билетами. Въ третьемъ классѣ, напротивъ того, мѣста почти всегда заняты туземными пассажирами. Они, повидимому, рады воспользоваться такимъ удобнымъ и быстрымъ способомъ передвиженія по тѣмъ самымъ пустыннымъ пескамъ, по которымъ имъ въ бывшее время приходилось совершать переѣзды на верблюдахъ и проводить въ пути подъ налягшими лучами солнца столько же дней, сколько въ настоящее время требуется часовъ въ вагонѣ. Для мусульманъ, не привыкшихъ къ сидѣнью на скамьяхъ, назначены еще особые вагоны, гдѣ нѣтъ никакихъ скамей, а пассажиры располагаются по восточному обычаю, какъ у себя дома, на полу, подстилая кошмы или ковры.

Можно себѣ представить поэтому, какую пеструю смѣсь составляла многоголовая толпа пассажировъ третьяго класса: тутъ были и персы въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ и съ высокими бараньими шапками на головахъ, и бухарцы въ пестрыхъ халатахъ и съ чалмами, и евреи, армяне, потомъ еще нѣсколько человѣкъ русскихъ, но не изъ крестьянъ, а скорѣе изъ раз-

ночинцевъ, въ обыкновенномъ европейскомъ костюмѣ. Всѣ они направлялись на востокъ: одни—по торговымъ дѣламъ, другіе—на службу по желѣзной дорогѣ или къ частнымъ лицамъ, а нѣкоторые пускались туда на удачу, въ чаяніи хорошей наживы. Нельзя, однако, не замѣтить, что среди азіатскихъ пассажировъ почти вовсе не встрѣчаются члены кореннаго туземнаго населенія, бывшихъ властителей песчаныхъ пустынь, именно—туркменъ. Они какъ будто не хотятъ измѣнить своимъ быстроногимъ неутомимымъ скакунамъ и менѣе довѣряютъ паровой силѣ огненнаго коня, какъ здѣсь туземцы прозвали локомотивъ.

Подойдя къ восточной оконечности острова, поѣздъ сталъ тише подвигаться по дамбѣ, соединяющей его съ материкомъ. По обѣ стороны этого искусственнаго перешейка снѣгли воды Каспія. Выбравшись на материкъ, мы, однако, все еще не покидали изъ вида морскаго берега. Когда поѣздъ, сдѣлавъ въ часъ около 25 верстъ, подкатилъ къ слѣдующему—Михайловскому вокзалу, то мы опять увидѣли передъ собою море или, точнѣе, заливъ его. Здѣсь года два тому назадъ была исходная станція желѣзной дороги. Но такъ какъ по мелководію большіе пароходы не могли войти въ Михайловскую бухту, то они изъ Баку заходили сперва въ Красноводскъ, верстахъ въ семидесяти къ сѣверо-западу, гдѣ перегружались на болѣе мелкія суда, на которыхъ владі и пассажиры доставлялись, наконецъ, въ Михайловскъ. Много времени уходило на такую перевозку и перегрузку. Для устранения всѣхъ этихъ неудобствъ строители желѣзной дороги протянули рельсы до Узунъ-Ада и удачнымъ выборомъ этого мѣста сократили перѣздъ по малой мѣрѣ на два дня. Теперь мелководная пристань въ Михайловскѣ совсѣмъ покинута. Иногда только заходятъ сюда плоскодонныя барки изъ Красноводска. Продолжить до послѣдняго рельсовый путь оказалось неудобнымъ, потому что для этого пришлось бы пробиваться сквозь Балханскіе кряжи, что надолго задержало бы открытіе желѣзной дороги. Однако, такъ какъ при Красноводскѣ находится лучшая обширная гавань у восточныхъ береговъ Каспія, то, несмотря даже на значительныя затраты, имѣется въ виду современемъ перенести туда исходную станцію.

Михайловскъ до сихъ поръ составляетъ весьма важный пунктъ желѣзной дороги, такъ какъ здѣсь въ большихъ размѣрахъ производится перегонка морской воды въ паровыхъ опрѣснителяхъ. Дѣло въ томъ, что отъ самаго берега Каспія верстъ на полтора къ востоку въ степяхъ не нашлось ни капли воды, годной для питья и для паровиковъ. А потому въ этой бывшей прежде исходной станціи и устроены большіе опрѣснители, снабжающіе теперь не только Узунъ-Ада, но также и дальнѣйшія станціи хорошею водой, развозимою товарными или особо назначаемыми для того водяными поѣздами въ большихъ чанахъ. Благодаря этимъ опрѣснителямъ только и возможно было пролагать дорогу въ безводной пустынѣ. Сверхъ того, тѣми же поѣздами для топки паровозовъ развозятся по станціямъ нефть въ цистернахъ.

Забравъ воды, поѣздъ понесся далѣе на востокъ, незамѣтно подыма-

лись по слегка покатой мѣстности. Въ сумерки, съвозъ сизую дымку тумана, показались горы: слѣва—Большіе Балханы, съ ихъ голыми скатами, а справа—Малые. Первые возвышаются немногимъ болѣе четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а послѣдніе и того еще менѣе. Поѣздъ мчался между ними словно по долинѣ. Вскорѣ эти возвышенности остались позади, и передъ нами раскинулась ровная голая пустыня. Луна разливала тусклый свѣтъ по раскинутой до дальнаго горизонта песчаной равнинѣ и только далеко вправо темнѣли новыя гряды горъ, а слѣва, среди песковъ, солонцы серебристымъ отблескомъ отражали блѣдные лучи мѣсяца.

Миновавъ нѣсколько станцій, поѣздъ послѣ полуночи остановился у Казанджика, въ 174 верстахъ отъ Узунъ-Ада. Въ этомъ мѣстѣ мнѣ пришлось побывать еще въ другой разъ, въ августѣ мѣсяцѣ. Избѣгая напрасныхъ повтореній, я теперь же изложу то, что успѣлъ осмотрѣть тогда.

Замѣтимъ, прежде всего, что до этого мѣста, какъ мы видѣли, не нашлось въ пустынѣ ни капли прѣсной воды. Въ колодцахъ, вырытыхъ туземцами въ степи, она вездѣ оказалась солоноватая. Въ Казанджикѣ впервые появляются обильные ключи съ хорошею прѣсною водою. На югѣ отъ станціи, не въ очень дальнемъ отъ нея разстояніи, тянется съ запада на востокъ гряда горъ, въ ущельяхъ которыхъ и находятся живительные источники, образуя ручейки. Воду оттуда провели въ каналы до самой станціи, гдѣ устроили даже фонтанъ съ каменнымъ бассейномъ. Послѣ томительнаго переѣзда отъ береговъ Каспія по вымершимъ пустынямъ пріятно было видѣть протекавшую по каналамъ студеною струю. Подъ ея вліяніемъ мѣстность кругомъ оживаетъ, и орошенная земля ждетъ только, чтобы человѣкъ приложилъ къ ней свой трудъ, съ тѣмъ, чтобы сторицей вознаграждать его. До сихъ поръ, однако, люди еще мало воспользовались живительною влагою для воздѣлки почвы въ окрестностяхъ Казанджика. Около станціи разведены, правда, садки, въ которыхъ успѣли уже разрастись довольно тѣнистыя деревья. А затѣмъ, до самаго подножія горъ, стелется степь, покрытая выжженною лѣтними жарамъ травой.

Мнѣ было извѣстно, однако, что не въ дальнемъ разстояніи отсюда находится хлопковая плантація. Я направился туда по указанію лавочника, торгующаго въ своемъ баракѣ виномъ, пивомъ, папиросами и другими надобьями, въ которыхъ нуждаются должностныя лица и рабочій людъ при станціи. Путь мой лежалъ по направленію къ востоку почти у подножія горъ. Покрытыя по скатамъ низкою зеленью, онѣ непрерывною грядою тянулись вправо. Передо мною стлалась равнина, едва поросшая скудною травой; только по краямъ извивающагося ручейка росли кое-гдѣ тощіе кустики. Станція скоро пропала изъ вида и—ни души кругомъ. Тутъ я невольно вспомнилъ, какъ по тѣмъ же мѣстамъ не такъ еще давно путешественники, опасаясь нападенія со стороны хищныхъ туркменъ, пускались въ дорогу не иначе, какъ вооруженные съ ногъ до головы и съ конвоемъ джигитовъ или козаковъ. Теперь же здѣсь подвергаешься меньшей

опасности, чѣмъ у насъ хоть бы въ какой-нибудь подгородной дачѣ. Туркмены не покушаются нападать даже на одинокаго безоружнаго путника.

Пройдя около восьми верстъ, я увидѣлъ, наконецъ, впереди купу деревьевъ и направился прямо къ нимъ. Тутъ и была самая плантація. Неподалеку влѣво отъ нея показались верблюды и кибитки кочующихъ туркменъ. За ивнякомъ, вытянутымъ вдоль канавки съ водою, показались хлопковые кусты. Три работника такъ были заняты сборомъ хлопка, что замѣтили меня только тогда, когда я окликнулъ ихъ. Всѣ трое оказались персами. Одинъ изъ нихъ кое-какъ объяснялся по-русски.

Вся плантація, принадлежащая князю Хилкову, занимаетъ небольшое пространство, десятинь въ пять. Она интересовала меня потому, что здѣсь лѣтъ семь тому назадъ былъ сдѣланъ первый опытъ разведенія *американскаю* хлопка въ этой мѣстности. Судя по разросшимся тутъ кустамъ, на которыхъ бѣлѣлъ выпучившійся изъ капсулы бѣлоснѣжный хлопокъ, этотъ опытъ оказался вполне удачнымъ. Насколько, впрочемъ, выгодна здѣсь воздѣлка хлопка, рѣшить не берусь, тѣмъ болѣе, что все дѣло предоставлено на произволъ наемныхъ рабочихъ, контроль за которыми невозможенъ. Какъ бы то ни было, но эта попытка убѣждаетъ въ возможности развести подобныя плантаціи въ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ вода по ручью или канавѣ. Наемные персы живутъ тутъ въ домикахъ, слѣпленныхъ изъ глины, передъ которыми находится прудокъ съ студеною водою. Этотъ клочокъ воздѣланной земли представился мнѣ въ видѣ крохотнаго уютнаго оазиса у подножія горъ, среди окружающей его далеко раскинувшейся пустыни.

Забравъ въ Казанджигъ свѣжей воды въ чаны для ближайшихъ станцій, поѣздъ несся всю ночь опять по безводнымъ пустынямъ. Утромъ на зарѣ мы прибыли въ Кизиль-Арватъ, гдѣ назначена остановка почти на полчаса. Здѣсь и мы остановимся на болѣе долгое время, съ тѣмъ, чтобы ориентироваться среди окружающей насъ мѣстности. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что Кизиль-Арватъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ тоже одинъ изъ весьма важныхъ пунктовъ желѣзной дороги.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что до сихъ поръ, начиная отъ Узунъ-Ада, намъ вовсе не попадались осѣдлыя поселенія туземцевъ близъ дороги. На всемъ этомъ протяженіи по пути встрѣчаются лишь давно вырытые колодцы, у которыхъ останавливаются иногда проходящіе изъ Персіи въ Хиву караваны и по именамъ которыхъ прозваны самыя станціи. Вмѣстѣ съ окружающими ихъ постройками, онѣ въ настоящее время хоть сколько-нибудь оживляютъ почти лишнюю постоянныхъ жилищъ мѣстность. Тамъ, гдѣ послѣ зимнихъ дождей почва покрывается хотя скудною растительностью, появляются кочевники, разставляютъ свои кибитки, перевозимыя на верблюдахъ, и выгоняютъ на паству свой скотъ.

Эти кочевники напомнили мнѣ отчасти краснокожихъ въ Сѣверной Америкѣ, точно также переходящихъ съ своими вигвамами въ разныя времена года изъ одного края въ другой. Несмотря, однако, на нѣкоторыя сходныя черты азіатскихъ и американскихъ туземцевъ, между ними, все-таки, об-

наруживаются противоположныя свойства, оказывающія роковое вліяніе на будущія судьбы нецивилизованныхъ націй. Въ настоящемъ случаѣ важнѣе всего, конечно, то, что американскіе индѣйцы относятся исключительно къ охотничьимъ племенамъ, вовсе неспособнымъ къ болѣе культурному развитію потому уже, что охотничій промыселъ, сопряженный съ постояннымъ бродяжничествомъ, служитъ сильною помѣхой для устойчиваго земледѣльческаго труда. Туркмены, напротивъ того, всегда обладали домашними животными и поддерживали довольно обширное скотоводство, связанное вообще съ болѣе правильными бытовыми порядками и подлежащее уже нѣкоторой хозяйственной отчетливости. Благодаря такому исюни присущему имъ свойству, составляющему, можно сказать, первый, самый трудный шагъ къ переходу къ культурной жизни, туркмены подъ благотворнымъ вліяніемъ высшей цивилизаціи легко принимаются за воздѣлку земли. Если не старое, то, по крайней мѣрѣ, молодое поколѣніе, понуждаемое силою обстоятельствъ, не безъ успѣха начинаетъ заниматься пахотою.

До послѣдняго времени расширенію земледѣлія въ краѣ болѣе всего препятствовали хищническіе набѣги самихъ туркменъ. Въ этомъ отношеніи они также отличаются отъ краснокожихъ. И дѣйствительно, индѣйскія племена въ Америкѣ ведутъ, правда, зачастую кровавыя войны другъ съ другомъ; однако, такая борьба между враждебными сосѣдями происходитъ у нихъ болѣею частью изъ-за охотничьихъ мѣстъ, когда одно племя, преслѣдуя дичь, проникаетъ въ районъ другаго. Но ни грабежъ, ни продажа плѣнныхъ въ неволю не бывають главною цѣлью такихъ набѣговъ у краснокожихъ. Другое дѣло—у туркменъ. Отъ занятій скотоводствомъ у нихъ остается широкій досугъ, пользуясь которымъ, жены принимаются за выдѣлку кошмъ, ковровъ и тому подобныхъ предметовъ. Мужья же до послѣдняго времени считали своимъ единственнымъ отхожимъ промысломъ—грабежъ, не разбирая, притомъ, ни друзей, ни недруговъ, лишь бы поживиться добычей. Они совершали набѣги не только на персидскія пограничныя селенія, но простирали ихъ до Каспійскаго моря, не щадя ауловъ мирныхъ своихъ соплеменниковъ и увозя съ собою плѣнныхъ на невольничьи рынки въ Хивѣ и Бухарѣ. Они нападали на караваны, все равно, къ какой бы націи тѣ ни принадлежали. Съ покореніемъ края русскими войсками эти *аламаны*, какъ назывались подобные набѣги съ цѣлью грабежа, совершенно прекратились, а невольничьи рынки окончательно закрыты. Лишившись, такимъ образомъ, наживы путемъ хищническаго промысла, туркмены теперь поневолѣ должны обратиться къ другимъ, болѣе мирнымъ занятіямъ.

Тутъ-то и обнаруживается, насколько судьба благосклоннѣе къ этимъ кочевымъ хищникамъ, нежели къ краснокожимъ охотникамъ. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всевозможныя мѣры, принимаемыя американскимъ правительствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на то, что оно отвело большую территорію исключительно для индѣйцевъ съ благою цѣлью приурочить ихъ къ осѣдлой жизни земледѣльца, все-таки, краснокожее племя,

оторванное от охотничьего промысла, не въ состояннн освоиться съ условіями культурнаго быта и, подъ вліяніемъ неукротимо напорающей на него цивилизаціи, неминуемо вымираетъ, такъ что въ недалекомъ будущемъ отъ него не останется никакого слѣда. Туркмены, напротивъ того, теперь уже принялись за лопату и при сооруженіи желѣзной дороги оказались хорошими землекопами. Такимъ образомъ, съ переходомъ края въ русское владычество, прекратились прежніе аламаны и открылась полная возможность мирнымъ поселянамъ въ совершенной безопасности обратиться къ земледѣльческому труду. А для этого въ край имѣется еще много пустыющихъ земель, заброшенныхъ единственно вслѣдствіе непрерывно повторявшихся набѣговъ. Покинутыя земли будутъ воздѣланы, лишь бы туземцы окончательно увѣрились въ томъ, что страна, подъ русскимъ владычествомъ развѣ навсегда избавлена отъ грабежей и разбоевъ. Съ водвореніемъ спокойствія въ край, съ расширеніемъ земледѣлія и съ преобладаніемъ осѣдлой культурной жизни усилятся, конечно, и приростъ населенія, такъ что, въ противоположность краснокожимъ, племя туркменъ въ будущемъ, несомнѣнно, размножится. Таково всеоживляющее вліяніе желѣзной дороги на этотъ древній, но давно заброшенный и забытый цивилизаціей край.

Въ этомъ отношеніи новый русскій городъ, Кизиль-Арватъ, хотя еще только въ зародышѣ, считающій всего восемь лѣтъ отъ открытія здѣсь станціи желѣзной дороги, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе на всякаго, кто вспомнить и сравнить, чѣмъ было это мѣсто прежде и чѣмъ оно общается быть въ недалекомъ будущемъ. Для этого стодтъ только пройти недалеко къ сѣверу отъ желѣзной дороги. Тамъ струится одинъ изъ тѣхъ вытекающихъ изъ горныхъ ущелій ручейковъ, которымъ начинающійся здѣсь оазисъ Ахалъ одолженъ собственно своимъ существованіемъ. Пройдя вдоль узенькаго потока, я увидѣлъ передъ собою полуразрушенный валъ изъ сѣровой глины. Это была крѣпость текинцевъ, разрушенная русскимъ отрядомъ лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Глинобитныя стѣны окружали неправильное почти четырехугольное пространство, куда, въ случаѣ войны, уходили туркмены, разбивъ внутри свои кибитки, замѣнявшія имъ жилища. Кромѣ немногихъ глинобитныхъ сакель, здѣсь, повидимому, не было никакихъ другихъ построекъ. Несмотря на плодородіе почвы и обиліе воды, мирные поселяне, повидимому, не рѣшались пріурочиться въ окрестностяхъ къ осѣдлой жизни. Теперь позади крѣпости, въ дальней степи, раскинуты въ беспорядкѣ десятка два туземныхъ кибитокъ, какъ бы напоминающая собою бывалое безпріютное состояніе края. Здѣсь и тамъ бродятъ верблюды, пощипывая мелкую сухую травку, не обращая, притомъ, никакого вниманія на гулкіе свистки и шипѣніе проходящихъ паровозовъ и не подозревая даже, что, благодаря этимъ паровозамъ, должны отчасти сократиться ихъ томительные многодневные переходы по безводнымъ пустынямъ. Кое-гдѣ туземцы стали уже понемногу воздѣлывать землю, засѣвая ее пшеницей, ячменемъ и люцерной. Въ самой крѣпости размѣстился теперь отрядъ кубанскихъ козаковъ. Возлѣ нея разведена плантація, на

которой успѣли уже разростись разныя породы туземныхъ деревьевъ. Отсюда они разсаживаются не только по городу, но также по другимъ ближайшимъ станціямъ. Недалеко отсюда стоитъ просторный домъ управляющаго желѣзною дорогой. При домѣ съ большою террасой разросся довольно обширный и тѣнистый садъ съ прилегающимъ къ нему огородамъ. Кромѣ зданія вокзала, выстроеннаго изъ твердаго известняка, сооружены еще другія строенія—для мастерскихъ, для склада желѣзно-дорожнаго матеріала и помѣщенія служащихъ.

Этими обычными при желѣзной дорогѣ постройками отнюдь еще не ограничивается оживленіе мѣстности. И въ самомъ дѣлѣ, по другую, правую, сторону рельсъ раскинулся самый городъ. Недалеко отъ полотна желѣзной дороги стоитъ церковь среди разросшихся кругомъ деревьевъ. Передъ ней разстилается площадь, надъ которой при вѣтрѣ носятся облака пыли. Съ одной стороны ея между домами обращаетъ на себя вниманіе продолговатое строеніе, гдѣ помѣщается управление желѣзной дороги, а по другой, перпендикулярной къ той сторонѣ, вытянулся рядъ домовъ, большую часть одноэтажныхъ и съ плоскими крышами. Тамъ, между прочимъ, по вывѣскамъ, значатся и неизбѣжный ренсковой погребъ, и русскій трактиръ, и разныя торговыя лавки. Далѣе, въ той же линіи стоитъ строеніе офицерскаго клуба, за которымъ находятся еще нѣсколько жилищъ, окруженныхъ садиками. Этотъ рядъ домовъ пересѣкается тремя-четырьмя улицами, изъ которыхъ одна считается главною, торговою. Тутъ, въ лавкахъ, армяне, евреи, персы торгуютъ съѣстными припасами, разными фруктами, туземною и привозною посудой, вообще предметами домашняго хозяйства. Сюда появляются также туркмены въ мохнатыхъ папахахъ: одинъ тащить барана на рынокъ, другой предлагаетъ кошму или коверъ въ продажу. А тамъ, далѣе, на югъ, служа какъ бы заднимъ планомъ развернувшася передъ нами городскаго вида, поднимаются ребристые, довольно крутые хребты, извѣстные подъ именемъ *Копетъ-Дана*. Таковъ въ настоящее время Бизиль-Арватъ, это главное административное мѣсто перваго участка желѣзной дороги.

Я пробылъ въ городѣ нѣсколько дней въ другой разъ, также осенью, какъ и въ Казанджикѣ. Къ счастью, я нашелъ тамъ довольно опрятное помѣщеніе въ номерахъ, открытыхъ поселившася здѣсь русскою семьей. Это было приятно тѣмъ болѣе, что въ здѣшнемъ краѣ вообще трудно найти гостиницу, въ которой покои были бы свободны не только отъ мелкихъ насѣкомыхъ, но также отъ нападенія скорпионовъ, фалангъ и тому подобныхъ, иногда весьма опасныхъ враговъ.

Окрестности города до сихъ поръ все еще мало заселены. Пройдя по одной изъ улицъ на югъ, я направился прямо къ горамъ и, версты за двѣ, вступилъ въ ущелье, изъ котораго вытекаетъ узенькій потокъ, орошая своими струями небольшой влокъ пшеничнаго поля. Тутъ же, на скатѣ горы, стояла саля. Близъ нея паслись овцы. Земледѣльцы, повидимому, забираются здѣсь въ ущелья горъ, какъ будто опасаясь еще выступить на откры-

тую передъ горами плодородную равнину. Надо полагать, что подъ эгидою русской власти туземцы современнѣмъ покроютъ окрестности города хлѣбными полями, фруктовыми садами и, перейдя къ осѣдлой жизни, настроятъ тамъ постоянныя жилища, замѣнивъ, такимъ образомъ, глиняными сажлями свои тенерешнія передвижныя кибитки. Самый край изобилуетъ землями для такого осѣдлаго поселенія. И дѣйствительно, съ Кизиль-Арвата собственно начинается плодотворный оазисъ Ахала, составлявшій главную цѣль послѣдняго похода генерала Скобелева и проложенія сюда желѣзной дороги. Ахаль-Текинскій оазисъ тянется къ востоку у подножія Копетъ - Дага полосою верстъ на двѣсти въ длину, но не болѣе какъ на двадцать шириною. Съ нимъ мы успѣемъ еще нѣсколько ознакомиться во время дальнѣйшей поѣздки по желѣзной дорогѣ; теперь же обратимъ наше вниманіе на ту обширную пустыню, что раскинулась передъ нами на сѣверѣ и извѣстна подъ именемъ Кара-Кумъ.

Начиная съ самыхъ береговъ Каспійскаго моря, эта туркменская степь далеко тянется въ восточномъ направленіи, понажившись на сѣверѣ почти къ берегамъ Аму - Дарьи. Поразителенъ контрастъ между чрезвычайно плодородною почвою оазиса и непосредственно примыкающими къ нему безплодными песками пустыни. Тутъ нѣтъ перехода отъ высшаго плодородія къ совершенному безплодію, почти нѣтъ земель средняго качества въ отношеніи урожая. Да и не можетъ быть, такъ какъ на почвѣ, орошаемой водою, растительность густо и быстро развивается подъ влияніемъ жаркихъ солнечныхъ лучей. А съ другой стороны, тѣ же жгучіе лучи беспощадно выжигаютъ всякое прозябаніе тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ влаги. Нигдѣ благотворное значеніе воды не сознается людьми въ такой степени, какъ въ подобныхъ оазисахъ по сосѣдству съ голою степью. Однако, рѣчки, вытекающія изъ горныхъ ущелій, развѣтвляясь по канавамъ, пролагаемымъ для орошенія полей, изсыхаютъ окончательно, не доходя даже до песковъ Кара-Кума.

Впрочемъ, степь не сплошь покрыта голыми песками. Тамъ нерѣдко попадаются бѣлесоватыя солончаковыя площади. Онѣ часто сопровождаются тощими кустиками зеленовато-пепельныхъ солянокъ. Мѣстами на самой границѣ между песками и оазисомъ образуются весною отъ дождевой воды вязкія топи и отчасти даже озера. Они тянутся иногда рядами и сопровождаются также кустиками солянки, а не то и полыни. Къ лѣту эти лужи и озера высыхаютъ и оставляютъ за собою ровныя и твердыя площадки въ ложбинахъ. Среди нихъ встрѣчаются обыкновенно спасительныя колодцы. Четырехъугольное отверстіе ихъ въ квадратный аршинъ величиною окаймляется иногда вѣтвями близъ растущихъ кустовъ. Эти первобытнаго свойства колодцы и солончаковыя ложбины, поросшія солянками и полынью, служатъ мѣстами для пастьбы скота. Оттого по сосѣдству съ ними нерѣдко встрѣчаются кибитки кочующихъ туземцевъ.

Однако, не только на солончаковыхъ площадяхъ, но даже на голыхъ пескахъ нерѣдко прозябаетъ растительность. Наиболѣе характернымъ рас-

тениемъ здѣсь служить саксаулъ. Кое-гдѣ на верхушкѣ песчаного холмика появляются корявые сучья съ мелкою листвою на концахъ вѣтвей, образуя кустъ вышиною съ нашъ орѣшникъ. Онъ глубоко въ песокъ запускаетъ такіе же корявые корни, извлекая изъ глубины сохранившуюся тамъ влагу. Стволъ этого страннаго растенія отличается твердостью или, скорѣе, хрупкостью, такъ что его трудно рѣзать ножомъ, но отъ удара онъ разбивается словно стекло. Замѣтимъ еще, что саксаулъ сродни нашей лебедѣ, такъ какъ оба растенія относятся къ одному семейству. Здѣшнія степи напоминали мнѣ такого же рода песчанья пустыни Аризона въ Сѣверной Америкѣ, съ тою разницей, что тамъ въ пескахъ разрастается обыкновенно колючій кактусъ, мѣсто котораго здѣсь какъ бы замѣняетъ собою саксаулъ. Въ этихъ безлѣсныхъ мѣстахъ жители пользуются имъ для отопленія и истребляютъ его во множествѣ, лишая, такимъ образомъ, песчанья степи послѣдней возможной на нихъ растительности. Среди песковъ попадаетъ также растеніе изъ рода тамарисковъ, называемое здѣсь гребенщикомъ. Его также истребляютъ для топлива, такъ что степь безпощадно оголяется людьми. Въ послѣднее время, впрочемъ, администрація наложила запретъ на такія безразсудныя порубки въ пескахъ, и безъ того уже столь бѣдныхъ растительностью.

Въ этой скудной органическою жизнью пустынь нѣтъ даже путей сообщенія, но крайней мѣрѣ, по нашимъ цивилизованнымъ понятіямъ. Пути здѣсь считаются заносимые песками слѣды, какіе оставляютъ по себѣ караваны, перебираясь отъ одного колодца къ другому. А средствами сообщенія служатъ верблюды, эти неприхотливые многострадальные пионеры пустыни, костью которыхъ усыпана она изъ конца въ конецъ. Такими путями караваны проходятъ обыкновенно изъ Персіи и Афганистана на сѣверъ, какъ въ Хиву, такъ и въ Бухару. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о ширинѣ пустыни, скажемъ только, что отъ Кизиль-Арвата до Хивинскаго оазиса считается около четырехъ сотъ верстъ, и это пространство караваны совершаютъ дней въ двадцать слишкомъ, причемъ дня по два, по три криду не встрѣчаютъ ни одного колодца съ годною водою. На такой случай они берутъ ее съ собою въ бурдюкахъ на верблюдахъ.

Полновластными хозяевами этихъ пустынь до послѣдняго времени считались туркмены. Не подчиняясь въ дѣйствительности ничьей власти, эти вольные какъ вѣтеръ кочевники отличались тѣми же патріархальными нравами въ связи съ кровожадными инстинктами, тѣми же благодушными побужденіями въ связи съ безпощадною жестокостью, какія свойственны вообще племенамъ, доблести которыхъ воспѣвались нашими поэтами въ твореніяхъ вродѣ *Кавказскаго плѣнника* или *Хаджи-Абрека*. Сожалѣть ли о томъ, что на долю туркменъ не выпало такого поэта, который воспѣлъ бы ихъ набѣды по степямъ на неутомимыхъ скакунахъ, не кормя отмахивающихъ стоверстныя разстоянія,—ихъ лихіе набѣги на сосѣднія персидскія селенія и шумные возвраты оттуда съ богатою добычей и плѣнниками?! Хотя въ памяти свѣжи еще эти кровавые подвиги, но, лишенные поэтически-

го ороша, туркмены представляются намъ теперь не иначе, какъ укрощенными разбойниками, поневолѣ избравшими промыслы скотовода и грабара.

Обратимъ еще вниманіе на то, что вымершая нынѣ пустыня не всегда была въ такомъ безжизненномъ состояніи: по свидѣтельству посѣщавшихъ ее путешественниковъ, до сихъ поръ еще попадаются среди песковъ развалины укрѣпленій, а въ почвѣ нерѣдко находятся остатки домашней глиняной посуды. Лѣтописцы въ свою очередь также увѣряютъ, что все пространство между Хивинскимъ оазисомъ и впадающимъ въ Каспійское море Атрекомъ, составляющимъ нашу южную границу съ Персіей, въ древности было населенною страной съ людными городами и деревнями. Вообще весь обширный край между Сыръ-Дарьей на сѣверѣ и хребтомъ Копетъ-Дага на югѣ, — значить, все пространство земель, присоединенное въ послѣдніе годы къ Россіи, — искони былъ покрытъ болѣе обширными оазисами, чѣмъ теперь. Намъ интересуютъ такіа указанія лѣтописей тѣмъ болѣе, что они какъ бы подкрѣпляютъ увѣренность въ возможности такого же болѣе густаго населенія края въ будущемъ.

Въ глубокой древности эти страны входили отчасти въ составъ обширной Ассирійской монархіи. По нимъ проходили великіе завоеватели, въ числѣ которыхъ въ исторіи встрѣчаемъ, между прочимъ, персидскаго царя Кира, предпринимавшаго походъ противъ скинскаго племени массагетовъ. Въ этому кочевавшему на сѣверо-востокъ отъ Каспійскаго моря племени относятся именно тѣ проклятые Гогъ и Магогъ, о которыхъ упоминаютъ какъ пророкъ Іезекіиль, такъ и арабскіе писатели, и про которыхъ Іоаннъ Богословъ заявляетъ: «Число ихъ какъ песокъ морской». Желая наказать массагетовъ за повторяемые ими набѣги на Персію, Киръ рѣшился проникнуть въ ихъ кочевья. Путь царя пролегалъ по мѣстамъ, которыя пересѣкла наша желѣзная дорога отъ Узунъ-Ада до Кизиль-Арвата, но нельзя указать, въ какомъ именно мѣстѣ. Походъ персидскаго завоевателя простирался далеко на сѣверо-востокъ въ верховьямъ Яксарта или нынѣшней Сыръ-Дарьи, на берегу которой царь основалъ крѣпость Кирополь, какъ полагаютъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находится Ходжендъ. Киръ, какъ извѣстно, поразилъ сперва массагетовъ, но впоследствии самъ погибъ въ бою съ ними. По смерти его все пространство земель, начиная отъ Яксарта на сѣверѣ, вошло въ составъ Персидской монархіи. Разгромивъ ее, Александръ Великій подчинилъ всю страну своей власти. Впрочемъ, намъ еще придется встрѣчаться съ мѣстами, гдѣ македонскій царь оставилъ по себѣ незабвенные слѣды.

Находясь, такъ сказать, на челѣ Ахаль-Текинскаго оазиса, Кизиль-Арватъ всегда считался важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи. Самая желѣзная дорога, пролагаемая въ началѣ единственно съ стратегическою цѣлью, доходила въ 1881 году, во время похода генерала Скобелева, только до этого мѣста, и лишь въ 1885 году приступлено было къ продолженію рельсъ дажѣ на юго-востокъ, по направленію къ Асхабаду.

Эд. Циммерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Юлій Словацкій.

Племенное сродство между народами, какъ и родственная связь между единичными людьми, служитъ поводомъ къ общенію и даетъ ключъ къ взаимному пониманію. Представители трехъ эпохъ въ исторіи литературы французской: Монтань, Корнейль и В. Гюго—могутъ послужить намъ примѣрами близкаго знанія и разумнѣя духа итальянскихъ и испанскихъ писателей во Франціи,—условія, имѣвшихъ вліяніе на развитіе самой французской литературы. Обратное вліяніе Франціи на литературу другихъ романскихъ народовъ становится съ XVIII преобладающимъ. Въ иномъ порядкѣ постепенности и въ разныхъ степеняхъ по времени, но сходное же племенное умственное общеніе и близкое пониманіе замѣчаются въ нашемъ столѣтіи въ литературѣ нѣмецкой по отношенію къ англійской, шведской и датской. Въ Германіи ранѣе и сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сказалось вліяніе Шекспира, который тамъ же нашелъ наиболѣе обстоятельныхъ толкователей. Новѣйшіе шведскіе и датскіе писатели, внѣ скандинавскихъ странъ, дѣйствительною популярностью пользуются только въ Германіи, гдѣ въ читальныхъ они имѣютъ полное право гражданства, наравнѣ съ нѣмецкими авторами, иными читателями, пожалуй, даже не считаются за иностранцевъ.

Естественная склонность къ познанію литературъ одноплеменныхъ народовъ, а чрезъ нее—условія ихъ быта и содержанія умственной ихъ жизни проявляется за послѣднія лѣты 10—15 и въ русскомъ обществѣ собственно по отношенію къ современной беллетристикѣ польской. Литературы чешская и сербская остаются еще почти совсѣмъ неизвѣстными русской публикѣ. По произведенія современныхъ польскихъ романистовъ появляются въ русскомъ переводѣ, иногда даже въ нѣсколькихъ переводахъ, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ. Въ этомъ фактѣ позволительно видѣть начало полезнаго въ разномъ смыслѣ ознакомленія русскаго общества съ славянскими литературами вообще. Въ отношеніяхъ между народностями одинаково вредны какъ предубѣжденіе, такъ и иллюзія. Людямъ несвойственно признавать законнымъ или хотя бы неизбѣжнымъ того, что имъ чуждо или неясно. Съ другой стороны, та раздѣленность, какал поддерживается между народами неразумнѣемъ быта и духовныхъ настроеній, создаетъ силу особыхъ специализ-

ствова-дѣльцовъ, которые, толкуя все по мѣрѣ своей надобности, могутъ при-служиваться извѣстному интересу для того, чтобы самимъ лично къ нему пристраиваться. А идущіе отъ такихъ людей кривотолки еще вреднѣе, чѣмъ полное незнаніе, такъ какъ кривотолкъ непремѣнно представляетъ собой или клевету, создающую раздраженіе, или преувеличенное обѣщаніе, вовсе не оправдываемое дѣйствительностью, нѣчто вроде веселія съ поддѣльнымъ подписью. Народамъ, особенно же тѣмъ, которые поставлены въ какую-либо внѣшнюю связь, необходимо, такъ сказать, «внутренно» знать другъ друга, чтобы взаимно не требовать отъ себя невозможнаго, чтобы уяснить себѣ возможность уступокъ, но убѣдиться въ невозможности самоотреченій.

Тамъ, гдѣ исторія создала ненависть, надо слышать ея собственный голосъ, чтобы уразумѣть, что ее питало, и нѣтъ ли возможныхъ смягченій. Тамъ, гдѣ видна одна только привѣтливость, необходимо отдавать себѣ отчетъ, каковы ея цѣль и содержаніе. Нельзя полагаться на посредниковъ по ремеслу, такъ какъ ремесло всегда преувеличиваетъ качество именно того товара, какимъ оно торгуетъ. Изъ ненависти оно сдѣлаетъ не человѣческое чувство, отчасти понятное и всегда имѣющее свои предѣлы, но нѣчто вроде изступленія злобной по природѣ стихіи, съ которой ничего не подѣлаешь, которой ничѣмъ не удовлетворишь. Въ привѣтливомъ отношеніи, которое необходимо предполагаетъ равное и для себя признаніе, посредничество по профессіи представить одно только расположеніе къ послушанію, готовность къ отказу отъ всего своего, лишь бы перенять все привѣтствуемое; въ результатѣ истекающихъ отсюда ошибокъ готовый союзникъ, привѣтливо смотрѣвшій на покровителя, можетъ совсѣмъ измѣнить свое настроеніе къ безцеремонной и преувеличенной требовательности.

И такъ, хотя изъ всей современной беллетристики другихъ славянскихъ народовъ русскому обществу извѣстны только десятка два польскихъ повѣстей и романовъ, но для начала и это хорошо, и можно даже прибавить, что съ этого именно и естественно было начать. Нѣкоторыя вещи покойнаго Крашевскаго, почти всѣ произведенія Генрика Сенкевича, нѣсколько романовъ и повѣстей г-жи Елизы Оржешко, Яна Яма, г. Александра Свєтоховскаго и двѣ-три новыхъ комедіи уже даютъ русскому читателю возможность хоть нѣсколько ознакомиться съ бытомъ и настроеніемъ современнаго польскаго общества. Но за то обществу русскому слишкомъ мало извѣстна тоть, наиболѣе выдающійся, періодъ польской литературы, который обнимаетъ собой вторую четверть нынѣшняго столѣтія и уже почти совершенно чужды періоды болѣе отдаленные. Конечно, нельзя ожидать, чтобы современные русскіе читатели интересовались представителями такъ называемаго «золотого вѣка» польской литературы, а именно—XVI вѣка. Но, все-таки, нѣсколько странно было читать, какъ въ иныхъ газетахъ, года два тому назадъ, по поводу одной изъ литературныхъ рѣчей В. Д. Спасовича съ нѣкимъ пренебрежительнымъ изумленіемъ упоминалось о «какомъ-то Кохановскомъ».

Во всякомъ случаѣ, вслѣдъ за переводами выдающихся современныхъ

польскихъ писателей было бы полезно нѣкоторое ознакомленіе съ тѣмъ ближайшимъ прошедшимъ, которое въ литературѣ польской соотвѣтствуетъ періоду Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя. Въ томъ періодѣ польской литературы совершенно преобладаетъ поэзія, и онъ отмѣченъ тремя яркими именами: Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго.

Пусть нынѣшнее литературное творчество не похоже на тогдашнее, пусть новый періодъ относится къ предшествующему какъ реализмъ къ романтизму. Но двадцатилѣтній періодъ (примѣрно 1828—1848 гт.) литературы польской, запечатлѣнный первымъ словомъ Мицкевича и послѣднимъ словомъ Красинскаго, представлялъ столь сильный подъемъ, такое богатое творчество, оказалъ столь огромное вліяніе на умственный складъ двухъ поколѣній, что, можно сказать, онъ легъ въ основу дальнѣйшаго литературнаго развитія въ Польшѣ. Прочитавъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ беллетристовъ и оставаясь незнакомымъ съ названными первостепенными поэтами, русскій читатель, если можно такъ выразиться, будетъ и нынѣшнюю польскую литературу знать только по имени, но не съумѣетъ назвать ея по отчеству. Пусть направленіе нынче не то, но это не прерываетъ связи наследственной. Дѣти обыкновенно высказываютъ иные мнѣнія, нерѣдко дѣйствуютъ иными приемами, чѣмъ отцы; но воспитаніе ихъ, характеръ, самыя черты лица не кажутся случайностью — только тому, кто зналъ предшествовавшее поколѣніе.

Изъ названныхъ трехъ поэтовъ извѣстенъ русской публикѣ наиболѣе Мицкевичъ. Мицкевичъ извѣстенъ ей хорошо, но только по силѣ дарованія, а не по содержанию, и не по тому вліянію, какое онъ оказывалъ на своихъ соотечественниковъ. Чтобы оцѣнить силу таланта Мицкевича, русскому читателю достаточно было бы уже той мѣры, какую примѣнялъ къ польскому поэту Пушкинъ. Но, сверхъ того, многія стихотворенія Мицкевича, и въ томъ числѣ поэма *Валленродъ*, наиболѣе нравившаяся въ Россіи, часть *Дядювъ* и *Панъ Тадеушъ*, который нынѣ считается самымъ совершеннымъ произведеніемъ поэта, имѣются на русскомъ языкѣ въ удачныхъ, нѣкоторыя вещи даже—въ прекрасныхъ переводахъ. Этого достаточно, чтобы судить о силѣ. Но такъ какъ Мицкевичъ не могъ быть переведенъ весь, то не получается полнаго понятія ни о его творествѣ, ни о томъ вліяніи его на умы, которое сдѣлало его книги чѣмъ - то вродѣ Библии для всего польскаго общества. Такое значеніе, хотя уже съ инымъ оттѣнкомъ, онѣ сохранили и до сихъ поръ. Различіе лишь въ томъ, что нынѣшняя молодежь, читая эти книги, менѣе увлекается элементомъ чудеснаго, болѣе цѣнитъ элементъ бытовой и задушевный.

Словацкіи и Красинскіи малозвѣстны русскимъ читателямъ по той самой причинѣ, въ силу которой Мицкевича они знаютъ не вполне. Цѣль настоящей статьи и заключается въ томъ, чтобы познакомить съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ поэтовъ, однимъ изъ главныхъ представителей той «стремительной эпохи» въ умственномъ бытѣ польскаго общества, которая совпала вмѣстѣ и съ такъ называемымъ возрожденіемъ его

литературы. Настоящая статья предназначается исключительно для русских читателей и не представит интереса для читавших Словацкаго въ подлинникѣ, котораго мы можемъ дать только сокращенную и блѣдную тѣнь. При этомъ мы, разумѣется, главное вниманіе обратимъ на драматическія произведенія Словацкаго, какъ по большому ихъ значенію въ литературѣ, такъ и по сравнительному удобству передачи драматическаго содержанія вообще.

I.

«Польскіе поэты выразили въ своихъ произведеніяхъ всѣ чувства, какія питали къ своему народу; собрали и сосредоточили въ нихъ, болѣе чѣмъ кто-либо и гдѣ-либо, патриотизмъ, состраданіе, надежду и вѣру. Вотъ почему они и не искали дѣйствительности, а являются болѣе всего пророками... Идею народности, они понимаютъ чисто-религиознымъ образомъ». Такое опредѣленіе польской поэзіи даетъ Георгъ Брандесъ и оно, въ сущности, вѣрно относительно поэтовъ того періода, о которомъ мы говоримъ. Только для Мицкевича оно не вполне точно, но совершенно примѣнимо къ Словацкому и Красинскому, да и къ той сторонѣ Мицкевича, которая всего сильнѣе дѣйствовала на современниковъ. Рядомъ съ такимъ отзывомъ о содержаніи поставимъ мимоходную замѣтку того же критика въ другомъ мѣстѣ—о характерѣ, обуславливающимъ внѣшнюю форму польской поэзіи: «своею живостью и вкусомъ къ образности польскій народный характеръ напоминаетъ итальянскій». Приведенныя опредѣленія и замѣчаніе наиболѣе примѣнимы именно къ Словацкому. Онъ взываетъ къ борьбѣ, онъ боготворитъ картинность, онъ владѣетъ языкомъ съ такимъ мастерствомъ, что въ этомъ отношеніи его не превосходитъ ни одинъ поэтъ, и самъ такъ увлекается яркостью своего колорита, мелодичностью своего стиха, что поэзія его иногда окончательно переходитъ въ живопись и въ музыку. Мы начинаемъ съ указанія на эти характерныя черты Словацкаго потому, что, обращаясь ко вниманію русскаго читателя, мы, прежде всего, должны, во-первыхъ, просить его объ объективномъ, историческомъ отношеніи къ дѣлу, а, во-вторыхъ, пригласить его сдѣлать значительную уступку изъ той сравнительной строгости формъ, къ какой онъ привыкъ.

Необходимо принимать въ соображеніе условія мѣста и времени. Надо вспомнить, что Пушкинъ только скорбѣлъ о томъ, что обстоятельства сдѣлали душу Мицкевича «озлобленною». Первые стихотворенія Словацкаго появились въ 1832 году, когда эти обстоятельства стали уже совершившимся фактомъ. Уроженецъ Подолія, сынъ профессора, Юлій Словацкій (род. въ 1809 г.) слушалъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ уже въ то время, когда тамъ были приняты строгія мѣры. Еще ранѣе конца польской революціи 1830—31 гг. онъ эмигрировалъ и всю жизнь провелъ въ той средѣ, которая представляла собой живые осколки разбитаго корабля; они могли жить далѣе только послѣднимъ впечатлѣніемъ бури, которая никогда не миновала, которой послѣдствіемъ они чувствовали въ настоящемъ, —той борьбы, о продолженіи которой они мечтали въ будущемъ.

Кромѣ этихъ, преобладавшихъ обстоятельствъ, другіе факты личной жизни Словацкаго нисколько не объясняютъ его творчества. Жизнь весьма обыкновенная, скромная не имѣетъ ничего общаго съ огнемъ и порывами его поэзіи. Въ этомъ полное несходство съ его любимцемъ—Байрономъ. Но противорѣчіе мѣщанской жизни возвышенному творчеству еще яснѣе отражается въ примѣрѣ Гёте. Словацкій былъ только, чтобы заимствовать уподобленіе у него же, одной изъ арфъ своего времени и своего народа. А время было исполнено событій, судьба народа была полна трагизма. Словацкій явился представителемъ такого періода, который, начавшись для всего европейскаго общества пессимизмомъ съ романтической окраской, для польскаго общества протекъ между двумя горькими разочарованіями: 1831 и 1849 годовъ. Въ 1832 году были напечатаны первыя произведенія Словацкаго, въ 1849 году онъ умеръ. Періодъ этотъ былъ наполненъ страстными протестомъ, горячими мечтаніями, дошедшими до мистицизма. Второе разочарованіе, когда февральская революція 1848 г. ничего не принесла обществу, котораго представителемъ былъ Словацкій, а съ 1849 года стала одерживать верхъ реакція, было уже убійственно для поэта. И такъ, если его внѣшняя жизнь не вмѣщала въ себѣ ничего необычайнаго, то, вѣдь, онъ жилъ внутренно не ею, но судьбою миллионновъ современныхъ и родныхъ ему страдавшихъ людей.

Поэтъ въ такихъ условіяхъ, естественно, и становился «пророкомъ», уже по одному тому, что не было болѣе ни войска, ни вождей, а былъ только народъ, и онъ могъ имѣть предводителями только пророковъ. Болѣе полный образъ такого назначенія поэтовъ въ той средѣ и томъ времени, чѣмъ приведенное опредѣленіе датскаго критика, мы позаимствуемъ у самого автора *Лиллы Венеды*. Венды, кроткій, первобытный славянской народъ, борятся съ нашествіемъ завоевателей—лехитовъ. Вендами предводительствуютъ пѣвцы, съ арфами въ рукахъ. У самого короля вендовъ въ рукахъ не оружіе, но золотая арфа, утрата которой будетъ обозначать гибель народа. «Слышу уже, арфа идетъ, я слышу ее... Ударьте въ щиты, пусть вожди сойдутся, та пѣснь дастъ имъ безсмертіе. И всѣ, кто ее услышитъ, жить будутъ, а которые не будутъ ее слышать, тѣ поумрутъ». У вендовъ, однако, были щиты, было и оружіе и они, все-таки, погибли, когда погибла золотая арфа. Каково же должно было быть значеніе поэтической арфы для народа, у котораго не оставалось ничего, кромѣ ея одной?

Оставивъ Виленскій университетъ, Словацкій уѣхалъ въ Варшаву и поступилъ тамъ на службу, въ 1829 г., въ главную дирекцію финансовъ. Онъ былъ свидѣтелемъ варшавскаго возстанія 1830 года, а въ 1831 году уѣхалъ за границу и, будучи уже за границей, получилъ порученіе отъ революціоннаго правительства въ Лондонъ. Тамъ Словацкій былъ только проездомъ и въ 1832 году онъ уже издалъ въ Парижѣ первые два тома своихъ стихотвореній. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Женеву, гдѣ оставался до 1836 года. Средства къ жизни онъ получалъ отъ матери. Предпринявъ затѣмъ путешествіе въ Италію съ родственниками, Словацкій жилъ нѣкоторое вре-

мя въ Римѣ, гдѣ сблизился съ другимъ первостепеннымъ польскимъ поэтомъ того времени, графомъ Сигизмундомъ Красинскимъ. Красинскій оказалъ на Словацкаго значительное вліяніе въ разныхъ отношеніяхъ, хорошее и дурное. Образованіе его было болѣе закончено и многосторонне, чѣмъ у Словацкаго, онъ имѣлъ характеръ, котораго Словацкому недоставало, онъ былъ мыслитель-систематикъ, въ то время какъ Словацкій былъ совершенное дитя вдохновенія, — дитя съ необычайными способностями, но, все-таки, дитя, нерѣдко забывавшее даже, откуда вдохновеніе пришло. Красинскій первый нравственно поддержалъ Словацкаго, котораго первоначальныя произведенія не были достаточно оцѣнены въ родномъ краѣ. Въ предисловіяхъ къ двумъ своимъ трагедіямъ Словацкій прямо высказалъ, что въ одномъ Красинскомъ онъ находилъ въ то время нравственную опору.

Изучивъ итальянскій, а затѣмъ и испанскій языки, Словацкій замѣчательно вѣрно понялъ Италію, ея прошлое и ея поэтовъ. Въ сущности, по природѣ, они были ему ближе, роднѣе, чѣмъ Байронъ и Шекспиръ, которыхъ онъ, можно сказать, призывалъ себѣ въ воспріимники, между тѣмъ какъ съ Тассо, Аріосто, Петраркой, Альфіери, Парини, Уго-Фосколо и даже съ Данте его связывали прямыя узы родства. Какого же родства? Не племеннаго, конечно, но родства по темпераменту, по преданію и по условіямъ народнаго быта. Всѣ эти итальянцы, несмотря на свою правотворность, настоящіе язычники въ безусловномъ поклоненіи внѣшней красотѣ; затѣмъ была связь историческая, были вѣка, когда все знатное польское дворянство и ученое духовенство учились въ университетахъ Падуи и Болоньи; наконецъ, Данте, Альфіери, Парини и Уго-Фосколо, — это представители вѣковаго протеста итальянскаго народа противъ закрѣпощенія, пророки вѣковой мечты о независимости.

Поездка на Востокъ (1836—37) еще расширила кругозоръ Словацкаго и дала ему новыя, взятая изъ непосредственнаго наблюденія краски для романтическихъ картинъ. Извѣстно, что Востокъ составлялъ одинъ изъ основныхъ элементовъ романтизма, новую область, какъ бы открытую романтиками. Словацкій носѣтилъ Грецію, Египетъ, Сирію и Палестину, а по возвращеніи прожилъ еще съ лишнимъ годъ во Флоренціи. Затѣмъ, въ 1838 году, онъ снова поселился въ Парижѣ.

II.

Съ Мицкевичемъ онъ познакомился еще въ 1832 году, при первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ. Вліяніе Мицкевича замѣтно въ нѣсколькихъ его произведеніяхъ: въ *Гуго* и *Мидове* многое напоминаетъ о *Валленродтѣ* Мицкевича, въ *Кордіанѣ* — о второй части *Дюдовъ*. Но личныя отношенія между поэтами были холодны. Словацкій открыто признавалъ Мицкевича первымъ польскимъ поэтомъ, но онъ обижался тѣмъ, что Мицкевичъ всеѣмъ молчалъ о немъ, — Словацкій видѣлъ въ этомъ какъ бы притязаніе Мицкевича на полное единовластіе. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ былъ

Болѣе виноватъ въ такихъ отношеніяхъ. То, что Брандесъ говоритъ о «папахъ и антипапахъ», т.-е. что Словацкій хотѣлъ быть антипапой Мицкевича болѣе остроумно, чѣмъ вѣрно. «Антипапство» означало бы бунтъ съ честолюбивымъ нахѣреніемъ, совершенно независимо отъ чувствъ. Между тѣмъ, есть всѣ данныя для предположенія, что отношенія могли сложиться иначе, если бы Мицкевичъ выказалъ Словацкому съ самаго начала признаніе и сочувствіе, какъ то сдѣлалъ Красинскій. Тогда, по всей вѣроятности, Словацкій, съ своею мягкою природою, подчинился бы даже руководству того, кого самъ признавалъ величайшимъ изъ польскихъ поэтовъ. Но когда Мицкевичъ сперва упорно молчалъ, а потомъ въ *Дьдажъ* вывелъ вочима Словацкаго въ видѣ измѣнника, то Словацкій сталъ относиться къ нему прямо враждебно. И, однакожъ, когда появился *Панъ Тадеушъ*, Словацкій пришелъ въ восхищеніе и простилъ Мицкевичу свою обиду. На пріятельской вечеринкѣ, по случаю открытія курса славянскихъ литературъ Мицкевича въ Collège de France, оба поэта обмѣнялись заявленіемъ сочувствія и импровизировали вмѣстѣ. Но разные сплетни снова испортили дѣло, и Мицкевичъ въ самомъ своемъ курсѣ вовсе не упомянулъ о Словацкомъ, хотя разбиралъ другихъ, менѣе замѣчательныхъ современныхъ поэтовъ. Словацкаго, который былъ деистомъ и даже пантеистомъ, отвращала отъ Мицкевича и строгая набожность послѣдняго. Въ *Бенѣскомъ* Словацкій далъ волю своей желчи и высказался саркастически о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Мицкевича, о «литовскихъ поэтахъ», о іезуитахъ и т. п. Но затѣмъ, когда оба они увѣровали въ «откровеніе» Товіанскаго, Словацкій снова сблизился съ Мицкевичемъ.

Различіе въ убѣжденіяхъ произвело то, что Словацкій разошелся на время и съ Красинскимъ, котораго онъ старался, но напрасно, обратить въ свою новую вѣру, т.-е. въ вѣру, проповѣдуемую Товіанскимъ. Достоинно замѣчанія, что изъ троицъ первостепенныхъ поэтовъ - современниковъ устоялъ противъ мистицизма Товіанскаго тотъ, который былъ самъ метафизикъ и непосредственнымъ вліяніемъ своимъ собственно подготовилъ и въ Словацкомъ поворотъ къ отвлеченности, къ ученію о предназначеніи, къ увлеченію формулами. Примѣняя опредѣленіе Генриха Гейне, который дѣлитъ писателей по духу на «эллиповъ», почитателей красоты, и «іудеевъ», доктринеровъ и мистиговъ, мы можемъ сказать, что Словацкій по природѣ былъ чистый «эллинь», а Красинскій—«іудей». Мицкевичъ же, по широтѣ и гармоничности своего умственного склада, соединялъ въ себѣ то и другое или былъ выше того и другаго, пока не впалъ въ товіанизмъ, что уже было, вмѣстѣ, и паденіемъ его таланта. Между тѣмъ, Красинскій же, который прирожденнаго эллина, Словацкаго, до нѣкоторой степени какъ бы «обратилъ въ іудейство», самъ остался совершенно свободенъ отъ той крайности мистическаго доктринерства, какое выразилось въ Товіанскомъ, и всегда относился къ ученію послѣдняго рѣзко-отрицательно, въ то время какъ и Словацкій, и Мицкевичъ попали въ полную умственную неволю къ этому лже-пророку.

И такъ, нельзя сказать, на чьей сторонѣ въ натянутыхъ отношеніяхъ между Словацкимъ и Мицкевичемъ было болѣе вины; надо только прибавить, что Мицкевичъ ничего не писалъ противъ Словацкаго, между тѣмъ какъ послѣдній не могъ удержаться, чтобы не выразить публично своего раздраженія. Такъ поступилъ онъ впоследствии и относительно Красинскаго, въ которомъ встрѣтилъ не холодность, а, наоборотъ, полное сочувствіе. Причиной размолвки съ Красинскимъ было несогласіе убѣжденій. Красинскій не только не внялъ обращенной къ нему въ письмахъ товѣантской проповѣди Словацкаго, на не раздѣлялъ и демократическо-революціонныхъ стремленій, какими Словацкій увлекся подъ влияніемъ тайнаго революціоннаго общества, образовавшагося среди польской эмиграціи во Франціи. Красинскій былъ аристократъ не только по рожденію, но и по убѣжденію. «Толпа» ему представлялась не иначе, какъ въ смыслѣ истребительной стихіи. Въ одномъ изъ *Трехъ псалмовъ* онъ высказалъ прямое предостереженіе землякамъ противъ той «рѣзни», которую уже прежде изобразилъ въ *Небожественной комедіи*. Словацкій выступилъ противъ него въ большомъ стихотвореніи: *Автору трехъ псалмовъ*.

Здѣсь Словацкій спрашиваетъ своего противника (Красинскій писалъ подъ псевдонимомъ),—кто говорилъ о рѣзнѣ?—и упрекаетъ его, что пугаломъ рѣзни онъ хочетъ устранить всякій новый народный порывъ, всякое движеніе. Въ глазахъ Словацкаго (въ то время уже товѣанца) это—преступленіе противъ «духа». Теорія не престающаго воплощенія духа была несомнѣнно революціонная и Словацкій высказываетъ это: «Быть можетъ, духъ избереетъ уничтоженіе цѣлыхъ народовъ... И никто изъ могилъ не извлечетъ пользы, кромѣ исполненнаго почина движенія, кромѣ вѣчнаго революціонера,—того духа, который проявляется подъ муками тѣлъ». Возраженіе крайне туманно. Но въ немъ есть и простые, размахистые полемическіе приемы, какъ бы старинные, честные, открытые, срозмаха сабельные удары въ старопольскомъ поединкѣ послѣ какаго-нибудь спорнаго сеймика. «Вы стоите будто скалы, произносите *nierogwalat* на движеніе человечества, вы хотите вернуть назадъ волны, идущія за волнами, обратитъ вспять Божьи рѣки... но кто вы?—васъ нѣтъ уже, вы—ничтожество». Замѣчательно, что въ началѣ этого стихотворенія формой Словацкій напоминаетъ Кондратовича, поэта позднѣйшаго времени, который именно такъ рубилъ сплеча. Наиболѣе характерно вырвавшееся у Словацкаго признаніе: «я никогда не проклиналъ движенія, я всегда понималъ пламенныхъ, потому что самъ горю». Въ этихъ двухъ стихахъ—вся правда объ отношеніи Словацкаго къ демократической революціи, и къ байронизму, и къ мечтѣ о предназначеніи, и къ самому ученію Товѣанскаго,—однимъ словомъ, къ вещамъ совершенно несходнымъ между собою: его умъ всегда летѣлъ на огонь всюду, гдѣ его видѣлъ.

Отношенія съ Красинскимъ потомъ поправились, какъ и съ Мицкевичемъ. Ставъ жертвой ученія Товѣанскаго, Словацкій уже по принципу былъ расположенъ ко всепрощенію, да онъ и по натурѣ не былъ склоненъ къ

упорной ненависти по отношению къ единичнымъ людямъ: онъ воспламенялся быстро и прощалъ легко. Недостатокъ средствъ не позволилъ ему напечатать значительной части написаннаго, которое уже и явилось послѣ его смерти. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ Словацкій, подѣ влияніемъ своей новой вѣры, отрекся отъ всѣхъ ненавистей, а когда событія 1846 г. въ Галиціи показали, что до той «рѣзни», которую онъ отрицалъ, было очень недалеко, Словацкій сильно смутился. Годъ 1848 еще прибавилъ къ его разочарованію: онъ не видѣлъ никакого просвѣта для своего народа, возстаніе социалистовъ въ Парижѣ, подавленное Каваньякомъ, помрачило и ожиданія отъ французской республики. Словацкій совсѣмъ смирился духомъ, не любилъ вспоминать о своихъ байроновскихъ порывахъ, сдѣлался даже въ мечтахъ своихъ реалистомъ—желалъ освобожденія въ Польшѣ крестьянъ, относился къ землякамъ и ко всему ему родному со снисходительностью и отцовскою привязанностью. Но до конца онъ сохранилъ мысль о борьбѣ. Въ бумагахъ его оказалось стихотвореніе, въ которомъ онъ бросаетъ взглядъ на свою жизнь: «Вы, кто знали меня, засвидѣтельствуйте, что я для родины пожертвовалъ молодые годы; что пока корабль держался въ бою, я не оставлялъ мачты, а когда онъ тонулъ, я съ нимъ вмѣстѣ пошелъ подъ воду». Словацкій умеръ въ Парижѣ въ началѣ 1849 г. И въ этомъ же стихотвореніи есть слѣдующіе стихи: «Но, умоляю, пусть оставшіеся въ живыхъ не теряютъ надежды, пусть несутъ передъ народомъ факелъ просвѣщенія; а когда надо—пусть по очереди идутъ на смерть, ложатся какъ камни, бросаемые Богомъ на нашъ оборонный шанецъ».

Изъ его личной жизни намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Словацкаго къ женщинамъ. Влюбленъ онъ былъ въ первый разъ еще въ Вильнѣ, въ университетѣ, и, какъ водится, возвелъ эту несчастную любовь въ событіе, рѣшающее судьбу, ломающее жизнь. Въ такомъ именно смыслѣ онъ вспоминаетъ объ этомъ въ стихотвореніи *Часъ раздумья*, хотя тамъ же называетъ себя ребенкомъ. Эта первая любовь была важнымъ событіемъ въ его жизни только въ томъ отношеніи, что онъ ни за что не захотѣлъ оставаться долѣе въ Вильнѣ и потому не окончилъ университетскаго курса. Впослѣдствіи, въ Женевѣ, Словацкій имѣлъ сердечныя связи съ дочерью хозяйки того «пансіона», т.-е. отеля, въ которомъ онъ жилъ, но, кажется, ему нравилась въ этой швейцаркѣ только ея привязанность къ нему. Когда въ Женеву пріѣхало одно польское семейство, то Словацкій влюбился въ богатую дѣвушку, на которой не имѣлъ ни надежды, ни, вѣроятно, и мысли жениться, и такъ какъ она также была неравнодушна къ нему, то отсюда произошелъ небольшой романъ: сцены ревности со стороны швейцарки, болѣзненное сознаніе, что любимое существо онъ скоро потеряетъ; прежнія симпатія смѣнились на ненависть, а потомъ, когда Марія уѣхала, прежнія отношенія восстановились, такъ какъ Словацкій не могъ устоять противъ искренняго чувства.

Краткій романъ отразился, во-первыхъ, въ одномъ стихотвореніи, въ которомъ Словацкій проклиналъ свою прежнюю возлюбленную, а, во-вто-

рыхъ, въ прелестной поэмѣ: *Въ Швейцаріи*. Это—одно изъ наиболѣ художественныхъ произведеній поэта и, по безусловной красотѣ стиховъ, по прелести описаній, богатству красокъ и необыкновенному мастерству разнообразныхъ формъ, не много имѣетъ себѣ подобнаго въ литературѣ вообще. Наконецъ, въ Италіи Словацкій имѣлъ еще начало личнаго романа, который также кончился ничѣмъ: его полюбила и ему понравилась дѣвушка изъ другаго польскаго семейства, и родители готовы были согласиться на бракъ по желанію Анжелики, но Словацкій самъ отклонилъ, переговоры въ этомъ смыслѣ, не желая жениться на богатой. Инымъ это покажется страннымъ, а между тѣмъ, Словацкій поступилъ благоразумно: онъ жилъ на средства матери и на скудный доходъ, какой могъ получать авторъ запрещенныхъ во всѣхъ польскихъ земляхъ (за исключеніемъ Познани) стихотвореній. И такъ, содержать жену, если бы она отказалась отъ богатства, онъ не могъ, а жить на ея средства онъ не хотѣлъ. Надо еще замѣтить, что именно въ то время Словацкій крайне нуждался; матери его было воспрещено писать ему и приняты были мѣры, чтобы она не пересылала ему денегъ.

Юлій Словацкій имѣлъ огромное вліяніе на польскую молодежь двухъ поколѣній: вліялъ онъ независимо отъ той или другой формы, въ какой выражался тотъ огонь, которымъ онъ «горѣлъ»,— въ лирической ли поэмѣ, въ драмѣ или пѣсни; вліялъ онъ самъ. Въ настоящемъ и будущемъ главною его заслугой остается выработка техники польскаго, стиха. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ для польскаго стиха то же, что Гюго для французскаго: умножилъ разнообразіе формъ, выковалъ и отшлифовалъ языкъ такъ, что на всѣхъ послѣдующихъ поэтахъ чувствуется перенатое у него умѣнье, техническое, такъ сказать, воспитаніе въ его школѣ.

Что касается сравнительной и прочной литературной цѣнности отдѣльных его произведеній и высшаго мѣста, какое онъ занялъ въ литературѣ, то надо отдать положительное предпочтеніе его творчеству драматическому, признать, что главное мѣсто онъ нашелъ именно какъ поэтъ драматическій, виднѣйшій изъ польскихъ драматурговъ. Здѣсь опять есть сходство между нимъ и В. Гюго, о которомъ мы также скажемъ, что наибольшаго совершенства онъ достигалъ въ своихъ произведеніяхъ драматическихъ. А, между тѣмъ, оба поэта были по природѣ лирики. Но гармоніи лирическихъ произведеній, какъ у Гюго, такъ и у Словацкаго, вредила самая же необузданность ихъ воображенія; тотъ порывъ, который составлялъ силу ихъ лирики, составлялъ вмѣстѣ и ея слабость. Въ привольи лирическаго произвола, ничѣмъ не стѣсненнаго, кромѣ самаго механизма стиха, который въ ихъ рукахъ былъ игрушкой, они до того увлекались, что просто теряли изъ вида читателя, степень его впечатлительности, способности слѣдить за полетомъ, перенести чрезмѣрное напряженіе. Если порывъ уносилъ ихъ въ небо, они терялись въ надзвѣздномъ пространствѣ; если же, по свойству предмета, они оставались на землѣ, то лирика была для нихъ степью, которая не имѣетъ видимой границы, кромѣ черты горизонта, и оба поэта часто исчезали за этою чертой. Не только утомительно; но иногда

уже и невозможно было слѣдить за ними туда. Положимъ, читатель подвижнѣ зрителя; но предѣлъ его подвижности, мѣра его напряженія, все-таки, гораздо ближе, чѣмъ предѣлъ земной атмосферы или хотя бы черта небосклона. Попадается иногда кровный конь столь горячій, что на немъ нельзя выѣзжать въ поле; какъ только онъ оглянется на ширь, поведетъ ноздрями по вѣтру, то тотчасъ подхватитъ и начнетъ заносить. И тотъ же конь въ манежѣ ходитъ превосходно, безконечно тонко чувствуетъ руку и въ движеніяхъ своихъ, умѣренныхъ барьеромъ, развиваетъ силу и симметричность, которыя прежде исчезали въ страстномъ неудержимомъ, безцѣльномъ, а нерѣдко и безформенномъ порывѣ.

Такая граница, такой барьеръ, спасительное стѣсненіе даны въ самой формѣ драмы. Здѣсь все строго размѣрено; здѣсь не можетъ быть десяти главъ отступленій и одной главы дѣйствія; здѣсь нельзя исчезать за предѣлы видимаго, такъ какъ надо оставаться на сценѣ и вести дѣйствіе. Драматическая форма—это шахматная доска: число комбинацій безконечно, но нельзя сходить съ доски.

Мы позволили себѣ это сравненіе, чтобы объяснить поставленные нами, на первый взглядъ противорѣчивыя, положенія, именно, что Словацкій (какъ и Гюго) по природѣ своей былъ лирикъ, но что наиболѣе совершенныя его произведенія—драматическія. На нихъ-то мы остановимся, главнымъ образомъ, еще и по тому соображенію, что для русскаго читателя они могутъ представить наиболѣе интереса.

III.

Первымъ драматическимъ произведеніемъ Словацкаго бала трагедія *Миндове, король литовскій*, названная историческою картиной. Она была издана вмѣстѣ съ *Марією Стюартъ*, и это сопоставленіе показываетъ, какъ удивительно быстро Словацкій овладѣвалъ новою формою. *Миндове*—это дѣтская попытка въ драматическомъ творчествѣ, между тѣмъ какъ *Марія*—одно изъ наиболѣе зрѣлыхъ произведеній поэта; въ первомъ фантазія его совсѣмъ еще не знала мѣры, второе—одно изъ самыхъ гармоничныхъ и стройныхъ. Надо, однако, замѣтить, что изданный вмѣстѣ съ *Маріей* въ 1832 году *Миндове* былъ написанъ тремя годами ранѣе, т.-е. когда Словацкому было всего 20 лѣтъ; понятно, что въ такомъ возрастѣ и одинъ годъ можетъ составлять значительную разницу въ ознакомленіи съ образцами и въ развитіи таланта. Самъ Словацкій признается, что *Миндове* могъ бы остаться въ дѣтской тетради. Онъ признаетъ также и вліяніе Мицкевича, хотя говоритъ только объ одномъ позаимствованіи, въ сценѣ, которую «я предпочелъ оставить нетронутой, сознавая, что безъ униженія считая себя должникомъ величайшаго изъ нашихъ поэтовъ».

Содержаніе *Миндове* заключается въ междуособіяхъ литовскихъ князей, возбуждавшихся рыцарями Тевтонскаго ордена съ цѣлью захватить какъ добычею; такъ и землю. Миндове крестился, но страна остается языческою

и самъ онъ въ дѣйствительности язычникъ. Собственная мать его пытается отравить его за отступничество отъ родныхъ боговъ, крестоносцы возбуждаютъ противъ него племянника его Тройната, который и дѣлается княземъ Литвы, послѣ того какъ Миндове палъ отъ руки Довмунта, у котораго онъ похитилъ жену. Пьеса эта состоитъ изъ совсѣмъ произвольныхъ перипетій и не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Остановиться можно развѣ только на удачномъ очертаніи фигуры комтура Гейденриха, который является къ Миндову папскимъ легатомъ съ королевскою короной. Это—надменный и коварный нѣмецкій рыцарь, со сладкою рѣчью высокаго духовнаго сановника, который, однако, самъ ни во что не вѣрять. Но и этотъ типъ авторъ испортилъ, подливъ въ него байронизма и внезапной любовной страсти. Нагроможденіе ужасовъ—эта обязательная черта романтической драматургіи—представляется тѣмъ, что въ трагедіи гибнуть: самъ Миндове, его мать, его дѣти, жена Довмунта, Альдона, и воевода Лютуверъ.

Написанная годомъ позднѣе (въ 1830 г.) трагедія *Марія Стюартъ* могла бы скорѣе быть названа *Смерть Рицціо* или *Смерть Дарлиа*, такъ какъ имѣетъ сюжетомъ гибель этихъ любимцевъ королевы, а не собственную ея судьбу. Тогда въ какомъ бы свѣтѣ авторъ ни представилъ Марію Стюартъ, но задачей пьесы являлось бы только изображеніе извѣстнаго эпизода изъ шотландской исторіи. Между тѣмъ, когда трагедія названа именемъ несчастной королевы и показываетъ въ ней женщину коварную и преступную, то это можетъ вызывать такое впечатлѣніе, какъ будто польскій поэтъ имѣлъ косвенное намѣреніе, если не оправдать, то извинить позднѣйшее преступленіе одной изъ самыхъ несимпатичныхъ героинь исторіи, именно той «дѣвственницы» Елизаветы, которая казнила Марію будто бы за злодѣянія, совершонныя послѣднею. Разумѣется, Словацкій подобнаго намѣренія не имѣлъ, только напрасно далъ имя Маріи Стюартъ той трагедіи, въ которой она является только или одною изъ жертвъ (въ убійствѣ Рицціо), или сообщницей (въ убійствѣ Генриха Дарлиа).

Рицціо уговариваетъ королеву подписать декретъ о казни проповѣдника Нокса и его агентовъ, бунтующихъ народъ; Марія подписываетъ этотъ декретъ, но не рѣшается выставить на немъ, согласно обычаю, имени своего мужа, Генриха Дарлиа, носящаго титулъ короля. Рыцарь Дугласъ, который долженъ снести эту бумагу къ канцлеру Мортону для приложенія печати, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ протестуетъ противъ этого кроваваго акта, причемъ осыпаетъ Рицціо оскорбленіями. Тотъ, отвѣчая, напоминаетъ ему, что Дугласы служили Стюартамъ иногда не только мечомъ, но и кинжаломъ. Отсюда неумолимая месть Дугласа на Рицціо: сперва вызовъ на поединокъ, потомъ, когда королева хочетъ услатъ его въ Италію, убійство Рицціо передъ глазами Маріи, совершаемое Дугласомъ при участіи самого Генриха Дарлиа и Линдсэ. Марія, у Словацкаго, не способна любить, но способна ненавидѣть. Рицціо ей только нравился, она его не любила; такъ ей нравится и пажъ, въ которомъ она видитъ ребенка. Въ моментъ гибели Рицціо она находится въ связи съ Ботвеллешъ, который уже

самъ мечтаетъ о коронѣ и предвидитъ необходимость устранить мужа королевы, Генриха Дарнли.

Но когда Рицціо убитъ съ согласія и при участіи послѣдняго, вся ея месть обращается на Дарнли, и на мысль объ убійствѣ его она сперва намекаетъ Ботвеллю, а потомъ, когда Ботвелль принуждаетъ ее къ тому, открыто высказываетъ. Ботвелль, жестокій по природѣ и которому надругательство надъ отдавшеюся ему женщиной доставляетъ циничское удовольствіе, сперва заставляетъ ее снести Генриху отравленный напитокъ, а, между тѣмъ, подъ загороднымъ домомъ Генриха, по распоряженію Ботвелля, уже заложена пороховая мина, которая должна изгладить слѣды преступленія. Отраву выпилъ шутъ Дарнли, Никъ, завѣдомо жертвующій жизнью, чтобы спасти своего господина; но Ботвелль самъ несетъ огонь въ мину, снявъ для этого, въ присутствіи Маріи, лампаду съ ея домашнего алтаря. Затѣмъ они оба бѣгутъ, чтобы укрыться отъ разъяреннаго народа.

Пьеса очень сценична, ужасы взяты изъ исторіи и только сближены по времени, характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены кратко, но вполне ясно. Грубый рыцарь Дугласъ сперва не хочетъ убійства и даже готовъ защищать Рицціо, котораго вызвалъ на дуэль, а потомъ—въ сценѣ убійства—бросаетъ принесенный кинжалъ и убиваетъ мечомъ, выхваченнымъ у Генриха Дарнли. Двуличный канцлеръ Мортонъ, который одобряетъ убійство, но не желаетъ, чтобы знали о его участіи, циничски-жестокій честолюбецъ Ботвелль, остроумный и трогательный Никъ, шутъ Дарнли, наиболѣе симпатичное лицо въ пьесѣ, наконецъ, пажъ, который доволенъ цвѣткомъ изъ рукъ королевы,—нарисованы твердою рукой. О Ботвеллѣ можно замѣтить развѣ, что на немъ темныхъ красокъ положено съ нѣкоторымъ излишествомъ, въ угоду романтическому вкусу. За то «король» Генрихъ Дарнли и Рицціо представлены не совсѣмъ ясно. Въ первомъ видимъ опредѣленный типъ человѣка малодушнаго, который хочетъ и не хочетъ, потомъ рѣшается и, наконецъ, сожалеетъ, умоляя о прощеніи. Но Дарнли дѣйствуетъ по двумъ побужденіямъ: досады, что въ немъ, все-таки, видятъ только мужа королевы, а не настоящаго короля, и ревности по отношенію къ Рицціо, такъ какъ самъ еще влюбленъ въ жену. Но вотъ это-то и недостаточно выяснено: которое изъ двухъ побужденій въ немъ сильнѣе?

Гораздо полнѣе обрисованъ характеръ самой Маріи. Это—женщина, любящая только себя, свою красоту; она привлекаетъ всѣхъ и живетъ только поклоненіемъ себѣ. Она чрезвычайно нѣжна и набожна. Ерики бунтовщиковъ «раздираютъ ей сердце» неблагодарностью тѣхъ, за кого она только что молилась. Когда Рицціо предлагаетъ ей казнить ихъ, она возражаетъ, что вѣра предписываетъ прощеніе, но вслѣдъ затѣмъ подписываетъ декретъ о казни. Въ сценѣ передъ убійствомъ Рицціо она, правда, угрожаетъ убійцамъ, но, между прочимъ, вставляетъ и такую просьбу: «О, Дугласъ, я, несчастная, унижусь до просьбы... я никогда не видѣла крови! Мнѣ незнакомъ видъ смерти! Пощади меня отъ этихъ кровавыхъ образовъ». Эти слова даютъ ключъ къ характеру Маріи, и въ пьесѣ Словацкаго есть нѣ-

сколько таких стиховъ, которые на минуту освѣщаютъ всю душу наблюдаемаго лица, какъ лампочка въ операционномъ приборѣ хирурга вносить свѣтъ глубоко во внутренности пациента.

Цинически-грубому Ботвеллю такая женщина покоряется со слабымъ только протестомъ. Тяжелѣ всего ей то, что онъ заставляетъ ее прямо выговорить, портретъ ли Генриха долженъ быть уничтоженъ, или же онъ самъ. Ей крайне мучительно не отравить мужа, но самой нести ему отраву и смотреть ему въ глаза. Она не въ силахъ воспрепятствовать Ботвеллю взорвать мину, но ее возмущаетъ то обстоятельство, что онъ для этого беретъ огонь съ ея алтаря. Совѣщъ «по дѣламъ» достаются ей при этомъ отвѣты Ботвелля; они характеризуютъ и его. *Марія*. О, Ботвелль! Вѣдь, это—освященная лампа. *Ботвелль*. Она вернется къ алтарю, хоть и была въ крови. *Марія*. Лампада къ алтарю—въ крови? *Ботвелль*. Напрасная тревога! Вѣдь, послѣ преступленія станешь же ты сама въ молитвѣ предъ лицомъ Бога. И лампада также можетъ послѣ преступленія свѣтиться предъ алтаремъ... *Марія*. О, Боже, что-жь мнѣ дѣлать? *Ботвелль*. Читай молитвенникъ. *Марія*. Совѣщъ темно... *Ботвелль*. Ну, такъ представляй, что читаешь, представляй передъ Богомъ!... Онъ не похвалить, такъ человекъ похвалить... О, Марія, брось страхъ и пустые предразсудки. Если Богъ судить, то Онъ ужъ осудилъ. Успокойся! Лампада, снятая съ алтаря, не прибавитъ тяжести, когда остальное уже взвѣшено». Дирижи въ трагедіи *Марія Стюартъ* совѣщъ нѣтъ; стихи исполнены дѣйствія, которое и идетъ быстро. Вообще, это—то произведение Словацкаго, въ которомъ наиболѣе строго соблюдены размѣры начертаннаго плана.

Рядомъ слѣдуетъ поставить другую трагедію, также строгаго рисунка, но болѣе яркаго колорита, — *Мазепу*. Эта яркость колорита не намѣренная, но зависящая просто отъ того, что здѣсь болѣе колорита мѣстнаго, для передачи котораго всѣ краски имѣются въ распоряженіи автора. Король Янъ-Казимиръ пріѣхалъ въ гости къ одному изъ знатныхъ и сильныхъ польскихъ воеводъ, старику, женатому вторымъ бракомъ на молодой Амелии. Въ свитѣ короля находится пажъ Мазепа, будущій малороссійскій гетманъ, — фактъ, основанный на точномъ историческомъ указаніи. Мазепа представленъ блестящимъ салоннымъ кавалеромъ, въ которомъ вѣтренность пажа, славнаго своими любовными похождениями, соединена съ удалью и съ рыцарскими порывами. Понятіе о чести въ смыслѣ дворянскомъ и обязанность защищать женщину отъ насилія — вотъ представленія, которыя привились этому «козачьему сыну», какъ онъ самъ себя называетъ, въ воспитавшей его шляхетской средѣ. Амелия сразу поражаетъ своею красотой не только пажа, но и короля. Дѣйствіе начинается съ довольно неправдоподобнаго факта: король въ первый же вечеръ, прошептавъ молитвы, выходитъ бродить подъ окнами той части палаца, гдѣ живетъ Амелия, причемъ, чтобы не быть узнаннымъ, беретъ плащъ Мазепы. Но въ домѣ воеводы есть тайна: жена его и сынъ Збигнѣвъ любятъ другъ друга, и хотя не ведутъ любовныхъ разговоровъ, но знаютъ о взаимности чувства.

Збигнѣвъ, которому не понравился придворный фать съ репутаціей сокрушителя женскихъ сердець, встрѣтивъ короля въ паркѣ подъ балкономъ Амеліи и принявъ его за Мазепу, бросается на него съ саблею, но тотъ не защищается и, легко раненый въ руку, уходитъ, оставляя въ умѣ Збигнѣва убѣжденіе, что Мазепа трусъ. Вотъ вѣшняя завязка той драмы, которой глубоке начало положено раньше любовью мачихи и пасынка.

Мазепа, чтобы отклонить подозрѣніе отъ короля, дѣлаетъ себѣ порѣзъ на рукѣ саблею. Но дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ предполагали пажъ и король: воеводѣ донесено, что подъ балкономъ Амеліи найдены слѣды крови и подозрѣніе въ немъ уже возбудилось, когда же онъ замѣчаетъ рану на рукѣ Мазепы, то подозрѣніе переходитъ въ увѣренность, что пажъ дерзнулъ ухаживать за Амеліею. Тогда воевода, въ очень характерной сценѣ, упрасиваетъ короля, чтобы тотъ отослалъ Мазепу изъ замка: «Отошли ты эту золотую куколку, не то, пожалуй, еще разобьется... Если хочешь долѣе имѣть на службѣ твоего дворянина, то отошли его скорѣй; пожалуй, потерится тутъ, какъ мѣшокъ съ деньгами; золото манить, а онъ весь въ золотѣ, какъ бы у тебя его не украли... я за него боюсь». Король отсылаетъ Мазепу съ депешами, а воевода устраиваетъ засаду, въ которой пажа избьютъ палками. Но ранѣе пути Мазепа является на поединокъ со Збигнѣвомъ, который его назваъ трусомъ. Ударъ палаша въ грудь разрубаетъ не только шелковый жупанъ, но и конвертъ, бывший на груди Мазепы, а изъ бумагъ онъ узнаетъ, что король дѣлаетъ распоряженіе о насильственномъ похищеніи Амеліи, предписывая Мазепу держать арестованнымъ впредь до приказанія. Конечно, такая рѣшимость представляется маловѣроятною въ Польшѣ, во времена Вазовъ и, вдобавокъ, при личной малоэнергичности Яна-Казимира. Ягеллоны имѣли не такую власть, какъ Вазы, но и то князья Радзивиллы попросили Сигизмунда-Августа не бывать у нихъ въ домѣ, когда онъ сталъ ухаживать за княгиней Варварой, на которой онъ впоследствии женился.

Но допустимъ, что Янъ-Казимиръ, какъ долго жившій во Франціи, считалъ возможнымъ увести силой жену польскаго магната. Допустимъ также, что и извѣстная его набожность не препятствовала ему учинить такой скандалъ: придворные нравы во Франціи уже въ то время допускали нѣчто похожее, а Янъ-Казимиръ жилъ при французскомъ дворѣ, былъ французскимъ аббатомъ, раньше чѣмъ былъ сдѣланъ кардиналомъ, а потомъ избранъ королемъ.

Мазепа, характеръ несложный, но превосходно очерченный Словацкимъ, уже ранѣе понялъ отношенія между Збигнѣвомъ и Амеліею. Въ поединкѣ онъ выбиваетъ саблю изъ рукъ Збигнѣва, предлагаетъ ему дружбу, говоритъ ему, что есть положенія безнадежныя, изъ которыхъ одинъ выходъ—бѣжать: «есть любовь безъ радостей, безъ надежды, небо безъ звѣздъ и безъ Бога». Збигнѣвъ убѣждается искреннимъ тономъ противника и принимаетъ его дружбу. По прежде Мазепа самъ хочетъ предостеречь Амелію объ угрожающей ей опасности, не выдавъ, однако, короля. Съ обычномъ сво-

ею легкомысленностью, онъ возвращается въ замокъ, внутренняго распо-
ложенія котораго не знаетъ, ищетъ Амелію, путается въ комнатахъ, и, слы-
ша за собой шаги, идетъ все далѣе. Наконецъ, онъ видитъ—спальня Аме-
лія, судя по убранству. А шаги все приближаются, такъ какъ воеводѣ до-
несено, что пажъ вернулся и воевода велѣлъ слѣдить за нимъ. Мазепа
прячется въ альковъ; между тѣмъ, являются уже Збигнѣвъ и Амелія, а
наконецъ и самъ воевода со слугами. Чрезвычайно патетична слѣдующая
сцена, когда воевода говоритъ женѣ, что у нея въ спальнѣ мужчина, и ве-
леть людямъ искать за занавѣсомъ алькова. Сперва Амелія проситъ ей вѣ-
рить на-слово, потомъ Збигнѣвъ съ оружіемъ въ рукахъ не пускаетъ слугъ
въ альковъ. Въ этой сценѣ воевода совершенно выходитъ изъ себя отъ
бѣшенства и забываетъ уже свое магнатство, обращаясь къ женѣ. Нако-
нецъ, заставивъ жену присягнуть на распятіи, но нисколько ей не вѣря,
онъ призываетъ каменщиковъ и тутъ же, передъ занавѣсомъ, ставитъ кир-
пичную стѣну, за которой остался Мазепа, не рѣшившійся выйти, когда
Амелія присягнула, что никого тамъ нѣтъ.

Но такъ какъ Амелія содержится затѣмъ въ заключеніи, а слухъ о воз-
веденной вновь стѣнѣ и о слышанныхъ за ней стонахъ распространяется
по замку, то король, разумѣется, входитъ въ это, подозрѣвая, что воевода
замуровалъ свою жену. Стѣна развалена и Мазепа рассказываетъ, какъ бы-
ло дѣло, опять - таки не выдавая короля, вслѣдствіе чего его рассказъ не
убѣждаетъ ни воеводу, ни даже самого Збигнѣва, который также, думаетъ,
что Амелія обманывала и его отца, и его самого. Дѣло усложняется тѣмъ,
что король хочетъ уѣхать, взявъ съ собой пажа, а воевода отказывается
отпустить Мазепу. Тогда этотъ предлагаетъ, какъ послѣднее средство, судъ
Божій, то-есть поединокъ, на который онъ вызываетъ обвинителя Амеліи.
Збигнѣвъ заступаетъ въ этомъ поединкѣ отца и убиваетъ себя самъ. Ма-
зепу возвращается какъ бы побѣдителемъ, невинность Амеліи доказана су-
домъ Божиимъ или, вѣрнѣе сказать, честь ея восстановлена по понятіямъ
тогдашняго общества.

Но воевода остается убѣжденнымъ въ виновности жены. Короля онъ
отпускаетъ только подъ условіемъ, что Мазепа останется, а притомъ даетъ
слово, что выпуститъ и его живымъ. Но когда Амелія умираетъ отравлен-
ная и старикъ еще глумится надъ нею мертвою, то Мазепа, выведенный
изъ себя, открываетъ ему всю правду: что жена его и сынъ любили другъ
друга, и что Збигнѣвъ убилъ себя самъ. Мазепу, по приказанію воеводы,
привязываютъ на спину бѣшеной лошади и выпускаютъ изъ замка «живымъ»,
а когда Янъ-Казиміръ, взявъ въ ближайшемъ городѣ отрядъ королевскихъ
войскъ, возвращается въ замокъ воеводы, чтобы освободить своего пажа,
то воевода закалывается у него на глазахъ.

Пьеса эта, повторяемъ, вполне сценична, и, за исключеніемъ двухъ-
трехъ натяжекъ, дѣйствіе въ ней правдоподобно, если принять во внима-
ніе тогдашніе польскіе нравы и условія быта. Изступленная ревность маг-
ната-самодура правдоподобна, а противорѣчіе между тономъ формальной по-

корности и неустротимою надменностью въ его обращеніяхъ къ королю вѣрно исторически и превосходно въ литературномъ смыслѣ. Вообще языкъ того времени переданъ вполне свободно, стихомъ, которому привольно въ каждой формѣ, въ которомъ рѣчь какъ бы не слышно, — такъ онѣ приходятъ естественно. Во всемъ нѣтъ никакого фразерства, нѣтъ лишняго слова, а, между тѣмъ, эффектъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, напримѣръ, когда Мазепа поражаетъ воеводу раскрытіемъ правды, чрезвычайно силенъ. Что касается дѣйствующихъ лицъ, то весь интересъ сосредоточенъ на воеводѣ и на Мазепѣ, которые оба очерчены яркими красками и представляютъ собой типы вполне законченные. Амелія—пассивное существо, но женщина съ сильнымъ чувствомъ личнаго достоинства. За то Збигнѣвъ, какъ всѣ мечтатели у Словацкаго, нѣсколько неясенъ и неполнѣ согласенъ съ духомъ времени. Художественно сдѣлана, по характеру и языку, вводная и второстепенная фигура свѣтской варшавской дамы, пожилой, но говорящей только о любовныхъ отношеніяхъ; это въ XVII вѣкѣ уже обращикъ нравовъ XVIII.

Мазепа занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ польской драматической литературѣ. По силѣ дѣйствія, точности рисунка и живости красокъ мы должны поставить его выше *Маріи Стюартъ*, но приведенныя качества принадлежатъ обѣимъ трагедіямъ, а также и отсутствіе лиризма, сжатость формы, рѣдая у Словацкаго трезвость въ выраженіи. Трудно повѣрить, что одинъ поэтъ могъ написать такія противоположныя по духу и формѣ вещи, какъ *Мазепа* и *Марія*—съ одной стороны, *Король Духъ*, *Ангелли* и *Бенѣвскій*—съ другой.

IV.

Кордіанъ составляетъ уже нѣкоторый переходъ отъ трагедіи къ эпосу, отъ точности къ произволу, отъ чистой романтики къ мистицизму. Но, прежде чѣмъ говорить о *Кордіанѣ*, мы должны упомянуть еще о двухъ драматическихъ произведеніяхъ Словацкаго, въ томъ же родѣ, какъ *Марія Стюартъ* и *Мазепа*. Эти трагедіи *Беатриса Ченчи* и *Непреклонный князь*; первая взята изъ исторіи итальянской, вторая, переведенная съ Кальдерона, изъ исторіи португальской.—*Беатриса Ченчи* принадлежитъ къ значительному числу «посмертныхъ» произведеній нашего поэта. Надо признать, что она относится къ тому періоду, когда на Словацкомъ сказывалось уже вліяніе Шекспира. Здѣсь уже, наприм., являются три тѣни, предвѣщающія гибель семейства Ченчи и представляющія собой темную силу, которая наталкиваетъ людей на преступленія. Эти тѣни или этихъ вѣдьмъ весьма удобно можно выгнать изъ пьесы, и тогда она представитъ просто исторію преступной семьи, вставленную въ мрачную картину борьбы партій въ итальянскихъ городахъ въ прежніе вѣка и при началѣ новой исторіи. Тотъ бытъ или, лучше, духъ этого быта превосходно былъ схваченъ и переданъ Шекспиромъ, котораго личное пребываніе въ Италіи не доказано, но который

знать ее по рассказамъ такъ хорошо, что у него встрѣчаются вѣрныя подробности даже о вѣншей сторонѣ итальянскаго города.

Словацкій самъ жилъ въ томъ Римѣ, гдѣ у него здѣсь происходитъ дѣйствіе, и вполне понялъ то прошлое, о которомъ доселѣ все говорить въ старыхъ итальянскихъ городахъ, этихъ старѣйшихъ городахъ Европы въ смыслѣ развитія чувства гражданства, самоуправленія и всѣхъ условій собственно-городскаго быта. Приведемъ здѣсь стихи изъ поэмы Словацкаго *Беннѣвскій*: «Дантъ также, другой эпическій поэтъ, сказалъ: о, счастливъ, счастливъ, кто никогда въ жизни не вышелъ за черту, въ которой ему слышенъ меланхолическій звонъ съ башенъ роднаго города»... Дантъ при этомъ вздыхалъ по своей родной Флоренціи, принужденный укрываться въ Веронѣ: та же Италия, но не тѣ улицы, не тотъ звонъ, не та родина.

Вотъ эта-та сторона особаго старинно-городскаго духа, яркій колоритъ средневѣковаго итальянскаго города имѣетъ такое значеніе въ *Беатрисѣ Ченчи*, что читатель не одѣнитъ ея достаточно, даже если самъ бывалъ въ Римѣ, потому что въ современномъ Римѣ средневѣковый городъ выступаетъ уже не такъ рѣзко; лучшее понятіе объ этомъ можетъ дать, наприм., Верона, которая у Шекспира является дважды.

Мать, дочь и сынъ убиваютъ отца, посягавшаго на дочь; они выносятъ трупъ на площадь и надѣются, что убійство на улицѣ, столь частое въ то время, будетъ отнесено къ борьбѣ между партіями князей Орсини и Колонна. Но преступленіе открывается вслѣдствіе доноса одного изъ участниковъ, пріятели семьи Ченчи, отвергнутаго Беатрисою; Ченчи идутъ на казнь — вотъ вся пьеса: Но психологическая задача въ ней — очертить непреклонный и страстный характеръ римлянки, показать, какъ у преступницы, которой рука не дрогнула убить отца, пробуждается безконечная нѣжность къ юношѣ-живописцу, который защищаетъ ее. Прощальное обращеніе Беатрисы къ Джани и затѣмъ разговоры въ итальянской толпѣ во время казни — вотъ два сильныя мѣста въ *Беатрисѣ*.

Переведенная съ Кальдерона, трагедія *Непреклонный князь* (*El principe costante*) по сюжету также простая: Донъ Фернандъ, португальскій принцъ, добровольно умираетъ въ плѣну у мавровъ въ Африкѣ, среди всякихъ лишеній и мукъ, только потому, что не соглашается, чтобы король выкупилъ его, возвративъ маврамъ взятую португальцами крѣпость Сеуту, какъ того требуютъ мавры. Здѣсь изображенія характеровъ и дѣйствія уже не принадлежатъ Словацкому. Но въ переводѣ является такое мастерство стиха, столько музыки и мѣстами такая сила, что можно, съ закрытыми глазами, усомниться, чтобы подлинникъ *могъ быть выше*.

Мы причисляемъ *Беатрису* и *Непреклоннаго князя* къ первому періоду или, если угодно, къ первой манерѣ драматическаго творчества Словацкаго, потому что въ послѣднихъ двухъ пьесахъ проявляются тѣ же основныя качества — простота языка, опредѣленность рисунка, полное отсутствіе туманности и многословія, въ которыхъ поэтъ впадалъ въ слабѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. Сверхъ того, въ описанныхъ доселѣ трагедіяхъ нѣтъ

говсе и волшебства, которое займетъ важное мѣсто въ послѣдующихъ, если только исключить совѣтъ ненужныя вводныя три тѣни, которыя только портятъ *Беатрису Ченчи*.

Выше мы сказали, что трагедія *Кордіанъ* составляетъ въ драматическомъ творчествѣ Словацкаго какъ бы переходную ступень ко второй его манерѣ, гдѣ меньше правильности и трезвости, больше произвола, а въ конечномъ результатѣ является прямая безформенность и туманность. *Кордіанъ* уже носитъ на себѣ эти черты въ значительной степени. Въ смыслѣ драмы, это—пьеса, которую невозможно поставить на сценѣ не только по причинамъ «цензурнымъ», но и по беспорядочности всего ея склада. Собственно драматическій сюжетъ состоитъ въ томъ, что, по преданію, въ Варшавѣ, во время коронаціи въ 1829 году, былъ заговоръ, направленный къ совершенію преступленія. Русскіе читатели будутъ въ полномъ правѣ, когда скажутъ: если изображается заговоръ, отъ котораго насъ уже отдѣляютъ почти 60 лѣтъ, то пусть намъ представятъ и вызвавшія его причины, а затѣмъ покажутъ, какъ онъ не удался. Въ тѣсномъ смыслѣ, исполненіе этой задачи въ пьесѣ Словацкаго начинается только съ третьяго акта. Два первые совершенно потеряны для дѣйствія.

Сперва идетъ «приготовленіе» къ началу XIX столѣтія, волшебный шабашъ во вкусѣ Шекспира, крайне слабый въ литературномъ отношеніи и, вѣстѣ, крайне тенденціозный: главные дѣятели польской революціи 1830 года здѣсь впередъ осуждены; они выходятъ изъ сатанинскаго котла: Хлопицкій, Нѣмцевичъ, Лелевель, Чарторискій, Круковецкій. Выходятъ изъ котла, по представленію автора, такіе неспособные и ненадежные люди потому, что XIX вѣкъ вообще будетъ лишенъ творческой силы. «Богъ творилъ шесть дней, а въ день седьмой почилъ отъ трудовъ». Десятнадцатый вѣкъ, это такой отказъ отъ творчества или перерывъ въ немъ, какъ седьмой день мірозданія.

Если Хлопицкій, Лелевель и Чарторискій были неспособны, то пусть же намъ поэтъ покажетъ настоящихъ героевъ революціи, которые могли бы взять верхъ, еслибъ ихъ не одолѣла непосильная борьба. Авторъ выводитъ Кордіана. Кто такой этотъ Кордіанъ? Въ прологѣ и двухъ первыхъ актахъ это — мальчикъ, который уже извѣдалъ умомъ всѣ судьбы человѣчества, пришелъ къ байроновскому настроенію и къ простому, нынѣ еще столь популярному въ молодой средѣ, выходу изъ пессимизма — къ самоубійству. Положимъ, къ *Weltschmerz*'у 15-ти лѣтняго Кордіана должно относиться серьезно, чѣмъ къ разнымъ современнымъ аффектаціямъ. Во-первыхъ, Кордіанъ былъ дитя эпохи, которая только что утратила вѣру, въ душѣ которой міръ только что пошатнулся въ самыхъ своихъ общечеловѣческихъ основаніяхъ. Впервые стали подъ знакъ вопроса такія вещи, какъ назначеніе человѣка, цѣна жизни, смыслъ взбаломученнаго моря человѣческаго существованія. Люди того времени, романтики, байронисты, оставались еще слишкомъ непосредственно подъ впечатлѣніемъ того недавняго философскаго факта, что человѣкъ, царь природы, цѣль и послѣднее

слово мірозданія, былъ развѣчанъ и представленъ такимъ, какимъ героя видитъ его камердинеръ.

Это было ново и это казалось ужаснымъ. Войдемъ въ положеніе тѣхъ людей, когда судимъ о нихъ и ихъ произведеніяхъ. Пятнадцатилѣтній Кордіанъ не хочетъ жить; его не забавляетъ сказка слуги о томъ, какъ сапожный подмастерье сдѣлался королевскимъ министромъ потому, что сшилъ для собакъ королевской охоты сапоги, въ которыхъ имъ было очень удобно, въ холода, въ болотахъ. Въ грустномъ, но совершенно пассивномъ раздумьи слушаетъ онъ, какъ тотъ же слуга, служившій у Наполеона въ Египтѣ, рассказываетъ про каменные горы (пирамиды) и про страшныя мученія, чрезъ которыя прошли въ послѣдствіи наполеоновскіе плѣнные изъ поляковъ. Что все это значитъ, когда человѣкъ ничѣмъ не разнится отъ червя? Скорбные, преждевременные порывы Кордіана слушаетъ очень внимательно молодая Лаура; она старше его и хотѣла бы его утѣшить. Нѣтъ, Кордіанъ вянетъ (собственное его выраженіе), Кордіанъ не хочетъ жить. Онъ спускаетъ курокъ пистолета, какъ слѣдуетъ, и конь его приходитъ въ свой станокъ безъ всадника.

И, однаковъ, безъ всякой нужды, мы вдругъ встрѣчаемъ Кордіана въ Джемсъ-паркѣ, въ Лондонѣ. Очевидно, выстрѣлъ былъ неудаченъ, какъ выходило все у этихъ романтическихъ неудачниковъ. Онъ ведетъ разговоръ съ человѣкомъ, который отдаетъ впаймы стулья въ паркѣ. «Вы заплатили цѣлый шиллингъ, какъ лордъ, но лордъ за то беретъ три стула: на одномъ сидитъ, на другой кладетъ ноги, на третій — шляпу». Вотъ недурная, хотя и ненамѣренная аллегорія для людей вродѣ Кордіана: платить деньгами и чѣмъ-либо инымъ они всегда умѣютъ, какъ лорды, но пользоваться правомъ не умѣютъ; за издержанную гинею они не умѣютъ воспользоваться своимъ правомъ и на три пенса. Другая сцена въ Англии же — просто краткій монологъ Кордіана въ Дуврѣ, на берегу моря, — нѣсколько словъ о морѣ и о Шекспирѣ.

Затѣмъ мы видимъ Кордіана въ итальянской виллѣ вдвоємъ съ нѣкою прекрасною Віолеттой. Онъ понялъ, что ея любовь измѣрится деньгами, и вотъ онъ доставляетъ себѣ такое удовольствіе: проситъ повторить увѣренія любви, а потомъ сообщаетъ ей, что онъ разоренъ и, сверхъ того, проигралъ брилліанты, которые подарилъ ей. Любовь Віолетты мгновенно исчезаетъ, но Кордіану стоило сказать, что осталось еще денегъ на четыре пира, послѣ которыхъ онъ застрѣлится, — и Віолетта оказывается снова любящею. Очевидно, Кордіанъ уже пресытился такъ называемыми земными благами и презираетъ ихъ.

Новый, все еще вступительный эпизодъ, это — аудіенція графа Кордіана у папы. Здѣсь впервые Кордіанъ высказываетъ уже скорбь народную, а не общечеловѣческую. Въ сценѣ этой идетъ къ дѣлу только то, что папа не хочетъ знать той скорби, о которой говоритъ Кордіанъ; папа находитъ, что все обстоитъ совершенно благополучно, требуетъ отъ Кордіана полной покорности всѣмъ даннымъ условіямъ и смиренномудрія. Такой отвѣтъ на-

носятъ послѣдній ударъ религіозному чувству, въ которомъ Кордіанъ былъ воспитанъ. Самая же обстановка сцены—верхъ безвкусія. Въ послѣднемъ вступительномъ эпизодѣ мы находимъ Кордіана мечтающимъ на горѣ Монбланъ; здѣсь онъ является уже возродившимся, почерпнувшимъ новую свѣжесть и бодрость въ общеніи съ природой.

Снисходительный читатель можетъ помириться и съ байронизмомъ Кордіана-мальчика, и съ бездѣятельнымъ скитаніемъ за границей Кордіана-юноши, въ поискахъ за успѣхами, которые потомъ оказываются пустыяками и должны были такими оказаться, если это—человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, не заурядный. У поляковъ въ тогдашнемъ пессимизмѣ отзывалась не одна только «мировая скорбь», но и многое иное, болѣе близкое и реальное. Но читатель, все-таки, потребуетъ, чтобы необыкновенность и сила, приписываемыя герою, были доказаны дѣйствіемъ. На все предшествующее уже потрачены два акта, сверхъ пролога.

И вотъ, наконецъ, Кордіанъ въ Варшавѣ; онъ поступилъ въ школу подхорунжихъ (подпрапорщиковъ). Въ подземельи соборнаго костѣла св. Яна собрались заговорщики. Но они разсуждаютъ не о томъ, какъ привести заговоръ въ исполненіе, а о томъ, оправдывается ли нравственно то дѣло, которое они задумали, и согласно ли оно съ духомъ польскаго народа. Президентъ собранія (писатель Нѣмцевичъ) сильно осуждаетъ преступленіе, а молодой подхорунжій выступаетъ со страстною революціонною рѣчью. При сборѣ голосовъ, огромное большинство оказывается на сторонѣ президента. Но Кордіанъ берется дѣйствовать самъ, на свою отвѣтственность. Для этого онъ пользуется днемъ, когда его часть въ караулѣ. Слѣдуетъ изображеніе внутренней борьбы въ немъ между припатыми намѣреніемъ и колебаніями; въ умѣ его возникаютъ разные фантомы, напряженіе нервовъ доводитъ его до полной галлюцинаціи и, наконецъ, до обморока, который отвращаетъ преступленіе, но обнаруживаетъ намѣреніе Кордіана совершить его. Далѣе, мы находимъ его въ больницѣ умалишенныхъ, затѣмъ въ строю на Саксонской площади, гдѣ онъ сперва не хочетъ исполнить приказаніе—перескочить верхомъ черезъ пѣхотную шеренгу, вооруженную штыками, но потомъ дѣлаетъ это, подъ вліяніемъ укоризнъ. Тогда является мощное ходатайство о помилованіи его за такой молодецкій подвигъ. Ходатайство, послѣ невѣроятныхъ усилій, успѣваетъ одержать верхъ, но уже слишкомъ поздно: курьеръ пріѣзжаетъ въ тотъ моментъ, когда судьба Кордіана уже совершилась.}

Несомнѣнно, что нѣкоторыя сцены *Кордіана* производятъ сильное впечатлѣніе. Но это зависитъ болѣе отъ самого предмета. Есть и увлекательныя стихи. Но въ общемъ *Кордіанъ* — въ смыслѣ литературномъ — вовсе не принадлежитъ къ наиболѣе художественнымъ произведеніямъ Словацкаго, не говоря уже о томъ, что эта трагедія представляетъ скорѣе поэму, которой придана драматическая форма.

Вслѣдъ за *Кордіаномъ* мы упомянемъ только вскользь еще о нѣсколькихъ драматическихъ произведеніяхъ поэта, написанныхъ на сюжеты изъ

новѣйшей польской исторіи или жизни, поставленной въ связь съ исторіею. Это *Горитинскій*, *Неисправимыя*, *Ксендзъ Маркъ* и *Серебряный сонъ Са-ломеи*. Первые два представляютъ недоконченные работы тридцатыхъ еще годовъ и изданы уже послѣ смерти автора. Два же послѣднія были напи- саны въ сороковыхъ годахъ. Содержаніе всѣхъ ихъ относится къ періоду раздѣловъ Польши, и всѣ эти вещи довольно слабы въ литературномъ смыс- лѣ. Особенно же въ двухъ послѣднихъ выступаютъ всѣ недостатки Словац- каго, къ тому же, не искупаемые ни отдѣльными красотами, ни даже ма- стерствомъ стиха. Измѣна гетмана Коссаковскаго, популярность ксендза Мар- ка, одного изъ барскихъ конфедератовъ, монаха-воина и почти святаго, воз- станіе, поднятое Ясинскимъ въ Вильнѣ,—вотъ тѣ темы, которыя авторъ хо- тѣлъ разработать въ этихъ вещахъ, но сдѣлалъ это неудачно, давъ пол- ный разгулъ своему лирическому порыву и произволу, пренебрегая требо- ваніями драматической формы и правдоподобности. Найденные въ бумагахъ поэта отрывки другихъ только начатыхъ пьесъ достаточно будетъ пере- числить: *Кракусъ*, *Валленродъ*, *Вальтеръ Стадлонъ*, *Золотой черепъ* и *Янъ-Казиміръ*.

У.

Поэтовъ недаромъ звали пѣвцами. Конечно, и художникъ слова, все-та- ки, писатель, а отъ слова—больше требованія, чѣмъ отъ звука, напи- саннаго на нотной линейкѣ. Съ поэта спросится болѣе, чѣмъ съ живопис- ца и музыканта-композитора. Слово обложено высшею повинностью, чѣмъ звукъ и краска. Оно воплощаетъ идею болѣе опредѣленную, болѣе пове- лительную, руководящую, оно менѣе служить, оно призвано направлять. Если Бетховенъ создалъ намъ чудныя сонаты, которыя даютъ сокровище отголосковъ для всѣхъ настроеній души, то за это ему—вѣнецъ безмер- тія; онъ сослужилъ обществу, человѣчеству всю службу, какой повиненъ музыкантъ. Отъ художника слова, отъ поэта спросится больше. Слово—не звукъ пустой, и покажи намъ, какое примѣненіе ты сдѣлалъ изъ своего дара—владѣть нами. Словацкій могъ бы на это отвѣчать: я былъ поэтомъ гибели народа, я былъ поэтомъ изгнанія, вдохновителемъ жизни; я, быть мо- жетъ, ошибался въ средствахъ, но служилъ своему народу вѣрно, былъ од- нимъ изъ пѣвцовъ въ *Диллаъ Венедъ*: моя арфа утѣшала народъ въ паде- ніи и ворожила ему иную будущность.

Но оставимъ теперь это публицистическое назначеніе, скажемъ точнѣе, несомнѣнную повинность поэта. Онъ, вѣдь, все-таки, художникъ. Не надо забывать этого его существеннаго свойства, не слѣдуетъ преувеличивать требовательности и замыкать его только въ роль составителя передовыхъ статей. И какъ художникъ въ немъ бываетъ обыкновенно сильнѣе «пуб- лициста», несмотря на всякое искреннее веденіе этой послѣдней роли! По- винность можетъ исполняться болѣе или менѣе охотно. Мицкевичъ, Сло- вацкій, Красинскій исполняли ее по самому глубокому внутреннему влече-

нію. Эта повинность была въ нихъ страстью. Однако, художникъ остается художникомъ и надо же ему высказаться и тамъ, гдѣ ему наиболее привольно по природѣ.

Балладина, трагедія полу-фантастическая, — вотъ одна изъ тѣхъ вещей, гдѣ былъ просторъ таланту Словацкаго. Онъ взялъ почти первобытнѣйшій міръ славянъ, на зарѣ христіанства, съ умами, еще полными языческихъ представленій, и помѣстивъ въ этомъ мірѣ вѣчную исторію личнаго честолюбія красивой женщины, не знающаго законовъ выше тѣхъ, которые продиктованы собственною ея красотой. Такіе характеры всегда трагичны. Они являются въ мѣщанской прозѣ разводовъ и имущественныхъ преступленій, вызываемыхъ ненасытностью женщинъ. Нерѣдко, не только въ городѣ, но и въ деревнѣ, такой характеръ становится пружиною настоящей трагедіи, гдѣ дѣйствуютъ ножъ или ядъ. Такова Балладина.

Дѣло происходитъ въ полубаснословное время Попелей. Король Попель III сверженъ съ престола братомъ Попелемъ «Кровавымъ» и живетъ пустынною въ лѣсу, надъ озеромъ Гопломъ. Приѣзжаетъ къ нему рыцарь Киркоръ, владѣлецъ замка, просить совѣта о женитьбѣ: онъ слышалъ похвалы дочерямъ царствующаго короля. Пустынникъ отклоняетъ Киркора отъ этой мысли, сообщая ему о преступленіяхъ кроваваго Попеля, который зарѣзалъ дѣтей брата, свергнувъ его съ престола. Старецъ совѣтуетъ рыцарю жениться на простой, сельской дѣвушкѣ, и въ бесѣдѣ этой открывается, что онъ, пустынникъ, законный король и что, убѣгая изъ Гнѣзна, онъ унесъ свою корону, настоящую корону Леха, вѣнецъ, подаренный однимъ изъ трехъ королей-маговъ, бывшихъ въ Вилеемѣ, который былъ скиѣ. Король, не вѣнчанный короной Леха, не долженъ быть признаваемъ законнымъ повелителемъ. Киркоръ обѣщаетъ послушать совѣта пустытника въ выборѣ невѣсты и, вмѣстѣ, клянется, что возвратитъ ему престолъ.

На обратномъ пути Киркоръ подпадаетъ подъ дѣйствіе волшебной силы. Волшебница озера, Гопляна, влюблена въ Грабца, молодого, гулящаго парня, который самъ любитъ Балладину, дочь вдовы, крестьянки, и имѣетъ свиданія съ этою дѣвушкой, рассчитывающей на такого жениха, за неимѣніемъ другаго. Фея Гопляна, чтобы устранить соперницу, велитъ подвластнымъ шаловливымъ духамъ надломить бревно въ мосту, который долженъ переѣхать карета графа Киркора; Гопляна предвидитъ, что, увидавъ рыцаря, Балладина начнетъ ловить его, а Грабца оставить.

Хата надъ озеромъ; обѣ дочери вдовы — Балладина и Алина — входятъ съ серпами, по окончаніи работы, и начинается короткая лѣтняя посидѣлка. Старушка болтаетъ мечты свои о богатомъ женихѣ для дочекъ, и прежде для Балладины, какъ старшей. Въ этой сценѣ нѣтъ уже ни волшебства, ни геройства, дающихъ нашему поэту поводы пускать въ ходъ всѣ краски своей палитры, всѣ разноцвѣтные огни своего воображенія. Но какъ простая эта сцена хороша, какъ въ ней, въ словахъ, неохотно бросаемыхъ Балладиной, уже обрисовывается эгоизмъ и занятіе только своею красотой; наконецъ, какое искусство стиха, свободного, совершенно какъ проза,

а, между тѣмъ, плывущаго чудеснымъ ритмомъ! «Вотъ мы тутъ жнемъ, а вдругъ изъ бору какой-нибудь корольвичъ... да хоть бы поваренокъ придворный или конюшій, и ко мнѣ: дай одну изъ твоихъ дочерей; государь мой, женись на Балладинѣ. Тебѣ, Алина, также достанется богатый мужъ, но прежде Балладинѣ...» — «Куда ты мой гребень дѣвала, Алина? Что ты тамъ заслушалась, какъ матери снится?» — *Алина*: Знаешь, ей это къ лицу, когда она такъ говоритъ сны свои на-яву и улыбается имъ...» Но, вотъ, стукъ въ двери, входитъ рыцарь и проситъ ночлега. Подвластные Гоплянѣ духи, чтобы усилить впечатлѣніе рыцаря, при видѣ двухъ красавицъ, бросаютъ на нихъ лучи, которые придаютъ чарующіе оттѣнки ихъ лицамъ; воздухъ они наполняютъ таинственною, никому, кромѣ Киркора, не слышною гармоніей.

Онъ влюбляется въ обѣихъ сестеръ и не знаетъ, которую выбрать; рѣшено, что дѣвушки пойдутъ въ лѣсъ по-малину и та, которая вернется прежде, съ полнымъ кувшиномъ, будетъ женой Киркора. Лѣнивая Балладина, менѣе привышная и къ работѣ собиранія плодовъ лѣсныхъ, не знающая хорошо, гдѣ что растетъ, знала впередъ, что проиграетъ въ этомъ состязаніи. Въ лѣсу она встрѣчается Алинѣ съ пустымъ кувшиномъ, но съ ножомъ, и зарѣзываетъ сестру. Вернувшись домой, она рассказываетъ, что Алина убѣжала съ любовникомъ, который у нея былъ.

Это—начало и причина цѣлаго ряда послѣдующихъ преступленій. Балладина вышла за Киркора, но о преступленіи ея узнаютъ Грабецъ, затѣмъ пустынный, наконецъ, рыцарь фонъ Костринъ, управляющій замкомъ Киркора. Разумѣется, всѣ они погибаютъ, причѣмъ Балладина сперва отдается фонъ-Кострину, чтобы сдѣлать его сообщникомъ въ своей дальнѣйшей борьбѣ за власть. И она достигаетъ власти; путемъ преступленій, въ ея руки попадаютъ и корона Леха, и столица Гнѣзно, подъ стѣнами котораго падаетъ ея мужъ, благородный Киркоръ, свергнувшій кроваваго Попеля, но затѣмъ принужденный сражаться противъ части своихъ же войскъ, задаренныхъ и взбунтованныхъ Балладиною.

Развѣ не бываютъ въ жизни подобныя женщины, развѣ не было такихъ женщинъ на престолахъ? Балладина—нравственное чудовище, но поэтъ вовсе не сдѣлалъ ее нечеловѣческимъ олицетвореніемъ одной злобы. Передъ нами живая женщина, которой нервы содрогаются послѣ злодѣяній, но она сама сознаетъ, что каждое изъ нихъ она совершила бы вновь, если бы было нужно. Это—характеръ, сдѣланный изъ одного эгоизма и непреклонной воли, изъ безусловнаго принесенія въ жертву своему интересу и хотя бы одному своему тщеславію — всего остальнаго міра. Нельзя сказать, что у Балладины есть совѣсть, хотя ее и мучаютъ видѣнія: это—нервы, а не совѣсть; отъ ужаса она падаетъ въ обморокъ, но, оправившись, продолжаетъ свое дѣло.

Въ *Балладинѣ* сильно проявляется подражаніе Шекспиру. Такое подражаніе мы раздѣлимъ на два рода. Никакъ нельзя сказать, что фигура самой героини списана съ леди Макбетъ: здѣсь сходство болѣе внѣшнее, въ

приемахъ, чѣмъ внутреннее, психологическое. Балладина несомнѣнно худшая преступница, чѣмъ леди Макбетъ: молодая дѣвушка убиваетъ сестру и изъ крестьянки дѣлается королевой; она прогоняетъ мать, она не останавливается ни передъ прелюбодѣянiемъ, ни передъ возстанiемъ противъ мужа. Сверхъ того, она дѣйствуетъ не черезъ мужа, какъ леди Макбетъ, а непосредственно сама, и постепенно губитъ тѣхъ людей, которые были ея орудiями. Типъ безпощаднаго эгоизма въ стремленiи, такъ сказать, къ «карьерѣ» взять здѣсь шире и анализъ борьбы между силой воли и слабостью нервовъ болѣе развитъ, уже потому, что всѣ прочiя фигуры въ трагедiи Словацкаго—второстепенныя. Но за то въ формахъ, въ приемахъ является мѣстами столь рѣзкое подражанiе Шекспиру, что можно только удивляться наивности поэта, который ужъ никакъ не имѣлъ недостатка въ собственномъ воображенiи. У жены Макбета—пятно крови на рукѣ, у Балладины—на лбу; Макбету является на пиру тѣнь Банно, Балладинѣ—тѣнь сестры, также во время пира. Сцена, въ которой Балладина и ея сообщникъ Костринъ идутъ на башню, чтобы убить Грабца и похитить оказавшуюся у него корону Леха, напоминаетъ оцену убiйства короля въ Макбетѣ; только у Словацкаго вставленъ сильно дѣйствующiй и психологически-вѣрный моментъ, когда Балладина угадываетъ въ глазахъ своего любовника мысль—убить ее самоѣ. Непонятно, для чего Словацкому потребовались упомянутые, прямо-скопированные эффекты, и какъ онъ не отдавалъ себѣ отчета, что они будутъ вредить достоинству столь крѣпко задуманной и съ такимъ мастерствомъ формы исполненной пьесы? Есть что-то дѣтское въ такомъ его увлеченiи тѣмъ или другимъ приемомъ великаго англiйскаго трагика и въ наивномъ убѣжденiи, что такiя заимствованiя позволительны.

Совсѣмъ иное надо сказать о подражанiи въ другомъ родѣ, а именно о томъ влиянiи, какое оказалъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь* на фантастическую сторону, вставленную въ трагедiю *Балладина*. Эта фея Гопляна, влюбленная въ глуповатаго Грабца, и подвластные ей шаловливые духи Хохликъ и Скерка, весь ихъ стихiйный миръ—олицетворенiе силъ природы, уже по самому существу, по духу, созданы Словацкимъ подъ прямымъ влиянiемъ Шекспира. Но здѣсь является подражательность уже совершенно понятная и извинительная. Въ нѣмецкой поэзiи можно указать нѣсколько примѣровъ прямого подражанiя шекспировскому волшебству. Вообще, въ этомъ отношенiи надо признать полную законность разработки другими поэтами цѣлой области, такъ сказать, открытой однимъ великимъ художникомъ. Если бы послѣдующiе писатели не пользовались подобными шагами къ расширенiю искусства, то всемирная литература лишилась бы главнаго средства развитiя.

Притомъ, волшебный этотъ миръ облеченъ у Словацкаго въ такую оригинальную игру красокъ и представленъ такими чудесными стихами, что подобное подражанiе является вполне законнымъ и нисколько не исключаетъ оригинальности творчества, никакъ не уменьшаетъ заслуги самобытнаго богатаго дарованiя, пользующагося новыми путями, какiе пролагаются поэтами мирового значенiя, каковъ Шекспиръ. Прибавимъ, что, въ отношенiи красоты об-

разовъ и музыкальности стиха, Словацкій въ изображеніи этой волшебной стороны выдерживаетъ сравненіе съ кѣмъ угодно, является уже нисколько не ученикомъ, но мастеромъ, который можетъ имѣть только равныхъ.

Въ заключеніе очерка *Баллады* не можемъ не указать на магистральную заключительную сцену—сцену суда, гдѣ Балладина, ставъ королевою, творить судъ, бывшій въ первобытныхъ времена исключительною принадлежностью верховной власти, и гдѣ ей приводится заочно, по нераскрытію виновныхъ, провозносить приговоры на самоё себя, какъ дѣйствительную виновницу тѣхъ злодѣяній, которыя предъявлены передъ судомъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ ея приговоровъ: «злодѣй повиненъ смерти»—ее убиваетъ молнія, и такой конецъ не только эффектенъ, но и правдивъ, такъ какъ имѣтъ человеческого воздаянія, равнаго великости тѣхъ преступленій, которыя раскрываются, но въ которыхъ она остается не уличенною.

Что касается собственно міра волшебнаго, то, вѣдь, и Шекспиръ находится подъ влияніемъ Аріосто. Уличайте поэта въ чемъ хотите, онъ правъ, если создалъ превосходную вещь, въ которой чувствуется на каждомъ шагѣ истинное его личное вдохновеніе, чувствуется, что ему здѣсь привольно, что все сдѣлано имъ по душѣ. Въ этомъ отношеніи можно только согласиться съ тѣми словами посвященія пьесы Красинскому, гдѣ самъ авторъ говоритъ по поводу *Баллады* такимъ образомъ: «Пускай тысячи анахронизмовъ поразятъ почившихъ въ гробѣ историковъ и лѣтописцевъ; но если все это имѣетъ внутреннюю жизненную силу, если оно сложилось въ головѣ поэта по законамъ божескимъ, если его вдохновеніе не было только бредомъ, но послѣдствіемъ той странной силы, которая шепчетъ на ухо слова, никогда имъ прежде не слышанныя, и передъ глазами ставитъ образы, которые ему даже не снились; если поэтический инстинктъ оказался умнѣе разсудка, хотѣвшаго осудить то и другое, то Балладина остается королевою польской». Такъ писалъ поэтъ, вовсе не избалованный успѣхомъ. Напротивъ, въ своихъ письмахъ къ Красинскому Словацкій неоднократно говоритъ, что отъ него только одного онъ слышалъ слова признанія. Да и самый фактъ, что *Балладина*, написанная въ 1834 г., была напечатана только пять лѣтъ спустя (Парижъ, 1839 г.), показываетъ, что въ приведенныхъ словахъ Словацкаго отражалось вовсе не самодурство, создаваемое успѣхомъ, а просто внутреннее сознаніе, довольство написаннымъ произведеніемъ.

Подражаніе легко указать и въ другой трагедіи, которой содержаніе также относится къ доисторической жизни славянства—въ *Лилль Венедь*. Можно признать, что у Шекспира взята шутовская фигура послушника Слаза, которая путается посреди кровавыхъ сценъ и остроумными выходками вносить долю разнообразія въ скорбную картину гибели цѣлаго народа; у Шекспировыхъ вѣдьмъ переняты и вложены въ уста жрицы-пророчицы Розы Венеды тонъ заклинаній и дикіе, рассчитанные на наивнаго слушателя возгласы. Видѣтъ ли еще заимствованіе изъ Шекспира въ королѣ вендовъ Дервидѣ, играющемъ на арфѣ, потомъ ослѣпленномъ и плачущимъ надъ до-

черью? Или въ ѣдой брани, какою взаимно осыпають себя королева мексиканская Гвинеона и вендскій король Дервидъ? Но какое же значеніе имѣютъ подобныя заимствованія, и неужели ужъ въ каждой хотя бы мелкой формѣ, употребленной какииъ-либо авторомъ, видѣть вѣчную его литературную собственность? Въ такомъ смыслѣ развѣ Гёте въ своихъ вѣдмахъ на Лысой горѣ, а Шиллеръ въ разговорахъ въ лагерѣ Валленштейна не подражали Шекспиру? И почему слѣпой король Дервидъ, котораго ведетъ дочь, не взять скорѣе съ Эдипа, чѣмъ съ Лиры? Ловить одного поэта на частностяхъ, которыя находятся у другаго, вещь довольно бесполезная.

Если въ *Балладитѣ*, т. е. собственно въ волшебной ея сторонѣ, несомнѣнно подражаніе Шекспиру, то въ *Лиллѣ Венедѣ* подобныя заимствованія столь незначительны, что ими слѣдуетъ пренебречь, хотя вообще и эта трагедія считается написанной подъ прямымъ влияніемъ Шекспира. Но скорѣе въ ней есть сходства съ греческими трагедіями—въ простотѣ чувствъ и первобытной формѣ ихъ заявленія, затѣмъ—въ введеніи хора. Самъ Словацкій, въ предисловіи, говоритъ, что онъ взялъ форму Эврипидовой трагедіи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выражаются геройство, любовь къ независимости, прорицанія, есть сходство съ тономъ Альфиери, въ чемъ Словацкій также самъ признается въ письмѣ къ Брасинскому, которое служитъ предисловіемъ. И это послѣднее обстоятельство естественно и даже неизбѣжно: Альфиери, какъ и Словацкій, въ несчастіяхъ чужихъ народовъ выражалъ несчастіе своей Италіи; онъ чувствовалъ, какъ Словацкій.

По самой же идеѣ и по основнымъ чертамъ, въ *Лиллѣ Венедѣ* нѣтъ ничего шекспировскаго. Пьеса эта недаромъ посвящена автору *Иридіона*. Здѣсь, какъ и тамъ, изображается гибель народа. Но Словацкій не взялъ для своей картины такого полотна, какъ судьба Рима. На такомъ полотнѣ, въ самой ткани были бы уже готовы очертанія, которыя пришлось бы ввести въ свой рисунокъ. Въ *Маріи Стюартѣ* и *Мазеттѣ* Словацкій доказалъ способность вливать свое творчество въ готовые историческія формы. Но онъ слишкомъ любилъ просторъ, поэтическій произволъ, фантастичность, чтобы не попытаться перешагнуть рамки точной исторіи, не вдаться въ область былины, которая стоитъ на рубежѣ и даже за рубежомъ исторіи. Тамъ ему было свободнѣе. Сверхъ того, по природѣ его дарованія, его манилъ тотъ титаническій, невысказанный эпосъ, который въ исторіи называется переселеніемъ племенъ и за которымъ наступила формація новыхъ европейскихъ народовъ. Эти волны племенъ, ударяющія одна по другой, одна другую поглощающія, причемъ нынѣ исчезаютъ безслѣдно, дѣйствительно грандіозны. И все это волненіе, съ первобытными его причинами, съ его безчисленными коллизіями, остается таинственнымъ. Большія картины à la Баульбахъ—такихъ урагановъ челоѣчества, въ которыхъ одни, почти безформенныя еще племена гнили, а другія выковывались малоткомъ завоевателей въ смоченные, крѣпкіе народы, соблазняли Словацкаго.

И вотъ, ко временамъ того историческаго полумрака относятся три его произведенія: трагедія *Балладина* и *Лилла Венедѣ* и поэма *Король Духъ*,

раздѣленная на нѣсколько распадѣй, оставшаяся недоконченной. Названія этихъ произведеній приведены здѣсь по порядку ихъ появленія. Въ порядкѣ же временъ, къ которымъ относится дѣйствіе, слѣдуетъ поставить первой *Лиллу Венеду*, гдѣ основаніемъ служитъ преданіе о пришествіи Леха, а вторымъ — *Короля Духа*, имѣющаго нѣкоторую символическую связь съ концомъ *Веды* и основанную на преданіи о жестокости перваго Полея и былинѣ о Пястѣ. Наконецъ, рядомъ или, лучше сказать, сбоку надо поставить *Балладину*, которая отнесена ко времени Пепеля III. Всѣ эти три вещи очень различны и по духу, и по обработкѣ. Въ *Балладинѣ* преобладаетъ элементъ сказочный и, вмѣстѣ, личный, въ *Лиллѣ Венедѣ* — элементъ реальной народной борьбы, въ *Королѣ Духѣ* (последнемъ произведеніи Словацкаго) — элементъ мистическій, идея народнаго предназначенія, миссія. Прибавимъ, что *Король Духъ* былъ однимъ изъ наиболѣе неудачныхъ предприятий поэта, и ни по поэтической силѣ, ни по обработкѣ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ названными трагедіями. Если же нужно сравнивать эти послѣднія, то можно сказать, что *Балладина* красивѣе, а *Лилла* сильнѣе.

Гибель вендскаго народа изображена въ *Лиллѣ Венедѣ* не только съ силой, но съ большою ясностью и простотой, которыя не всегда встрѣчаются у Словацкаго. Венды — славянской, еще языческой народъ — разбиты немногочисленною, но болѣе стройною дружиной лехитовъ, завоевателей скандинавскаго племени, принявшихъ христіанство, но гораздо худшихъ варваровъ, чѣмъ это первобытное славянское племя, съ леттскою примѣсью, руководимое болѣе гуслярами, чѣмъ военачальниками. Самъ король вендовъ Дервидъ — первый священный пѣвецъ своего народа, одна дочь его, Роза — жрица или вѣшунья, которой извѣстно, что народъ ея уже осужденъ богами. Изъ мѣста о двуголовомъ богатырѣ Лелѣ и Поелѣ авторъ создалъ поэтический образъ двухъ братьевъ, сыновей короля Дервида, связавшихся цѣпью, чтобы сражаться вмѣстѣ, такъ что одинъ носитъ щитъ, а другой — мечъ.

Большая сила, но сила только страданія и самопожертвованія, а не нападенія, не борьбы, превосходно выражена въ королѣ Дервидѣ и въ дочери его Лиллѣ. Ихъ характеры, такъ сказать, выражаютъ собой приговоръ, уже произнесенный богами надъ ихъ народомъ. Твердость и достоинство въ страданіи, готовность погибнуть за свой народъ или вмѣстѣ съ нимъ олицетворены въ королѣ Дервидѣ, который переноситъ всѣ муки, какимъ его подвергаютъ, не только безъ мольбы о жалости и безъ заявленія покорности побѣдителямъ, но и безъ жалобы, не соглашаясь дать врагамъ удовольствіе хотя бы однимъ признаніемъ, что онъ страдалъ, а, наоборотъ, постоянно бросаетъ имъ вызовы. Лилла — одна въ этой семьѣ — христіанка; это вроткое созданіе, которое даже лехитскія дѣвушки назвали разъ «голубкой», проявляетъ большое мужество, чтобы спасти отца, и приноситъ себя въ жертву.

Такимъ фигурамъ противопологаются король Лехъ, полудивный воинъ, истребитель всего, что ему противится, и жена его, исландская королева,

жестокая Гвинона. И нельзя сказать, что всё эти фигуры представляют собой только типы определенных по плану автора свойств. Нѣтъ, это—живыя лица, въ которыхъ встрѣчаются иногда черты даже противоположныя главной. Такъ, Лехъ покорень женѣ, и хотя не робокъ передъ ней, но она всегда беретъ надъ нимъ верхъ. Мучительница, непреклонной воли женщина, Гвинона жалѣетъ разорить гнѣздо ласточки. Мирные венды, съ кроткимъ старцемъ—королемъ своимъ, встаютъ, однако, противъ побѣдителей и дерутся упорно, пока надѣются, что арфа короля призоветъ и возвѣститъ имъ помощь боговъ. Въ самой Лиллѣ—художественное сочетаніе нѣжности и чистоты съ мужествомъ.

Венды разбиты, король ихъ и сыновья его въ плѣну. Свирѣпая Гвинона, взбѣшенная его гордыми отвѣтами, приказываетъ ослѣпить его. Между тѣмъ, Лилла является въ лагерь лехитовъ, чтобы выпросить отцу пощаду. Крещенная святымъ Гвальбертомъ, она приводитъ его съ собой, но ходатайство его не оказываетъ никакого дѣйствія на Гвинону, а въ словахъ Лиллы, уповающей въ помощь Бога на защиту отца, Гвинона видитъ вызовъ себѣ. Она велитъ бросить Дервида въ яму, наполненную змѣями, гдѣ ему грозитъ голодная смерть. Лилла очаровываетъ змѣй, играя на арфѣ, а отца кормитъ водными лиліями, которыя приносятъ ему въ вѣнкахъ на головѣ. Между тѣмъ, въ одной изъ новыхъ стычекъ лехитовъ съ вендами королевичъ первыхъ, сынъ Гвиноны, Лехонъ, убитъ, а она думаетъ, что онъ попалъ въ плѣнъ къ вендамъ.

Тогда Гвинона отпускаетъ короля Дервида и его дочь съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ей сына, но, въ видѣ залога, удерживаетъ золотую арфу короля, обѣщая выдать ее Лиллѣ, когда она явится снова за этимъ залогомъ по освобожденіи Лехона. Отецъ и дочь застаютъ свой народъ въ возстаніи и священная арфа короля необходима, чтобы поддержать вендовъ въ бою. Лилла отправляется за нею, а Гвинона, уже узнавъ о смерти своего сына, задушаетъ дѣвушку. Затѣмъ, когда уже начался бой и народъ громкими криками требуетъ, чтобы король Дервидъ вышелъ въ ряды со своею арфой и воззвалъ къ богамъ священной пѣснью, приносить отъ лехитовъ ящигъ, но въ немъ, вмѣсто арфы, трупъ Лиллы. Венды теряютъ надежду, начинается поголовная рѣзня ихъ; во время грозы молнія зажигаетъ костеръ, на которомъ сложены трупы короля Дервида, Лиллы и убитаго въ битвѣ Лея; Полець, оставшійся въ живыхъ, сгораетъ на томъ же кострѣ.

Вотъ несложная канва всего дѣйствія, идущаго быстро. пазнообразясь эпизодами, необходимыми для развитія характеровъ. Изъ всѣхъ лицъ трагедіи наибольшее впечатлѣніе производитъ сама Лилла Венед. Вообще, это—тишь, прелестный своею безыскусственною поэтичностью, одинъ изъ самыхъ совершенныхъ у Словацкаго. Онъ рассказываетъ, что образъ Лиллы Венеды явился въ его воображеніи, когда, прогуливаясь на лугахъ близъ Виленевъ, въ Женевскомъ кантонѣ, повѣзъ случайно набрелъ на римскій надгробный камень съ надписью: «Юлія Альпинула; здѣсь лежу,

несчастнаго отца несчастная дочь, боговъ авентинскихъ жрица; не смогла выпросить отца отъ смерти; смерть несчастливая была въ его судьбѣ; жила лѣтъ двадцать три». «Какъ тиха и, вмѣстѣ, поразительна ея жалоба на прошедшее!—говоритъ Словацкій.—Этотъ луговой цвѣтокъ я хотѣлъ принести къ намъ, въ Польшу, и несь его бережно, чтобъ онъ не потерялъ ни одного лепестка, не обронилъ росинки».

Между тѣмъ какъ *Балладина* вся блеститъ образами, звучитъ прелестными стихами, въ которыхъ мягкость и гибкость языка проявляются настолько же, какъ и мастерство художника, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ чудесно рифмованныхъ стиховъ,—*Лилла Венеда* гораздо проще и строже по формѣ, и музыки въ ней менѣе уже потому, что она написана бѣлыми стихами. Эта строгость формы еще оттъняется и усиливается такимъ приѣмомъ, что рифмованы стихи въ заглаваніяхъ Розы, въ хорахъ и затѣмъ еще въ мѣстахъ комическихъ, то-есть тамъ, гдѣ на сцену выходятъ св. Гвальбертъ, проповѣдникъ христіанства, и его послушникъ Слазъ. Нельзя не остановиться надъ оригинальною мыслью Словацкаго—представить апостола вѣры среди языческаго народа если не намѣренно забавнымъ лицомъ, то, во всякомъ случаѣ, самымъ обыкновеннымъ, ограниченнымъ средневѣковымъ монахомъ, который и вѣруеть, и говоритъ, не мудрствуя лукаво. Слуга его, Слазъ, похожій на комическія лица Шекспира, напоминающій отчасти Фальстафа, а отчасти и Санчо-Пансу, задаетъ иногда проповѣднику такіе вопросы, которые ставятъ его въ неловкое положеніе.

Мысль эта можетъ не нравиться, эффектъ этотъ можетъ показаться неприятнымъ по инымъ причинамъ, не сценическаго свойства. Но, вообще, несмотря на романтическій характеръ и колоритъ самой пьесы, надо признать въ ней, въ изображеніи лицъ, много реальности, насколько она возможна на отдаленіи тысячелѣтія отъ дѣйствовавшихъ людей. На читателя они дѣйствуютъ какъ живые, онъ признаетъ, что типы эти могли и даже должны были быть такими, какими ихъ представилъ авторъ. Лиризма здѣсь мало, дѣйствіе идетъ быстро, это — весьма реальная драма между истребленіемъ и сопротивленіемъ, между звѣрскимъ геройствомъ убійства и изступленіемъ отпора, воодушевленнаго надеждой на сверхъестественную помощь. И вотъ св. Гвальбертъ,—который не умѣетъ отвѣтить на нѣкоторые вопросы, а только твердитъ о томъ, во что глубоко вѣруеть,—удовлетворяетъ требованію условнаго сценическаго реализма, точно такъ, какъ и король, живущій въ хатѣ, и королева Гвинона, которая собственными руками задушаетъ наиболѣе трогательную жертву всего этого погрома—«голубку» Лиллу Венеду.

Въ общемъ, скажемъ, что если все то, что вызывало упреки въ подражаніи или какія-либо инныя возраженія, выкинуть изъ этой трагедіи, то, все-таки, останется вся ея суть: патетическая и, вмѣстѣ, правдивая картина послѣдняго содроганія первобытнаго народа въ борьбѣ съ варварами-завоевателями, просто и ярко нарисованные типы, наконецъ, прелестный образъ самой героини чистаго самопожертвованія.

VI.

Страннымъ свойствомъ является у Словацкаго пристрастіе къ особаго рода символикѣ, къ искусственнымъ сопоставленіямъ, которыя должны нѣчто прообразовать: Это пристрастіе къ «прообразованіямъ» доходитъ иногда до того, что онъ извлекаетъ ихъ даже изъ простыхъ созвучій словъ, причежь иногда дѣлаетъ натяжки въ самомъ созвучіи. Потребность символики онъ, очевидно, заимствовалъ у Красинскаго, который имѣлъ на него большое вліяніе. Но у Красинскаго символика является въ лицахъ, въ типахъ, и въ нихъ она у него иногда даже затираетъ личныя черты. У Словацкаго же, который, по складу своего ума и свойству таланта, не имѣлъ ничего общаго съ систематичностью Красинскаго, а, между тѣмъ, весь, такъ сказать, горѣлъ порывомъ, образами, яркимъ освѣщеніемъ, у Словацкаго символика представляется ребяческою; «прообразование» выражается то въ какомъ-нибудь неестественномъ сопоставленіи, то въ такомъ созвучіи, что выходитъ просто нѣчто вродѣ каламбура.

Такова, напримѣръ, искусственная связь между *Венедой* и гораздо позднѣйшимъ произведеніемъ—*Король Духъ*. Словацкому «впало въ око», какъ говорится по-польски, имя баснословнаго короля Попеля. *Porid* значитъ пепелъ. И вотъ поэтъ влагаетъ въ уста вѣщуньи Розы Венеды, предвѣщающей близкую судьбу своего народа, такое пророчество: «Я одна останусь жива и полюблю прахъ воителей, и пепелъ этотъ оплодотворитъ меня». Такъ предвѣщано появленіе въ будущемъ короля Попеля, того самаго короля, который безчисленными казнями и безграничною тираніей своей будетъ выковывать, какъ молотомъ, изъ безформеннаго племени вендовъ и горсти пришлыхъ лехитовъ воинственный народъ.

Въ *Лилль Венедъ* это наивное и странное предзнаменованіе содержится въ нѣсколькихъ стихахъ, которые не портятъ жизненной правды всей драмы. Но черезъ восемь лѣтъ (1847 г.) является поэма *Король Духъ*, которая вся почти состоитъ изъ однихъ прообразованій и символики. Имя Попеля этимологически связываетъ ее съ предсказаніемъ Розы Венеды, а дватри стиха прямо указываютъ на эту связь. Подобныя аллегоріи—чистая aberrация у Словацкаго. Можно только пожалѣть, что этотъ настоящій эллинь, поклонникъ красоты и великій ея жрецъ, человекъ исключительно-нервный, который, навѣрное, испытывалъ лихорадку, когда писалъ свои стихи, пламенные, блестящіе, такъ чарующе-мелодичные,—жалъ, повторяемъ, что такой великій мастеръ формы впадалъ иногда въ искушеніе и становился неудачнымъ исторіозофомъ, вмѣсто того, чтобы оставаться въ томъ элементѣ, гдѣ была его сила. Она заключалась въ волшебствѣ слова, котораго онъ былъ положительнымъ магомъ, смѣняя сильный порывъ, величавые образы на народную простоту, на дѣтскость; онъ былъ способенъ совершенно необычайно, мало кому дававшейся музыкой стиха, со всѣми разнообразными ея модуляціями, приводить читателей въ минутный «священный трепетъ», вызываемый очарованіемъ искусства.

Уже въ предисловіи къ *Балладитъ* (1834 г.) Словацкій говоритъ, что эта пьеса—только начало дѣлаго ряда драматическихъ хроникъ вродѣ Аристо, которыя заимствованы изъ народныхъ былинъ и которыхъ будетъ шесть. Мысль эта не оставляла поэта до конца жизни. Но кромѣ *Лилли Венеды*, имѣется только еще одно большое, хотя и не доконченное произведеніе—поэма *Король Духъ*. Сверхъ того, остались отрывки драмъ *Кракусъ* и *Валленродъ*, которые принадлежать къ той же категоріи. Самый *Король Духъ* былъ задуманъ въ гораздо большихъ размѣрахъ. Основная мысль этой пьесы—воплощеніе того же духа въ разныхъ лицахъ, на разныхъ ступеняхъ историческаго развитія. Если одинъ духъ долженъ былъ воплощаться многократно среди одного народа, вліяя на его характеръ и его судьбы, то ясно, что въ народѣ этомъ и предполагается особое провиденціальное предназначеніе, миссія. *Король Духъ* есть послѣднее произведеніе Словацкаго, перешедшаго уже всѣ фазы своего міросозерцанія или, вѣрнѣе сказать, душевнаго настроенія, бросающагося въ мистицизмъ, чтобы вознаградить себя за безотрадную дѣйствительность. Поэтому здѣсь уместно будетъ объяснить тѣ термины, которые обыкновенно употребляются въ характеристикахъ польскихъ писателей послѣреволюціонной эпохи, эпохи изгнанія на Западъ самаго цвѣта интеллигенціи польскаго народа. Термины эти—«предопредѣленіе», особая миссія, порученная народу, товіанизмъ и мессіаниззмъ.

Мысль объ особой миссіи народа первоначально была заимствована у Гегеля и развита въ сочиненіяхъ польскихъ философовъ Цѣшковскаго и Трентовскаго. Понятно, что особою миссіей польскаго народа является при этомъ осуществленіе гуманитарныхъ началъ всечеловѣческой любви и освобожденія. Товіанскій внесъ условіемъ для исполненія этой миссіи глубокую вѣру и жизнь христіанскую, а ближайшимъ къ намъ и величайшимъ воплощеніемъ таинственнаго «духа», провиденціальнымъ орудіемъ, указалъ Наполеона. Какъ ни странна кажется намъ подобная «ассоціація» идей, но, благодаря необычайной какой-то личной силѣ въ самомъ Товіанскомъ, подъ вліяніе его подпали и долго подъ нимъ оставались Мицкевичъ и Словацкій. Наконецъ, «мессіаниззмъ», рассматриваемый отдѣльно отъ общей идеи предопредѣленія, которой онъ былъ одною изъ формъ, это (замыкающаяся и въ теоріи Товіанскаго, и отразившаяся на Мицкевичѣ и Словацкомъ) идея объ «искупленіи» посредствомъ страданій, притомъ, искупленіи не только своихъ народныхъ винъ, но и всего человѣчества.

Идея о миссіи не чужда и русской литературѣ; она проявляется въ ученіи славянофиловъ о призваніи православнаго славянства къ обновленію европейскаго міра и объ особой миссіи русскаго народа среди этого славянства. Нравственное возрожденіе міра ожидается отъ новаго крещенія его по духу, отъ помазанія его мѣромъ присущихъ славянству, и, притомъ, православному славянскому духу—таинствъ любвеобилія, довѣрія, свободы отъ мертвящихъ формъ. И такъ, если польскій мессіаниззмъ былъ чисто-польскимъ, то и славянофильскій также представляетъ направленіе исклю-

чительное, что; впрочем, подразумевается уже в самой идее особого избрания и призвания, возложенных Провидѣніемъ на одинъ народъ или одно племя. У Словацкаго, впрочемъ, можно указать и на нѣкоторые порывы къ идеѣ миссіи всего славянства, а не одной только Польши. О чудесныхъ и глубокихъ тайникахъ общеславянскаго духа упоминается и въ *Королѣ Духъ*. Въ посмертныхъ лирическихъ произведеніяхъ можно указать одно характерное въ этомъ отношеніи мѣсто, гдѣ предвѣщается появленіе и будущее господство «славянскаго папы», папы въ новомъ родѣ, папы—брата народной массы. Онъ народамъ будетъ раздавать любовь, какъ короли раздавали имъ оружіе; онъ осуществитъ братство народовъ,—многихъ народовъ,—освободитъ міръ отъ гніенія, возметъ любовь и спасетъ человечество. Въ этихъ стихахъ мы уже видимъ всѣ обычные славянофильскіе термины: гніеніе и обновленіе, любовь и братство, наконецъ, вѣру именно въ неизвѣданныя, но неисчерпаемыя сокровища народнаго духа.

Между тѣмъ, Словацкій могъ утѣшать, могъ возбуждать свое общество, но только какъ пѣвецъ, а не какъ философъ. Всякое подведеніе поэзии подъ доктрину и дрессировка воображенія въ смыслѣ *quod est demonstrandum* были прямо противны натурѣ Словацкаго. Подобныя задачи портили его творчество, во-первыхъ, тѣмъ, что не согрѣвали его чисто-художественнымъ порывомъ, а, во-вторыхъ, тѣмъ еще, что Словацкій не зналъ мѣры. Это одно изъ характерныхъ его свойствъ. Онъ не понималъ размѣра того шага, который отдѣляетъ смѣлое и величавое отъ чудовищнаго и безвкуснаго. То же свойство, какъ извѣстно, имѣлъ В. Гюго. Подъ вліяніемъ посторонней цѣли, особой «задачи», онъ непремѣнно впадалъ въ дѣланность, спускался до разныхъ «проброзованій» въ созвучіяхъ и невозможныхъ сопоставленіяхъ. Такова по преимуществу поэма «предназначенія»—*Королѣ Духъ*.

Словацкій много работалъ надъ этою поэмой, нѣсколько разъ передѣлывалъ отдѣльныя ея пѣсни, но успѣлъ напечатать только ея начало, а большая ея часть осталась въ несобранномъ видѣ, такъ что издатель посмертныхъ произведеній поэта, д-ръ А. Малецкій, принужденъ былъ самъ выбирать между многочисленными вариантами разныхъ мѣстъ, а нѣкоторые варианты приложилъ въ концѣ, но прибавилъ, что въ рукописяхъ осталось втрое болѣе, чѣмъ напечатано. И въ этомъ неоконченномъ видѣ, какъ она осталась, поэма *Королѣ Духъ*—самая большая изъ всѣхъ написанныхъ Словацкимъ. Если прибавить трудъ, какого ему стоили передѣлки, и то значеніе, какое поэма имѣла въ его глазахъ, то нельзя не пожалѣть о той силѣ и времени, какія потрачены поэтомъ на это произведеніе—туманное, неестественное, во всѣхъ отношеніяхъ «дѣланное» и слабое въ художественномъ смыслѣ. Идея провиденціальнаго предназначенія развивается здѣсь въ олицетвореніяхъ одного духа въ людяхъ судьбы, сильнѣйшихъ двигателяхъ и представителяхъ исторіи народа. Такими здѣсь являются жестокій Попель, Пясть, Мечиславъ и Болеславъ Смѣлый, на которомъ поэма и остановилась. Словацкій въ то время былъ слѣпымъ послѣдователемъ Товіанскаго, этого страннаго фанатика, котораго личная сила на такихъ людей, какъ Словацкій и

Мицкевичъ, не разъяснена достаточно. Къ аллегоричности Словацкій былъ склоненъ и ранѣе, но эта склонность возросла въ немъ подъ влияніемъ Красинскаго и проявилась сильно не въ одною *Король Духъ*, но въ болѣе раннемъ произведеніи—въ поэмѣ прозою *Ангели*, которую Красинскій ставилъ выше всѣхъ его произведеній.

Выше уже замѣчено, что для Словацкаго посторонняя преакумуляція, всякая навѣянная задача,—словомъ, все, не истекавшее изъ собственной его души, оказывалось вреднѣе, чѣмъ для кого-либо, именно потому, что онъ не зналъ мѣры и постоянно былъ готовъ, какъ библейскіе іудеи, впасть въ поклоненіе фальшивымъ богамъ. «Мои страданія и боли сердечныя и непрерывную борьбу съ толпой демоновъ, ихъ свѣтлыя кольчуги и щиты солнечныя, и злобу змѣиную, я расскажу... послушный велѣнью вѣчному, что на меня возлагаетъ нынѣ это бремя, дабы я воспѣлъ дѣла давно минувшія и духовъ священныя святая побѣды». Въ такой-то Тассовской и Аріостовской формѣ начинается «духъ» свое повѣствованіе. О самой формѣ его можно только сказать, что октавы плывутъ одна за другой, мелодичныя, какъ всегда у Словацкаго, легкія, иногда, но рѣдко, освѣщенные проблескомъ истинной поэтической силы. О содержаніи же достаточно и того, что замѣчено выше. Туманность и дѣланность—вотъ главные черты поэмы.

Прибавимъ, что здѣсь непріятно поражаетъ наивная символика Словацкаго. Само собою разумѣется, что земля славянъ есть земля «Слова» и, только вслѣдствіе отступничества отъ духа, «Слово» замѣняется «Славою». Попель есть плодъ пещла героевъ, король Мечиславъ, принявшій христіанство, осуществляетъ задачу, возложенную на него мечомъ и славою (несмотря на то, что въ иномъ мѣстѣ «слава» является измѣной «слову»). Болеславъ названъ этимъ именемъ по такой причинѣ, что Мечиславъ болѣлъ о своей «славѣ», когда долженъ былъ признать себя цесарскимъ ленникомъ въ земляхъ, лежащихъ за Вартою, и т. д. Совершенно непонятно, какъ могъ опускаться до подобнаго безвкусія художникъ, владѣвшій всѣми тайнами красоты. Вотъ какъ вредно дѣйствовали на Словацкаго тѣ уже не внѣшнія грани, но внутреннія пути, которымъ онъ самъ поддавался и въ которыхъ полетъ его мысли или терялся, или дѣлался неестественнымъ. Къ его воспріимчивому и, вмѣстѣ, необузданному воображенію можно примѣнить его же стихъ о сердцѣ:

Miękkie jak wosk, jak wicher szalone

(мягко какъ воскъ и какъ вихрь безумно).

Но само собою разумѣется, что и въ рапсодіяхъ *Короля Духа* есть мѣста, въ которыхъ Словацкій захватываетъ читателя художественностью исполненія, такъ что заставляеть его совершенно забывать на минуту о натянутости и фальши цѣлаго. Такое впечатлѣніе производить, напримѣръ, картины, изображающія страну короля Попеля и его замокъ погруженными въ магическій сонъ волшебницей Пыхою. Правда, и мысль, и форма заимствованы у Аріосто. Но каждый образъ въ общемъ и до послѣдняго деталя здѣсь очерченъ такъ художественно, а стихъ такъ свободенъ и благозвученъ,

чень, что читатель самъ испытываетъ очарованіе, подобное тому, какое изображено въ картинѣ, забываетъ о чудачествахъ пройденнаго пути и безусловно поддается наслажденію минуты.

Рядомъ съ *Королемъ Духомъ* мы поставили поэму въ прозѣ *Ангели*, написанную, вѣроятно, послѣ знакомства съ Брасинскимъ, быть можетъ, двумя или тремя годами раньше *Короля Духа*, хотя издатель помѣтилъ ее 1835 годомъ. Здѣсь также преобладаютъ мистицизмъ и символизмъ, отъ которыхъ Словацкій былъ свободенъ, когда жилъ въ Женевѣ. *Ангели* имѣеть двойное содержаніе: это, во-первыхъ, плачь поэта надъ страданіями поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь послѣ 1831 года; во-вторыхъ, представленіе этихъ страданій, какъ искупительной жертвы для будущаго. Сосланные поселенцы встрѣчаютъ племя остяковъ, которыхъ шаманъ или царь, знавшій еще ихъ отцовъ (ссылныхъ послѣ барской конфедераціи и раздѣла), оказываетъ имъ помощь. Этотъ шаманъ имѣеть власть дѣлать чудеса, онъ—Моисей своего племени, а пришлымъ изгнанныкамъ онъ хочетъ открыть тайну искупленія ихъ народа. Для этого онъ выбираетъ изъ ихъ среды юношу—Ангелли: «Изберу одного изъ нихъ и возлюблю его какъ сына, а умирая возложу на него бремя мое и еще иное бремя, большее, чѣмъ способны носить другіе, дабы въ немъ было искупленіе. И покажу ему всѣ несчастія этой земли, а потомъ оставлю его одного въ великомъ мракѣ, съ бременемъ мысли и тоски на сердцѣ... Имѣйте надежду, ибо надежда перейдетъ отъ васъ на будущія поколѣнія и оживитъ ихъ; если же въ васъ умретъ, то грядущія поколѣнія будутъ изъ людей мертвыхъ. А то, о чемъ думать будете, исполнится, и велика будетъ на землѣ радость въ тотъ день возстанія изъ гроба».

И вотъ шаманъ раскрылъ передъ Ангелли тайны сибирскихъ могилъ и тогдашнихъ казематовъ, показалъ ему умершихъ отъ голода, сошедшихъ съ ума, избитыхъ, прикованныхъ къ тачкамъ, показалъ ему въ рудникахъ подъ землею «озеро изъ человѣческихъ слезъ». Толпа поселенцевъ, обуреваемая раздорами, убила благодѣтеля своего—шамана; а Ангелли остался одинъ, посвященный имъ въ тайны царства духовъ и будущности. Въ концѣ онъ погибаетъ среди льдовъ, не достигнувъ еще полнаго духовнаго совершенства, и потому, когда наступаетъ великое торжество пробужденія и освобожденія всѣхъ народовъ, Ангелли не возвращается къ жизни. Претерпѣнные страданія искупили душу народовъ; но Ангелли не просыпается въ моментъ ихъ общаго воскрешенія отъ мрака и принужденной работы. Изъ пламенной зари вылетаетъ бѣлый рыцарь—провозвѣстникъ торжества свободы: «Воскресаютъ народы! у кого есть душа, пусть оживетъ, пусть встанетъ! ибо настало время для людей сильныхъ»... Но когда рыцарь пролетаетъ надъ могилой Ангелли, то ангелъ Элоэ, сидящій при ней, говоритъ: «Рыцарь, не буди его, онъ былъ предназначенъ на жертву, онъ принесъ въ жертву все, даже сердце; лети далѣе, не буди его. И ангелъ обрадовался, что сердце Ангелли не отозвалось на голось рыцаря и что оно уже опочило навсегда».

Прозанческая форма здѣсь взята для простоты и языкъ самый простой, пѣсколько библейскій по своему ритму. Въ поэмѣ этой уже отражаются не только идея о миссиі, но отчасти и товіанистское ученіе о непрерывномъ новомъ нарожденіи и воплощеніи духовъ и объ искупленіи народовъ посредствомъ очистительной жертвы страданія. Уже изъ этого слѣдуетъ, что поэма эта не могла быть написана въ 1835 г. Самой личности Ангелли не надо придавать значенія, потому что символика, прижѣненная къ нему, слишкомъ туманна. Но общая мысль ясна, насколько можетъ быть ясности въ чистѣйшемъ мистицизмѣ. Прибавимъ, что *Ангелли* не только содержаніемъ своимъ долженъ былъ производить самое страстное впечатлѣніе, но даже и своимъ мистицизмомъ приходился по духу людямъ, которые все еще рвали на бой, и, въ полной безнадежности найдти немедленно подъ рукою нѣчто реальное, хватывались за миражи, въ которыхъ имъ видѣлись все та же борьба и та же, хоть далекая, хоть сверхъестественная надежда.

VI.

Наши современники не ставятъ *Ангелли* такъ высоко, какъ его цѣнилъ Красинскій; но, несмотря на свои недостатки, это—несомнѣнно сильная, глубоко прочувствованная вещь и въ такомъ смыслѣ стоитъ внѣ всякаго сравненія съ *Королемъ Духомъ*. Но если туманность въ этихъ произведеніяхъ объясняется тѣмъ мистическимъ настроеніемъ, въ какое впалъ поэтъ, то расплывчатость и невоздержность формы выказались особенно сильно въ двухъ другихъ поэмахъ: въ *Плать Дантишкѣ* (1837 г.) и въ *Бенѣскомъ* (1841 г.). Первая вещь написана была во Флоренціи и будто бы съ нѣкоторымъ подражаніемъ Данту, какъ о томъ говоритъ самъ Словацкій. Между тѣмъ, ничего общаго здѣсь Словацкій съ Дантомъ не имѣетъ, кромѣ того, что Дантишекъ ходитъ по аду и описываетъ видѣнныя тамъ чудовища,—собственно говоря одинъ только родъ чудовищъ—людей жестовихъ. Ни форма стиха не напоминаетъ терцины «великаго гибеллина», ни языкъ—какая-то странная смѣсь юмора со скорбью, производящая неприятное впечатлѣніе. Нигдѣ Словацкій до такой степени не употребилъ во зло свободы лирическаго полета, нигдѣ не пренебрегъ такъ окончательно вкусомъ и даже здравымъ смысломъ.

Бенѣскій—вещь иного рода. Въ этой большой, хотя недоконченной поэмѣ Словацкій теряетъ мѣру собственно въ безконечныхъ отступленіяхъ, въ полной произвольности скачковъ и безформенности общей картины. Положимъ, отступленія лежатъ въ задачѣ, такъ какъ, сверхъ описанія приключеній Бенѣскаго, барскаго конфедерата, и нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ историческихъ фигуръ, вождей той же патриотической конфедерации, авторъ имѣлъ здѣсь еще иную цѣль—отпоръ разнымъ критикамъ, хотѣлъ дать своимъ предполагаемымъ и дѣйствительнымъ недоброжелателямъ почувствовать, что онъ вовсе не робкій, просящій признанія поэтъ, но писатель, сознающій свою силу и способный проявить ее, между прочимъ, и во взмахѣ

сатирическаго бича. За образецъ для такого романа съ отступленіями былъ прямо взятъ *Донъ-Жуанъ* Байрона. Свободный, отчасти фамильярный, отчасти пренебрежительный тонъ, романъ съ разными сатирическими вставками, не относящимися къ предмету,— все это, дѣйствительно, есть и у Байрона.

Но Словацкій сдѣлалъ крупную ошибку въ самомъ замыслѣ. Байронъ могъ нанизывать что угодно на такой неопредѣленной и вымышленной канвѣ, какъ приключеніе сочиненнаго имъ авантюриста. Словацкій же взялъ канву вполнѣ историческую и, притомъ, такую, которая въ памяти людей окружена ореоломъ. Это уже не канва; это готовый рисунокъ, который только требуетъ красокъ и, притомъ, вѣрныхъ красокъ. Барская конфедерація заслуживала исторической поэмы и, разъ взятая Словацкимъ за тему, должна была потребовать отъ него всей силы его таланта, всей страстности его порыва. Она вовсе не годилась, наравнѣ съ *Донъ-Жуаномъ*, какъ нитка для переплета полуфантастическаго романа съ фельетоннымъ отгѣнкомъ. Затѣмъ, Байронъ хотя и впадаетъ въ отступленія, но, все-таки, и вымышленнаго своего Донъ-Жуана уважаетъ настолько, что рассказываетъ его связно, Словацкій же просто какъ бы ищетъ въ послѣднемъ или предпослѣднемъ стихѣ каждой октавы повода для того, чтобы пристегнуть къ нему отступленія, которыхъ рядъ становится, наконецъ, утомительнымъ.

Вывода историческія лица, онъ нисколько не заботится о правдѣ: теряется въ частностяхъ и описаніяхъ, впадаетъ въ совершенно ненужную по сюжету чудесность (какъ въ эпизодѣ Свентины) и т. д. Однимъ словомъ, выражаясь высокимъ слогомъ, здѣсь «Пегасъ» его хотя и не взлетаетъ въ небеса, хотя и пущенъ только въ степь, но съ нимъ именно и происходитъ то, что выше сказано о слишкомъ рѣзвомъ конѣ: онъ подхватываетъ и несется безъ оглядки, заноситъ вбокъ слишкомъ ужъ часто и слишкомъ надолго. Впрочемъ, Словацкій считалъ необузданность какъ бы божественнымъ правомъ поэта, и къ сдѣланному нами сравненію примѣнными стихами изъ самого же *Бенѣвекано*: «Богъ любитъ громкій летъ исполнскихъ птицъ, и необузданныхъ коней онъ не сдерживаетъ».

Стихъ въ *Бенѣвекомъ* необычайно легокъ, онъ именно несется безъ оглядки, чувствуется, что поэту весело въ раздолѣ этой байроновской формы. И есть множество превосходныхъ стиховъ, красивыхъ сравненій, какъ почти вездѣ у этого поэта. Вотъ хоть бы, наприимѣръ, козачья хоругвь идетъ въ степи, плыветъ въ морѣ высокаго бурьяна. «То вдругъ знамя всплываетъ надъ поверхностью моря, какъ латинскій парусъ надъ рыбацкѣй ладьей; то видишь, какъ конь прорѣзаетъ грудью волну травы и изъ травы полувыходитъ, какъ дельфинъ; но всему ему не выплыть на вѣтеръ; такъ конь, выросающій подъ рѣзцомъ скульптора и весь осаженный на задъ въ глыбѣ камня, по грудъ—конь, а по поясъ—гадъ».

Сатира бьетъ во все стороны: и въ критиковъ, и въ иезуитовъ, и въ ханжей, и въ «литовскихъ поэтовъ», и въ аристократовъ, и въ разныхъ дѣятелей революціи 1830—31 годовъ, и въ эмиграцію, и, наконецъ, при-

ходить къ совершенно неожиданному объявленію войны Мицкевичу (безъ его имени) за то, что тотъ ведетъ народъ «кривымъ путемъ». На этомъ останавливается пятая пѣснь, которая была напечатана самимъ авторомъ. Но въ бумагахъ его остались продолженіе и окончаніе всей первой части (13 пѣсень) и неполная 14-я, которою начиналась вторая часть; остались и еще нѣсколько небольшихъ отрывковъ. Въ этомъ посмертномъ продолженіи изображена рѣзня въ Украинѣ, являются гайдамаки, Желѣзнякъ, одинъ изъ Потоцкихъ, — однимъ словомъ, историческая канва здѣсь еще расширяется, и надо замѣтить, что разсказъ становится связнѣе, отступленія короче. Но поэтъ, вѣроятно, потому и оставилъ *Бенѣвскаго* недоконченнымъ, что, продолжая его въ тѣхъ же размѣрахъ, пришлось бы создать нѣчто совсѣмъ громадное.

Въ *Бенѣвскомъ*, какъ уже сказано, Словацкій хотѣлъ показать замалчивавшей его критикѣ и предполагаемымъ врагамъ, что онъ нисколько не ищетъ ихъ покровительства и не нуждается въ немъ, что онъ знаетъ себѣ цѣну и свое вліяніе на умы. Отсюда неизбежная доля драпировки и позирования на пьедесталѣ, которыхъ, впрочемъ, безконечно больше у Байрона, а частица встрѣчается и у Пушкина. Полемическая цѣль въ *Бенѣвскомъ* была достигнута. Злыя выходки произвели большое впечатлѣніе; такъ называемой «толпѣ» всегда нѣсколько импонируетъ самолюбіе; скромность, безоружность писателя и общественнаго дѣятеля рѣдко вибниются ему въ заслугу. Но въ чисто-литературномъ отношеніи, несмотря на множество чудесныхъ стиховъ, на красоту описаній и на боевой пылъ поэмы, мы должны признать *Бенѣвскаго* однимъ изъ слабыхъ произведеній Словацкаго.

Къ той же категоріи мы отнесемъ *Вацлава* (1836 г.) — поэму, которой героемъ является догорающій отступникъ Феликсъ Потоцкій, владѣлецъ Тульчина, одна изъ самыхъ мрачныхъ фигуръ конца XVIII в. Изъ всѣхъ лирическихъ произведеній Словацкаго на первомъ мѣстѣ стоитъ поэма *Въ Швейцаріи*, о которой уже упомянуто выше и съ которою мы не можемъ сколько-нибудь ознакомить русскаго читателя, такъ какъ вся она есть только разнообразное повтореніе слова «люблю», вправляемаго въ чудесные швейцарскіе пейзажи. Нѣчто похожее — въ сонетахъ Петрарки; сходство есть и въ мягкости стиха, въ тонкости сравненій. Но у Петрарки живописная часть гораздо слабѣе, а въ самомъ выраженіи чувства есть нѣсколько монотонная плавность. У Словацкаго же глубокая тоска является болѣе на днѣ души, а самый стихъ болѣе напоминаетъ разнообразные свѣтовые эффекты въ горахъ; порывы вѣтра и шумъ каскадовъ, тѣмъ волшебное, но слишкомъ тихое журчаніе петрарковскаго ручья.

Рядомъ съ этою поэмою, по совершенству формы, мы поставимъ *Отца зачумленныхъ* (1836 г.). Эта небольшая вещь — разсказъ араба, который шелъ съ семьей на верблюдахъ черезъ пустыню, между Египтомъ и Палестиною, и, задержанный въ карантинномъ кордонѣ, потерялъ своихъ дѣтей и жену, поочередно и съ долгими промежутками, умершихъ отъ чумы. Сюжетъ — страданія отца при видѣ приближающейся постепенно къ дѣтямъ

Смерти—взять прямо изъ пѣсни Дагте объ Уголипо; даже первый стихъ описанія похожъ. Только раздѣленіе стиховъ—не на терцины, а на 12-ти строчныя строфы. Но какое совершенно самостоятельное мастерство въ анализѣ, какіе вѣрные переходы чувства! Какъ трагична и, вмѣстѣ, правдоподобна та абберрація чувства, что по смерти дѣтей мужъ и жена ощущали къ себѣ взаимно нѣчто враждебное, «скорбь была похожа на ненависть, и встала глубокая, черная—между нами». Этотъ разсказъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни одного лишняго слова, такъ что если его прочесть вслѣдъ за *Королемъ Духомъ* или *Бенѣвскимъ*, то трудно повѣрить, чтобы то и другое написалъ одинъ человекъ. Только выработка стиха положила на всея одну печать.

Въ своихъ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ: *Гуо*, *Монахъ*, *Янъ Бѣлецкій*, *Арабъ*, *Змья*, которыя были написаны въ 1829 и 1830 г. и появились въ 1832 г., и въ *Ламбро* (1833 г.) Словацкій являлся чистымъ байронистомъ. Самый характеръ и тонъ байроновской романтики слишкомъ извѣстны читателю по нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина, Лермонтова, Козлова, чтобы требовалось болѣе близкаго объясненія. Демоническій характеръ героевъ, презрѣніе къ человѣчеству, мечь, играющая важную роль, краски, взятая преимущественно съ Востока, — все это слишкомъ знакомо.

Изъ названныхъ вещей наиболѣе популярнъ *Янъ Бѣлецкій*. Это—мечь дворянина надъ магнатомъ, который, за недостатокъ покорности, сжегъ ему усадьбу; Бѣлецкій бѣжитъ къ татарамъ, дѣлается мусульманиномъ и приводитъ ихъ на замокъ магната во время маскарада, а самъ гибнетъ подъ проклятіемъ епископа. Въ *Арабъ* проведена оригинальная идея—представить понятіе о злобѣ, о ненависти къ человѣчеству и къ самой природѣ—въ чистомъ, безусловномъ видѣ. Этотъ *Арабъ* есть олицетвореніе начала зла; мысль выражена съ большою силой, наслажденіе страданіемъ, неумолимость выражены ярко. Арабъ встрѣчаетъ въ степи пальму и засынаетъ источникъ, которымъ она живетъ; «пустъ стоитъ безъ листьевъ въ пустынѣ, какимъ я остался на свѣтѣ; пустъ тѣнь увядшей показываетъ часы на пескѣ, какъ тѣнь страданія показываетъ мнѣ годы».

Въ *Монахъ* замыселъ также самостоятеленъ: это арабъ, принявшій христіанство и преслѣдуемый за то страшною ненавистью своихъ единоплеменниковъ. Въ *Ламбро* уже проявляется та растянутасть разсказа и невоздержность мысли, какія встрѣтятся впоследствии въ *Королѣ Духъ* и *Ситъ Саломеи*. Изъ меньшихъ стихотвореній необходимо упомянуть о недоконченной поэмѣ *Путешествіе въ Святую Землю* (1836 г.), въ которой Словацкій имѣлъ случай примѣнить свое богатство красокъ въ описаніяхъ; замѣтимъ, однако, что преобладаетъ здѣсь нота меланхолическая, нѣтъ тѣхъ порывовъ, которые часто уносили поэта слишкомъ далеко, но въ которыхъ отражалась его сила.

Въ большомъ числѣ стихотвореній мелкихъ есть прелестныя вещи, между прочими и такія, въ которыхъ чувство высказывается въ трогатель-

ной простотѣ. Укажемъ въ видѣ примѣровъ на *Разлуку* и на *На память Зосѣ*. «Мы разлучены, но помнимъ другъ о другѣ, между нами летаетъ голубь печали и носить вѣсти. Знаю я, когда, сидя въ саду, ты плачешь, знаю, когда плачешь, запершись въ тихой комнатѣ. Я знаю часъ, когда къ тебѣ подступаетъ волна боли, и разговоръ тотъ знаю, который вызываетъ твою слезу; ты мнѣ видна, какъ звѣздочка, которая вотъ тамъ возгорѣлась, и то роняетъ розовую слезу, то блеснетъ искрою синей... А ты сама навсегда погасла надъ бѣднымъ странникомъ; хотя никогда, никогда намъ не соединиться, и мы побори на минуту замолкнемъ, но вдругъ опять мичемъ другъ друга, какъ два тоскующихъ соловья, зовущіе себя плачемъ». Это стихотвореніе, помѣщенное «надъ озеромъ Леманъ, 1835 г.» очевидно, обращено къ Маріи Водзинской.

Зосѣ—на память. «Не проси у меня, Зосѣ, стиховъ. Когда ты вернешься на родину, то каждый цвѣтокъ скажетъ Зосѣ стихи, каждая звѣздочка споетъ пѣсню. Слушай ихъ, пока не отцвѣлъ цвѣтокъ, пока не упала звѣздочка; они—лучшіе поэты. Звѣзды голубыя, красныя цвѣтки тамъ тебѣ сложатся въ поэму, а я самъ могъ бы сказать только то же, что они, потому что отъ нихъ я научился говорить; тамъ, надъ родною рѣкой, я самъ былъ, какъ теперь Зосѣ—ребенкомъ. Нынѣ я далеко заѣхалъ въ гости, и горькая судьба гонитъ меня все дальше. Привези мнѣ, Зосенька, свѣта отъ тѣхъ звѣздъ, привези запаха тѣхъ цвѣтовъ, мнѣ, право, надо бы помолодѣть немного. Возвратись мнѣ съ родины такою, какъ будто приходишь съ неба». Это—одно изъ позднѣйшихъ стихотвореній; оно написано въ Парижѣ, въ 1844 г., за пять лѣтъ до смерти поэта.

Намъ кажется лишнимъ прибавлять какой-либо выводъ изъ обзора главныхъ произведеній Словацкаго. Мы старались показать, въ чемъ была его сила, каковы слабыя стороны. Мѣсто его въ польской литературѣ, какъ самаго замѣчательнаго поэта послѣ Мицкевича, признано. Сожалѣемъ только, что не могли дать понятія о самой красотѣ стиховъ этого великаго мелодиста въ поэзіи, какъ не могли, по инымъ причинамъ, передать и всей тайны его дѣйствія на сердце его читателей.

Л. Полоцкий.

Семья древняго Рима.

Большинство такъ называемой образованной публики у насъ, да и во всей Европѣ, имѣеть весьма смутное понятіе о семейной и общественной жизни древняго Рима, и не только смутное, но и ошибочное, во многихъ отношеніяхъ совершенно превратное. Со школьной скамьи насъ приучали и приучаютъ изучать только героическую, такъ сказать, сторону античнаго Рима; намъ толкуютъ о военныхъ подвигахъ и доблестяхъ римлянъ времени Республики, сдѣлавшихъ Римъ обладателемъ міра, о высокихъ образцахъ общественныхъ и семейныхъ добродѣтелей, о простотѣ и строгости нравовъ, упадокъ которыхъ почитается чуть ли не главнѣйшею причиною паденія римскаго могущества, о законодательствѣ Рима, ставшемъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ основаны въ большей или меньшей степени всѣ существующіе нынѣ законы европейскихъ государствъ. Сами учителя наши, сами ученые люди не могутъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ предубѣжденій въ пользу древняго Рима и поддерживаютъ вполне искренно невѣрные представленія, вызвавшія и охраняющія преклоненіе передъ античною культурой римлянъ. Даже такіе свѣтлые и критически - настроенные умы, какъ Эрнестъ Ренауъ, не избѣгли общей участи и продолжаютъ увлекаться крѣпко сложившеюся фикціей о чистотѣ античныхъ нравовъ и семейныхъ добродѣтеляхъ римскихъ матронъ. Лишь въ нынѣшнемъ, только что начавшемся, году противъ вѣковыхъ увлеченій такою историческою неправдой выступилъ Поль Лакомбъ своею книгой: *La famille dans la société romaine* *), въ которой очень вѣскою аргументаціей и основательною критикою подрываетъ установившіяся мнѣнія о римскомъ обществѣ и семейномъ въ немъ бытѣ времени величайшаго разцвѣта, могущества и культуры древняго Рима. Ни въ какой области знанія мы никогда не дорожили «насъ возвышающимъ обманомъ», ни, тѣмъ болѣе, обманомъ, «возвышающимъ» чью бы то ни было старину путемъ извращенія исторіи, замѣною былой дѣйствительности какими-то иллюзіями о «золотомъ вѣкѣ», или хотя бы просто «о добромъ старомъ времени». Во всѣ вѣка бывало

*) *Paul Lacombe*: „La famille dans la société romaine. Etude de moralité comparée“. Paris, 1839.—Lecrosnier et Babé, libraires-éditeurs.

не мало людей, склонных восхвалять прошедшее, отдавать ему предпочтение перед настоящим и взывать къ современникамъ о благотворности и необходимости «возврата назадъ», къ тѣмъ временамъ и порядкамъ, когда все было умирительно просто, патриархально и высоко - нравственно. Неудовлетворительность настоящаго всегда представлялась умамъ извѣстнаго склада результатомъ упадка нравственности, расшатанности «основъ»; идеалы такихъ умовъ видѣлись ими назади, въ прошедшемъ, частичное и иногда исключительное возводилось въ общее, неудобное для панегирика старинѣ, просто откидывалось, какъ ненужное и непригодное, въ цѣляхъ обличительныхъ и учительныхъ. Изъ этого выходила и выходитъ такая странность, что, по нѣкоторымъ писаніямъ вполне убѣжденныхъ людей, человѣчество не прогрессируетъ нравственно, а изъ вѣка въ вѣкъ все болѣе и болѣе погрязаетъ въ безднѣ пороковъ, выходитъ, будто умственный ростъ и культурное развитіе не возвышаютъ, а, наоборотъ, унижаютъ нравственность отдѣльныхъ народовъ и всего человѣчества. Поль Лаконбъ въ своей книгѣ пытается возстановить истину относительно привлекательности прошлаго въ смыслѣ нравственномъ и даетъ намъ такія картины этого прошлаго, которыя доказываютъ совершенно обратное тому, что говорили и говорятъ поклонники старины, призывающіе къ возврату вспять, видящіе идеалы въ «доброе старомъ времени», т.-е. тамъ, гдѣ люди этого стараго времени, такіе же почитатели того, что было стариною для нихъ, въ свою очередь видѣли и упадокъ, и развращеніе нравовъ. Если бы какая-нибудь группа людей вздумала послушаться подобныхъ призывовъ и стала бы возвращаться, то, очевидное дѣло, такой группѣ пришлось бы со ступеньки на ступеньку пройти обратно весь путь, сдѣланный человѣчествомъ въ его поступательномъ движеніи къ идеаламъ, манящимъ и влекущимъ его все впередъ. А къ чему бы пришла предполагаемая группа искателей золотаго вѣка въ прошедшемъ, то съ большою ясностью изложилъ въ вышеназванной книгѣ Поль Лаконбъ. Всѣ европейскіе народы въ болѣе или меньшей степени оказываются наследниками древняго Рима. Даже на нашу долю, на долю Россіи, выпала не малая часть этого наследства, дошедшаго до насъ сперва черезъ Византію, а затѣмъ путемъ заимствованія отъ Запада. А потому для насъ, русскихъ, весьма полезно будетъ поближе и повѣрнѣе познакомиться съ бытомъ и правами тѣхъ, отъ кого мы въ порядочной мѣрѣ восприняли нравы, законы, культуру и передъ кѣмъ мы, подъ вліяніемъ классицизма, такъ же слѣпо преклоняемся, какъ то дѣлаютъ западные наши сонаследники.

I.

Первая часть книги Лаконба (около трети) составляетъ какъ бы введеніе къ его изслѣдованію о семьѣ древняго Рима и дѣлится на три главы: 1) эволюція въ брачныхъ отношеніяхъ, приведшая къ моногаміи, 2) эволюція, ведущая къ равенству между супругами, и 3) эволюція, ведущая

къ независимости дѣтей отъ родителей. Въ этой первой части авторъ лишь нарисовалъ, вскользь, касаясь семейныхъ отношеній римлянъ. Всѣ три главы посвящены изложенію той послѣдовательности, той эволюціи, путемъ которой человѣчество переходило отъ состоянія дикаго, близкаго къ животнымъ, къ полудикому, которое донныѣ можно наблюдать у нѣкоторыхъ племенъ Африки, Австраліи и Америки, а затѣмъ—къ культурному, причѣмъ долго и упорно сохранялись остатки прежняго быта подъ вліяніемъ различныхъ условій, благопріятствовавшихъ переживанію такихъ формъ человѣческихъ отношеній, которыя давно исчезли изъ обычаевъ другихъ народовъ. Такое переживаніе древнѣйшихъ формъ брачныхъ и вообще семейныхъ отношеній въ особенности долго держится въ Индіи, Японіи и Китаѣ, несмотря на ихъ многовѣковую культуру. Прежде чѣмъ взаимныя отношенія двухъ половъ сложились въ какія бы то ни было постоянныя виды брака, существовалъ, по мнѣнію автора, такой періодъ въ жизни первобытнаго человѣчества, когда браковъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова не существовало совсѣмъ. Размножалось человѣчество вслѣдствіе случайныхъ встрѣчъ особей обоего пола. Такія отношенія половъ авторъ обозначаетъ словомъ *promiscuité*, которое мы замѣнимъ выраженіемъ: *безразличіе*. Спенсеръ допускаетъ существованіе періода такого безразличія, но критикуетъ Лэббока, полагающаго, будто всѣ человѣческія племена пережили подобные періоды; Латурно, наоборотъ, думаетъ, что безразличіе было только явленіемъ исключительнымъ. Авторъ излагаемой нами книги находитъ, что разногласіе знаменитыхъ социологовъ есть результатъ простаго недоразумѣнія, а не кореннаго несогласія. Лакомбъ убѣжденъ, что отсутствіе опредѣленныхъ формъ брака было общимъ положеніемъ, причѣмъ не отрицаетъ возможности существованія, въ то же время, постоянныхъ брачныхъ союзовъ въ видѣ исключенія, когда между сожителемъ и сожителемъ почему-либо устанавливалась прочная связь. По его мнѣнію, тутъ все дѣло въ томъ, какъ относилось къ вопросу о сожитіи все общество, каковъ былъ общепринятый порядокъ, что почиталось извѣстною человѣческою группою нормальнымъ. И нашъ авторъ приходитъ путемъ логическихъ разсужденій къ такому выводу, что *безразличіе* было общепринятымъ, но не препятствующимъ и прочимъ видамъ сожитія.

Мы не станемъ слѣдить за авторомъ и излагать содержаніе первой части его книги, а ограничимся лишь передачей его конечныхъ выводовъ и положеній. «Въ началѣ, — говоритъ П. Лакомбъ, — необходимо признать существованіе безразличія (*promiscuité*), которое я назову *неограниченною полиандріей*. Изъ этого порядка вещей человѣчество одновременно (по всей вѣроятности) выходитъ двумя различными путями. Изслѣдуя первый, я нахожу, что многомузіе (полиандрія) превращается: 1) въ племенное многомузіе, 2) въ многомузіе кастовое или родовое (кланное), 3) въ многомузіе семейное. На второмъ пути я нахожу такія стадіи: 1) единомузіе съ многоженствомъ (*monogynie polygynique*) или просто многоженство, 2) многоженство конкубинатное, 3) единоеженство (*monogynie*). Намъ остается

опредѣлить ту силу или тѣ силы психическія, которыя вели человечество съ одной стадіи на другую по этимъ двумъ направленіямъ. Эволюція была вызвана отнюдь не нравственнымъ чувствомъ, а равно и не чувствомъ любви. Совершенно наоборотъ, нравственные понятія и чувства олимпатія явились послѣдствіемъ эволюціи; они суть результаты, а не причины. Все произошло подъ вліяніемъ экономическихъ интересовъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же экономическихъ причинъ эволюція въ вышеуказанныхъ двухъ направленіяхъ привела, съ одной стороны, къ главенству въ семьѣ женщины-матери, съ другой — къ патриархату, главенству мужчины-отца.

На обоихъ указанныхъ путяхъ рѣшающее вліяніе въ дѣлѣ эволюціи имѣлъ способъ добычи женъ, въ особенности же важное значеніе имѣлъ онъ въ томъ направленіи, которое привело отъ многоженства къ единобрачію, — важное въ томъ смыслѣ, что единобрачіе есть окончательная форма, въ которую сложились отношенія между двумя полами у народовъ, достигшихъ высшей культуры. Сложились такія отношенія путемъ долгой эволюціи, переживя и переживая многія колебанія до нашихъ дней, такъ какъ единобрачія въ строгомъ смыслѣ слова нигдѣ до сихъ поръ не существуютъ, прежде всего, вслѣдствіе повторительности браковъ овдовѣвшихъ и разведенныхъ супруговъ. Повторительные браки, особливо во второмъ случаѣ и при легкости разводовъ, Лакомбъ называетъ *polygamie successive* — послѣдовательнымъ многоженствомъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Въ эволюціи брака, въ поступательномъ измѣненіи обоюдныхъ отношеній между мужчинами и женщинами, издревле весьма важными факторами были гетеризмъ и проституція дѣвушекъ, какъ прямое слѣдствіе семейнаго рабства. Всѣ первобытныя формы брака, кромѣ полиандрій, носятъ характеръ насиія надъ волею женщины. Мужчины добывали себѣ женъ или покупкою ихъ у семьи, или посредствомъ похищенія, часто захватомъ въ видѣ военной добычи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ женщина становилась рабой купившаго или взявшаго ее съ бою господина и даже болѣе чѣмъ рабой — его собственностью въ томъ же значеніи, какъ домашняя скотина. Родители, продававшіе дочерей въ замужство, очень рано догадались, что для нихъ выгоднѣе не выпускать дѣвушку изъ дому, а пользоваться ею, какъ доходною статьею, до тѣхъ поръ, пока на нее имѣется спросъ. Параллельно съ этимъ сложился и гетеризмъ. Въ томъ и другомъ положеніи явилась необходимость улучшенія женщины-товара (*denrée*, по выраженію Лакомба), возникъ вопросъ о конкуренціи, имѣвшей два послѣдствія огромной важности для женщины. Съ одной стороны потребовались заботы о ея внѣшней красотѣ и объ ея образованіи, сообразномъ вкусамъ мужчинъ-покупателей. Гетеры были первыми образованными женщинами древности. Съ другой стороны явилось и такое соображеніе, что съ лѣтами привлекательность товара умалется и совершенно пропадаетъ, а въ семьѣ остается лишній человѣкъ, котораго надо содержать безъ возможности получить отъ него выгоды. Гетеры припасали себѣ къ старости средства къ жизни и нарядно, соскучившись своимъ ремесломъ, находили себѣ мужей, именно благодаря

тому, что имѣли состояніе. Семьи, получавшія доходъ отъ проституціи дѣвушекъ, стали дѣлать то же, т.-е. часть приобретаемаго дѣвушкой оставляли въ ея пользу. При помощи такихъ сбереженій, дѣвушки въ свое время находили себѣ тоже мужей, по преимуществу, разумѣется, изъ людей бѣдныхъ. Гетеризмъ и семейная проституція, а равно и проституція захваченныхъ на войнѣ или купленныхъ рабынь, привели къ уменьшенію и до нѣкоторой степени къ прекращенію спроса на покупку дѣвицъ въ замужство.

Гетеризмъ и семейная проституція были созданы нуждою и поддерживались общею бѣдностью. Между тѣмъ, началось накопленіе богатствъ, изъ общаго уровня стали выдѣляться люди зажиточные, вліятельные своимъ достаткомъ и гордые имуществомъ и значеніемъ. Въ этомъ классѣ весьма естественно было зародиться стремленію отличиться отъ рядоваго бѣднаго люда всякими внѣшними признаками. Гетеризмъ, какъ мы сказали, былъ послѣдствіемъ бѣдности и, стало быть, однимъ изъ ея признаковъ. Понятно, что для богатыхъ проституція не представлялась такою необходимостью, какою была для неимущихъ, и не давала такихъ выгодъ, которыми нельзя бы было пренебречь ради личной и семейной гордости. А потому въ богатыхъ классахъ гетеризмъ и проституція дѣвушекъ были уничтожены не по сознанию ихъ безнравственности, — въ смыслѣ нравственномъ то и другое было дѣломъ совершенно безразличнымъ или, вѣрнѣе, просто обычнымъ, — а потому они были откинуты, что этимъ самымъ состоятельныя семейства отличались отъ бѣдноты. Въ доказательство правильности своихъ положеній авторъ ссылается на Японію, гдѣ проституція дѣвушекъ была въ общемъ обычаѣ еще въ наше время и до сихъ поръ не исчезла совершенно и гдѣ уничтоженіе ея началось съ высшихъ классовъ. Такимъ образомъ, и въ древности гетеризму былъ нанесенъ первый ударъ накопленіемъ богатствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ задѣтъ былъ и обычай продавать въ жены дѣвушекъ свободныхъ классовъ. Отъ человѣческаго сознанія не могло ускользнуть большое сходство, почти тождество, двухъ способовъ торговли дочерьми. Къ этому слѣдуетъ добавить, что наплывъ рабынь на рынокъ въ еще бѣднѣйшій подрывалъ и гетеризмъ, и проституцію, ставшіе удѣломъ купленныхъ невольницъ, и продажу въ замужство, приравнивавшую свободную дѣвушку къ рабынѣ, купленной на рынкѣ. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что никакой видъ торговли дѣвушками не считался безнравственнымъ, и лишь мало-по-малу, съ выдѣленіемъ изъ общаго уровня богатаго класса, продажа родителями дочерей для проституціи или въ замужство стала почитаться дѣломъ *неприличнымъ*, дѣломъ, такъ сказать, *дурнаго тона*, допустимымъ лишь въ низшихъ классахъ общества.

И такъ, съ одной стороны, уменьшеніе спроса на покупку женъ, съ другой — желаніе состоятельныхъ классовъ выдѣлиться отъ бѣднаго народа были главными причинами уничтоженія обычая покупать женъ и продавать дочерей въ замужство, или извлекать отъ дочерей доходъ, отдавая ихъ проституціи. Отъ этого остается одинъ шагъ къ тому, чтобы оберегать дѣвушекъ до замужства отъ безнравственнаго, по нашимъ понятіямъ, но не по-

читавшагося въ древности ни безнравственнымъ, ни предосудительнымъ, что намъ, опять-таки, доказываютъ еще не исчезнувшіе нравы Японіи. Ни религіи древнихъ, ни обычаи не придавали никакого значенія цѣломудрію незамужнихъ женщинъ. Да и для замужнихъ съ представленіемъ о супружеской вѣрности не соединялось никакого нравственнаго понятія, что доказывается безчисленными фактами продажи жужьями женъ на болѣе или менѣе короткое время и прямая проституція женъ, или религіозная проституція въ Вавилонѣ, напримѣръ. Обязательная вѣрность женъ мужьямъ была ничѣмъ инымъ, какъ логическимъ послѣдствіемъ положенія женщины, купленной или взятой съ бою и представлявшей въ томъ и другомъ случаяхъ собственность мужа, существо, лишенное права располагать собою по своему усмотрѣнію или желанію. Распоряжался ею мужъ, какъ хотѣлъ, какъ находилъ для себя удобнымъ или выгоднымъ. Тамъ, гдѣ дѣвушка—раба семьи, вещь, товаръ, подлежащій всякаго рода торговлѣ, гдѣ жена—собственность мужа, почти ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ рабовъ и даже отъ домашняго скота,—тамъ не можетъ быть и рѣчи о семейныхъ добродѣтеляхъ или о нравственности, тамъ существуютъ только обязанности по отношенію къ домовладыкѣ или, вѣрнѣе, одна обязанность—слѣпо повиноваться его волѣ. Первымъ шагомъ къ выходу женщины изъ такого положенія полного безправія былъ гетеризмъ, а затѣмъ выходъ въ замужество женщинъ, составившихъ себѣ состояніе проституціей. Тутъ впервые можетъ быть употреблено слово *приданое* (*dot*). О томъ, какое громадное вліяніе имѣло приданое на брачныя отношенія, мы будемъ говорить ниже, когда перейдемъ къ римскому обществу. Авторъ, книги, о которой мы ведемъ рѣчь, затрудняется объяснить, какимъ образомъ произошло столь коренное измѣненіе въ дѣлѣ заключенія браковъ, т. е. что и при какихъ обстоятельствахъ побудило родителей, вмѣсто полученія платы за дочерей, давать приплату изъ своихъ достатковъ ради того, чтобы выдать дѣвushку замужъ. На этотъ счетъ Лаконъ высказываетъ только свои догадки, обоснованныя на вышеизложенныхъ нами положеніяхъ. При этомъ онъ еще разъ указываетъ, и совершенно правдоподобно, на то, что первыми давателями приданого были люди богатые, желавшіе отличиться передъ бѣдняками дѣянiami, совершенно невозможными для этихъ послѣднихъ *).

*) Мы думаемъ, что почтенный французскій ученый въ этомъ случаѣ упустилъ изъ вида одно нелишнее значеніе указаніе, а именно: видоизмѣненіе *калимъ* у нѣкоторыхъ татарскихъ племенъ, живущихъ въ Россіи. Первоначально *калимъ* былъ платой родителямъ за покупаемую у нихъ дѣвushку въ жены, и плата эта всецѣло поступала въ пользу родителей, какъ плата за невольницу. Такая торговля дѣвushками сохранилась у нѣкоторыхъ кавказскихъ магометанъ. У татаръ, живущихъ въ Россіи, *калимъ*, или частью, или полностью, поступаетъ въ пользу выходящей замужъ дѣвushки и составляетъ какъ бы ея приданое (вѣрнѣе же — нѣчто въ родѣ *douaire*), дающее ей нѣкоторую независимость въ семьѣ мужа и по отношенію къ самому мужу. При легкости разводовъ у магометанъ, *калимъ*, отданный дѣвushкѣ при замужествѣ, въ значительной мѣрѣ предохраняетъ женщину отъ опасности быть выгнанной мужемъ, такъ какъ при разводѣ *калимъ* полностью возвращается отпущенной жемѣ. Родители-татары даютъ выходящимъ

Проданная родителями въ замужство, а тѣмъ паче захваченная силою женщина, ставши женою покупателя или побѣдителя, теряла всякую связь съ своею родиной и семьей. Съ уничтоженіемъ продажи и, въ особенности, съ введеніемъ обычая давать приданое, жена получила нѣсколько иное значеніе въ домѣ мужа и сохранила связь съ своими родными; связь эта служила ей серьезною опорой противъ произвола мужа и его семьи. При заключеніи браковъ явилась возможность разныхъ договорныхъ соглашеній, въ числѣ которыхъ самымъ существеннымъ было, конечно, обязательство со стороны жениха не брать себѣ другихъ женъ, что повело къ уничтоженію многоженства, но далеко еще не исключало собою конкубината.

Мы въ самыхъ короткихъ и нѣсколько отрывочныхъ чертахъ передали нѣкоторыя положенія первой части книги Лакomba лишь въ той мѣрѣ, въ какой это считали необходимымъ для того, чтобы перейти къ главному занимающему насъ предмету—къ очерку семейнаго быта въ древнемъ Римѣ, къ чему мы и приступимъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Источники, изъ которыхъ изслѣдователи черпаютъ свѣдѣнія о семейномъ бытѣ римлянъ и о нравственности римскихъ женщинъ, такъ разнорѣчивы и даже противурѣчивы, что разобраться въ нихъ и придти къ выводамъ, близкимъ къ истинѣ, представляется дѣломъ крайне труднымъ. Изъ римской литературы, какъ, впрочемъ, изъ всякой другой, можно сдѣлать какіе угодно выводы и всѣ они будутъ поддержаны самыми основательными доказательствами. Тутъ все дѣло въ методѣ изслѣдованія. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были люди добродѣтельные и люди порочные, рядомъ съ образцами высокой нравственности встрѣчались примѣры величайшей безнравственности. Тѣ и другіе оставили свой слѣдъ въ литературѣ. Но изъ этого мы, все-таки, не можемъ сдѣлать общихъ заключеній о нравахъ данной эпохи, тѣмъ болѣе, что одни писатели описывали свое время въ слишкомъ привлекательномъ видѣ, другіе расписывали его мрачными красками Ювенала. Попытка составить себѣ вѣрное представленіе о нравахъ извѣстнаго времени по тому, что въ это время считалось похвальнымъ и что предосудительнымъ, не можетъ привести къ желаемому результату, ибо одно дѣло—восхвалять добродѣтель, другое дѣло—поступать добродѣтельно. Можетъ ли быть что-либо преисполнено болѣе добродѣтельно, чѣмъ писанія, оставленныя намъ Сенекой? Это кодексъ образцовой нравственности, основанной на полномъ самоотреченіи, на высокой доблести, любви къ ближ-

замужъ дочерямъ отъ себя платья, шубы, цѣнными вещи, иногда лошадей и скотъ,—словомъ, настоящее приданое, которое ничуть не исключаетъ собою каллима. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обычай такъ укоренился, что ему вынуждены слѣдовать и бѣдные люди; вся разница состоитъ въ цѣнности приданого, а значеніе каллима, какъ платы за покупаемую жену, совсѣмъ уничтожилось, и каллима превращается въ нѣчто, вполне сходное съ французскимъ *douaire*.

нему и безкорыстїи, доходящемъ до аскетизма. И тотъ же Сенека скончилъ на службѣ у Нерона состояніе въ 200,000 милліоновъ сестерцій, былъ льстецомъ Абасканта, внуха и любимаца Нерона, и не чуждъ участія въ убійствѣ Агриппины. Тацитъ пользовался благорасположеніемъ такого чудовища, какъ Домиціанъ, и самъ говоритъ объ этомъ... Лакомъ рѣшительно возстаеъ противъ способа опредѣленія нравовъ римскаго общества на основаніи памегириковъ добродѣтели и проповѣдей о нравственности. Онъ избираетъ иной путь, по нашему мнѣнію, болѣе надежный и вѣрнѣе ведущій къ истинѣ. Онъ говоритъ:

«Латинская литература изболуетъ точными и ясными свѣдѣніями о политическихъ, домашнихъ и социальныхъ порядкахъ, о занятіяхъ и развлеченіяхъ,—однимъ словомъ, объ условіяхъ, оказывавшихъ вліяніе на данную эпоху»... «Изслѣдуя литературу съ этой стороны, мы находимъ не только обиліе нужныхъ намъ указаній, но и почти абсолютную правдивость свидѣтельствъ и ихъ полную согласность между собою». Въ видѣ примѣра приложенія своего метода, авторъ останавливается на опредѣленіи возраста, въ которомъ обыкновенно выдавали дѣвুষекъ замужъ въ Римѣ. Если ихъ выдавали слишкомъ рано, то, само собою разумѣется, участіе ихъ въ выборѣ мужа было самое ничтожное, а это не могло не оказывать дурнаго вліянія на ихъ послѣдующее поведеніе замужемъ. Относительно брачнаго возраста согласны между собою всѣ свѣдѣнія, начиная съ дошедшихъ до насъ отъ юрисконсультовъ *Дигестъ* до оставленныхъ намъ поэтами. Бромъ того, въ данномъ случаѣ нѣтъ поводовъ заподозривать какую-либо невѣрность, умышенное извращеніе, такъ какъ фактъ передается самъ по себѣ безразличнымъ и о немъ упоминается вскользь, между прочимъ. Предположивши, что такой-то фактъ долженъ вести къ такимъ-то послѣдствіямъ, и, удостовѣрившись въ существованіи взятаго нами основнаго факта, намъ остается только провѣрить источники и въ нихъ найти подтвержденіе тому, что предположеніе наше о его послѣдствіяхъ было правильно. Не окажется такихъ подтвержденій, это будетъ означать, что предположеніе ошибочно. Наоборотъ, подтвердится наша гипотеза какими-либо свидѣтельствами, и мы вправѣ будемъ заключить о правильности нашихъ выводовъ и о достовѣрности свидѣтельствъ, ихъ подтверждающихъ.

Другой примѣръ: надо рѣшить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ полагаться на свидѣтельства Ювенала. Опредѣленное мнѣніе на этотъ счетъ можетъ сложиться только изъ извѣстнаго числа частныхъ сужденій о сообщаемыхъ имъ фактахъ. Вотъ одинъ изъ такихъ фактовъ. Ювеналъ изображаетъ намъ вліяніе на чувственность женщинъ *) пантомимъ, разыгрывавшихся въ театрѣ. Можно ли вѣрить ему, или есть основаніе заподозрить его въ преувеличеніи? Если мы обратимся къ провѣркѣ его показаній другими авторами, то вопросъ останется для насъ, все-таки, неразрѣшеннымъ. Но рассмотримъ, при какихъ обстоятельствахъ происходили изображенные Юве-

*) *Tuccia vesicae non imperat; Appula gannit sicut in amplexu, etc.*: Satira 6, V, 64.

наложъ факты. Обстоятельствъ этихъ Ювеналъ выдумать не могъ, къ тому же, они подтверждены другими писателями. А заключались они въ томъ, что на театрѣ изображалось приключеніе Леды съ лебедемъ, или еще—Венера и Марсъ, застигнутые Вулканомъ и всѣми богами Олимпа, и инія сцены подобнаго же характера. Сцены эти исполнялись съ отличнѣйшею экспрессіей лицами замѣчательной красоты, обладавшими совершеннѣйшими формами, мастерскими и выразительными жестами. При иныхъ условіяхъ ихъ не приняли бы на сцену. Принявши во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы считаемъ достаточно обоснованными нижеслѣдующія наши заключенія: въ данномъ случаѣ Ювенала нельзя заподозрить въ преувеличеніи, переданное имъ, по меньшей мѣрѣ, правдоподобно и значительное число зрителей и зрительницъ должны были получать тѣ именно впечатлѣнія, о которыхъ онъ говоритъ.

Какъ воспользовался авторъ своимъ методомъ для опредѣленія нравовъ и семейнаго быта римлянъ, мы увидимъ ниже.

III.

Всѣ писатели первыхъ вѣковъ нашей эры прославляютъ чистоту нравовъ древняго Рима, т.-е. Рима до войнъ пуническихъ. Тутъ слѣдуетъ обратить вниманіе на два обстоятельства: во-первыхъ, всѣ восхваленія обрываются какъ разъ въ то время, когда появляются документальныя свѣдѣтельства; во-вторыхъ, относительно всего періода, покрытаго мракомъ, восторженные хвалы воздаются и цѣломудрію женщинъ, и патриотизму мужчинъ. Всѣ добродѣтели, всѣ доблести человѣческія представляются въ эти невѣдомыя намъ времена достигающими величайшаго совершенства. Авторъ приводитъ обращеніе того восторженнаго тона, каковымъ Валерій Максимъ говоритъ объ этихъ доисторическихъ временахъ (кн. II, гл. I, 3—5).

Но, — рассуждаетъ Лакомбъ, — какъ Валерій Максимъ, такъ и другіе панегиристы старины повторяютъ только преданія, такъ какъ никакихъ лѣтописей, ни иныхъ писанныхъ документовъ не существовало до второй пунической войны, т.-е. до того времени, когда, по общему признанію, нравы уже измѣнились къ худшему. Слѣдовательно, всѣ эти отзывы суть только отголоски слуховъ. А извѣстно, что у всѣхъ народовъ существуетъ такое повѣрье, будто старина была не въ примѣръ лучше настоящаго. Мы же теперь хорошо знаемъ цѣну подобныхъ мѣній. Другое дѣло, когда имѣются въ наличности документальныя свѣдѣтельства; тогда они подлежатъ рассмотрѣнію и обсужденію.

Мы имѣемъ четырехъ свидѣтелей: Валерія Максима, Діонисія Галикарнасскаго, Плутарха и Авла-Гелла, которые сообщаютъ намъ удивительный фактъ и, притомъ, съ явнымъ намѣреніемъ насъ удивить: въ теченіе, по крайней мѣрѣ, пяти столѣтій въ Римѣ не было ни одного случая развода супруговъ, хотя законами разводъ дозволялся. Первый разводъ состоялся въ 523 году отъ основанія Рима между Спуріемъ Карвилі-

емъ Ругой и его женою. Мужъ клятвенно удостовѣрилъ передъ цензорами, что вступилъ въ бракъ, дабы имѣть дѣтей, а супруга его оказалась безплодною; его друзья, къ совѣту которыхъ онъ обратился, высказались за разводъ. Такимъ образомъ, видно, что названные авторы знаютъ все по этому дѣлу до мельчайшихъ подробностей: имя мужа, поводы, обстоятельства, точное число. Свидѣтельство точное, даже излишне точное, чѣмъ, впрочемъ, отнюдь не увеличивается наше къ нему довѣріе, въ особенности когда мы примемъ въ соображеніе, что тѣ же авторы съ такою же точностью передаютъ намъ о первомъ отцеубійствѣ, совершенномъ въ древнѣмъ Римѣ; мало того, они знаютъ, на примѣръ, еще и о томъ, когда произошла первая ссора между свекровью и невѣсткой, — правда, безъ обозначенія въ точности года. Но дѣло было при Тарквиніи Гордомъ, невѣстку звали Талея, она замужемъ была за Пинаріемъ, свекровь звали Геганіей (см. у Плутарха).

Изъ той же книги Валерія Максима видно, что за сто лѣтъ до знаменитаго развода Карвилія были казнены 172 женщины за отравленіе своихъ мужей. Съ точки зрѣнія добрыхъ нравовъ, — говоритъ Лакомбъ, — было бы предпочтительнѣе втрое большее число разводовъ. Но дѣло въ томъ, что разводы-то, все-таки, по всей вѣроятности, были, иначе трудно было бы объяснить установленіе закона о разводѣ и еще труднѣе допустить существованіе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ закона, не имѣвшаго практическаго примѣненія. Во всякомъ случаѣ, часто или не часто примѣнялся этотъ законъ, или же совсѣмъ не примѣнялся, пользоваться имъ могла только одна сторона. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что римляне, подобно другимъ народамъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ добывали себѣ женъ посредствомъ похищенія и путемъ покупки ихъ у родныхъ. Въ лѣтописяхъ, правда, на это нѣтъ прямыхъ указаній. Но въ данномъ случаѣ ихъ замѣняютъ для насъ указанія сравнительной социологій, и общая исторія восполняетъ собою умолчаніе исторій частной. Съ самаго начала исторіи Рима мы видимъ достовѣрный фактъ, что мужъ имѣетъ неограниченное право надъ женою, а равно и надъ дѣтьми, — право полной собственности. Жена—его служанка, раба, его вещь. Позднѣе юристы придумали особливое выраженіе для обозначенія такого права; по этому выраженію, жена находится *in manu mariti*. Существовалъ или нѣтъ такой юридическій терминъ на зарѣ римской исторіи—это безразлично, такъ какъ самое право, несомнѣнно, существовало. А мы знаемъ, что у грековъ съ одной стороны, у германцевъ—съ другой, да и у всѣхъ народовъ, гдѣ жена находилась *in manu*, какъ въ Римѣ, тамъ она либо была похищена, либо взята на войнѣ, либо куплена у родныхъ. Равнымъ образомъ извѣстно, что жена, взятая съ бою или приобрѣтенная покупкою, вездѣ была настоящею рабыней мужа. Для допущенія, что положеніе женъ въ древнѣмъ Римѣ представляло исключеніе изъ этого общаго закона, требуются очень убѣдительныя доказательства, каковыхъ въ дѣйствительности не имѣется. Напротивъ, все, уцѣлѣвшее отъ первобытныхъ временъ Рима, только подтверждаетъ

вышнприведенный общій законъ. Такъ, напримѣръ, государственные чиновники и общественныя власти не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла супруговъ *). Мужъ распоряжался женою и расправлялся съ нею по своему усмотрѣнію. Онъ вправѣ былъ ее убить за пьянство или за дурное поведение, если таковое доказано или же заподозрѣно. Впослѣдствіи право мужа карать жену смертію подверглось нѣкоторому ограниченію въ томъ смыслѣ, что мужъ обязанъ былъ чинить такой судъ совмѣстно съ своими родными, а потомъ, еще позднѣе, въ этомъ домашнемъ судѣ дано было мѣсто и роднымъ жены.

Возвращаясь къ вопросу о разводѣ, мы обязаны признать, что жена, собственность мужа, лишена была возможности развестись съ супругомъ. Это было бы равносильно допущенію права рабыни освободиться, по своему желанію, отъ своего господина. Такимъ образомъ, вся категорія разводовъ, которые мы увидимъ впослѣдствіи, какъ результатъ свободы женщины, не могла имѣть мѣста въ разсматриваемое нами время, и право развода всецѣло оставалось на сторонѣ только мужа. Преданіе же о единственномъ въ пятьсотъ лѣтъ разводѣ остается для насъ, все-таки, сказкой. Мы готовы допустить, что разводы были тогда очень рѣдки, но полагаемъ, что обстоятельство это отнюдь не служитъ доказательствомъ высоко приподнятаго нравственнаго чувства мужей. По всей вѣроятности, мужъ, удалявшій отъ себя жену, черезъ это самое лишался права на возвратъ заплаченной за нее роднымъ стоимости. Таково общее правило у народовъ, у которыхъ жены покупаются. А римляне долго были бѣдны, и ихъ супружеское постоянство могло обуславливаться экономическимъ расчетомъ. Да и поводовъ къ разводамъ не могло быть особенно много. Предположимъ, что дурнымъ нравомъ или легкостью поведения жена сдѣлалась невыносимою для мужа, тогда онъ единолично, или, для вѣщей формальности, по совѣщаніи съ своими родными, присуждалъ жену къ смерти и совершенно легально ее убивалъ. Этимъ способомъ устраняется въ значительномъ числѣ случаевъ необходимость развода, — правда, разводъ замѣненъ убійствомъ. То, что мы нынче называемъ несходствомъ характеровъ, не могло имѣть въ Римѣ никакого значенія уже по тому, что право развода принадлежало исключительно мужу, и ему же, по закону, по обычаю и по праву сильнаго, принадлежало право давать полную волю своему характеру и подавлять проявленіе характера другой стороны всѣми мѣрами, до убійства включительно.

Остается одинъ поводъ къ разводу — склонность мужа къ женщинамъ. Но въ древнемъ Римѣ для удовлетворенія этой склонности мужу не было никакой надобности разводиться съ женою. Со временъ самыхъ отдаленныхъ, благодаря войнамъ, римляне, даже небогатые, имѣли у себя рабовъ и въ особенности рабынь. Говорить о положеніи молодыхъ рабынь въ Римѣ намъ нѣтъ надобности, когда у всѣхъ еще въ памяти крѣпостное право въ Рос-

*) Подобно тому, какъ у насъ до сихъ поръ суди не вправѣ принимать отъ жены жалобы на оскорбленіе ее мужемъ.

сін и невольничество въ Южныхъ Штатахъ Америки, уничтоженное только въ 1865 г. Рабство въ Римѣ было, конечно, неизмѣримо тяжелѣе грѣпостнаго права. Тамъ и отношенія господъ къ невольницамъ ничѣмъ не наскировалось даже при существованіи въ домѣ законной жены. Признанныя любовницы назывались *pellices* и *concubinae* (наложницами). Вопросъ о конкубинатѣ возбуждалъ не мало ученыхъ споровъ. Чтобы разобраться въ немъ, его слѣдуетъ разсмотрѣть съ двухъ сторонъ: съ точки зрѣнія законовъ и съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія. Въ древнемъ римскомъ законодательствѣ мы не находимъ слѣдовъ какого-либо осужденія женатаго человѣка, имѣющаго одну или нѣсколькихъ наложницъ, и это — по той простой причинѣ, что домовладыка въ Римѣ, какъ супругъ и отецъ, былъ владыкомъ въ полномъ значеніи слова, господиномъ неограниченнымъ. Законодатель не считалъ себя вправѣ касаться его домоправительства. Лакомбъ приводитъ указаніе Авла-Гелла на законъ, относящійся, будто бы, ко времени Нумы Помпиля, изъ котораго видно, что женатые люди держали у себя въ домахъ наложницъ *pellices* *). Даже позднѣе, много позднѣе, мы находимъ доказательства того же порядка вещей. Что же касается общественнаго мнѣнія, то есть много оснований предполагать, что оно не находило въ этомъ ничего ненормальнаго. Лакомбъ указываетъ, между прочимъ, на *Corpus inscriptionum latinarum*, гдѣ въ пятомъ томѣ воспроизведенъ надгробный памятникъ, на которомъ покойникъ, нѣкто Бервоній, изображенъ между своею женою Цинціей и наложницею Циліей. Если бы общественное мнѣніе относилось къ конкубинату такъ, какъ оно относится въ наше время, не могущее, впрочемъ, похвалиться особенною высотой нравственности, то подобный могильный монументъ, конечно, не былъ бы воздвигнутъ.

И такъ, у римлянина были одновременно законная жена и наложницы. Кроме того, въ Римѣ существовали куртизанки. Въ то далекое время это были женщины, содержимыя для проституціи работорговцами и по цѣнѣ доступныя для всякихъ состояній (см. у Плавта). Таковы были границы строгой нравственности римлянъ, и затѣмъ они, разумѣется, уже не посягали на женъ своихъ согражданъ, тѣмъ болѣе, что и сдѣлать это было крайне трудно, такъ какъ каждый держалъ жену въ строгомъ заключеніи дома. Тогдашняя матрона выходила изъ дома не иначе, какъ съ дозволенія мужа и только по известному дѣлу, непременно закутанная покрываломъ (Валерій Максимъ, кн. VI, 3, 10). Мужчины выдались между собою лишь на форумъ и на улицъ, въ домахъ другъ друга не посѣщали, званыхъ обѣдовъ еще не было. Всѣ жили небогато и скромно. Дома были тѣсны, а хозяйки постоянно на виду у дѣтей, домохадцевъ и слугъ. При такихъ условіяхъ, адюльтеры, естественно, были явленіемъ очень рѣдкимъ и возможнымъ лишь въ домашнемъ кругѣ, какъ въ наше время въ Китаѣ, — съ кѣмъ-нибудь изъ родныхъ, съ свекромъ, съ деверемъ, или съ кліентомъ, прикащикомъ, слугою-работъ. Эти послѣдніе были особенно опасными соперниками для мужей.

*) *A. Gellii: „Noctium atticarum“, IV, 3.*

Между ними и ихъ рабами не могло существовать большаго различія въ манерахъ и образованіи; весьма нерѣдко превосходство бывало на сторонѣ раба, воина-пльбника, которому извѣстило боевое счастье. Мужъ почти ежегодно отправлялся въ походы на болѣе или менѣе продолжительное время, и если въ домѣ не было родныхъ, то жена оставалась одна съ рабами въ тѣсномъ домѣ, безъ посторонняго надзора. Какъ бы то ни было, воображаемая простота и строгость нравовъ древнихъ римлянъ сводятся къ нижеслѣдующему: къ совершенному безправію женщины и суровой строгости къ ней, и къ полной свободѣ мужчинъ удовлетворять свои страсти всяческими способами, предоставляемыми въ ихъ распоряженіе тогдашнимъ обществомъ.

Безправіе женщинъ переходило и на дѣтей. Дитя въ рукахъ взрослыхъ представляетъ собою такую же собственность, вещь, какъ и женщина. Убиство новорожденныхъ или еще неродившихся дѣтей практиковалось безъ малѣйшаго стѣсненія такъ же, какъ выкидываніе дѣтей на Велябры *), гдѣ ихъ поѣдали собаки, если не успѣвалъ кто-нибудь подобрать. Хорошо было положеніе матерей! Но и сами матери были такою же собственностью, которую мужъ вправѣ былъ продать или отдать на поддержаніе, какъ мы увидимъ ниже. Дома ее держать въ строгомъ заключеніи; наравнѣ съ рабами, ей запрещено пить вино; за нарушеніе этого правила ее убиваютъ, и общественное мнѣніе одобряетъ такую жестокость. Бѣднякъ, занявшій деньги во дни голода за непомерные проценты и не имѣющій средствъ уплатить долгъ, выдается кредитору, который вправѣ держать его въ заключеніи, заковать въ цѣпи, бить, увѣчить и, наконецъ, продать въ рабство. О положеніи рабовъ и говорить нечего. Пока рабъ молодъ, его изнуряютъ работой и едва веряютъ, состарѣется онъ или занеможетъ, его выбрасываютъ на улицу умирать, какъ собаку. Если такъ поступалъ съ своими рабами Катонъ цензоръ, то, надо полагать, поступало такъ же и большинство его современниковъ. Сверху до низу, во всемъ царилъ безграничный произволъ правящихъ и власть имѣющихъ и полнѣйшее, безошадное безправіе подчиненныхъ, подначальныхъ, кто бы они ни были.

Таковъ былъ древній Римъ съ его прославленною «строгостью и чистотой» античныхъ нравовъ.

IV.

Что вывело женщину изъ этого приниженаго положенія? Единственною причиною измѣненія положенія женщины въ римской семьѣ Лакомъ считаетъ возникновеніе обычая давать приданое дѣвушкамъ, выходящимъ замужъ. Какъ сложился такой обычай, рѣшить съ полною достовѣрностью мы не имѣемъ возможности, по отсутствію въ источникахъ прямыхъ указаній. По всей вѣроятности, не римляне выдумали приданое; они только заимствовали обычай у грековъ. Но этимъ не разъясняется вопросъ о происхожде-

*) Велябры (Velabrum) — болотистая мѣстность по дорогѣ къ Авентину, впоследствии осушенная и застроенная домами.

ним приданого, а только переищдается, и мы можем лишь привести догадки по этому предмету Лакомба. Отчасти мы уже о нихъ говорили выше. Всё онѣ сводятся къ тому, что подъ вліяніемъ наплыва женщинъ-рабынь, куртизанокъ изъ Греціи и работорговцевъ, занимавшихся проституціей молодыхъ невольницъ, число законныхъ браковъ сильно сократилось. «Перестали жениться»,—говоритъ авторъ,—вслѣдствіе легкости и обилія способовъ обходиться безъ законной семьи. Какъ ни мало стѣснительна жена *in manu mariti*, все же она требовала большихъ расходовъ и заботъ, чѣмъ рабыня. Что же касается дѣтей, какъ продолжателей рода и хранителей культа предковъ, то первобытный Римъ не дѣлалъ почти никакого различія между дѣтьми одного отца, рожденными отъ жены и отъ наложницъ; къ тому же, законъ предоставлялъ широкій просторъ усыновленіямъ. Черезъ это отпадалъ важный побудительный поводъ къ заключенію законныхъ браковъ.

Спросъ на дѣвушекъ въ жены прекратился, и этотъ нѣжный, легко утрачивающій цѣну товаръ оставался на рукахъ у родныхъ. По мѣрѣ уменьшенія числа браковъ, стали все чаще и чаще повторяться случаи появленія на свѣтъ дѣтей, рождаемыхъ дѣвками въ родительскихъ домахъ, что, разумѣется, не могло быть пріятнымъ родителямъ, тѣмъ болѣе, что отцами такихъ дѣтей бывали, по большей части, свои же домовые рабы. Съ одной стороны этимъ уязвлялась семейная гордость, съ другой—подрывалась дисциплина, домашняя субординація, которую такъ ревниво охраняли древніе. Люди передовые не могли такъ же относиться безразлично и къ рожденію дѣтей холостяковъ отъ рабынь. Этимъ затрепывалось уже національное чувство, такъ какъ сильная раса побѣдителей утрачивала свою первобытную чистоту и вырождалась, мѣшаясь съ побѣжденными и, слѣдовательно, низшими и презираемыми. Наконецъ, большое значеніе куртизанокъ и проституціи должно было отразиться неблагоприятно на общемъ числѣ рожденій. Ни отцы семействъ, ни законодатели не могли оставаться равнодушными ко всѣмъ этимъ явленіямъ. Единственнымъ средствомъ борьбы противъ разрастающагося зла было введеніе приданого за дочерьми, и приданое было введено. Очевидно, что обычай давать приданое возникъ въ средѣ богатаго класса гражданъ, чѣмъ и обезпечивался за нимъ быстрый и прочный успѣхъ, такъ какъ на поддержку ему явилось одно изъ сильнѣйшихъ чело-вѣческихъ побужденій—тщеславіе. Выдача за дочерью приданого стала такимъ же признакомъ богатства и хорошаго рода, какъ щегольство дорогимъ платьемъ, похвальба хорошимъ домомъ, чѣмъ каждый стремился отличиться передъ сосѣдями.

«Приданое,—говорятъ Помпоній и Павелъ,—есть установленіе общественно-полезное. Оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что люди женятся и что городъ постоянно наполняется гражданами» (*Dig.*, lib. XXIII, t. III, 2, и lib. XXIV, t. III). Есть основаніе думать, что такіа соображенія, высказанныя много позднѣе, вліяли и на самое возникновеніе приданого.

Мы не можемъ опредѣлять съ точностью время возникновенія этого обы-

чая и вынуждены ограничиться гипотезою. По Валерію Максиму, Плутарху, Діонисію и Авлу Геллу, какъ уже сказано, первый разводъ произошелъ въ 523 г. отъ основ. Рима, или около этого времени. Наибольшею точностью отличается Авлъ Геллъ, и, что очень важно, мы знаемъ, откуда онъ почерпнулъ это свидѣніе: отъ юрисконсульта Сервія, современника Цезаря. До 523,—говоритъ Сервій,—не было слышно о поручительствѣ или о сдѣлкахъ относительно приданого. «Въ таковыхъ не было надобности,—добавляетъ онъ,—ибо разводовъ не бывало». Изъ этого можно заключить, что приданое возникло въ началѣ VI в. Рима. Годами пятидесятью позднѣе предполагаемаго года мы находимъ первыя опредѣленные свидѣтельства у Плавта. Онъ неоднократно говоритъ о приданомъ и о женщинахъ, надѣленныхъ приданымъ, и постоянно въ смыслѣ неодобрительномъ. Мужья продаютъ себя за приданое, продаютъ свою супружескую власть, доходятъ до того, что продаются старымъ и безобразнымъ женщинамъ. Получившая приданое женщина становится заносчивымъ тираномъ или удручающе скучнымъ педагогомъ, она вѣчно «лается», — приводимъ подлинное выраженіе. «Не знаю, ошибаюсь ли я,—замѣчаетъ Лакомбъ,—но въ словахъ Плавта мнѣ слышится раздраженіе, какое обыкновенно возбуждаютъ противъ себя новшества, съ которыми насъ еще не успѣли примирить время и привычка».

Введеніе приданого имѣло большой важности послѣдствія, хорошія и дурныя. До тѣхъ поръ, пока мужъ покупалъ жену, онъ имѣлъ непререкаемое право прогнать ее или уступить другому, продать, отдать на подержаніе, уничтожить, не встрѣчая ни съ чьей стороны ни возраженія, ни протеста. По понятіямъ того времени, онъ былъ собственникомъ жены. Такъ же несложны были его отношенія къ женщиной семьѣ: онъ заплатилъ деньги и получилъ товаръ. Никакихъ черезъ эту сдѣлку родственныхъ связей не устанавливалось; женщина переставала даже быть дочерью своихъ родителей, и эти послѣдніе лишены были права и возможности въ какомъ бы то ни было видѣ вмѣшиваться въ дѣла и въ поведеніе зятя. Вначалѣ мужъ *sui juris*, или, когда онъ не былъ самостоятельнымъ, глава семьи могъ распорядиться замужнею женщиной, какъ ему заблагоразсудится. Общественная власть отказывалась принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ женщинами. Власти знали только главу семьи, домовладыку, который и отклонялъ отъ себя отвѣтственность, жестоко карая женщину или предоставляя ее на полную волю потерпѣвшей стороны.

Съ введеніемъ приданого всѣ взаимныя отношенія подверглись коренному измѣненію. Давшій приданое отецъ заявлялъ тотчасъ же претензію на сохраненіе надъ замужнею дочерью своего полного *potestas patria*, родительской власти. Право собственности мужа на жену, *manus mariti*, оказывалось несомвѣстимымъ съ *potestas* и должно было уступить ему мѣсто. Замужняя дочь стала юридически считаться принадлежащею родительской семьѣ, она участвовала въ культѣ родной семьи и въ наслѣдованіи. По отношенію же къ мужу она, наоборотъ, сдѣлалась чужою, пришлою для завѣдыванія хозяйствомъ и для рожденія дѣтей, съ которыми она тоже

не имѣла юридически уже никакой родственной связи. Вѣка пройдутъ, прежде чѣмъ сенатскія опредѣленія (*senatus consultus*) Тертуліана и Орентиана (при Адрианѣ и Маркѣ Аврелии) возстановятъ законную связь между дѣтьми и матерью. Дѣла приняли такое положеніе: при замужствѣ съ приданнымъ мужъ лишался своего *manus*, и *potestas patria* оставалось въ полной силѣ. Безприданница же, безразлично, была ли она куплена, или нѣтъ, всецѣло попадала *in manu mariti*. По мѣрѣ того, какъ обычай давать приданое входилъ въ большое употребленіе, власть мужа ослаблялась и укрѣплялась власть отеческая до тѣхъ поръ, пока первая почти совершенно исчезла.

Давая приданое, родители не только сохраняли свои семейныя права надъ дочерью, но естественно получили возможность вмѣшиваться и въ дѣла ихъ мужей. Отецъ даетъ свои деньги и желаетъ имѣть наблюденіе за ихъ употребленіемъ. Весьма возможно, что вначалѣ разъ выданное приданое уже не возвращалось родителямъ. Но такой порядокъ не могъ продержаться долго. Общественное мнѣніе и судьи были на сторонѣ отцовъ, власть которыхъ почиталась священною, а установленіе приданого признавалось полезнымъ для государства. Отцы начали выговаривать возвратъ приданого при разводахъ. До этого времени право развестись, вѣрнѣе — удалить жену, принадлежало мужу; теперь жены или, правильнѣе, ихъ отцы стали удалять мужей. Закона, устанавлиющаго такое право жены, быть можетъ, не существовало; но никакимъ закономъ это не воспрещалось. Такою неполнотою закона не замедлили воспользоваться въ широкихъ размѣрахъ.

Установленіе приданого оказало рѣшающее вліяніе на конкубинатъ. Женищина, входившая въ домъ мужа не въ качествѣ купленной собственности, а хозяйкой, имѣющею свое отдѣльное состояніе, имѣющею за собою поддержку отца и родной семьи, естественно должна была вооружиться противъ наложничества. Приданое послужило къ установленію полной моногаміи. Правда, такой прогрессъ былъ скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, такъ какъ, за отсутствіемъ признанныхъ наложницъ, въ распоряженіи мужей всегда оставались служанки-невольницы.

До введенія въ обычай приданого, если молодому человѣку не удавалось добыть себѣ жену кражей, похищеніемъ, то отецъ покупалъ ее для сына у какого-нибудь сосѣда, причежь, конечно, не справляясь о вкусахъ сына. Вѣроятно, все дѣло кончалось между родителями обоихъ будущихъ супруговъ, какъ то бывало не такъ еще давно у насъ въ Россіи. Молодые люди часто и въ глаза не видали другъ друга до свадьбы. Введеніе приданого ни въ чемъ не могло измѣнить такого порядка. Браки всецѣло зависѣли отъ воли, вѣрнѣе сказать — отъ произвола родителей, и не только браки, но и разводы, какъ мы увидимъ ниже, и не отъ однихъ только родителей... Но перейдемъ къ примѣрамъ, приводимымъ Лакомбомъ.

Цезарь въ очень раннемъ возрастѣ былъ помолвленъ отцомъ съ Коссудіей, принадлежавшей къ семьѣ простыхъ всадниковъ. Для Юлія это былъ неравный бракъ, *mésalliance*, но Коссудія была богатѣйшею невѣстой. Оче-

видно, сватовство это состоялось вопреки желанію Цезаря, такъ какъ онъ тотчасъ по смерти отца, на шестнадцатомъ году отъ роду, какъ только получилъ полную самостоятельность, отказался отъ Коссудіи и впоследствии женился на Корнелин. Светоній, изъ котораго почерпнуто это свидѣніе, сообщаетъ весьма знаменательный фактъ относительно Корнелин. Бракъ этотъ возбудилъ неудовольствіе диктатора Суллы, смотрѣвшаго опасно на союзъ двухъ вліятельныхъ родовъ. Сулла хотѣлъ заставить Цезаря развестись, присвоивая себѣ право главы семьи, отцовское право. На основаніи такого же права главы, Августъ принудилъ Тиверія развестись съ любимою имъ женою Агриппиною, отъ которой у него былъ уже сынъ и которая была беременна вторымъ ребенкомъ, а затѣмъ заставилъ Тиверія жениться на Юліи. Августъ распоряжался въ качествѣ главы государства, т. е. пользовался отеческою властью надъ семьею подданныхъ, и въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ лишь то, что вправѣ былъ дѣлать въ каждой семьѣ домо-владыка-отецъ. Такъ же точно онъ заставилъ Агриппу развестись съ женою, чтобы женить его на своей дочери Юліи, оставшейся вдовой послѣ брака съ Марцеломъ, сыномъ его сестры Октавіи. Намъ могутъ возразить, что примѣры взяты изъ императорской семьи и изъ такой знатной фамиліи, какъ Юліи. Но у Овидія мы находимъ доказательства такого же порядка и въ семействахъ простыхъ всадниковъ. И не только родители и родные имѣли рѣшающіе вліяніе въ дѣлахъ заключенія и расторженія браковъ, но и друзья, люди одной партіи. Такъ, во время переговоровъ о мирѣ Октавія (впоследствии Августа) съ Антоніемъ солдаты обѣихъ сторонъ потребовали, чтобы примиреніе было скрѣплено брачнымъ союзомъ. Октавій, уже помолвленннй съ дочерью Сервилія Исаврійскаго, принужденъ былъ отказаться отъ невѣсты и жениться на Клавдіи, падчерицѣ Антонія. Клавдія была еще совсѣмъ ребенкомъ, и бракъ остался только формальнымъ, фиктивнымъ. Какъ только Августъ приобрѣлъ свободу дѣйствій, онъ уничтожилъ этотъ бракъ и женился на Скрибоніи (см. у Светонія и у Плутарха).

Главнымъ же доказательствомъ полнаго произвола родныхъ въ дѣлахъ брачныхъ служить возрастъ дѣтей, въ которомъ обыкновенно заключались браки. До Юстиніана закономъ былъ установленъ для дѣвушекъ двѣнадцатилѣтній возрастъ, для мужчинъ—четырнадцатилѣтній. Уже то обстоятельство, что законодатели нашли нужнымъ установить такой минимумъ, служить доказательствомъ, что родители женили своихъ дѣтей въ еще болѣе раннюю пору. Но и узаконеніе этого минимальнаго возраста не всегда достигало цѣли, не предупреждало преждевременныхъ браковъ. Законодательство осуждаетъ это, но не рѣшается установить какія-либо кары за нарушение означенныхъ постановленій (*Dig.*, lib. XXIII, t. II, 1, 4). Почему? Это мы увидимъ ниже.

Въ Римѣ существовалъ обычай, тѣсно связанный съ бракомъ, — это *sponsalia*, помолвка, на который до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. А онъ-то и раскрываетъ передъ нами истинную причину преждевременныхъ браковъ, мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали ро-

дители. Новыми законами европейских народовъ установленъ извѣстный возрастъ, достигши котораго сынъ можетъ жениться безъ разрѣшенія отца. Ничего подобнаго не допускалъ древній Римъ; пока живъ былъ отецъ, дѣти не имѣли права вступать въ бракъ помимо его воли. За то римскій законъ устанавливалъ, что отецъ не вправе женить сына безъ его на то согласія. Но стѣдуетъ всмотрѣться въ дѣло поближе, чтобы убѣдиться въ практическомъ ничтожествѣ такого постановленія. Родителямъ предоставляется право помолвки (*sponsalia*) дѣтей съ семилѣтняго возраста. Формальнаго согласія дѣтей тутъ не требуется. Да и что можетъ значить согласіе семилѣтнихъ ребятиншекъ? Мальчику, играющему на дворѣ съ товарищами, объявляютъ, что въ такой-то день его помолвятъ съ такою-то дѣвочкой. Онъ отвѣчаетъ согласіемъ, или ничего вовсе не отвѣчаетъ, и дѣло считается съ этой стороны поконченнымъ. Все остальное улаживаютъ родители между собою, всего чаще черезъ третьихъ лицъ—посредниковъ. Между тѣмъ, помолвка далеко не пустая формальность. Въ силу закона и общественнаго мнѣнія, *sponsalia* есть «половина вѣнца», — употребляя нашъ чисто-русскій терминъ, относящійся къ обрученію въ старые годы. Помолвленные дѣти на половину повѣнчаны, и не изъ чего не видно, чтобы впоследствии, при заключеніи брака, по достиженіи ими установленнаго возраста, требовалось повтореніе или подтвержденіе ихъ согласія. Если бы таковое требовалось, то *sponsalia* утратила бы всякое значеніе и, конечно, не удержалась бы въ обычаѣ. Въ глазахъ общества и по закону, бракъ есть только дополненіе къ формально состоявшейся помолвкѣ. Въ законѣ, правда, установлено, что для заключенія брака требуется специально выраженное согласіе вступающаго въ бракъ; но это должно относиться лишь къ тѣмъ случаямъ, когда браку не предшествовала помолвка. Такіе случаи не были рѣдкими не потому, чтобы родители не устраивали предварительныхъ помолвокъ, а потому, что сами же родители очень часто отступались отъ своихъ предварительныхъ соглашеній и уничтожали заключенныя сдѣлки, чтобы вступить въ новыя, болѣе для нихъ подходящія.

Что касается дѣвушки, то отсутствіе съ ея стороны протеста законъ признаетъ за выраженіе согласія. Протестовать же, выражать формальное несогласіе на бракъ ей дозволялось лишь въ двухъ, ясно опредѣленныхъ случаяхъ: если выбранный для нея женихъ человекъ зазорнаго поведенія или если онъ низкаго (honteux—подлаго) состоянія. Въ этихъ двухъ случаяхъ несогласіе со стороны дѣвушки не допускалось. Многіе тексты *Дикрестъ* устанавливаютъ, что сынъ не можетъ быть повѣнчанъ противъ воли, и ни одинъ не говоритъ того же относительно дѣвушки. Тутъ нельзя допустить пропуска въ законѣ. Это, очевидно, умышенное и обдуманное умолчаніе.

Но все это формальныя, такъ сказать, теоретическія постановленія законовъ. Практически же, мы знаемъ, никакое противодѣйствіе волѣ отца было невысказано. Отецъ имѣлъ право лишить сына наследства вначалѣ всецѣло, впоследствии—съ нѣкоторыми ограниченіями. Вначалѣ отецъ могъ

продать сына, впоследствии законъ и общественное мнѣніе запретили продажу взрослыхъ дѣтей; но отецъ сохранилъ право выгнать его и отвергнуть отъ семьи или отдать его во власть кредитора за долгъ, сдѣлать который легко было именно ради этого. Отецъ имѣетъ право наказывать сына тѣлесно, заковать въ цѣпи, держать въ своемъ домѣ въ заключеніи, отослать его въ деревню и заставить работать наравнѣ съ рабами, каково бы ни было его общественное положеніе, наконецъ, онъ можетъ убить сына. При какихъ обстоятельствахъ и за какую вину? Тутъ крайне трудно найти границу отцовскаго права, хотя такая граница несомнѣнно существовала. Примеры пользованія этимъ правомъ приводятся Діонисіемъ Галикарнасскимъ, Валеріемъ Максимомъ и Салюстіемъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ Римѣ дѣти, при жизни отца, не могли имѣть никакой личной собственности, ни даже располагать тѣмъ, что получали отъ личнаго заработка, отъ занимаемыхъ ими должностей или инымъ путемъ. А безъ собственности и рѣчи быть не можетъ о какой-либо независимости.

Въ томъ, что отцы женили своихъ дѣтей, не справляясь о ихъ желаніи, нельзя сомнѣваться еще и потому, что они ихъ разженивали по собственному усмотрѣнію и произволу. И право это признавалось за ними закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ случай изъ жизни Катона Утическаго, уступившаго жену своему другу Гортензію, какъ передано намъ Плутархомъ. Гортензіи, стремясь породниться съ Катонимъ, начинаетъ съ того, что проситъ у него руки его дочери Порціи. Порція была въ то время замужемъ и имѣла дѣтей. Стало быть, требовался предварительный разводъ. Плутархъ и говоритъ весьма опредѣленно, что Гортензіи просилъ Катона развести дочь съ мужемъ. Не сумасшедшій же былъ Гортензіи, этотъ великій ораторъ, соперникъ Цицерона. Во всякомъ случаѣ, если бы такая просьба заключала въ себѣ что-либо нелѣпное или несодѣянное, то Катонъ прямо отвергъ бы такое предложеніе съ негодованіемъ или съ пренебреженіемъ. Ничуть не бывало; отказа съ его стороны мы не видимъ. Правда, по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, разводъ и вторичное замужство Порціи не состоялись; но Катонъ нашелъ возможнымъ удовлетворить желаніе Гортензіи инымъ способомъ. Какъ бы то ни было, исторія эта очевидно доказываетъ, что просьба, обращенная Гортензіемъ къ Катону, была исполнима по закону и по обычаю, — словомъ, что такъ поступали или могли поступать порядочные люди.

Право отцовъ разводить сыновей и дочерей оставалось неприкосновеннымъ до временъ Марка Аврелія, который первый сдѣлалъ попытку ограничить такое право. Но попытка эта была, во-первыхъ, очень нерѣшительная, что доказываетъ всю силу и устойчивость стародавняго обычая; во-вторыхъ, легальныя ограниченія, постановленныя Маркомъ Авреліемъ, не могли имѣть большого практическаго значенія въ виду громадности отеческой власти. Дѣти женатыхъ сыновей, попрежнему, принадлежали не отцу по рожденію, а дѣду-домовладыкѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ былъ живъ. Всѣ отцовскія права принадлежали безраздѣльно ему одному, и нежелающему раз-

вестись по его требованію сыну онъ всегда могъ сказать: «Ты дорожишь женою, когда я хочу ее прогнать; въ такомъ случаѣ, выбитай между женою и дѣтьми. Я выгоню ихъ изъ дому, отдамъ чужимъ людямъ, или—ихъ я оставляю у себя, а тебя прогоню вонъ въ чужь мать родила. Рѣшай, что тебѣ дороже, жена или дѣти».

Вправдѣ ли были дѣти разводиться безъ согласія родителей? Относительно дочери не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что ей предоставлялось только право жаловаться на мужа своему отцу, и разводъ зависѣлъ отъ его личнаго усмотрѣнія, былъ *in arbitrio suo*. Тутъ кстати будетъ упомянуть объ одномъ законѣ Марка Аврелія, въ высшей степени характерномъ. Законъ этотъ гласитъ: «Отецъ не вправдѣ заставитъ дочь возвратиться къ мужу, съ которымъ она разведена по волѣ отца или съ его согласія». Изъ этого слѣдуетъ, что до Марка Аврелія отецъ имѣлъ право отдать дочь замужъ насильно, насильно же развести ее съ мужемъ и опять насильно же вторично отдать тому же супругу. Сыновья въ подобныхъ случаяхъ пользовались сравнительно большею самостоятельностью, по крайней мѣрѣ, легально. Какъ на заключеніе брака, такъ и на разводъ, по закону, требовалось ихъ согласіе.

О томъ, какое громадное значеніе придавалъ въ Римѣ законъ отцовской власти, можно судить по нижеслѣдующимъ примѣрамъ: устанавливая право мужа убить жену, застигнутую въ адюльтерѣ, законодатель счелъ нужнымъ добавить, что право это принадлежитъ мужу даже тогда, когда онъ находится въ зависимости отъ отца. Такая же точно оговорка имѣется въ законѣ, предоставляющемъ мужу обвинять жену въ адюльтерѣ передъ судомъ безъ согласія отца. Законъ возлагаетъ отвѣтственность не на сына, а на отца въ тѣхъ случаяхъ, когда сынъ женится на вдовѣ до истеченія срока ея траура, а также за двоеженство и за одновременную помолвку съ двумя невѣстами, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда это произошло по отцовскому приказанію, но и тогда, когда это сдѣлалось лишь съ вѣдома отца.

V.

Только приданое, одно оно, да и то, если было значительно, являлось факторомъ, обуздывавшимъ отцовскій произволъ. Благодаря приданому, молодая женщина пріобрѣтаетъ извѣстное положеніе въ домѣ свекра. Съ нею приходится стѣсняться, приходится уступать ей, и не только ей, но и ея роднымъ. Въ противномъ случаѣ они возьмутъ ее обратно и потребуютъ назадъ приданое, отдавать которое всегда трудно и очень непріятно, въ особенности когда знаешь, что съ этимъ приданымъ разведенная жена войдетъ законною супругой въ домъ сосѣда или соперника. Такое положеніе жены до нѣкоторой степени отражалось благопріятно и на положеніи ея мужа въ отцовскомъ домѣ. По милости женина приданого мужъ получаетъ долю самостоятельности по отношенію къ своему отцу, цѣною, впрочемъ, зависимости отъ жены и ея родителей. Въ законахъ Марка Аврелія мы на-

ходимъ указаніе на любопытную черту нравствъ. Случалось, что мужъ, сгорившись съ женою, разводился съ нею единственно для того, чтобы досадить отцу принужденіемъ отдать приданое или, того хуже, вынудить договорную сумму, обѣщанную женѣ при заключеніи брака (*Новеллы*, XII, гл. 19). Маркъ Аврелій, Диоклетіанъ и Юстиніанъ пытались оградить интересы отцовъ отъ такихъ случайностей, и только закономъ Юстиніана постановлено, что для развода сына требуется согласіе его отца.

Во все время существованія языческаго Рима и даже много спустя разводы не подвергались ни малѣйшему стѣсненію. Для законности брака не требовалось никакихъ формальностей, ни религиозныхъ, ни гражданскихъ, достаточно было выраженного желанія вступить въ супружество, разумѣется, съ согласія родителей, какъ говорено выше. Бракъ могъ быть заключенъ даже заочно черезъ повѣреннаго. Такъ же точно происходили и разводы безъ формальностей черезъ повѣренныхъ или черезъ письма. Вслѣдъ за разводами заключались новые браки такъ же просто и необыкновенно быстро. Вдовѣ запрещалось вступать въ бракъ до истеченія срока траура по умершемъ мужѣ. Для разведенныхъ не полагалось никакого срока между разводомъ и послѣдующимъ бракомъ. Светоній передаетъ, что Цезарь уничтожилъ бракъ одного бывшаго претора, заключенный черезъ два дня послѣ развода жены съ прежнимъ мужемъ. Тиверій, по словамъ Светонія же, удалилъ отъ должности одного инвестора за то, что тотъ развелся съ женою на другой день по вступленіи съ нею въ бракъ. Адріанъ отправилъ въ ссылку нѣкоего господина, который, встрѣтивши на улицѣ замужнюю женщину, уговорилъ ее идти къ нему въ домъ и стать его женою. Письменное извѣщеніе о разводѣ она послала прежнему мужу изъ дома новаго супруга. Такія распоряженія императоровъ были актами чистѣйшаго произвола, ибо по принципамъ римскаго права всѣ эти лица вступали въ бракъ вполне законнымъ образомъ. По нашимъ понятіямъ, такимъ связямъ нельзя даже дать наименованія браковъ. Совершенно иначе смотрѣли на дѣло и законы римскіе, и общественное мнѣніе.

Въ *Дместахъ* мы находимъ два интересныхъ закона: *de jure dotium* (64) и *de solutione matrimonii* (66), которыми предусмотрѣнъ нижеслѣдующій казусъ: женщина развелась съ мужемъ и нѣкоторое время жила отъ него врознь, приданнаго же своего не отобрала, по какимъ бы то не было причинамъ. Затѣмъ она опять вернулась къ оставленному супругу, продолжая пользоваться ея приданнымъ. Законъ, по отношенію къ этому приданому, признаетъ вторичный бракъ съ тѣмъ же мужемъ продолженіемъ перваго. Весьма возможно, что за время между этими двумя браками уходящая отъ мужа жена успѣла побывать замужемъ за другимъ лицомъ. Это ровно ничего не значить и какъ бы въ счетъ не идетъ. «Не знаю, какъ смотреть на это читатель, — говоритъ Лакомбъ, — инѣ же кажутся очень подозрительными и жена, оставляющая приданое и потомъ возвращающаяся къ первому мужу, и этотъ мужъ, принимающій обратно уходяв-

шную отъ него жану. Мнѣ думается, что приданое она оставляла дабы обезпечить себѣ снисходительность мужа и возможность возврата на случай неудачи или, того хуже, что она положительно предвидѣла и подготовляла свое возвращеніе и что самъ ея супругъ предвидѣлъ то же самое. Второй, вѣрнѣе, промежуточный, бракъ не могъ быть продолжительнымъ; второй супругъ не согласился бы оставить на года пользование приданнымъ первому мужу. Мы вправѣ думать, что второй бракъ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, пожалуй, лишь медовый мѣсяцъ,—словомъ, пока не прошелъ капризь, и что супруга вернулась съ согласія мужа, очень довольнаго возможностью не отдавать приданого. Поистинѣ, законъ, освящающій именовъ второго брака подобныя продѣлки женщинъ, былъ слишкомъ покладистъ и соблазнителенъ. Онъ представлялъ слишкомъ большія удобства для удовлетворенія обычныхъ требованій общественного мнѣнія, т.-е для соблюденія приличій».

При указанной легкости разводовъ, въ Римѣ существовали и такіе поводы къ нимъ, которыхъ нѣтъ въ современномъ намъ обществѣ. Начать съ того, что ранніе браки, въ особенности первые, заключаемые по волѣ родителей, сами по себѣ не могли быть прочными и очень часто кончались разводами, какъ только мужья получали свободу располагать собою. Быть можетъ, еще чаще сами родители бывали главными и даже единственными виновниками разводовъ дѣтей. Дочери, какъ мы видѣли, были въ безусловной зависимости отъ своихъ отцовъ, которые во всю жизнь распорядились ими по произволу. Римъ былъ всегда городомъ партій, политическихъ интригъ, въ пылу которыхъ сегодняшніе друзья и союзники нерѣдко дѣлались завтра рьяными противниками, заклятыми врагами и, наоборотъ, недавніе враги становились союзниками. Выбирая сноху или зятя, каждый руководился интересами минуты. Но обстоятельства измѣнялись, и связь двухъ семей, скрѣпленная бракомъ и представлявшаяся выгодною, оказывалась стѣснительною, иногда опасною или же неоправдавшею ожиданій. Являлась возможность болѣе выгодной комбинаціи. Тогда дѣтей разводили и переживали ихъ соотвѣтственно новымъ соображеніямъ. Все, что передаютъ намъ римскіе историки, латинскіе и греческіе, приводитъ къ заключенію, что отцы, просто-на-просто, торговали дочерьми, развода ихъ и выдавая вновь замужъ, согласно своимъ измѣчивымъ политическимъ видамъ. Такъ было въ республиканскомъ Римѣ. Положеніе мало измѣнилось въ періодъ императорскій, когда система политическихъ доносовъ вынуждала каждого искать безопасности въ вліятельныхъ связяхъ и порывать связи компрометирующія.

Сенека говоритъ: «Женщины сдѣлали себѣ изъ брака какую-то забаву»... «онѣ считаютъ мужей по числу консульствъ». Мы же думаемъ, что очень значительная доля вины въ этомъ падаетъ на отцовъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда отцы не причемъ, дочери, въ сущности, слѣдуютъ только преподааннымъ имъ примѣрамъ, идутъ по указанному имъ пути. Въ сло-

вахъ Сенеки, будто «женщины считаютъ мужей по числу консульствъ», есть, конечно, преувеличеніе. Невозможно допустить, чтобы онѣ мѣняли мужей ежегодно. Тѣмъ не менѣе, такой порядокъ вещей, по справедливости, можетъ быть названъ «последовательнымъ многоженствомъ».

При такой свободѣ разводовъ и браковъ, возможно благопріятное для римскаго общества предположеніе, что случаи супружеской невѣрности были въ немъ рѣдкостью. Предположеніе это оказывается совершенно ошибочнымъ. Не говоря уже о бравахъ, расторгать которые было нежелательно по расчету, въ иныхъ случаяхъ самое расторженіе брака не повело бы ни къ чему, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя выйти замужъ за любимаго человѣка: такъ, напримѣръ, когда женщина сенаторской фамилии любила отпущенника, или когда женщина, какого бы то ни было происхожденія, любила своего собственнаго отпущенника, или же раба, что тоже случилось нерѣдко, или, наконецъ, женатаго человѣка, не желающаго или не могущаго развестись съ своею женой. А затѣмъ надо опять припомнить, что дочь легально не могла развестись безъ согласія своихъ родныхъ, сынъ не могъ фактически воспользоваться своимъ правомъ. Что же осталось дѣлать супругамъ, соединеннымъ помимо ихъ воли, часто вопреки ихъ личному желанію?

Женщина не только не могла разойтись съ мужемъ, но, въ большинствѣ случаевъ, не имѣла основаній даже желать развода, ибо отлично знала, что отецъ опять выдастъ ее замужъ за кого ему выгодно. Переходя, такимъ образомъ, нѣсколько разъ изъ рукъ одного мужа въ руки другаго, женщина, во-первыхъ, не находила удовлетворенія сердечнымъ запросамъ любви; во-вторыхъ, она утрачивала чувство стыдливости; въ-третьихъ, привыкала смотрѣть на бракъ, какъ на временную связь, мало чѣмъ отличающуюся отъ любовной связи, тѣмъ болѣе, что эту последнюю всегда легко было легализировать и безъ особаго труда превратить въ законный бракъ. Нерѣдко, на самоѣ дѣлѣ, адюльтеръ бывалъ ни чѣмъ инымъ, какъ предлюдей въ браку, пробнымъ сожительствомъ.

Мы упомянули о чувствѣ стыдливости. Но и это чувство не могло быть сильно развито у римской женщины, какъ и вообще всякое представленіе о нравственномъ и безнравственномъ, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ. Дѣвочкою она постоянно видѣла, какъ ея родственницы, пріятельницы и знакомыя ея матери живутъ то съ однимъ мужемъ, то съ другимъ. Сама ея мать очень нерѣдко мѣняла мужей на ея глазахъ. А дѣвочка, въ большинствѣ случаевъ, оставалась въ домѣ подъ властью мачихи или переменныхъ мачихъ; ея воспитаніе всецѣло находилось въ рукахъ рабовъ, не стѣснявшихся, разумѣется, судить и ридить о поведеніи хозяевъ въ присутствіи ребенка. Въ двѣнадцать лѣтъ ее спѣшили отдать замужъ, сбыть съ рукъ, выпроводить «отъ грѣха». Она вступала въ бракъ почти ребенкомъ, но такимъ ребенкомъ, который, благодаря окружавшей его средѣ, уже все знаетъ, умъ и воображеніе котораго загрязнены и раздражены этою сре-

дой. Последствія такого воспитанія угадать не трудно, и мы настаивать на нихъ не будетъ, отмѣтимъ только, что сами юрисконсульты, законники того времени, ясно высказываютъ подозрѣніе въ томъ, что поводами къ разводамъ служатъ незаконныя связи женщинъ при существованіи брака. Мы постоянно встрѣчаемъ предположенія, что новый мужъ есть прежній любовникъ, и такія предположенія, по всей вѣроятности, нерѣдко бывали вполнѣ справедливы. Съ другой стороны, Сенека говоритъ про женщинъ своего времени: «Онѣ часто берутъ себѣ мужей для прикрытія своей связи съ любовникомъ». Тутъ, очевидно, рѣчь идетъ о вдовахъ и разводкахъ, выходившихъ замужъ не за любимаго человѣка, а за другаго. Надо думать, что такіе случаи бывали довольно часто, если Сенека нашелъ нужнымъ упомянуть о нихъ. Примѣровъ онъ не приводитъ, за то мы находимъ у Тацита (*Литотиси*, I, 53) очень любопытное указаніе. Юлія, дочь Августа, во время замужства за Агриппой, имѣла любовника Семпронія Гракха. Агриппа умеръ, Юлія стала женою Тиверія, связь же съ прежнимъ любовникомъ продолжалась. Тацитъ не договариваетъ одного, что Юлія три раза была выдаваема замужъ отцомъ и, конечно, всякій разъ не сама, не по личной склонности, выбирала себѣ супруга. Говоря о бракахъ, которыми прикрывались незаконныя связи, Сенека и Тацитъ забываютъ упомянуть о деспотизмѣ отцовъ, устраивавшихъ такіе браки. Если же мы возстановимъ это обстоятельство и примемъ его въ соображеніе, тогда намъ станетъ понятнымъ, что факты, вызвавшіе осужденіе Сенеки, случались довольно часто и что вина въ томъ лежитъ на отцахъ.

Въ теченіе многихъ вѣковъ мы видимъ страшную неурядицу семейныхъ отношеній, всѣми признаваемую, всѣми осуждаемую, и видимъ, что никто—ни моралисты, ни философы, ни сатирики, ни законодатели не подумали о единственномъ средствѣ, способномъ ее устранить, т.-е. о томъ, чтобы сдѣлать затруднительнымъ разводъ. По мнѣнію Лакomba, это можетъ быть объяснено такимъ соображеніемъ: если бы свобода разводовъ представляла удобства и выгоды только супругамъ, то рано или поздно была бы сдѣлана попытка ее уничтожить или ограничить. Но пользу-то и выгоду изъ такой свободы извлекали для себя отцы, т.-е. старѣйшіе, тѣ, въ чьихъ рукахъ была власть. Въ дѣйствительности, разводы служили страстямъ отцовъ, а не супруговъ. Къ этимъ послѣднимъ обращены упоры въ безправственности, и никто не предложилъ реформы, которая задѣла бы весьма чувствительно всѣхъ отцовъ. Неограниченность отцовской власти, вѣрнѣе сказать—отцовская автократія, была основаніемъ всѣхъ римскихъ законовъ; доходила она до того, что дѣти всю жизнь работали только на отцовъ и никогда не могли располагать своими заработками. И римляне не только не видѣли въ этомъ никакой несправедливости,—напротивъ, именно этою-то особенностью они всего болѣе превозносились надъ другими народами и за то потерпѣли жестокую кару.

Римскіе законодатели не понимали огромнаго вреда, который причиняла

народу такая полная экономическая зависимость взрослых сыновей отъ родителей. Они не додумались до того соображенія, что право отцовъ на заработанное трудами дѣтей убивало въ этихъ послѣднихъ всякое стремленіе къ приобрѣтенію, которое въ свою очередь возбуждаетъ дѣятельность, трудолюбіе, упорство въ работѣ, изобрѣтательность, ставшія основой всей жизни и экономическаго преуспѣянія народовъ. Римлянинъ до смерти отца оставался безучастнымъ къ экономическимъ интересамъ и апатичнымъ, а когда онъ достигалъ самостоятельности, то привычки его уже успѣвали окрѣпнуть, характеръ и положеніе—вполнѣ опредѣлиться. Я нахожу,—говоритъ Лакомбъ,—что новѣйшіе историки въ ряду причинъ упадка римскаго государства не придали этому обстоятельству того значенія, которое ему принадлежитъ.

Вообще Лакомбъ въ дѣлѣ эволюціи брачныхъ и семейныхъ отношеній отводитъ первенствующее мѣсто экономическимъ причинамъ; чаще всего онъ видитъ въ экономическомъ положеніи единственнаго фактора эволюціи нравственности не только въ римскомъ обществѣ, но и во всякомъ другомъ, и рѣшительно опровергаетъ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ (Фюстель де Куланжа, напримѣръ) о преобладающемъ влияніи религіи на нравственную эволюцію. Вотъ какими доводами нашъ авторъ возражаетъ сторонникамъ такой *философіи исторіи*. Если допустить, что семья у древнихъ грековъ и римлянъ происхожденіемъ своимъ обязана религіи, то слѣдуетъ признать, что всѣ происшедшія съ теченіемъ времени коренныя измѣненія въ семейныхъ отношеніяхъ и самыхъ чувствахъ явились результатомъ предварительнаго измѣненія идей и чувствъ религіозныхъ. Послѣдствія не могутъ быть различными, если причины остаются неизмѣнными. Въ римской исторіи мы находимъ чрезвычайно драгоцѣнное указаніе для историка-философа. Во времени Плавта, а, можетъ быть, за пятьдесятъ или сто лѣтъ до него, древняя семья оказывается совершенно переродившеюся во всѣхъ отношеніяхъ. Пусть же будетъ доказано, что къ этому времени произошли соответственныя по своей важности измѣненія въ дѣлѣ религіи,—что возникли новыя вѣрованія или что утратилась вѣра въ то, во что вѣрили прежде. Въ данномъ случаѣ авторъ имѣетъ въ виду исключительно только религію древняго, дохристіанскаго Рима.

Мы уже видѣли, какое влияніе на эту эволюцію оказалъ обычай давать приданое. Въ тѣсной связи съ измѣненіемъ положенія женщины въ семьѣ, произведеннымъ этимъ обычаемъ, и въ зависимости отъ него стоитъ возникновеніе общественныхъ, свѣтскихъ отношеній (*relations mondaines*), незнакомыхъ древнему міру, дикимъ и варварскимъ народамъ, ни Востоку, ни Индіи и Персіи, ни даже древней Греціи. У древнихъ, какъ и у дикихъ народовъ, бывали общественныя празднества, носившія болѣе или менѣе религіозный характеръ, но не было свѣтской жизни въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ. Каждый жилъ особнякомъ въ своемъ домѣ, гостей не принималъ, обѣдовъ, вечеровъ и иныхъ увеселеній у себя не устраивалъ,

съ знакомыми сходился лишь въ общественныхъ мѣстахъ. Женщины вели жизнь совершенно замкнутую. Въ Греціи мужское общество собиралось, правда, у гетеръ и куртизанокъ, и можно сказать, что тамъ существовало то, что мы называемъ «полусвѣтомъ». Настоящая же свѣтская жизнь стала складываться у римлянъ съ того времени, когда выдѣлился классъ богатыхъ людей и, въ особенности, когда путемъ наследованія и полученія приданого женщины сдѣлались обладательницами собственныхъ состояній. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ въ основаніи измѣненія общественной жизни лежатъ чисто-экономическія причины. Какъ складывалась въ свои новыя формы общественная жизнь въ Римѣ и какое вліяніе эти формы оказывали на семейныя отношенія и на общественную нравственность,—это мы рассмотримъ въ слѣдующихъ главахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Н а ш и р ѣ к и.

Важность искусственнаго орошенія и пригодность для того кавказскихъ рѣкъ.—Терекъ.—Наводненія въ его низовьяхъ.—Джотини.—Прорывъ 1868 года.—Лѣтнее покоевое отъ таянїя снѣговъ.—Оросительные каналы изъ Терека.—Проектъ оросительно-судоходныхъ каналовъ г. Данилова.—Соединеніе устьевъ Волги и Дона посредствомъ водъ Терека.—Шлюзы и перепады.—Бассейны для отстоя воды.—Большіе оросительные каналы должны быть судоходны.—Каналъ изъ Кубани.—Экономическое значеніе каналовъ.—Вредно ли орошеніе для здоровья?—Проектъ орошенія калмыцкой степи водами Терека.—Сулакъ и Самуръ.—Польза обильныхъ запрудъ въ горахъ для регулированія воды.—Вліяніе на климатъ, на красоту мѣстности.—Древніе каналы въ восточномъ Закавказьѣ.—Проектъ орошенія Габба.—Важность и доходность орошенія.—Судоходство по нижней Курѣ и будущимъ каналамъ.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся изъ средней Россіи къ югу и юго-востоку, тѣмъ суше становится климатъ, тѣмъ чаще растенія страдаютъ отъ недостатка влаги. Частые неурожаи отъ засухи уже не разъ побуждали составлять проекты искусственнаго орошенія нашихъ степей. Но рѣки нашей равнины мало пригодны для этой цѣли, такъ какъ текутъ гораздо ниже полей, нуждающихся въ орошеніи, а подъемъ воды на значительную высоту обошелся бы настолько дорого, что не окупился бы обычными нашими зерновыми посѣвами. Приходится поэтому пока отказаться для коренной Россіи отъ увеличенія и упроченія урожаевъ, доставляемыхъ искусственнымъ орошеніемъ въ большихъ размѣрахъ, и лишь надѣяться, что это будетъ возможно въ отдаленномъ будущемъ, а пока довольствоваться небольшими работами для орошенія садовъ и огородовъ, но за то такія работы возможны и сравнительно легко исполнимы въ богатыхъ южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ Россіи, Кавказѣ и Средней Азіи.

Кто знакомъ съ условіями тѣхъ странъ юга, гдѣ солнце даетъ въ избыткѣ, даже въ излішество, свѣтъ и тепло, но гдѣ, несмотря на то, растительность въ естественномъ состояніи жалкая только отъ недостатка влаги, согласится, что тамъ вода въ надлежащемъ количествѣ—все или почти все: гдѣ есть вода, тамъ пустыня превращается въ роскошный оазисъ. Къ такимъ странамъ относятся наши южныя и юго-восточныя окраины. Самыя плодородныя мѣстности тамъ или совсѣмъ пустыютъ, или служатъ лишь зимними пастбищами для стадъ кочевниковъ, потому что не хватаетъ воды.

А рядомъ съ этими пустынными степями текутъ большія рѣки, несущія богатѣйшій илъ, вода ихъ способна превратить эти степи въ такія поля, рядомъ съ которыми наши лучшія черноземныя покажутся мало производительными.

Мало того, это не только возможно, но это когда-то было, — сохранились остатки каналовъ, развалины городовъ, доказывающіе, что здѣсь когда-то жили образованные народы, умѣвшіе пользоваться водой для орошенія своихъ полей.

Сравнительная легкость оросительныхъ работъ зависятъ отъ того, что рѣки этихъ странъ вытекаютъ изъ высокихъ горъ, и, взявъ ихъ воду на достаточной высотѣ, можно провести ее на поля по склону, т. е. пользуясь ею при условіяхъ гораздо болѣе благоприятныхъ, чѣмъ тамъ, гдѣ нужно поднимать воду. Вездѣ, гдѣ существуетъ искусственное орошеніе въ большихъ размѣрахъ, вода проводится по склону, а подъемъ воды для орошенія служитъ или лишь для пополненія орошенія, или же тамъ, гдѣ орошеніе существуетъ только въ малыхъ размѣрахъ.

Кавказъ и Средняя Азія являются странами благоприятными для искусственнаго орошенія еще по двумъ другимъ причинамъ: 1) теплый климатъ позволяетъ воздѣлывать такія растенія, которыя не удаются въ Европейской Россіи и особенно въ Сибири: хлопчатъ, высокіе сорта табаку, южныя плоды, кунжутъ, индиго, клещевину и т. д., а при посѣвѣ хлѣбовъ и кормовыхъ травъ получать нѣсколько урожаевъ въ годъ, наприм., два урожая злаковъ или промышленныхъ растеній, вмѣсто одного, возможнаго у насъ, или до шести укосовъ кормовыхъ травъ, вмѣсто нашихъ двухъ. 2) Искусственное орошеніе существуетъ издавна въ этихъ странахъ, земледѣльческое населеніе вполнѣ освоилось съ нимъ, а въ орошенныхъ мѣстностяхъ населеніе очень густо. Поэтому при новыхъ оросительныхъ работахъ ученые инженеры могутъ ограничиться постройкой главныхъ каналовъ, а распределеніе воды по полямъ предоставить поселенцамъ, которые охотно возьмутъ на себя эту работу на земляхъ, отданныхъ имъ въ пользованіе.

Поэтому рѣки Кавказа и Средней Азіи (за исключеніемъ Ріона и его притоковъ) должны, главнымъ образомъ, служить для орошенія земель, а судоходство—дѣло второстепенное. При орошенія цѣнные продукты сельскаго хозяйства могутъ быть вывезены желѣзными дорогами.

Есть сѣверу отъ кавказскаго хребта мы имѣемъ двѣ значительныя рѣки, Кубань и Терекъ. Обѣ выступаютъ изъ горъ и, по выходѣ на предгорья, поворачиваютъ первая направо—къ Азовскому, вторая направо—къ Каспійскому морю. Обѣ имѣютъ обильныя водою притоки изъ горъ, Кубань лѣвые, Терекъ правые, и не имѣютъ притоковъ съ сѣвера*), —доказательство, какъ сухи степи къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ.

Впрочемъ, между рѣчными областями Кубани и Терека или, точнѣе, степями къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ существуетъ значительная разница: къ за-

*) Если считать р. Малку верхомъ Терека.

ладу отъ Ергеней, т.-е. возвышенностей, составляющихъ продолженіе луговаго берега Волги, степи черноземныя и дождя лѣтомъ выпадаетъ столько, что земледѣіе безъ искусственнаго орошенія возможно и производится въ большихъ размѣрахъ, хотя нерѣдко и страдаетъ отъ засухъ, къ востоку же оно требуетъ искусственнаго орошенія. Поэтому воды Терека и его притоковъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ воды Кубани, и въ близкомъ будущемъ должны послужить для оживленія значительнаго пространства степи на сѣверѣ.

Воды этой рѣки, необходимыя для орошенія сухихъ степей къ сѣверу отъ нихъ, въ настоящее время не только пропадаютъ бесполезно, но въ ея низовьяхъ производятъ губительныя опустошенія. Для огражденія поселеній, полей и садовъ приходится содержать дорого стоящія дамбы *). Для доказательства въ книгѣ одного изъ лучшихъ знатоковъ Кавказа находятся данныя о Терекѣ, которыми я и пользуюсь далѣе.

Въ небольшомъ разстояніи отъ впаденія въ Терекъ его послѣдняго значительнаго притока, Сунжи, лѣвый берегъ становится такъ низокъ, что лѣтомъ, во время высокой воды, поля, дуга и сады затопляются, затѣмъ въ это же время рѣка часто мѣняетъ направленіе, одни рукава усиливаются на счетъ другихъ. Это повело къ устройству дамбъ, содержимыхъ натуральною повинностью Терскаго козачьяго войска, съ денежнымъ пособіемъ 14,000 рублей отъ казны. Эта повинность тѣмъ тяжеле, что наибольшія работы требуются въ горячее рабочее время въ іюлѣ.

Понятно, что устройство и содержаніе этихъ дамбъ оставляетъ желать весьма многого въ техническомъ отношеніи, да и работы по предупрежденію наводненій дѣлаются часто не въ-время, — можно ли скоро собрать козаковъ, находящихся на полевыхъ работахъ въ степи, иногда въ 40—50 верстахъ отъ станицъ?

При подобныхъ условіяхъ немудрено, замѣчаетъ М. Н. Герсевановъ, что 14 іюля 1863 года, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, гнавшемъ воду къ лѣвому берегу Терека, въ 17 верстахъ выше Кизляра произошелъ прорывъ у Дубовской станицы, — прорывъ, который къ концу августа имѣлъ ширину 140 сажень и глубину отъ 2—3 сажень. При этомъ вода хлынула на сѣверъ, затопила нѣсколько станицъ и все пространство по лѣвому берегу Прорвы вмѣстѣ съ астраханскимъ трактомъ, причемъ ширина разлива во многихъ мѣстахъ доходила до 7—10 верстъ. При этомъ городъ Кизляръ съ его виноградными садами остался совершенно безъ воды. Лишь черезъ годъ дубовскій прорывъ окончательно задѣланъ и воды Терека потекли вновь мимо Кизляра **).

Наводненія Терека и увеличеніе его бара, затруднявшее судоходство, повели къ нѣсколькимъ изслѣдованіямъ рѣки командированными для того инженерами. Они, между прочимъ, опредѣляли и расходъ воды въ этой рѣкѣ. Самыя обстоятельныя изслѣдованія были сдѣланы въ 1876 году Огулчечемъ.

*) М. Н. Герсевановъ: „Очерки гидрографіи Кавказскаго края“. Спб., 1896 г.

**) Тамъ же, стр. 47.

У Новогладковского парома, находящагося въ низовьяхъ рѣки, но еще отдѣленія отъ нея рукавовъ, количество протекающей воды въ кубическихъ саженихъ въ секунду оказалось 17 февраля 17; 4 апрѣля 20; 27 мая 64; 15 юля 102; 29 сентября 37; 20 декабря 20 куб. сажень въ секунду. Возвышеніе воды, слѣдовательно, начинается весной, отъ таянія снѣга въ предгорьяхъ, а самая высокая бываетъ лѣтомъ, во время таянія снѣга въ высокихъ горахъ. Вода въ юль 1876 г. была особенно высока, такъ какъ въ юль 1857 г. оказалось всего 53 куб. сажени въ секунду.

Терекъ, очевидно, имѣетъ высокую воду во время таянія снѣговъ и ледниковъ въ горахъ Кавказа.

М. Н. Герсевановъ удачно сравниваетъ Терекъ съ По. Обѣ рѣки текутъ параллельно высокой горной цѣпи, обѣ имѣютъ высокую воду лѣтомъ, во время таянія горныхъ снѣговъ, обѣ быстро увеличиваютъ свою дельту и въ нижнемъ теченіи ихъ воды выше уровня сосѣднихъ равнинъ, почему послѣднія приходится ограждать плотинами отъ наводненій.

Терекъ похожъ на По еще и въ другомъ отношеніи: онъ необычайно богатъ наносами или иломъ. При высокой водѣ ила до $\frac{1}{8}$ количества воды, если же принять всего половину, то и въ такомъ случаѣ при высокой водѣ Терекъ несетъ до одной кубической сажени ила въ секунду. Если вспомнить, что илъ подобной рѣки составляетъ превосходное удобреніе, то нельзя не пожалѣть о потерѣ миллионныхъ кубическихъ сажень такого драгоценнаго матеріала. Сколько песчаныхъ и наменистыхъ пространствъ можно было бы превратить въ плодородныя поля и луга *заменима* (*colmatage*), т. е. проведя туда воды Терека во время половодья и давъ илу отстояться.

Такъ какъ къ сѣверу отъ Терека находятся степи, нуждающіяся въ орошеніи, а въ рѣкѣ лѣтомъ избытокъ воды, производящій наводненія, то, казалось бы, лучше избавить Терекъ отъ избытка воды, употребивъ ее на орошеніе, чѣмъ поддерживать лишь дорого стоющія дамбы. Объ этомъ думали уже давно, но, къ сожалѣнію, исполненіе осталось даного позади проектовъ, и сдѣланное частью довольно неудачно.

Первый значительный каналъ, выведенный изъ Терека или его притоковъ, былъ *Эристоской* или *Невомна* *) изъ р. Малки въ 1851 г. Онъ былъ проведенъ такъ неудачно, что въ верхней части обратился въ оврагъ 10-ти саженной глубины, а въ нижней, вслѣдствіе быстрого уменьшенія уклона, оказался застой воды и лишь усилились и ранѣе извѣстныя моздокскія лихорадки. Впослѣдствіи ошибки исправлены по плану инженера Трозмани, который построилъ второй каналъ, Бурскій, также изъ Малки, по приказанію тогдашняго атамана Терскаго войска, М. Т. Мориев-Меликова. Этотъ каналъ гораздо удачнѣе и могъ бы быть проведенъ и далѣе въ степь, но этому мѣшаютъ водяныя мельницы на рѣкѣ, тратящія много воды на испареніе и фильтрацію. Третій, довольно неудачный, каналъ, *Щед-*

*) Прозванный такъ отъ несвободнаго труда, употребленнаго на его проитіе.

ринский, выведенъ изъ Терека, около станицы того же имени. Очевидно, что этого мало и что для увеличенія пространства производительныхъ земель и для отвлеченія отъ низовья Терека такого количества воды, чтобы не было опасности отъ наводненій, придется вести работы въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. При этомъ не мѣшаетъ еще замѣтить, что большіе размѣры оросительныхъ каналовъ и масса воды въ Терекѣ даютъ полную возможность сдѣлать нѣкоторые изъ нихъ судоходными, — следовательно, не только способствовать увеличенію производительности края, но создать и самый дешевый способъ передвиженія грузовъ. Мало того, воды Терека даютъ возможность устроить судоходное соединеніе низовой Волги и устьевъ Дона или, иными словами, дать волжскимъ грузамъ выходъ въ открытое море, по водному пути, допускающему плаваніе большихъ судовъ, а не тѣхъ небольшихъ, которые одни могутъ плавать по Дону между Калачомъ и Ростовомъ. Такой проектъ составленъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ инженеровъ и обсуждался въ кавказскомъ техническомъ обществѣ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго знатока гидротехники М. Н. Герсевича *). Проектъ этого сооруженія такъ мало извѣстенъ вѣтъ небольшого круга инженеровъ, интересующихся водными сооружениями, и, притомъ, напечатанъ въ столь маломъ числѣ экземпляровъ, что извлеченіе изъ него далеко не лишнее.

М. А. Даниловъ начинаетъ съ проектовъ соединенія Каспійскаго съ Чернымъ и Азовскимъ морями, какъ посредствомъ водъ Волги и Дона, такъ и посредствомъ сплошнаго канала безъ шлюзовъ по Кумо-Манычской низменности отъ устья Дона къ устью Кумы и справедливо находитъ, что въ первомъ случаѣ цѣль будетъ не вполне достигнута, такъ какъ по каналу и низовьямъ Дона могли бы плавать лишь суда, принимающія мало груза, а во второмъ пришлось бы затратить несоразмѣрно-большую сумму, не менѣе 800 милл. руб., ждать окончанія работы очень долго и, притомъ, успѣхъ работы далеко не вполне обезпеченъ. Г. Даниловъ продолжаетъ: «Я пришелъ къ убѣжденію, что вопросъ о соединеніи Каспійскаго моря съ Азовскимъ по долині Маныча, вмѣстѣ съ обводненіемъ здѣшнихъ пустынныхъ мѣстностей посредствомъ судоходно-ирригаціонныхъ каналовъ, можетъ быть разрѣшенъ только привлеченіемъ въ эту мѣстность водъ Терека и Кубани съ помощью питательныхъ каналовъ, проведенныхъ изъ этихъ рѣкъ къ среднимъ, возвышеннымъ частямъ Манычской низменности.

«Объ эти рѣки имѣютъ два главныхъ преимущества передъ всѣми другими, которыя только могутъ быть привлечены для пополненія Манычскихъ каналовъ, а именно: значительное паденіе ихъ верхняго теченія, дозволяющее провести позаимствованную изъ нихъ воду на самую возвышенную часть Манычскаго водораздѣла, а равно ихъ многоводіе въ мѣткую пору, вслѣдствіе такия горныхъ стѣновъ, изъ которыхъ они берутъ начало, что

*) М. А. Даниловъ: «Проектъ судоходно-ирригаціонныхъ каналовъ между морями Каспійскимъ, Чернымъ и Азовскимъ». Москва, 1882 г.

ставить ихъ въ весьма выгодное положеніе сравнительно съ рѣками внутренней Европейской Россіи, которыя отличаются маловодіемъ именно въ лѣтнюю пору.

«Главный каналъ я предполагаю провести между устьями рр. Дона и Волги, назначивъ выходы канала у городовъ Ростова и Астрахани. Вездѣ, гдѣ предполагается судоходство и вмѣстѣ орошеніе прилегающей мѣстности, рядомъ со шлюзами, на особомъ обводномъ рукавѣ, предполагено устройство *перепадовъ*, близъ которыхъ и будетъ выпущена вода для орошенія.

«Размѣры главнаго канала Ростовъ-Астрахань мною опредѣлены такіе:

«Отъ Маньчскаго водораздѣла у о-ва Тайкюля до Дона:

«Длина 366 верстъ; ширина по дну 65 футовъ; глубина воды 10,2 фут.; уклонъ канала отъ $\frac{2}{10000}$ до $\frac{16}{100000}$; шлюзовъ 7, съ паденіемъ 1,2 саж.; расходъ воды въ 1 секунду 3,22 куб. саж.

«Отъ того же водораздѣла къ Астрахани:

«Длина первой части *) 226 верстъ; ширина по дну 63 фута; глубина воды 10,5 фут.; уклонъ $\frac{9}{10000}$; 9 шлюзовъ, съ паденіемъ 1,2 саж.; расходъ воды въ секунду 5,98 саж.

«Длина второй части 167 верстъ; уклонъ $\frac{16}{100000}$; шлюзовъ 3; расходъ воды въ секунду 2,78 саж.

«Длина всего канала Ростовъ-Астрахань 755 верстъ.

«Для наполненія этого канала водой я проложу питательный каналъ изъ *Терека*.

«Начало его я предполагаю взять ниже соединенія Терека и Малки. Превышеніе теченія надъ уровнемъ Чернаго моря 531 ф., а такъ какъ у устья р. Балауса, въ высшей точкѣ Маньчской низины, высота 81 футъ, то для общаго паденія канала отъ Терека до Балауса мы имѣемъ 450 футъ или 2,28 фута на 1 версту, т. е. уклонъ слишкомъ $\frac{2}{10000}$. Но такое паденіе не можетъ быть допущено. Это, между прочимъ, видно изъ того, что въ Индіи, на Джумнскомъ и Гангскомъ каналахъ, сначала былъ допущенъ такой уклонъ, но потомъ пришлось его уменьшить, такъ какъ вода размывала дно и бока каналовъ. Для уменьшенія его до $\frac{2}{10000}$ необходимо по всей длинѣ канала устроить 48 перепадовъ.

«Изъ Терека я предполагаю взять отъ 13,1 куб. саж. въ секунду въ малыхъ воды, до 21,2 куб. саж. — въ высокія воды, что вполне позволяетъ масса воды въ Терекѣ, именно отъ 18 до 57 саж. въ секунду, и уклонъ, составляющій ниже Моздока не менѣе $\frac{2}{1000}$. Для того, чтобъ при принятіи уклонъ крупныя осадки (песокъ) не засорили канала, у станицы Черноярской проектированъ обширный осадочный бассейнъ, послѣ пребыванія въ которомъ рѣчная вода будетъ увлекать въ каналъ лишь полезный для земледѣлія илъ.

*) М. А. Данковъ сначала предполагалъ отсюда еще каналъ до Серебряковской пристани въ обходъ устьевъ Волги.

«Длина этого питательнаго канала до Бумы 162¹/₂ версты, ширина дна 126 ф., глубина низкихъ водъ 9 ф., высокихъ—12 ф.

«Судоходно-ирригационный каналъ отъ р. Кумы до устья р. Калауса.

«Когда я лично осматрѣлъ окрестности с. Владимировки, гдѣ лежатъ обширные, недостаточно орошенные пласты чернозема, гдѣ прежде жило многолюдное населеніе, что видно изъ развалинъ города Бургонъ-Маджары и гдѣ нынѣ водворились обширныя русскія села, то я счелъ вполне соответственнымъ дать этой глухой мѣстности возможность сбыта ея произведеній и поэтому проектированъ отсюда до р. Калауса *судоходно-ирригационный каналъ*. Длина его 164 версты, а всего длины отъ Терека до Калауса 326 верстъ. Ширина дна 105 футъ, у Калауса глубина низкихъ водъ 10,5 футъ, высокихъ—13,5 ф.; расходъ воды: наименьшій 9,5 куб. саж. въ секунду, наибольшій—14,1 куб. саж.

«Когда каналъ будетъ доведенъ до устья Калауса, гдѣ предполагается его развѣтвить на двѣ стороны, тамъ полезно устроить большой резервуаръ, примѣрно до 20 кв. верстъ. Такъ какъ въ этомъ резервуарѣ вода будетъ имѣть очень мало движенія, то, чтобы онъ не заросталъ по берегамъ камышомъ и тѣмъ не служилъ разсадникомъ лихорадокъ, слѣдуетъ стѣнки окружающей со всѣхъ сторонъ плотины дѣлать въ видѣ дамбы и обкладывать камнемъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ служить охраной плотины отъ волненія.

«Каналъ отъ Терека до устья Калауса имѣетъ главное назначеніе служить питаніемъ для судоходныхъ каналовъ, направляющихся отъ устья Калауса къ Волгѣ и Дону. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предназначается и для орошенія тѣхъ мѣстностей, по которымъ будетъ проходить. Кроме того, изъ него предполагается отдѣлить часть воды для пополненія каналовъ Эрстовскаго, Курскаго, Сухой Падины и проч. *). Такимъ образомъ, по мѣрѣ удаленія отъ Терека, каналъ этотъ будетъ принимать все меньшіе размѣры. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что сѣвернѣе Кумы земля такъ хороша и вся мѣстность представляетъ такъ много богатствъ, что было бы весьма желательно сдѣлать каналъ отъ Бумы до Калауса судоходнымъ и тѣмъ доставить этой мѣстности возможность сбыта своихъ произведеній.

«Каналъ отъ устья Калауса до Астрахани уже имѣетъ прямое назначеніемъ судоходство и частью орошеніе, и ему слѣдуетъ придать уклонъ меньшій, нежели допускается исключительно въ каналахъ ирригационныхъ. Изъ опытовъ выяснилось, какъ доказываетъ англійскій инженеръ Артуръ Коттонъ, что наибольшій уклонъ, который можно допустить въ ирригационно-судоходныхъ каналахъ, есть ⁹⁹/₁₀₀₀₀₀. Размѣры Астраханскому каналу слѣдуетъ придать такіе, чтобы часть воды могла служить и для орошенія.

«Западная часть судоходнаго канала отъ Калауса къ Дону, идущая по

*) Количество воды на орошеніе этихъ степей принято, по исчисленію М. Н. Герсванова, ¹/₂₀₀₀₀ куб. сажени въ секунду на десятину, а всего 1,04 куб. сажени на 20,800 десятинъ.

направленію долины Маныча, не может имѣть для ирригаціи большого значенія, но она крайне необходима для обводненія края въ видахъ доставленія прѣсной воды для громадныхъ табуновъ скота, погибающихъ отъ безводія въ этой мѣстности Земли Войска Донскаго тысячами головъ. Части этого канала, для сохраненія воды, можно дать уклонъ $\frac{2}{10000}$.

«На всѣхъ судоходно-ирригаціонныхъ каналахъ, гдѣ будутъ устроены шлюзы, слѣдуетъ дѣлать при каждомъ шлюзѣ обводный рукавъ съ соотвѣствующимъ перепадомъ. Это мѣсто считается наивыгоднѣйшимъ, откуда можно выпускать оросительныя вѣтви. Перепадомъ же обыкновенно пользуются для устройства различныхъ, дѣйствующихъ силою воды заведеній.

«Прежде чѣмъ перейти къ системѣ Кубанскаго питательнаго канала, скажу нѣсколько словъ объ ирригаціи.

«Поперечное сѣченіе каналовъ рассчитано какъ для судоходства, такъ и для полного орошенія. Для регулированія воды проектируются перепады, а въ отстойномъ бассейнѣ у начала Терскаго канала будутъ отлагаться болѣе крупные наносы, но каналы будутъ нести достаточно болѣе легкаго и столь полезнаго для орошенія ила.

«Разсчитывая въ жаркое время расходъ воды 21,2 куб. саж. въ секунду, я изъ этого 9,47 предназначаю на судоходство, а 11,73 пойдетъ на выпускъ для орошенія 234,000 десятинъ или 2,234 квадр. верстъ. Полагая, что на квадратной верстѣ орошенной площади поселится 100 человѣкъ, мы такимъ образомъ получимъ возможность поселить 234,000 человѣкъ».

М. А. Даниловъ переходитъ затѣмъ къ проектируемымъ имъ, для судоходства, обводненія и орошенія, каналамъ изъ р. Кубани, длиною 484 версты. Опуская подробности, привожу лишь слѣдующія мѣста:

«Расходъ воды изъ Кубанскаго канала выравится такъ: мы имѣемъ въ лѣтнее время 13,7 куб. саж. для нуждъ судоходства, наименьшій расходъ въ сторону Чернаго моря къ ст. Ладовской 1,9 куб. саж., а къ селенію Ново-Манычскому для соединенія съ Азовскимъ моремъ 3,1, всего 5, остается для орошенія 8,7 саж., которое распределиться на 174 тысячи десятинъ. А всего орошается, по расчету 1 куб. саж. воды въ секунду на 20,000 десятинъ, около 400,000 десятинъ, на которыхъ можно поселить до 400 тысячъ человѣкъ. Всего же проектируется каналовъ изъ Терека 1,082, изъ Кубани—484, итого 1,566 верстъ.

«Вотъ въ краткихъ словахъ очеркъ предлагаемаго мною канала. Проектируя его, я имѣлъ въ виду по возможности соединить въ одно и удовлетворить разнообразныя заявленія о нуждахъ Сѣвернаго Кавказа, Земли Войска Донскаго и Астраханской губерніи относительно обводненія и улучшенія судоходства. Такъ, инженеромъ Шавровымъ былъ предложенъ проектъ обхода волжскихъ гирлъ открытымъ каналомъ изъ Волги къ Серебряговской пристани, инженеромъ Д. И. Романовымъ предлагался проектъ орошенія Терской области, инженеромъ Агаповымъ дѣлался проектъ канала изъ Кубани выше Урупа, для обводненія Егорышка, инженеромъ Жаринцовымъ составлялся проектъ улучшенія судоходства по Кубани, отъ стани-

цы Тифлисской, съ устройствомъ порта въ Темрюкъ или Анапѣ. Много было соображеній и предложеній разныхъ лицъ по усилению обводненія каналовъ Эриванскаго, Бурскаго, отвлеченію водъ Терека въ степь для избавленія Кизляра отъ наводненій и друг. Я не говорю уже о проектахъ соединенія Азовскаго и Каспійскаго морей черезъ Мапычъ, который такъ долго занималъ нашихъ дѣятелей и ученыхъ. Всѣ эти вопросы разрѣшаются питательными каналами изъ Терека и Бубани. Такимъ образомъ, ясно, что цѣли, достигаемыя этимъ каналомъ, почти всѣ имѣлись въ виду до меня; но въ немъ стремились болѣе или менѣе другими путями и необходимость ихъ достиженія доказывалась какъ правительствомъ, такъ и частными людьми на всевозможные лады. Выполненіемъ же моего проекта разрѣшаются всѣ желанія правительства, которыхъ оно домогалось съ давнихъ лѣтъ. Такое положеніе дѣла отчасти избавляетъ меня отъ обязанности съ своей стороны доказывать полезность предлагаемаго мною воднаго пути, который является уже какъ дополненіе къ каналамъ ирригаціоннымъ.

«Я не специалистъ по государственной экономіи и не берусь обсуждать, насколько этотъ новый водной путь усилитъ районъ сбыта нашимъ дешевымъ грузамъ какъ внутри Россіи, такъ и за границу; скажу только, что стоить взглянуть на графическую карту передвиженія грузовъ г. Блюха, чтобы видѣть, какая масса двигается по воднымъ не гарантированнымъ правительствомъ путямъ сравнительно съ желѣзными дорогами. И какъ странно сложилось, что, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, почти всѣ грузы двигаются къ сѣверу и только весьма незначительная часть ихъ идетъ къ югу—въ Каспійское море. Что же это означаетъ? Куда идутъ всѣ эти грузы, заключающіеся по преимуществу въ хлѣбъ? Большая часть хлѣба идетъ за границу. Зачѣмъ же нуженъ такой длинный, неудобный и дорогой путь? Не было ли бы проще пройти ему черезъ Черное море? Конечно, это было бы и дешевле, и скорѣе. Но Волга съ Чернымъ моремъ соединенія не имѣетъ. Давно уже сознавалось, что природа сдѣлала большую экономическую ошибку, направивъ ее не въ Черное, а въ Каспійское море. Грузы по необходимости должны направляться на сѣверъ—къ Балтійскому морю, замерзающему на 6 мѣсяцевъ въ году. Дорогой путь увеличиваетъ стоимость хлѣба и уже проявляются зловѣщіе признаки того, что нашъ хлѣбъ на европейскомъ рынкѣ можетъ быть современемъ вытѣсненъ дешевымъ хлѣбомъ американскимъ. Развѣ одинъ этотъ вопросъ не заслуживаетъ всеобщаго вниманія и не подаетъ повода къ изысканію дешеваго пути изъ Волги въ Черное море? А что же можетъ быть удобнѣе и дешевле провоза водою? Въ то время, когда желѣзныя дороги съ трудомъ перевозятъ хлѣбъ по $\frac{1}{50}$ копѣйки съ пуда и версты, по каналамъ грузы перевозятъ по $\frac{1}{1000}$ копѣйки. Никакихъ стѣсненій, встрѣчающихся на желѣзныхъ дорогахъ, грузоотправители не могутъ имѣть въ перевозкахъ по водѣ. Возьмемъ другія отрасли торговли. Волга и прилегающія къ ней мѣстности нуждаются въ минеральномъ топливѣ. Лѣса замѣтно уничтожаются и вслѣдствіе того ухудшается климатъ. Подвозъ каменнаго угля изъ Земли Войска Дон-

скаго теперь слишкомъ дорогъ и неудобенъ. При посредствѣ предлагаемаго мною канала онъ можетъ продаваться на Волгѣ только двумя-тремя копѣйками дороже, нежели въ Ростовѣ. Бакинская нефть тоже найдетъ себѣ сбытъ въ Черномъ морѣ, когда явится водяной путь изъ одного моря въ другое. Стоимость лѣсныхъ строительныхъ матеріаловъ въ Ростовѣ и въ сѣверныхъ частяхъ Кавказа при помощи канала значительно уменьшится, и громадные количества этихъ матеріаловъ направятся уже безъ перегрузокъ по каналу изъ Волги и Камы. Помимо всего этого, можно сказать вообще: путь создаетъ грузы, въ особенности путь общедоступный и удобный для сплошнаго заселенія» *).

Стоимость своихъ каналовъ М. А. Даниловъ считаетъ кругомъ по 45,000 рублей на версту, а всего 70.870,000 рублей, а приращеніе цѣнности одной орошенной земли по 200 руб. на десятину — 80 миллионъ рублей, т.-е. не считая доходовъ отъ судоходства и вододѣйствующихъ заведеній, одна эта статья должна покрыть расходъ на каналы.

Увеличеніе цѣнности орошенной земли въ такомъ климатѣ не только не преувеличено, но даже взято гораздо менѣе вѣроятнаго. На Сѣверномъ Кавказѣ не мало примѣровъ того, что орошенные земли продаются по 800 рублей за десятину, а такія же неорошенные—по 10 р. Земли, орошенные каналами изъ р. Дюрансъ въ южной Франціи, несущей много ила, продаются по 3,000 руб. за десятину, а рядомъ, неорошенные—за 50 рублей.

Въ средней части Бутанской губерніи, гдѣ населеніе довольно густо, десятина земли продается отъ 500 до 1,000 рублей. Земля здѣсь плодородна, климатъ теплый и достаточно влаженъ для того, чтобы давать хорошіе урожаи безъ искусственнаго орошенія. Но, однако, тамъ почти не воздѣлываютъ промышленныхъ растений, а главнымъ образомъ, кукурузу, бобы (лوبي), просо (гоми), да небольшое пространство находится подъ садами и огородами.

На орошенныхъ земляхъ по Тереку и къ сѣверу отъ него могутъ съ выгодой воздѣлываться высокіе сорта турецкаго табаку. Въ Черноморскомъ округѣ рассчитываютъ безъ преувеличенія на чистый доходъ въ 300 руб. отъ десятины табаку. Правда, послѣ того земля должна отдыхать, но земля, орошаемая канавами, должна отдыхать менѣе времени, чѣмъ неполивная, такъ какъ въ водѣ растворены минеральныя соли и она несетъ илъ: и то, и другое удобряетъ землю; затѣмъ дешевый водяной путь съ Волги доставитъ важнѣйшее удобрительное средство—фосфориты.

Теплый климатъ и обиліе воды дадутъ возможность получать въ годъ два урожая, наприм., пшеницы и конопли. Въ случаѣ же воздѣлыванія кормовыхъ травъ возможно получить не менѣе 4-хъ укосовъ въ годъ. Въ Ломбардіи и южной Франціи получаютъ 6 укосовъ клевера или люцерны въ годъ на поливныхъ земляхъ, въ теченіе 5—6 лѣтъ сряду, и не менѣе 600 пудовъ сѣна съ десятины въ годъ. Считая $\frac{1}{2}$ на уборку и продажную цѣну 10 коп. за пудъ сѣна, это чистый доходъ въ 48 рублей съ десятины.

*) Тамъ же, стр. 13—89.

На орошенныхъ земляхъ, конечно, поселится русское земледѣльческое население, живущее уже теперь къ сѣверу—по Волгѣ и Дону, къ западу—на ставропольскихъ черноземныхъ степяхъ и къ югу—въ станицахъ Терскаго войска и, слѣдовательно, привыкшее къ климату.

Нерѣдко слышится мнѣніе, что въ орошенныхъ мѣстностяхъ климатъ нездоровъ и часто бываютъ лихорадки. Это справедливо, но зависитъ не отъ свойства орошенія самого по себѣ, а отъ неумѣлаго пользованія водой и рода воздѣлываемыхъ растений.

Каналы нерѣдко устраиваются и содержатся такъ небрежно, что вода легко разрушаетъ берега, сливается въ углубленія и застаивается въ нихъ. То же самое происходитъ при спускѣ воды послѣ орошенія полей. Туземцы Закавказья спускаютъ ее куда попало, не обращая вниманія на вредъ отъ застоя воды. При правильно устроенной сѣти орошенія ни того, ни другаго не бываетъ и вода нисколько не вредна, обильной притокомъ чистой текучей воды можетъ быть лишь помезень для людей и животныхъ, полезны и деревья, разводимыя благодаря водѣ въ степи.

Именно въ отсутствіи искусственнаго орошенія и вообще условій, регулирующихъ пользованіе водой, въ Ставропольской губерніи происходятъ болѣзни людей и животныхъ. Въ сухое лѣто степныя рѣки превращаются въ ряды лужъ, сообщающихся подземными водотоками. Вода застаивается, цвѣтеетъ и еще болѣе портится скотомъ, входящимъ въ воду для питья. Гдѣ воды поболѣе, тамъ вредятъ мельницы съ ихъ запрудами, превращающія обширныя пространства въ болота, заросшія камышомъ. Зло такъ велико, что даже тамъ, гдѣ для земледѣлія не нужно искусственное орошеніе, наприм., по р. Егорлыкѣ, М. Н. Герсевановъ предполагаетъ провести каналы изъ р. Кубани, для доставленія чистой воды для питья людей и скота и поливки огородовъ.

Вредны лишь рисовыя поля (чалтыки), а такъ какъ русскій народъ не привыкъ къ рису, то они могли бы быть совсѣмъ запрещены или дозволены лишь въ извѣстномъ разстояніи отъ городовъ и селеній, какъ дѣлается въ Ломбардіи, Пьемонтѣ и Закавказьѣ.

М. Н. Герсевановъ, разбирая проектъ г. Данилова и отзываясь о немъ очень одобрительно, находитъ, однако, что на полное его осуществленіе сразу не хватитъ денегъ, и дѣлаетъ затѣмъ слѣдующія вѣрныя замѣчанія:

«Даже отказавшись отъ полнаго проекта судоходно-ирригаціоннаго канала г. Данилова между морями Каспійскимъ и Азовскимъ, можно скорѣе пожелать устройства питательнаго Терскаго канала, который бы, вѣроятно, избавилъ несчастныхъ казаковъ отъ наводненій Терека въ низовьяхъ и сдѣлалъ бы обитаемыми до 200,000 десятинъ нынѣ безводной земли въ Терской области, Ставропольской и Астраханской губ. Но если ограничиться однимъ Терскимъ каналомъ, то куда дѣтъ избытокъ воды въ 9,4 куб. саж. въ секунду, которая этотъ каналъ долженъ приводить къ Манычскому водораздѣлу для судоходныхъ каналовъ, къ Астрахани или къ Дону?

«Можно было бы воспользоваться водою для обводненія огромнаго про-

странства Балмыцкой степи, Астраханской губ., разстилающейся у подножия Ергеней, для чего стоило бы продлить отъ Манычскаго водораздѣла каналъ г. Данилова къ сѣверу, къ р. Волгѣ у Сарепты.

«Уровень Волги у Сарепты на 48 фут. ниже уровня Чернаго моря, а водораздѣлъ Маныча на 81 футъ выше, такъ что у насъ имѣется паденіе $81+48=129$ фут., которымъ можно воспользоваться для развитія вдоль Ергеней обводнительнаго канала, длиною въ 300 вер. Такъ какъ каналъ долженъ проводить весьма большую массу воды, то его можно сдѣлать суходоходнымъ.

«Такимъ образомъ, явилась бы возможность обводнить значительную часть Балмыцкой степи и сдѣлать ее доступною осѣдлому населенію,—одна изъ задачъ, которая была дана кумо-манычской экспедиціи 1860 г. Тогда бы Терекъ, вмѣсто своего зловѣщаго значенія въ низовьяхъ, какъ источника наводненій и опустошеній, явился бы источникомъ обводненія и возможнаго благосостоянія всего степнаго пространства между теченіемъ Терека, Ергенями и Волгой,—задача не менѣе привлекательная, чѣмъ соединеніе Азовскаго и Каспійскаго морей судоходнымъ каналомъ» *).

Двѣ рѣки, впадающія въ Каспійское море между Терекомъ и Курой, Сулакъ и Самуръ, совсѣмъ не служатъ для судоходства, а въ своемъ нижнемъ теченіи служатъ для орошенія полей, садовъ и огородовъ. Но и по меньшему количеству воды, и по гористому характеру мѣстности эти рѣки далеко не могутъ имѣть таковаго значенія для орошенія, какъ воды рѣчныхъ областей Терека и Куры. Эти рѣки также имѣютъ высокую воду лѣтомъ, во время таянія снѣговъ, и Самуръ тогда служитъ значительнымъ препятствіемъ для сообщенія по большой дорогѣ между Дербентомъ и Баку. Перезѣзжаютъ ее въ бродъ съ большими опасностями. Два селенія освобождены отъ всѣхъ денежныхъ податей и на нихъ возложена натуральная повинность по переправѣ экипажей и повозокъ черезъ рѣку.

Для регулированія теченія рѣкъ бассейновъ Кубани, Терека, Сулака и Самура, доставленія болѣе правильнаго притока воды для цѣлей орошенія, судоходства и пользованія движущею силой, весьма вѣроятно, придется прибѣгнуть къ мѣрѣ, о которой была рѣчь въ предыдущей статьѣ **), именно къ устройству обширныхъ резервуаровъ или прудовъ въ верховьяхъ рѣкъ. Въ горахъ эти работы облегчаются тѣмъ, что часто попадаются узкія ущелья, гдѣ сравнительно небольшою запрудой можно образовать вверху большой плесъ воды. Эти котловины—часто остатки древнихъ озеръ, гдѣ преграда была размыта водой. Укажу на сѣверномъ Кавказѣ на долину Загданъ, на верхней Кубани, окруженную нѣкоторыми изъ самыхъ величественныхъ ледниковъ Кавказа, на верхній Терекъ и его 4 правые притока, на многія мѣста въ среднемъ Дагестанѣ въ рѣчной области Сулака и, наконецъ, видѣнныя мною многочисленныя котловины, раздѣленныя ущельями, по среднему теченію Самура.

*) Тамъ же, стр. 62 и 63.

**) Русская Мысль 1868 г., кн. VII.

Правильное устройство подобныхъ запрудъ обезопаситъ отъ вреднаго вліянія недостатка и излишняго обилія воды, такъ какъ большое увеличеніе и уменьшеніе количества ея остается почти незамѣтнымъ тамъ, гдѣ она широко разливается. Извѣстно, какъ постояненъ уровень рѣкъ, вытекающихъ изъ большихъ озеръ. Лучшій примѣръ — Нева, которая, благодаря вліянію Ладожскаго озера, имѣетъ замѣчательно ровный притокъ воды во всё время года. То же можно замѣтить о рѣкахъ, вытекающихъ изъ альпійскихъ озеръ: наприм., Рона не имѣетъ гибельныхъ наводненій отъ Женевы до Ліона.

Важно еще другое обстоятельство. Рѣки сѣвернаго Кавказа имѣютъ самую высокую воду лѣтомъ. Это время благоприятно для орошенія кормовыхъ травъ и многихъ промышленныхъ растений, хлебныя же поля требуютъ воды гораздо ранѣе, а, между тѣмъ, послѣ малоснѣжной зимы ея мало въ рѣкахъ весной. Запруды дадутъ возможность помочь злу.

Важно и другое обстоятельство. Въ проектѣ г. Данилова обращено должное вниманіе на движущую силу, получаемую на *черепадахъ* каналовъ. Запруды дадутъ возможность регулировать и ее, доставлять промышленнымъ заведеніямъ достаточно воды и зимой, когда горныя рѣки бѣдны водой.

Въ этомъ отношеніи швейцарскіе города, лежащіе у истоковъ рѣкъ изъ озеръ, находятся въ замѣчательно выгодномъ положеніи, имѣя большой запасъ никогда не иссякающей водяной силы. Въ Женевѣ уже нѣсколько лѣтъ существуютъ турбины, доставляющія 10,000 лошадиныхъ силъ промышленнымъ заведеніямъ города, и недавно, немного ниже, построили другія на такое же количество силъ. Въ другихъ городахъ водяная сила служитъ для электрическаго освѣщенія.

Не лишены значенія и другія стороны дѣла. Запруды или искусственныя озера, какъ ихъ можно назвать, способствуютъ увлажненію воздуха и, слѣдовательно, особенно благоприятны для хорошаго роста деревьевъ и травъ. Затѣмъ осенью и зимой большія пространства водъ охраняютъ отъ ночныхъ морозовъ, а лучи солнца, утромъ и вечеромъ, отражаясь отъ воды, способствуютъ созрѣванію нѣжныхъ плодовъ, напримѣръ, винограда. Хорошее качество винограда и вина на сѣверныхъ берегахъ Женевскаго озера справедливо приписываютъ вліянію воды. Днемъ, въ жаркое время года, вода умѣряетъ жаръ.

Благоприятное вліяніе водныхъ поверхностей и красота горныхъ озеръ — не послѣдняя причина, привлекающая такъ много иностранцевъ въ Швейцарію. Нерѣдко приходится слышать и читать, что французскія Альпы и Тироль, а также и Кавказъ, не уступая Швейцаріи въ другихъ отношеніяхъ, лишены прелести видовъ, зависящей отъ горныхъ озеръ.

Кавказскія горы также способны привлекать туристовъ и доставить тѣмъ большіе доходы странѣ, такъ что все, что можетъ увеличить привлекательность страны и задержать туристовъ долѣе, не лишено значенія и для насъ. Представьте себѣ Швейцарію безъ озеръ. И тогда горы и ледники посѣщались бы туристами съ начала іюля до начала сентября, и они не

завивались бы подолгу весной, осенью и даже зимой на берегах озеръ Женевскаго, Лугано, Четырехъ Бантоновъ, и знаменитый пикъ Риги, конечно, не имѣлъ бы такого числа посѣтителей, какъ теперь, такъ какъ озера придаютъ особую красоту виду съ этой горы.

Устройство запрудъ или искусственныхъ озеръ въ горахъ южной Франціи нашло краснорѣчиваго защитника въ лицѣ Августа Гаспарена. Онъ доказывалъ, что устройствомъ запрудъ и широкимъ развитіемъ искусственнаго орошенія на югѣ Франціи создастъ страны, ничѣмъ не уступающія Швейцаріи и Ломбардіи *).

Восточное Закавказье столько же нуждается въ искусственномъ орошеніи, какъ степи къ сѣверу отъ Терека, но въ отличіе отъ послѣднихъ въ Закавказьѣ орошеніе существовало давно и во многихъ мѣстахъ, особенно въ низовьяхъ Куры и Аракса, было въ древности гораздо обширнѣе, чѣмъ теперь. Писатели классической древности, особенно Страбонъ, описываютъ эту страну, называемую ими Албаніей, какъ необычайно плодородную. Плодородіе осталось, земля вознаграждаетъ труды человѣка, лишь бы проведена была вода, но страна давно въ упадкѣ, древніе каналы безъ воды и большая часть древней Албаніи служитъ лишь зимнимъ пастбищемъ для скота, а лѣтомъ совершенно пустынна.

Россія уже 60—80 лѣтъ владѣетъ этою страной, но еще ничего почти не сдѣлала для ея оживленія проведеніемъ воды на поля. Въ первыя 40—60 лѣтъ русскаго владычества это было понятно,—война съ горцами поглощала вниманіе и средства, страна не была связана съ внутреннею Россіей сколько-нибудь сносными путями сообщенія и была необходима для насъ въ политическомъ отношеніи, но въ экономическомъ была положительно отрѣзаннымъ ломтемъ. Тогда изъ Ростова-на-Дону было труднѣе понасть въ Тифлисъ, чѣмъ теперь изъ Петербурга въ Ташкентъ.

Тотчасъ по покореніи Шамиля князь Барятинскій обратилъ вниманіе на орошеніе края. Русскихъ специалистовъ по этому дѣлу тогда не было и онъ поручилъ всестороннее изслѣдованіе водъ рѣчной области Куры англійскимъ инженерамъ Белли и Габбу. Первый остался недолго, второй занялся своимъ дѣломъ весьма добросовѣстно и обстоятельно, изучилъ многія изъ рѣкъ области Куры и составилъ обширный проектъ орошенія восточнаго Закавказья. Но затѣмъ, какъ часто бываетъ въ нашихъ канцеляріяхъ, явились другіе, болѣе модные вопросы, и изъ проектовъ Габба не только была исполнена лишь малая часть, но даже его проектъ напечатанъ лишь отчасти, а съ остальною частью оказалось возможнымъ ознакомиться лишь недавно, благодаря книгѣ г. Дингельштедта объ орошеніи на Кавказѣ. Авторъ перевелъ большую часть проекта Габба съ французскаго оригинала.

Между тѣмъ, жители восточнаго Закавказья настолько сознаютъ необходимость орошенія, что пользуются почти всѣми небольшими рѣками и рѣчками, впадающими въ Куру. Вода большей части изъ нихъ лѣтомъ сплошь

*) См. шестой томъ известной книги *Gasparin*: „Cours d'Agriculture“. Paris, 1860.

разбирается на орошеніе и не доходить до Буры. Поэтому на сколько-нибудь подробней картѣ видно къ юго-востоку отъ Тифлиса множество рѣкъ безъ устья. Съ большими рѣками нынѣшніе туземцы справиться не могутъ, такъ какъ пришлось бы проводить воду издалека, чтобъ получить надлежащій склонъ.

Это дѣло, очевидно, требуетъ большихъ капиталовъ и техническихъ знаній, и потому можетъ быть предпринято лишь правительствомъ. Орошеніе плодородныхъ, но въ настоящее время безводныхъ и непроизводительныхъ степенъ восточнаго Закавказья отчасти удовлетворяетъ другимъ цѣлямъ, чѣмъ орошеніе степей къ сѣверу отъ Терека. Климатъ здѣсь значительно теплѣе и поэтому вполне возможно воздѣлываніе такихъ растений, которыя не удаются или плохо растутъ далѣе на сѣверѣ, а, между тѣмъ, необходимы для нашихъ фабрикъ, наприм., хлопокъ и болѣе цѣнные сорта турецкаго табаку. Мы должны получать отсюда нѣкоторые изъ тѣхъ продуктовъ, которые другія страны получаютъ изъ своихъ заморскихъ колоній.

Водой Буры и его притоковъ, въ томъ числѣ и Аракса, можно оросить гораздо болѣе милліона десятинъ плодородной земли. Благодаря возможности воздѣлывать болѣе цѣнные растенія, чѣмъ на сѣверномъ Кавказѣ, и получать двѣ, а иногда и три жатвы, производительность, а, слѣдовательно, и цѣнность земель должны быть здѣсь выше. Поэтому безъ преувеличенія можно считать здѣсь цѣнность орошенной десятины не менѣе тысячи рублей; слѣдовательно, устройствомъ орошенія восточнаго Закавказья создастся цѣнность значительно болѣе милліарда рублей или, вѣроятно, не менѣе контрибуціи, взятой Германіей съ Франціи въ 1871 году.

Устройствомъ орошенія въ восточномъ Закавказьѣ мы совершимъ настоящее мирное завоеваніе края, необходимое послѣ военнаго; мы этииъ докажемъ туземцамъ свое превосходство и въ дѣлахъ мира и окончательно свяжемъ край съ Россіей, превратимъ его изъ крупной статьи расхода для казны въ источникъ дохода и для самой казны, и для русскаго народа.

До сихъ поръ, нужно сознаться, туземцы могли уважать насъ лишь за военные подвиги, но въ экономической области мы оказывались далеко не умѣлыми. Правда, построена желѣзная дорога, но на Кавказѣ извѣстно, какъ она построена, какая неумѣлость и какое воровство оказались при этомъ.

А съ орошеніемъ, главною экономической потребностью края, было еще хуже. Разстроилось обычное право, до тѣхъ поръ регулировавшее пользованіе водой, и не замѣнено яснымъ и цѣлесообразнымъ закономъ.

Пора, давно пора приняться за орошеніе въ Закавказьѣ. Не нужно намъ завоеванія Индіи, — у насъ можетъ быть своя Индія, если мы того захотимъ, на равнинахъ Закавказья.

Для работъ по орошенію найдутся руки и на мѣстѣ, но не мѣшало бы привлечь и русскихъ. Это особенно удобно потому, что на равнинахъ Закавказья нѣтъ зимы въ нашемъ смыслѣ, морозы и снѣгъ — довольно рѣдкое и непродолжительное явленіе, какъ у насъ въ октябрѣ или апрѣлѣ, земляныя работы можно дѣлать цѣлый годъ, и для русскихъ рабочихъ лучшее

время были бы холодные мѣсяцы года, когда климатъ совершенно здоровъ, а дома невозможны ни земляныя, ни полевныя работы. Доставить населенію работу въ зимнее время—одна изъ главныхъ задачъ русской экономической жизни. Благодаря нашимъ южнымъ окраинамъ, она вполне достижима.

Не мѣшало бы привлечь къ этимъ работамъ и войска, которыхъ мы здѣсь держимъ такъ много. Умѣнье копать землю, быстро возводить полевныя укрѣпленія и рыть траншеи—очень важно для солдатъ. Пусть они учатся ему на живомъ и полезномъ дѣлѣ. Что касается поселенцевъ, то если русскіе пойдутъ сюда неохотно, что очень возможно въ первое время, то можно найти достаточно охотниковъ изъ татаръ, персіанъ и армянъ, людей знакомыхъ съ земледѣліемъ помощью орошенія. Работы по орошенію свыше милліона десятинъ, конечно, не могутъ быть устроены сразу, а черезъ нѣсколько лѣтъ и русскіе не станутъ пренебрегать здѣшними землями, особенно тѣ, которые уже ознакомились съ краемъ и его естественными богатствами.

Нѣкоторые изъ оросительныхъ каналовъ Закавказья, конечно, будутъ построены въ такихъ размѣрахъ, что будутъ вполне удобны для судоходства. Нижнее теченіе Куры, начиная со впаденія въ нее Алазани, слишкомъ на 500 верстъ, уже нынѣ судоходно, и если судоходство мало развито, то потому, что рѣка официально не признана судоходной, поэтому не только нѣтъ бичевника, но и права бесплатно приставать къ берегамъ. Затѣмъ въ рѣкѣ множество карчей и для извлеченія ихъ до сихъ поръ не принято мѣръ.

Все это, конечно, легко устранимо, и современемъ мы будемъ имѣть большое пространство производительныхъ земель, связанныхъ съ Каспійскимъ моремъ, а, слѣдовательно, и съ Волгой, удобными и дешевыми водяными путями. Этотъ край доставитъ намъ тѣ продукты юга, въ которыхъ мы нуждаемся и которые не можемъ произвести въ коренной Россіи вслѣдствіе суровости климата.

Вода доставитъ намъ и возможность получать эти продукты въ Закавказьѣ, и перевести ихъ самымъ дешевымъ путемъ до нашихъ главныхъ рынковъ.

А. Воейковъ.

Очерки французской жизни.

(Письма изъ Парижа).

I.

Буланжизмъ. — Нравственная фибіономія политической неурядицы. — Въ Бельвильскомъ кварталѣ. — Буланже и рулетка. — Бардъ Паулюсъ. — Литература буланжизма. — Vou-lange le Messie.

Въ иностранномъ обзорѣніи *Русской Мысли* обрисовывается политическая жизнь Франціи, а потому въ своихъ письмахъ я буду, главнымъ образомъ, говорить о художественной и литературной жизни французскаго общества. Но можно ли жить въ настоящую минуту въ Парижѣ, писать оттуда очерки французской жизни и не говорить о политикѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что главная причина переживаемой нами политической неурядицы заключается въ борьбѣ общественныхъ классовъ, имѣющихъ не только различные экономическіе интересы, но и различные религіозныя, нравственныя, литературныя и художественныя стремленія. Тѣмъ не менѣе, если бы въ общемъ нравственный уровень каждаго общественнаго класса въ отдѣльности былъ немного выше, политическая неурядица наша не вылилась бы въ такую отвратительную и грязную форму, какъ снѣдающій насъ буланжизмъ. Явно живое profession de foi Буланже одинаково удовлетворяетъ и консерваторовъ, и многихъ республиканцевъ.

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ знаменитый эксъ-маркизь Рошфоръ считается въ нѣкоторыхъ республиканскихъ кругахъ самымъ ненадежнымъ въ нравственномъ отношеніи человекомъ. Извѣстно, что онъ во всемъ руководится лишь одною страстью—жуировать; что республиканцемъ по принципу онъ никогда не былъ, такъ какъ не понимаетъ вовсе этого принципа, и памфлетировалъ противъ имперіи лишь потому, что это было всего выгоднѣе для его литературнаго таланта; что для утоленія своей страсти къ роскоши, женщинамъ и скачкамъ ему нужны большія суммы; что уже десятки лѣтъ онъ, представитель республиканцевъ, сотрудничаетъ въ порнографическомъ *Жиль - Блазъ*, но Рошфору это не только сходило съ рукъ, но куда бы онъ ни являлся, республиканцы громко аккламировали его, а рабочіе тысячами ежедневно носили ему свои су за его площадныя выходы въ *Intransigeant*'н.

Есть у меня знакомый фабрикантъ кружевъ, Палио. Этотъ гражданинъ постоянно вотировалъ за Клемансо и поддерживаемыхъ имъ кандидатовъ. Теперь же,—Палио заявилъ мнѣ это публично,—онъ подаетъ свой голосъ за Буланже.

— Неужели вы не понимаете, что Буланже убьетъ республику?—сказалъ я Палио.—Вѣдь, вы же читаете не одинъ только *Intransigent*, но и *Justice*, и *Temps*, и вы ясно видите, какъ Буланже заигрываетъ и съ легитимистами, и съ орлеанистами, и съ революціонерами. Вѣдь, это безнравственно!

— Это совершенно вѣрно,—отвѣтилъ мнѣ фабрикантъ,—и я отлично знаю, что за птица Буланже, но и парламентскіе говоруну тоже мнѣ порядкомъ надоѣли, и я вотирую за Буланже, чтобы протестовать противъ ненавистныхъ мнѣ депутатовъ.

— Вѣдь, скоро будутъ новые выборы,—замѣтилъ я.

— Долго ждать! Нужно, чтобы это переѣнилось сейчасъ же.

Какъ ни старался я доказать фабриканту, что нечистыми руками чистыхъ результатовъ достигнуть нельзя, онъ не переставалъ утверждать, что имѣетъ право протестовать противъ теперешняго правительства какими бы то ни было мѣрами.

Въ сущности же, Палио имѣлъ совсѣмъ другіе резоны вотировать за Буланже. Я узналъ объ этомъ случайно, черезъ нѣсколько дней послѣ приведенной бесѣды, присутствуя при слѣдующемъ разговорѣ фабриканта съ его сосѣдомъ, ювелиромъ.

— Ну, какъ ваши панамскія акціи, г. Палио?—спросилъ ювелиръ.

— Ничего, сосѣдъ, ничего, поправятся.

Бѣдный Палио сильно довѣрился великому Лессенсу и ухлопалъ на панамскія акціи чуть ли не половину всѣхъ своихъ сбереженій.

— Какъ ничего, г. Палио?—продолжалъ расспрашивать ювелиръ.—Вѣдь, общество совсѣмъ въ разстройствѣ, работы прекратились, акціи на биржѣ больше не котируются...

— А я вамъ говорю, что ничего,—продолжалъ Палио безъ особеннаго волненія, какъ человекъ не сомнѣвающійся въ томъ, что утверждаетъ.—Дайте только выборамъ кончиться, Панама сейчасъ подымется. Онъ это обѣщаль, и *это* онъ навѣрное сдѣлаетъ.

Вотъ эта-то вѣра въ *него* и въ то, что онъ именно сдѣлаетъ нужное и пріятное вотирующему; и составляетъ главную силу буланжизма. Бонсерваторы вѣрятъ, что онъ имъ дастъ монархію, бонапартисты убѣждены, что онъ возобновитъ имперію, коммерсанты не сомнѣваются, что онъ оживитъ торговлю, а для рабочихъ онъ—олицетвореніе новой, настоящей республики.

Въ Белльвильскомъ округѣ панамскія облигаціи, конечно, не играютъ никакой роли, но за то большинство рабочихъ, населяющихъ этотъ кварталъ, вполне убѣждено, что Буланже самый красивый изъ всѣхъ республиканцевъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ на стѣнахъ появились красныя, зеле-

ныя, желтыя и синія афиши противниковъ Буланже, белльвилльцы начинаютъ сомнѣваться въ искренности республиканскихъ обѣщаній генерала, изгнавшаго орлеанскихъ принцевъ.

Мнѣ пришлось быть въ Белльвиллѣ какъ разъ въ то время, когда афишеръ началъ расклеивать первые избирательные манифесты. Завидѣвъ афишера еще издали, блузники побросали работу и побѣжали за нимъ гурьбой до ближайшей казенной стѣны, на которой расклеиваются всякія городскія и государственныя объявленія. Афишеръ съ большимъ пакетомъ разноцвѣтныхъ афишъ подъ мышкой, погачивая ведромъ съ клеемъ, изъ котораго торчала щетка, подтрунивалъ надъ слѣдовавшею за нимъ толпой:

— Напрасно потрудились; не *ею!* не его афиша!

— Чья же?—спросили многіе блузники.

— Жака!

И съ какою-то особою досадою онъ первый затягиваетъ смѣшную, но популярную пѣсенку:

„Frère Jacques, frère Jacques, dormez vous?“

Этого только и нужно было. Съ свойственнымъ имъ однимъ свистомъ и ауканіемъ подхватили блузники популярный напѣвъ и не переставали драть горло все время, пока продолжалось чтеніе расклеенной афиши.

Однако, открытое обвиненіе Буланже въ сообщничествѣ съ бонапартистами, орлеанистами и клерикалами, высказанное Жакомъ въ расклеенной афишѣ въ сильныхъ выраженіяхъ, произвело на блузниковъ большое впечатлѣніе.

— Неужели же это правда? Неужели же онъ такой же измѣнникъ, какъ и другіе?—стали раздаваться грозные голоса.

— Что же тутъ невозможнаго?—спросилъ я своего сосѣда, больше всѣхъ озадаченнаго манифестомъ Жака.

— Нѣтъ, не повѣрю я этому! *Intransigent* объ этихъ дѣлкахъ ни слова не сказалъ. А лучшаго республиканца, чѣмъ Рошфоръ, нѣтъ во Франціи.

Въ томъ-то и дѣло, что большинство парижскихъ рабочихъ читаетъ одинъ *Intransigent* и судить о буланжизмѣ только по тому, что о немъ пишетъ газета Рошфора.

Меня сильно заинтересовало поведеніе афишера, подтрунивающаго надъ своимъ кандидатомъ, которому онъ обѣщался служить, и я рѣшилъ отъ него самого узнать причину этихъ странныхъ дѣйствій. Воспользовавшись тѣмъ, что онъ зашелъ въ кабачокъ выпить вермутъ, я тоже поспѣшилъ за нимъ туда и тоже потребовалъ себѣ стаканъ вина. Нѣтъ ничего легче, какъ вступить съ парижаниномъ въ бесѣду, можно даже сказать, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ не начать съ нимъ разговора, такъ какъ онъ не можетъ въ присутствіи другаго живаго лица остаться безмолвнымъ.

Какъ только я вошелъ въ гарготку, афишеръ, принявшій уже изъ рукъ кабачника рюмочку съ зеленымъ напиткомъ, сіяя отъ предстоящаго наслажденія, весело обратился ко мнѣ:

— Здорово, гражданин! Вы не откажетесь чокнуться со мной? Я сегодня значительный человек.

И, весело повертывая между пальцами рюмочку вермута, он прибавил:

— Я превращаю стѣны Парижа въ бесплатныя читальни... чокнемся, гражданин!

Нечего было дѣлать. Я чокнулся съ нимъ.

— Что бы тамъ ни вышло изъ вашихъ читаленъ, — замѣтилъ я, — а вамъ, афишерамъ, теперь лафа.

Но, вмѣсто утвердительнаго отвѣта, мой собесѣдникъ только повелъ плечами и испустилъ многозначительный въ парижскомъ рабочемъ обществѣ звукъ:

— Eh ouat!...

Трудно передать все то пренебреженіе, которое заключается въ этихъ чисто-английскихъ звукахъ.

— Конечно, — продолжалъ мой афишеръ, — по 6 франковъ въ сутки теперь заработаемъ, но досадно то, что мнѣ никогда не везетъ. Я рассчитывалъ попасть къ патрону, принявшему на себя расклейку афишъ генерала, а вотъ попалъ къ этому раучте Jacques.

— А развѣ вамъ не все равно?

— Конечно, не все равно. Главная-то гратификація бываетъ по окончаніи выборовъ, а такъ какъ мой бѣдный Жакъ провалится, то и гратификація будетъ неважная. Во всякомъ случаѣ, генералъ былъ бы щедрѣе.

Аналогичную же бесѣду я имѣлъ съ другимъ блузникомъ на пароходѣ между Шарантономъ и Отейемъ. Это былъ человекъ пожилой, повидавшій уже всякаго рода виды, и революцію 48-го года, и декабрскій переворотъ, и коммуны.

— Бѣда, видите ли, въ томъ, — сказалъ онъ мнѣ, — что за Буланже всѣ патроны, почему и намъ придется вотировать за него. Вѣдь, положеніе теперь такое же самое, какъ въ 1873 году, когда баллотировался Бароде. Мы тогда вотировали за Бароде, а потомъ вдругъ дѣла пошли плохія, наступила безработица, а когда мы приходили просить работы, патроны такъ и отвѣчали намъ: ступайте къ Бароде, пусть онъ вамъ дастъ работу. Теперь они насъ будутъ посылать къ Жаку за работой. Намъ, вообще, по своей совѣсти вотировать трудно.

Другая безразветвенная сторона буланжизма—это источникъ, изъ котораго генералъ и вся его клика черпаютъ деньги какъ для политической пропаганды, такъ и для своей роскошной жизни. Всѣмъ извѣстно, что всѣ доходы Буланже заключаются въ какихъ-нибудь 10,000 франкахъ, которые онъ получаетъ отъ государства, какъ генералъ въ отставкѣ, а между тѣмъ, онъ живетъ на такую ногу, что и нѣсколько сотъ тысячъ франковъ мало для покрытія его расходовъ. Генералъ занимаетъ цѣлый отель въ одной изъ лучшихъ улицъ Парижа, задаетъ постоянно дорогіе обѣды, содержитъ нѣсколько дорого оплачиваемыхъ любовницъ... Откуда же беретъ онъ необходимыя деньги? Изъ присылаемыхъ ему денегъ на политическую пропа-

ранду? Это значить обворовывать доверяющих ему людей, которые приносят ему свою лепту на патриотическое дѣло, а нисколько не на обѣды и пиры. Но дѣло въ томъ, что необходимыя Буланже громадныя суммы доставляются изъ самаго грязнаго въ Европѣ вертепа—изъ монашеской рулетки. Лицо, обнаружившее въ XIX Siècl'ѣ этотъ истинный источникъ буланжистскихъ фондовъ, приводитъ такія доказательства, что сомнѣваться въ правдивости его разсказа нѣтъ никакой возможности.

Какъ извѣстно, во главѣ монашескаго игорнаго дома стоитъ теперь принцъ Роландъ Бонапартъ, женившійся на дочери Блана, директора рулетки. Принцъ Роландъ Бонапартъ—кузенъ Жерома Бонапарта, извѣстнаго Плонъ-Плона, не потерявшаго еще надежды посидѣть на французскомъ тронѣ. Какъ только Буланже началъ свою кампанію въ пользу плебисцита, Плонъ-Плонъ тотчасъ же сообразилъ, что дѣйствія генерала—наудобнѣйшая лазейка, при помощи которой бонапартисты могутъ пролѣзть въ правительство и возстановить имперію. Такъ какъ онъ самъ не обладаетъ такими большими доходами, которые позволили бы ему снабжать генерала милліонами, необходимыми для успѣшной борьбы съ республиканцами, то Плонъ-Плонъ притянулъ на свою сторону своего богатаго кузена, которому рулетка ежегодно приноситъ около 4-хъ милліоновъ дохода. Для Буланже деньги не имѣютъ запаха, и такъ какъ ему рѣшительно все равно, кого имѣть съ собой для преслѣдуемой имъ диктатуры: Клемансо, Рошфора, Тьебо или Плонъ-Плона,—онъ нисколько не погнушался воспользоваться доходами рулетки.

Нигдѣ мелкота буланжизма не обнаруживается такъ явно, какъ въ созданной имъ литературѣ, если можно назвать этимъ именемъ тѣ площадныя пѣсни, которыя пользуются такою большою популярностью среди приверженцевъ генерала. Какъ образецъ этого сорта произведеній, я приведу нѣсколько куплетовъ изъ знаменитаго *En revenant de la revue*, появившагося года два тому назадъ, когда Буланже еще былъ только военнымъ министромъ. Рекламираважъ эту пѣсню клоунъ-пѣвецъ Паулюсъ, распѣвающій комическія пѣсни въ *Скала*, кафе-шантанѣ на Страсбургскомъ бульварѣ.

Поетъ эту пѣсню отецъ семейства (Je suis l'chef d'une joyeuse famille), который давно уже собирався повести свою жену, свою сестру, свою дочь и почтенную тещу, безъ которой не обходится ни одно французское произведеніе, романъ, комедія или пѣсня,—посмотрѣть la r'vu' du quatorz juillet (смотри войскамъ 14 іюля).

Но лучше я предоставлю слово самому этому почтенному отцу семейства, сохраняя и всѣ его выраженія, какъ образецъ стиля буланжистскихъ литературныхъ произведеній:

«Beintôt d'Longchamps on foul'la p'louse—Nous c'immencons par nous installer.—Puis j'débouch' les douze litr's à douze—Et l'on s'met à saucissonner.—Tout à coup, on cri' Viv' la Francé—Crèdié! c'est la r'vu' qui commence.—J'grim' sur un marronnier en fleur—Et ma femme sur l'dos d'un facteur.—Ma soeur qu'aim' les pompiers—Acelam' ces fiers troupiers.—Ma tendre épou-

se bat des mains.—Quand défilent les Saints-Cyriens.—Ma bell'mèr pousse des cris.—En r'louquant les sprahis,—Moi, j'foisais qu'admireuz—Notre brav' général Boulanger».

«Вотъ мы на Лоншанскомъ лугу и начинаемъ разгѣщаться. Я откупориваю двѣнадцать бутылокъ вина, въ двѣнадцать съ каждая, и мы начинаемъ наливать. Вдругъ раздается крикъ: «да здравствуетъ Франція!» Чортъ возьми! Начинается смотръ войскамъ. Я взбираюсь на каштановое дерево въ цѣту, а жена моя на спину почтальона. Моя сестра, равнодушная къ пожарнымъ, кричитъ ура этимъ гордымъ молодцамъ. Моя нѣжная супруга аплодируетъ ученикамъ Сенъ-Сирской школы. Моя теща испускаетъ радостные крики, поглядывая на снаговъ, а я только и люблюсь нашиимъ храбрымъ генераломъ Буланже».

Но вотъ смотръ кончился и восторженный поклонникъ храбраго генерала возвращается со всею семьей домой.

«По дорогѣ я пригласилъ нѣсколько солдатъ зайти въ кабачокъ прохладиться, но выпили мы не въ мѣру, и вся моя семья оказалась на-веселѣ. Я бросилъ свою тещу—предложилъ свои услуги хорощенькой маркизаткѣ. Сестра моя уже забрала пѣхотинца, дочка кокетничала съ кирасиромъ, жена безъ церемоній цѣловалась съ драгуномъ, а теща плясала съ зуавомъ».

И эта циничная пѣсня прославилла храбраго генерала на всю Францію. Нѣтъ того гамена, нѣтъ той дѣвочки, которые не распѣвали бы:

„Moi j'foisais qu'admirer
Notr' brav' général Boulanger!“

А генералъ не только не стыдится имѣть своихъ бардомъ кафе-шантаннаго пѣвца, но старается всѣми средствами распространять посвященные ему пѣсни въ казармахъ, кабакахъ, на всевозможныхъ деревенскихъ ярмаркахъ, гдѣ только бываетъ стеченіе народа.

Между антибуланжистами тоже не нашлось ни одного талантливаго литератора, который бы осмѣялъ Буланже такими же великолѣпными ямбами, какими Барбье заклеилъ навсегда ненавистнаго керсиканца.

• Нѣтъ Барбье, нѣтъ Гюго; единственные же талантливые поэты наши—Воппе, Сюлли Прюдомъ—способны на мелкія поэмы, гражданскіе же мотивы никогда ихъ не воодушевляли.

Единственные серьезные изслѣдованія, вызванныя буланжизмомъ, это брошюра Тено, автора извѣстной книги *La Province et le Coup d'Etat* и книжка депутата Ива Гійо. Недурна также траги-комическая поэма Henri Savernay (псевдонимъ), озаглавленная *Boulangé-le-Messie*. Особенно хороша въ этой поэмѣ прокламація Буланже:

„Républicains à l'Âme antique,
Vous réclamez la liberté,
Hé bien! Je suis la République:
Egalité, fraternité“.

«Республиканцы съ душой древнихъ героевъ, вы желаете свободы. Ну, что-жь? Я представляю республику: равенство и братство».

„Et vous, bourgeois enrischiés,
 Vous demandez un pouvoir fort,
 Mais quoi! Se suis la monarchie:
 Remplissez votre coffre fort“.

«А вы, разбогатѣвшіе буржуа, вы желаете сильное правительство! Ну, что-жь? Я представляю монархическую власть: наполняйте ваши сундуки».

Кончается эта прокламація, въ которой Буланже обѣщаетъ всѣмъ партіямъ сдѣлать то, что имъ болѣе всего пріятно, слѣдующимъ четверостишіемъ:

„J'ai la pierre philosophale,
 Et je resoudrai sans effort
 La dure question sociale
 Comme l'a promis Rochefort“.

«Я нашелъ философскій камень, и безъ всякаго усилія я разрѣшу социальный вопросъ, какъ вамъ обѣщалъ это Рошфоръ».

II.

Женскій вопросъ во Франціи.—Диссертация г-жи Шульце.—Особое мнѣніе психіатра Шарко.—Достоинства и недостатки общества для улучшенія участи женщинъ.—Смерть Каролины де-Барро.—Женскій конгрессъ во время выставки.—„La Citoyenne“.—„La Revue scientifique des femmes“.

Наша печать, а за нею и все наше общество очень рѣдко занимаются женскимъ вопросомъ. Въ романѣ и въ комедіи кое-когда еще выводится женщина, желающая пробить себѣ дорогу честнымъ трудомъ, но всегда для того, чтобы ее осмѣять. Присяжнымъ же хроникерамъ газетъ, обсуждающимъ ежедневно всякаго рода вопросы, нужно пикантное происшествіе, чтобы заставить ихъ заговорить о женскомъ вопросѣ. Этимъ пикантнымъ происшествіемъ была диссертация русской женщины-врача, г-жи Шульце, оппонентомъ которой явился знаменитый Шарко.

За нѣсколько недѣль до г-жи Шульце, другая русская дѣвица, г-жа Гольдшпигель, тоже защищала съ успѣхомъ интересную диссертацию *Объ истеріи у дѣтей*, но оппонентомъ ея были незнакомые большій публикѣ профессора, и печать наша обошла этотъ фактъ молчаніемъ. Г-жа Шульце избрала темой вопросъ общественный: *Женщина-врачъ въ XIX столѣтіи*. Это самая обыкновенная компилятивная работа, безъ самостоятельныхъ выводовъ. Но Шарко,—мнѣ это передавали его близкіе знакомые,—не понравился въ этой диссертациі рѣзкій, заносчивый тонъ автора, который легче всего объяснить крайнею молодостью г-жи Шульце (ей всего двадцать лѣтъ), а вовсе не тою надменностью, которой отличаются, по мнѣнію знаменитаго психіатра, большинство такъ называемыхъ эманципированныхъ женщинъ.

Шарко вовсе не противникъ женскаго образованія, ни женскаго труда. Его жена—талантливый художникъ и, несмотря на болѣе чѣмъ значительные доходы своего мужа, занимается сама рисованіемъ картинъ и обучаетъ этому искусству другія немущихъ женщинъ. Когда, два года тому назадъ, въ на-

шей медицинской школѣ поднять былъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ занятію мѣста интерновъ въ госпиталяхъ, Шарко былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ женскаго интерната.

«Разъ мы допускаемъ женщинъ въ медицинскую школу, — выразился онъ, — мы обязаны предоставить имъ всѣ права, которыя даютъ учащимся экзамены и конкурсы».

Но въ качествѣ психіатра онъ имѣетъ особое мнѣніе насчетъ учащих-ся женщинъ, которыя, по его мнѣнію, составляютъ отдѣльную разновидность, какъ вообще всѣ субъекты, выдѣляющіеся своими идеями, стремленіями и желаніями изъ окружающей ихъ среды. Шарко почему-то считаетъ большинство этихъ женщинъ наклонными къ гордости, самонадѣянности и, вслѣдствіе этого, къ поверхностному отношенію къ принимаемымъ ими на себя обязанностямъ. Особенно это поразило его въ бездоказательныхъ положеніяхъ диссертациі г-жи Шульце, высказанныхъ въ такой формѣ, что будто и сомнѣнія не можетъ быть насчетъ ихъ абсолютной вѣрности. И только этимъ однимъ слѣдуетъ объяснить всѣ тѣ рѣзкія замѣчанія, которыя Шарко сдѣлалъ г-жѣ Шульце. Такъ, онъ сказалъ ей, что она напрасно думаетъ, что она доказала, будто медицина такъ же доступна женщинамъ, какъ мужчинамъ. По мнѣнію Шарко, женщины-врачи, если не всегда, то еще очень долго, будутъ составлять исключеніе. Далѣе Шарко упрекнулъ женщинъ-врачей въ томъ, что ихъ стремленіе къ изученію медицины является не слѣдствіемъ ихъ любви къ ближнему, изъ желанія быть полезными страждущимъ, а простымъ расчетомъ составить себѣ карьеру, иначе женщины-врачи не оставались бы въ городахъ, гдѣ имъ приходится конкурировать съ мужчинами, а селились бы въ деревняхъ, гдѣ въ нихъ больше нуждаются.

У почтеннаго профессора, конечно, можно спросить, отчего именно деревни нуждаются больше въ женщинахъ-врачахъ, чѣмъ въ мужчинахъ, но г-жа Шульце могла бы лучше всего обрѣзать Шарко, указавъ ему на то, что происходитъ въ Россіи, гдѣ большинство женщинъ, если я не ошибаюсь, съ большимъ удовольствіемъ поселяются въ деревняхъ и подаютъ примѣры рѣдкаго самоотверженія. Къ сожалѣнію, г-жа Шульце возраженіе Шарко оставила безъ отвѣта и въ своей диссертациі, которая, однако, носитъ громкое заглавіе: *Женщина-врачъ въ XIX столѣтіи*, тоже не указала на этотъ характерный для русскихъ женщинъ-врачей фактъ.

Какъ бы то ни было, въ печати диссертациія эта надѣлала много шума. Газеты наши тотчасъ же раздѣлились на два лагеря. Монархическія и большинство умѣренно-республиканскихъ газетъ не только приняли сторону Шарко, но пошли гораздо дальше и высказались прямо противъ учащихся женщинъ; другой же лагерь горячо принялъ сторону г-жи Шульце и обвинилъ Шарко въ профессиональной зависти. Но вся эта полемика продолжалась всего ровно два дня, и нужно будетъ новое вмешательство какого-нибудь Шарко или другой подобной знаменитости, чтобы газеты наши опять удѣлили нѣсколько столбцовъ интересамъ учащихся женщинъ.

Дѣло въ томъ, что такъ называемый женскій вопросъ у насъ только назрѣваетъ. Всего какихъ-нибудь пять, шесть лѣтъ, какъ дѣвушки небогатыхъ классовъ имѣютъ возможность получать у насъ порядочное среднее образованіе. Большинство этихъ дѣвицъ пошли въ учительницы, но въ послѣднее время число получившихъ учительскіе дипломы стало такъ велико, что болѣе чѣмъ 75% приходится оставаться безъ мѣста. Нѣтъ сомнѣнія, что обучающіяся нынѣ въ нашихъ женскихъ лицеяхъ дѣвушки, не имѣя болѣе возможности посвятить себя педагогической дѣятельности, будутъ искать себѣ доступъ къ другимъ либеральнымъ профессіямъ, и тогда женскій вопросъ предстанетъ у насъ въ той же самой формѣ и съ тою же силой, съ какой онъ возникъ у насъ еще въ шестидесятыхъ годахъ.

Наши пионеры женскаго вопроса найдутъ большую поддержку въ «обществѣ для улучшенія участи женщинъ и узаконенія ея правъ» (*Société pour l'amélioration du sort de la femme et la revendication de ses droits*), основанное въ 1881 году. Почетнымъ президентомъ этого общества состоитъ извѣстная романистка Андре Лео, а дѣйствительнымъ президентомъ г-жа Марія Деремъ. Общество это имѣетъ «партизановъ» въ палатѣ депутатовъ, гдѣ скоро будетъ разсматриваться законопроектъ о признаніи за женщинами обыкновенныхъ гражданскихъ правъ. Французская женщина, благодаря кодексу Наполеона, не только не можетъ безъ разрѣшенія мужа сберечь на черный день копѣйку, но не можетъ даже быть призванной свидѣтельствовать въ дѣлахъ, касающихся самыхъ близкихъ ея родныхъ, дѣтей. Общество убѣждено, что новый законопроектъ, поддерживаемый Лефевромъ, Гійо, Пасси и многими другими депутатами, пройдетъ безъ затрудненія и въ палатѣ, и въ сенатѣ. Но если даже этотъ законъ будетъ принятъ, положеніе женщины во Франціи, все-таки, будетъ еще гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи, Россіи, Германіи и даже Италіи.

Доходы «общества для улучшенія участи женщинъ» не велики; къ концу прошлаго года оно располагало суммой въ 14,000 франковъ, тѣмъ не менѣе, общество дѣлаетъ многое, чтобы помочь женщинамъ, желающимъ получить высшее образованіе. Благодаря его усиліямъ, г-жа Бергомаръ, сестра извѣстнаго географа Реклю, назначена членомъ совѣта при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Обществу, наконецъ, удалось также выхлопотать у муниципальнаго совѣта постановленіе, чтобы во все время экзаменовъ на полученіе диплома учительницы, происходящихъ въ зданіи думы и длящихся два мѣсяца, въ зданіи дежурила женщина-врачъ для подачи помощи, въ случаѣ надобности, экзаменующимся дѣвицамъ. Когда во Франціи будетъ больше женщинъ-врачей, общество надѣется достигнуть того, что во всѣхъ женскихъ лицеяхъ врачами будутъ исключительно женщины.

Въ настоящую минуту общество занято устройствомъ конгресса, который будетъ открытъ въ августѣ, во время празднествъ всемірной выставки. Общество приглашаетъ на этотъ конгрессъ всѣхъ, кому дороги интересы женскаго дѣла. Кромѣ вопросовъ, касающихся исключительно защиты правъ женщинъ, общество намѣрено поставить на конгрессѣ на обсужденіе вопросъ

о принятіи матерями семействъ мѣръ, которыя могли бы привести къ замѣнѣ войны третейскимъ судомъ. Воззваніе, разосланное обществомъ во всѣ страны свѣта, нашло въ особенности большое сочувствіе въ Англіи и Америкѣ. Знаменитыя американскія и англійскія дѣятельницы по женскому вопросу, г-жи Вудхоль и Стентонъ, обѣщали непремѣнно пріѣхать на конгрессъ и принять въ немъ дѣятельное участіе.

Въ общемъ дѣятельность Société pour l'amélioration du sort de la femme весьма симпатична, но не лишена недостатковъ. Общество виѣшивается часто въ дѣла, которыя его не касаются. Такъ, оно протестовало противъ того, что правительство нашло Зола достойнымъ ордена Почетнаго Легіона. Общество противъ натурализма въ романѣ. Сочувствуя женщинамъ-врачамъ, общество, въ то же время, запрещаетъ имъ заниматься вивисекціей.

Въ началѣ этого года «общество для улучшенія участи женщинъ» понесло большую потерю въ лицѣ Каролины де-Барро, умершей при исполненіи трудныхъ обязанностей, которыя она сама возложила на себя. Зная, какъ легко молодыя деревенскія дѣвушки, пріѣзжающія въ Парижъ искать работы, становятся жертвами разныхъ сластолюбцевъ, стерегущихъ ихъ пріѣздъ на вокзалахъ, Каролина де-Барро наняла себѣ квартиру около станціи Сѣверной желѣзной дороги, и каждый день, какая бы ни была погода, выходила почти ко всѣмъ поѣздамъ, и какъ только замѣчала молодую неопытную крестьянку, уводила ее къ себѣ и отпускала лишь тогда, когда пристраивала въ вѣрномъ мѣстѣ. Во время одной изъ такихъ прогулокъ на вокзалъ г-жа Барро схватила воспаленіе легкихъ, которое въ нѣсколько дней унесло ее въ могилу. Помимо практической помощи, которую г-жа Барро оказывала нуждающимся и страдающимъ женщинамъ, она не мало работала и надъ теоретическою разработкой женскаго вопроса. Ея книга *О женской заработной платѣ во Франціи* цѣнится высоко экономистами всѣхъ швобль.

«Общество для улучшенія участи женщинъ» не имѣетъ особаго органа и пользуется для обнародованія своихъ трудовъ гостепримствомъ другихъ газетъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые члены общества состоятъ сотрудниками *Citoyenne*, единственной газетки, посвященной исключительно защитѣ женскихъ интересовъ. *La Citoyenne* выходитъ разъ въ недѣлю и влечетъ довольно жалкое существованіе. Только директрисса этой газеты, г-жа Hubertine Auclet, отличается нѣкоторымъ талантомъ, статьи же другихъ авторовъ обыкновенно очень слабы.

Гораздо интереснѣе ведется журналъ *La Revue scientifique des femmes* (женскій ученый журналъ), въ которомъ помѣщаются исключительно ученые труды женщинъ. Въ январьской книжкѣ *Revue scientifique des femmes* напечатана диссертация г-жи Шульце, надѣлавшая столько шума и о которой я говорилъ выше. Тѣмъ не менѣе, нельзя не спросить себя, къ чему особый ученый женскій журналъ? Почему эти труды не могутъ быть напечатаны въ извѣстной *Revue scientifique*, издаваемой Рише, или въ *Journal des Savants*? Конечно, не всѣ наши ученые относятся съ симпатіей къ высшему

женскому образованію, но когда дѣло идетъ объ ученомъ трудѣ, самые ярые противники женскаго образованія вынуждены признать его. Лучшимъ доказательствомъ служить присужденіе нашей академіей Берденевской преміи г-жѣ Ковалевской, профессору Стокгольмскаго университета, за ученый математическій трудъ. Ужь если наши академики, эти отчаяннѣйшіе изъ рутинеровъ Франціи, не могли не преклониться передъ ученымъ трудомъ женщины, то нѣтъ сомнѣнія, что редакторы ученыхъ журналовъ съ удовольствіемъ будутъ печатать статьи женщинъ, если только эти работы будутъ такъ же цѣнны, какъ труды г-жи Ковалевской.

III.

Наши театры: краткая исторія Théâtre Libre.— *Роландъ*, драма Граммола.— *Смерть Герцога Эмилскаго*, Генрика.—Одеонъ: *Преступленіе и наказаніе*.— *Жермен Лассерте*.— *Генрихъ III* въ Comédie Française.

Въ послѣднее время театръ, наибольше привлекавшій вниманіе всѣхъ интересующихся драматическою литературой и наибольше заставившій говорить о себѣ, несомнѣнно Théâtre Libre (Свободный Театръ), подъ управленіемъ Антуана. Вотъ почему я и начну свое обзорнѣе парижскихъ зрѣлищъ съ пьесъ, представленныхъ труппой Антуана.

Антуанъ сталъ парижскою знаменитостью года два тому назадъ. Чѣмъ онъ былъ прежде, никто этого положительно не знаетъ. Ему пришла въ голову смѣлая мысль обновить нашу драму и комедію, которыя съ годами становятся все хуже и хуже, и Антуанъ сталъ героемъ дня, а его Théâtre Libre любимую игрушкой Парижа. Представленія свои Свободный театръ даетъ разъ въ мѣсяцъ, каждая пьеса дается всего одинъ разъ; на представленіи присутствуютъ лишь театральные критики и богатые абоненты, поддерживающіе этотъ театръ своими субсидіями.

Признаюсь, для насъ, молодыхъ театральныхъ рецензентовъ и драматическихъ авторовъ, дѣйствительно желающихъ ввести новую струю въ нашу драматическую литературу, это engagement, какъ говорятъ у насъ, шикарнаго tout Paris къ Свободному театру не обѣщало ничего хорошаго для свободной драматической литературы. Мы поняли, что Свободный театръ, чтобы имѣть успѣхъ у подобной публики, долженъ будетъ обзавестись репертуаромъ эксцентричнымъ, а не здоровою реальною драмой или комедіей, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Опасенія наши, къ сожалѣнію, оправдались.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы театральная критика и богатая платящая публика желали реализма въ театрѣ, то развѣ онѣ не могли бы поддержать своими симпатіями новыя пьесы въ многочисленныхъ существующихъ уже драматическихъ театрахъ? Лѣтъ шесть тому назадъ Théâtre français сдѣлалъ подобную попытку и далъ одну изъ лучшихъ современныхъ французскихъ комедій—*Les Corbeaux*, соч. Бека. *Les Corbeaux*, по своему образцовому слогу, по новизнѣ выведенныхъ авторомъ типовъ и по гармоніи всѣхъ со-

ставныхъ частей комедіи—рѣдкое произведеніе. По духу, по идеѣ, по замыслѣ *Les Corbeaux* можно сравнить съ лучшею комедіей Островскаго. Во французской драматической литературѣ пьеса Бека составляетъ эпоху, и если, въ чемъ я сомнѣваюсь, реальный театръ восторжествуетъ, то родоначальникомъ его будутъ считать Бека. Однако, tout Paris и театральные критики, которые такъ помогали Антуану организовать его Свободный театръ, чуть не освистали пьесу Бека. Конечно, они не могли отрицать литературныхъ достоинствъ этой пьесы, но они нашли ее мрачной, пасквильной, несвязной,—однимъ словомъ, *pas amusant*. Не ясно ли, что эти противники реальной драмы приняли Théâtre Libre подъ свое покровительство именно потому, что они были убѣждены, что онъ-то, навѣрное, и будетъ *amusant*?

Конечно, есть у Свободнаго театра и искренніе приверженцы,—между такими можно назвать Зола, Гонкура, Сера, Граммона и другихъ молодыхъ авторовъ,—но, признаюсь, пьесы, представленныя Свободнымъ театромъ по рекомендаціи этихъ авторовъ, только одною стороною прикасаются къ реальной драмѣ, въ общемъ же онѣ рисуютъ тѣ эксцентричныя положенія, на которыя такъ падки молодые послѣдователи Зола.

Однимъ изъ обращиковъ этого рода пьесъ является драма Граммона: *Роландъ*, представленная на сценѣ Свободнаго театра въ началѣ настоящаго сезона.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный всему журирующему Парижу генералъ N. долженъ былъ предстать передъ ассизнымъ судомъ по обвиненію въ преступленіи противъ нравственности. Генералъ, чтобы избѣгнуть скандала, предпочелъ застрѣлиться. Говорятъ, что мысль о самоубійствѣ ему подалъ его родной сынъ. Граммонъ построилъ свою пьесу на этой семейной драмѣ, только, вмѣсто сына, онъ избралъ дочь, которая и является героиней драмы. Типовъ въ этой пьесѣ искать нечего: Монморенъ, старикъ-сластолюбецъ, готовый совершить какое угодно преступленіе, если того потребуетъ первая понравившаяся ему женщина; Роландъ, дочь Манморена, очень симпатичная, но самая обыкновенная дѣвушка; Зизина, 13-ти лѣтняя дѣвочка, жертва Монморена; Пютуа, отецъ Зизины, продающій Монморену свою дочь,—все это не типичныя лица; они ничѣмъ не обрисовываютъ эпоху, которую авторъ взялся изобразить; они точно также возможны во французскомъ обществѣ, какъ въ англійскомъ, итальянскомъ и во всякомъ другомъ; заставьте героевъ этой пьесы говорить по-англійски, и у васъ получится театральное изображеніе скандаловъ, обнародованныхъ *Pall Mall Gazette*.

Не думайте также, что *Роландъ* представляетъ глубокую психологію сластолюбца, нѣчто вроде *Карамазовыхъ*, передѣланныхъ въ драму. Пьеса Граммона не имѣетъ права на подобныя претензіи. Въ теченіе всѣхъ четырехъ актовъ мы не замѣчаемъ никакой внѣшней, ни внутренней борьбы. Роландъ, которая въ концѣ пьесы является съ револьверомъ и совѣтуетъ отцу предпочесть смерть безславію, въ теченіе всей пьесы ни разу не пробуетъ повліять на своего отца, который ее очень любитъ. Однимъ

словомъ, вся пьеса ничто иное, какъ обыкновенный натуралистическій романъ одного изъ малоталантливыхъ послѣдователей Золя.

Другая пьеса, представленная на сценѣ Свободнаго театра, принадлежитъ перу Генника и носить громкое названіе *Смерть герцога Энгиенскаго*. Отъ исторической пьесы, носящей громкое названіе, мы вправѣ требовать не только вѣрнаго изображенія эпохи, но въ особенности отвѣта на слѣдующіе два вопроса: что за личность герцогъ Энгиенскій и почему Наполеонъ I велѣлъ разстрѣлять его? Но если вы знакомы съ повѣстухами Генника и вообще произведеніями его сверстниковъ, то, не читавши и не видавши его драмъ, вы можете сказать, что ничего подобнаго въ его драмѣ не можетъ быть. Генникъ полагаетъ, что литература имѣетъ цѣлью лишь описаніе самаго событія, какъ оно совершилось. Назвать подобный безсвязный рядъ картинъ историческою драмой—настоящее ребячество, а, между тѣмъ, наши молодые натуралисты увѣрены, что это *chef d'oeuvre* и что Генникъ новаторъ.

Послѣднею представленною пьесой была *La Reine Fiammette*, Катюша Мендеса. Написана она для Сары Бернаръ, но *великая* актриса поссорилась почему-то съ авторомъ и не хотѣла ее поставить; тогда пьеса была предложена Одеону; директоръ этого театра не нашелъ возможнымъ ее поставить, потому что для его публики она черезъ-чуръ легкаго содержанія. Свободному же театру только и нужно, чтобы о немъ говорили, а потому пьеса Мендеса, несмотря на то, что она отдаетъ чистымъ романтизмомъ тридцатыхъ годовъ, нашла у него такой же благосклонный приемъ, какъ и новѣйшія произведенія натуралистовъ.

Одеонъ одинъ изъ тѣхъ театровъ, которые ищутъ новаго и въ особенности избѣгаютъ однообразія. Въ настоящемъ сезонѣ онъ далъ двѣ новинки, надѣлавшія много шума, и хотя обѣ пьесы не имѣли большого успѣха ни у публики, ни у присяжныхъ критиковъ, онѣ не прошли безслѣдно для молодыхъ авторовъ и для той новой группы зрителей, которой надобно старый мелодраматическій репертуаръ парижскихъ театровъ.

Первою новинкой было *Преступленіе и наказаніе*, переделанное изъ романа Достоевскаго Полемъ Женисти и Гюгомъ Леру. Критикъ пьеса эта не понравилась по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ ей не пришлось по вкусу пьеса Бека *Les Carreaux*. Въ *Преступленіи и наказаніи* они нашли тѣ же недостатки: мрачность сюжета, отсутствіе симпатичныхъ героевъ, хотя, признаюсь, Раскольниковъ, Соня и Мармеладовъ заслуживаютъ больше симпатій и вниманія, чѣмъ всѣ тѣ развратные герои и героини, которыми переполнены комедіи Лабиша и хотъ которыхъ Сарсе приходитъ въ неописанный восторгъ. Наша критика не считаетъ себя руководительницей общества, а только констатируетъ впечатлѣніе, произведенное пьесой будто бы на публику. Конечно, большинству публики *Преступленіе и наказаніе* показалось мрачнымъ и не интереснымъ, потому что дѣйствующими лицами этой драмы были не *maitre de Forges*, не *la dame aux camelies*, но было не мало зрителей, на которыхъ страданія

Раскольниково, Сони и Мармеладова произвели потрясающее впечатлѣніе. Отчего бы г-мъ Сарсе и Витю не опереться на этомъ впечатлѣніи и не разъяснить остальной публикѣ всѣ преимущества социальной и психологической драмы передъ пустою слезливою мелодрамой, не дающею никакой пищи ни сердцу, ни уму? Но парижская критика поплелась за панурговымъ стадомъ и разнесла *Преступленіе и наказаніе* въ пухъ и прахъ, такъ что денежнаго успѣха пьеса не имѣла почти никакого. Она дала всего 4,000 франковъ авторскихъ правъ и имѣла около 20 представлений.

Несравненно болѣе жгучая полемика разгорѣлась въ прессѣ по поводу пьесы *Жермини Ласерте* Гонкура, которую Одеонъ даетъ въ настоящую минуту. *Жермини Ласерте* тоже передѣлана изъ романа того же названія. Замѣчательно, что французскіе натуралисты не даютъ своимъ театральнымъ произведеніямъ названія драмъ или комедій, а просто *pièces*. *Жермини Ласерте* названа *pièce en dix tableaux* (пьеса въ десяти картинахъ). Хотятъ ли этимъ наши натуралисты указать на то, что они не признаютъ подраздѣленія театральныя произведенія на разные роды, что для нихъ нѣтъ разницы между трагедій, драмой или комедіей? Скорѣе всего это происходитъ отъ того, что наши натуралисты обращаютъ все свое вниманіе на внѣшнюю форму произведенія. Для нихъ не столько важно сдѣлать театръ зеркаломъ жизни, въ которомъ отражалось бы все наше хорошее и дурное, сколько ввести на подмостки нѣчто новое, небывалое, чего другіе авторы еще не показывали.

До чего доходитъ это отношеніе къ внѣшней формѣ произведенія, доказываетъ смѣшная петиція, съ которой Гонкуръ обратился къ палатѣ депутатовъ, по поводу того, что цензура не позволила одному изъ героевъ пьесы обозвать другою несценичнымъ во Франціи словомъ: *cochon*. Гонкуръ убѣжденъ, что пьеса его сильно пострадала отъ такого произвола цензуры. Конечно, было бы нелѣпо, если бы цензура навязывала современнымъ дѣйствующимъ лицамъ выраженія героевъ классическихъ театральныя произведенія, но не менѣе нелѣпо предполагать, что интересъ пьесы можетъ пострадать отъ отсутствія двухъ-трехъ фразъ. Между тѣмъ, въ своихъ заботахъ о внѣшней формѣ, наши натуралисты забываютъ внутреннее содержаніе, и *Жермини Ласерте* имѣетъ тѣ же недостатки, которые я уже указалъ въ натуралистическихъ пьесахъ Свободнаго театра.

Первое представленіе *Жермини Ласерте* было настоящею литературною битвой, напомнившей бурные театральные вечера *Эрнани*, *Рабааса* и др. Противники натурализма свистали, кричали, что это позоръ для Франціи; натуралисты тоже не оставались въ долгу. Директоръ Свободнаго театра Антуанъ въ пылу горячности обозвалъ даже критиковъ *Жермини*: *ses yeux imbéciles!* (полоумные негодяи). Можно было думать, что послѣ такой неприличной выходки критики отомстятъ Антуану, замалчивая представляемыя имъ пьесы, но, вѣдь, Théâtre Libre—сборное мѣсто tout Paris. Какъ же можно не говорить о мѣстѣ, гдѣ собирается все, что Парижъ имѣетъ наряднаго, чиннаго?

Вы, можетъ быть, удивляетесь, что я до сихъ поръ еще ничего не сказалъ о первомъ парижскомъ театрѣ, о знаменитой Comédie Française? Вина не моя. Единственная новинка этого театра—*Пена* не стоитъ того, чтобы о ней говорили. Возобновленная же историческая драма Дюма-отца *Генрихъ III и его дворъ* только доказываетъ, что нашъ первый театръ намѣренъ идти по торной, пробитой дорожкѣ. Первое представленіе драмы Дюма относится еще къ 1829 году. Это была одна изъ батальныхъ пьесъ романтизма, объявившаго тогда войну на жизнь и на смерть ненавистному классицизму. Романтики провозгласили Дюма своимъ главой, и нѣтъ той исторіи французской литературы, въ которой первое представленіе *Генриха III* не было бы отмѣчено, какъ побѣда романтизма надъ классицизмомъ. Замѣчательно, что критики, ратовавшіе тогда противъ новой школы, упрекали ее именно въ тѣхъ самыхъ недостаткахъ, въ которыхъ защитники теперешней драмы упрекаютъ натуралистовъ. Они тоже, главнымъ образомъ, упрекали романтиковъ въ мрачности сюжета, несвязности и дикости.

Франно-Славъ.

Парижъ, 25 января н. ст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый годъ начался событіями, тревожными для Западной Европы. Въ Австріи трагически покончилъ свою жизнь наслѣдникъ престола; въ Парижѣ весьма значительнымъ большинствомъ избранъ депутатомъ въ парламентъ *бравый генералъ Буланже*; въ Германіи столкновения имперскаго правительства съ оппозиционными партіями принимаютъ все болѣе острый характеръ.

Neue Freie Presse не задолго до парижскихъ выборовъ говорила, что эта избирательная борьба имѣетъ въ виду разрѣшеніе простой, но чрезвычайно важной проблемы: дѣло идетъ о торжествѣ либо парламентской системы, либо начала единоличнаго управленія народомъ. Буланже въ своихъ избирательныхъ прокламаціяхъ высказывался за республику, но болышой цѣны увѣреніямъ его придавать, конечно, не слѣдуетъ. Побѣду надъ республиканцами онъ могъ одержать только въ союзѣ съ реакціонерами и монархистами разныхъ оттѣнковъ и съ тѣми республиканцами, которыхъ не удовлетворяетъ нынѣшняя организація и правительственная дѣятельность республики. И побѣда эта была одержана. Конечно, Парижъ—не Франція, и до окончательнаго торжества буланжизмъ, быть можетъ, никогда не достигнетъ. Но республиканцы не отрицаютъ, что имъ нанесено тяжкое поражение. На первыхъ порахъ вожди оппортунистовъ съ перепугу предлагали было принять исключительныя мѣры противъ Буланже и его агитаціи; но, къ чести правительства, совѣтовъ и требованій этихъ кабинетъ Флюке не послушалъ. Дѣйствительно, что-жь это была бы за демократическая республика, которая вступила бы въ борьбу съ всеобщимъ народнымъ голосованіемъ и съ свободною пропагандой политическихъ идей, все равно—монархическихъ или республиканскихъ? Если большинство населенія во Франціи пожелаетъ возстановленія конституціонной, на примѣръ, монархіи, то какимъ образомъ, оставаясь на почвѣ права, этому воспрепятствуетъ республиканская партія, основнымъ принципомъ которой именно и служить верховенство народной воли? Правда, нѣкоторые органы оппортунистской партіи возвѣстили, что для нихъ республика выше народнаго голосованія; но это заявленіе немногимъ лучше захвата власти какимъ-либо авантюристомъ. Дѣло въ томъ, что медленный и трудный процессъ, который происходитъ те-

перь въ западно-европейскомъ обществѣ, уже близится къ разрѣшенію одной великой задачи: къ разграниченію правъ государства и отдѣльнаго человѣка. Современное государство не можетъ уже поглощать гражданина. Извѣстное количество правъ, опредѣленная доля независимости по отношенію къ верховной общественной власти составляютъ неотъемлемую принадлежность западно-европейскаго человѣка. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и наиболѣе умѣренныхъ представителей государственныхъ наукъ въ Германіи, Блунчли, указывалъ, что современное государство, въ противоположность античному, признаетъ человѣческія права за каждымъ и сознаетъ предѣлы своего могущества и своего права. Такъ, оно не виѣшивается въ область религіозныхъ отношеній и признаетъ необходимою принадлежностью свободнаго общества—свободную печать *). Охранять эти и имъ подобныя права каждый гражданинъ можетъ и долженъ; но во всѣхъ вопросахъ государственнаго устройства, которые не задѣваютъ основныхъ условій жизни цивилизованнаго общества, меньшинству слѣдуетъ подчиняться большинству, иначе выйдетъ анархія; о томъ же, какія послѣдствія поведетъ она за собою, говорить, разумѣется, нѣтъ надобности.

Кабинетъ Флоке благоразумно рѣшилъ не прибѣгать къ помощи исключительныхъ законовъ противъ буланжизма и реакціонныхъ происковъ. Внесень и принятъ палатою депутатовъ законопроектъ, отмѣняющій выборы по департаментскому списку и возвращающійся къ прежней системѣ выборовъ по округамъ. Считать эту мѣру панацеею отъ всѣхъ золъ, предохранительнымъ средствомъ противъ дальнѣйшихъ успѣховъ цезаріанскаго движенія во Франціи—дѣло, конечно, невозможное. Не лишено, однако, вѣроятности, что избирательная борьба въ предѣлахъ относительно небольшого округа, при равныхъ другихъ условіяхъ, будетъ вестись правильнѣе и спокойнѣе, что она при такой системѣ выборовъ только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ получить плебисцитарный характеръ. Не лишены значенія и тѣ мѣры, которыя проектируются противъ злоупотребленій при выборной агитации. Но всѣ эти мѣры не въ состояніи благополучно вывести республику изъ того крайне затруднительнаго положенія, въ которое она поставлена и ошибками друзей, и происками враговъ. Оппортунисты, соединившись съ монархистами всѣхъ отбѣнковъ, отвергли разсмотрѣніе проекта о пересмотрѣ конституціи, и министерство, внесшее этотъ проектъ, вышло въ отставку. Когда мы пишемъ эти строки, новаго кабинета образовывать еще не удалось. Передъ Франціей, повидимому, только два исхода: или образованіе чисто-дѣловаго министерства, чтобъ благополучно провести выставку и дождаться осени для общихъ выборовъ, или распушеніе палаты и немедленные общіе выборы. Первое рѣшеніе, пожалуй, благоразумнѣе, но именно поэтому-то противъ него будутъ бонапартисты, буланжисты и орлеанисты. Желаютъ теперь же общихъ выборовъ и многіе изъ республиканцевъ-радикаловъ.

*) См. любопытную параллель особенностей современнаго, античнаго и средневѣковаго государства у *Bluntschli*: „Allgemeine Staatslehre“, fünfte Auflage, I, 60—68.

Кризисъ, который переживаетъ въ настоящее время Германія, не отличается такимъ острымъ характеромъ, не грозитъ такими потрясеніями, какъ кризисъ, который приходится преодолевать Франціи; тѣмъ не менѣе, событія въ гогенцоллернско-имперіи весьма знаменательны. Личный принципъ въ управленіи, доведенный княземъ Бисмаркомъ до крайней степени развитія, начинаетъ обнаруживать свою несостоятельность. Какъ ни велико въ германскомъ народѣ обаяніе желѣзнаго канцлера, одного изъ главныхъ, если не главнаго виновника объединенія Германіи,—и это обаяніе ослабѣваетъ и не можетъ болѣе заслонять крупныхъ ошибокъ политики князя Бисмарка. Движеніе, которое происходитъ теперь въ Германіи, до нѣкоторой степени противоположно тому направленію, въ которомъ идетъ борьба во Франціи. Въ послѣдней обнаруживаются теченія, направленныя къ диктатурѣ, къ ослабленію или уничтоженію парламентарнаго способа правленія; Германія, наоборотъ, утомлена чрезмѣрнымъ сосредоточеніемъ власти въ одномъ лицѣ. Какъ ни высоко стоитъ это лицо надъ среднимъ уровнемъ современнаго нѣмецкаго общества, какими знаніями, дальновидностью и энергіей ни обладаетъ оно,—сложная жизнь западно-европейскихъ народовъ далеко переросла даже гениальныя способности государственныхъ людей. Нечего и говорить о томъ, что положеніе ухудшается отъ того, что безконтрольная почти власть отнимаетъ у государственнаго дѣятеля необходимую осмотрительность, возводитъ его образъ мыслей и его соображенія на степень непогрѣшимости, вслѣдствіе чего ошибка начинаетъ появляться за ошибкой. Князь Бисмаркъ, напримѣръ, вслѣдъ за обнародованіемъ въ прошломъ году въ *Deutsche Rundschau* отрывковъ изъ дневника императора Фридриха III, обратился къ царствующему императору съ докладомъ о необходимости преслѣдовать виновниковъ этого обнародованія. Имъ оказался профессоръ Геффкенъ. Геффкена подвергнули одиночному заключенію, противъ него начато дѣло. Это была первая ошибка, потому что судить Геффкена было не за что, и его пришлось освободить. Но дальше произошло вопіющее нарушеніе основныхъ началъ обще-европейскаго судопроизводства: князь Бисмаркъ приказалъ обнародовать обвинительный актъ, по которому былъ преданъ суду профессоръ Геффкенъ, и его частную переписку. Естественно, что власть только компрометируетъ себя подобными дѣяніями. Правительству пришлось объясниться по этому поводу въ парламентѣ, и рѣчи Мункеля и Виндгорста ярко представили общественному мнѣнію всю несправедливость, весь произволъ мѣропріятій имперскаго канцлера. Новый министръ юстиціи, Шеллингъ, защищавшій правительство, поразилъ убожествомъ своихъ доказательствъ и высокоумною запальчивостью тона. Въ общемъ случай этотъ произвелъ тягостное, крайне невыгодное для князя Бисмарка впечатлѣніе и въ Германіи, и за ея предѣлами. Органъ свободомыслящихъ, *Freisinnige Zeitung*, замѣчаетъ, что имперскій канцлеръ въ теченіе своей министерской дѣятельности ни разу еще не терпѣлъ столь тяжелой неудачи. *Vossische Zeitung* говоритъ, что манія преслѣдовать всѣхъ и каждаго, кто выступитъ противъ господствующихъ порядковъ съ неза-

вѣснмъ словомъ, можетъ, въ случаѣ своего продленія, привести Германію въ совершенно болѣзненное состояніе. Чешская *Politik* указываетъ, какъ на въ высшей степени печальный признакъ, на то обстоятельство, что незаконное обнародованіе правительствомъ документовъ по дѣлу Геффе не вызвало общаго взрыва негодованія и въ парламентѣ, и въ общественномъ мнѣніи. Дѣйствительно, хороши консерваторы, которые молчатъ, когда нарушаются основныя начала правосудія.

Повидимому, движеніе противъ бисмарковской системы управленія вѣрнеть въ Германіи. Протесты противъ нея учащаются и становятся все болѣе и болѣе рѣзкими. Такъ, на годичномъ собраніи берлинскаго либеральнаго клуба *Валдеке*, въ январѣ нынѣшняго года, депутатъ Мункель подвергнуть дѣйствія имперскаго канцлера безпощадной и вполне основательной критикѣ. Ораторъ, при громѣ рукоплесканій многочисленнаго собранія, приглашалъ согражданъ бороться съ рабскими инстинктами, которые заповоляютъ общественную жизнь Германіи. Къ сожалѣнію, — говоритъ Мункель, — нѣмецкій канцлеръ считаетъ нужнымъ бороться противъ рабства только въ Африкѣ и проситъ на это у рейхстага два милліона марокъ. Не найдете ли князь Бисмаркъ возможнымъ, — иронически прибавилъ Мункель, — употребить для этой цѣли находящійся въ его распоряженіи *фондъ для пресмыкающихся*? Этимъ было бы достигнуто, съ одной стороны, освобожденіе чернокожихъ, а съ другой стороны — и германскаго общества отъ развращающаго вліянія черной прессы. Знаменитый Вирховъ, смѣнившій на трибунѣ Мункеля, съ горестью призналъ характернымъ для Германіи признакомъ времени упадокъ гражданскаго мужества, носителемъ котораго былъ Вальдеке. Вирховъ твердо вѣритъ, что обстоятельства скоро измѣнятся, что нынѣшнее переходное состояніе не затянется для Германіи.

Понятно, поэтому, какою цѣну имѣютъ завѣренія официозной *Kölnische Zeitung*, которая въ обзорѣ прошлаго года говоритъ, что почти все въ Германіи обстоитъ благополучно, что парламентскія занятія приняла спокойное и удовлетворительное теченіе. Рептилія не могла не задѣть оскорбительнымъ образомъ памяти либеральнаго Фридриха III и съ удовольствіемъ упоминаетъ о рѣзкихъ словахъ императора Вильгельма II противъ свободномыслящей печати. Едва ли бисмарковская политика можетъ считать успѣхомъ и извѣстныя нападенія *Kölnische Zeitung* на великобританскаго посла въ Петербургѣ, сэра Моріера. Англійская гордость задѣта довольно безцеремоннымъ письмомъ Герберта Бисмарка въ отвѣтъ на письмо сэра Моріера, въ которомъ тотъ требовалъ опроверженія обвиненій, ввѣденныхъ на него *Кельнскою Газетой*. Впрочемъ, консервативный кабинетъ лорда Салисбюри не пойдетъ на разрывъ съ княземъ Бисмаркомъ. За то британское общественное мнѣніе начинаетъ отворачиваться отъ руководителя германской вѣншей и внутренней политики. Въ этомъ отношеніи не лишень значенія громадный успѣхъ напечатанной въ *Contemporary Review* статьи *Династія Бисмарка*. Статья не заключаетъ въ себѣ ничего въ серьезномъ смыслѣ слова новаго, но интересна по рѣзкимъ нападкамъ на князя Бисмарка.

Еще больше достается его самодовольному и ограниченному сыну, которому папаша-канцлеръ желалъ бы передать свою власть и значеніе.

Въ нѣмецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что князь Бисмаркъ, въ виду упорной и энергичной оппозиціи свободомыслящихъ, съ одной стороны, и того противодѣйствія, которое вызываетъ его политика въ высшихъ реакціонныхъ сферахъ, гдѣ большимъ вліяніемъ пользуется графъ Вальдерзее, съ другой стороны, рѣшилъ пойти на уступки парламентаризму и установить въ Германіи отвѣтственность министровъ предъ народнымъ представительствомъ. Въ этомъ слухѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что самые ярые враги князя Бисмарка не могутъ отказать ему въ большомъ умѣ и прозорливости. Онъ понялъ, напримѣръ, что лучше всего скрѣпить между собою всѣ части объединенной Германіи, и ввелъ всеобщую подачу голосовъ при выборахъ въ имперскій парламентъ. Но постороннему наблюдателю невозможно разсчитать силы, которую могутъ получить при дворѣ императора Вильгельма II приближенные ему лица, находящія даже имперскаго канцлера черезъ - чуръ либеральнымъ. Клерикализмъ, составляющій необходимую принадлежность римско-католической церкви, одерживаетъ успѣхи и въ протестантскомъ мірѣ. Воинствующая лютеранская церковь стремится, въ лицѣ придворнаго проповѣдника Штѣккера и ему подобныхъ, прямо подчинить себѣ государственную жизнь. Конечно, опасность съ этой стороны несравненно меньше, чѣмъ со стороны превосходно организованнаго духовнаго воинства, предводимаго непогрѣшимымъ папою. Какія надежды и какую ненависть питаетъ католическая церковь къ тому, что дорого западно - европейскому образованному обществу, это показало въ послѣдніе дни отношеніе австрійскаго духовенства къ кончинѣ эрцгерцога Рудольфа. Потребовалось особое предписаніе изъ Рима, чтобы несчастливаго эрцгерцога духовенство помянуло обычными молитвами. Клерикальныя газеты злорадно отиѣчали научныя занятія, которыя постоянно велъ покойный, и въ этихъ занятіяхъ и въ свободолобивомъ образѣ мыслей эрцгерцога Рудольфа видѣли причину его печальнаго конца. Надобно прибавить, однако, что такія выходы вызвали глубокое негодованіе въ австрійскихъ народахъ. Безвременно погибшаго наследника престола любили въ Австро-Венгріи. Славяне разсчитывали, что эрцгерцогъ Рудольфъ, получившій прочное и многостороннее образованіе, внесетъ справедливость въ государственную жизнь Габсбургской монархіи. Онъ внимательно входилъ въ интересы каждаго племени, постоянно прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, добросовѣстно изучалъ бытъ и природу того государства, стоять во главѣ котораго ему было предназначено рожденіемъ. Извѣстно, что подъ его редакціей и при его дѣйствительномъ сотрудничествѣ предпринято было обширное и всестороннее описаніе населяющихъ Австро-Венгрію народовъ. Надеждамъ австрійскихъ народовъ не суждено было оправдаться. Обстоятельства еще разъ доказали, что любовь можетъ вести къ роковой развязкѣ и лицъ, историческою случайностью поставленныхъ выше обычныхъ жизненныхъ условій.

А для Австро-Венгрии необходимъ былъ именно такой государь, какииъ явился бы покойный эрцгерцогъ Рудольфъ. Только распространеніе народнаго образованія и развитіе центрального и мѣстнаго представительства въ состояніи смягчить вражду племенъ въ Цислейтаніи и Транслейтаніи. Недавніе беспорядки, происшедшіе въ Буда - Пештѣ во время преній въ венгерскомъ парламентѣ по поводу новаго военнаго закона, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, какъ много мудрости и такта требуется для управленія народами, которые достигли высокой степени политическаго развитія. Для Россіи все то, что происходитъ въ Австро-Венгрии, имѣеть, конечно, особенно важное значеніе, потому что русскіе интересы то совпадаютъ, то находятся въ противорѣчій съ интересами австрійскими. Судьба Румыніи и всѣхъ народовъ Балканскаго полуострова до сихъ поръ находится въ большей или меньшей зависимости отъ нашего отечества и отъ Австро - Венгрии. Освободиться отъ этого вліянія румыны, сербы, болгары и греки могли бы въ томъ лишь случаѣ, если бы они образовали федерацію, планы которой и составлялись многими политическими мечтателями. Говоримъ мечтателями, а не дѣятелями не потому, чтобы идея подобнаго союза сама по себѣ была неосуществимою, а потому единственно, что культурное развитіе всѣхъ этихъ народовъ шло до сихъ поръ врозь и отчасти въ враждебномъ другъ другу направленіи. Мудрено удовлетворить, напримѣръ, требованіямъ грековъ и болгаръ въ Македоніи, болгаръ и сербовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ отличается смѣшаннымъ характеромъ, и т. д. Во всякомъ случаѣ, теперь о балканской федераціи нечего говорить серьезно, и каждому русскому желательно, чтобы вмѣстѣ съ ростомъ у румынъ и славянъ національнаго самосознанія росло и крѣпло среди нихъ русское вліяніе. Благопріятные въ этомъ отношеніи факты можно отмѣтить за послѣднее время въ Румыніи. Общественное мнѣніе этой страны давно уже возмущалось зависимостью внѣшней и внутренней политики Румыніи отъ Берлина и Вѣны. Съ большимъ трудомъ удалось добиться паденія кабинета Братіано, бывшаго покорнымъ слугою великаго князя Бисмарка и графа Кальноки. Движеніе идетъ дальше, общественное мнѣніе не удовлетворяется и новымъ юнимистскимъ кабинетомъ Розетти - Карпа. Оппозиція внесла въ румынскій парламентъ предложеніе о преданіи суду министерства Братіано за цѣлый рядъ злоупотребленій. Предложеніе это отвергнуто большинствомъ одного голоса, но можетъ быть внесено въ парламентъ снова, въ измѣненной формѣ. Несомнѣнно, что партія Ласкара Катарджи, стремящаяся къ освобожденію Румыніи отъ иностранной зависимости, идетъ въ гору, партія Братіано разбита, а юнимисты должны будутъ пойти на уступки. Съ точки зрѣнія славянскихъ интересовъ, можно только пожелать, чтобы національное самосознаніе окрѣпло у румынъ, чтобы они окончательно освободились отъ нѣмецкаго вліянія, тяготящаго надъ Румыніей въ значительной степени отъ того, что на престолѣ королевства сидитъ принцъ Гогенцоллернскаго дома. И для Россіи, и для славянъ западныхъ и балканскихъ вполнѣ независимая, свободно развива-

ющаяся Румынія является дорогимъ сосѣдомъ. Въ борьбѣ между миромъ германо-мадьярскимъ и славянскимъ она и по вѣрѣ, и по этнографическимъ условіямъ стоитъ на нашей сторонѣ. Необходимо работать въ томъ направленіи, чтобы устранять причины и поводы, по которымъ наше отечество долго выставлялось и продолжаетъ выставляться врагомъ самостоятельности всѣхъ племенъ, съ которыми Россія приходится вступать въ прочныя отношенія. Отмѣтимъ, что на эту точку зрѣнія намѣрены, повидимому, стать обновленные *Славянскія Извѣстія*. Въ редакціонной статьѣ перваго выпуска этой еженедѣльной газеты мы находимъ мысль о томъ, что общенію славянъ не должно мѣшать различіе между религіями, «что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ всѣ славянскіе народы могутъ найти почву, на которой сольются въ одну общую федерацію славянскихъ государствъ, со своими національными особенностями, что только въ ихъ братскомъ союзѣ сила и мощь, которую не сломятъ никакіе враги, ни нѣмцы, ни ихъ клеветы». Другимъ признакомъ поворота къ лучшему сравнительно съ *Извѣстіями С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета*, которыя преобразованы въ *Славянскія Извѣстія*, является напечатанное въ этой газетѣ письмо редактора чешскихъ *Народныхъ Листовъ*, известнаго депутата австрійскаго парламента, Грегра, противъ статьи профессора В. И. Ламанскаго *). Согласно мы съ *Славянскими Извѣстіями* и въ томъ, что общимъ врагомъ славянства является нѣмецкій милитаризмъ; только не считаемъ мы этого врага *главнымъ*, какъ думаетъ авторъ статьи *Славянская взаимность въ настоящемъ и въ будущемъ*. Главный врагъ славянства заключается въ немъ самомъ, въ раздорахъ отдѣльныхъ народовъ, въ недоверіи и враждебности между ними, которыя вскормлены печальными историческими причинами, въ отсутствіи прочныхъ основаній для политическаго соглашенія. Отъ души желаемъ *Славянскимъ Извѣстіямъ* удержаться на высотѣ поставленной ими задачи и укрѣпить въ нашемъ обществѣ широту пониманія великаго славянскаго вопроса.

Въ заключеніе этой хроникки необходимо упомянуть о большомъ успѣхѣ европейской цивилизаціи на дальнемъ Востокѣ. Намъ приходилось уже упоминать о преобразовательномъ движеніи въ Японіи. Министры-президенты—бывшій Ито, нынѣшній—Курада и бывшій предсѣдатель государственнаго совѣта Гото, во главѣ изъ году въ годъ росшей либеральной партіи, достигли весьма значительныхъ результатовъ. Телеграфъ принесъ извѣстіе, что 30 января микадо возвѣстилъ съ трона о введеніи въ Японію конституціонной формы правленія. Право голоса принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста и уплачивающимъ въ годъ двадцать пять долларовъ налога. Бромъ нижней (выборной) палаты депутатовъ, учреждается верхняя палата, частью изъ избираемыхъ, частью изъ назначаемыхъ, частью изъ наследственныхъ членовъ. Конституція обезпечиваетъ свободу религіи, сло-

*) Объ этой статьѣ мы упоминали въ *Иностранномъ обозрѣніи* декабрьской книжки *Русской Мысли* прошлаго года.

ва и собраній. Японскій парламентъ получаетъ право издавать законы и контролировать финансы. Судьи назначаются безсрочно. Любопытно, скоро ли и въ какой мѣрѣ привьются порядки современнаго европейскаго государства къ странѣ, которая еще недавно была страной полуварварской. По свидѣтельству японскихъ корреспондентовъ западно-европейскихъ государствъ, развитіе Японіи идетъ съ поразительною быстротою.

В. Г.

Авторъ статьи *О свободѣ плаванія по Суэзскому каналу* проситъ внести слѣдующую поправку, сдѣланную имъ на основаніи новѣйшихъ официальныхъ данныхъ, полученныхъ въ Москвѣ уже послѣ того, какъ статья графа Л. А. Камаровскаго была отпечатана. § 8 трактата о свободѣ плаванія по Суэзскому каналу въ окончательной редакціи таковъ (курсивомъ отмѣчены дополненія): «Представителямъ въ Египтѣ державъ, подписавшихъ настоящій трактатъ, поручается наблюденіе за его исполненіемъ. При всякомъ случаѣ, угрожающемъ безопасности или свободѣ плаванія по каналу, они, по приглашенію *трехъ изъ своихъ членовъ и подѣ председательствомъ* старѣйшаго изъ нихъ, собираются, чтобы сдѣлать необходимыя удостовѣренія». Затѣмъ къ концу параграфа должно прибавить слѣдующія слова: «Въ этихъ собраніяхъ председательство принадлежитъ специальному делегату Порты, но, за отсутствіемъ его, председатель можетъ и комиссаръ хедива, участвующій на обыкновенныхъ собраніяхъ».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Государственная роспись на 1889 г. — Мирные суды въ Архангельской губерніи. — Дѣло Звѣдочетова. — Земская колонія для сиротъ въ Москвѣ. — Вопросъ объ уѣздномъ управленіи въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ. — Хлѣбный отпускъ въ 1888 г. — Ходатайство борисоглѣбскаго земства. — Вопросъ о хлѣбныхъ тарифахъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. — Проектъ г. Исаева о займѣ на хозяйственныя улучшенія. — Меліоративный кредитъ. — Уменьшеніе чумы скота въ Россіи.

Наиболѣе благоприятнымъ и знаменательнымъ фактомъ въ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на текущій годъ считается, вообще, сведеніе ея съ излишкомъ доходовъ предъ расходами въ 4½ милл. руб. Мы не совѣмъ раздѣляемъ такой взглядъ на нынѣшнюю роспись, и за болѣе благоприятный въ ней фактъ признаемъ возростаніе доходовъ, обусловленное двумя бывшими урожаями, а въ самомъ составленіи росписи видимъ главное достоинство въ той умѣренности, съ какой исчислена предполагаемая сумма доходовъ. Иными словами, урожай, поднявъ общую сумму поступленій, дали право принять ее въ высшемъ размѣрѣ и на нынѣшній годъ, а осторожность при этомъ не позволила исчислить ее въ полномъ размѣрѣ дѣйствительныхъ поступленій 1888 года, именно потому, что нельзя опредѣлять роспись на основаніи гадательнаго факта — урожая.

Что касается, сдѣлавшаго нѣкоторый эффектъ не только у насъ, но и въ извѣстныхъ газетахъ, говорящихъ о биржевыхъ дѣлахъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, сведенія нынѣшней росписи съ излишкомъ въ 4½ милліона, то въ этомъ отношеніи спрашивается: чтѣ считать излишкомъ дохода? Если мы въ частномъ своемъ хозяйствѣ разсчитываемъ, что годъ обойдется безъ заключенія новаго займа, потому что у насъ еще есть остатокъ отъ прежняго займа, такъ что, несмотря на недостатокъ средствъ на нѣкоторые чрезвычайные расходы, мы, все-таки, въ теченіе года обойдемся тѣми ресурсами, которые уже имѣются въ виду, и изъ нихъ даже останется намъ излишекъ, составляющій одну двухсотую часть всего нашего дохода, — то можемъ ли мы это, по справедливости, назвать излишкомъ дохода? Конечно, нѣтъ, потому что намъ стоило бы только сдѣлать, въ любомъ году, заемъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ нужно для того года, и тогда на будущій годъ остался бы избытокъ наличныхъ средствъ, который бы насъ,

положимъ, освобождалъ отъ заключенія новаго займа, но не могъ бы, все-таки, считаться излишкомъ въ нашихъ дѣйствительныхъ доходахъ предъ расходами, не могъ бы свидѣтельствовать, что мы уравновѣсили свой бюджетъ и вообще упорядочили свое денежное положеніе.

Вотъ въ этомъ именно видѣ представляется излишекъ въ доходахъ по нынѣшней росписи. Онъ означаетъ только слѣдующее: мы рассчитываемъ, что изъ ресурсовъ займа 1887 года, которые доселѣ не издержаны, намъ остается свободныхъ $4\frac{1}{2}$ милл. р., послѣ того, какъ мы изъ него, все-таки, обратили $20\frac{1}{2}$ милл. р. на недостатокъ поступления для исполненія чрезвычайныхъ расходовъ. Короче, въ нынѣшней росписи есть и излишекъ дохода въ $4\frac{1}{2}$ милл. р., и дефицитъ въ $20\frac{1}{2}$ милл. р., если изъ него не вычитать тѣхъ $4\frac{1}{2}$ милл. руб.

Давно пора произвести въ счетныхъ графахъ нашихъ росписей необходимое измѣненіе. Слѣдуетъ отмѣнить раздѣленіе расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рубрики обыкновенныхъ доходовъ слѣдуетъ вносить всѣ доходы предвидимые, а въ рубрикѣ доходовъ чрезвычайныхъ показывать всякія исключительныя поступления, присоединеніе специальныхъ капиталовъ и затѣмъ обращеніе къ кредиту, т.-е. покрытіе предвидимаго недостатка средствъ. При этой хозяйственной, а не бухгалтерской методѣ составленія бюджетовъ, оказалось бы, что въ предстоящемъ 1889 году у насъ не хватаетъ годовыхъ доходовъ на 16 приблизительно милл. рублей, которые мы и покрываемъ изъ прежняго, неиздержаннаго еще займа. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣшнее раздѣленіе бюджета на обыкновенный и чрезвычайный представляетъ совершенно излишнее усложненіе. Такъ, мы видимъ въ графѣ поступленій чрезвычайныхъ суммы, имѣющія поступить отъ желѣзныхъ дорогъ, въ возвратъ позаимствованій изъ государственнаго казначейства (1 миллионъ слишкомъ) и, въ то же время, мы имѣемъ, въ графѣ доходовъ обыкновенныхъ, обязательные платежи общества желѣзныхъ дорогъ (41 слишкомъ милл.). Затѣмъ, спрашивается: если сумма обязательныхъ платежей желѣзныхъ дорогъ относится къ доходамъ обыкновеннымъ, то почему же суммы, назначенныя на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ (34 милл. руб.), показаны въ расходахъ чрезвычайныхъ? По нашему мнѣнію, вся годовая издержка на общественныя работы должна быть показываема по смѣтѣ министерства путей сообщенія, т.-е. входить въ разрядъ расходовъ обыкновенныхъ. Въ чрезвычайныхъ же доходахъ правильно было бы показывать лишь одновременныя, случайныя поступления и средства, извлеченныя изъ обращенія къ кредиту, то-есть приобретенныя увеличеніемъ задолжанія.

Разсуждая съ такой, хозяйственной точки зрѣнія, исходя изъ взгляда о производительной состоятельности государства, мы должны были бы придти въ анализѣ нынѣшняго бюджета никакъ не къ излишку доходовъ предъ расходами, но къ дефициту, весьма даже значительному. Мы должны были бы зачесть въ дефицитъ хозяйства года: 1) $20\frac{1}{2}$ милл. р., которые берутся на уравновѣшеніе изъ займа 1887 года, такъ какъ заемъ, хотя бы и сдѣ-

ланный уже, не есть доходъ; 2) военное вознагражденіе, исчисленное въ 3¹/₂ милл. р., влады въ государственный банкъ на вѣчное время (3¹/₂ милл. руб.), которые странно видѣть въ бюджетъ казначейства, и 3) освободившіеся спеціальныя капиталы, обращаемыя въ общія средства казначейства—4 милл. р. Нельзя, напримѣръ, признавать «доходомъ» 1888 г. тотъ чрезвычайный ресурсъ, какой представило одновременное поступленіе отъ главнаго общества 15 милл. р., уплаченныхъ на основаніи особаго соглашения, или точно такъ, какъ въ бюджетъ доходовъ 1887 г. зачтены были вдругъ 14 милл. руб. прибылей государственнаго банка за 1883—1885 годы, или одновременное перечисленіе суммъ польскаго банка. Если бы всѣ эти сомнительныя приходо-расходныя пункты собрать воедино, то оказалось бы, что ни въ 1888 году у насъ не было, ни на 1889 годъ нельзя предвидѣть дѣйствительнаго превышенія въ постоянныхъ средствахъ предъ постоянными же расходами, а, наоборотъ, оказалось бы, что тѣ чрезвычайныя расходы, которые мы обращаемъ на постройку дорогъ и портовъ каждый годъ и которые слѣдовало бы зачислить въ категорию расходовъ обыкновенныхъ, мы и теперь покрываемъ поступленіями одновременными, случайными, или средствами, заимствованными изъ кредита, т.-е. изъ увеличенія нашей задолженности.

Вотъ почему, повторяемъ, излишку доходовъ предъ расходами въ 4¹/₂ милл. руб., выведенному въ росписи на нынѣшній годъ, точно такъ, какъ полумилліонному излишку, исчисленному по росписи 1888 года, мы не придаемъ значенія реального, хозяйственнаго, которое бы свидѣтельствовало объ оздоровленіи общаго положенія нашихъ финансовъ. Напротивъ того, мы склонны думать, что если для окончательнаго уравнишенія бюджетовъ урожайныхъ 1888 и 1889 годовъ потребовались 46 милл. р., оставшихся свободными отъ займа 1887 года, то для уравнишенія росписи 1890 года можетъ потребоваться новый заемъ.

Но, оставивъ въ сторонѣ этотъ вопросъ о превышеніи доходами расходовъ,—обстоятельство, которое поставлено было на первомъ планѣ нѣкоторыми сотрудниками берлинскихъ и вѣнскихъ биржевыхъ газетъ,—мы перейдемъ теперь къ той сторонѣ нынѣшняго бюджета, въ которой оказывается не призрачное только, а дѣйствительное улучшеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заслуга финансоваго управленія въ осторожномъ, непреувеличенномъ исчисленіи доходовъ.

Въ результатъ повышенія по одній статьи и пониженія по другимъ, общее повышеніе суммы доходовъ обыкновенныхъ исчислено всего въ 9¹/₂ милл. руб., что представляетъ доказательство въ самомъ дѣлѣ благоразумной умѣренности, такъ какъ, вслѣдствіе урожая, поступленія 1888 года подавали поводъ къ гораздо болѣе высокому опредѣленію дохода. Финансовое вѣдомство вполне сознательно исчисляло предполагаемый доходъ текущаго года ниже поступленій урожайнаго 1888 года, и въ этомъ, какъ уже нами замѣчено, представляется существенное достоинство нынѣшней росписи. Наиболѣе характерно, въ смыслѣ этой осторожности, отношеніе доклада,

сопровождающаго роспись, къ главному нашему доходу, питейному. Въ сравненіи съ предшествующимъ бюджетомъ, поступления, ожидаемыя отъ питейнаго дохода, возвышены всего на 4 м. 790 т. р. Между тѣмъ, въ зависимости отъ повышенія акциза со спирта, измѣненія правилъ о винокурениі, за первыя двѣ трети 1888 года, послѣдовало весьма значительное увеличеніе питейнаго дохода, превышавшее болѣе чѣмъ на 12 милл. руб. сумму, которая ожидалась за тотъ же періодъ времени по росписи 1888 г. Это обстоятельство, въ связи съ урожаемъ 1888 г., давало основаніе надѣяться, что и въ нынѣшнемъ, 1889 году, «по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ первыхъ третей его», поступленіе питейнаго дохода будетъ не менѣе благоприятно. «Но какъ въ настоящее время, — говоритъ докладъ, — нельзя предвидѣть, насколько удовлетворительно будетъ поступленіе акциза со спирта и вина въ послѣдней трети 1889 г., то признано болѣе осторожнымъ размѣръ превышенія этого дохода противъ 1888 г. ограничить вышеприведенною цифрою 4 м. 790 т. р.». Второю по значительности, въ увеличеніи доходовъ, представляется цифра 3³/₄ милл. р. — въ доходѣ отъ желѣзныхъ дорогъ: увеличеніе здѣсь происходитъ вслѣдствіе открытія казенныхъ дорогъ самаро-уфимской и псковско-рижской (чѣму, конечно, соответствуетъ и увеличеніе въ расходахъ) и отъ ожидаемаго возвышенія доходности другихъ казенныхъ дорогъ. Третьею статьей въ увеличеніи доходовъ является налогъ съ нефтяныхъ маселъ, а затѣмъ со спичекъ (оба вмѣстѣ на около 5 милл. руб. болѣе прошлаго года, такъ какъ налоги эти дѣйствовали въ 1888 году одинъ только 11¹/₂ мѣсяцевъ, а другой 8 мѣсяцевъ).

Изъ уменьшеній дохода по отдѣльнымъ статьямъ, первое мѣсто занимаютъ обязательныя платежи желѣзныхъ дорогъ, которые, несмотря на дѣйствительно ожидаемое усиленіе ихъ, все-таки, понижены противъ 1888 г. на болѣе 5¹/₆ милл. руб. — именно потому, что въ бюджетѣ 1888 г. фигурировала одновременная уплата главнымъ обществомъ 15 милл. руб. Другое значительное уменьшеніе въ доходѣ таможенномъ имѣетъ только цифровое значеніе; здѣсь, въ сущности, ожидается не уменьшеніе, а увеличеніе, но, вслѣдствіе поправленія курса, итогъ таможенныхъ сборовъ, поступающихъ въ металлѣ, выражается въ кредитныхъ рубляхъ меньшею суммой. Здѣсь вставимъ два замѣчанія. Во-первыхъ, если бы финансовое управленіе не задалось мыслію вывести по нынѣшнему бюджету непременно излишекъ доходовъ въ нѣсколько милліоновъ, то оно должно было бы, при переложеніи таможеннаго дохода въ кредитныя билеты, также какъ и при исчисленіи уплатъ по системѣ государственнаго кредита, принять курсъ не 1 р. 70 к. кред. за 1 р. мет. (вмѣсто 1 р. 80 к., какъ принято было въ росписи 1888 года), но 1 р. 50 коп., то-есть тотъ курсъ, по которому государственный банкъ въ дѣйствительности считаетъ металлическій рубль во взносахъ по послѣднему займу въ настоящее время. Во-вторыхъ, какъ предшествующая статья (платежи желѣзныхъ дорогъ), такъ и эта (таможенные сборы) представляютъ одинаково странное явленіе: ожидается въ дѣйствительности поступленіе большее, а цифра въ росписи заносится мень-

шая противъ прошлаго года. Это указываетъ на несовершенство въ способѣ составленія нашихъ бюджетныхъ исчисленій. Въ росписи прошлаго года не слѣдовало суммы 15 милл. р.—одновременнаго поступленія съ главнаго общества—вводить въ обыкновенные расходы, а поставитъ ихъ въ числѣ чрезвычайныхъ ресурсовъ. Затѣмъ, для исчисленія таможеннаго дохода и заграничныхъ платежей металломъ, слѣдовало бы принять курсъ по нарицательной цѣнѣ, то-есть принимать металлическій рубль равнымъ кредитному.

Та разница, какая окажется при этомъ для самаго уравновѣшенія бюджета, вслѣдствіе того, что таможенный доходъ неравенъ платежамъ по металлическимъ займамъ, не стѣитъ того, чтобы изъ-за нея затруднять самое сравненіе бюджетовъ разныхъ лѣтъ вслѣдствіе различія въ курсѣ переложения металла на кредитные рубли. Таможенный доходъ у насъ исчисленъ въ 121 милл. р. кред., стало быть, курсовая разница въ немъ составляетъ около 40 м. р. кред. (принимая курсъ 1 р. 50 кред. за 1 мет. руб.). Разница же курсовая по металлическимъ займамъ составляетъ 23 м. р. кред. по займамъ государственнымъ и 27 м. р. кред. по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, всего 50 м. р., которые, если бы принять курсъ настоящій, близко подошли бы къ тѣмъ же 40 м. р. кред.—разницы по таможеннымъ сборамъ. Спрашивается, стѣитъ ли изъ-за мелкаго различія въ цифровомъ уравновѣшеніи бюджета вводить въ двѣ важныя статьи его величины несоизмѣримыя—отъ одного года къ другому, не допускающія сравненія?

Сопровождающій роспись докладъ очень долго останавливается на благопріятныхъ признакахъ 1888 г., упоминая мимоходомъ, что еще роспись 1887 года была сведена съ дефицитомъ въ 36 м. р., а объ послѣдующія, составленныя при нынѣшнемъ управленіи, отличались излишкомъ въ доходахъ предъ расходами. Но такъ какъ тотъ же докладъ указываетъ, что главною причиною улучшенія были урожаи, и, сверхъ того, признаетъ, что 26 м. р. недостатка чрезвычайныхъ средствъ въ 1888 году и 20 м. р. на 1887 годъ покрылись и покрываются остаткомъ отъ займа, сдѣланнаго въ 1886 году, т.-е. при прежнемъ управленіи, то успѣхъ не можетъ быть приписанъ какому-либо особенно удачнымъ мѣропріятіямъ нынѣшняго времени. Вообще же перечень благопріятныхъ явленій 1888 года, дающихъ основаніе къ поднятію цифры доходовъ и на нынѣшній годъ, хотя и любопытенъ самъ по себѣ, но представляетъ рядъ явленій, начавшихся уже до нынѣшняго управленія или зависѣвшихъ не отъ человѣческихъ стараній, но отъ урожая. Такъ, возростаніе вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ по 2 м. р. въ мѣсяць было уже констатировано въ 1887 г., а въ минувшемъ году только продолжалось въ томъ же размѣрѣ; усиленіе вкладовъ на храненіе въ государственномъ и въ акціонерныхъ банкахъ произошло въ 1888 г. на 53 м. р., т.-е. цифру не большую, чѣмъ въ 1887 году,—54 м. р. Только доходъ желѣзныхъ дорогъ въ 1888 г. значительно возросъ въ связи съ усиленіемъ отпуска, т.-е. вслѣдствіе урожая.

При этомъ мы узнаемъ, что министерство финансовъ внесетъ въ непродолжительномъ времени проектъ объ учрежденіи сберегательныхъ кассъ по-

чтовыхъ. Конечно, умноженіе этихъ кассъ представить удобство для публики, но гораздо болѣе важнымъ финансово-почтовымъ улучшеніемъ было бы устройство переводной операціи при главныхъ почтовыхъ станціяхъ, какъ она существуетъ въ Англіи. Докладъ съ полнымъ правомъ указываетъ на удачу въ выпускѣ 30 м. р. новыхъ кредитныхъ билетовъ для усиленія кассы государственнаго банка, которые затѣмъ были погашены. Выпуски эти, какъ извѣстно, были обезпечены золотомъ, не подлежащимъ, впрочемъ, отчужденію. Докладъ замѣчаетъ по этому поводу: «Это золото сослужило хорошую службу Россіи, дозволивъ предупредить грозившій денежный кризисъ посредствомъ означенныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ безъ какого-либо ихъ обезцѣненія». Обезцѣненія ихъ, дѣйствительно, не оказалось, благодаря не столько обезпеченію золотомъ, сколько скорому изытію; но былъ ли, въ самомъ дѣлѣ, денежный кризисъ? Намъ кажется, что было только истощеніе кассы государственнаго банка вслѣдствіе отвлеченія его наличныхъ средствъ для снабженія ими банка дворянскаго. Это обстоятельство и опорожнило кассу государственнаго банка, такъ что къ 1 октября, т.-е. въ самый разгаръ учета векселей по хлѣбной операціи, она опустилась до 14½ м. р.

Вслѣдствіе постепеннаго истощенія кассы, банкъ еще во время нижегородской ярмарки принужденъ былъ поднять размѣръ учетнаго процента и вотъ этимъ, въ самомъ дѣлѣ, стѣснилъ расчеты, такъ что ощущался недостатокъ въ деньгахъ. Но правильно ли видѣть денежный кризисъ въ обстоятельствѣ, которое было вызвано такими причинами, которыя не имѣли никакой связи съ основнымъ положеніемъ денежнаго обращенія? Когда намъ говорятъ, что былъ денежный кризисъ, который министерство искусно устранило выпускомъ 30 м. р. кредитныхъ билетовъ на нѣсколько мѣсяцевъ, то, вѣдь, это можетъ наводить на мысль о такомъ замѣчательномъ подъемѣ нашей производительности и торговли за послѣднее время, что даже миллиарднаго нашего бумажнаго обращенія уже хватаетъ для расчетовъ. Но какую же помощь, въ такомъ случаѣ, могъ бы оказать выпускъ всего на 30 м. р. новыхъ бумажекъ?

Между тѣмъ, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Бумажныхъ денегъ и теперь слишкомъ много, болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что дѣлъ мало. То возростаніе суммы вкладовъ на храненіе на 54 и 53 м. р. въ годъ, которое въ докладѣ приводится какъ благопріятное обстоятельство, свидѣтельствуешь, между прочимъ, объ отсутствіи дѣлъ, о помѣщеніи «бумажекъ» въ процентныя бумаги, со сдачею послѣднихъ на храненіе. Тотъ денежный кризисъ, какой устранился выпускомъ исправно погашенныхъ затѣмъ 30 м. р. кредитныхъ билетовъ, былъ вызванъ самимъ государственнымъ банкомъ или, лучше, отвлеченіемъ его средствъ на нужды дворянскаго банка. А настоящій, давнишній денежный кризисъ какъ былъ, такъ и существуетъ: онъ выражается именно въ обезцѣненіи бумажнаго рубля. Въ 1881 году была предпринята извѣстная операція съ цѣлью уменьшенія бумажнаго обращенія на 417 м. р. Посмотримъ, во что она, въ конечномъ

результатъ, обратилась. Въ 1881 году у насъ было постояннаго бумажно-денежнаго обращенія $716\frac{1}{2}$ м. р. и «временнаго» 417 м. р., всего $1,133\frac{1}{2}$ м. р. Въ настоящее время (счета госуд. банка въ декабрь 1888 г.) изъ «временнаго» обращенія осталось только $266\frac{1}{4}$ м. р., но за то въ цифру обращенія постояннаго перечислено $63\frac{1}{2}$ м. р., такъ что она нынѣ составляетъ уже не $716\frac{1}{2}$ м. р., но 780 м. р. Всего бумажно-денежнаго обращенія нынѣ, стало быть, $1,046\frac{1}{4}$ м. р., т.-е. меньше противъ 1881 года на $87\frac{1}{4}$ м. р. Между тѣмъ, въ теченіе этихъ 8 лѣтъ казначейство аккуратно уплачивало банку, сперва переводами изъ текущаго счета, потомъ рентами, по 50 м. р. въ годъ, что съ доплатой въ первый годъ изъ средствъ казначейства 17 м. р. это составило въ общемъ всю сумму прежняго временнаго обращенія, т.-е. 417 м. р. Спрашивается, какимъ же образомъ изъ этихъ пожертвованій государственнаго казначейства на 417 м. рублей банкъ не нашелъ возможности понизить бумажно-денежное обращеніе болѣе, чѣмъ на $87\frac{1}{4}$ м. р.? Стало быть, или тѣ ренты, которыя онъ получалъ отъ казначейства, имѣли чисто-счетный характеръ и уплата ихъ уравнивалась иными способами, въ видѣ предоставленія казначейству банкомъ новыхъ средствъ, или же весьма значительная часть этой разницы $417-87\frac{1}{4}$ м. руб. пошла на какое-либо иное кредитное предпріятіе? Въ концѣ-концовъ, мы имѣемъ и нынѣ бумажно-денежное обращеніе, переходящее за миллиардъ и значительно превышающее потребность нашу въ расчетныхъ, мѣновыхъ знакахъ, которые и остаются обезцѣненными на 40 процентовъ. Вотъ въ чемъ нашъ истинный денежный кризисъ, давнишній и не имѣющій ничего общаго съ 30 м. р. въ кредитныхъ билетахъ, вновь выпущенныхъ и затѣмъ погашенныхъ.

Въ числѣ благоприятныхъ признаковъ нынѣшняго положенія вполне основательно указывается на громадное возвышеніе цифры нашего отпуска. Но такъ какъ одновременно съ тѣмъ нѣсколько возросъ и привозъ, то не указываетъ ли это на органическую связь этихъ двухъ элементовъ внѣшней торговли? Товарный балансъ за прошлый годъ составляетъ 376.000,000 р. — въ нашу пользу. Общій перевѣсъ нашего отпуска передъ привозомъ за 1887 и 1888 годы составилъ громадную сумму 580.000,000 р. Въ одномъ изъ существующихъ въ Петербургѣ экономическихъ обществъ поставленъ на очередь вопросъ, такъ формулированный: чѣмъ былъ покрытъ (уплаченъ) иностранцами показываемый въ официальныхъ свѣдѣніяхъ громадный избытокъ нашего иностраннаго ввоза противъ привоза за 1887 и 1888 годы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Оплаченъ онъ былъ, главнымъ образомъ, нашими же цѣнными бумагами, которыя, вслѣдствіе того, хотя и понизились въ цѣнѣ, такъ что нынѣ всякъ избѣгаетъ продавать свои бумаги, но упали онѣ, однако, въ меньшей степени, чѣмъ бы можно было ожидать по громадности ихъ наплыва изъ-за границы. А это условное поддержаніе ихъ цѣны явилось изъ того, что у насъ дѣлать нѣтъ и что почти всѣ оборотныя средства, все-таки, помѣщаются въ бумаги. Такимъ образомъ, передъ нами два финансовыя результата: мы купили очень много нашихъ

бумагъ и мы продали за границу очень много хлѣба. Но наша увеличенная купля бумагъ означаетъ только, что у насъ застой въ дѣлахъ, а нашъ увеличенный отпускъ состоялся по цѣнамъ, убыточнымъ для веденія хозяйства. Такіе результаты не особенно утѣшительны и наружный ихъ блескъ, очевидно, имѣетъ лишь временное значеніе. Когда внутренній оборотъ сводится, главнымъ образомъ, къ прятанію народнаго капитала въ фонды, а внѣшній оборотъ—къ продажѣ по убыточнымъ цѣнамъ, то такого экономическаго положенія нельзя назвать благопріятнымъ.

Обратный приливъ нашихъ бумагъ изъ-за границы въ Россію названъ въ докладѣ, сопровождающемъ роспись, «явленіемъ по существу желательнымъ», и неудобство его указано лишь въ томъ, что это явленіе мѣшало въ 1887 году улучшенію курса. Количество бумагъ, перешедшихъ въ Россію въ 1887 году и въ началѣ 1888 г., превзошло избытокъ нашего торговаго баланса, и потому цѣна бумажнаго рубля понижалась, такъ что одно время бумажный рубль стоилъ на металлъ всего 50 коп. Но когда отпускъ прошлаго года превысилъ ввозъ до такой степени, что даже и продолжавшійся приливъ въ Россію нашихъ бумагъ не могъ уже уравновѣсить общей цѣны привоза съ цѣной отпуска, тогда и курсъ сталъ поправляться. При этомъ надо, однако, отмѣтить то обстоятельство, что хотя курсъ нашъ и началъ падать съ 1885 года, но наибольшее паденіе его было въ февралѣ прошлаго года, то-есть уже послѣ урожая и большого отпуска 1887 года, а произошло это въ слѣдствіе политическихъ опасеній. Признавая вліяніе тревожныхъ политическихъ слуховъ, докладъ, однако, особенно настаиваетъ на искусственно-возбужденныхъ въ Германіи опасеніяхъ относительно благонадежности нашихъ бумагъ и относить вину къ враждебной намъ печати. Часть нашихъ бумагъ изъ Германіи направилась въ Голландію и въ особенности во Францію, «гдѣ лучше опредѣлили и правильнѣе поняли наше финансовое и экономическое положеніе». Но гораздо большая часть нашихъ бумагъ перешла, все-таки, въ Россію, что и повело къ паденію курса. Несмотря, однако, на то, что количество нашихъ займовъ, оставшееся «въ рукахъ людей, подвергающихся вліянію враждебной намъ части печати», теперь уже гораздо меньше, чѣмъ было прежде, докладъ, все-таки, допускаетъ возможность, что и въ будущемъ усиленное предложеніе нашихъ цѣнностей можетъ покоробить цѣну кредитнаго рубля. По этой-то причинѣ, какъ сказано въ докладѣ, въ исчисленіяхъ росписи цѣна металлическаго рубля и принята въ 1 руб. 70 к. кредитныхъ.

Въ враждебнымъ нашему кредиту дѣйствіямъ заграничной биржевой агитации докладъ возвращается и при изложеніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ реализированіе займа въ 125 м. р. золотомъ. Относительно самой цѣли этого займа, т.-е. конверсіи займа 1876 года, докладъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Уменьшеніе ежегодныхъ расходовъ по системѣ кредита при помощи сей операціи достигнуто, главнѣйшимъ образомъ, посредствомъ разсрочки уплатъ на болѣе продолжительное время и лишь сравнительно менѣе значительная доля выгодъ достигнута посредствомъ дѣйствительнаго

уменьшенія размѣра платимыхъ процентовъ. Не говоря уже о томъ, что сія послѣдняя часть операціи безусловно выгодна, не могу не сказать, что общее уменьшеніе платежей по государственному долгу въ ближайшее время, хотя и сопряженное съ болѣе продолжительнымъ срокомъ уплаты, приближаетъ насъ къ рѣшенію той финансовой задачи, которая выше указана, какъ ближайшая цѣль нашихъ усилій, и которая состоитъ въ покрытіи ежегодныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, не прибѣгая къ кредитнымъ операціямъ». Первая часть этого изложенія вполне подтверждаетъ общее мнѣніе, высказанное нашею печатью о конверсіи. Вторая же часть остается для насъ не вполне ясною. Дѣло въ томъ, что въ исчисленіе суммы въ 34 м. р., опредѣляемой въ нынѣшнемъ году на чрезвычайные расходы, вовсе не вошло уменьшеніе платежей по государственному долгу вслѣдствіе произведенной конверсіи. Сверхъ того, такъ какъ общая сумма нынѣ заключеннаго займа превышаетъ остававшуюся сумму конвертированнаго займа 1877 года, то нельзя не признать, что мы, во всякомъ случаѣ, прибѣгли къ новой кредитной операціи, то-есть увеличили нынѣшнимъ займомъ общій итогъ нашихъ государственныхъ долговъ.

Самый ходъ реализаціи новаго займа характеризуется въ докладѣ согласно съ тѣми извѣстіями, какія передавала въ свое время наша печать, причѣмъ еще разъ упоминается о враждебной намъ части печати. Суть дѣла, однако, заключается не во враждебномъ настроеніи нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, сколько въ томъ, что, занимая постоянно въ Германіи деньги, мы находимся въ зависимости отъ нея. Извѣстная часть печати во Франціи несомнѣнно относится къ Германіи еще болѣе враждебно, чѣмъ нѣсколько нѣмецкихъ газетъ по отношенію къ Россіи, и, однако же, германскіе фонды не принуждаются вслѣдствіе такой вражды къ внезапнымъ миграціямъ въ огромныхъ размѣрахъ, которыя для насъ сопряжены съ несомнѣнными неудобствами. Заключеніе новаго займа въ Парижѣ, какъ надѣется наше финансовое управленіе, открываетъ для нашихъ бумагъ новый рынокъ, на которомъ онѣ могутъ находить болѣе обширное помѣщеніе, чѣмъ до сихъ поръ. Но при какихъ-либо новыхъ политическихъ отношеніяхъ бумаги станутъ къ намъ прибывать и изъ Франціи. Значитъ, суть дѣла относительно поправленія нашего курса заключается, главнымъ образомъ, все-таки, въ томъ, чтобы мы избѣгали какихъ-либо безпокоящихъ финансовый міръ шаговъ во внѣшней политикѣ.

Изъ отдѣльныхъ цифръ расходовъ на 1889 г. отмѣтимъ только увеличеніе смѣты военнаго министерства на $6\frac{1}{2}$ м. р. Затѣмъ, занесемъ въ нашу хронику общіе итоги росписи: обыкновенныхъ доходовъ $861\frac{1}{2}$ м. р. и обыкновенныхъ расходовъ $856\frac{2}{3}$ м. р. Общая цифра всѣхъ расходовъ и соответственно имъ исчисленныхъ доходовъ составляетъ 895 м. р.

На обѣдѣ 15 января, данномъ гласными московскаго губернскаго земства по случаю 25-тилѣтія земскихъ учрежденій, высказаны были безпристрастные и чуждые всякой узкости взгляды на общій характеръ дѣятель-

ности земства, ея результаты и на отношенія самого земства къ другимъ учрежденіямъ въ государствѣ. Понятно, что за обѣдомъ не было мѣста ни для цифровыхъ сопоставленій, ни для специальныхъ критическихъ указаній, ни, наконецъ, для какихъ-либо сѣтованій относительно условій, какими нерѣдко бываетъ окружена земская работа. Рѣчи были запечатлѣны тѣмъ сознаніемъ долга, тѣмъ чувствомъ достоинства, не исключаящимъ и признанія ошибокъ, наконецъ, тѣмъ тактомъ и умѣренностью, которые представляютъ собой общіе черты и самой практической дѣятельности земства. Намъ неоднократно случалось высказывать взгляды, довольно близкіе къ тѣмъ, которые пришлось услышать на земскомъ обѣдѣ, съ тою только разницею, что мы менѣе должны были стѣсняться въ замѣчаніяхъ свойства критическаго, направленныхъ во всѣ стороны. Сходство это мы отмѣтили съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что въ числѣ ораторовъ были люди заслуженные, много потрудившіеся для общественнаго дѣла.

Съ необычною въ юбилейныхъ рѣчахъ и даже въ разныхъ годичныхъ отчетахъ скромностью упомянули ораторы о заслугахъ земства. «Всякій безпристрастный, добросовѣстный человѣкъ, знакомый съ результатами, достигнутыми земскими учрежденіями,—такъ говорилъ предсѣдатель московской губернской управы Д. А. Наумовъ,—долженъ сказать, что земствомъ сдѣлано много, болѣе, чѣмъ можно было ожидать на первый разъ отъ юнаго еще учрежденія», и за этимъ словомъ слѣдовало тотчасъ признаніе въ случившихся недосмотрахъ и ошибкахъ. Другой ораторъ, князь А. А. Щербатовъ, признавъ, что сдѣлано земствомъ много, также поспѣшилъ оговориться, что многое еще не додѣлано, и прибавилъ: «не панегиристомъ земскихъ учрежденій я выступаю, я люблю ихъ такъ, что не въ состояніи имъ кадить и превозносить ихъ не въ мѣру». И дѣйствительно, привязанность искренняя бываетъ деликатна въ выраженіяхъ и преувеличенія не нужны тамъ, гдѣ заслуга—налицо, а дѣятели никакой себѣ награды не просятъ. Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ отзывы бюрократическаго свойства, какіе попадаютъ иногда даже въ отчетахъ о такихъ дѣлахъ, какъ сліяніе какой-нибудь канцеляріи съ департаментомъ или наоборотъ.

Въ рѣчи кн. А. А. Щербатова мы должны указать еще на то мѣсто, въ которомъ отрицается приписываемая земству его недоброжелателями принципальная оппозиція правительству. «Часть печати и нѣкоторые отголоски общественнаго мнѣнія,—сказалъ ораторъ,—ставятъ земство въ противоположность правительству, считая первое находящимся въ оппозиціи послѣднему. Но въ дѣйствительности нѣтъ этой оппозиціи, она не присуща русской исторіи. Есть столкновения, недоразумѣнія между тою и другою стороною; но гдѣ же ихъ нѣтъ, и развѣ они не существуютъ между разными вѣдомствами и министерствами?» Обстоятельство это и намъ приходилось неоднократно выяснять именно по той причинѣ, что печатные органы, враждебные земству, постоянно дѣйствовали противъ него путемъ заподозриваній. Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ обзоровъ *) мы замѣчали: «изъ та-

*) *Русская Мысль* 1888 г., кн. V, стр. 181.

кого факта, что между земскими управами и мѣстными органами администраціи могутъ возникать иногда несогласія, выводить заключенія о возможности какой-то борьбы и опасности—значить не знать ни нашей исторіи, ни самой нашей бюрократической практики». Мы указывали затѣмъ на пререканія городовъ и земскихъ губныхъ старостъ съ воеводами, происходившія еще въ XV и XVI вѣкахъ, на многочисленные случаи разногласій между предводителями и губернаторами еще въ николаевское время, наконецъ, ссылались и на пререканія и несогласія, бывающія между органами чисто-административными. «Плохую услугу оказываютъ нашей странѣ,—сказалъ еще кн. Щербатовъ,—тѣ консерваторы, которые возбуждаютъ правительство противъ земства». Присоединяясь вполнѣ и къ этимъ словамъ, мы видимъ достаточныя основанія надѣяться, что всѣ преувеличенія, софизмы и заподозриванія, съ какими извѣстные органы печати вели, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, самый ожесточенный походъ противъ земства, вовсе не достигли той цѣли, которая при этомъ имѣлась въ виду и на которую указалъ уважаемый ораторъ.

Воспоминаніе о 25-ти лѣтней земской годовщинѣ мы заключимъ свѣдѣніемъ объ исходѣ вопроса о той колоніи для сиротъ, которую московское земство предположило основать въ память объ этомъ днѣ. Мы уже упоминали о нерѣшительномъ возраженіи начальника губерніи противъ этого проекта. Теперь, по докладу министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало разрѣшеніе верховной власти на устройство колоніи, съ тѣмъ, чтобы дѣло не имѣло характера юбилейнаго праздника, такъ какъ празднованіе юбилеевъ допускается не ранѣе 50-ти лѣтняго срока.

Въ области судебнаго устройства минувшій мѣсяцъ ознаменовался опубликованіемъ утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ Архангельской губерніи. Мировые судьи въ этой губерніи будутъ, по назначенію отъ правительства, изъ лицъ, имѣющихъ право быть избираемыми въ эту должность на основаніи судебныхъ уставовъ. Мировые судьи по назначенію, какъ извѣстно, существуютъ и въ другихъ губерніяхъ, не имѣющихъ земства. Но такъ какъ въ Архангельской губерніи существуетъ еще старое судоустройство, то непосредственный надзоръ за мировыми судьями возлагается на мѣстную палату уголовнаго и гражданскаго суда. Мировые судьи въ Архангельской губерніи, сверхъ своихъ судебныхъ обязанностей, будутъ еще исполнять порученія губернскаго по опекунскимъ дѣламъ присутствія, относящіяся до надзора за приѣмами дворянскихъ имуществъ въ опекунское завѣдываніе и сдачею ихъ, по окончаніи опеки. Сверхъ того, на тѣхъ же мировыхъ судей возлагается производство слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ архангельской палатѣ.

Таковы особенности учрежденія мировыхъ судей въ Архангельской губерніи. Относящіяся сюда правила названы «временными», въ томъ, конечно, предположенія, что современемъ, когда введутся въ Архангельской

губерніи земскія учрежденія, то мировые судьи по назначенію будутъ и тамъ замѣнены выборными отъ земства.

Изъ круга судебной дѣятельности наибольшее вниманіе въ обществѣ обратило на себя разсматривавшееся въ прошломъ мѣсяцѣ въ петербургскомъ судѣ дѣло присяжнаго повѣреннаго Звѣздочетова и друг. Дѣйствительнымъ героемъ этого дѣла былъ самъ Звѣздочетовъ, такъ какъ остальные подсудимые были только его агентами. Дѣло это интересно само по себѣ, показывая, какими способами возможно обратить законы и учрежденія, созданныя для охраненія личности и собственности въ орудія, служащія для цѣли прямо противоположной, то-есть въ прямыя орудія насилія и похищенія. Дѣйствуя по законному поводу охраны интересовъ Полянскаго и кн. Голицына, Звѣздочетовъ сдѣлалъ перваго номинальнымъ собственникомъ имѣній, оцененныхъ болѣе чѣмъ въ миллионъ рублей, а для втораго добился вознагражденія или отступнаго въ 100 т. р. за миллионное наследство дѣда, завѣщанное на-сторону. Но, въ то же время, посредствомъ взятія съ нихъ обоихъ векселей на огромныя суммы за веденіе дѣлъ и издержки и при помощи скупки за ничтожныя деньги векселей, выдававшихся ими другимъ лицамъ, наконецъ, въ силу закладной на имя своей жены на имѣнія Полянскаго, совершенно обобралъ обоихъ своихъ клиентовъ.

Эта сторона дѣла—злоупотребленіе законными формами для совершенія насилія и похищенія—вызвала въ обществѣ нравственное возмущеніе, вполне естественное, хотя и недостаточно, если можно такъ выразиться, «расчлененное», не сведенное къ пунктамъ, которые могутъ имѣть значеніе практическое, могутъ указывать на такіе недостатки, которыхъ устраненіе вполне мыслимо. Безъ выдѣленія такихъ пунктовъ и сосредоточенія на нихъ всего вниманія нравственное возмущеніе, произведенное дѣломъ Звѣздочетова, осталось бы вполне бесплоднымъ. Всегда было извѣстно, что обирать людей можно не только съ полнымъ соблюденіемъ законныхъ формъ, но именно при помощи самаго закона. Для иллюстраціи этой аксіомы не нужно было дѣло Звѣздочетова и компаніи, достаточно былъ созданный великимъ драматургомъ образъ Шейлока, который, именно въ силу законнаго обязательства, во имя соблюденія закона и уваженія къ нему, домогается, чтобы ему предоставлено было вырѣзать кусокъ мяса изъ живаго тѣла его должника.

Практически же поучительными въ настоящемъ дѣлѣ представляются нѣкоторыя особенности нашихъ учреждений, а именно тѣ, которыя въ охранѣ, предоставляемой обществу судомъ, поддерживаютъ частныя бреши, нарушающія стройность, цѣльность этой охраны, облегчающія хищникамъ и эксплуататорамъ законовъ возможность обдѣлывать задуманныя ими дѣла. Такихъ обстоятельствъ въ дѣлѣ Звѣздочетова есть нѣсколько. Самъ онъ занимался практикою, главнымъ образомъ, въ Москвѣ и, нося званіе присяжнаго повѣреннаго, тѣмъ самымъ снабженъ былъ вывѣскою нѣкоторой нравственной гарантіи, такъ какъ присяжные повѣренные принимаются въ сословіе по избранію и состоятъ подъ наблюденіемъ совѣта. Между тѣмъ,

Звѣздочетову было отказано въ приемѣ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Но несогласованность нашихъ учреждений, тѣ пробѣлы или бреши, какіе въ нихъ существуютъ, обуславливаютъ, между прочимъ, такое обстоятельство, что на ряду съ судебными округами, гдѣ установлены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и допущеніе въ сословіе только по выборамъ, есть и такіе округа, гдѣ ни совѣтовъ, ни, стало быть, выборовъ не учреждено. Звѣздочетову достаточно было обратиться за полученіемъ званія присяжнаго повѣреннаго въ Варшаву, гдѣ оно было предоставлено ему на основаніи одного формальнаго образовательнаго ценза, и затѣмъ онъ могъ свободно практиковать и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, на ряду съ присяжными повѣренными, для которыхъ избраніе и надзоръ совѣтовъ составляютъ условіе и нѣкоторую гарантію дѣятельности, могъ съ совершенно равнымъ правамъ дѣйствовать присяжный повѣренный, которому совѣтами было прямо отказано въ этомъ условіи, который былъ этими сословіями нравственно осужденъ.

Далѣе, въ дѣлѣ Звѣздочетова съ Полянскимъ, орудіемъ личнаго насилія перваго надъ его жертвой, плѣненія и спаванія Полянскаго въ Эйшишкахъ и скупа его векселей отъ кабатчиковъ, являлся мировой судья Князевскій,—лицо, которое не было привлечено къ суду, да и въ сужденіяхъ печати по Звѣздочетовскому дѣлу весьма мало упоминается. Между тѣмъ, вотъ еще другой примѣръ въ настоящемъ дѣлѣ такого судебного дѣятеля, который, на основаніи общихъ судебныхъ уставовъ, долженъ бы быть выборнымъ, но въ западной полосѣ государства является назначаемымъ. Звѣздочетовъ, когда жена увезеннаго Полянскаго стала его разыскивать даже въ костромскомъ захолустѣ, отлично сообразилъ, гдѣ всего вѣрнѣе припрятать жертву своего насилія. Въ губерніи великорусской существуетъ фактическое раздѣленіе властей: есть органы судебныя, независяціе отъ административныхъ, есть органы земскіе, наконецъ, сами жители менѣе стѣснены въ заявленіяхъ относительно какой-либо незаконной мѣстно-административной продѣлки. Полянскаго въ костромской деревнѣ можно было скрывать, но разъ явилась бы къ нему подмога, онъ прямо могъ заявить о своемъ правѣ на личную свободу и пришлось бы его выпустить. Совсѣмъ иначе представляется дѣло тамъ, гдѣ ближайшія къ жителямъ власти имѣютъ сплошной составъ, гдѣ каждая изъ нихъ, будь то исправникъ или мировой судья, или хотя бы урядникъ, является безусловно-полновластнымъ распорядителемъ. Изъ Эйшишекъ уже нельзя было бы вытребовать Полянскаго, когда онъ находился въ рукахъ мирового судьи (по назначенію) Князевскаго, состоявшаго платнымъ агентомъ хищника Звѣздочетова; отсюда единственнымъ средствомъ спасенія могло быть лишь тайное бѣгство, которое и было устроено для Полянскаго его женой.

Наконецъ, въ дѣлѣ Звѣздочетова съ кн. Голицынымъ мы съ самаго начала встрѣчаемся съ такимъ элементомъ веденія дѣлъ гражданскихъ, который ничего общаго съ судебнымъ уставомъ 1864 года не имѣетъ. Завѣ-

щаніе стараго князя Голицына, которымъ онъ состояніе свое предоставилъ иностранкѣ, съ обязательствомъ нѣкоторой уплаты внуку, было само по себѣ формально-законное. Но естественные наслѣдники обратились къ содѣйствию административной власти, и Звѣздочетовъ, взявшійся за ихъ дѣло, понудилъ иностранку къ отступному въ 100 тыс. рублей при содѣйствіи полиціи, послѣ чего присвоилъ себѣ почти цѣликомъ и эти деньги.

Вотъ на такіе-то пробѣлы, на такіе остатки дореформенныхъ условій, которые являются дѣйствительными брешами въ охранѣ, предоставляемой личности и собственности гражданъ судебными уставами, и должно бы обратиться преимущественное вниманіе при изученіи дѣла Звѣздочетова. Какъ извѣстно, судъ призналъ его виновнымъ, приговорилъ его къ лишенію правъ и ссылкѣ на житье, а закладную имѣній Полянскаго на имя жены бывшаго адвоката уничтожилъ. Виновный понесъ наказаніе, указанное въ судебныхъ уставахъ. Но и тѣ остатки дореформенныхъ условій, которые доселѣ еще нарушаютъ цѣльность судебныхъ уставовъ и могутъ облегчать ихъ обходъ или нарушеніе, не должны быть оставлены безъ вниманія судомъ общественнаго мнѣнія.

Вопросъ о преобразованіяхъ въ уѣздномъ управленіи составлялъ въ Петербургѣ, въ прошломъ мѣсяцѣ (съ декабря), тему для разсужденій въ одномъ общественномъ собраніи, а именно въ административномъ отдѣленіи тамошняго юридическаго общества. При этомъ референтомъ, К. К. Арсеньевымъ, были поставлены слѣдующія положенія: «Соединеніе въ однѣхъ рукахъ власти полицейской и хозяйственно-административной представляется въ настоящее время столь же нежелательнымъ, какъ и соединеніе властей судебной и административной»; «не представляется достаточныхъ оснований и къ совершенному сліянію уѣздной земской управы съ уѣзднымъ управленіемъ». Слова: «совершенное сліяніе управы» ставятъ эту часть вопроса въ слишкомъ тѣсныя рамки, такъ какъ мыслимо предоставленіе собственно предсѣдателю управы особыхъ личныхъ распорядительныхъ полномочій по общему управленію въ предѣлахъ уѣзда. Но если приведенное положеніе разумѣть какъ отрицающее пользу полного объединенія управленія въ уѣздѣ на началѣ земскомъ, то мы съ нимъ безусловно несогласны. Мы не видимъ иного пути ни для освобожденія уѣзда отъ многоначалія, на которое жалуются всѣ стороны, какъ консерваторы, такъ и либералы, какъ земцы, такъ и чиновники, а что всего важнѣе, и крестьяне.

Замѣтимъ, что при обсужденіи земствами въ 1881 году вопросовъ, относящихся къ крестьянскимъ учрежденіямъ, большинство тѣхъ собраній, которыя предположили при этомъ случаѣ измѣненія и въ устройствѣ учреждений земскихъ, признавали необходимымъ введеніе земства въ кругъ государственныхъ учреждений съ предоставленіемъ земскимъ органамъ власти распорядительной, причемъ, впрочемъ, высказывалось и мнѣніе объ отдѣльномъ существованіи полиціи. Въ преніяхъ, нынѣ происходившихъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, всѣ ораторы приходили къ выводу

о необходимости упрощения уездного устройства. Вообще признавалась также необходимость изменений въ земскомъ цензѣ, а именно — опредѣленія земельного ценза не по пространству владѣемой земли, а по доходу и пониженію или отиѣнѣ имущественнаго ценза для лицъ, получившихъ образование не ниже средняго. Сверхъ того, признавалась полезною отиѣна начала сословности въ низшихъ единицахъ мѣстнаго управления, въ волости и даже въ сельскомъ обществѣ, которыя, такимъ образомъ, были бы объединены съ земствомъ. При этомъ надворъ за хозяйственно-административною дѣятельностью сельскаго управления полагалось поручить особымъ членамъ земской управы, которые пребывали бы постоянно въ назначенныхъ для нихъ участкахъ. И такъ, въ этой формѣ, мысль объ участковыхъ начальникахъ отразилась и въ разсужденіяхъ петербургскаго юридического общества. Мы должны, однако, замѣтить, что вопросъ о сословномъ или всесословномъ устройствѣ волости, а тѣмъ болѣе сельскаго общества, хотя и связанъ съ общимъ вопросомъ объ устройствѣ уезднаго управления, но выходитъ за рамки ближайшей задачи. Крестьянскія общества имѣютъ и нынѣ своихъ представителей въ земствѣ, стало быть, связь существуетъ, и потому вопросъ о переустройствѣ уезднаго управления могъ бы въ ближайшее время быть рѣшенъ и независимо отъ внутренняго устройства волости и сельскаго общества.

Хотя о единичномъ человѣкѣ сказано, что онъ «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ», но о современной Россіи надо признать, что живетъ она преимущественно «о единомъ хлѣбѣ». Достаточно сопоставить неоднократно выражавшіяся въ печати сѣтованія на апатію, на недостатокъ «оживленія» въ современномъ обществѣ съ утѣшительными и основательными указаніями газетъ въ настоящее время, что огромный отпускъ хлѣба внесъ чувствительное оживленіе въ нѣкоторыя наши функціи, — и замѣчаніе наше сдѣлается яснымъ. Дѣйствительно, за исключеніемъ усиленной торговли хлѣбомъ, въ жизни нашей, хотя бы за послѣдніе мѣсяцы, трудно указать какое-либо ускореніе пульса. За то усиленіе хлѣбнаго вывоза произошло въ размѣрѣ, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайномъ. Въ минувшемъ мѣсяцѣ въ *Вѣстникѣ Финансовъ* сообщены были сравнительные итоги, итогъ вывоза за истекшій годъ и года предшествовавшіе, и вотъ итогъ 1888 г. опредѣлился въ 470 $\frac{1}{2}$ милл. пудовъ, между тѣмъ какъ въ 1887 г. итогъ былъ 344 милл. пуд., а въ 1886 г. — 238 $\frac{1}{2}$ милл. пудовъ. Такимъ образомъ, отпускъ хлѣба въ прошломъ году оказался почти вдвое больше, чѣмъ въ 1886 г.

И вотъ тѣ благоприятныя явленія, о какихъ могутъ вполне свидѣтельствовать цифры, у насъ, дѣйствительно, оказываются теперь въ разныхъ отрасляхъ и всѣ они завязаны, главнымъ образомъ, отъ усиленія хлѣбнаго вывоза. Исправное поступленіе сборовъ и въ особенности возростаніе дохода питейнаго, усиленіе доходовъ желѣзныхъ дорогъ, самое возвышеніе курса явились въ прямой связи съ изобиліемъ хлѣба на вывозъ. Словомъ, все то оживленіе, какое у насъ замѣчается, произведено двумя урожаями

хлѣба, и вотъ почему нельзя не сказать, что самая несомнѣнная изъ имѣющихся у насъ налицо заслугъ есть именно заслуга послѣдовательныхъ урожаявъ, — словомъ, что живемъ мы въ настоящее время, главнымъ образомъ и именно—«о хлѣбѣ единомъ».

Бъ сожалѣнію, и изъ этихъ случайныхъ обстоятельствъ — двухгодичнаго урожая у насъ и неурожая въ минувшемъ году на Западѣ—мы не могли извлечь всей пользы, какую бы сулило количество отпуска. Два главныхъ препятствія къ тому представлялись въ дешевизнѣ цѣнъ, по которымъ хлѣбъ сбывался, и въ задержкѣ хлѣбныхъ грузовъ на желѣзныхъ дорогахъ. Это послѣднее обстоятельство не могло не повліять и на мѣстныхъ цѣнъ хлѣба, и на увеличеніе накладныхъ расходовъ, то-есть должно было отозваться наиболѣе невыгодно именно на самихъ производителей хлѣба, хотя падало также и на торговцевъ. Въ почти повсемѣстныхъ жалобахъ на разорительность скопленія хлѣбныхъ грузовъ приняло участіе и земство. О тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ проявлялась задержка грузовъ на нѣкоторыхъ дорогахъ, ярко свидѣтельствуютъ данныя, приведенныя въ ходатайствѣ, съ которымъ обратилось по этому предмету въ разныя министерства борисоглѣбское земство.

Подвозъ хлѣба на станціи грязе-царицынской дороги начался около половины августа, а уже 5 сентября главныя станціи, куда стекаются хлѣбные грузы, были объявлены закрытыми и въ теченіе цѣлаго мѣсяца то открывались, то снова не принимали грузовъ, и эти перерывы составляли въ мѣсяцъ отъ 6 до 15 дней. Притомъ, о такихъ перерывахъ не дѣлалось никакихъ публикацій впередъ, такъ что около станцій скоплялись многочисленныя обозы съ хлѣбомъ. Такъ какъ станціи его не принимали, то отправителямъ приходилось нанимать по дорогимъ цѣнамъ какія-нибудь помѣщенія для хлѣба и затѣмъ снова переплачивать при перевозкѣ хлѣба изъ этихъ частныхъ помѣщеній на станціи, когда приѣмъ возобновлялся; но, все-таки, производился въ ограниченномъ размѣрѣ и всякій спѣшилъ попасть въ очередь. Торговцамъ приходилось платить неустойки за несвоевременную поставку и мѣстная хлѣбная торговля совершенно приостанавливалась въ то именно время, когда землевладѣльцамъ и крестьянамъ предстояли осенніе сроки взноса податей и другихъ платежей, такъ что не было возможности воспользоваться даже и тѣми низкими цѣнами, какія обуславливаются общимъ пониженіемъ, и многіе продавали хлѣбъ за безцѣнокъ, а скупщики въ свою очередь пользовались этими обстоятельствами.

И вотъ, въ то самое время, когда уже слышались толки о предстоящихъ намъ большихъ выгодахъ, уполномоченные борисоглѣбскаго земства слѣдующимъ образомъ объясняли положеніе мѣстнаго хозяйства: «Подобное положеніе вещей привело нашъ край въ нынѣшнемъ году въ такое бѣдственное положеніе, въ какомъ оно до сего времени никогда не находилось; мы переживали неурожайные годы, переживали постепенное паденіе цѣнъ на хлѣбъ вслѣдствіе возростающихъ пошлннъ, но ни одна година бѣдствій не обходилась краю нашему такъ дорого, какъ нынѣшній урожайный годъ,

при небываломъ заграничномъ спросѣ. Такое свидѣтельство представляетъ краснорѣчивое напоминаніе, что хотя, въ концѣ-концовъ, мы и вывели хлѣба 470 милл. пуд., но тѣ выгоды, какія принесла эта колоссальная операція, то «оживленіе», которое нынѣ идетъ намъ въ утѣшеніе, достались не тѣмъ, кто самъ работалъ надъ землею или старался объ ея обработкѣ; что надо различать между выгодами портовыхъ торговцевъ, экспортеровъ и — землевладѣльцевъ, частныхъ или общинныхъ, и что къ большинству послѣднихъ едва ли не примѣнимо въ данномъ случаѣ то, что римскій поэтъ сказалъ о пчелахъ: *sic vos non vobis mellificatis...*

Какія же указываются причины этихъ задержекъ, не давшихъ производителямъ воспользоваться и нынѣшними низкими заграничными цѣнами на хлѣбъ? Указываются двѣ: недостатокъ провозоспособности нѣкоторыхъ дорогъ, признанный самими желѣзно-дорожными сѣздами, и затѣмъ неурядица вообще, отсутствіе распорядительности. Любопытно при этомъ, что самый уставъ желѣзно-дорожный, еще недавно изданный и который, казалось бы, долженъ былъ устранять неудобства, отчасти обратился если не въ поводъ, то въ предлогъ къ ихъ увеличенію. По новому уставу, на станціяхъ обязательно «имѣть покрывки и подстилки въ надлежащей исправности и въ количествѣ, соответствующемъ размѣру площадей, отведенныхъ для склада грузовъ»; тотъ же уставъ налагаетъ на желѣзныя дороги отвѣтственность за всякую порчу хлѣба, а не за одну подмочку, какъ было прежде. И вотъ этими статьями устава управленіе прямо объясняло закрытіе главныхъ станцій грязе-царицынской дороги для приѣма хлѣбныхъ грузовъ, при меньшемъ даже ихъ скопленіи, чѣмъ бывало. На всемъ протяженіи дороги грузовъ оставалось 2,382 вагона, когда было сдѣлано первое распоряженіе о закрытіи станцій, между тѣмъ какъ въ прежніе годы на одной станціи въ Борисоглѣбскѣ скоплялось грузовъ до 2 т. вагоновъ и станція не закрывалась. Дорога и не отрицала того, что на закрытыхъ нынѣ станціяхъ въ прежніе годы хранилось значительно большее количество хлѣба и станціи не закрывались, но объясняла закрытіе ихъ въ нынѣшнемъ году именно ссылкой на новый желѣзно-дорожный уставъ и недостатокъ въ покрывкахъ. Дорога не хотѣла подвергнуться отвѣтственности за порчу хлѣба, какая могла произойти вслѣдствіе недостатка покрывшекъ, но обзавестись достаточнымъ ихъ количествомъ не озаботилась, то есть одновременно и ссылалась на уставъ, и нарушала его.

Другая дорога, орловско-грязская, задерживала отправку хлѣба просто по недостатку подвижнаго состава. Намъ уже не разъ случалось замѣчать, что общее нареканіе на недостаточность подвижнаго состава, какой называется въ самое жаркое время хлѣбной отправки, бываетъ преувеличенъ въ томъ смыслѣ, что желѣзныя дороги не въ состояніи содержать такой подвижной составъ, который оказывался бы нужнымъ въ теченіе всего 2 или 3 мѣсяцевъ въ году. Но въ данномъ случаѣ имѣются положительныя удостовѣренія, что провозоспособность орловско-грязской дороги уже слишкомъ слаба: начиная съ 1884 г. грязе-царицынская дорога не переста-

вала требовать отъ орловско-грязской увеличенія нормы объѣма, о чемъ заявлялось и на желѣзно-дорожныхъ сѣздахъ. Комиссіями, какія назначались отъ объѣхъ дорогъ, было признано необходимымъ скорѣйшее снабженіе орловско-грязской дороги 22 товарными паровозами и 340 вагонами, а орловско-витебской дороги 20 восьмиколесными паровозами и 750 вагонами. Но ничего этого сдѣлано не было.

Въ ходатайствѣ своемъ въ министерства земство и проситъ какъ объ устраненіи на будущее время указанныхъ недостатковъ, такъ и о такомъ измѣненіи тарифовъ, которое расширило бы районъ сбыта мѣстнаго хлѣба, идущаго нынѣ только на Ригу и Либаву; земство предлагаетъ еще учрежденіе на мѣстахъ такихъ комитетовъ или совѣтовъ, которымъ можно было бы заявлять о нуждахъ сельскаго хозяйства и промышленности по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ. Мы сочли нужнымъ воспользоваться ходатайствомъ борисоглѣбскаго земства, чтобы нагляднѣе объяснить, до какихъ размѣровъ доходить, какія послѣдствія имѣетъ задержка хлѣбныхъ грузовъ и какія несообразности вводить въ число причинъ, обуславливающихъ эти задержки. Что желѣзно-дорожныя управленія не исполняютъ устава и не заботятся о тѣхъ убыткахъ, какіе вызываются ихъ нераспорядительностью, это—еще лишь одна сторона дѣла. Но, спрашивается, для чего же нужны всѣ тѣ средства надзора, какими располагаетъ наше техническое вѣдомство, если ими не устраняются и такія явленія, какъ тѣ, которыя изложены выше? Министерство путей сообщенія имѣетъ на дорогѣ своего инспектора, въ правленіи—своего члена, оно утверждаетъ смѣты дорогъ, имѣетъ право предъявлять къ нимъ требованія объ увеличеніи провозоспособности, получаетъ свѣдѣнія о каждомъ измѣненіи въ тарифѣ и можетъ его не допустить,—короче, нѣтъ такого распоряженія или бездѣйствія, проявляющихся на дорогѣ, которое могло бы ускользнуть отъ свѣдѣнія министерства, не подлежать устраненію или, наоборотъ, исполненію. Когда обнаруживаются такія обстоятельства, какъ тѣ, какія рассказаны выше, то почти странно вспомнить, что въ Петербургѣ есть особая комиссія, изслѣдующая, какими бы мѣрами возможно было пособить нашему сельскому хозяйству. И на ряду съ новымъ изслѣдованіемъ сложнаго вопроса мы видимъ такіе факты: желѣзныя дороги существуютъ для того, чтобы перевозить продукты сельскаго хозяйства со всевозможными задержками, урожай не поправляетъ положенія сельскаго хозяйства, а необыкновенный спросъ хлѣба за границу служитъ лишь для того, чтобы богатѣли экспортеры, а хозяева оставались безъ выгодъ.

При такомъ положеніи дѣла, самое распредѣленіе нашего хлѣбнаго отпуска по портамъ представляетъ такую картину, въ которой можно предполагать значительное вліяніе элемента случайности. Такъ, по даннымъ хлѣбнаго отпуска за прошлый годъ, видно, что рѣшительное преобладаніе въ хлѣбномъ отпускѣ получила Одесса, черезъ которую вывезено 110 милл. пудовъ, между тѣмъ какъ черезъ Петербургъ вывезено только 49 милл., черезъ Либаву 46 $\frac{1}{2}$ милл., черезъ Ревель 12 $\frac{1}{2}$ милл.; балтійскіе порты,

которые прежде преобладали въ хлѣбномъ отпускѣ, теперь утратили свое значеніе. Все это, можетъ быть, естественно; но, какъ мы видѣли выше, распоряженіе по отдѣльнымъ дорогамъ играетъ столь большую роль въ стѣсненіи отправки, по тому или другому направленію, что еще спрашивается, можно ли въ увеличивающемся преобладаніи южныхъ и германскихъ портовъ въ нашешъ вывозѣ видѣть исключительно одно естественное явленіе?

Явленіе это должно завистъ и отъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ. Новые тарифы по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ, введенные съ прошлаго октября, успѣли уже возбудить противъ себя многія жалобы. Въ докладѣ, читанномъ въ недавнемъ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства, г. Иванюшенковъ доказывалъ, что новые тарифы не только не упорядочили дѣла, но еще усилили бессистемность, преимущественно ко вреду средней черноземной полосы, тарифныя ставки и прежде были для нея неблагоприятны, а теперь онѣ еще возвышены на 5—15 процентовъ, а взамѣнъ того сильно понижены провозныя ставки къ русскимъ и иностраннымъ портамъ отъ болѣе отдѣленныхъ мѣстностей юго-восточной и южной части Россіи. Едва ли, однако же, можно согласиться съ мыслью автора доклада о необходимости введенія съ 1 октября нынѣшняго года однообразныхъ поверстныхъ тарифовъ на всѣ обработанные и необработанные хлѣбные грузы, съ одинаковою ставкой въ $\frac{1}{60}$ коп. съ пуда и версты. Независимо отъ возраженія, какое было предъявлено въ томъ же засѣданіи г. Федоровымъ, что при однообразномъ тарифѣ въ $\frac{1}{60}$ коп. доходы желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ хлѣба составили бы всего 34 милл. руб., между тѣмъ какъ расходы составляютъ 42 милл. руб., такъ что дефицитъ въ 7 милл. руб. палъ бы на казну по приплатѣ гарантіи, надо замѣтить, что вообще строгое проведеніе въ тарифахъ принципа пропорціональности разстоянію противорѣчило бы двумъ экономическимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, расходъ желѣзныхъ дорогъ не совсѣмъ пропорціоналенъ разстоянію, какое проходить грузъ; нѣкоторыя составныя части расхода, какъ-то: издержки по приѣмкѣ и выгрузкѣ, съ устройствомъ и содержаніемъ служащихъ для этого помѣщеній, вовсе не зависятъ отъ разстоянія, пробѣгаемаго грузомъ. Во-вторыхъ, соблюденіе строгой пропорціональности лишило бы желѣзныя дороги въ значительной степени ихъ значенія, какъ фактора въ развитіи производительныхъ силъ страны. Провозная плата на краткихъ разстояніяхъ, по обоимъ этимъ соображеніямъ, должна быть исчисляема въ размѣрѣ нѣсколько возвышенномъ противъ платы перевозки изъ мѣстностей наиболѣе отдаленныхъ. Иначе дальнія мѣстности оставались бы, несмотря на существованіе желѣзныхъ дорогъ, въ невозможности производить для отпуска и даже для снабженія внутреннихъ рынковъ, уже въ силу самой конкуренціи, какую бы встрѣчали въ производительности центральной. Сверхъ того, проведеніе принципа безусловной пропорціональности цѣнъ перевозки разстояніямъ, или, что то же, установленіе однообразной ставки съ пуда и версты, составило бы такое преимущество по заграничному отпуску для запад-

ной полосы государства противъ восточной и даже противъ центральной, что немедленно раздались бы еще болѣе сильныя и многочисленныя жалобы.

Замѣчанія наши, однако же, нисколько не направлены противъ пересмотра новыхъ тарифовъ, хотя прошлогодній опытъ пересмотра и показываетъ, что, несмотря на подчиненіе тарифнаго дѣла непосредственному административному надзору, первый блинъ вышелъ, все-таки, комомъ. Вотъ уже два года, какъ говорятъ объ учрежденіи особой канцеляріи въ министерствѣ финансовъ для руководства тарифнымъ дѣломъ, и такой органъ, въ самомъ дѣлѣ, нуженъ, потому что самое административное право регулированія тарифовъ ровно ни къ чему не приведетъ безъ спеціальнаго изученія этого дѣла. Пропорціональность провозной платы разстоянію не можетъ быть единственнымъ основаніемъ для приданія тарифамъ систематичности, то-есть для разумнаго ихъ урегулированія, въ возможномъ согласеніи интересовъ мѣстныхъ съ общимъ интересомъ отпуска. Но что самое это урегулированіе необходимо, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, а въ основу его должно быть положено изученіе нынѣшней совокупности тарифовъ и ясное опредѣленіе главныхъ цѣлей, какимъ преобразование это имѣетъ соотвѣтствовать. Все дѣло именно въ изученіи, а никакъ не въ одномъ принципѣ подчиненія тарифовъ министерскимъ распоряженіямъ. Мы уже не разъ замѣчали, что надзоръ доселѣ проявлялся, главнымъ образомъ, въ смыслѣ возвышенія тарифовъ, и г. Федоровъ замѣтилъ въ обществѣ сельскаго хозяйства, что на послѣднемъ желѣзно-дорожномъ сѣздѣ представители всѣхъ министерствъ поддерживали требованіе о возвышеніи тарифовъ, причемъ утверждалъ, что въ настоящее время нѣтъ достаточнаго опыта для вмѣшательства правительства въ желѣзно-дорожное дѣло.

На нашъ взглядъ, опытъ есть вполне достаточный, но только доселѣ и изученіе имѣющихся данныхъ было недостаточное, и самое вмѣшательство, по разнымъ причинамъ, далеко не соотвѣтствовало ни цѣлямъ, ни даже тѣмъ расходамъ, какіе сопряжены съ существованіемъ надзора. При послѣднемъ управленіи министерствомъ путей сообщенія во всемъ проявлялось незнакомство ни съ техникой, ни съ самымъ составомъ техниковъ и отсутствіе всякой системы: какая же польза могла быть отъ контроля при такихъ условіяхъ? Главнымъ органомъ этого контроля являются члены отъ министерства въ желѣзно-дорожныхъ правленіяхъ, но вотъ *Гражданинъ* прямо называетъ такого правительственнаго директора, который прежде состоялъ въ правленіи одной дороги, гдѣ управленіе хозяйственными операціями было поручено близкому его родственнику, а теперь, состоя въ правленіи другой дороги, пріостановилъ заказъ необходимыхъ для нея вагоновъ требованіемъ, чтобы переговоры о заказѣ были произведены не на мѣстѣ, а въ Петербургѣ, въ правленіи, гдѣ состоитъ онъ самъ. Въ послѣдніе же годы казенная постройка одной дороги была поручена такому инженеру, который оказался неисправнымъ подрядчикомъ на другой дорогѣ, и т. п.

Въ жалобахъ на искусственное направленіе нашего хлѣбнаго отпуска преувеличена, быть можетъ, та, которая касается движенія нашихъ хлѣб-

ныхъ грузовъ къ портамъ прусскимъ, въ ущербъ русскимъ портамъ балтійскаго побережья. Нельзя же отрицать и того естественнаго преимущества, какое представляютъ порты не замерзающіе передъ замерзающими. Въ настоящее время въ самомъ Одесскомъ портѣ вывозъ хлѣба прекратился и огромное количество хлѣба задержано; не имѣется ни одного парохода, устроенаго для расчистки канала среди льда. На углубленіе Либавскаго порта издержано казною 12 милл. рублей, чтобы поддержать либавскую дорогу, и сооруженіе еще далеко не кончено, между тѣмъ какъ въ Виндавѣ существуетъ громадный естественный и не замерзающій портъ, который почти не потребовалъ бы расходовъ, а соединеніе его съ желѣзно-дорожною сѣтью требовало лишь проложенія вѣтви въ 100 верстъ къ Виндавѣ отъ ригодинабургской дороги. При такомъ отсутствіи систематичности въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ того учрежденія, которое является главнымъ органомъ надзора за частными желѣзными дорогами, возможно ли было ожидать выработки разумной системы и въ тарифномъ вопросѣ, и въ упорядоченіи всего желѣзно-дорожнаго дѣла вообще?

Но, независимо отъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и порядковъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, все-таки, и само по себѣ требуетъ измѣненій въ самомъ направленіи нашего сельскаго хозяйства. Изъ любопытныхъ данныхъ, недавно помѣщенныхъ въ *Вѣстникъ Финансовъ*, о стоимости производства полевыхъ растений въ Россіи, обнаруживается, что паденіе цѣнъ должно повести къ рѣшительному перевороту въ нашемъ земледѣліи. Оказывается, на примѣръ, что воздѣлываніе ржи и овса въ большей части нашей земледѣльческой полосы приноситъ убытокъ, несмотря даже на урожай. Что же будетъ при урожаѣ среднемъ или ниже средняго? По логикѣ, нашему сельскому хозяйству предстоятъ бы переходъ въ такомъ направленіи: ограниченіе посѣвовъ ржи и овса размѣрами одной внутренней потребности, замѣна ихъ воздѣлываніемъ пшеницы, вездѣ, гдѣ то возможно при введеніи лучшей системы обработки полей, наконецъ, переходъ— въ другихъ мѣстностяхъ— отъ воздѣлыванія ржи и овса на продажу къ разведенію скота, предполагая и принадлежащія сюда условія: предохраненіе отъ заразъ и облегченіе вывоза скота и животныхъ продуктовъ за границу.

Такъ выходитъ по логикѣ. Но дальнѣйшее теченіе мыслей можно выразить въ слѣдующемъ краткомъ діалогѣ: а откуда взять денегъ на улучшенія?— Необходимо завести меліорационный кредитъ, государственный и вспомогательный—частный.—Но, вѣдь, наши сельскіе хозяева уже воспользовались кредитомъ донельзя: получили выкупныя ссуды, надѣлъ съ разсрочкою уплаты, ссуды въ частныхъ земельныхъ банкахъ, затѣмъ ссуды въ банкѣ дворянскомъ для выкупа изъ частныхъ земельныхъ, ссуды изъ государственнаго банка подъ соло-векселя, ссуды изъ крестьянскаго банка на приобрѣтеніе земли; нельзя только прибавить къ этому перечню ссуды изъ государственнаго банка подъ хлѣбъ, такъ какъ эти ссуды такъ устроены, что ими, кажется, никто,—по крайней мѣрѣ, изъ сельскихъ хо-

заявъ,—не воспользовался. И, однакожь, несмотря на отрицательный исход предшествующаго діалога, надо же что-нибудь сдѣлать, такъ какъ нынѣшнее положеніе угрожаетъ земледѣльской странѣ полнымъ экономическимъ кризисомъ.

И на все, что только возможно бы сдѣлать, несомнѣнно, нужны будутъ деньги. Стало быть, меліорационный кредитъ, все-таки, необходимъ. Профессоръ Исаевъ, въ статьяхъ, которыя напечатаны въ петербургскихъ *Новостяхъ*, взялъ вопросъ шире: онъ предлагаетъ заключеніе займа въ 500 милл. рублей на крупныя затраты для кореннаго улучшенія нашего сельскаго хозяйства. Возраженіе, что русское частное землевладѣніе уже поглотило многочисленныя милліоны ссудъ безъ всякой пользы, онъ устраняетъ замѣчаніемъ, что тѣ ссуды поступили враздробь, въ отдѣльныя хозяйства, и даже тамъ, гдѣ не были растрчены, могли быть употреблены только на отдѣльныя улучшенія, между тѣмъ какъ требуются «массовыя затраты» для созданія такихъ условій, которыя могли бы произвести результаты общіе. Авторъ намѣчаетъ пять главныхъ предпріятій, необходимыхъ для общаго, кореннаго улучшенія, и требующихъ именно массовыхъ затратъ со стороны государства, которое одно и можетъ осуществить нѣкоторыя изъ нихъ: постройка подъѣздныхъ желѣзныхъ путей, исправленіе рѣкъ, сооруженіе элеваторовъ, устройство переселеній и основаніе образцовыхъ фермъ. Изъ итога 500 милл. руб. займа г. Исаевъ обращаетъ 250 милл. руб. на постройку 20 тыс. верстъ подъѣздныхъ дорогъ и дѣлаетъ расчетъ, по которому однѣ эти дороги дадутъ странѣ такое сбереженіе по перевозкѣ хлѣба, что оно почти покроетъ ежегодныя платежи по всему займу. Затѣмъ 150 милл. руб. можно было бы употребить на переселеніе изъ густонаселенныхъ мѣстностей на окраины Россіи полумилліона семей, причемъ оставшіеся на мѣстахъ воспользуются тѣмъ доходомъ отъ производительности, какой получали переселяемые, а эти послѣдніе пріобрѣли бы на новыхъ мѣстахъ такой доходъ, который представился бы уже чистымъ приращеніемъ для народнаго хозяйства и новымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Остальные 100 милл. руб. займа потребуются на исправленіе рѣкъ, устройство элеваторовъ и т. д. «Не будемъ же медлить,—заключаетъ авторъ,—нужда неминуемая настала давно, а благоприятное состояніе нашихъ финансовъ облегчаетъ заключеніе такого истинно-національнаго займа».

Проектъ г. Исаева грандіозенъ; но это еще не значитъ, что онъ лишень практическаго значенія. Вѣдь, имъ только указывается то направленіе, въ которомъ такъ или иначе, но придется же дѣйствовать; важно въ проектѣ не распределеніе милліоновъ, но, собственно говоря, указаніе, что надо намъ, наконецъ, дѣлать дѣло, такъ какъ иначе будетъ плохо. Въ этомъ смыслѣ мы охотно признаемъ и колоссальную, на первый взглядъ, цифру займа на улучшеніе сельскаго хозяйства,—займа «истинно-національнаго». Высокая цифра только обозначаетъ великость нужды, и если 100-милліонный заемъ на двѣ желѣзныя дороги или недавній заемъ въ 50

милл. руб. кред. (въ суммѣ 125 руб. милл. зол.) собственно на бухгалтерскіе расчеты казначейства съ казеннымъ банкомъ насъ нисколько не удивляетъ, то почему же насъ бы удивлялъ заемъ въ 500 милл. руб. на коренное улучшение того дѣла, за счетъ котораго, въ сущности, дѣлаются и всякіе прочіе займы? Выкупное дѣло представляетъ же миллиардную операцію. Относительно частныхъ въ программѣ проф. Исаева мы отмѣтимъ только, что устройство переселенческаго дѣла, какъ оно ни важно, собственно не входитъ въ кругъ вопроса объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ виду паденія цѣнъ.

Правда, сколько разъ намъ ни случалось присутствовать при обсужденіи вопроса о хлѣбномъ кризисѣ, мы замѣчали, что значительная часть преній сводилась на вопросъ о разработкѣ новыхъ пространствъ; но это—вопросъ другой. Когда намъ говорятъ, что спросъ за границею на то количество хлѣба, которое мы добываемъ теперь, падаетъ, то не относится къ дѣлу разсужденіе о томъ, какимъ бы образомъ добывать хлѣба еще болѣе. Когда утверждаютъ (а *Вѣстникъ Финансовъ*—изданіе официальное), что производство ржи и овса для отпуска (въ которомъ они составляютъ количественно 40%)—убыточно, и что при нынѣшнихъ накладныхъ расходахъ и задержкахъ бываетъ убыточно даже производство пшеницы, то по этому поводу не слѣдуетъ вдаваться въ разсужденіе такого рода, что можно бы воздѣлывать рожь, овесъ и пшеницу прежнимъ экстензивнымъ способомъ на еще болѣе широкомъ пространствѣ. Самый вопросъ объ улучшеніи сельскаго хозяйства заключается собственно въ частныхъ вопросахъ и выборѣ растений и порядкѣ ихъ смѣны, о способѣ паханія, объ отношеніи скотоводства къ земледѣлію,—словомъ, сводится на общій вопросъ о переходѣ къ болѣе совершенной, болѣе соответствующей обстоятельствамъ системѣ хозяйства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на другой общій же вопросъ объ уменьшеніи накладныхъ расходовъ, то-есть объ устройствѣ подъѣздныхъ путей, элеваторовъ, исправленіи рѣкъ, упорядоченіи тарифовъ и другихъ порядковъ на дорогахъ.

Устройство такъ называемаго меліорационнаго кредита, то-есть выдачи ссудъ исключительно на улучшения въ сельскомъ хозяйствѣ, представляется во всякомъ случаѣ необходимымъ. Къ ссудамъ этого рода не можетъ относиться то огульное возраженіе, что наше сельское хозяйство воспользовалось уже кредитомъ вообще выше силъ своихъ. Меліорационный кредитъ есть кредитъ специальный, открываемый по представленному предположенію о томъ улучшеніи, какое должно быть сдѣлано, съ изложеніемъ расчета. При этомъ отдѣленія банка могутъ признавать или не признавать основательность расчета, а затѣмъ наблюдаютъ за дѣйствительнымъ исполненіемъ проектированнаго улучшения. По самому свойству этого дѣла, то-есть по той первостепенной важности, какою въ немъ имѣетъ именно надзоръ, а затѣмъ дѣйствительная отвѣтственность заемщиковъ въ случаяхъ представленія ими фальшивыхъ показаній, намъ казалось бы, что устройство меліорационнаго

кредита въ Россіи на первое время возможно только при посредствѣ банковъ казенныхъ, а именно дворянскаго и крестьянскаго. Для обезпеченія ссудъ, выдаваемыхъ для улучшеній на такихъ земляхъ, которыя уже заложены, отдѣленія крестьянскаго банка могли бы требовать поручительства крестьянскихъ обществъ, а отдѣленія дворянскаго банка—круговаго поручительства нѣсколькихъ частныхъ землевладѣльцевъ. Что касается надзора и удостовѣренія въ дѣйствительности произведенныхъ улучшеній, то органами банковъ могли бы служить особые комитеты при уѣздныхъ земствахъ.

Еще лучше было бы, конечно, если бы земство могло само устроить выдачу ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. Но дѣло это, для того чтобы оно могло принести значительную пользу всему частному и крестьянскому хозяйству, хотя бы въ однѣхъ земскихъ губерніяхъ, предполагаетъ такой оборотный капиталъ, какимъ могутъ располагать только банки. А, стало быть, отдѣленіямъ банковъ должно быть предоставлено и самое веденіе его, земства же могутъ явиться здѣсь именно какъ органы надзора. Такой кредитъ, данный на срокъ и на опредѣленное улучшеніе, подѣйствительнымъ надзоромъ, представилъ бы самое прямое средство для постепеннаго перехода земледѣльческихъ общинъ и собственниковъ, мелкихъ и даже среднихъ, къ лучшей системѣ обработки, къ травосѣянію, усиленію инвентаря. Бесполезность прежнихъ, общихъ залоговыхъ ссудъ для нашего хозяйства не должна отвращать насъ отъ признанія необходимости меліорационнаго кредита. Дѣло въ томъ, что нынѣшняя банковая задолженность большинства нашихъ имѣній была вызвана вовсе не хозяйственными цѣлями, но, главнымъ образомъ, раздѣлами. Что обремененіе земли высокими платежами, для раздѣловъ наслѣдствъ, не могло принести ей пользы это никогда и не подлежало сомнѣнію. Напротивъ, въ этомъ общемъ и безусловномъ видѣ такъ называемый «недвижимый» земельный кредитъ велъ прямо къ обращенію земельного владѣнія въ движимое, въ нѣчто безпрестанно переходящее изъ рукъ въ руки и обращающееся въ предметъ спекуляціи. Прибавимъ, что то же самое, въ меньшей или большей степени, было вездѣ: во всѣхъ странахъ недвижимый кредитъ повелъ къ переходу земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, между тѣмъ какъ кредитъ меліорационный сдѣлался на Западѣ главнымъ рычагомъ усовершенствованія сельскаго хозяйства.

Въ прошломъ мѣсяцѣ опубликовано законодательное распоряженіе, о которомъ умѣстно упомянуть вслѣдъ за вопросомъ объ улучшеніяхъ въ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи. Мѣропріятіе это представляется въ положеніи комитета министровъ о новой нормальной оцѣнкѣ, на трехлѣтіе съ 1889 г., гуртоваго скота. Оцѣнка эта дѣлается съ 1876 г., по трехлѣтіямъ, для взиманія съ гуртоваго скота процентнаго сбора и для выдачи, на основаніи ея, вознагражденій за убиваемыхъ изъ гуртовъ животныхъ, въ случаѣ чумнаго заболѣванія. Оцѣнка весьма различна для скота разныхъ породъ и сообразно назначенію: напримѣръ, для быка отъ 25 до 85 руб., а для

коровы отъ 15 до 100 р. Мѣры для пресѣченія чумы на гуртовомъ скотѣ установлены были сперва, въ 1870 году, для губерній Царства Польскаго, а съ 1876 года распространены на всѣ губерніи Европейской Россіи. Затѣмъ, законъ 3 іюня 1879 года, выработанный при покойномъ Маковѣ, распространилъ эти мѣры, а именно убиваніе зачумленныхъ животныхъ, съ выдачею вознагражденія, и на мѣстный скотъ.

Сборъ съ гуртоваго скота, поступающій въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, и обращается на выдачу вознагражденій. Общій расходъ на этотъ предметъ составляетъ до 600 тысячъ руб. въ годъ, причеиъ министерство расходуетъ на вознагражденіе по пресѣченію чумы на мѣстномъ скотѣ менѣе 130 тыс. руб., а остальные 470 тыс. руб. уплачиваются земствомъ. Недавно въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* были помѣщены весьма любопытныя графическія изображенія успѣховъ по борьбѣ съ чумою. Это—четыре карты Европейской Россіи за 1883—85 гг., 1886, 1887 и 1888 годы, съ отгѣненіемъ зараженныхъ мѣстностей, причеиъ послѣдняя изъ этихъ картъ представляетъ,—говоря безъ шутки,—наиболѣе свѣтлое явленіе, которое и рекомендуемъ для извѣстнаго списка *Недѣли*. На этой послѣдней картѣ тѣнь, и то лишь слабая, лежитъ только на юго-восточной полосѣ отъ Кавказа и Каспійскаго моря до Казани и Оренбурга и затѣмъ отъ Кіева—на югъ до Чернаго моря; остальная же поверхность Россіи вся свободна отъ тѣни, исключая случайныя, единичныя пятнышки.

Изъ цифровыхъ данныхъ, собранныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, оказывается, что въ самомъ дѣлѣ борьба съ падежами отъ чумы ведется у насъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Такъ какъ всякое улучшение въ сельскомъ хозяйствѣ связано съ умноженіемъ скота, то и противъ самой возможности такихъ улучшеній у насъ, до послѣднихъ лѣтъ, можно было возражать указаніемъ на эпизоотіи, которыя не только причиняли огромныя потери народу, но крайне затрудняли вывозъ нашего скота за границу. Вообще, полное прекращеніе эпизоотій есть первое условіе для перехода нашего сельскаго хозяйства къ какимъ-либо новымъ нормамъ. А что прекращеніе эпизоотій возможно, съ относительно не очень большими затратами, это доказывается какъ примѣрами другихъ странъ, такъ и тѣмъ, что уже сдѣлано въ настоящее время и у насъ.

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что повсюду главною мѣрой для пресѣченія эпизоотій было убиваніе зачумленныхъ животныхъ, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ, причеиъ въ Англии, Германіи, Голландіи, Италіи тратилось на это по милліону и болѣе рублей въ годъ, въ шестидесятыхъ, отчасти еще и въ семидесятыхъ годахъ, такъ какъ и Западная Европа совершенно освободилась отъ этого бича въ недавнее лишь время. Дѣйствіе закона 1879 года, который не вездѣ былъ примѣняемъ, сдѣлано было съ 1887 года обязательнымъ для всѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, за исключеніемъ Оренбургской губерніи, и распространено даже на сѣверный Кавказъ. Вмеістѣ съ тѣмъ, сдѣлано было обязательнымъ въ районѣ всѣхъ

среднихъ и сѣверныхъ губерній провозъ гуртовъ скота по желѣзнымъ дорогамъ, что предохраняетъ гуртовой скотъ отъ заразы и облегчаетъ надзоръ: такъ, въ 1883 г. общее число головъ скота, провезеннаго по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, составляло только 1 милл., а затѣмъ, возрастая съ каждымъ годомъ, оно достигло съ 1886 года 2.300,000 головъ въ годъ.

Изъ таблицы, въ которой сопоставлены результаты, мы приведемъ слѣдующія данныя. Еще въ трехлѣтіе до 1885 года законъ 1879 года, дѣйствительно, примѣнялся всего въ 10—27 губерніяхъ и областяхъ Россіи, причемъ чума и проявлялась въ 48—50 губерніяхъ и областяхъ, съ потерюю въ годъ до 350 тысячъ головъ скота, то-есть съ убылью 12 головъ на каждую тысячу наличнаго скота, что на деньги составляло до 7 милл. р. въ годъ. Всѣ эти отношенія постепенно принимали обратный ходъ и за 1888 годъ представились уже въ слѣдующемъ видѣ: примѣняется законъ въ 62 губерніяхъ и областяхъ, чума проявилась уже только въ 23, пало скота 37 тыс. головъ, то-есть по 1 головѣ на тысячу, съ убыткомъ въ $\frac{3}{4}$ милл. рублей. Такой результатъ нельзя не назвать блестящимъ и не признать въ немъ заслуги какъ администраціи, столь настойчиво наблюдающей за дѣйствительнымъ примѣненіемъ закона 1879 г., такъ и земскихъ учрежденій, несущихъ главный по этому предмету расходъ и являющихся, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они существуютъ, главными органами по исполненію закона.

Дѣйствіе мѣръ по прекращенію чумы оказывалось вездѣ немедленно и въ поразительныхъ размѣрахъ. Такъ, мѣры эти въ 1885—86 годахъ были введены въ губерніяхъ Черниговской, Самарской и Саратовской, гдѣ прежде погибало ежегодно около 100 тысячъ головъ скота; и вотъ уже въ первый годъ потери уменьшились до 12 тысячъ головъ, въ 1887 году до 8 тыс., а въ 1888 г. Черниговская губернія была свободна отъ чумы, въ Саратовской погибло $1\frac{1}{4}$ тысяча, но въ одной Самарской пало болѣе 12 тыс. головъ, т.-е. около 30% убыли отъ чумы по всей Россіи. Въ общемъ итогѣ, по тѣмъ же даннымъ, сравнительно съ прежними цифрами, за послѣдніе три года было сохранено отъ чумы до 650 тысячъ головъ скота, цѣною почти на 13 милл. рублей; расходъ же, какъ уже выше сказано, составилъ около 600 тыс. р. въ годъ, но большая часть его пошла на вознагражденіе владѣльцевъ за убитый скотъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ высказываетъ надежду на полное прекращеніе эпизоотій въ Европейской Россіи въ близкомъ будущемъ. Мѣры пресѣченія распространены отчасти даже на Тургайскую область, а для предупрежденія заноса чумы изъ сибирскихъ губерній устроенъ особый промежуточный санитарный поясъ, въ которомъ усиленъ ветеринарный надзоръ. Во второй половинѣ 1888 года чумная эпизоотія преимущественно сосредоточивалась въ двухъ районахъ: въ Самарской, Астраханской, Ставропольской губерніяхъ, съ нѣкоторыми прилегающими уѣздами, и въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, съ нѣкоторыми сосѣдними поселе-

ніями въ пограничныхъ уѣздахъ. Въ западной части Европейской Россіи, свободной отъ чумы, Кіевская губернія составляла доселѣ исключеніе, но, по имѣющимся въ настоящее время свѣдѣніямъ, и въ Кіевской губерніи уже въ теченіе мѣсяца не было новыхъ случаевъ заболѣванія скота чумою. Всѣ эти весьма утѣшительныя данныя опредѣляютъ такой общій выводъ, что 1888 г. является для сельскаго населенія Европейской Россіи, въ отношеніи убыли скота отъ чумы, «однимъ изъ благопріятнѣйшихъ въ текущемъ столѣтіи» и доказываетъ возможность полного прекращенія этого бѣдствія въ недалекомъ будущемъ.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XXXII.

А, кажется, нужно подчеркнуть рѣзче то направленіе, которое въ послѣднее время предлагается русскому обществу съ особенною настойчивостью, въ видѣ единственнаго средства благоустройства. Формула, которой обнимается практическая сущность этого средства, очень проста: «тебѣ плохо, потому что ты самъ ничего не дѣлаешь, и будетъ хорошо, если ты самъ этого захочешь». Очень великодушная, справедливая, а, главное, умная формула! Но что же въ ней новаго, чтобы она имѣла право выступать съ шумомъ и авторитетомъ, точно и въ самомъ дѣлѣ новая истина? Когда же человѣку не говорили, что онъ самъ виноватъ? Когда же ему запрещалось хотѣть лучшаго и когда же этотъ самый человѣкъ не бился, какъ рыба объ ледь, чтобы сдѣлать себя лучше? Можно подумать, что прежде на обывателя сыпались съ неба изъ рога изобилія жареные рѣбчики и московскіе калачи и онъ такъ привыкъ къ подаркамъ, что сложилъ руки и совсѣмъ пересталъ о себѣ заботиться, а, между тѣмъ, рогъ изобилія на небѣ закрылся. Конечно, такому праздному лѣнтяю и нельзя дать другаго совѣта, кромѣ: «будетъ хорошо, если самъ этого захочешь».

Любопытно, что это воззрѣніе, давно уже окрѣпшее въ практической жизни, стало наблюдаться не только въ художественной литературѣ, но и въ журналистикѣ. Но у повседневной практики были для этого свои очень основательные резоны, — на то она и повседневная практика. Вотъ какой-нибудь ошмыганный мужичишка или оборванный интеллигентъ бьются и переколачиваются, чтобы выбиться на дорогу, глядишь—и тамъ закрыты пути, и здѣсь нѣтъ мѣста. Что тутъ дѣлать? Не другимъ же отыскивать для нихъ не занятые приборы на пиру природы. Конечно, самъ человѣкъ долженъ искать, что ему нужно, самъ долженъ найти себя и притворъ по вкусу.

Практическая жизнь, знавшая лишь стоящія передъ нею практическія возможности, видѣла только свои факты и дальше фактовъ она не шла. И въ образѣ мужика и деревни наша практическая жизнь до того подчинилась факту, что интеллигентъ, не понявшій, въ чемъ тутъ дѣло, распростерся, наконецъ, ницъ передъ солдатикомъ Баратаевымъ.

Но, вѣдь, солдатикъ Каратаевъ человекъ только факта и больше ничего. Ну, холодно, такъ и холодно! Солдатикъ Каратаевъ, какъ практикъ, очень хорошо знаетъ, что противъ холода ничего не подѣлаешь. Знаетъ онъ, что противъ голода ничего не подѣлаешь и противъ смерти ничего не подѣлаешь. И вотъ онъ всѣмъ этимъ напастямъ смотреть прямо въ глаза и когда придетъ ему время умирать—ляжетъ на спину, перекрестится, сложитъ руки на груди и умретъ, потому что ничего не подѣлаешь.

Интеллигентъ выработался совсѣмъ изъ другихъ отношеній къ факту. Онъ знаетъ тоже очень хорошо, что есть такіе факты, какъ холодъ, голодъ, смерть. Но, кромѣ того, что онъ объ этомъ знаетъ, онъ объ этомъ еще и думаетъ. Кромѣ факта, какъ факта, въ головѣ интеллигента есть еще и идея этого факта. Солдатикъ Каратаевъ говоритъ, что «ничего не подѣлаешь», а интеллигентъ именно и хочетъ что-нибудь подѣлать, чтобы не было ни холодно, ни голодно. Солдату Каратаеву свалится на голову кирпичъ съ крыши и Каратаевъ ничего—почешетъ въ головѣ, надѣнетъ шапку и пойдетъ дальше, а интеллигентъ не пойдетъ: онъ остановится и подумаетъ, какъ бы такъ сдѣлать, чтобы кирпичи съ крышъ не падали на головы проходящимъ.

Совершенно справедливо, что привычка только думать, а не дѣлать, приучила интеллигента рефлектировать и «крутить мозгами», но также справедливо, что привычка подчиняться только факту отучила солдатика Каратаева думать. Такимъ образомъ, если солдатикъ Каратаевъ и интеллигентъ превратились въ два противоположныхъ полюса, то вопросъ, конечно, не въ томъ, чтобы корить интеллигента солдатикомъ Каратаевымъ, потому что и солдатика Каратаева можно упрекнуть интеллигентомъ.

Солдатика Каратаева, конечно, можно похвалить за мужество, съ которымъ онъ переноситъ холодъ, голодъ и даже смерть, но, говоря по правдѣ, это мужество еще не Богъ вѣсть какое, да и явилось-то оно потому, что ничего не подѣлаешь.

Интеллигентъ же родился въ мирѣ (въ мирѣ, а не у насъ однихъ) не для того, чтобы переносить холодъ, голодъ и смерть, а чтобы такъ устроить дѣла, чтобы не было ни холоду, ни голоду, да и смерть отодвинуть подалше. И не для себя одного задумалъ интеллигентъ все это сдѣлать, а и для солдатика Каратаева, котораго, пока, жизнь научила одному—пассивно умирать.

Даже и относительно смерти интеллигентъ оказался «развитѣе» солдатика Каратаева. И съ моральной, и съ общественной точки зрѣнія нельзя оправдывать самоубійствъ, но нельзя также объяснить ихъ недостаткомъ воли и энергіи. Здѣсь пассивное мужество Каратаева смѣнилось вполне мужествомъ активнымъ.

Если сдѣлать подробное сравненіе между солдатикомъ Каратаевымъ и интеллигентомъ и подлѣ каждого изъ нихъ сложить въ кучки ихъ нравственное и умственное богатство, то имущество интеллигента окажется неизмѣримо больше имущества солдатика Каратаева.

Если же это такъ, то почему же наши «известные и авторитетные» художники-буллетристы, а за ними и другіе, менѣе известные, и даже и совсѣмъ неизвѣстные писатели — всѣ свои симпатіи склонили въ сторону солдатика Каратаева и превратили его даже въ идеаль, а интеллигента поѣдаютъ поѣдомъ, точно хотятъ совсѣмъ сжить его со свѣта? Даже и на новый-то годъ не дали интеллигенту покоя и, вмѣсто всякихъ добрыхъ пожеланій, упрекнули его въ недостаткѣ энергіи; въ отсутствіи воли и въ томъ, что онъ самъ не хочетъ сдѣлать себѣ лучше! И кто же это сдѣлалъ? Это сдѣлали тѣ самые «друзья» интеллигента, которые, подобно «новому литературному поколѣнію», составляютъ истинный продуктъ восьмидесятихъ годовъ. У этихъ умныхъ друзей не нашлось лучшаго слова, кромѣ упрека, и той формулы, которую они придумали. Имъ даже и не пришло въ голову, что ихъ формула жестока и несправедлива, потому что приноситъ въ жертву факту того самаго интеллигента, который, прежде всего, нуждается въ возможностяхъ для интеллигентнаго существованія. О томъ, какъ бы создать эти возможности и почему ихъ нѣтъ, они не говорятъ ни слова. Ту половину интеллигентнаго человѣчества, которой живется хорошо, они оставляютъ въ покоѣ и всего требуютъ только отъ тѣхъ, кому жизнь встала поперекъ горла.

Все это дѣлается, конечно, съ самыми доброжелательными намереніями, чтобы указать хотя какой-нибудь выходъ. Но только этотъ ли выходъ нужно указывать? Что говорить тому, кто бился изъ всѣхъ силъ и, наконецъ, изъ нихъ выбился, что у него нѣтъ силъ? Онъ это и самъ знаетъ. Говорить же это тому, кто еще бьется, бесполезно потому, что онъ еще бьется. Въ томъ и въ другомъ случаѣ получаютъ только пустыя слова.

Но тутъ важны не пустыя слова, — о нихъ не стоило бы и говорить, — важно то, почему они могли явиться, почему выходъ оказался только въ этомъ средствѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, почему у насъ мысль можетъ получить пустое направленіе? Чтобы понять это, не зачѣмъ уходить дальше того, что свершилось на нашихъ глазахъ.

Русская жизнь, только однимъ освобожденіемъ крестьянъ, не говоря уже о другихъ реформахъ, открыла много новыхъ, небывалыхъ прежде возможностей для интеллектуальнаго существованія и создала цѣлыя группы новыхъ людей, устремившихся воспользоваться этими возможностями. Большинство этихъ группъ по своему общественному происхожденію стояло ближе къ солдатнику Каратаеву и воспользовалось новымъ умственнымъ движеніемъ именно какъ средствомъ для новаго, лучшаго и болѣе человѣческаго существованія. Все это такъ и должно было быть; но вотъ что могло бы и не быть. Лѣтъ двадцать пять назадъ, особенно въ самый разгаръ реформъ, тонъ жизни давало верхнее, идейное движеніе, а теперь тонъ жизни даютъ уже не идейные люди, а люди середины. Середина теперь рѣшительно выдвинулась впередъ и заняла первое мѣсто.

Одна провинціальная газета рисуетъ даже слѣдующую картину нашего современнаго срединнаго существованія: «Быть можетъ, въ наши совре-

мешные дни,—говорит газета,—нѣтъ у насъ «геніевъ», или не видно ихъ возможности для всѣхъ; но куда ни оглянись, въ каждомъ уголкѣ, въ каждомъ департаментѣ и въ каждой канцеляріи мы видимъ цѣлыя массы людей, рѣшительно ничѣмъ не уступающихъ среднему уровню «передовыхъ людей» начала шестидесятыхъ годовъ. Такими людьми теперь у насъ повсемѣстно хоть прудъ пруди. Быть можетъ, они не такъ наивны и не полны радужныхъ надеждъ; но въ ихъ массѣ, какъ и во всякой вообще массѣ, стремленіе къ царству правды и добра живуче несколько не меньше, чѣмъ въ насъ въ дни нашей юности. Но, не говоря объ этихъ людяхъ съ высшимъ образованіемъ и съ честными стремленіями, неужто можно забывать про массы, и безчисленныя массы, средняго сословія, лицъ съ среднимъ образованіемъ, народившихся за послѣднее время для общественной жизни, прежде рѣшительно для нихъ недостижимой? А эти милліоны грамотныхъ людей, прошедшихъ начальныя школы всѣхъ наименованій, могутъ развѣ быть поставлены въ уровень съ тѣмъ, чѣмъ былъ «народъ» тридцать лѣтъ тому назадъ? Все это—элементы прогресса, правда, не блестящаго, не головокружительнаго, не пылающаго, но за то болѣе реальнаго и неискоренимаго, чѣмъ тотъ, которымъ мы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ любовались больше по наслышкѣ и «въ кредитъ», чѣмъ на самомъ дѣлѣ».

Эту картину рисуетъ не какой-нибудь провинціальный листокъ объявленій, а газета въ своей окрестности авторитетная, управляемая людьми образованными и развитыми, съ точными общественными понятіями и требованіями, съ ясно опредѣленною программой. И все, что говоритъ газета, совершенно вѣрно, факты приведены неоспоримые. Если же это такъ, то почему же въ цѣлой картинѣ вы не чувствуете правды? Только потому, что вамъ этой правды и не даютъ, что васъ заставляютъ присутствовать на единоборствѣ, что передъ вами происходитъ полемика восьмидесятыхъ годовъ съ шестидесятыми. Но зачѣмъ понадобилась эта полемика? Шестидесятые года прошли, притязаній никакихъ на свое возстановленіе въ настоящемъ не заявляютъ, да и заявлять его не могутъ,—въ тридцать лѣтъ, которыя миновали, и люди народились другіе, и русло жизни установилось иное. Зачѣмъ эта бесполезная, повидимому, полемика съ прошлымъ, съ исторіей, съ жизнью, сданной въ архивъ?

Не борьба тутъ съ прошлымъ ведется, не полемика съ исторіей, и шестидесятые года тутъ не причемъ. Они нарисованы на картинѣ только для конкретности, для осязательности, для наглядности. Въ дѣйствительности же тутъ идетъ борьба двухъ существующихъ въ настоящее время направленій—дѣловаго съ идейнымъ, практическаго съ идеальнымъ, фактической повседневности съ возникающею и крѣпнущею все болѣе и болѣе критикою этой дѣловой повседневности.

И странный производить эффектъ противопоставляемыя части картины,—эффектъ, котораго, конечно, не ожидалъ и самъ художникъ. Не поспешилъ онъ на краски, и полотно взялъ большое, и фигуръ нарисовалъ многое

множество. Тут и цѣлыя массы людей, рѣшительно ничѣмъ не уступающихъ среднему уровню «передовыхъ людей» (иронія) начала шестидесятыхъ годовъ (такая масса, что хоть «прудь пруди»); тут и стремленіе къ царству правды и добра, такое же живучее, какъ и «въ дни нашей юности» (опять иронія); тут и безчисленныя массы средняго сословія съ среднимъ образованіемъ, тут и миллионы грамотныхъ людей, прошедшихъ народную школу, только одного нѣтъ въ этомъ громадномъ полотнѣ, заполненномъ такою массою фигуръ,—воздуху: фигуръ нарисовано много, стоять онѣ тѣсно, а дышать имъ нечѣмъ.

Группа людей дѣловаго, практическаго направленія, забирающая въ свои руки печать, теперь довольно многочисленна. Устроилась она и въ столичной, и въ провинціальной печати, и на югѣ и на сѣверѣ, и на западѣ и на востокѣ. Состоитъ она изъ людей и талантливыхъ и безталанныхъ, и умныхъ и не умныхъ, и образованныхъ и полуобразованныхъ, и тяготящихся больше къ умственнымъ верхамъ и тяготящихся больше къ умственнымъ низамъ, но нутро ея остается все одно и то же. Оно не «умственное», а «практическое», и, какъ преимущественно практическое и дѣловое, тяготящее къ «капиталу», отличается способностью къ приспособленію. Въ этомъ и заключается его главная особенность, его нервъ, его душа. Лишь бы только не было помѣхъ къ «накопленію», а тамъ, какія бы другія помѣхи жизнь ни выставляла, все будетъ хорошо, пока можно еще накапливать.

Во время реформъ наши дѣловики (уже и тогда устроившіеся въ печати) стояли горячо на сторонѣ реформъ, ибо они сулили имъ возможность очень широкихъ и разнообразныхъ поприщъ для накопленія; потомъ, когда обстоятельства стали слагаться на отливъ, практики пошли по отливу; во время «новыхъ вѣяній» они тоже вѣяли, а затѣмъ, когда вѣянія и идеи сошли съ горизонта и первый планъ картины заняла «середина», они почувствовали себя настолько авторитетными, что вступили въ полемику съ идеями и явились самыми яркими сторонниками дѣйствительности. И ни въ «лиричѣ убѣжденій», ни въ «спатаніи мыслей», ни въ чемъ-либо подобномъ ихъ упрекнуть нельзя. Напротивъ, они очень послѣдовательны, даже неуклонно послѣдовательны, и такъ хорошо знаютъ свою ботанику, что какую имъ дорожку ни откроете, они на всякой съумѣютъ собрать гербарій. Ужъ таково свойство ихъ ума, который не видитъ ничего другаго, кромѣ практическихъ житейскихъ возможностей къ устройству своего личнаго благосостоянія, и не знаетъ другихъ задачъ, кромѣ накопленія.

Это собственно дѣльцы, практики, но съ особеннымъ умственнымъ отѣнкомъ. Отъ этого-то они и устроились въ печати. Чистый дѣлецъ знаетъ только «счетъ»,—для идей или идеаловъ (конечно, общественныхъ) у него въ головѣ совсѣмъ нѣтъ никакой и клѣточки. У дѣльцовъ же, пристроившихся въ печати и самую печать превратившихъ въ свое дѣло, въ средство для пропаганды, клѣточка въ головѣ есть. Въ этой клѣточкѣ у нихъ бьется маленькій общественный пульсъ, имъ знакомъ и идеалъ обществен-

наго устройства на началах равноправности, они тяготеют къ большинству, завидуют обезпеченію и довольству меньшинства, питают къ нему за это иногда и злобныя чувства, тяготеют къ народу, изъ котораго нерѣдко и сами происходят, но все это умственное (идейное) содержимое ихъ клѣточки изображаетъ только сложную контрольную организацію, направляющую вѣрнымъ путемъ ихъ собственный «счетъ». Вотъ этотъ-то счетъ и даетъ главный тонъ всему ихъ мышленію. А законъ «счета» одинъ, онъ всегда знаетъ только сегодняшний день, а «завтра» предоставляетъ мечтателямъ и утопистамъ.

Въ сей моментъ по обстоятельствамъ времени имъ кажется (а, можетъ быть они опредѣляютъ это вѣрно своимъ практическимъ чутьемъ), что для интеллигента нѣтъ другаго выхода, какъ биться, какъ рыба объ ледъ, и вотъ они совершенно искренно (и съ своей точки зрѣнія справедливо) хотѣли бы заставить замолчать тѣхъ, кто, какъ они думаютъ, мѣшаетъ ихъ пропагандѣ современнаго способа практическаго приспособленія. Они совершенно искренно полагаютъ, что публицисты, съ ними несогласные, «не только не содѣйствуютъ выработкѣ идеаловъ (!), не только не облегчаютъ потуги общественной мысли, стремящейся къ созданію идеаловъ, но еще встрѣчаютъ всѣ робкія попытки въ этомъ направленіи презрительнымъ смѣхомъ и прошепъ, убивая эти попытки въ самомъ зародышѣ противопоставленіемъ имъ мрачной дѣйствительности».

Видите, какія все хорошія слова: «потуги общественной мысли», «новые идеалы жизни и дѣятельности», «презрительный смѣхъ, убивающій попытки въ самомъ зародышѣ»... А знаете ли, о какихъ тутъ потугахъ общественной мысли и новыхъ идеалахъ жизни и дѣятельности рѣчь? Да все о томъ же «своемъ хлѣбѣ» и «своемъ трудѣ». Что это «новая дѣятельность» и только дѣятельность—совершенно справедливо. Но идеалы-то ужъ оставьте, пожалуйста, въ покоѣ. Для нихъ нужно что-нибудь пошире и подальше «мѣщанскаго счастья», о которомъ вы только и мечтаете.

Проповѣдники этого идеала популяризируютъ собственную программу и собственные вожеланія. Кусокъ земли, домикъ въ три окошечка, на окнахъ занавѣски и цвѣты, а внутри дома жена-хозяйка, дѣти, «свой хлѣбъ» и хоть щей горшокъ, да самъ большой. Чего же еще нужно интеллигенту?

Надо, однако, воздать должное предусмотрительности авторовъ этой программы: предлагаемое «мѣщанское счастье» они нигдѣ не называютъ мѣщанскимъ, а изъ клѣточки, въ которой у нихъ помѣщаются разныя идеи, берутъ и предлагаютъ для употребленія еще такія хорошія слова, какъ «общепользная дѣятельность», «возможность ея даже и при безотрадной дѣйствительности», «необходимость энергіи для борьбы съ плохими условіями дѣйствительности». Но всѣ эти «хорошія» слова оказываются только словами, потому что и борьба, и энергія, и общепользная дѣятельность предполагаются не иначе, какъ при условіи неподвижности границъ нлохой дѣйствительности. Вся мораль этой программы основана на старомъ анекдотѣ о господинѣ, которому портной сшилъ очень узкія панталоны и увѣрялъ, что та-

кая уж мода, и что нужно шагать за временемъ. Господинъ резонно отвѣтилъ: «какъ же я буду шагать, когда я не могу сдѣлать ни одного шагу?» Совершенно то же предлагаютъ интеллигенту и проповѣдники «новыхъ идеаловъ жизни и дѣятельности». Они сохраняютъ весь теперешній гардеробъ интеллигента и велютъ ему не обращать никакого вниманія на узкое платье и шагать энергично. Въ результатѣ получится, конечно, одно изъ двухъ: или интеллигентъ не сдѣлаетъ ни одного шагу, или же платье его лопнетъ въ узкомъ мѣстѣ.

Практическое мышленіе по самой своей сущности ничего другаго и предложить не можетъ, ибо оно потому-то и есть практическое, что знаетъ только одну задачу — сѣчь и направить свои силы такъ, чтобы извлечь пользу изъ того, что лежитъ передъ глазами, и не протягиваетъ рукъ къ тому, до чего онѣ еще не достаютъ. Народъ, росшій въ своей практикѣ тысячу лѣтъ, и ужь, конечно, лучше знакомый съ существомъ факта, чѣмъ интеллигентъ, — практикъ, только еще недавно народившійся на смѣну интеллигента-идеалиста, давно уже придумалъ поговорку: «если бы то если, а то напримѣръ». Но, вѣдь, зная, что онъ знаетъ и что изъ факта не выскочишь, народъ и не толкуетъ о «новыхъ идеалахъ жизни и дѣятельности». И это не только послѣдовательно, но и добросовѣстно.

И какіе это такіе «новые идеалы»? Идейное движеніе за послѣднія сто лѣтъ создало такую массу задачъ и выдвинуло такую массу вопросовъ, а критическая мысль ушла въ такую глубь и ширину, что и въ пятьсотъ лѣтъ человѣчеству не передѣлать всего практическаго дѣла, которое бы исчерпало выставленныя теоретическія задачи; а у насъ вдругъ объявились свои собственные Колумбы и съ горшечкомъ резеды въ рукахъ громогласно объявляютъ, что они пронаводятъ «потуги общественной мысли и стремятся создать новые идеалы жизни и дѣятельности».

Идеалы, которые человѣческая мысль создала за все время своей общественной работы, очень точны и опредѣлены и чего-нибудь новаго къ нимъ русскими потугами не прибавишь. Дай Богъ только сохранить и не испортить хоть того, что досталось намъ по наслѣдству. Идеаль личной морали, напримѣръ, требуетъ дѣятельной любви и развитія чувства равнаго достоинства. Идеаль этотъ очень старый и до сихъ поръ наши практическія отношенія слагались, кажется, совсѣмъ не по этому идеалу. Въ чемъ же помогутъ ему новыя формулы жизни, которыя пытаются изобрѣсти (но еще не изобрѣли) наши руководители-практики и насколько, слѣдуя за ними, русская жизнь разовьетъ въ себѣ дѣятельную любовь? Посмотримъ!

Вотъ, напримѣръ, Александрова, о которой я говорилъ въ январьскомъ очеркѣ, тоже говорила: «хочу ѣсть свой хлѣбъ, хочу жить разумною жизнью». Это была ея программа жизни, которую она создала для себя, прочитавъ нашихъ лучшихъ руководителей общественной мысли. Какой же она создала себѣ «свой хлѣбъ»? Она не больше, какъ сидѣлка, живетъ на жалованьѣ, зависитъ отъ капризовъ докторовъ и много отъ нихъ терпитъ и

не равъ въ своихъ письмахъ на нихъ жалуется. Развѣ это тотъ «свой хлѣбъ», который проповѣдуютъ практики и котораго болѣе точная формула: «хоть щей горшокъ, но самъ большой»? Вопросъ Александровой совсѣмъ не въ этомъ горшкѣ, а въ «разумной жизни», въ дѣятельной любви. Когда передъ нею дрогнула вѣра въ возможность для подобной дѣятельности, когда закралось въ нее сомнѣніе въ свои силы и, усомнившись въ себѣ, она теряла надежду попасть въ расадникъ сестеръ милосердія, въ ней шевельнулась мысль о самоубійствѣ. А щей горшокъ она бы имѣть могла, могла бы добывать «свой хлѣбъ», хлѣбъ своимъ трудомъ, сидя даже въ лавкѣ своей матери. Такъ всякій практикъ на ея мѣстѣ и поступилъ бы. Но не такой «свой хлѣбъ» она хотѣла имѣть, а свой хлѣбъ, добытый трудомъ дѣятельной любви. Тутъ уже не «свой хлѣбъ» являлся смысломъ, направлявшемъ дѣятельность этой женщины, а «разумная жизнь». Разумная же жизнь заключается въ томъ, чтобы жить со смысломъ, а жить со смысломъ значитъ помогать страждущимъ. Вотъ чего и хотѣла Александра.

И «свой трудъ» для Александровой вовсе не жалованье, не мѣсто, онъ совсѣмъ не то, что «свой хлѣбъ» практиковъ. «Свой трудъ» для Александровой значитъ нравственная независимость, возможность поступать такъ, какъ повелѣваетъ ей ея нравственное чувство, въ дѣятельность котораго никто не имѣлъ бы права вмѣшиваться.

И такихъ истинно-моральныхъ людей, живущихъ исключительно моральными побужденіями, можно встрѣтить у насъ—не знаю, на каждомъ ли шагу,—а много. Вотъ еще случай и совершенно аналогичный. Дѣвушка стремится и рвется къ той же нравственной независимости и «разумной жизни», какъ и Александра. Полтора года употребляетъ она самыя энергическія усилія, чтобы добиться цѣли, которой она задалась; а цѣль ея—изучить медицину. Но поддержки никакой не встрѣчаетъ она у близкихъ и родныхъ, не находятъ въ нихъ никакой помощи. Она, какъ утопающій, готова ухватиться за всякую соломенку, но и соломенки нѣтъ подлѣ. Для нея теперь вопросъ о «быть или не быть» въ ста рублѣхъ, которые бы дали ей возможность уѣхать за границу въ одинъ изъ тамошнихъ университетовъ. Неужели это такое мечтательное, утопическое желаніе? Какъ видите, да. Энергій ли, поэтому, нужно поучать этого бьющагося человѣка и говорить ему: «будетъ хорошо, если ты самъ этого захочешь», или хотя ради того же моральнаго идеала подумать и о томъ, что для людей съ нравственными стремленіями должны существовать въ жизни и возможности для удовлетворенія этихъ нравственныхъ стремленій?

Но именно эти-то возможности и исключены предвзято изъ общественной программы практиковъ, вмѣстѣ съ этимъ моральному идеалу подрѣзаны крылья, а у дѣятельной любви убавлены средства. О средствахъ и возможностяхъ, которыя бы помогли стремленію къ идеалу гражданскаго быта, практики не только не упоминаютъ, но они и прямо выстраиваются отъ критики существующихъ условій и провозглашаютъ для руководства такой

принципы: «такъ какъ условія жизни государственной, общественной и общенародной измѣняются очень медленно, то лучше не ждать, пока условія жизни внѣ насъ измѣнятся, а лучше измѣнять условія собственной жизни». Какъ правило практическое для практическихъ людей и для цѣлей сегодняшняго дня, указаніе это, конечно, вѣрно. И если бы практики такъ прямо и говорили, что они предлагаютъ практическіе рецепты, никакихъ бы недоразумѣній и не происходило. Но, вѣдь, они хотятъ играть роль идейныхъ вождей и умственныхъ руководителей; они говорятъ объ идеалахъ, и не просто объ идеалахъ, а о «новыхъ» идеалахъ и о потугахъ общественной мысли, стремящейся ихъ создать. Вотъ это-то недоразумѣніе и требуется разъяснить и уничтожить.

Общественная мысль и не думаетъ находится въ потугахъ, чтобы создать новые идеалы. Общественная мысль создается изъ стремленій такихъ единицъ, какъ Александрова, какъ другая дѣвушка, о которой я говорилъ, какъ тысячи, а, можетъ быть, и миллионы подобныхъ имъ людей, которые хотятъ учиться, хотятъ создать себѣ условія человѣческаго существованія, хотятъ находить возможность для безпрепятственнаго проявленія своихъ стремленій къ дѣятельной любви, къ правдѣ, справедливости, вообще къ такимъ нравственнымъ удовлетвореніямъ и къ такимъ взаимнымъ отношеніямъ, въ которыхъ собственно и заключается идеалъ гражданского быта. Какъ бы ни было сильно въ отдѣльныхъ людяхъ стремленіе къ гражданской и общественной справедливости, одного этого стремленія еще мало; нужно, чтобы въ самыхъ формахъ жизни имѣлся достаточный просторъ для проявленія каждаго отдѣльнаго личнаго стремленія.

И вотъ если душу и мысль каждой отдѣльной личности, точно внутренней свѣточъ, освѣщаютъ идеи подобнаго гражданского общежитія, для достиженія его направлены ея стремленія и усилія,—въ душѣ такого чловека присутствуетъ идеалъ и въ головѣ его живутъ идеи высшаго порядка. Если же, какъ въ формулѣ практиковъ, на личность возлагаются какія-то моральныя обязательства, но лишь въ предѣлахъ внѣшнихъ неподвижныхъ условій, тутъ общественнаго идеала искать нечего. И практики дѣйствительно никакого общественнаго идеала не выставляютъ.

Практики думаютъ, что идейное содержаніе и стремленіе къ идеалу гражданского быта имѣшаютъ чловеку жить разсудительно, что идеальныя стремленія все равно, что мечтательныя стремленія, что это только головокружительное» и «пьянящее» состояніе, производящее пѣну, но не дающее ничего реальнаго и житейски полезнаго.

Что и отдѣльные люди, и общество могутъ находиться иногда въ подобномъ «головокружительномъ» состояніи, это, конечно, вѣрно, что стремленія могутъ принимать мечтательный характеръ, тоже справедливо. Но также справедливо и то, что дѣловое, практическое направленіе, которое смѣняется иногда состояніемъ головокружительное, есть, въ сущности, не больше, какъ реакція, дни которой бывають обыкновенно тоже сочтены.

Варенейскій чловекъ давно уже пережилъ всю ту приготовительную

общественную умственную работу, которую мы далеко не закончили, и потому и не выработали еще сознательное представление о «спиральномъ» движеніи общественнаго прогресса. Поэтому каждому европейцу очень хорошо извѣстно, что можно и должно преслѣдовать въ жизни практическія насущныя цѣли, но что при этомъ не только можно, а еще и гораздо болѣе должно не терять изъ вида общихъ цѣлей. Можно сидѣть за прилавкомъ или торговать мукой и, понимая, что это только «хлѣбное» дѣло, носить въ годовѣ интеллигентное содержаніе и не упускать изъ вида общественныхъ порядковъ и стремиться къ ихъ улучшенію.

Зная это, европейецъ понимаетъ, что общественныя теченія имѣютъ иногда чисто-временный характеръ, что въ борьбѣ разнообразныхъ, а иногда и противоположныхъ стремленій торжествующее положеніе того или другаго направленія совсѣмъ еще не доказываетъ торжества истины. Поэтому ни Бисмарку и ни кому изъ его партіи не придется и въ голову утверждать, а тѣмъ болѣе доказывать нѣмцамъ, что они являются носителями «новаго» спасительнаго идеала.

Но наши практики думаютъ совсѣмъ иначе. Очувтившись въ извѣстномъ моментѣ общаго состоянія мысли, когда сама жизнь потребовала кое-какихъ поправокъ и дополненій, они вообразили, что эти-то поправки и дополненія и составляютъ тотъ «новый» идеалъ, котораго жизнь ищетъ и будто бы затрудняется найти. Они практическіе пути для практической дѣятельности приняли за идеалъ и даже за «новый» идеалъ.

Нѣкогда въ видѣ указанія на практическіе выходы рекомендовалась у насъ швейная машина, сапожныя и башмачныя артельныя мастерскія и т. п. Однако, «новыми» идеалами этихъ практическихъ выходовъ для отдѣльныхъ существованій никто не называлъ. Теперешніе же практики совершенно серьезно думаютъ (болѣе умные изъ нихъ, конечно, этого не дѣлаютъ), что предлагаемый ими «свой хлѣбъ» и «свой трудъ» (обобщенная швейная машина) есть личный идеалъ счастья, а такъ какъ формулу они предложили новую и, вмѣсто прежней швейной или сапожной мастерской, направили интеллигента на «землю», то, слѣдовательно, это и «новый» идеалъ.

Создавъ сами себѣ это недоразумѣніе, практики должны были впасть и въ другую ошибку. Такъ какъ они были вполне убѣждены, что создали «новый» идеалъ и придумали очень удачную для него формулу, а подробности этой формулы имъ не дали и они еще и сами не знаютъ, какъ сдѣлать общедоступнымъ для каждаго интеллигента практическое осуществленіе этой формулы, то и пришли въ негодованіе на тѣхъ, кто въ этой формулѣ не нашелъ ничего общественно-спасительнаго и удовлетворительно разрѣшающаго задачи интеллигенціи. Вотъ изъ какихъ побужденій возникло не совсѣмъ ясное обвиненіе «какихъ-то» фактическихъ учителей и руководителей общества, которые «презрительнымъ смѣхомъ и ироніей только убиваютъ попытки къ созданію новыхъ идеаловъ».

Въ томъ-то и дѣло, что во всемъ предлагаемомъ практиками очень трудно усмотрѣть даже хотя бы намеки на общественный идеалъ. Слѣдовало

Бы думать, что въ ихъ формулѣ, преимущественно экономическаго происхожденія, долженъ бы скрываться и экономическій идеалъ. И весьма вѣроятно, что онъ въ ней скрывается, но только «свой хлѣбъ» ровно ничего не говоритъ о социально-экономическомъ бытѣ, который позволяется подъ нимъ подразумѣвать. Извѣстно лишь то, что на «свой хлѣбъ» приглашаются въ деревню люди всякихъ интеллигентныхъ специальностей, пригодныхъ для деревни, но какъ эти интеллигентныя специальности устроятся и какой создадутъ распорядокъ въ экономическихъ отношеніяхъ, этого ни изъ чего не видно. Вѣроятнѣе всего, что въ предѣлахъ существующихъ деревенскихъ распорядковъ, въ виду того, что интеллигенты будутъ личными собственниками своей земли, они, поразившись, заведутъ батраческое хозяйство и превратятся въ мелкихъ землевладѣльцевъ.

Теперь мы подошли къ самому корню вопроса, къ фундаменту, на которомъ построена вся теорія практиковъ и ихъ идеалъ. Да, идеалъ. И у практиковъ онъ тоже оказывается, и у нихъ есть свои желанія, свои стремленія и даже мечты. Ихъ идеалъ—личная свобода. Но эта личная свобода не есть общественная или гражданская свобода, не есть совокупность тѣхъ очень разнообразныхъ условий, которыми создаются возможности для всесторонняго развитія разнообразныхъ личныхъ силъ въ благоустроенномъ обществѣ. Свобода практиковъ есть собственно личная независимость въ предѣлахъ существующихъ условий, ради приложенія наиболѣе энергическихъ усилій къ экономической дѣятельности.

Подобное движеніе мысли у насъ далеко не ново. Оно обнаружилось еще во время реформъ, а въ то время, когда началось обсужденіе основаній для освобожденія крестьянъ, съ шумомъ выступило въ журналистикѣ и вызвало даже цѣлую полемическую литературу. Борьба съ этимъ направленіемъ была не легка, ибо за нею стояли не только люди практики, но и люди «науки». Направленіе это извѣстно подъ именемъ буржуазнаго и вело оно свое происхожденіе подъ вліяніемъ идей французскихъ экономистовъ буржуазной школы. Буржуазное направленіе создано во Франціи третьимъ сословіемъ, въ его интересахъ, и опиралось на ученіе о свободѣ, какъ политической, такъ и экономической. Въ политикѣ оно привело къ сильному расширенію правъ третьяго сословія, а въ экономикѣ къ манчестерской школѣ и къ извѣстной французской экономической формулѣ, требовавшей полной свободы для личной экономической дѣятельности и совершеннаго устраненія вмѣшательства государства. На нашей внутренней экономической политикѣ того времени эта теорія отразилась во всей своей силѣ и неоспоримо имѣла большое вліяніе на развитіе личной предприимчивости и развитіе промышленности. Но эта же теорія, покровительствовавшая только личному интересу, принесла намъ и массу зла, не однимъ тѣмъ, что создала цѣлый міръ дѣльцовъ со всеми печальными послѣдствіями, къ которымъ привела ихъ практика, а еще и тѣмъ, что очень понизила уровень нашей умственной и идейной жизни, заслонивъ идейныя стремленія болѣе доступными для большинства стремленіями практическими.

Та новая внутренняя политика, которую имѣть въ виду формула «своимъ хлѣбомъ», есть больше ничего, какъ эпилогъ этой общей политикѣ. Общая политика знала только интересы крупной промышленности и капитала и прощрала ту дѣятельность, результаты которой фигурируютъ въ видѣ миллионныхъ итоговъ въ отчетахъ объ отпускнуой и внутренней торговлѣ и о мануфактурномъ производствѣ. Иначе сказать, общая политика знала только фабриканта и купца.

Формула «своимъ хлѣбомъ» демократизируетъ эту политику и изъ области промышленнаго и торговаго міра, изъ сферы миллионновъ, изводитъ въ сферу обездоленнаго интеллигента, единственный капиталъ котораго заключается въ образованіи и въ личной энергіи. Но такъ какъ съ этимъ капиталомъ никакой фабрики построить нельзя, а опытъ съ швейными и башмачными мастерскими и табачными лавочками былъ исчерпанъ, то интеллигенту и предложили приложить свои силы къ землѣ.

Но и эта новая идея не вышла готовой изъ головы Минервы. Еще въ министерство графа Киселева отводились участки земли чиновникамъ, которыхъ думали обезпечить земледѣіемъ. Опытъ хотя и не удался, но идея его не погибла. Въ семидесятыхъ годахъ или, точнѣе, въ концѣ шестидесятыхъ та же идея шевельнулась еще разъ, но въ измѣненномъ видѣ. На этотъ разъ идея шла изъ Петровской академіи и пионеры ея отправились на Кавказъ (а, можетъ быть, и въ другія мѣста) и составили первыя земледѣльческія товарищества или артели для совмѣстнаго хозяйства. И это движеніе не имѣло практическихъ результатовъ: товарищества разбрелись и коллективнаго земледѣлія не получилось. Но идея этого дѣла и тутъ не умерла. Ее оживилъ А. Н. Энгельгардтъ, новою пропагандой настолько удачно попавшій въ больное мѣсто интеллигенціи и идеализировавшій жизнь въ деревнѣ, что у него въ Батицево образовалось нѣчто вродѣ школы практическаго земледѣльческаго искусства и подвижничества. Теперь, кажется, подвижники въ Батицево больше ужъ не являются.

Движеніе мысли въ томъ видѣ, какой далъ ему г. Энгельгардтъ, имѣетъ много симпатичнаго, ибо рядомъ съ вполне демократическою постановкой вопроса (трудъ своими руками), интеллигенціи, выкинутой съ рынка интеллигентнаго труда, указывались еще и другія задачи чисто-просвѣтительнаго характера на пользу и служеніе деревни.

Но, съ другой стороны, это нравственное и просвѣтительное служеніе всегда именно и составляло главный признакъ той части русскаго общества, которая извѣстна подъ именемъ интеллигенціи. Только гуманное развитіе этой части русскаго общества и его освободительный порывъ и создали вездѣ общественныя блага, которыя эта же часть общества теперь такъ отстаиваетъ. Это движеніе общей мысли явилось гораздо раньше формулы «своего хлѣба», и только ему эта формула и обязана своею симпатичностью.

Формула «своимъ хлѣбомъ» не только не расширила гуманитарнаго и демократическаго движенія общей мысли, а, напротивъ, его сдувала. Общая

мысль имѣла своею задачей именно расширеніе правъ и возможностей для самостоятельнаго развитія народныхъ силъ страны въ интеллектуальномъ, экономическомъ и общественномъ направленіи; теорія же «своего хлѣба» имѣть въ виду лишь известную часть интеллигенціи и никакого общаго вопроса не разрѣшаетъ.

Въ этомъ смыслѣ она вовсе не идейное движеніе, способное обхватить умы, раскрыть передъ нами какіе-нибудь широкіе общественные горизонты, направить мысль на соответственную работу и расширить самое содержаніе жизни. Ничего подобнаго теорія нашихъ практиковъ и не думаетъ творить. Горизонты она оставляетъ въ покоѣ и только предлагаетъ интеллигенту, вмѣсто работы въ канцеляріи, добывать «свой хлѣбъ» на собственномъ клочкѣ земли. Общественно-идейнаго въ этомъ практическомъ совѣтѣ очень мало, а потому на общественныя стремленія онъ вліять не можетъ, да не даетъ для нихъ и никакого матеріала.

Это самоограничивающее умственное поведеніе есть прямое слѣдствіе перевѣса практическаго направленія надъ идейнымъ, еще такъ недавно дававшего тонъ русской жизни. Пока русское общество имѣло въ виду общія задачи, оно и думало общимъ образомъ. Когда же оно начало думать о дѣловомъ и частномъ, оно перестало думать объ общемъ. Конечно, и въ смыслѣ частной, идейной работы могло бы быть найдено что-нибудь другое, болѣе общественно-широкое и интеллигентное, а не та тараканья щель, въ которую сажаютъ теперь обездоленнаго интеллигента.

Но именно въ этомъ-то и сказалась практичность практическаго мышленія. Вести обездоленнаго интеллигента на вершину горы и показать ему оттуда прекрасный Божій міръ съ его ширью и далью—значитъ питать въ немъ порывы и стремленія къ красотамъ Божьяго міра. А этого, по мнѣнію практиковъ, совсѣмъ не полагается въ дѣловой сезонъ. И вотъ интеллигента уводятъ въ щель, въ которой онъ будетъ рыться, какъ кротъ въ землѣ, и будетъ, наконецъ, видѣть столько же, сколько видитъ кротъ. И при этомъ интеллигенту еще приговариваютъ: «будетъ хорошо, если ты самъ этого захочешь».

Чтобы провѣрить результаты общественнаго воздѣйствія дѣловаго мышленія, пускай читатель припомнитъ картину современной Россіи, о которой было говорено. Описаніе начинается прямо съ ироніи надъ умственною яркостью, съ того, что въ наши современные дни нѣтъ у насъ «геніевъ», да, пожалуй, ихъ совсѣмъ и не нужно, потому что ихъ замѣнилъ общій геній образованной массы, не уступающей среднему уровню «передовыхъ людей» недавняго времени. Современными передовыми людьми «хоть прудъ пруди», такъ ихъ много, и всѣ они проникнуты самыми возвышенными стремленіями «къ царству правды и добра». За современными передовиками стоитъ масса людей средняго образованія, масса безчисленная, «народившаяся въ послѣднее время для общественной жизни», а затѣмъ миллионы грамотныхъ людей, прошедшихъ начальную школу. Вотъ какъ много свѣту и просвѣщенія, свѣту настоящаго и просвѣщенія истиннаго, создаваемаго эле-

менты такого же истиннаго и реальнаго прогресса, прогресса неискоренимаго, потому что онъ реальный, осязательный, насущный, а не метафизический или головокружительный!

Отчего же при всей яркости красокъ картина, все-таки, тускла и сѣра и «элементы прогресса», сплотившіеся въ коллективный гоній, смотрятъ скучно и безжизненно, точно восковыя куклы? Не было ли лучше, если бы у этихъ безжизненныхъ элементовъ прогресса закружилась бы немного голова? Авось они стали бы погениальнѣе и создали бы лучшую действительность!

Красоту и содержание жизни даютъ только идеи, руководящія поведеніемъ общества. И картина, нарисованная провинціальною газетою, была бы даже и поучительною, если бы авторъ ея указалъ на идеи, которыми живутъ его «элементы прогресса». Онъ на нихъ, однако, не указываетъ и это панегирикъ своему времени остается только похвальнымъ словомъ на могилѣ того предъидущаго, которое онъ усиливается похоронить. Но, во-первыхъ, на могилахъ не смѣются, а, во-вторыхъ, можно хоронить только такія идеи, которыя свершили свой полный циклъ и у которыхъ нѣтъ будущаго.

Чувство жизни и действительности въ людяхъ поддерживать слѣдуетъ. Въ этомъ смыслѣ понятно, когда вниманіе людей обращаютъ на текущіе вопросы, на то, что совершается передъ ихъ глазами. Но, вѣдь, наши практики задались совсѣмъ другою программой и ужъ не сегодня они начали свой подкопъ подъ время, предшествовавшее восьмидесятымъ годамъ.

Въ этомъ подкопѣ участвуютъ писатели самыхъ разнообразныхъ лагерей, начиная съ такъ называемыхъ консерваторовъ и такъ называемыхъ славянофиловъ и кончая нѣкоторыми изъ либераловъ. Но самый способъ ихъ войны показываетъ насколько они чувствуютъ себя не въ авантажѣ. Въмѣсто того, чтобы иронизировать надъ «головокружительнымъ» и «пьянящимъ» прогрессомъ «въ кредитъ» или, какъ дѣлаютъ другіе, сердиться и браниться, они могли бы поступить убѣдительнѣе, сдѣлавъ выставку собственныхъ идей и развернувъ передъ обществомъ идеалы того «реальнаго» и «неискоренимаго» прогресса, который они создаютъ. Тѣ, кто набирается руководящихъ идей и идеаловъ и отыскиваетъ смыслъ жизни, и сами рѣшили бы, что имъ выбрать и въ какую сторону идти.

Но у практиковъ—увы!—подобныхъ руководящихъ общественныхъ идей въ наличности именно и не оказывается. Ихъ практической умъ потому и лишенъ всякаго идейнаго творчества, потому онъ и не имѣетъ общественно-руководящей силы, что онъ видитъ только наличный фактъ и умѣетъ разбираться лишь въ предѣлахъ этого факта. Оттого-то съ тѣхъ поръ, когда практическое направленіе оказалось господствующимъ, мы и стали такъ бѣдны идеями. Но, зная только фактъ, практики очень находчиво умѣютъ установить всегда его фактическую сущность, дать ему названіе. Такъ поступили они еще разъ и теперь съ «элементами прогресса». Что «элементы прогресса» неоспоримый фактъ, въ этомъ практики возраженія не встрѣ-

тять; но, вѣроятно, и они согласятся, что оущность вопроса не въ «элементахъ прогресса», а въ идейномъ и умственномъ содержаніи, которое эти элементы прогресса въ себѣ носятъ. Если на этой-подготавливающей нашнѣ практикѣ и дѣльцѣ носить только свои сѣмена, то можно уже и теперь предвидѣть, какой родится хлѣбъ и чьи амбары они наполнять.

По поводу «элементовъ прогресса» одинъ изъ нашихъ историковъ, дѣлая оцѣнку «сѣренъскому» 1888 году, высказываетъ успокоительную мысль, что прогрессъ свершаютъ не шумныя дѣянія, олицетворяемые въ великихъ людяхъ, и что этотъ аристократическій взглядъ, созданный существовавшими общественными условіями, уступилъ свое мѣсто иному взгляду. «Теперь историкъ и философъ присматриваются уже къ послѣдствіямъ дѣяній, къ бытовой или культурной сторонѣ жизни, къ историческимъ силамъ и элементамъ. Здѣсь, въ этихъ глубокихъ основахъ счастья, глухо, часто безъизменно идетъ непрерывная, всеобщая, гигантская работа жизни; здѣсь нѣтъ, въ общемъ итогѣ, ни смерти, ни попятныхъ шаговъ. Здѣсь— все движеніе впередъ и открытія творчества: о нихъ только не кричатъ, такъ какъ они тонутъ въ общемъ, демократическомъ шумѣ массы различныхъ, сплетающихся интересовъ».

Это вполне утѣшительный и вполне вѣрный взглядъ. Но дѣло въ томъ, что «глубины», которыя производятъ свою неустанную гигантскую работу жизни, производятъ ее не съ сегодня. Онѣ производили ее и сто, и тысячу лѣтъ назадъ. Дѣло совсѣмъ не въ глухой работѣ этихъ глубинъ и въ накопленіи ими фактовъ, а въ результатахъ сознанія, которые они создаютъ, и въ идеяхъ. Подобною работой «глубины» до сихъ поръ не занимались; она для нихъ то будущее, къ которому ихъ ведетъ исторія. Работу сознанія производила только одна частичка «глубины», выдѣлившаяся изъ нея и у насъ извѣстная подъ названіемъ интеллигенціи, на долю которой и досталась современная историческая задача сознать то, что нужно для общаго блага и общаго счастья.

Поэтому-то вопросъ всякаго даннаго времени и заключается только въ томъ, какъ работаетъ это сознаніе и какое направляющее движеніе оно даетъ умамъ, а, слѣдовательно, и текущей жизни.

Въ сей моментъ сознаніе, направляющее жизнь, работаетъ почти исключительно въ практической области. Теоретическіе вопросы наши практическіе руководители разрѣшили всѣ, когда еще учились въ гимназіи. Теперь они только устраниваютъ жизнь. Печать, которую они себѣ подчинили, знаетъ тоже только практическія задачи. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Отчего всѣ «современные передовые люди», которые проникнуты самыми возвышенными стремленіями къ царству «правды и добра», и вся слѣдующая за ними масса людей средняго образованія, «народившаяся для общественной дѣятельности», ни въ литературѣ, ни въ искусствахъ, ни въ какой-либо другой области идейнаго и умственнаго творчества не высказала никакой силы? Что за причина, что столько «элементовъ прогресса», накопившихся въ эти тридцать лѣтъ, не создали никакихъ результатовъ ни въ одной области свободнаго

творчества? Что это за странные «элементы», созданные образованіемъ и не обнаружившіе ничѣмъ своего существованія? А, между тѣмъ, «элементы» несомнѣнно существуютъ, несомнѣнно и дѣйствуютъ, несомнѣнно и творятъ жизнь. Гдѣ же и въ чемъ эта созданная ими жизнь? Въ чемъ работа массы людей средняго образованія, «народившейся для общественной дѣятельности»? Гдѣ этотъ свѣтъ «правды и добра», которымъ такъ сіяютъ «современные передовые люди», расплывшіеся до того, что ими хоть «пруди пруди»?

Практики, рисующіе картину плодовъ нашего просвѣщенія, очень хорошо знаютъ, гдѣ весь этотъ свѣтъ. Онъ весь у нихъ. Оттого-то имъ и кажется, что у насъ такъ много свѣту.

И въ то время, какъ мы заняты такъ усердно практическимъ мышленіемъ, мы становимся вступая передъ самыми обыденными жизненными вопросами и не въ состояніи установить самыхъ повседневныхъ отношеній, если въ нихъ есть хоть что-нибудь общественное. Приведу только два факта, и факта, случайно попавшіеся въ новогоднихъ нумерахъ газетъ. Сравнивая 1888 годъ съ 1887 г., *Судебная Газета* говоритъ, что въ 1888 году «такое же множество злостныхъ банкротствъ, банковыхъ процессовъ, должностныхъ растратъ и такъ называемыхъ литературныхъ дѣлъ». «Ясно, — замѣчаетъ газета, — что въ экономической жизни страны, попрежнему, творится что-то неладное, что существуютъ глубокія причины, вызывающія злоупотребленія общественнымъ добромъ. Ясно также, что русскій обыватель, попрежнему, не благоволитъ къ печатному слову и продолжаетъ воздвигать противъ служителей его гоненія». А по поводу обвиненія русской печати въ тенденціозномъ подборѣ извѣстій пессимистическаго характера, чѣмъ внесется расшатанность въ умы неустановившихся людей, а вслѣдствіе этого у насъ усилились въ последнее время самоубійства, *Русскій Курьеръ* замѣчаетъ: «Вѣдь, очень хорошо извѣстно, что масса явленій, между которыми имѣется достаточное количество пессимистическихъ, лежитъ внѣ компетенціи печати и никогда обсужденію съ ея стороны не подвергается. А затѣмъ, гдѣ же живутъ эти погубляемыя печатью «неуравновѣшенныя» души — въ сферѣ однихъ лишь газетныхъ извѣстій, или же въ обществѣ? Полагаемъ, что въ обществѣ, и полагаемъ, что здѣсь «неуравновѣшеннымъ» приходится наталкиваться лично на такіа «мрачныя» явленія и въ такомъ количествѣ, о какомъ газетамъ даже и не снится. Вѣдь, взять хотя бы такого рода обстоятельство: за границей газеты сообщаютъ не только не меньше «неутѣшительнаго», чѣмъ у насъ, а даже больше, и, однако же, едва ли тамъ придетъ кому-либо въ голову обвинять печать въ чемъ-либо самоубійствѣ или сумасшествіи. И самоубійство, и сумасшествіе, помимо личной организаціи, «неуравновѣщенной», зависятъ, главнымъ образомъ, отъ строя общественной жизни»...

Всѣ эти вопросы, несомнѣнно, и практическіе, и реальныя, а, между тѣмъ, когда нашимъ практикамъ придется ихъ разрѣшать, они или ровно

ничего не придумаютъ, или же придумаютъ такую штуку, что уши вянуть, какъ это вышло съ объясненіемъ причинъ самоубійствъ.

Нась, русскіхъ, по-разсудочности, давно уже сравниваютъ съ китайцами. И это сравненіе не только вѣрное, но и тонкое. Китаецъ великій практикъ, практикъ насущной, ближайшей жизни, того, что сейчасъ же лежитъ подъ руками и разрѣшается простымъ сравненіемъ «много» и «мало». Что же лежитъ дальше арифметическаго «счета» и простымъ «много» и «мало» не разрѣшается, тѣ китаецъ отрицаетъ, какъ несущественное, ненужное, непрактическое. Отъ этого китаецъ—великій мастеръ въ торговлѣ, но за то ужъ совсѣмъ не мастеръ въ устройствѣ внутреннихъ отношеній.

Мы тоже развили въ себѣ способности преимущественно къ обмѣну и торговлѣ и еще когда ужъ участвовали въ Ганзейскомъ союзѣ. Но мы всегда торговали только чужимъ, а изъ своего предлагали только то, что родить Богъ. Чтобы предлагать что-нибудь другое, надо было кое-что знать; а безъ знаній приходилось, конечно, изворачиваться только «счетомъ» и жить однимъ разсудкомъ. Эта традиція и до сихъ поръ у насъ сохранилась и наградила насъ привычками мысли, для общественной жизни иногда вовсе неудобными.

И до сихъ поръ мы продолжаемъ жить преимущественно купеческими способностями, и въ послѣдніи тридцать лѣтъ развили ихъ еще болѣе, поднялись въ разсудочной области выше и, расширивъ ея предѣлы, стали дѣльцами-практиками, т. е. расплодили людей той же породы, которые живутъ не сѣввши и получаютъ отъ жизни львиную долю только за свои разсудочныя комбинаціи.

Вотъ эти-то разсудочные люди и считаютъ практическимъ и фактическимъ только то, что можно положить въ карманъ. Все же, что не укладывается въ кошелекъ, перестаетъ для нихъ быть «реальнымъ фактомъ». Поэтому умственныхъ фактовъ они вообще не уважаютъ, а нерѣдко ихъ и совсѣмъ не признаютъ. И чѣмъ такой умственный фактъ дальше отъ рублевой бумажки, тѣмъ онъ мечтательнѣе, утопичнѣе, а, слѣдовательно, и непригоднѣе.

Мелочныя соображенія, погруженныя только въ меркантильныя, дѣловые расчеты, приучили и вниманіе работать лишь въ ближайшей, доступной зрѣнію области и обнаружили, наконецъ, вліяніе на общее состояніе мысли, направившейся на изслѣдованіе простыхъ, односложныхъ фактовъ и какъ бы испугавшейся фактовъ сложныхъ, непосредственному наблюденію не поддающихся.

Вѣроятно, этимъ, главнѣйше (хотя существуютъ, несомнѣнно, еще и другія причины), слѣдуетъ объяснить, что болѣе сложныя жизненныя явленія, дающія себѣ знать въ такой массѣ повседневныхъ фактовъ, современная русская мысль не считаетъ подлежащими ея компетенціи.

Только публицистика, не теряя умственнаго мужества, проникаетъ еще въ область сложныхъ явленій и пытается давать имъ объясненія. Но нужно признаться, что ея попытки заслуживаютъ иногда гораздо лучшей уча-

сти. Сошлюсь опять на объяснение самоубійствъ. Несомнѣнно, что это очень сложное явленіе, причины котораго коренятся далеко и глубоко и разъясненіе которыхъ раскрыло бы общественному сознанію многія ненормальныя условія русской жизни, до сихъ поръ, можетъ быть, никому еще и неизвѣстныя. Но обнаружила ли наша мысль хотя малѣйшее поползновеніе проникнуть въ эти невѣдомыя тайники? Нѣтъ. И вотъ безпомощная публицистика, не располагающая достаточными средствами знанія, оцупью побрела въ потемки и, спутавшись сама, еще болѣе спутала и такъ уже спутанныя общія понятія.

Публицистика не творитъ знаній, она пользуется тѣмъ готовымъ, что ей даетъ наука, изслѣдованіе. Безъ подобнаго готоваго матеріала публицисту приходится только «крутить мозгами» и разрѣшать вопросы лишь «разсудочными комбинаціями». Публицистика въ рукахъ публицистовъ, мало знающихъ, мало образованныхъ и не получающихъ достаточнаго матеріала знанія отъ тѣхъ, кто его долженъ создавать, неизбежно должна опускаться книзу, вращаться тоже въ области мелкихъ и простыхъ фактовъ и, принизившись сама, понизитъ и весь уровень общественной мысли. И подобный круговоротъ неустранимъ, если камертонъ жизни держитъ практическое направленіе, не умѣющее понимать идейныхъ фактовъ.

Русская наука 1888 года представляетъ неоспоримое тому доказательство. Общій характеръ и направленіе нашихъ научныхъ трудовъ въ 1888 году были совершенно такими же, какъ и въ 1887 году. Изслѣдованіе свершалось почти исключительно въ области простыхъ фактовъ и преимущественно въ сферѣ естествознанія. Изучалась своя и чужая природа, а свой «русскій» человѣкъ никого не интересовалъ. Я не стану перечислять того, что было сдѣлано по астрономіи, физикѣ, ботаникѣ, зоологіи, метеорологіи, чтобы не утомлять вниманія читателя перечисляемъ только названій, а укажу на труды нашихъ ученыхъ, когда они хотѣли соприкасаться непосредственно съ жизнью. И въ этихъ случаяхъ вниманіе поглощалось не явленіями, а только простыми фактами и, что любопытно, не фактами своими, домашними, а, такъ сказать, посторонними, чужими. Это случалось, конечно, потому, что свои факты представляютъ мало интереса и нѣтъ побужденій для ихъ изученія. Другое дѣло — страны невѣдомыя, природа незнакомая и люди, которыхъ мы еще не видавали. И замѣчательно, какой запасъ необыкновенно энергическихъ людей Россія имѣетъ для этого труднаго дѣла, требующаго особеннаго закала, мужества и выносливости. Только что мы лишились Пржевальскаго, а уже его мѣсто занялъ человѣкъ, пожалуй, еще болѣе энергіи и неустрашимости — капитанъ Громбчевскій, свершившій экспедицію въ Кунжутъ. Кромѣ Кунжута, мы путешествовали на Новую Землю, въ Саяны, на Памиръ. 1888 годъ далъ обстоятельное «географическое описаніе Китая», «Ахаль-Текискаго оазиса». Въ области этнографіи были сдѣланы тоже цѣнныя вклады въ науку, на примѣръ: *Слѣды язычества у маньчжовъ* (вогуловъ), *Демонологическіе рассказы киргизовъ*, *Гомельскія народныя пѣсни*, *Пѣсни Мензелинск. узда*,

Быть, инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана и въ параллель къ Географическому описанію Китая—Принципы жизни китайцевъ. Въ исторіи мы тоже придерживались менѣе извѣстнаго и потому болѣе интереснаго, т.-е. или чужихъ странъ, какъ, наприм., Англія и прежняя Польша, или болѣе отдаленныхъ временъ: *Русь и Византія въ X вѣкѣ.* Единственною яркою звѣздочкой въ этой нѣсколько туманной атмосферѣ является *Крестыанскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка* г. Семеновскаго.

Русскія Вѣдомости, газета осторожная и въ научныхъ дѣлахъ компетентная, изъ которой я взялъ эти свѣдѣнія, заключаетъ свое научное обозрѣніе 1888 года такъ: «Сдѣланный очеркъ, не имѣющій никакого притязанія на полноту (при полнотѣ явилось бы, конечно, еще больше сухихъ тумановъ), въ состояніи, однако, дать нѣкоторое понятіе о движеніи русской науки въ теченіе года. Уступая въ продуктивности наукъ западной, высказывая неодинаковую энергію и успѣшность развитія въ различныхъ своихъ отрасляхъ, русская наука продолжаетъ двигаться впередъ, усваивая себѣ результаты работы мысли на Западѣ и дополняя и видоизмѣняя ихъ путемъ самостоятельныхъ наблюденій и изслѣдованій. Нужно только желать, чтобы эта самостоятельность русской науки заявляла о себѣ очевиднѣе и плодотворнѣе, чтобы условія научнаго образованія и научной дѣятельности въ Россіи были возможно болѣе благоприятны и болѣе способствовали появленію пытливыхъ, наблюдательныхъ, критическихъ и талантливыхъ умовъ, которые бы вносили новый свѣтъ въ различные сложные вопросы человѣческаго знанія и содѣйствовали бы тѣмъ болѣе активно прогрессу русской и общечеловѣческой культуры».

Этотъ выводъ можно выразить еще и такъ: мы производимъ плодовъ знанія гораздо меньше, чѣмъ Европа. Сущность нашей умственной работы въ томъ, что мы беремъ отъ Запада готовое и затѣмъ это готовое дополняемъ и видоизмѣняемъ. Поэтому желательпо, чтобы русская наука заявляла о своей самостоятельности очевиднѣе и плодотворнѣе. Въ особенности мы мало дѣлаемъ въ области сложныхъ вопросовъ, мало помогаемъ своею наукою прогрессу общественнаго развитія, мало прилагаемъ къ этой области изслѣдованія пытливости, наблюдательности, критики и таланта. Газета полагаетъ, что все это происходитъ оттого, что у насъ мало подобныхъ, болѣе сильныхъ и даровитыхъ, умовъ и что поэтому нужно желать, чтобы условія научнаго образованія и развитія были болѣе благоприятны.

Можетъ быть, все это и вѣрно, но вѣрно и то, что не талантливыхъ или энергическихъ людей у насъ недостаетъ, а что вниманіе, таланты, энергія, пытливость и предприимчивость обращены въ другія области вѣдѣнія и дѣятельности. Вѣдь, вотъ, археологіей мы занимаемся очень энергически, имѣемъ знающихъ и неутомимыхъ археологовъ, при московскомъ археологическомъ обществѣ образовали въ прошедшемъ году еще новую, особую, восточную комиссію, которая будетъ издавать свои труды отдѣльно, въ томъ же 1888 году и въ той же Москвѣ открыли новое нумизматиче-

ское общество. Занимаясь такъ усердно стариной и для изученія ея развивая новыя силы, мы изучаемъ еще охотно географію и принципы жизни китайцевъ, а своихъ-то принциповъ и географіи не знаемъ, хотя имѣемъ такихъ путешественниковъ-географовъ, которымъ завидуетъ Европа. Значитъ, вопросъ не въ силахъ, а въ томъ, куда эти силы обращаютъ свое вниманіе. Вниманіе,—говорятъ психологи,—двери души, а въ какую сторону мы отворяемъ эти двери? Мы очень широко распахнули ихъ для естествознанія, въ особенности для зоологіи, «исслѣдованія о строеніи и эмбриональномъ развитіи различныхъ животныхъ формъ и о фаунахъ отдѣльныхъ мѣстностей занимаютъ чуть ли не большую долю изданій, состоящихъ при нашихъ университетахъ обществъ естествоиспытателей» (мы открыли у многихъ третій глазъ), и, въ то же время, для эмбриологіи, физиологіи и патологіи своей собственной общественной жизни не оставили даже и шелки. Но пока общественнымъ вниманіемъ руководятъ дѣльцы и «практики и въ видѣ общественнаго идеала предлагаютъ личную, эгоистическую формулу «своимъ хлѣбомъ», такъ все это и быть должно.

Н. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Московский „Малый театр“: *Татьяна Ртмина*, комедія А. С. Суворина. — *Теофанъ*, трагедія Д. В. Аверкіева. — Фотографическая выставка въ Москвѣ.

Въ половинѣ января на сценѣ «Малаго театра», для бенефиса Н. А. Никулиной, была дана четырехъ-актная «комедія» А. С. Суворина *Татьяна Ртмина*. На театральныхъ афишахъ имя г. Суворина появляется во второй разъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ шла трагедія *Медея*, написанная г. Суворинимъ и Буренинымъ. Съ тѣхъ поръ г. Буренинъ написалъ еще двѣ трагедіи, г. Суворинъ ничего не писалъ для театра и самостоятельно, т.-е. въ одиночку, выступилъ въ качествѣ драматическаго писателя въ вышеназванной «комедіи». Авторъ назвалъ свою пьесу «комедіей», несмотря на ея «раздирательнѣйшій» конецъ, завершающійся смертью героини. Мы не знаемъ, почему онъ это сдѣлалъ, потому ли, что считаетъ всю нашу жизнь и всякую жизнь «комедіей» и не придаетъ значенія тому, какъ эта жизнь заканчивается, или изъ желанія ввести своего рода новшество въ подражаніе французскимъ драматургамъ, которые начали называть свои драматическія произведенія просто «пьесами», рѣсес, во столькихъ-то актахъ, откинувши болѣе точныя ихъ наименованія драмами, комедіями и трагедіями, или же авторъ хотѣлъ этимъ дать понять, что самый раздирательный конецъ его пьесы есть не болѣе, какъ «комедія», разыгранная героиней даже въ моментъ самоубійства. Последнее кажется намъ самымъ правдоподобнымъ. Въ дѣйствительности мы видимъ иногда, что люди, убивая себя, продѣлываютъ только ужасную комедію. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ написана пьеса г. Суворина и для чего она написана, какую идею она собою проводитъ въ сознаніе публики. Идеи мы въ этой комедіи, съ ея начала и до конца, никакой не усматриваемъ и для чего намъ все это показываютъ—рѣшить не можемъ. Говорятъ, нѣчто подобное случилось когда-то на самомъ дѣлѣ. Ну, и пускай случилось, да намъ-то до этого какое дѣло? Мало ли что случается, нельзя же всякій *fait-divers* переносить на сцену и къ этому *fait-divers*'у придѣлывать драматическій хвостъ въ нѣсколькихъ актахъ. Взятый г. Суворинимъ въ основу его пьесы случай заключается въ нижеслѣдующемъ: когда-то въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ отравилась и умерла пользовавшаяся извѣстностью провинціальная актриса. По большей

части, причиною самоубійствъ молодыхъ женщинъ бываетъ несчастная любовь, измѣна любимаго человѣка. Не много нужно выдумки, чтобы тѣмъ же мотивомъ объяснить и самоубійство провинціальной актрисы. А извѣстно, что измѣнникъ долженъ быть непременно дурнымъ человѣкомъ и шалопаемъ... Точно хорошій-то человѣкъ не можетъ разлюбить, точно хорошие люди, мужчины и женщины, не разлюбляютъ другъ друга, ничуть не дѣлаясь отъ того дурными? Но въ томъ-то и дѣло, что такая несчастная случайность между хорошими людьми ведетъ почти всегда къ тяжелой драмѣ, далеко не всегда кончающейся убійствомъ или самоубійствомъ. Такія драмы могутъ быть весьма разнообразны, смотря по характеру лицъ, по ихъ положенію, по средѣ, въ которой онѣ разыгрываются. Такія драмы давали и будутъ давать неисчерпаемый матеріалъ драматургамъ, при условіи, чтобы драматурги умѣли имъ пользоваться для выясненія какой-либо общечеловѣческой идеи, о ненормальности, на примѣръ, семейныхъ или общественныхъ отношеній, въ которыхъ и кроется первоначальная, основная причина драмы. Въ пьесѣ г. Суворина нѣтъ ничего подобнаго. Провинціальная актриса Татьяна Петровна Рѣпина (г-жа Ермолова) разошлась съ мужемъ, — онъ ее бросилъ, — и пошла на сцену. Тутъ, по ея собственнымъ словамъ, она пожила въ полное свое удовольствіе: «Вы жить не умѣете, — говоритъ она одному знакомому. — Вотъ я жила, такъ жила! И любовь, и ненависть, и злоба, и слава, и разгулъ. Смыслы какъ будто вчетверо увеличиваются, и чувствуешь, что сердце такое огромное...» И вотъ, поживши всласть, полюбивши, насколько то позволяли и требовали разшѣры ея сердца, погулявши на своемъ вѣку, какъ душенькѣ ея хотѣлось, Татьяна Рѣпина все еще не нагулялась и любить богатаго помѣщика Сабинина (г. Южинъ). Этотъ тоже погулялъ и пожилъ такъ, что совсѣмъ разорился, огромное наследство прожилъ и все человѣческое нутро прогулялъ. Остатки того и другаго Сабининъ ухлопываетъ уже вмѣстѣ съ Рѣпиной, съ которою находится въ любовной связи и непрерывно ссорится. Татьяна Петровна ревнуетъ его къ богатой вдовѣ Олениной (г-жа Лешковская), а сама на глазахъ у Сабинина уѣзжаетъ «кутить» за-городъ съ пріѣзжимъ журналистомъ Адашевымъ (г. Ленскій). «Что за безобразная женщина!» — восклицаетъ Сабининъ, когда она умчалась съ литераторомъ. И дѣйствительно, зритель долженъ сознаться, что Татьяна Рѣпина совсѣмъ «безобразная», невозможная женщина.

Во второмъ актѣ Сабининъ дѣлаетъ предложеніе молодой вдовушкѣ Олениной, за которою ухаживалъ еще въ Петербургѣ, при жизни ея мужа. Оленина богата, и, конечно, Сабининъ не женился бы на ней, если бы у нея не было состоянія; но вдовушка и сама по себѣ настолько привлекательна, что Сабининъ можетъ быть увлеченъ ею совершенно искренно. Одно съ его стороны мерзко — это то, что, встрѣтившись у Олениной съ своимъ пріятелемъ, Котельниковымъ (г. Садовскій), онъ говоритъ ему, будто разорился на Татьяну Рѣпину. А Татьяна — то, какъ на грѣхъ, тутъ, какъ тутъ. Она явилась къ Олениной, сама не знаетъ зачѣмъ, — объяснять-

ся... но въ чемъ объясняться? Что Сабининъ ея любовникъ? Да это весь городъ знаетъ. Что онъ промотался? Это также всёмъ извѣстно; Оленина покупаетъ даже его послѣднее имѣніе, продающееся съ аукціона. Взбалмошная, «безобразная» женщина явилась «скандалъ» дѣлать и сразу наметѣла на мерзость, сказанную про нее Сабининымъ. «Повтори! — кричитъ она ему. — Повтори, что ты сказалъ»... Сабининъ молчитъ. Рѣпина кидается его бить и побила бы, если бы ее не удержалъ Вотельниковъ. Приходитъ хозяйка, Оленина, и скандалъ кончается изгнаніемъ актрисы-скандалистки изъ дому.

Въ третьемъ актѣ Сабининъ кутитъ съ пріятелями въ загородномъ ресторанѣ—празднуетъ свою помолвку съ богатою вдовушкой. А Рѣпина кутитъ съ другою компаніей и пріѣзжаетъ въ тотъ же ресторанъ. Сабининская компанія уходитъ со сцены и уступаетъ мѣсто рѣпинской компаніи, являющейся подъ предводительствомъ жида-банкира Зоненштейна (г. Правдинъ). Среди всякихъ разговоровъ, не идущихъ къ дѣлу, Татьяна напивается пьяна, разбиваетъ стаканъ, говоритъ о самоубійствѣ, дразнитъ жида-банкира, плескаетъ ему въ лицо вино, рыдаетъ, продѣлываетъ всякій пьяный вздоръ до тѣхъ поръ, пока журналистъ Адашевъ не уводитъ ее долой со сцены. Тѣмъ дѣло пока и кончается. Но Татьяна, хотя и съ пьяныхъ глазъ, все-таки, не даромъ говорила о самоубійствѣ. Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ: она недовольна изображеніемъ смерти на сценѣ; она хочетъ показать публикѣ на сценѣ же, какъ люди взаправду умираютъ... И вотъ, для приведенія такого плана въ исполненіе, она отравляется передъ выходомъ на сцену въ драмѣ *Василиса Мелентьева*. Сцена перегорожена надвое: одна половина изображаетъ уборную артистки, другая—закулисную часть сцены. Татьяна чувствуетъ уже роковое дѣйствіе яда и съ величайшими усиліями доигрываетъ роль *Василисы Мелентьевой*. Изъ ея словъ можно заключить, что отравилась она не изъ одного желанія показать зрителямъ настоящую смерть, а изъ желанія «поразить всѣхъ, отомстить ей и ему». «Пусть видятъ, кто честнѣе и лучше, — говоритъ она сама съ собою. — Пусть онъ почувствуетъ; пусть всѣ честные люди будутъ вклясть его, преслѣдовать, указывать на него, какъ на мучителя и убійцу»... Умереть на сценѣ Татьянѣ Рѣпиной, разумѣется, не удается; умирать ее приводить въ уборную, гдѣ г-жа Ермолова и изображаетъ передъ московскою публикой, какъ должна умирать отравившаяся актриса въ великолѣпномъ русскомъ костюмѣ. Прибѣгаетъ Сабининъ, бросается на колѣни, проситъ простить его. Передъ смертью Рѣпина говоритъ ему: «Видите, какая я... Ничего вы не понимали, да и я... Не ради васъ... Нѣтъ, не изъ-за васъ!... *Безобразная жизнь!*...»

И такъ, сначала Татьяна отравляется, чтобы показать публикѣ, какъ умираютъ по-настоящему, потомъ, чтобы показать, кто лучше и честнѣе, и отомстить ей и ему, и, наконецъ, не для того и не для этого, а потому, что «никто ничего не понимаетъ и она тоже не понимаетъ» и что ея «жизнь безобразная»... Стало быть, самоубійство это отнюдь не является логическимъ и неотвратимымъ послѣдствіемъ видѣннаго нами въ первыхъ трехъ ак-

тахъ. Она еще въ первомъ актѣ говорить, что пожила и покутила на своемъ вѣку много, что любила и ненавидѣла, что любитъ жизнь, *мысль ее и мысль ее*,—это жизнь-то. Стало быть, всю выпила и всю выѣла и кончать надо, умирать. Ничуть не бывало, никакой въ томъ надобности мы не видимъ, и зрители не видятъ: въ томъ же направленіи можно продолжать еще много лѣтъ. И всѣ мы отлично знаемъ, что многія женщины такъ и дѣлаютъ. Иная возьметъ да стрѣльнетъ въ своего Сабинина, иная—въ себя или стрѣльныхъ спичекъ наглотается, но изъ этого равно ничего не слѣдуетъ; и стрѣляютъ онѣ, и спички ѣдятъ только въ минуты сильныхъ аффектовъ, говоря просто—въ минуты ума помраченія. Мы и требуемъ отъ литературнаго и отъ сценическаго произведенія, чтобы намъ было показано съ полною ясностью, что именно довело человѣка до такого помраченія ума, чтобы мы поняли безвыходное положеніе человѣка и невозможность для него противустоять помраченію ума. Ничего этого въ «комедіи» г. Суворина мы не видимъ. Татьяна говорить: «опозорили меня, насмѣялись», но позоръ она видитъ не въ томъ, что у нея есть любовникъ, и не въ томъ, что она предается «разгулу»,—тѣмъ и другимъ она похвалится передъ Адашевымъ и передъ кѣмъ угодно, рекомендуя Сабинина такъ: «рекомендую, Сабининъ, тайна моего сердца»... Нѣтъ, для нея въ томъ «позоръ», что Сабининъ ее бросилъ для Омениной, а не она бросила Сабинина хотя бы для Адашева или для кого другаго. Но и это пустяки,—не отъ такого «позора» она отравилась, а единственно потому, что взбалмошная она женщина, *безобразная*... Характеровъ въ пьесѣ нѣтъ; для того, чтобы показать взбалмошность Татьяны, и одного акта слишкомъ много. Между тѣмъ, надо же было чѣмъ-нибудь наполнить три первыхъ акта, къ тому же предлинныхъ. Авторъ и наполнилъ ихъ посторонними разговорами или, вѣрнѣе, монологами, не имѣющими ни малѣйшаго отношенія къ сюжету пьесы. Дѣйствующія лица одно за другимъ приходятъ на сцену, и каждое отчитываетъ свой монологъ въ то время, какъ другія находящіеся тутъ же лица молчатъ и не знаютъ, куда имъ дѣвать свои лишніе особы. Приходитъ Котельниковъ и говорить о свиньяхъ, объ экспортѣ свиныхъ тушъ, о банкахъ, кажется, и еще о чемъ-то,—отзвонилъ и «съ колокольни долой»,—ушелъ за кулисы. На сцену является г-жа Никулина, въ роли свѣтской болтуни, и болтаетъ о литературѣ, о Москвѣ и Петербургѣ, о сайкахъ, калачахъ, о купцахъ и дворянахъ, о мужчинахъ и женщинахъ, и отбываетъ, уступая мѣсто г. Макшеву, антрепренеру театра, который излагаетъ «взглядъ и нѣчто... О чемъ-бишь нѣчто?»—это все равно, отсчиталъ и ушелъ. Далѣе то же самое продѣлываетъ г-жа Медвѣдева въ роли жидовки, факторши и свахи. Жидъ Зоненштейнъ (г. Правдинъ), журналистъ Адашевъ каждый въ свою очередь мелеть всякій фельетонный вздоръ въ одиночку «обо всемъ», заирая земство, суды, банки, жидовъ, золотыхъ тельцовъ и «золотыхъ порослятъ». Въ особенности достается жидамъ. Во всемъ этомъ поочередномъ пустословіи не мало остроумія, но еще больше всякихъ плоскостей. То и другое тоже поочередно вызываетъ смѣхъ и аплодисменты въ тѣхъ ярускахъ театра,

гдѣ приходится по вкусу то или другое качество соли и перца, которыми въ избыткѣ пересыпаны прочитываемые артистами отрывки старыхъ фельетоновъ. А прочитываются они на удивленіе, какъ могутъ быть прочитаны только артистами «Малого театра».

Последній актъ весь занятъ умирانیемъ Татьяны Рѣпиной. На первомъ представленіи г-жа Ермолова изобразила смерть героини съ такими воплями и корчами, что со многими зрительницами и даже съ зрителями сдѣлалось дурно, потребовалась врачебная помощь. Со втораго представленія наша высокоталантливая артистка стала играть уже много *лучше*. Она, очевидно, поняла, что, увлекшись на первый разъ, перешла мѣру художественности и сдѣлала то, чего на сценѣ дѣлать не слѣдуетъ. Мы неоднократно говорили, что патологическія демонстраціи неумѣстны въ драматическихъ представленіяхъ. Ничего онѣ не говорятъ ни уму, ни сердцу зрителя и если производить на публику дѣйствіе, то совсѣмъ не такое, производить которое предназначены драмы. На сценѣ *необходимо* воспроизведеніе всѣхъ внѣшнихъ признаковъ нравственныхъ страданій и всякихъ психическихъ движеній дѣйствующихъ лицъ, и чѣмъ реальнѣе, чѣмъ ближе къ истинѣ такое воспроизведеніе, тѣмъ лучше для автора, для артиста и для публики. Страданія же физическія могутъ быть вводимы авторами съ большою осмотрительностью лишь тогда, когда они безусловно необходимы, и съ еще болѣею осторожностью должны быть воспроизводимы артистами. Тутъ крайне трудно опредѣлять «границы прекраснаго», художественнаго. Если не одобряется шаржъ комическій, то еще менѣе можетъ быть одобренъ *трагическій шаржъ*. А что подобное стремленіе къ реализму въ изображеніи болѣзненныхъ явленій очень легко переходитъ въ то, что мы называемъ шаржемъ,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Возьмемъ для примѣра предсмертныя мученія отравившейся Татьяны. Съ полною точностью они никакъ не могутъ быть воспроизведены потому... потому что въ дѣйствительности сопровождаются усиленіями организма отдѣлаться отъ принятаго внутрь яда, т.-е. тошнотой и ея послѣдствіями. Что бы сказала публика и что бы сдѣлалось съ публикой, если бы артистъ или артистка, увлекшись погоней за реальностью, вздумали не отступать отъ таксико-патологической программы? Въ *Татьянѣ Рѣпиной* дѣло не дошло до такихъ реальностей, но шло дѣло какъ разъ по этому пути. Для публики же вся подобная реальность и не нужна, и смысла не имѣетъ, во-первыхъ, потому, что никто не знаетъ, какими ядомъ отравилась Татьяна, дѣйствіе же ядовъ различное, и, стало быть, никто не можетъ сказать съ достоверностью, правдиво ли изображеніе страданій; во-вторыхъ, потому, что если бы ядъ и былъ извѣстенъ, публика, все-таки, не судья правдивости изображенія, ибо въ дѣйствительности почти никто не видалъ отравленныхъ этимъ именно ядомъ; въ-третьихъ, публикѣ дѣла нѣтъ до того, какъ корчатся и воютъ отъ мышьяка, какъ—отъ фосфора, или еще тамъ отъ чего-нибудь,—для публики одно важно, что заставило человѣка покончить самоубійствомъ. Все послѣдующее, т.-е. большая или меньшая мучи-

тельность яда, может имѣть значеніе только при выборѣ рода смерти тѣмъ, кто хочетъ себя лишити жизни, и, слѣдовательно, для публики, идущей въ театръ не за этимъ, разумѣется, никакого смысла не имѣетъ. Одной полоумной Татьянѣ Рѣпиной могла придти въ голову дивная мысль показать публикѣ на сценѣ, какъ въ дѣйствительности умираютъ отъ мучительнаго яда. Но, вѣдь, Татьяна въ самомъ дѣлѣ полоумная и потому не сообразила, что ей не дадутъ угощать публику такимъ зрѣлищемъ и уведутъ умирать въ закулисный чуланъ, называемый уборною. Мы отнюдь не винимъ г-жу Ермолову за эту сцену и всю вину возлагаемъ на автора. Артистка, въ мѣру своихъ огромныхъ силъ, сдѣлала лишь то, что ей задано пьесой, и не отъ нея зависитъ, ослабляя или усиливая свою игру, придать смыслъ такой сценѣ, въ которой, по существу ея, нѣтъ никакого смысла, а потому нѣтъ и художественности.

Нѣтъ намъ счастья на историческія драмы. Въ прошлогодній сезонъ очень дорого стоившая *Княгиня Куранина* блеснула своими костюмами и постановкой и быстро прослѣдовала въ архивъ за отсутствіемъ публики, желавшей на нее любоваться; въ нынѣшнемъ—*Правительница Софья* и *Теофанъ*, Д. В. Аверкіева, подвергнутся, повидимому, той же участи. Лучшая изъ всѣхъ, трагедія г. Фодотова, *Въ Шильонскомъ замкѣ*, по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ, не идетъ на сценѣ послѣ трехъ-четырехъ представлений, давшихъ полные сборы. Трагедія г. Аверкіева *Теофанъ* не имѣетъ литературныхъ и сценическихъ достоинствъ трагедіи г. Фодотова, но во многихъ отношеніяхъ превосходитъ *Правительницу Софью*. Въ *Теофанѣ* мы видимъ ярко, но сухо написанную картину византійской дворцовой жизни X вѣка; въ *Правительницѣ Софьѣ*—блѣдную и тоже сухую картину московской жизни конца XVII столѣтія. Какъ ни слаба эта послѣдняя драма, она, все-таки, ближе и понятнѣе большинству московской публики, особливо праздничной. Имена въ этой драмѣ все знакомыя, въ ней есть калачъ и четки, и стрѣльцы шумятъ, и стрѣльчихи, и мѣста изображены все «нашинскія»: Замоскворѣчье, кремлевская дворцовая площадка, Новодѣвичій монастырь. Любопытно посмотреть. А въ *Теофанѣ*—все чужое: имена, мѣста, названія («хартофілаксъ», наприимѣръ, это г. Музиль—хартофілаксъ, а ужъ какъ г. Садовскаго титулуютъ, и не повторить, не записавши на память); вмѣсто вида на Замоскворѣчье, видъ на Босфоръ, нѣтъ тутъ ни калачей, ни кренделей, ни «свѣтъ ты мой, милъ сердечный другъ...» Между тѣмъ, Д. В. Аверкіевъ много потрудился надъ изображеніемъ византійскаго двора и историческаго событія, разыгравшагося въ немъ 918 лѣтъ тому назадъ. Дирекція театровъ сдѣлала съ своей стороны все возможное для наиболѣе соответствующей сюжету и исторически вѣрной постановки пьесы. Честь и слава завѣдующимъ этою частью сценическаго дѣла. Къ сожалѣнію, всѣ эти весьма почтенныя усилія не спасутъ *Теофанъ*, какъ не спасли они *Княгиню Куранину* и *Правительницу Софью*. Очень жаль, и всѣхъ больше жаль *Теофанъ*. Авторъ взялъ интересный моментъ изъ исторіи Византіи, а именно—заговоръ и дворцовую револю-

цію, жертвою которыхъ налъ императоръ Никифоръ Фока въ ночь съ 10 на 11 декабря 969 года. За семь лѣтъ передъ этимъ (въ 962 году) Никифоръ такимъ же нелегальнымъ путемъ сдѣлался самъ императоромъ и женился на Теофанѣ, вдовѣ своего предшественника Романа II, сына Константина VII Багрянороднаго. Теофанѣ происходила изъ низкаго званія, плѣнила сердце Романа и вышла за него замужъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола. Молва, а за нею исторія обвиняютъ Романа въ томъ, что онъ отравилъ отца, по настоянію Теофанѣ, и, сдѣлавшись императоромъ, выгналъ изъ дворца родную мать, Елену, и своихъ сестеръ, которыя очутились въ крайней нищетѣ, доведшей ихъ до послѣдней степени паденія. На Теофанѣ лежитъ также подозрѣніе въ отравленіи ея перваго мужа, Романа, хотя по нѣкоторымъ даннымъ есть основаніе думать, что умеръ онъ отъ чрезмѣрныхъ излишествъ и безпутства. Никифоръ Фока, сдѣлавшись императоромъ, женился на Теофанѣ, чтобы этимъ придать нѣкоторый видъ законности своему захвату престола при существованіи прямыхъ наслѣдниковъ, сыновей Романа. Своимъ суровымъ правомъ и скупостью Никифоръ возбудилъ противъ себя общее недовольство придворныхъ, военачальниковъ и духовенства. Народъ даже въ самой Византіи уже давно оставался почти совершенно безучастнымъ къ тому, кто занимаетъ византійскій престолъ, и, кромѣ того, ничѣмъ не могъ бы, если бы и хотѣлъ, выразить свое участіе, возвыситъ свой голосъ, такъ какъ сила была въ войскахъ, а войско—въ рукахъ тѣхъ, кто умѣлъ его привлечь къ себѣ. Никифоръ Фока былъ военачальникомъ и захватилъ престолъ, опираясь на свое войско. Въ его правленіе возвысился военачальникъ Іоаннъ Цимисхій, его родственникъ, заручился сочувствіемъ духовенства и высшихъ дворцовыхъ чиновъ, а также согласіемъ императрицы Теофанѣ, ночью проникъ тайно во дворецъ съ толпою своихъ сообщниковъ, убилъ Никифора и провозгласилъ себя императоромъ и опекуномъ малолѣтняго Василия, сына Теофанѣ и Романа II. Іоаннъ Цимисхій умеръ въ январѣ 976 г., отравленный главнымъ дворцовымъ евнухомъ Василиемъ. Императорская власть перешла къ сыну Романа, Василию II, царствовавшему до 1025 г. Какая участь постигла Теофанѣ, мы не знаемъ достоверно; она чуть ли не была отправлена Цимисхіемъ куда-то ссылку.

Сдѣлавши эту историческую справку, мы перейдемъ къ трагедіи г. Аверкіева. Очень интересный сюжетъ переданъ авторомъ не вѣрно съ дѣйствительностью и до крайности скучно. Вся пьеса, кромѣ послѣдняго, 4-го акта, написана діалогами, въ которыхъ разъясняются взаимныя отношенія дѣйствующихъ лицъ, ихъ прошлое и настоящее и то, что дѣлается внѣ сцены, невидимо для публики. Изъ такихъ разговоровъ перваго акта мы узнаемъ, что противъ царя Никифора существуетъ глухое недовольство, что недовольные ищутъ средствъ избавиться отъ тяжелаго самодержца. Василій, «царскій постельничій и начальникъ двора», т.-е. просто главный внучъ (г. Садовскій), старается привлечь на сторону недовольныхъ военачальника Іоанна Цимисхія (г. Южинъ). На смѣну Василия приходитъ императоръ Ни-

кифоръ (г. Горевъ). Онъ подозрѣваетъ Іоанна въ любовной связи съ Теофаномъ и отправляетъ его въ ссылку. Цимисхій удаляется, входитъ Теофанъ (г-жа Ермолова). Никифоръ пытается найти въ ея словахъ подтвержденіе своимъ подозрѣніямъ. Но Теофанъ на-сторожѣ и ничѣмъ себя не выдаетъ. По уходѣ Никифора, является Цимисхій проститься съ Теофаномъ, съ которою онъ уже давно находится въ связи. Второй актъ происходитъ на женской половинѣ дворца, въ пріемной императрицы. Цимисхій возвращенъ изъ ссылки, но ему запрещено являться во дворецъ. Онъ пробрался къ Теофаномъ тайномъ. Объ этомъ провѣдала придворная дѣвушка Анна (г-жа Яблочкина 2). Она подозрѣваетъ, что царю грозитъ опасность, и рѣшается предупредить его въ надеждѣ, что за свое спасеніе царь женится на ней, удаливши невѣрную супругу, и она, Анна, будетъ щеголять въ красной обуви, носить которую имѣетъ право только супруга царствующаго императора. Патриаршій чиновникъ Евстафій (г. Музиль) является посредникомъ между патриархомъ и Цимисхіемъ, а равно и царицей, въ дѣлѣ назрѣвающаго заговора. Вопросъ о сверженіи съ престола Никифора рѣшенъ и окончательно назначенъ день приведенія въ исполненіе заговора. Теофаномъ проситъ только Цимисхія не проливать крови, не убивать Никифора, а добиться отъ него отреченія и постречь его въ монахи. Тогда она станетъ свободною и выйдетъ замужъ за своего возлюбленнаго *Ями* (такъ зоветъ она Іоанна Цимисхія; по каковски это?). Между тѣмъ, доносъ придворной дѣвушки дошелъ до царя. Женская половина дворца оцѣплена стражей, и Василию поручено сдѣлать обыскъ. Хитрый евнухъ устриваетъ такъ, что Цимисхій спасается тайнымъ ходомъ, а вмѣсто него захватываютъ патриаршаго чиновника, у котораго такая же рыжая борода, какъ у Цимисхія. Въ третьемъ актѣ, въ ночь, назначенную для исполненія заговора, Теофаномъ не спитъ у себя въ опочивальнѣ. Она въ страшной тревогѣ за *Ями*, за исходъ задуманнаго государственнаго переворота, за участь мужа, котораго ей жаль, и за свою собственную судьбу. Въ комнату царицы приходитъ императоръ Никифоръ. Онъ тоже не можетъ заснуть въ эту бурную декабрьскую ночь. Ему не даютъ покоя предсказанія, по которымъ именно въ декабрѣ съ нимъ должно случиться несчастіе. Его подозрительность разрослась до крайнихъ предѣловъ; онъ всѣхъ боится, измучена его душа. Теофаномъ предлагаетъ ему подкрѣпиться виномъ; онъ подозрѣваетъ, что она хочетъ отравить его. Она говоритъ, что придетъ въ его спальную посидѣть съ нимъ, почитать ему. «А если я засну,—говоритъ онъ,—и ты меня... придушишь!...» Онъ собирается уходить и вдругъ быстро оборачивается назадъ, воображая, что Теофаномъ крадется за нимъ съ ножомъ. Это лучшая сцена во всей трагедіи, и исполнена она г. Горевымъ неподражаемо хорошо. Никифоръ ушелъ. Черезъ потайную дверь вбѣгаетъ Цимисхій. Его люди проникли во дворецъ, черезъ минуту совершится роковой ударъ. Все послѣдующее происходитъ на половинѣ царя, и зрители узнаютъ подробности изъ разказа Анны, переодѣвшейся мальчикомъ, чтобы пробраться къ царю и сторожить вмѣстѣ съ царскимъ отрокомъ, своимъ двоюроднымъ братомъ. Вопреки клятвѣ, данной Іоанномъ царицѣ, Ни-

кифоръ убитъ. Боярыня Евпраксія (г-жа Никулина), тетка Анны, уводитъ дѣвущину. Входитъ Цимискій въ царскомъ вѣнцѣ. На упреки Теофанѣ Іоаннъ отвѣчаетъ рѣзко. Ему не до сантиментальностей теперь и не до нѣжностей; сдѣлана только половина дѣла, народъ волнуется, рвется во дворецъ, хочетъ вступить за свергнутаго царя. Цимискій приказываетъ отрубить голову Никифора, на копѣ показать народу и силою прекратить волненіе. Теофанѣ съ проклятіями падаетъ безъ чувствъ. Трагедія, собственно, кончена, и четвертый актъ представляетъ собою эпилогъ или апоэозъ. Въ тронной палатѣ собрались сенаторы привѣтствовать новаго императора. Это продажная, работѣнная толпа византійскихъ паразитовъ. Въ глубинѣ сцены раздергивается громадный занавѣсъ. На двойномъ тронѣ въ императорскихъ одеждахъ возсѣдаютъ Іоаннъ I и малолѣтній Василій II (г-жа Панова). Кольнопреклоненія и льстивыя рѣчи высшихъ сановниковъ имперіи прерываются появленіемъ Теофанѣ въ черной монашеской одеждѣ. Вмѣсто царскаго вѣнца и разрѣшенія сочетаться бракомъ съ Іоанномъ, патріархъ прислалъ ей монашескій клобукъ. Она срываетъ этотъ клобукъ, топчетъ его ногами, осыпаетъ всѣхъ горькими упреками. Ея сынъ, юный Василій, вступаетъ за дядю *Яни*; онъ любитъ его и вѣритъ ему. Іоаннъ сходитъ съ трона, даетъ торжественную клятву оберегать имперію для Василя, воспитать юношу въ духѣ доблести и добра и никогда не приближать къ себѣ ни одной женщины. «Довольна ты, Теофанѣ?»—обращается онъ къ царицѣ.—«Довольна!»—отвѣчаетъ Теофанѣ. Занавѣсъ падаетъ.

Признаемся, мы очень были удивлены, какъ г. Аверкиевъ, опытный писатель, авторъ *Каширской старины* и *Фрола Скабева*, такъ плохо, можно сказать, такъ неумѣло распорядился съ находившимся въ его рукахъ богатымъ историческимъ матеріаломъ. За исключеніемъ указанной нами сцены между Никифоромъ и Теофанѣ, все необыкновенно вяло, безжизненно и скучно. Яркими чертами обрисована только личность Никифора *Токи*, а Теофанѣ, Цимискій и внучка Василій вышли блѣдными, какими-то неопредѣленными, не сильными. Намъ разсказываютъ про заговоръ; но заговора мы не видимъ, онъ складывается и зрѣетъ гдѣ-то за кулисами. Іоаннъ Цимискій оказываетъ орудіемъ въ рукахъ внука. Теофанѣ—влюбленная женщина, и только; о заговорѣ она знаетъ, но сама играетъ во всей этой исторіи совершенно пассивную роль. Нельзя даже повѣрить, чтобы эта ничтожная и боязливая женщина изъ какой-то лавченки сдѣлалась императрицей и въ своихъ рукахъ держала судьбы цѣлаго міра, смѣняя по своей волѣ императоровъ—Константина Багрянороднаго Романомъ, Романа—Никифоромъ, Никифора—Іоанномъ. Самъ внучка Василій, несомнѣнно принимавшій огромное участіе во всѣхъ этихъ переворотахъ,—очевидно, тотъ самый Василій, который впоследствии, черезъ шесть лѣтъ, отравилъ Цимискія, отъ котораго едва могъ отдѣлаться императоръ Василій II,—самъ этотъ дворцовый злой геній оказывается чѣмъ-то вродѣ добродушнаго шутника. И что еще важнѣе, никому неизвѣстно, изъ-за чего онъ, собственно, хлопочетъ, почему для него можетъ быть Цимискій желательнѣе Никифора. Мы понимаемъ,

что униженный и оскорбленный въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ евнухъ, достигши высокаго положенія при византійскомъ дворѣ, мечталъ самъ захватить верховную власть, и если не облечется въ императорскій пурпуръ, то, по меньшей мѣрѣ, распорядиться императоромъ, какъ палатные мѣры въ свое время распорядились потомъ королями. Ближайшій человѣкъ къ дарю, держашій въ своихъ рукахъ всѣ дворцовыя тайны, всѣ нити и пружины дворцовой жизни, важный сановникъ, соединяющій въ своей особѣ должности министра двора и министра полиціи, главный евнухъ долженъ возбуждать ужасъ, а не смѣхъ, какъ мы это видимъ въ трагедіи г. Аверкіева. Передъ такимъ лицомъ должны трепетать всѣ вельможи, весь дворъ, вся Византія, военачальники и патріархъ, и сама императрица. Повторяемъ, это—злой гений, неистребимо вѣдрившійся въ императорскія палаты и своимъ положеніемъ характеризующій весь бытъ византійскаго двора. А этого-то и нѣтъ въ трагедіи г. Аверкіева, и потому въ ней все для зрителя неясно. Дѣлается что-то очень важное, но въ чемъ вся суть происходящаго, почему все это дѣлается, гдѣ мотивы и скрытыя причины, производящія историческое событіе, это остается непонятнымъ. А непонятное всегда и неизбѣжно остается случнымъ. Боярыню Евпраксию, нѣчто вроде оберъ-гофмейстерины, говоря по-нынѣшнему, авторъ хотѣлъ, повидимому, сдѣлать комическимъ лицомъ; но это ему не удалось и изъ Евпраксіи ничего не вышло. Женской половины византійскаго двора мы не видали, кромѣ Евпраксіи и Анны, да и вообще мы не видали этого пышнаго и своеобразнаго двора, кишашаго интригой, лестью, всяческою хитростью, вошедшею въ половицу. Въ послѣднемъ актѣ авторъ попытался, правда, пополнить этотъ пробѣлъ, но неудачно, по нашему мнѣнію. Это скорѣе живая картина, это изображеніе внѣшняго обряда, и, ~~притомъ~~, невѣрное изображеніе, а не сущность дворцовой жизни въ ея повседневномъ обиходѣ.

Неопредѣленность характеровъ и неясность положеній, а также вялость дѣйствія отразились на исполненіи. Безуворизненно хорошъ былъ только г. Горевъ, благодаря, какъ мы сказали, отличнѣйшей рельефности изображаемаго имъ лица—Никифора Фои. Пьеса, разумѣется, никакого успѣха не имѣла.

Довольно трудно съ полною точностью опредѣлить различіе между искусствомъ и ремесломъ. Необходимость творчества въ искусствѣ и рабское подражаніе даннымъ образцамъ въ ремеслѣ суть, конечно, важные признаки, и ремесленникъ приближается къ художнику или можетъ совсѣмъ превратиться въ художника по мѣрѣ того, насколько онъ вноситъ своего личнаго творчества въ произведеніе рукъ своихъ. Въ этомъ смыслѣ типографскій наборщикъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ ремесленникомъ, ибо въ его дѣлѣ нѣтъ мѣста творчеству, но лишь до тѣхъ поръ, пока онъ набираетъ буквы, слова и строчки. И тотъ же ремесленникъ-работчіи можетъ изъ различныхъ типографскихъ знаковъ составить украшенія, рамки и т. под., весьма приближающіяся къ произведеніямъ искусства. Несмотря на

такую возможность, типографское дѣло, все-таки, остается дѣломъ ремесленными. Но есть другое дѣло, фотографное, въ которое фотографъ, по самому существу дѣла, не можетъ внести ни малѣйшей доли собственнаго творчества. Есть въ фотографіяхъ ретушеры, иногда настоящіе художники. Но высшая задача фотографіи состоитъ въ томъ, чтобы обойтись безъ ретушевки, и фотографы похваляются отчетливостью своихъ издѣлій безъ ретушей. Между тѣмъ, фотографія одною стороною дѣла примыкаетъ къ области искусства, неудержимо въ нее вторгается, это—красотою своихъ произведеній, дающей возможность ея издѣліямъ соперничать съ произведеніями искусства, и если не приравняться къ нимъ, то очень часто замѣнять ихъ. Только что окончившаяся московская фотографическая выставка въ историческомъ музее показала намъ, до какой степени совершенства развилось теперь это дѣло. Мы видѣли тамъ портреты, начиная отъ миниатюръ и кончая снимками въ натуральную величину и во весь ростъ; мы видѣли портреты, раскрашенные масляными красками, акварелью и пастелью, удивительной прелести,—портреты на стеклѣ, просвѣчивающіе въ видѣ экрановъ на окнахъ, тоже красоты замѣчательной. Порою не знаешь, чему отдать предпочтеніе—портрету, сдѣланному художникомъ, или фотографіи, сдѣланной художественно. Въ этомъ отношеніи фотографія была бы опасною соперницей искусству, если бы не страдала однимъ очень важнымъ недостаткомъ—непрочностью своихъ произведеній, весьма быстро выцвѣтающихъ. Не менѣе серьезнымъ конкурентомъ художника является фотографъ своими снимками видовъ, съ которыми никакое искусство не можетъ равняться точностью воспроизведенія. То же самое можно сказать о снимкахъ съ внутренностей церквей, дворцовъ, комнатъ, съ картикъ и гравюръ, со всякихъ произведеній искусства, съ памятниковъ старины, съ книгъ и рукописей. Тутъ фототипія и цинкографія являются на помощь фотографіи, удешевляютъ ея произведенія до полной ихъ общедоступности. Такимъ образомъ, фотографія является неоцѣнимою помощницей науки, даетъ возможность замѣнять рѣдчайшіе экземпляры безусловно точными снимками по интересующей каждого области знанія. Но не въ этомъ только значеніе фотографіи для науки. Благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ, моментальной фотографіи и микрофотографіи, наука приобрѣла могущественное орудіе для своихъ наблюдений и изслѣдованій. На нашей выставкѣ мы видѣли снимки съ солнечнаго затмѣнія, которые до сихъ поръ приходилось дѣлать отъ руки,—снимки съ планетъ, съ частей звѣзднаго неба. Моментальная фотографія дала намъ изображенія различныхъ скоропреходящихъ болѣзненныхъ явленій эпилептическихъ и т. п., явленій, вызванныхъ гипнозомъ. Микрофотографія воспроизвела микроорганизмы и много уже сдѣлала для развитія ученія о бактеріяхъ, а сдѣлаетъ, конечно, еще большее, чего въ данную минуту мы и предвидѣть не можемъ. Въ Московскомъ университетѣ, въ лабораторіи профессора В. С. Богословскаго, мы видѣли въ высшей степени интересные и важные для науки микрофотографическіе снимки. На выставкѣ ихъ, кажется, не было, или поставлены они такъ не-

удобно, что мы их не разыскали, да это и довольно трудно было сдѣлать за немѣннымъ указателемъ выставки. Анатомія, разумѣется, не замедлила воспользоваться услугами фотографіи и способами, ею предоставляемыми, для увеличенія снимковъ съ препаратовъ слишкомъ мелкихъ. Фотографія оказываетъ ничѣмъ незамѣнимыя услуги антропологіи, что доказываютъ выставленные Н. Л. Гондати многочисленные портреты сибирскихъ инородцевъ. Отдѣлы морскаго и военнаго министерствъ представляютъ большой интересъ не для однихъ только специалистовъ. Снимки изъ аэростата показались намъ не совсѣмъ удовлетворительными; но въ этомъ дѣлѣ мы считаемъ себя недостаточно компетентными судьями. Во всякомъ случаѣ, моментальному фотографированію съ аэростатовъ предстоитъ очень важная будущность не ради только челоуѣкоистребленія на войнѣ, но для астрономическихъ наблюденій, производить которыя мѣшаютъ иногда туманная погода и облака, какъ то было при послѣднемъ солнечномъ затмѣніи.

Легкость работы, достигнутая изобрѣтеніемъ моментальной фотографіи и готовыхъ пластинокъ, дала возможность заниматься фотографіей всякому безъ особаго обученія. Такимъ образомъ, это важное орудіе наблюденій и изслѣдованій сдѣлалось теперь, можно сказать, общимъ достояніемъ врача, естествоиспытателя, антрополога, археолога и простаго путешественника. Насколько разрастается интересъ къ этому дѣлу, можно судить по множеству снимковъ, доставленныхъ на выставку любителями. Въ заключеніе мы выразимъ нѣсколько пожеланій: во-первыхъ, чтобы фотографическія выставки сдѣлались періодическими; во-вторыхъ, чтобы онѣ стали передвижными; въ-третьихъ, чтобы награды экспонентамъ были распределены по отдѣламъ, т. е. особо для фотографовъ - промышленниковъ, особо для любителей, особо для каждаго рода работъ по ихъ спеціальностямъ.

Ан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль

1889 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Философія. — Исторія. — Юридическія книги. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Дѣтскія книги и учебники. — Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», январь. — «Русскій Вѣстникъ», январь. — Дѣтскіе журналы. III. Отвѣтъ на замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей“.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ Глѣба Успенскаго. — Стихотворенія“ А. И. Полежаева. — „Донъ-Жуанъ“. Байрона. — „Докторъ Сафоновъ“. Н. Раменскаго. — „Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо“. Даниэля Де-Фо.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и вступительною статьей Н. К. Михайловскаго. Второе, значительно дополненное изданіе. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1889 г. Цѣна за два тома 3 рубля. Г. Павленковъ этимъ изданіемъ подаль прекрасный примѣръ, какъ издавать произведенія нашихъ писателей, чтобы таковыя доходили до большинства народа, становящагося съ года на годъ грамотнѣе. До этого изданія *Сочиненія Глѣба Успенскаго*, по своей высокой цѣнѣ, были доступны только людямъ богатымъ, по малой мѣрѣ, состоятельнымъ. Бѣднякъ студентъ, мелкій чиновникъ и, вообще, небогатый человекъ могъ читать произведенія Гл. Ив. Успенскаго только въ библіотекахъ и читальняхъ, т. е. тогда, если онъ городской обыватель и если въ его городѣ имѣется библіотека. До деревни, гдѣ всего нужнѣе ободряющее умъ и душу чтеніе, „хорошія“ книги у насъ почти не доходятъ, попадаютъ туда лишь случайно, и деревенскій людъ пробавляется до сихъ поръ только тѣмъ, что заноситъ къ нему коробейники, — товаромъ весьма пестрымъ по качеству и далеко недешевымъ по цѣнѣ, но доступнымъ потому, что это мелкія книжки копѣечной стоимости. Во одномъ коробѣ расходятся по Россіи хорошія книжки и дурныя, полезныя и положительно вредныя, во всякомъ же случаѣ, какъ мы сказали, пестрыя. Это — не литература, это — крохи литературныя, падающія со стола господъ и достающіяся бѣднякамъ вмѣстѣ съ разнымъ соромъ. Пятьдесятъ лѣтъ со смерти Пушкина пришлось ждать до тѣхъ поръ, пока произведенія великаго поэта дошли, наконецъ, до его народа. Гоголь и теперь еще менѣе извѣстенъ русскому народу, чѣмъ Ал. Дюма, о Лермонтовѣ большинство народа и не слыхивало. Гончаровъ, Тургеневъ, Щедринъ и мн. др., составляющіе нашу гордость и славу, лучшія произведенія гр. Л. Н. Толстаго и новѣйшихъ писателей — Богъ вѣсть когда попадутъ въ руки алчущихъ умственной пищи, ищущихъ свѣта духовнаго. Такимъ лучемъ, но оди-

новымъ и случайнымъ, явились теперь *Сочиненія Глѣба Успенскаго* въ изданіи г. Павленкова. Это—настоящій „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“,—говоримъ мы не обинуясь,—лучъ благотворнаго свѣта правды, живое слово, обращенное къ живымъ людямъ, одушевленное горячею любовью къ тѣмъ, къ кому оно обращено. У Глѣба Успенскаго нѣтъ проповѣдей, почти всегда сухихъ и черствыхъ; онъ никого не поучаетъ, забравшись самъ „въ келью подъ елью“, какъ надо жить по-настоящему, по-правдивому. Онъ самъ, всю жизнь свою, ищетъ этого—„какъ надо жить“, онъ—вѣчный странникъ, не знающій покоя въ своихъ поискахъ за правдой жизни. И вотъ этимъ-то неустаннымъ исканіемъ правдиваго житія Гл. И. Успенскій въ каждомъ будитъ мысль, будитъ духъ, находитъ зародыши добра и радости подбираетъ ихъ; часто, слишкомъ часто онъ натыкается на „свинское житіе“ и отмѣчаетъ такое „свинство“ безъ злобы, безъ ненависти, какъ нѣжно любящій братъ указываетъ, что „такъ жить нельзя“. Человека надо любить, людей любить—вотъ что говорилъ онъ всю жизнь и вотъ что всегда самъ дѣлалъ. Любить и жалѣть—вотъ чему учитъ все, имъ написанное,—жалѣть, а не карать высокомерно, не обвинять „по-свински“ живущаго брата, во мракѣ невѣдѣнія живущаго звать къ правдѣ и свѣту, не винить частныхъ явленій жизни, обуславливающихъ „свинское“ житіе, а во всемъ строеъ жизни раскрывать тѣ общія причины, которыя произвели и поддерживаютъ частныя явленія, не дающія простора и роста „правдѣ по-Божьей“.

Въ библиографическомъ обзорѣ мы не имѣемъ возможности дать сколько-нибудь обстоятельную характеристику Гл. Ив. Успенскаго, какъ писателя, и вынуждены ограничиться лишь самыми короткими упоминаніемъ на значеніе для русскаго народа его произведеній, произведеній глубокою искренностью, высокою гуманностью и безграничною любовью къ Русской землѣ. Помешаемъ же Глѣбу Ивановичу долгихъ, долгихъ лѣтъ бодрости и силы, а его произведеніямъ самаго широкаго распространенія среди темнаго люда, столь нуждающагося въ честномъ и живомъ печатномъ словѣ.

Стихотворенія А. И. Полежаева, съ биографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Подъ редакціей Н. А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина. Сиб., 1880 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. Сила таланта Полежаева давно опредѣлена и поставлена на подобающую высоту статьями Бѣлинскаго и Добролюбова. Трудно сказать, до какой высоты могъ бы развиться этотъ талантъ, если бы несчастныя обстоятельства не смали и не изуродовали только что начинавшейся жизни молодого поэта. А. И. Полежаевъ скончался 32 лѣтъ 16 января 1838 года, пробывши двѣнадцать лѣтъ солдатомъ. Надо знать, что такое была солдатчина нѣкотораго армейскаго полка шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, чтобы понять весь ужасъ положенія молодого мыслительнаго человѣка, съ университетскимъ образованіемъ, помѣнаго въ солдаты за наказаніе. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ біографы поэта почему-то обходили молчаніемъ нѣкоторыя обстоятельства его жизни, и только теперь въ изданіи г. Суворина мы находимъ собранными все-таки всѣ свѣдѣнія о томъ, кто былъ Полежаевъ, какъ воспитывался, за что пострадалъ и какъ жестоко страдалъ. Но и въ этой сравнительно полной біографіи есть, все-таки, нѣкоторыя пропуски, дополнить которые было бы желательно. Причины недоумовъ, конечно, уже не тѣ, какими обуславливались умолчанія прежнихъ біографовъ. Это уже не вѣдѣнія, „независающія обстоятельства“, а простой недостатокъ свѣдѣ-

ній о томъ, въпримѣръ, каковы „домашними интригами“ мать Полежаева, дворовая дѣвушка Леонтия Николаевича Струйского, „вопреки воли послѣдняго“, была выдана замужъ за саранскаго мѣщанина. Или еще о томъ, за что отецъ поэта, Л. Н. Струйскій, пензенскій помѣщикъ, былъ сосланъ на поселеніе въ Тобольскъ. Не случилось перваго, Александръ Ивановичъ Полежаевъ былъ бы, вѣроятно, усмысленъ Струйскимъ, какъ на то указываетъ его биографъ, и весьма правдоподобно, что вся жизнь его сложилась бы для него иначе, болѣе счастливо. За то въ лежащей передъ нами биографіи вполне выяснены обстоятельства, приведшія Полежаева къ солдатчинѣ. Передъ окончаніемъ курса въ Московскомъ университетѣ Полежаевъ написалъ шуточную поэму *Сашка*, въ которой описывались студенческіе вутени и было двѣ-три строфы, крайне рѣзкихъ въ политическомъ отношеніи и очень циничныхъ, однако, не настолько циничныхъ, какъ нѣкоторыя произведенія Лермонтова и Пушкина. Въ двадцатыхъ годахъ кутежи студентовъ и офицеровъ не ставились въ большую вину молодежи и нѣсколько вольные стихи въ смыслѣ циничности ихъ не вызвали особенно строгихъ каръ. *Сашка* Полежаева, къ тому же, и извѣстна-то была лишь въ самомъ тѣсномъ кружкѣ товарищей. Въ другое время, — справедливо замѣчаетъ его биографъ, — авторъ попался бы за свою шутку легкимъ выговоромъ или карцеромъ, но въ половинѣ 1826 г., черезъ полгода послѣ событія 14 декабря 1825 г., когда согладатайство, подозрительность и преслѣдованіе свободы мысли и слова были доведены до высшей степени напряженія, когда всю пропедимую смуту приписывали исключительно вредному направленію образованія юношества и распущенности общественнаго и домашняго воспитанія, дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ“. Тетрадка стиховъ попала въ руки начальства, не университетскаго („И друзья, алодѣи скрытныя, алобно предали меня“, — писалъ въ слѣдствіи Полежаевъ), и была представлена самому Императору Николаю Павловичу. По личному приказанію Государя, Полежаевъ былъ заключенъ въ бутырскій нѣкотый полкъ унтеръ-офицеромъ съ признаніемъ за нимъ правъ личнаго дворянства и классаго чина (XII класса), по университетскому образованію. Далѣе слѣдуетъ (въ 1827 г.) самовольная отлучка Полежаева изъ полка, разжалованіе его въ рядовые „безъ выслушанія“, пылство съ горя, оскорбленіе словами фельдфебеля, за что Полежаевъ просидѣлъ почти годъ въ кандалахъ на гаукавахъ, но былъ прощенъ (ему грозило прогнаніе съвоихъ строй) и переведенъ въ московскій полкъ. Вскорѣ московскій полкъ былъ отправленъ на Кавказъ, и тамъ Полежаевъ за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, подполковникъ Казы-муллоу, произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ 1833 г. полкъ воротили въ Москву, и для Полежаева исчезла всякая надежда на производствѣ въ офицеры. Тутъ, въ 1834 г., свѣтлымъ лучемъ, но почти мимолетнымъ видѣніемъ, промелькнулъ передъ несчастнымъ поэтомъ блестящій образъ дѣвушки, 16-ти лѣтней Екатерины Ивановны Бибиковой. Въ своемъ „биографическомъ очеркѣ“ г. Ефремовъ передаетъ, съ дозволенія Е. И. Бибиковой, въ высокой степени интересный разсказъ ея о пребываніи Полежаева въ подмосковномъ Ильинскомъ, принадлежавшемъ тогда графу Остерману, родственнику Бибиковыхъ. Разсказъ этотъ есть „единственное живое слово, дошедшее до насъ о Полежаевѣ“, и въ немъ, дѣйствительно, Полежаевъ является совершенно живымъ человекомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ярко выступаютъ нѣкоторыя черты барскаго быта за 55 лѣтъ назадъ. Тутъ же, въ Ильинскомъ, Екатериной Ивановной нарисованъ портретъ Полежаева. „Пор-

треть этотъ писанъ акварелью, ученическою рукою, — читаемъ мы въ разсказѣ Е. И. Вибиковой, — но онъ разительнѣе похожъ, тогда какъ оба портрета, изданные при стихотвореніяхъ Полежаева, ни мало его не напоминаютъ“. Превосходно исполненная гравюра съ этого портрета приложена къ изданію г. Суворина. Воспоминанія объ Ильинскомъ и о дѣвухѣ, очаровавшей измученнаго жизнью поэта, мы находимъ въ нѣсколькихъ его стихотвореніяхъ Е. И. Вибиковой, напримѣръ, въ большомъ стихотвореніи:

„Зачѣмъ хотите вы лишить
Меня единственной отрады“...

или въ другомъ, написанномъ 11 іюля 1834 г.:

„Таланты ваши оцѣнить
Никто не въ силахъ, безъ сомнѣнія!...“ и т. д.

Вотъ конецъ этого стихотворенія:

...„Я передъ вами...
Вы мой рисуете портретъ—
И я мирюсь съ жестокими врагами,
Мирюсь съ собой! Я вижу новый свѣтъ!
Простите смѣлости безумной
Пѣвца, гонимаго судьбой,
Который, послѣ бури шумной,
Въ змалѣ неба голубой
Слѣдитъ звѣзду надежды благосклонной
И, счастливый, въ тѣни привѣтливой садовъ,
Пьетъ жадно воздухъ благоуханный
Ароматическихъ цвѣтовъ!“

Въ концѣ книги приложенъ снимокъ съ рукописи стихотворенія, написаннаго къ рисованному Е. И. Вибиковой портрету, затѣмъ снимокъ съ стихотворенія *Божій судъ* (*Тайный залогъ*), написаннаго тоже въ Ильинскомъ. Къ тому же времени относится большое стихотвореніе *Черные глаза*, про которое Вѣлинскій, „съ своею обычною проникательностью, замѣтилъ, что „черные глаза“, очевидно, были важнымъ, хотя безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева, но что слишкомъ поздно и слишкомъ не въ пору явившееся *минованіе* было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а страшную похоронную пѣснь самому себѣ“.

Въ концѣ книги имѣются очень обстоятельныя библиографическія указанія прежнихъ изданій стихотвореній Полежаева, статей о Полежаевѣ и его стихотвореніяхъ, примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ и замѣтка о стихотвореніяхъ, приписываемыхъ Полежаеву. По изыществу и полнотѣ, изданіе г. Суворина не оставляетъ желать ничего лучшаго, и назначенную за него цѣну нельзя назвать слишкомъ высокою.

Донъ-Жуанъ Байрона. Переводъ П. А. Козлова. Спб., 1889 г. Цѣна за два тома 4 руб. Наши читатели знакомы съ почтеннымъ трудомъ П. А. Козлова и, конечно, оцѣнили его по достоинству. Въ нашемъ журналѣ были напечатаны двѣнадцать пѣсней знаменитой поэмы Байрона. Отдѣльное изданіе, о которомъ мы говоримъ, воспроизводитъ всю поэму въ шестнадцати пѣсняхъ. Помѣщеніе послѣднихъ четырехъ пѣсней въ периодическомъ изданіи надолго задержало бы появленіе въ свѣтъ *Донъ-Жуана* отдѣльною книгой, и мы, съ сожалѣніемъ, вынуждены были уступить желанію уважаемаго автора перевода дать какъ можно скорѣе читающей Россіи во всей цѣлости про-

изведеніе безсмертнаго англійскаго поэта и лишены были возможности довести до конца его переводъ въ журналѣ. Мы назвали П. А. Козлова „авторомъ“ перевода и думаемъ, что выраженіе это совершенно правильно. Переводъ около 1,800 октавъ или слишкомъ 14,000 стиховъ размѣромъ подлинника и, притомъ, рѣмованными стихами,—переводъ, по своей правильности и вѣрности, вполне безукоризненный,—доказываетъ въ исполнѣшемъ его такую силу поэтическаго творчества, которая обязываетъ насъ не ставить г. Козлова заурядъ съ другими переводчиками. Его *Донъ-Жуанъ* есть не только лучшее переложеніе въ русскіе стихи этой поэмы Байрона, но онъ есть одно изъ лучшихъ переложеній, когда-либо появлявшихся на русскомъ языкѣ, произведеній иностранныхъ поэтовъ. По требованіямъ времени, нѣкоторые мѣста смягчены въ переводѣ, но г. Козловъ въ такихъ случаяхъ вездѣ дѣлаетъ оговорки. Такихъ мѣстъ, впрочемъ, очень немного. При собственныхъ именахъ, могущихъ оказаться незнакомыми извѣстной части читателей, живются пояснительныя примѣчанія. Издана книга очень хорошо, отпечатана на прочной бумагѣ, красивымъ и четкимъ шрифтомъ, причемъ дѣло не обошлось, однако, безъ опечатокъ, иногда искажающихъ стихъ, какъ, напримѣръ, въ I томѣ на стр. 6 стихъ 16. Но и такія корректурныя погрѣшности попадаются очень рѣдко. Цѣна за два тома въ сорокъ три печатныхъ листа большаго формата назначена, по нашему мнѣнію, невысокая.

Докторъ Сафоновъ. Этюдъ Н. Раменскаго. Москва, 1889 г. Цѣна 1 рубль. Въ этюдѣ г. Раменскаго есть много очень вѣрно схваченныхъ и ярко очерченныхъ особенностей характера знаменитаго врача, достигшаго огромной славы и богатства; въ этой книгѣ видна большая наблюдательность автора, его умѣнье разобраться въ сложныхъ психическихъ процессахъ и правдоподобно изобразить проявленіе ихъ въ различныхъ положеніяхъ даннаго лица. Но основной мотивъ, подъ влияніемъ котораго сложился характеръ героя повѣсти, мы считаемъ неправдоподобнымъ, вѣрнѣе—несоразмѣрнымъ въ качествѣ причины съ произведеннымъ имъ дѣйствіемъ. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ, студентъ, проводящій лѣто учителемъ въ знатной и богатой княжеской семьѣ, влюбляется въ княжну Вѣру, дочь хозяйки дома. Студентъ Сафоновъ—бѣднякъ, сынъ управляющаго, очень честнаго человѣка и оригинала, умершаго въ нищетѣ. Сафоновъ одаренъ необыкновенными способностями, жаждою знанія и выдающимися силами; онъ сознаетъ свои силы и вѣритъ въ себя, въ свою будущность, которую самъ создастъ себѣ. Его страстное признаніе въ любви вызываетъ со стороны княжны сдержанное, „благовоспитанное“ напоминаніе различія ихъ общественныхъ положеній. Въ молодомъ человѣкѣ вспыхиваетъ вдругъ страстное желаніе мстить всѣмъ князьямъ, графамъ, богатымъ и знатымъ за нанесенное ему княжною оскорбленіе... Но оскорбленія-то читатель не видитъ: Сафоновъ влюбился, а княжна ничего ровно къ нему не чувствовала и, весьма естественно, не бросилась на шею бѣдняку студенту. Конечно, если бы на мѣстѣ грубоватаго учителя былъ какой-нибудь принцъ крови, или, по меньшей мѣрѣ, очень знатный и богатый аристократъ, хотя бы значительно уступающій Сафонову въ умѣ и способностяхъ, тогда княжна, быть можетъ, отвѣтила бы иначе, причемъ, однако, отнюдь не доказано, что она не отвергла бы любви принца, если бы принцъ вздумалъ объясняться такъ же точно—ни съ того, ни съ сего. Какъ бы то ни было, Сафоновъ воспылялъ неукротимую местью; подстрекаемый ею, онъ достигъ славы, чиновъ и богатства, сталъ зна-

мекитимъ докторомъ, совершающимъ чудеса своими удивительными диагнозами. Онъ чуть не въ мертвыхъ воскресаетъ и, воскресая, качѣлся, обучая молодежь съ университетской воедры, третируя всѣхъ—и эту молодежь, и ассистентовъ, и пациентовъ, и прислугу, и свою семью, и общество, онъ все мститъ, все мститъ за то, что княжна Вѣра не бросилась на шею первому влюбившемуся въ нее студенту... Какъ онъ третируетъ всѣхъ, все человечество, и что изъ этого вышло—изображено авторомъ мастерски. Мы слышали упреки автору за то, что въ некоторыхъ частностяхъ его докторъ Сафоновъ напоминаетъ одно извѣстное и живое лицо. Не знаемъ, насколько основательно такое мнѣніе, и, разумеется, если въ немъ есть хотя доля правды, мы не можемъ одобрительно отнестись къ такому рода писанью портретовъ съ живыхъ лицъ, хотя бы портреты и не представляли собою каррикатуры, какъ въ данномъ случаѣ. Сафоновъ г-на Раменскаго ничуть не каррикатуренъ,—напротивъ, въ немъ, какъ въ докторѣ, мы видимъ громадную умственную силу. Всѣ его чудачества находятъ себѣ объясненіе именно въ его силѣ, далеко возвышающейся надъ общими уровнемъ окружающей его среды. Знаменитый врачъ весь ушелъ на эту высоту и забывая на ней, забывъ, что онъ человѣкъ, знать не хочетъ, что вокругъ него, въ его собственной семьѣ живутъ такіе же, какъ онъ, люди. И въ этомъ-то заключается источникъ странной вары, постигающей доктора Сафонова. Онъ мстилъ кому-то, живши отомстивъ ему за это. Въ ту минуту, когда ему лично, для удовлетворенія его чувства, для его счастья, понадобилась вся сила его ума и знанія, эти силы вдругъ куда-то исчезли, вмѣстѣ съ олимпийскимъ спокойствіемъ, которое онъ создалъ себѣ искусственно. Онъ оглянулся на семью, семья не оказалась; нигдѣ нѣтъ для него ни любви, ни дружбы, ни преданности, ни даже правды по отношенію къ нему. Вездѣ лъзя и обманъ. Жена, сынъ—его надежда и гордость, воспитатели сына, ассистенты, вѣрные слуги, всѣ и во всемъ только и дѣлаютъ, что обманываютъ его. Онъ очутился одинъ въ своемъ величіи, и ужасъ одиночества схватилъ его, тоска разочарованія, горечь утраты всѣхъ надеждъ едва не довели его до самоубійства. Но имъ же самымъ владѣнный эгоизмъ, необходимый ему для его олимпийскаго спокойствія, не дастъ ему поженить съ собой, и докторъ Сафоновъ возвращается къ своимъ занятіямъ съ прежнею силой ума и знанія, но уже нравственнымъ „мёртвецомъ“, которому недоступны будутъ ни любовь, даже въ дѣтствѣ, ни надежда, ни вѣра во что бы то ни было. Онъ—свѣтило науки, а для него нѣтъ въ жизни ни свѣта, ни радости. Такова суть этюда г. Раменскаго. Мы не передали фабулы повѣсти потому, что въ настоящемъ смыслѣ слова фабулы нѣтъ. Это психологическій этюдъ, который надо прочесть самому, чтобы оцѣнить его во достоинству.

Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо. Даміела Де-Фо. Переводъ съ англійскаго Петра Кончаловскаго. Часть I. 1888 г. Часть II. 1889 г. Переводъ г. Кончаловскаго восполняетъ чувствительный пробѣлъ въ нашей литературѣ. Исполненъ этотъ переводъ знаменитаго сочиненія Де-Фо весьма удовлетворительно. Книга украшена многими подходящими къ тексту и хорошо сдѣланными (въ Лондонѣ) рисунками. Стоитъ она дешево — 4 руб. за два большіе тома. Русскіе читатели могутъ имѣть теперь полное понятіе о сочиненіи, которое пользовалось и пользуется громаднымъ мировымъ вниманіемъ и въ подлинникѣ, и въ переводахъ, и въ перекладахъ.

Ф И Л О С О Ф И Я.

„Свое Слово“. Изд. проф. А. А. Козлова.

Свое Слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый (вмѣсто „Философскаго Трехмѣсячника“) профессоромъ А. А. Козловымъ. № 1. Кіевъ, 1888 г. Читателямъ нашимъ извѣстно, что профессоръ Кіевскаго университета г. Козловъ сталъ издавать съ 1886 г. журналъ подъ названіемъ *Философскій Трехмѣсячникъ*, который въ 1887 году, вслѣдствіе болѣзни издателя, пересталъ выходить. Теперь г. Козловъ доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что такъ какъ послѣдствія его болѣзни и до сихъ поръ продолжаются, и возобновленіе журнала, обязаннаго передъ подписчиками срочнымъ выходомъ книжекъ, оказывается невозможнымъ, то онъ и предпринялъ, вмѣсто обязательнаго срочнаго журнала, издавать сборникъ, который будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, но мѣръ накопленія статей. Сборникъ этотъ называется *Свое Слово*; въ немъ, вмѣстѣ статей самого г. Козлова, обѣщаны труды и другія, болѣе или менѣе сочувственныхъ по направленію лицъ. Труды, которые найдутъ себѣ место въ сборникѣ, будутъ посвящены философіи, хотя, быть можетъ, среди нихъ появятся и прозаическія общенаучнаго или даже беллетристическаго характера.

Заявляя обо всемъ этомъ въ предисловіи лежащей передъ нами 1-й книжки сборника, г. Козловъ помѣстилъ въ этой книжкѣ на первомъ мѣстѣ сочиненіе одного изъ своихъ сотрудниковъ, скрывшаго свое имя подъ нѣскольکو горделивымъ псевдонимомъ „Платона“, хотя, впрочемъ, пока только „Калужскаго“. Этотъ г. Платонъ написалъ, разумѣется, *Бесѣды*, числомъ три, и для свѣдующихъ книжекъ обѣщаетъ написать еще нѣскольکو. Само собою разумѣется, что является онъ вовсе не для того, чтобы напомнить намъ о Платонѣ Афинскомъ, а мы, въ свою очередь, не предъявимъ ему требованій, идущихъ далѣе того, что можетъ дать новорожденная калужская философія, которой мы искренно желаемъ скорѣе выйти изъ младенчества, „сдѣлать зубы“, расти и развиваться.

Первый опытъ представителя философіи, которая еще вся въ будущемъ, нѣскольکو слабъ, размазистъ и скучноватъ; но въ немъ скрыто доброе намѣреніе, и мы это цѣнимъ и желаемъ автору въ принятюмъ имъ направленіи преуспѣвать. Характеръ напечатанныхъ въ 1-й книжкѣ „бесѣдъ“—сатирическій. Авторъ старается осмѣять нравы и обычаи той правдой и пустой среды, которая, въ силу пресыщенія всевозможными способами „прожиганія жизни“, не зная, за что схватиться, бросается на философію и изъ нея хочетъ выжать нѣчто вроде приправы своимъ костыльнымъ попойкамъ и удручающему правдословію.

Авторъ, очевидно, однако знаетъ ту среду, изъ которой беретъ своихъ героев, и можетъ поэтому дать намъ нѣскольکو фотографическихъ карточекъ философскихъ благодѣровъ разнаго пошиба. Сдѣланы карточки не дурно, но комментарии къ нимъ длинны-длинные, точь-въ-точь какъ рассказы той бабы, которая, желая сообщить сосѣдкѣ про паннихиду, пропѣла ее отъ слова до слова всю.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ. Передъ нами кружокъ поклонниковъ и почитателей нѣкакого „Сократа съ Песковъ“—личности довольно комичной и говорящей такъ много, что остальнымъ едва-едва только возможно высказаться. Умствованія кружка идутъ всегда во время покоевъ, ad majorem philosophiae gloriam называемыхъ „симпозию-

нами". Въ общемъ получается впечатлѣніе какой-то конкуренціи между философией и вухмистерской и на читателя навѣвается нѣкоторое уныніе. „Сегодня у Сократа пирогъ съ сигомъ (стр. 5) и дешевенькое крымское вино, чтобы промочить горло“ (стр. 15),—кричать прислѣзники, и уже бѣгутъ на Пески. Здѣсь пьютъ, ѣдятъ и приговариваютъ: „уничтожимъ эти субстанціи и произведемъ пріятныя акциденціи въ нашей собственной субстанціи“. Затѣмъ собираются „въ знаменитомъ Мало-Ярославцѣ“ и „вспрыскиваютъ *выигрышъ процесса* одного изъ своихъ; затѣмъ опять роспиваютъ будто бы „последнюю“ бутылочку (стр. 37), далѣе, тянутъ изъ хрустальнаго графинчика бѣлый „Сократовскій ромъ“ (стр. 54); еще спустя „освѣжаются“ рейнвейномъ (стр. 70), потомъ слѣдуетъ „вино“ (стр. 74), и, наконецъ, пьютъ „самую хозяйкою настоенный ерофенчъ“ (стр. 76). Все это въ теченіе трехъ бесѣдъ... На то ужъ „симпозионъ“!

Нельзя пройти молчаніемъ одного весьма характернаго эпизода, происшедшаго во время этихъ возліаній. Нѣкій случайный посѣтитель пирушки отказывается пить; прихлебатели Сократа сейчасъ же поднимаютъ крикъ: „*По-нашему*, не хорошо отставать отъ товарищей. Сократъ Ивановичъ говорить, что у него въ горлѣ застрѣваетъ вино, когда онъ видитъ, что другіе не пьютъ“. Самъ Сократъ изрекаетъ при этомъ: „Да, возникаетъ невольное подозрѣніе, что непьющій имѣетъ какой-либо злой умыселъ противъ пьющихъ“. И когда гость все же-таки отказывается и говоритъ, что время не такое, чтобы пить, что у него хотя и нѣтъ личнаго горя, но что можно, вѣдь, сильно чувствовать и бѣдствія общественныя и народныя, которымъ и конца у насъ нѣтъ, и т. д.,—Сократъ сейчасъ же заглушаетъ рѣчь вольнодумца тостомъ въ честь философіи, „не запрещающей пить вино съ хорошими пріятелями“, и затѣмъ опять выставляетъ пресловутый процессъ, на который, очевидно, вся кучка смотритъ, какъ на якорь спасенія про всякій случай. Пьютъ и за *выигрышъ процесса*. „Въ это время *человѣкъ* разливаетъ шампанское въ бокалы“ (стр. 25). Послѣ случайнаго гостя это уже второй *человѣкъ*; но этотъ—и не пьетъ, и не философствуетъ.

Но о чемъ же шумятъ застольные витіи? На сей разъ они обсуждаютъ вопросъ о субстанціи. Сократъ съ Песковъ въ разговорѣ съ какимъ-нибудь Агаономъ съ Выборгской и какой-нибудь Діотимой съ Гороховой изнуряетъ себя доказательствами, что „содержаніе и свойства нашего сознанія никакъ не могутъ быть объяснены дѣятельностью матеріи и ея первоначальныхъ элементовъ или атомовъ. Отсюда онъ заключаетъ къ существованію особой *духовной* субстанціи, производящей явленія сознанія. Очевидная же связь тѣла съ этою *духовною* субстанціей, необъяснимою при предположеніи существованія рядомъ съ *духовными* субстанціями и разнородныхъ съ ними матеріальныхъ, приводитъ его къ заключенію, что тѣло и весь матеріальный міръ суть знаки, подъ которыми скрывается дѣятельность *духовныхъ* субстанцій, а также связь и отношеніе ихъ другъ къ другу“ (стр. 47). Изложеніе это приправляется раздражительными выходками противъ науки, одно припоминаніе о которой заставляетъ нашего философа смущаться и сбиваться. „Современная наука!... Я съ этою почтенною дамой не знакомъ. И у кого ни спрашивалъ, кто она такая и гдѣ ее найти, никто мнѣ не указалъ, а все называютъ либо имена людей, либо заглавія сочиненій“,—восклицаетъ Сократъ съ азартомъ, какъ бы давая понять, что съ почтенною дамой-философией онъ коротко знакомъ и всѣмъ, кто у него

про нее спрашивалъ, показывалъ ее пальцемъ. Не даромъ же одинъ изъ его собутыльниковъ объясняетъ, что Сократъ безъ сильнаго волненія не можетъ слышать словъ: научный, научность, современныя науки и т. д., и когда услышитъ эти слова, сейчасъ же и „окрысится“. И благо ему: ужъ если онъ такъ близокъ съ одною почтенною дамою, то мыслителю такому не годится, конечно, очень ужъ сближаться съ другою.

Физиономія Сократа съ Песковъ вырисовывается довольно ясно, и нельзя не признать, что онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ философовъ, о которыхъ какъ-то разъ очень мѣтко высказался Н. Я. Гротъ. Философы эти, — замѣчаетъ г. Гротъ, — часто способны на „выдумки“, оказывающіяся имъ нужными только для того, чтобы свободно нарушать установленныя „въ мѣрѣ феноменовъ“ законы и понятія, — для того, чтобы удобнѣе бездѣльничать, удобнѣе оправдывать свою наклонность къ разработкѣ философскихъ системъ у зеленого стола и въ „полутрезвомъ видѣ“ (*Загадки знанія*. Газета *Заря* 1883 г.).

Можно себѣ представить теперь, что претерпѣваетъ философія отъ прорицателя любомудрія, поучающаго свою аудиторію „панпсихизму“, сводящемуся на спиритизмъ, оснащающему рѣчь пошлыми выходками по адресу науки и научной философіи и строго охраняющему своихъ фамулусовъ отъ всякой живой мысли и живаго слова. Онъ съ напускною важностью толкуетъ о томъ, что философію слѣдуетъ изучать, какъ и всякую другую науку, забывая, конечно, при этомъ, что „съ этою почтенною дамою онъ не знакомъ“; затѣмъ приступаетъ къ изложенію своей панпсихической философіи съ развязностью, тотчасъ же обнаруживающею, что и эту вторую „почтенную даму“, выдаваемую имъ за даму своего сердца, онъ знаетъ тоже очень мало. Съ удивительною душевною простотою онъ беретса объяснить всѣ явленія, сводя ихъ на кѣчто совершенно необъяснимое и непонятное; онъ съ легкимъ сердцемъ ведетъ своихъ слушателей въ область запытную и съ такою фамильярностью маніруетъ трансцендентными сущностями, какъ будто бы различеніе имманентнаго и трансцендентнаго было пустякомъ, не стоящимъ вниманія, а различеніе знанія отъ пониманія никогда никому и не приходило въ голову. Начавъ доказывать исключительное существованіе *духовныхъ* субстанцій, онъ, не обинуясь, переходитъ къ тезису обратному: „существовать и значить быть субстанціей“ (стр. 34) и на на минуту не затрудняется ни многосмысленностью понятія субстанціи, ни ролью языка въ его образованіи, ни соотношеніемъ его къ понятію вещей. Онъ смѣло мчится впередъ, минуя всѣ препятствія, и нисколько не стѣсняется подкрѣплять свои аргументы такими смѣлыми *выдумками*, какъ, напримѣръ, что у Юма будто бы совсѣмъ ничего не говорится объ *отношеніяхъ* между идеями (вѣрнѣе — представленіями), — отношеніяхъ тождества, сходства, несходства и т. д., затѣмъ при этомъ смыслъ возвращеній Юма пошлому передачей Юмовыхъ выраженій. Такъ, напримѣръ, известное „a bundle or collection of perceptions“ является какъ „пучекъ идей, пучекъ вѣниковъ, на которыхъ вѣдьмы ѣздятъ на шабашъ“ (стр. 42 и 43). Все это было бы, пожалуй, смѣшно, если бы не было такъ скучно.

Мы надѣялись, что книжку скраситъ самъ г. Козловъ своими произведеніями, но, къ сожалѣнію, ошиблись въ расчетѣ. Статейки г. Козлова на этотъ разъ очень ужъ безцвѣтны и безсодержательны. Одна изъ нихъ, называющаяся *Отвѣтъ г. рецензенту Русской Мысли*, тѣмъ развѣ только и замѣчательна, что отвѣта — то въ ней ровно никакого и

нѣтъ. Начинается она съ жалобы на анонимность библиографической замѣтки о другой книгѣ г. Козлова же: *Очерки изъ исторіи философіи*, — замѣтки, появившейся въ нашемъ журналѣ въ февралѣ прошлаго года. По мнѣнію г. Козлова, такіа замѣтки не должны появляться безъ подписи автора, такъ какъ въ именахъ авторовъ заключается гарантія компетентности критической оцѣнки того или другаго произведенія. Мы думаемъ, что придирики г. Козлова лишены всякаго значенія, такъ какъ если составъ редакціи и сотрудниковъ журнала не является для него достаточною гарантіею и компетентности ихъ для оцѣнки своихъ произведеній онъ не признаетъ, то зачѣмъ же онъ чуть не полкижки своей наполняетъ возраженіями и объясненіями, посвященными исключительно *Русской Мысли*? Зачѣмъ раздражается, спорить, доказываетъ? Съ мнѣніями несостоятельными и лежковѣсными можно бы, вѣдь, раздѣлаться и безъ чрезмѣрныхъ усилій и крайняго напряженія. Подписана статья или не подписана — не важно, а вотъ, что г. Козловъ не нашелъ на нее отвѣта—это служить яснымъ указаніемъ на ея raison d'être и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и объясненіемъ раздраженія, съ которымъ относится къ ней г. Козловъ.

Прослѣдимъ же теперь обвиненіе его по пунктамъ. Онъ крайне недоволенъ указаніемъ на допущенное имъ смѣшеніе понятій: плана издательскаго и плана авторскаго. Чтобы разомъ покончить съ затрудненіемъ, онъ рѣшается утверждать, что и не постигаетъ даже, что за штука такая „планъ авторскій“; существуютъ-де планы издательскіе, и о нихъ обыкновенно повѣствуется въ предисловіяхъ, но планъ авторскій—что это такое? Есть, однако же, можно сказать, волшебное средство мгновенно покончить съ этимъ недоразумѣіемъ: стоитъ только развернуть предисловіе къ книгѣ г. Козлова же *Методъ и извращеніе философіи Платона*; тамъ найдется и „планъ моего труда“ и все вообще, чѣмъ нужно для уясненія вопроса: что за штука такая—„планъ авторскій“? Освѣживъ все это въ своей памяти, г. Козловъ перестанетъ, конечно, настаивать на отсутствіи авторскаго плана въ случайно сброшюрованныхъ издателемъ тетрадахъ и, найдя въ предисловіи такой издательской предпримчивости заявленіе отъ имени автора, сочтетъ ихъ плодомъ недоразумѣнія.

Не болѣе состоятеленъ и мотивъ раздраженія г. Козлова по поводу замѣчанія о пользѣ, которую могло бы принести ему, какъ автору очерка философіи восточной, знаніе англійскаго языка. Догадливость измѣнила г. Козлову, и онъ не понималъ значенія этого замѣчанія. Вѣдь, на одномъ англійскомъ языкѣ только существуетъ такое изданіе, какъ *The sacred books of the East—Священная книга Востока*, и невозможность пользоваться имъ нельзя не признать для ученаго большою потерей. Напрасно поэтому г. Козловъ восклицаетъ: „чѣмъ Максъ Мюллеръ не англійскій источникъ?“ Напрасно тоже дѣлаетъ указаніе и на Фулье. Если Фулье не читалъ того или другаго, то что же слѣдуетъ изъ этого по отношенію къ г. Козлову?

Не можемъ мы признать удачнымъ и отводъ замѣчанія относительно неправильной ссылки г. Козлова на Вундта. Г. Козлову было доказано, что онъ не понималъ приводимой имъ цитаты и не настолько знакомъ съ сочиненіями Вундта, чтобы имѣть возможность выбрать изъ нихъ то, что всего ближе и непосредственнѣе относится къ его вопросу, а онъ отдѣлывается увертками, скрадывая самый вопросъ, о которомъ шла рѣчь.

Что же касается соотношенія между извѣстною частью буддій-

спаво ученія и психіадріей, о которомъ была рѣчь, между прочимъ, и въ одной статьѣ, помѣщенной г. Козловымъ въ число его „иссѣдковъ“, то здѣсь г. Козловъ беретъ говорить о предметѣ, очевидно, мало ему знакомомъ. И соотношеніе буддійскаго авастаза съ цѣло-патологическими явленіями, и та классификація галлюцинацій, которая представляется для г. Козлова „неудобомыслиемъ“,—все это разрабатывалось и разрабатывается въ такой обширной, специальной, совершенно компетентной литературѣ, которую нельзя вычеркнуть однимъ почерковымъ мери или свести къ какому-нибудь какому-нибудь словечкомъ, сколько бы влобы въ немъ ни заключалось.

Что же еще говорить г. Козловъ? Ничего болѣе; мы прослѣдили шагъ за шагомъ весь его „отвѣтъ“.

Не мало раздраженія обнаружилъ г. Козловъ и въ возраженіяхъ на статью о научной философіи. Если по отношенію ей надо будетъ дать г. Козлову какія-нибудь объясненія, то это и возьметъ на себя авторъ.

И С Т О Р І Я.

„Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“. *Юсифа Первольфа*. — „Западнорусскіе провинціальныя сеймики во 2-й половинѣ XVII в.“. *Н. В. Стороженки*. — Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ“. *Д. И. Зваричинско*.

Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. *Юсифа Первольфа*, профессора Варшавскаго университета. Т. I: Очеркъ исторіи славянъ до XVIII в.; т. II: Славянская идея въ литературѣ до XVIII в. Варшава, 1896 и 1898 гг. Обширное изслѣдованіе проф. Первольфа о взаимныхъ отношеніяхъ славянъ, второй томъ котораго появился недавно, обращаетъ на себя вниманіе какъ по большой эрудиціи автора такъ и по тѣмъ вопросамъ, какіе здѣсь имъ затронуты. Если въ первомъ томѣ авторъ, давъ краткій очеркъ исторіи главныхъ славянскихъ племенъ съ древнѣйшаго времени до XVIII в., старается затѣмъ установить общія основы ихъ быта въ государственныхъ учрежденіяхъ, правѣ, мѣстности и языкѣ, то II-й томъ, наиболѣе обширный, посвященъ „славянской идеѣ“, поскольку эта идея отразилась въ историческомъ и философическомъ изслѣдованіяхъ тѣхъ же славянскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. Такова въ высшей степени почетная задача, ваятая на себя авторомъ. Обращаясь къ ея осуществленію, мы не можемъ не отмѣтить одного обстоятельства, на нашъ взглядъ, сильно вредящаго цѣльности впечатлѣнія отъ изслѣдованія. А именно, намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ ту среду, для которой написана его обширное изслѣдованіе; отсюда въ свою очередь, какъ слѣдствіе, получается какъ несоразмѣрность другъ съ другомъ отдѣльныхъ вопросовъ, такъ и способъ ихъ трактованія. Если предположить, что авторъ имѣлъ въ виду только небольшой кругъ ученыхъ-специалистовъ, то послѣднихъ, наприм., совершенно не удовлетворитъ большая часть перваго тома, гдѣ слишкомъ часто довольно-таки элементарно и вышше разсматриваются отдѣльные важныя вопросы: таковы въ особенности вопросы о правѣ, мѣстности и поэзіи, государственномъ устройствѣ и др.; таковы также нѣкоторые вопросы втораго тома (напримѣръ, вопросъ о славяновѣдѣніи въ русской литературѣ XVIII в. и др.). Если, наоборотъ, думать, что авторъ имѣлъ, судя по указаннымъ примѣрамъ, въ виду „большую публику“, которая, дѣйствительно, нуждается въ насъ въ научныхъ указаніяхъ для разумнаго отношенія къ

вопросамъ славянскаго самосознанія, то, наоборотъ, другія части изслѣдованія, а, главное, самые способы разработки матеріала, въ большей части будутъ ей совершенно не по плечу. Укажемъ здѣсь для примѣра оставленіе *безъ перевода* авторомъ многихъ цитатъ на различныхъ славянскихъ языкахъ, понятныхъ для спеціалиста, конечно, и совершенно ускользающихъ для обыкновеннаго читателя. Таковы, далѣе, многія мелкія подробности о различныхъ второ- и третьестепенныхъ дѣятеляхъ славянской идеи въ литературѣ и т. п. Не можемъ, наконецъ, не отмѣтить, что авторъ, увлекаясь вполне искренно отыскиваніемъ славянской идеи въ различныхъ литературныхъ памятникахъ, нѣсколько перекладываетъ границы истинны. Читая его изслѣдованіе, удивляешься, съ одной стороны, *обилію „славянолюбцевъ“* у поляковъ, чеховъ и т. д., найденныхъ авторомъ, а съ другой—не понимаешь, какъ это такое, повидимому, развитое самосознаніе своего славянскаго единства и своей славянской особенности дадо *въ дѣйствительности* столь малые результаты, и это, притомъ, въ теченіе чуть не десятка вѣковъ. Если одна часть неудачъ въ осуществленіи славянской идеи въ дѣйствительной жизни и есть послѣдствіе разныхъ *внѣшнихъ* причинъ, то другая, едва ли, притомъ, не большая, лежала именно въ неясности этого славянскаго самосознанія въ массахъ, въ малозначительности вліяній на эту массу тѣхъ вождей этого самосознанія, которыхъ идеи такъ усердно анализируетъ почтенный авторъ. Намъ кажется, поэтому, что проф. Первольфъ нѣсколько преувеличилъ (неволью, конечно) и количественно, и качественно значеніе славянской идеи въ литературѣ, иногда зачисляя въ ряды ея ярыхъ послѣдователей простыхъ бытописателей о славянахъ и т. п. Не подлежитъ, впрочемъ, никакому сомнѣнію научная важность множества богатѣйшихъ данныхъ, собранныхъ почтеннымъ ученымъ по изучаемымъ вопросамъ. Остается ждать общаго продолженія обширнаго труда авторомъ, причемъ въ интересахъ дѣла можно пожелать болѣе опредѣленнаго съ его стороны отношенія къ вопросу о томъ кругѣ читателей, для которыхъ изслѣдованіе предназначается, что не вполне ясно можно вывести изъ напечатанныхъ томовъ.

Западнорусскіе провинціальныя сеймики во 2-й половинѣ XVII в. Н. В. Стороженики (изслѣдованіе по архивному матеріалу). Кіевъ, 1888 г. Это живо написанное сочиненіе касается интереснаго вопроса объ областномъ представительствѣ Западнорусскаго края во 2-й половинѣ XVII в. До люблинской уніи, когда край этотъ еще мало былъ колонизованъ, населеніе его имѣло изстаринное обыкновеніе собираться въ своихъ административныхъ центрахъ *во всеословные* сѣзды, обсуждавшіе нужды всего края. До XVI в. эти сѣзды носили даже древнерусское названіе—*вѣчей*, затѣмъ исчезающее постепенно и замѣняющееся названіемъ *копъ* и *сеймовъ* (первые сѣзды—сельскіе, вторые—областные). Съ усиленіемъ колонизаціи края, на ряду съ этими русскими собраніями *всеословнаго* характера, начинаютъ появляться собранія специфически польскаго характера—*сословноворянскіе*, постепенно вытѣсняющія первыя (обычно они назывались „воеводскими сеймиками“). Авторъ беретъ эти сеймики въ моментъ наибольшаго ихъ процвѣтанія и колонизаціи, рассматриваетъ исторію и организацію сеймиковъ, ихъ отношеніе къ вопросамъ общегосударственной жизни, затѣмъ къ вопросамъ религіознымъ, экономическимъ и сословнымъ. Все это полно интереса, особенно если принять во вниманіе, съ одной стороны, всю важность исторической эпохи, переживавшей тогда Польшю и Московскою Русью, а съ другой—видѣть въ сеймикахъ отраженіе общест-

венныхъ взглядовъ и настроеній правящаго сословія—дворянства. Авторъ высказываетъ небезынтересную догадку, подтверждаемую и изучаемымъ имъ матеріаломъ, что если бы самоуправленіе югозападной Руси сохраняло свой прежній *всесословный національно-русскій* характеръ, то, быть можетъ, оно удержало бы западнорусскихъ дворянъ отъ національнаго и религіознаго отступничества, спасло бы саму Польшу отъ гибели и способствовало бы ея мирному сближенію съ Русью, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ населеніе, не лишенное Польшею своихъ правъ въ пользу *одной* только сословія, само бы могло развиваться граждански и затѣмъ вступить въ борьбу съ польскою шляхтою, помогая благимъ намѣреніямъ польскихъ королей и патріотовъ къ измѣненію государственныхъ неурядицъ Польши.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго. Спб., 1888 г. Сборникъ г. Эварницкаго заключаетъ въ себѣ 118 дѣлъ, обнимающихъ промежутокъ времени 1748 — 1789 гг. (кромѣ того, три документа 1802—1829 гг.). По содержанию напечатанные документы довольно разнообразны: отношенія запорожскихъ козаковъ къ погайцамъ и татарамъ; сношенія ихъ съ русскимъ правительствомъ и различныя мѣры, принимавшіяся послѣднимъ для постепеннаго ограниченія вольностей Сѣчи; колонизація окраинъ старыхъ запорожскихъ владѣній и пограничные споры запорожцевъ съ новыми сосѣдями-поселенцами; мѣры предосторожности со стороны турецкой границы; преслѣдованія гайдамаковъ и разбои самихъ запорожцевъ,—вотъ главные, но не единственные предметы, которыхъ касаются матеріалы г. Эварницкаго. Матеріалы эти собраны г. Эварницкимъ, въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ и отъ различныхъ лицъ во время многократныхъ поѣздокъ его по мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскихъ. Къ сожалѣнію, собиратель далеко не всегда указываетъ, откуда именно взять тотъ или другой документъ, вошедшій въ его сборникъ. Въ концѣ приложенъ указатель собственныхъ и географическихъ именъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.—Исслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII в.“. *М. Винавера.*

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга V. М., 1888 г. Появленіе каждаго новаго тома этого изданія должно быть праздникомъ въ ученой литературѣ. Московскій архивъ министерства юстиціи представляетъ незамѣнимый и неисчерпаемый источникъ для изслѣдователя русской жизни нѣтъ возможности безъ знакомства съ его составомъ и происхожденіемъ. Послѣ перваго тома, изданнаго Н. В. Калачевымъ въ 1869 г. и начинавшагося общимъ обзорѣніемъ учреждений, которыхъ документы поступили въ архивъ, и самыхъ этихъ документовъ по ихъ разрядамъ, слѣдующіе томы „описанія документовъ etc.“ не всегда были вѣрны своему заглавію; такъ, 3-й томъ заключалъ въ себѣ двѣ обширныя диссертаціи. Очень важна, конечно, и поучительна всякая работа, идущая отъ ученыхъ архивистовъ, болѣе кого-либо другаго знакомыхъ съ документами собственнаго архива, но ученую работу мы съ удовольствіемъ прочтемъ въ специальномъ изданіи, наприм., въ *Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей*; отъ „описанія“ же мы ждемъ, прежде, всего описа-

нія. Настоящій пятый томъ въ этомъ отношеніи соответствуетъ своимъ задачѣ изданія: большая часть его (507 стр.) занята исторіей трехъ архивовъ, изъ которыхъ составилась теперь архивъ министерства юстиціи. *Исторія разряднаго архива* составлена А. А. Гоздаво-Голомбівскимъ, *Исторія вѣтчиннаго архива*—И. Н. Ардашевымъ, *Исторія архива старшихъ дѣлъ*—И. И. Пинко и А. А. Гоздаво-Голомбівскимъ. Исторія всѣхъ трехъ архивовъ написана по общей программѣ: составители сообщаютъ читателю, какъ произошли названные архивы, какие документы въ нихъ накоплялись, какъ номѣнялись и хранились эти документы въ прешнее время, какъ и когда они описывались и, наконецъ, какимъ цѣлямъ и потребностямъ служилъ архивъ встарину. Источниками для исторіи архивовъ послужили старыя описи и подлинное дѣлопроизводство архивовъ; въ настоящемъ томѣ исторія доведена до катастрофы 1812 г. Справки, дѣлавшіяся въ прошломъ вѣкѣ, имѣли, конечно, почти исключительно практическое значеніе; нельзя не благодарить составителей, что среди этой массы практическихъ справокъ они выдѣлили справку, истинный историческій интересъ, отчасти указали на нее, отчасти даже напечатали въ приложеніяхъ. Особенно важны изъ послѣднихъ „Справка о присутственныхъ мѣстахъ, бывшихъ въ Россіи до учрежденія сената и коллегій“ и „Списокъ старшихъ вице-цѣлей номѣжнаго права 1717 г.“.

Второй отдѣлъ пятаго тома занята тремя очерками трехъ учреждений петровскаго времени, до сихъ поръ очень мало жи вообще не изслѣдованныхъ. А. А. Востоковъ знакомитъ насъ съ исторіей и дѣлопроизводствомъ *Генеральнаго двора*, петровскаго присутствія по помѣстнымъ дѣламъ за время 1699—1702 гг. Н. Н. Тонаровъ излагаетъ дѣятельность *Блаженной канцеляріи*,—учрежденія, составлявшаго переходъ отъ боярской думы въ сенату и, вмѣстѣ того, исполнявшаго до ревизійско-коллегіи обязанности государственнаго контроля; наконецъ, А. А. Голубевъ изображаетъ дѣятельность *Расправной палаты при сенатѣ*—высшей инстанціи по дѣламъ, нерѣшеннымъ низшими учреждениями.

Всѣ работы, составившія пятый томъ описанія, принадлежать, исключительно, служащимъ архива: уже это обстоятельство указываетъ на значительное количество ученыхъ силъ въ наличномъ составѣ московскаго архива юстиціи. Тщательность изслѣдованія и дѣльность изложенія, отличающая всѣ работы, указываетъ на высокое качество этихъ ученыхъ силъ. При этихъ условіяхъ намъ остается пожелать, чтобы московскій архивъ юстиціи починилъ дѣлами съ ученою кубанкой своими драгоценными свѣдѣніями и чтобы другіе архивы слѣдовали его примѣру.

Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. М. Винавера. Варшава, 1898 года. Въ 1825 году однимъ нѣмецкимъ библіофиломъ, Нейманомъ, случайно былъ приобретенъ, какъ впоследствии оказалось, очень интересный рукописный памятникъ, содержащій въ себѣ изложеніе основъ обычнаго польскаго права XIII в. Больше 40 лѣтъ Нейманъ, по повѣстному причинамъ, держалъ свое открытіе недоступнымъ для изученія и только въ 1868 г. извѣстному правовому ученому Гельцелю удалось получить копию памятника для изданія. Новыя изслѣдованія памятника,—и между ними разбираемое,—неоспоримо доказали его важность, какъ памятника древнеславянскаго права, весьма богатаго содержаніемъ и въ некоторомъ весьма интереснымъ архаизмами. Г. Винаверъ, давъ общее описаніе памятника и изложивъ исторію его проис-

хожденія, подробно останавливается даже на изученіи содержанія памятника по отдѣламъ права гражданскаго, уголовнаго, государственнаго и процессуальнаго. Это изученіе сдѣлано авторомъ весьма добросовѣстно, хотя намъ кажется, что при системѣ, принятой имъ, совершенно излишне тотъ планъ въ раздѣленіи матеріала, какой дается самимъ памятникомъ, между тѣмъ какъ, въ виду его малой извѣстности, было бы далеко небезынтересно изложить этотъ матеріалъ безыскусственно и поближе къ самому памятнику, тогда само собою выдѣлилось бы все то, чѣмъ богаты памятникъ. Недостаткомъ изложенія надо назвать отсутствіе часто цитатъ въ подлинникъ или переводъ, между тѣмъ какъ то и другое безусловно необходимо при изученіи столь мало извѣстнаго даже ученымъ памятника.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не приветствовать появленія у насъ изслѣдованія о памятникѣ, весьма важномъ для цѣлей историческаго сравнительнаго изученія славянскаго права.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„An inquiry into socialism“ by Thomas Kirkup.

An inquiry into socialism by Thomas Kirkup. 2 ed. 1888. Читатель не найдетъ въ книгѣ Киркюпа глубокихъ и теоретическихъ изысканій, но исторія и главные основы социализма изложены авторомъ въ живой, общедоступной формѣ и приведены въ связь съ нравственными, общественными и политическими развитіемъ нашего времени.

Социализмъ, по мнѣнію Киркюпа, представляетъ собою эконоmicкую и социальную сторону болѣе широкаго движенія, которое являетъся въ политикѣ демократіей, а въ этикѣ означаетъ терпимость, человѣчность и безкорыстное служеніе обществу. Съ начала исторіи, говоритъ авторъ, всегда должно было существовать социальный вопросъ и социализмъ могъ бы быть опредѣленъ какъ форма социального вопроса, измѣняемаго условіями XIX столѣтія. Но это объясненіе слишкомъ неопредѣленно, чтобы имѣть какую-нибудь цѣну. Въ сущности социализмъ въ настоящемъ смыслѣ слова прінялъ болѣе или менѣе опредѣленную форму въ теоріяхъ Роберта Оуэна въ Англіи и Сэнъ-Симона и Фурье во Франціи. Исторія ранняго социализма представляетъ съ перваго взгляда пошлую неудачу, причина которой очевидна. Ко многому, что было весьма цѣнно, первые теоретики прибѣгали не мало недѣльностей, утопій и крайностей. Но было бы, однако, большою ошибкой обвинять дѣятельность пионеровъ не непосредственнымъ и ослепительнымъ ея результатамъ. Въ произведеніяхъ Сэнъ-Симона, Фурье и Оуэна были разбросаны жемчужины свѣта и живыя идеи относительно основныхъ принциповъ общества. Самодеятельному оптимизму эпохи былъ нанесенъ сильный ударъ. Джемъ С. Милль рассказываетъ въ своей автобіографіи, какое вліяніе оказали на его мнѣніа расужденія французскихъ социалистовъ. Агитація Оуэна положила зачатки и дала толчекъ тѣмъ называемому кооперативному движенію, которое изъ малыхъ начинаній разрослось до крупныхъ размѣровъ. Въ періодъ, предшествовавшій 1848 году, Парижъ былъ центромъ социального броженія. Для школы Фурье это была эпоха кратковременнаго процвѣтанія. Въ періодъ, который слѣдовалъ за неудачными усиліями революціоннаго движенія, социализмъ считали погибшимъ даже самые близкіе и преданные его сторонники. На дѣлѣ случилось иначе, и для того, чтобы судить

о развитіи социализма, стоит лишь обратить вниманіе на его успѣхи въ Германіи. Какъ историческое движеніе, германскій социализмъ начался съ агитаціи Лассала въ 1863 г. Съ этого времени его судьба является быстрымъ и непрерывнымъ прогрессомъ. Когда Лассаль началъ свою пропаганду въ Берлинѣ, онъ едва могъ найти слушателей даже среди рабочаго класса. На первыхъ выборахъ въ столицѣ въ 1871 г. социаль-демократія считала всего 6,695 вотумовъ. На послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ въ 1887 г. социалисты получили въ одномъ Берлинѣ 93,000 голосовъ и въ Гамбургѣ 51,000. Въ періодъ съ 1878 г. этотъ успѣхъ былъ достигнутъ вопреки суровымъ репрессивнымъ законамъ и официальный отчетъ, представленный правительству въ 1885 г., признаетъ, что эти законы оказались безсильны остановить развитіе социализма. Во всѣхъ крупныхъ центрахъ, Берлинѣ, Гамбургѣ, промышленныхъ городахъ Саксоніи и на Рейнѣ социализмъ становится мало-по-малу господствующею партией. Въ послѣднемъ рейхстагѣ онъ считалъ 25 членовъ изъ 397, — значительный результатъ, если принять во вниманіе непродолжительность существованія партіи, сравнительную бѣдность членовъ и трудности организаціи при репрессивныхъ законахъ. На послѣднихъ выборахъ, весной 1887 г., социалисты избрали всего 11 членовъ, но во всей Германіи они получили 774,000 голосовъ или на 224,000 голосовъ больше, чѣмъ въ 1885 г. Наиболѣе крупное историческое событіе, связанное съ развитіемъ социализма, составляетъ парижская коммуна 1871 г. Задержанное на время кровавою расправой съ коммунарами и возстаніями въ Испаніи въ 1873 г., социалистическое движеніе снова поднимаетъ голову во всѣхъ почти странахъ Западной Европы. Оно сдѣлало большіе успѣхи во Франціи съ 1879 г. и непрерывно растетъ въ Австріи, Бельгіи, Испаніи и Италіи. Въ Голландіи, Скандинавіи и Греціи оно уже заявляетъ о себѣ, а въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Данія, главный социалистическій органъ расходится ежедневно въ 20,000 экземпляровъ. Нарисовать въ такихъ чертахъ внѣшнюю исторію социализма, Киркѣль отмѣчаетъ три фазы въ развитіи социалистическихъ идей. Первая фаза отмѣчена опытами основанія ассоціацій подъ влияніемъ шкѳла Оуэна и Фурье. Помимо фантастическихъ подробностей, особенно характеризующихъ планы Фурье, эти ассоціаціи имѣли цѣлью служить обществами, самостоятельно удовлетворяющими своимъ потребностямъ и основанными на кооперативномъ трудѣ. Многія изъ нихъ потерпѣли неудачу въ той формѣ, по крайней мѣрѣ, которую придали имъ еще основатели, но онѣ безспорно оказали важное влияніе на дальнѣйшее развитіе социализма. Наиболѣе характерныя черты второй фазы выступаютъ въ предложеніяхъ Луи Блана и Лассала. Теоріи Оуэна, С.-Симона и Фурье выросли при реакціи, слѣдовавшей за крайностями и конфликтами французской революціи. Во время Луи Блана демократическое развитіе приняло опять свой естественный ходъ и социалистическое движеніе присоединилось къ нему. Луи Бланъ и Лассаль стояли, во-первыхъ, за демократическое государство, основанное на всеобщемъ голосованіи; во-вторыхъ, за учрежденіе производительныхъ ассоціацій рабочихъ съ государственною помощію. Предложенія были демократическія и социалистическія, но не революціонныя. Въ третьей фазѣ революціонный принципъ въ полномъ ходу среди наиболѣе дѣятельныхъ и выдающихся социалистовъ, самымъ значительнымъ представителемъ которыхъ является Карлъ Марксъ.

Ознакомивъ читателя съ исторіей социализма, авторъ посвящаетъ двѣ главы братскому очерку развитія современной экономической систе-

мы и критикѣ ея основныхъ началъ. Крупными штрихами Киркѣпъ намѣчаетъ ступени, по которымъ экономическая исторія поднимается отъ среднихъ вѣковъ, съ господствомъ феодализма, цехами и государственнѣмъ вмѣшательствомъ, до эпохи *laissez faire* и юридически-свободнаго рабочаго. „При старомъ режимѣ,—говоритъ Киркѣпъ,—земледѣлецъ имѣлъ опредѣленное мѣсто въ социальной системѣ; у него былъ опредѣленный интересъ въ обработкѣ земли и онъ работалъ при совокупности условій совершенно точныхъ и выработанныхъ обычаемъ. Его свобода была во многихъ отношеніяхъ ограничена и урѣзана. Совершенно противно было бы исторіи смотрѣть на его судьбу какъ на пріятную и идиллическую; но, принимая во вниманіе условія времени, нужно признать, что она была обезпечена и въ извѣстной мѣрѣ отличалась благоденствіемъ. Вліяніе новой системы заключалось въ томъ, что личная свобода его расширилась, но эта эмансипація сопровождалась или повлекла за собой отдѣленіе его отъ земли“. Процессъ обезземленія составляетъ основу, на которой выросъ современный экономическій строй, характерныя черты котораго заключаются въ томъ, что рабочій, по выраженію Киркѣпа, разведенъ съ землею и орудіями производства. „Политически народныя массы образуютъ демократію, но экономически онѣ только пролетаріа, безземельный и даже бездомный классъ. Можемъ ли мы ожидать,—говоритъ авторъ,—чтобы народъ, который все болѣе и болѣе захватываетъ политическую силу, терпѣливо подчинился такому экономическому положенію? Единственная удовлетворительная форма организаціи—та, которая соединяетъ свободу съ обезпеченностью. Такова задача, которую предлагаетъ народамъ современнаго міра сфинксъ, всегда стоящій на перекресткахъ человѣческой судьбы. Отъ того, какъ они рѣшатъ ее, зависятъ ихъ счастье, быть можетъ, ихъ существованіе“.

Вторая половина книги посвящена изслѣдованію того рѣшенія, которое историческій ходъ развитія готовитъ социальной проблемѣ нашего времени. Въ трехъ послѣднихъ главахъ своей работы Киркѣпъ опредѣляетъ „что такое социализмъ“, излагаетъ и критикуетъ „ходячіе взгляды на социализмъ“ и, наконецъ, занимается вопросомъ о его будущности. Не вдаваясь въ подробное изложеніе взглядовъ автора на затронутые имъ вопросы, отмѣтимъ характерныя ихъ черты.

Прежде всего,—и это главное достоинство книги,—Киркѣпъ не пускается въ детальное описаніе будущаго строя. Изслѣдованіе социализма ограничивается у него критикой современныхъ условій и выясненіемъ того направленія, въ которомъ идетъ развитіе человѣчества. „Мы движемся и должны двигаться въ направленіи социализма,—говоритъ Киркѣпъ,—социализма, очищеннаго отъ всего произвольнаго, искусственнаго и нелѣпаго въ его историческомъ развитіи. Жизненный вопросъ заключается въ томъ, какъ далеко мы можемъ и должны идти?“ „...Современный социальный и экономическій порядокъ,—замѣчаетъ авторъ,—является лишь послѣднею стадіей въ длинномъ процессѣ развитія. Человѣческія учрежденія не стереотипы, а преходящія фазы въ процессѣ исторіи. Система конкуренціи едва ли можетъ претендовать на роль неизбѣжной или окончательной и полной теоріи экономической и социальной организаціи. Должно придти время, если оно не пришло еще, когда найдутъ, что она не въ силахъ содѣйствовать прогрессу человѣчества и поддерживать его. И вотъ основною идеей социализма служить то, что въ развитіи человѣчества наступилъ періодъ, требующій перехода къ высшей и болѣе широкой организаціи экономической, социальной и политической; къ обществу, которое воплотивало бы

болѣе благородный нравственный идеаль, къ свободной демократіи съ подходящею и соотвѣтствующею промышленною системою, къ общественной формѣ, которая лучше примѣнитъ механическія усовершенствованія, достигнутыя промышленною революціей на благо человѣку, къ болѣе широкому развитію свободы, частія и культуры. Явится такою формою промышленной организаціи, соотвѣтствующей высшей этической и политической стадіи человѣческаго прогресса, претендуетъ социализмъ“.

Смотря на социализмъ съ точки зрѣнія эволюціи, Киркѣпъ, какъ мы сказали уже, избѣгъ бесплодной траты во времени на изображеніе будущаго строя, и обратилъ особенное вниманіе на выясненіе тѣхъ сторонъ современной жизни, которыя выражаютъ стремленіе къ другой, болѣе совершенной общественной организаціи. Благодаря взгляду на социализмъ какъ на одну изъ сторонъ общаго развитія человечества, не только экономическаго, но и политическаго, Киркѣпъ избѣжалъ смѣшенія государственнаго социализма съ социалистическимъ идеаломъ; при этомъ онъ не впадалъ, однако, въ другую крайность и, придавая реформамъ кн. Бисмарка большое значеніе, видитъ въ нихъ уступку требованіямъ времени и неудержимому влеченію неизбежнаго хода развитія къ социализму.

Нужно замѣтить, однако, что Киркѣпъ не вполне выдерживаетъ основную точку зрѣнія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ (стр. 149 и 150) онъ дѣлаетъ попытку разъяснить, какъ въ социалистическомъ строѣ будутъ поступать съ родителями, которые станутъ производить больше дѣтей, чѣмъ они въ состояніи прокормить. Гораздо важнѣе этой неудачной попытки, которая, впрочемъ, занимаетъ всего нѣсколько строкъ, является то противорѣчіе, въ которое вступаетъ самъ съ собою Киркѣпъ по вопросу о связи между политическими формами и социализмомъ. Несмотря на убщую мысль, достаточно ясно выраженную въ приведенныхъ нами отрывкахъ и во многихъ мѣстахъ книги, Киркѣпъ говоритъ, что „хотя социализмъ естественно связывается съ передовою демократіей, нѣтъ безусловнаго основанія, почему бы контроль надъ движеніемъ въ настоящее время былъ непременно демократическій“ (стр. 102). Или на стр. 122: „Мы также не можемъ питать увѣренности въ томъ, что республиканская форма правленія составляетъ преимущество для рабочаго класса...“ (стр. 122). Эти мѣста недостаточно ясны. Нужно думать на основаніи общаго смысла книги, что Киркѣпъ имѣетъ въ виду временныя выгоды, ближайшія дѣли, — словомъ, задачи политической тактики. Между тѣмъ, благодаря неясности приведенныхъ выраженій, получается впечатлѣніе противорѣчія съ основными взглядами автора.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія“. С. Ф. Гайсберга. — „Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1886 г.“. В. К. Соинскаго. — „Равенство химическихъ превращеній“. А. В. Дамскаго.

Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. С. Ф. Гайсберга. Переводъ Н. С. Дрентельна, съ 104 рисунками въ текстѣ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. На нѣмецкомъ языкѣ эта книжка вышла вторымъ изданіемъ. Первое изданіе, вышедшее въ ноябрѣ 1885 года, разошлось въ полтора года; уже это показываетъ на существованіе запроса на подобнаго рода книги. У насъ, гдѣ, можно сказать,

съ каждымъ днемъ электрическое освѣщеніе все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ права гражданства, многими чувствовалась потребность въ такой книгѣ. „Установщикъ электрическаго освѣщенія, — говоритъ авторъ, — обыкновенно бываетъ снабженъ специальными инструкціями по отношенію къ устанавливаемымъ аппаратамъ, но онъ рѣдко имѣетъ общія указанія, относящіяся до самой установки“. Этотъ пробѣлъ и пополняетъ авторъ. Въ приложеніи помѣщены предписанія страховыхъ отъ огня обществъ по отношенію къ электро-освѣтельнымъ установкамъ. Переводъ вездѣ гладокъ.

Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1886 г. Составленъ В. К. Совинскимъ, подъ редакцію проф. Н. А. Бунге. Годъ пятнадцатый. Кіевъ, 1888 г. Ц. 2 р. Въ иностранной литературѣ почти по каждой отрасли естественныхъ наукъ выходятъ ежегодники (Jahresberichte), въ которыхъ отмѣчаются всѣ работы, появившіяся за годъ. Конечно, содержаніе работъ излагается очень кратко, но это составляетъ большое облегченіе при занятіяхъ, такъ какъ въ ежегодникахъ всегда помѣщены указанія, гдѣ напечатаны работы. У насъ, къ сожалѣнію, ничего подобнаго нѣтъ, и гораздо легче узнать, что сдѣлано за годъ по известной отрасли наукъ за границей, чѣмъ у насъ, и поэтому нельзя не быть благодарнымъ кіевскому обществу естествоиспытателей, которое уже пятнадцатый годъ издаетъ *Указатель русской литературы*. Настоящій XV томъ *Указателя литературы* составленъ по тому же плану, какъ и предыдущіе восемь томовъ (см. „Библ. отд.“ *Русской Мысли* 1887 г.). Отмѣтимъ здѣсь только то, что кіевское общество естествоиспытателей, озабочиваясь о полнотѣ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ *Указатель литературы*, проситъ авторовъ сочиненій по естественнымъ наукамъ присылать обществу или самыя сочиненія, или заявленія о нихъ.

Равенство химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. А. В. Дамскаго. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. „Предлагаемый повторительный курсъ, — по словамъ автора, — имѣетъ цѣлью служить пособіемъ при изученіи неорганической химіи“. При составленіи курса авторъ пользовался *Учебникомъ неорганической химіи* В. Рихтера, откуда онъ выписалъ уравненія почти всѣхъ реакцій, и затѣмъ при каждомъ изъ уравненій въ сжатой и сокращенной формѣ указалъ условія реакціи. Кромѣ этого, въ курсѣ приведены еще термохимическія данныя относительно главнѣйшихъ химическихъ соединений. По своему объему курсъ этотъ соответствуетъ господствующимъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ программамъ. Въ курсѣ имѣются два шрифта: мелкимъ шрифтомъ напечатаны тѣ свѣдѣнія, которыя для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній не обязательны. Пользованіе этою книжкой значительно облегчается алфавитнымъ спискомъ наиболѣе важныхъ химическихъ соединений, приложеннымъ въ концѣ книги. Таково содержаніе книги А. В. Дамскаго. Трудно указать пользу подобнаго рода повторительныхъ курсовъ: учебниковъ замѣнить они не могутъ, для повторенія же курса каждый учащійся можетъ составить себѣ краткій конспектъ пройденнаго, и самый актъ составленія такого конспекта принесетъ ему большую пользу, такъ какъ при этомъ учащемуся придется поработать, подумать надъ тѣмъ, какіе факты будутъ наиболѣе важны, какіе второстепенны. Существованіе же повторительныхъ курсовъ, подобныхъ курсу А. В. Дамскаго, избавляютъ учащихся отъ этого, и потому, по нашему мнѣнію, приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

ДѢТСКІЯ КНИГИ И УЧЕБНИКИ.

„Дневникъ школьника“. Эдмонда де-Амичисъ. — „Учебникъ всеобщей географіи“. Т. Будимова. — „Конспектированное изложенеіе географіи Россіи“. Д. Н. Дмитриева.

Дневникъ школьника. Эдмонда де-Амичисъ. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Ц. 2 р. Въ статьѣ *Столытняя дѣтская книга* (*Русская Мысль* 1888 г., кн. VII) было сказано, чѣмъ должна быть дѣтская хорошая книга, и указанъ недостатокъ дѣтской литературы нашей — держать читателей въ кругу исключительно дѣтскихъ интересовъ и шаблоннаго благопріятія. *Дневникъ школьника* принадлежитъ къ немногимъ книгамъ, не забывающимъ дѣтскій умъ въ тѣсные шаблоны. Книга написана художественно, тепло, авторомъ, знающимъ свое дѣло. Заглавіе говоритъ о содержаніи; но жизнь школьника не исчерпывается исключительно его отношеніями къ учителямъ, школьнымъ товарищамъ, роднымъ; въ книгѣ своей авторъ будитъ интересы пошире; онъ ведетъ своего героя и въ мастерскую ремесленника, и на народныя празднества объединенной Италіи; не впадая въ тонъ моралиста, живыми примѣрами онъ учитъ понимать самоотверженіе пожарнаго, воина, работника, матери, учителя. Правда, военному героизму отведено слишкомъ много мѣста, но это вызвано жизнью итальянскаго народа. Цѣною крови Италія объединилась въ одно цѣлое. Но авторъ выше всего ставитъ объединеніе братскою любовью. На праздникѣ школъ выбираютъ для участія въ процессіи одного изъ лучшихъ учениковъ каждой школы, и, притомъ, съ условіемъ, чтобы каждая школа выслала уроженца одной провинціи, и въ процессіи шли, братаясь, дѣти изъ разныхъ провинцій. Эта черта имѣетъ значеніе для итальянскихъ дѣтей: въ Италіи надо сглаживать племенную рознь. Она показываетъ, насколько авторъ чутокъ къ злобѣ дня и эта чуткость примѣръ для нашихъ дѣтскихъ писателей и писательницъ. Амичисъ учитъ не одному политическому объединенію дѣтей Италіи, но болѣе прочному единенію въ духѣ братства: въ его школѣ собраны дѣти всѣхъ сословій, они дружатся въ силу симпатіи; чванный товарищъ не любимъ и смѣшонъ. Сынъ отбывшаго свой срокъ каторжника не только не жертва отчужденія, но предметъ нѣжной и деликатной заботливости товарищей и родителей ихъ. Мальчакъ не знаетъ тайны отца и думаетъ, что тотъ ѣздилъ въ Америку искать счастья. Есть трогательный эпизодъ о томъ, какъ пьяница-рабочій отецъ пересталъ пить отъ радости, видя, какъ цѣнятъ въ школѣ его сына. Случай рѣдкій и нужно много таланта, чтобы передать его живо и естественно; при этомъ авторъ рисуетъ вечерніе классы для рабочихъ въ той же школѣ, гдѣ учатся дѣти ихъ. Дѣти приходятъ въ качествѣ зрителей въ эти классы. Школа идеальная, но по тону автора вѣрится, что онъ писалъ съ дѣйствительности. *Дневникъ* разнообразитъ рассказы и письма родителей къ школьнику, письма очень поучительныя и для русскихъ родителей, которые, вѣроятно, прочтутъ эту книжку съ большимъ удовольствіемъ даже помимо всякихъ педагогическихъ цѣлей. Письма эти заставляютъ ребенка заглянуть въ ту пору, когда онъ „вырастетъ и будетъ большой“, и ни въ одномъ нѣтъ духа карьеризма, каемъ пропитывается большинство родителей дѣтей чуть ли не съ пеленокъ. Для насъ, русскихъ, въ иныхъ мѣстахъ тонъ *Дневника школьника* покажется слишкомъ чувствительнымъ, чтобы не сказать сантиментальнымъ; но это окраска болѣе горячаго темперамента жите-

лей юга; приторности нѣтъ и подъ этимъ тономъ чувствуется искреннее, общечеловѣчное чувство.

О предисловіи было высказано такое мнѣніе, что оно написано болѣе для взрослыхъ, чѣмъ для дѣтей. И это невѣрно. Мы знаемъ дѣтей, читавшихъ предисловіе съ удовольствіемъ и пониманіемъ, и это не были какія-нибудь необыкновенныя дѣти, но просто дѣти, которыхъ родители не держали въ шаблонномъ кругу, въ какой забиваетъ дѣтскій умъ рутина, не понимающая, что дѣти способны потолковать и о чѣмъ-нибудь серьезномъ. В. Крестовскій, безъ всякихъ подходовъ къ „милымъ дѣтямъ“, по-товарищески толкуя съ ними, разъясняетъ имъ значеніе и пользу чтенія и предостерегаетъ отъ чтенія-гашиша.

Дневникъ школьника рѣдкое явленіе въ нашей дѣтской литературѣ и, навѣрное, будетъ, наравнѣ съ *Робинзономъ*, любимой дѣтскою книгой.

Учебникъ всеобщей географіи (Азія, Африка, Америка и Австралія). Составилъ Т. Будиновъ. Изданіе 2-ое. М., 1889 г. Цѣна 40 коп. Учебникъ г. Будинова вышелъ вторымъ изданіемъ съ нѣкоторыми измѣненіями; онъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи и допущенъ въ видѣ руководства ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ что книжка эта имѣетъ большіе шансы на успѣхъ и можетъ получить широкое распространеніе въ нашей средней школѣ. Литература учебниковъ по географіи у насъ довольно обширна, хотя приходится сознаться, что, несмотря на обиліе, мы не обладаемъ ни однимъ произведеніемъ, отвѣчающимъ на всѣ научныя и педагогическія требованія. Въ большинствѣ случаевъ, труды авторовъ русскихъ учебниковъ грѣшатъ, прежде всего, протявъ науки; они переполнены фактическими ошибками и критикѣ, въ виду подобныхъ промаховъ, рѣдко приходится указывать на погрѣшности иного рода, относящіяся къ области педагогической. Учебникъ г. Будинова указываетъ на желаніе автора избѣжать фактическихъ промаховъ. Составитель пересмотрѣлъ лучшія сочиненія, написанныя въ этой области нѣмецкими географами, онъ даже, повидимому, слѣдилъ за статистическими и географическими извѣстіями по спеціальнымъ журналамъ и старался не только соблюсти точность, но даже сообщить учащимся самый свѣжій матеріалъ, такъ что съ внѣшней, фактической стороны учебникъ г. Будинова является почти неуязвимымъ. Въ этомъ, по мнѣнію автора, и заключалось осуществленіе первой изъ намѣченныхъ имъ цѣлей, т.-е. онъ считаетъ совершенною имъ работу обновленіемъ учебнаго матеріала. Мы ставимъ для составителя новаго учебника географіи болѣе высокую задачу въ дѣлѣ обновленія матеріала. Не новинки, вродѣ замѣны одной вершины, считавшейся высочайшей въ данной мѣстности, другою или введеніе въ учебникъ только что образовавшагося колониальнаго владѣнія, но выборъ новаго матеріала, вытекающій изъ измѣнившихся научныхъ и педагогическихъ требованій, соотвѣтствующій не внѣшнимъ только признакамъ, а духу современной науки и педагогіи,—вотъ что должно руководить писателя, желающаго оттѣснить прежнія не вполнѣ удачныя попытки и оказать важную услугу нашей школѣ. Г. Будиновъ, какъ видно изъ предисловія, испытывалъ неудобства, чувствуемыя всѣми преподавателями, которымъ приходилось заставлять усвоивать обширный матеріалъ старыхъ учебниковъ; онъ одною изъ цѣлей своей работы ставитъ краткость учебника, но краткость у него опредѣляется количествомъ страницъ, а не количествомъ фактовъ, сообщаемыхъ на страницѣ. Его учебникъ представляетъ небольшую книжку въ 76 страницъ, но фактовъ въ немъ не мень-

ше, чѣмъ въ другихъ ходячихъ учебникахъ; особенно много въ произведеніи г. Будинова фактовъ изъ области номенклатуры. Краткость достигнута двумя путями: съ одной стороны, составитель избѣгаетъ лишнихъ, по его мнѣнію, словъ и придаетъ изложенью характеръ конспекта; съ другой стороны, онъ выбрасываетъ оживляющія описанія и характеристики природы страны и образа жизни ея обитателей; такимъ образомъ, его учебникъ превращается въ сухой перечень именъ и топографическихъ датъ, сгруппированныхъ самымъ вышнимъ, шаблоннымъ способомъ. При чтеніи любого отдѣла книжки бросается въ глаза безжизненность ея и неумѣнье автора выставить на первый планъ все существенное, характеристичное.

Особенное вниманіе авторъ обратилъ на „исправленіе искаженныхъ географическихъ названій и разстановку удареній для правильнаго произношенія этихъ названій“. Мы ничего не имѣемъ противъ вѣрности передачи вводимыхъ вновь географическихъ именъ и противъ постановки удареній въ сомнительныхъ случаяхъ, но г. Будиновъ придаетъ этой задачѣ первостепенное значеніе и осуществляетъ ее съ послѣдовательностью, доходящею до фанатизма. Онъ забываетъ, что многія названія приобрѣли у насъ право гражданства въ извѣстной формѣ, какъ, напр., Гвинея, а не Гинея, Малакка, а не Малака, или же съ извѣстнымъ удареніемъ какъ Деканъ, а не Дѣканъ, Тибетъ, а не Тѣбетъ, Мадагаскаръ, а не Мадагаскаръ.

Увлеченіе г. Будинова такъ велико, что онъ ставитъ удареніе на словахъ не иностранныхъ, а чисто-русскихъ, какъ, наприм., Средиземное море, острова Огненной Земли или же на словахъ, въ произношеніи которыхъ никто не затрудняется, какъ Кавказскія горы, Каспійское море, Уралъ, Камчатка и т. д.

Въ новомъ изданіи приложены карты, удобныя для черченія, такъ какъ онѣ выполнены по самому упрощенному способу, напоминающему карты извѣстнаго атласа, составленнаго, примѣнительно къ черченію, Кирхгофомъ и Дебесомъ, но, разумѣется, карты эти не могутъ замѣнить атласа и даже иногда могутъ помѣшать правильности географическихъ представленій; на нихъ многія обозначенія формъ поверхности не изображены, а отмѣчены только надписями, какъ, наприм., вмѣсто картографическаго нанесенія плоскогорія Мальва въ Индостанѣ, стоитъ надпись „Мальва“, причѣмъ совершенно напрасно пропущены замыкающія на югъ это плоскогоріе Виндійскія горы.

На основаніи высказанныхъ выше замѣчаній мы не можемъ признать трудъ г. Будинова, несмотря на потраченные имъ усилія, удовлетворяющимъ насущнымъ потребностямъ нашего школьнаго дѣла. Несмотря на обиліе учебниковъ, русская школа, попрежнему, нуждается въ хорошемъ учебникѣ географіи, и пробѣлъ этотъ остается еще непополненнымъ.

Конспектированное изложеніе географіи Россіи (по Лебедеву). Составилъ примѣнительно къ программѣ географіи Россіи для духовныхъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній преподаватель географіи Д. Н. Дмитриевъ. Кишиневъ, 1888 г. Цѣна 30 коп. Плохая книжка, составленная на основаніи довольно посредственнаго учебника Лебедева, примыкаетъ къ цѣлому легіону малограмотныхъ произведеній, посвященныхъ распространенію географическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ въ высшей и средней школѣ.

Г. Дмитриевъ, титулуящій себя преподавателемъ географіи безъ указанія учебнаго заведенія, въ которомъ онъ учитъ, не только мало свѣдущъ въ географіи, но даже не сумѣлъ проконспектировать учебникъ,

написанный другимъ авторомъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что конспектированное изложеніе географіи Россіи совсѣмъ не имѣетъ формы конспекта, а оказывается рядомъ выборокъ изъ учебника Лебедева. Языкъ книжки неправильный и мало литературный. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „деревья шелковичныя, гранатныя, фиговые, оливковыя, лавровыя, миндали и персики (?) составляютъ цѣлыя рощи“; „весь Кавказъ окруженъ нефтяною цѣпью“. Въ выборѣ фактовъ царитъ полная беспорядочность: рядомъ съ городами, не отмѣченными достопримѣчательностями, появляются внезапно города, снабженные таковыми, наприм., изъ двѣнадцати городовъ, упоминаемыхъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, только о Торнео сказано, что „сюда привѣзжаютъ смотрѣть полуночное солнце въ июнѣ“; помѣщая въ перечнѣ крѣпостей Бендеры, авторъ забылъ назвать Брестъ-Литовскъ; говоря о Петербургѣ, онъ сообщаетъ, что эта столица Россіи заключается въ себѣ 150 учебныхъ и ученыхъ заведеній; а Москву, вторую столицу, г. Дмитріевъ оставляетъ совсѣмъ безъ подобныхъ заведеній; въ числѣ народовъ, населяющихъ Россію, не упомянуты литовцы и эсты. Фактическихъ промаховъ и ошибокъ много: корелы живутъ въ Эстляндіи и Лифляндіи; осетины принадлежатъ къ монгольскому племени; бѣлоруссы населяютъ Виленскую губ.; моря Черное и Азовское омываютъ Россію на западѣ; Ковжа—лѣвый притокъ Волги; въ тайгѣ, обширныхъ дремучихъ лѣсахъ, жители, для защиты отъ насѣкомыхъ, выжигаютъ степи около своихъ жилищъ. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ остается только пожалѣть дѣтей, обучающихся у г. Дмитріева, по его учебнику, а что онъ введенъ въ нѣкоторыхъ кишиневскихъ учебныхъ заведеніяхъ, тому служить доказательствомъ появленіе 2-го изданія.

КАЛЕНДАРИ.

Адресъ-Календарь города Москвы на 1889 г. Изд. П. М. Мартынова.—„Царь-Колоколь“. Изд. Э. Э. Гиппиуса.—„Русскій календарь на 1889 г.“. Изд. А. С. Суворина.

Адресъ-Календарь города Москвы на 1889 г., съ планомъ города. Исправленъ и дополненъ П. М. Мартыновымъ. Годъ восемнадцатый. Москва, 1889 г. *Адресъ-Календарь* изданъ тщательно, отпечатанъ красивымъ и четкимъ шрифтомъ, очень полонъ и, повидимому, содержитъ въ себѣ вѣрныя указанія. Приложенный къ нему планъ города Москвы сдѣланъ небрежно и неудобочитаемъ. При теперешнихъ усовершенствованныхъ и дешевыхъ способахъ воспроизведенія чертежей можно пожелать лучшаго исполненія плана города и болѣе подходящаго ко всей внѣшности книги.

Царь-Колоколь. Иллюстрированный календарь-альманахъ на 1889 г. Изданіе Э. Э. Гиппиуса. Цѣна 45 коп. Превосходно издающийся календарь г. Гиппиуса смѣло можетъ соперничать съ небольшими заграничными рождественскими альманахами изяществомъ, въ особенности же полнотою и полезностью содержанія. Календарный отдѣлъ составленъ очень хорошо и иллюстрированъ молодымъ талантливымъ художникомъ А. Вишневымъ. Весьма тщательно и дѣльно составленъ въ календарѣ отдѣлъ, озаглавленный *Былое*. Это—бѣглый историческій взглядъ на наше прошлое во всѣхъ проявленіяхъ государственной, общественной жизни и мысли. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ пяти главъ: „четверть вѣка назадъ“ (1864 г.), „полвѣка назадъ“ (1839 г.), „семьдесятъ пять лѣтъ назадъ“ (1814 г.), „сто лѣтъ назадъ“ (1789 г.) и „двѣсти лѣтъ назадъ“ (1689 г.). Въ государственномъ отношеніи имѣ-

ють великую важность для Россіи и для всей Европы года 1814, 1789 и 1689. Въ 1814 г. русскія войска взяли Парижъ, покончилось владычество Наполеона I надъ Франціей и Европой. Въ 1789 г. былъ нанесенъ жестокой ударъ могуществу турокъ Суворовымъ при Рымниѣ. Въ 1689 г. правительница Софья вынуждена была удалиться въ монастырь и уступить власть юному царю Петру. Составитель отдѣла *Былое* отмѣчаетъ движеніе законодательства и общественной мысли въ литературѣ, на сценѣ, во всѣхъ отрасляхъ знанія и искусства, а также дни рожденія и иныхъ знаменательныхъ событій въ жизни выдающихся русскихъ людей. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ статья, посвященная Бородинской битвѣ, по случаю пятидесятилѣтія постановки памятника близъ Бородина. Далѣе идетъ статья объ уничтоженіи уни, послѣдовавшемъ въ 1839 г., потомъ статья объ Ан. Гр. Рубинштейнѣ, давшемъ свой первый концертъ 11 іюля 1839 г., восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Статья о графѣ Л. Н. Толстомъ не приурочена къ какому-либо событію въ жизни нашего знаменитаго писателя и не сообщаетъ о немъ ничего новаго. Очень полезною мы считаемъ статью *Гигіена младенческаго возраста*. Особенность календаря *Царь-Колоколъ* составляютъ приложенныя къ нему объявленія разныхъ торговыхъ фирмъ, художественно иллюстрированныя гг. Вишневымъ, Чечаговымъ и др. Что ни объявленіе, то изящная картинка, исполненная съ большимъ вкусомъ и смысломъ. Календарь печатанъ въ типо-литографіи И. Н. Купнера и блистательно доказываетъ, какіе громадныя успѣхи дѣлаетъ у насъ эта отрасль искусства.

Русскій календарь на 1889 г. А. Суворина. Спб. Попржнему, календарь А. С. Суворина изобилуетъ всякаго рода свѣдѣніями и представляетъ собою справочную книгу, необходимую чуть не на каждомъ шагѣ, и, попрежнему, въ этой книгѣ встрѣчаются устарѣвшія свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, въ ней значатся издающимися такіе журналы, которые давно прекратились, и прежніе адреса, давно измѣнившіеся. Къ этого рода указаніямъ *Русскаго календаря* надо относиться осторожно и провѣрять ихъ по *Адрес-Календарямъ*. Врачей въ Москвѣ показано, съ обозначеніемъ ихъ специальностей и адресовъ, всего сорокъ, и въ этомъ спискѣ не значится ни одной женщины, занимающейся врачебною практикой. Такъ же неполонъ списокъ частныхъ лечебницъ въ Москвѣ и совсѣмъ нигуда не годится указатель лечебныхъ мѣстъ (курортовъ) въ Россіи. Цѣна календаря на обертѣ не обозначена.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Вѣстникъ Европы“, январь.—„Русскій Вѣстникъ“, январь.—Дѣтскіе журналы.

Вѣстникъ Европы, январь. Къ числу оригинальныхъ особенностей произведеній Щедрина слѣдуетъ отнести и тѣ отступленія отъ общей нити разсказа или тѣ вспышки субъективнаго чувства, которыя характеризуютъ настроеніе самого автора въ моментъ творчества. Немало такихъ отступленій встрѣчается и на страницахъ *Пошехонской старинны*. Здѣсь они носятъ большею частью лирической характеръ. Воспроизводя въ живыхъ образахъ воспоминанія своего дѣтства, расказчикъ порою какъ бы не въ силахъ удержать наплывъ возбуждаемыхъ ими въ немъ разнообразныхъ чувствъ: это порывы негодованія и грусти, которые неудержимо прорываются наружу сквозь рамки историческаго повѣствованія. Присутствіе ихъ въ *Пошехонской стариннѣ* имѣетъ важное

Биографическое значеніе: эти порывы характеризуютъ мощную личность автора, который, несмотря на лежащій позади него длинный тяжелый путь русскаго писателя, сумѣлъ до сихъ поръ сохранять необычайную живость чувства и впечатлительность молодости. Кромѣ того, они же свидѣлствуютъ о реальности, объ истинности тѣхъ впечатлѣній, которыя нѣкогда пришлось пережить автору и которыми онъ нынѣ дѣлится съ читателями. Въ нѣкоторыхъ же другихъ изъ подобныхъ отступленій Щедрина прямо бесѣдуетъ съ читателемъ, обращаясь къ нему съ цѣлью разъясненія или дополненія тѣхъ или иныхъ изъ своихъ характеристикъ и бытовыхъ картинъ. Подобный пріемъ усугубляетъ простоту и задушевность тона, съ какими написана вся *Пошехонская старина*. Въ одномъ изъ такихъ прямыхъ обращеній къ читателю, имѣющемъ мѣсто въ обзорѣ-ваемомъ нами январьскомъ очеркѣ, Щедрина касается вопроса объ общемъ характерѣ и значеніи своей хроникѣ. Намъ не разъ уже приходилось говорить о томъ же вопросѣ и, между прочимъ, не далѣе, какъ въ прошломъ обзорѣннѣ, гдѣ мы коснулись его по поводу одной газетной рецензій, классифицировавшей *Пошехонскую старину* только какъ сатиру въ узкомъ значеніи этого термина, т.-е. какъ произведеніе, исполненное въ рѣзко сатирическомъ тонѣ съ предвзятою цѣлью опозорить во что бы то ни стало систему крѣпостныхъ порядковъ.

Всякое художественное произведеніе, всесторонне разоблачающее общественные пороки, всякая правдивая картина нравовъ, создавшихся подъ вліяніемъ извѣстныхъ отрицательныхъ условій жизни, могутъ быть названы сатирой, если принимать это слово въ глубокомъ и широкомъ значеніи. Но употребленіе этого термина въ специальномъ, узкомъ его смыслѣ предполагаетъ—не говоря уже объ особенностяхъ внѣшней формы—преувеличеніе, сатирической шаржъ, т.-е. отсутствіе полного, реалистическаго соответствія образовъ и положеній, выведенныхъ въ сатиру, съ образами и поступками обыденной дѣйствительности и даже невозможность существованія въ ней,—по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ,—такихъ лицъ и комбинацій, какія возможны въ сатирическомъ произведеніи. Оба эти рода сатиры, эпической и гиперболической, если и сходны по объекту творчества, то весьма различны по языку, замыслу и, главное, по проникающему ихъ настроенію самого автора. Правда, въ творествѣ Щедрина они тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, но для яснаго пониманія, для вѣрной оцѣнки того или другаго изъ его произведеній необходимо всегда имѣть въ виду это существенное различіе. Между тѣмъ, обычное смѣшиваніе въ одномъ терминѣ сатиры какъ реалистическихъ изобразженій отрицательныхъ сторонъ жизни во всемъ разнообразіи изъ вліянія, такъ и ѣдкаго осмѣянія ихъ въ гиперболической формѣ путемъ необыкновенной группировки фактовъ и густыхъ красокъ—ведетъ иногда къ неправильнымъ, одностороннимъ сужденіямъ. Поэтому квалификация *Пошехонской старины* только какъ сатиры, которая большинствомъ понимается обыкновенно въ ходячемъ смыслѣ преувеличенія, можетъ дать неполное и даже невѣрное представленіе объ этомъ произведеніи. Кромѣ того, хотя сатира Щедрина вообще всегда дышала глубокою правдой и жизненностью, но употребленіе этого термина въ узкомъ специальномъ смыслѣ даетъ поводъ противникамъ литературной дѣятельности „нашего сатирика“, какъ это уже не разъ прежде бывало, заподозрить правдивость его типовъ, умалять искренность его тона и подрывать историческую цѣнность его хроникѣ. Очевидно, имѣя въ виду возможность подобной предвзятости или же просто шаблонности въ сужденіяхъ о своемъ послѣднемъ про-

изведеніи, Щедринъ пишетъ: „Я считаю нелишнимъ прибавить, что все сказанное выше написано мною вполне искренно, безъ всякой предвзятой мысли во что бы то ни стало унижить или подорвать. На склонѣ дѣтъ охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ, и является непреодолимое желаніе высказать правду, одну только правду. Рѣшившись восстановить картину прошлаго, еще столь недалекаго, но уже съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утопающаго въ пучинѣ забвенія, я взялся за перо не съ тѣмъ, чтобы полемизировать, а съ тѣмъ, чтобы свидѣлствовать истину. Да и нѣтъ никакой дѣли подрывать то, что уже само, въ силу общаго историческаго закона, подорвано. Во всякомъ случаѣ, я позволю себѣ думать, что въ ряду прочихъ матеріаловъ, которыми воспользуются будущіе историки русской общественности, моя хроника не окажется лишнею“... Прибавимъ отъ себя, что сомнѣваться въ этомъ можетъ только или близорукость, или явное недоброжелательство.

Одна изъ послѣднихъ главъ *Пошехонской старины*, въ которой находимъ вышеприведенное объясненіе, посвящена общей характеристикѣ помѣщичьей среды. Въ виду современныхъ толковъ объ исторической миссиіи и культурномъ значеніи дворянскаго сословія, въ характеристикѣ этой, прежде всего, невольно обращаютъ на себя вниманіе двѣ отрицательныя черты. Одна изъ нихъ, имѣющая значеніе для дворянства, какъ землевладѣльческаго класса, указываетъ на полное, за малыми исключеніями, равнодушіе бывшихъ помѣщиковъ къ сельскому хозяйству, на отсутствіе у нихъ всякихъ стремленій къ улучшенію рутинныхъ приемовъ и разъ навсегда заведенныхъ порядковъ въ этой области. Отсюда, конечно, объясняется несостоятельность, которую выказало большинство помѣщичьяго класса въ борьбѣ за существованіе при измѣнившихся условіяхъ его хозяйственнаго быта. Рутинность и застой въ столь важномъ для помѣщиковъ дѣлѣ происходили, повидимому, опять-таки изъ крѣпостной системы, ибо „въ основѣ всѣхъ расчетовъ, — говоритъ Щедринъ, — лежало представленіе о безконечной растяжимости мужицкаго труда. Считалось выгоднымъ распахивать какъ можно больше земли подъ хлѣбъ, хотя, благодаря отсутствію удобрения, урожаи были скудные и давали не больше зерна на зерно. Все-таки, это зерно составляло излишекъ, который можно было продать“... Помѣщичья среда того времени погрязала въ грубомъ суевѣрїи и подспорьемъ сельско-хозяйственной косности, конечно, являлось отсутствіе образованія и знаній, но, можно думать, послѣднія скорѣй явились бы на сцену, если бы легкость удовлетворенія всѣхъ своихъ нуждъ крѣпостнымъ трудомъ не служила препятствіемъ къ развитію самостоятельности въ землевладѣльческомъ классѣ. Другая отрицательная черта дореформеннаго дворянства, явившаяся, впрочемъ, результатомъ иныхъ вліяній, — это малоразвитое чувство гражданственности и самое смутное представленіе объ идеѣ отечества, — черта, особенно поразительная въ служиломъ сословіи, которое по теорїи должно являться преимущественнымъ носителемъ этой идеи. Ярво вспыхнувшее во всемъ русскомъ народѣ въ эпоху отечественной войны патріотическое чувство, въ продолженіе длиннаго послѣдующаго періода, по свидѣтельству автора, значительно потускнѣла „за недостаткомъ питанія и жизненной разработки“. Доказательствомъ атрофіи патріотизма и сознательнаго отношенія къ родинѣ Щедринъ приводитъ не столько всѣмъ извѣстные частныя факты надувательствъ, грабежа казны, и проч., имѣвшими мѣсто во время себастопольской войны, сколько благодушное отношеніе къ этимъ безобразіямъ со стороны массы культурнаго класса и помѣщиковъ, которые, къ тому же, были

главными распорядителями въ устройствѣ ополченія. „Смѣхъ раздавался, смѣхъ! — восклицаетъ онъ, — и никому не приходило въ голову, что смѣются мертвецы“. Но на ряду съ этими отрицательными сторонами въ характеристикѣ помѣщичьей среды встрѣчаются и положительные, какъ, напримѣръ, стремленіе къ просвѣщенію, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для дѣтей. Большинство помѣщиковъ-отцовъ въ 40-хъ гг., хотя само принадлежало къ недорослямъ и отставнымъ прапорамъ, однако, изъ всѣхъ силъ старалось давать дѣтямъ лучшее образованіе, вѣнцомъ котораго считался университетъ. Что касается общаго уровня культуры, то онъ былъ чрезвычайно низокъ, а собственныя желанія и стремленія, особенно въ сферѣ духовныхъ интересовъ, были до крайности ограничены; всѣ помыслы сосредоточивались только на обиліи матеріальныхъ благъ, на спокойномъ и сытомъ житіи.

При господствѣ такого идеала и при полномъ отсутствіи общественныхъ интересовъ, излюбленными людьми сословія естественно должны были являться гостепріимные, хлѣбосольные помѣщики, матеріальныя средства которыхъ позволяли держать свой домъ открытымъ для всего уѣзда. Такими и являлись старинные предводители дворянства, одинъ изъ которыхъ, Струнниковъ, рисуется во весь ростъ въ послѣдней главѣ очерковъ. Не обладая ни умомъ, ни образованіемъ, ни даже свѣтскимъ лоскомъ, этотъ „излюбленный“ дворянинъ служилъ своему сословію въ качествѣ предводителя безсмѣнно въ теченіе девяти трехлѣтій, вплоть до уничтоженія старыхъ порядковъ. Великій гастрономъ и хлѣбосоль, онъ за это время проѣлъ и проугощалъ два большихъ состоянія и, наконецъ, совершенно запутался въ долгахъ и, главнымъ образомъ, въ сѣтяхъ тѣхъ ловкачей изъ богатыхъ крестьянъ, которые впоследствии подъ именемъ „чумазыхъ“ выступили на смѣну захирѣвшихъ дворянскихъ родовъ. Кормленіемъ уѣзда ограничивалось все служеніе Струнникова обществу и государству. Въ безпечальномъ житіи этого ограниченнаго, но весьма простодушнаго человѣка не было ни заботы, ни хлопотъ, ни вопросовъ высшей политики. Въ картинѣ его времяпровожденія встрѣчается не мало комическихкихъ эпизодовъ изъ области его административныхъ трудовъ. Блаженное, сытое забытѣ Струнникова было нарушено только громомъ севастопольскихъ пушекъ, но, разумѣется, онъ оказался вполне несостоятельнымъ для новыхъ гражданскихъ обязанностей и хлопотъ, нахлынувшихъ въ то время на „излюбленныхъ“ людей. Отяжелѣвшій въ своемъ снѣ и, кромѣ того, зависимый отъ многочисленныхъ кредиторовъ, предводитель хотя самъ и былъ честенъ, но долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на воровство и надуваніе казны. Еще болѣе несостоятельности выказалъ онъ передъ наступленіемъ реформъ, при осуществленіи въ жизни тѣхъ вопросовъ, надъ которыми Струнниковъ и ему подобныя никогда въ жизни не задумывались. Массу любопытныхъ подробностей встрѣчаемъ мы въ послѣдней главѣ *Пошегонской старины* о томъ знаменательномъ моментѣ нашей общественной исторіи, когда вѣсть о неизбежномъ паденіи крѣпостныхъ порядковъ достигла провинціальнаго захолустья и взбудоражила застывшую гладь крѣпостнаго болота. *Оно* (таковъ былъ тогда синонимъ эмансипаціи на помѣщичьемъ языкѣ) пришло, *оно* совершилось, и *объ этомъ* было уже напечатано въ газетахъ. Но Струнниковы не вѣрили даже факту. „И напечатано, а я не вѣрю! — восклицалъ потрясенный предводитель дворянства. — Коли напечатано, такъ всему и вѣритъ? Всегда были рабы, и всегда

будуть. Это шелкоперы французы выдумали: перметте-бонжуръ, да команъ ву порте ву—имъ это позволительно. Бѣгаютъ, купце, да лягушатины жрутъ. А у насъ государство основательное, настоящее. У насъ, братъ, за такія слова и въ кутузкѣ посидѣть недолго“.

Странную, необычайную картину представляли собою въ этотъ моментъ отношенія дворянъ къ власти: „Дождайся теперь отъ губернатора бумаги,—говорили они своему предводителю.—Ужъ не объ томъ будутъ спрашивать, зачѣмъ ты вольный духъ распускаешь, а объ томъ, отчего у тебя въ уѣздѣ его нѣтъ. Да изъ предводителей-то тебя за это—по шапкѣ“. И вотъ призванные, наконецъ, къ губернатору по поводу готовившейся крестьянской реформы, уѣздные предводители взымаютъ къ нему о помощи, чтобы губернаторъ „заступился“ за нихъ, „попросилъ за нихъ“ правительство. Весь уѣздъ поднимается изъ давно непокидаемыхъ гнѣздъ, чтобы присутствовать на томъ губернскомъ собраніи, на которомъ, по ихъ выраженію, будутъ „судить“ дворянъ. Между тѣмъ, адресъ о готовности дворянства исполнить предначертанія правительства былъ принятъ и подписанъ безъ преній и вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права порѣшенъ въ полчаса. „Ай да голубчики! въ одночасье продали!—раздался съ хоръ чей-то голосъ...—Рубашку снали! шкуру содрали!“—бормотали Струнниковы и только такимъ глухимъ ропотомъ и восклицаніями „въ сторону“ выражалась тогда оппозиція новымъ вѣяніямъ. Для людей, подобныхъ Струнникову, конечно, наступила быстрая ликвидація: рухнуло предводительство, а съ нимъ кредитъ, и наступило полное разореніе. Никому и ни на что негодный, всеѣмъ оставленный, этотъ въ теченіе десятковъ лѣтъ „излюбленный“ представитель сословія долженъ былъ удалиться съ пира жизни и постыдно бѣжать изъ мѣстъ своего прежняго величія и безпечнаго житія. Порвавшаяся цѣпь однимъ своимъ концомъ ударила, прежде всего, по этимъ промотавшимся хлѣбосоламъ, которые въ невинности души считали назначеніемъ своей жизни вкусно кормиться и радушно кормить гг. дворянъ. Въ этомъ мѣстѣ жизнеописанія Струнникова опять ярко выступаетъ то высоко-гуманное чувство автора, которымъ проникнута вся *Помехонская старина*. Не смѣхъ, не глумленіе надъ судьбою бывшаго предводителя, который, въ концѣ-концовъ, принужденъ былъ на старости лѣтъ зарабатывать себѣ хлѣбъ въ качествѣ кельнера заграничнаго ресторана, слышимъ мы у его биографа, а глубокое состраданіе къ этому брошенному своими же собратями человѣку, къ этой бессознательной жертвѣ тѣхъ дворянскихъ возрѣній на жизнь, что сложились на лонѣ стараго крѣпостнаго строя.

Познакомившись во всѣхъ подробностяхъ съ почвой, на которой процвѣтали и руководствовались Струнниковы, нельзя не поражаться тѣмъ умственнымъ убожествомъ и культурною отсталостью, въ какой находилась помѣщичья масса еще въ самый канунъ реформаціонной эпохи. Какъ же, стало быть, могущественна сила животворной, гуманной идеи, если она могла пробудить къ жизни такое мертвое тѣло, какимъ было, по свидѣтельству Щедрина, наше культурное общество 30—40 лѣтъ назадъ? Какъ удесятеряетъ такая идея силы немногихъ сознательныхъ носителей новаго міровозрѣнія, если при общей укоренившейся привычкѣ къ косности и при низкомъ уровнѣ просвѣщенія этой небольшой группѣ общественныхъ дѣятелей удастся сдвинуть съ мѣста застывшую жизнь и направить теченіе ея въ новое русло? Дѣло именно въ томъ, что разъ новый широкій принципъ смѣло принятъ во всемъ его объемѣ, разъ безповоротно призванъ къ жизни, онъ является тою живою силой,

которая объединяет дѣятельность отдѣльных личностей и группъ, даетъ имъ общую цѣль и смыслъ, приподнимаетъ личность и общество— и въ результатѣ является неожиданная мощь, неожиданно-быстрые успѣхи. Въ такіе идейные моменты жизнь вездѣ закипаетъ: инне приспособляются, инне борются, инне идутъ и ведутъ впередъ; являются энтузіасты, являются таланты, является масса скромныхъ, но убѣжденных работниковъ, и воображеніе людей вновь окрыляется гордыми мечтами... Но если начавшійся процессъ обновленія останавливается на полпути, не успѣвъ охватить всѣхъ сторонъ жизни и проникнуть во всѣ темные углы ея, разъ объединяющая людей идея, какъ отслужившая декорация, убирается прочь съ жизненныхъ подмостковъ,—картина быстро мѣняется. Лучшія силы продолжаютъ дѣйствовать, но въ разбродъ и ошупью, великая сила единенія въ общей работѣ исчезаетъ и много честныхъ усилій и труда пропадаетъ даромъ. Къ тому же, сильныхъ немного, а слабые устаютъ скоро, и тѣмъ быстрее, чѣмъ въ минуту пробудившагося совнанія ясиѣ вырисовывается передъ ними перспектива огромной работы, ожидающей ихъ на новомъ пути. Достигнувъ нѣкоторыхъ улучшеній, большинство начинаетъ смотрѣть на прежнія широкія дѣла какъ на несбыточные химеры. Начинается царство сдѣлокъ, „примиренія съ дѣйствительностью“, нарождается „трезвенность“ взглядовъ, „реальная политика“, возникаютъ цѣлыя партіи, проповѣдующія идти одною ногою впередъ, другою назадъ. Общій умственный уровень понижается, таланты мельчаютъ, не разрабатываясь на широкихъ дѣлахъ, и однотонное жужжанье жизни нарушается отъ времени до времени только побѣдными кликами торжествующей практичности.

Подобную картину въ послѣднія десятилѣтія представляетъ, между прочимъ, Германія. Изъ идеи нѣмецкаго объединенія, въ которую сливались нѣкогда идеалы „молодой Германіи“, вылилось прусско-германское государство съ его политикой хищничества и насилія, съ его самодовольнымъ шовинизмомъ, равнодушнымъ къ высшимъ общечеловѣческимъ задачамъ. вмѣсто мечтаній старыхъ патриотовъ о союзѣ добродѣтели и братствѣ народовъ, осуществился союзъ вооруженныхъ съ головы до ногъ націй, взирающихъ, однако, другъ на друга съ недоувѣрjemъ и завистью. Мѣсто прежней гегемоніи нѣмцевъ въ поэзіи, философіи и искусствѣ заняла гегемонія прусскаго милитаризма, разоряющая какъ собственную родину, такъ и сосѣднія европейскія страны; а передъ нѣмецкою фантазіей, которая носилась прежде съ призраками гуманнаго маркиза Позы и просвѣтленнаго чувствомъ стараго Фауста, сталъ нынѣ ежeminутно носиться кровавый призракъ европейской войны. И со всѣмъ этимъ большинство нѣмецкой интеллигенціи примирилось, удовольствовавшись успѣхами внѣшняго могущества своего отечества. Но такое преклоненіе передъ успѣхомъ и властью физической силы не прошло безнаказанно для умственной жизни Германіи, для ея литературы и искусства, представляющихъ нынѣ картину измелчания и безцвѣтности. Примѣромъ такого измелчания можетъ отчасти служить писатель, пользовавшійся нѣкогда и у насъ большою популярностью, — Фридрихъ Шпильгагенъ, послѣдній романъ котораго находимъ въ обзорѣваемой книгѣ *Выстника Европы*. Выступивъ до франко-прусской войны съ цѣлымъ рядомъ романовъ общественно-политическаго характера, Шпильгагенъ явился живымъ и увлекательнымъ новеллистомъ, ибо въ то время на творчествѣ его лежала еще печать того сильнаго общественнаго и идейнаго возбужденія, которое

охватило всю Германію въ 40 и 50-хъ гг. Послѣ побѣды надъ французами одно изъ главныхъ стремленій этого демократическаго движенія—объединеніе Германіи—свершилось; и хотя оно явилось скорѣе насильственнымъ актомъ, родившимся при громѣ пушекъ и бряцаньи оружія, но самаго факта было достаточно, чтобы большинство нѣмецкаго народа успокоилось на лаврахъ, преклонилось передъ вождемъ движенія, вышедшимъ изъ прусскаго юнкерства, и примирилось со всѣми тяжелыми послѣдствіями такого объединенія. Успокоеніе это отразилось и на талантѣ Шпильгагена, который отдалъ дань свершившемуся событію, поплылъ по теченію прусско-германскаго оппортунизма и мирно занялся культивированіемъ безразличной или, лучше сказать, безсодержательной беллетристики. Но отсутствіе широкой цѣли и суженіе прежняго идеала не проходятъ даромъ даже болѣе крупному таланту, нежели талантѣ нѣмецкаго романиста. Отсюда и вышло, что Шпильгагенъ до объединенія Германіи и Шпильгагенъ послѣ нея—это какъ бы два разные писателя: насколько первый блестящъ и талантливъ, настолько второй безцвѣтенъ и тяжелъ. Кто не зачитывался, наприм., первую серіей его романовъ: *Западные натуры*, *Изъ мрака къ свѣту*, *Одинъ въ полѣ не воинъ*, т.-е. тѣми произведеніями, героемъ которыхъ являлся нѣмецкій идеализмъ въ поэзій, философіи и политикѣ, оказавшій столь большія услуги человѣческому прогрессу? Даже у насъ нѣкоторые изъ этихъ романовъ выходили въ переводѣ отдѣльными книгами и выдержали нѣсколько изданій. И кто же помнить его послѣдующіе неуклюжіе и шаблонные нѣмецкіе романы, вродѣ *Минеральнаго источника*, *О чемъ тѣла ласточка* и т. п., въ которыхъ нѣтъ ни тенденціи, ни эстетики?

Но успокоенію на ничтожныхъ крохахъ прежняго идеала наступать иногда конецъ, и мѣсто увлеченія столь дорого доставшимися національными лаврами, въ ущербъ духовному и соціальному прогрессу родины, заступаетъ разочарованіе въ дѣйствительности съ ея творческою бѣдностью и ретрограднымъ духомъ. Признаки такого разочарованія довольно ясно замѣчаются въ послѣднемъ романѣ Шпильгагена *Новый Фараонъ*. Насколько можно судить по двумъ частямъ его, напечатаннымъ въ январской книгѣ *Вѣстника Европы*, произведеніе это въ художественномъ отношеніи не представляетъ ничего выдающагося; но оно обращаетъ на себя вниманіе весьма интересными страницами, характеризующими, устами умѣреннаго нѣмца, какъ современная реакція отразилась на духовной физиономіи нѣмецкой интеллигенціи и какая глубокая пропасть существуетъ между нынѣшнимъ ея поколѣніемъ, проникнутымъ буржуазнымъ духомъ, и тѣмъ старымъ поколѣніемъ, что такъ высоко парило мыслью и чувствомъ 40 лѣтъ тому назадъ. Уже самое заглавіе романа объясняетъ основную мысль автора, которая построена на библейскомъ изреченіи: „и возсталъ въ Египтѣ новый Фараонъ, который не зналъ Іосифа“, т.-е. что новые люди объединенной Германіи совершенно игнорируютъ тотъ первоначальный чистый источникъ, изъ котораго вышла идея нѣмецкаго единенія и обновленія, и что въ духовномъ отношеніи они не имѣютъ ничего общаго со своими отцами и дѣдами. Представителемъ послѣднихъ въ романѣ Шпильгагена является „старый боецъ сорокъ восьмага года“, принадлежавшій нѣкогда къ аристократической средѣ, но бросившій свое званіе и положеніе, чтобы ринуться въ общественную борьбу. Послѣ неудавшагося баденскаго возстанія онъ бѣжалъ въ Америку, боролся тамъ за освобожденіе негровъ, а затѣмъ, всѣми забытый, терпѣлъ

лишенія въ скромной долѣ учителя. Случайно, вмѣстѣ съ однимъ американскимъ семействомъ, онъ подъ чужимъ именемъ возвращается на родину, которую не видѣлъ уже тридцать лѣтъ. И вотъ теперь этому старому демократу, который всю свою жизнь пожертвовалъ своимъ убѣжденіямъ и надеждамъ, современное его отечество представляется ничѣмъ инымъ, какъ гробомъ этихъ надеждъ, и онъ съ горечью сознаетъ, что ему съ ними нѣтъ мѣста въ новой измѣнившейся Германіи, какъ и всѣмъ тѣмъ, кто не умѣетъ измѣниться и не хочетъ плыть по теченію. Вполнѣ признавая, что нѣмецкое бюргерство не оправдало возлагавшихся на него упованій и въ 48 году доказало свою неспособность обновить народъ и осуществить идею единства, а затѣмъ, ударившись послѣ войны въ погоню за наживой, засвидѣтельствовало передъ цѣлымъ свѣтомъ свое нравственное паденіе,—старый эмигрантъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ примириться съ отсутствіемъ въ немъ даже критическаго отношенія къ современнымъ нѣмецкимъ порядкамъ и съ тѣмъ фактомъ, что интеллигенція усердно кадитъ имъ фиміамъ. Между тѣмъ, если имѣть въ виду воспитаніе челоѣчества для его высшихъ цѣлей, эти порядки нужно признать реакціей и препятствіемъ. „Я не вѣрю въ цѣлебную силу такого осчастливленія народа, какъ въ Германіи,—говоритъ онъ,—я убѣжденъ, что реакція не въ силахъ сдержать свои обѣщанія, если даже они искренни; что эта національная политика, стремящаяся сдѣлать націю только могущественной и доставить ей господство надъ другими, есть ничто иное, какъ старое манчестерство, перенесенное изъ области торговли и обмѣна въ сферу великихъ отношеній между народами. Но послѣдствіемъ этого направленія, все болѣе распространяющагося, будетъ всемірный пожаръ, въ которомъ погибнетъ культура и всѣ успѣхи, достигнутые цивилизаціей, безъ которыхъ и самая жизнь не имѣетъ цѣны“. Въ устахъ „старога бойца сорокъ восьмага года“ подобныя пессимистическія сужденія вполнѣ понятны и могутъ показаться черезъ-чуръ мрачными. Но авторъ дополняетъ ихъ еще наблюденіями посторонняго лица, молодаго американскаго профессора, безпристрастно всматривающагося въ современное нѣмецкое общество, которое оставляетъ въ немъ весьма печальное впечатлѣніе. „Я разговаривалъ со многими господами постарше,—говоритъ американецъ своему другу-эмигранту,—и убѣдился, что они ничего, абсолютно ничего не слышали о вашемъ „Юсифѣ“. Особенно мнѣ памятенъ одинъ сѣдой генералъ: онъ былъ просто ужасенъ. Самое мягкое изъ его мнѣній было желаніе растрѣлать вашихъ демократовъ ad unum omnes. Какой-то штатскій, повидимому, важный сановникъ, объявилъ, что главная причина важнѣйшихъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ наше время, коренится во всеобщемъ распространеніи грамотности. Какая-то пожилая дама, тоже очень почтенная, битыхъ четверть часа рассказывала мнѣ о „внутренней миссіи“, къ которой я, какъ преданный Библии американецъ, долженъ чувствовать особенную симпатію. При этомъ, конечно, были настолько вѣжливы, что хвалили наши учрежденія, но только для Америки. Въ Германіи, въ Европѣ они невозможны. Всѣ эти вещи я слышалъ отъ пожилыхъ или старыхъ людей. Въ разговорахъ молодежи я тоже замѣтилъ, однако, сильный отпечатокъ этого духа. Меня поразило стараніе, съ которымъ вѣжливо, но ясно отклонялись мои попытки навести разговоръ на серьезную тему. Боюсь, что меня приняли за педанта, когда я говорилъ, и за дурака, когда я молчалъ, потому что я при всемъ желаніи не могъ принять участія въ шуткахъ и островахъ, которыя сыпались вокругъ

меня. Такъ, я принялъ за шутку слова одного юноши, утверждавшаго, что занятіе литературой—праздное времяпровожденіе, котораго не можетъ себѣ позволить старательный чиновникъ. Молодые сыновья хозяина, съ своими замѣчательными практическими способностями, трезвымъ умомъ и сознательнымъ отреченіемъ отъ идеальна - поэтическаго взгляда на жизнь, кажутся мнѣ истинными representative men значительной части современной нѣмецкой молодежи“.

Какъ много въ этой нѣмецкой картинѣ знакомыхъ намъ пейзажей и фигуръ! Можно только удивляться, до какой степени одноцвѣтными красками размазывается духъ времени свои декораціи, хотя послѣднія поставляютъ имъ на совершенно различныя сцены.

Скучно становится отъ этого однообразія видовъ,—столь же скучно, какъ читать въ статьѣ г. Пыпина *Россия и Европа* разсужденія тѣхъ же нѣмцевъ о вредѣ, какой нанесла Россіи Петровская реформа. Въ статьѣ г. Пыпина разбираются два нѣмецкихъ сочиненія о Россіи. Одно изъ нихъ, барона фонъ-дерь-Бриггена, носитъ публицистическій характеръ и является рѣзкимъ порицаніемъ Петра и его реформы, которая была, будто бы, дѣломъ только личнаго произвола и фантазіи, безъ всякой глубины мысли о дѣйствительныхъ потребностяхъ государства и средствахъ народа. Знакомство его съ русскою исторіей, которую нѣмецкій баронъ, впрочемъ, толкуетъ весьма своеобразно и произвольно, приводитъ его къ мнѣнію, что „въ Россіи цѣлое тысячелѣтіе господствовали чужіе люди и чужія вещи“, и потому можно сомнѣваться въ способности русскаго народа къ самостоятельной культурѣ. Въ числѣ вещей, необходимыхъ для блага Россіи, ей предлагается отказъ отъ невозможнаго единства громаднаго царства. Вообще г. Пыпинъ характеризуетъ сочиненіе Бриггена, какъ типичное, по тѣмъ стариннымъ недостаткамъ, которыми отличаются нѣмецкія сужденія о Россіи, именно полному непониманію фактовъ русской исторіи, грубымъ ошибкамъ и явному недоброжелательству и высокомерию по отношенію къ нашему отечеству. Тѣ же немногія вѣрныя положенія, которыя приводятся г. Пыпинымъ изъ книги Бриггена ради нашего ученія, какъ-то: о вредѣ всемогущества бюрократіи, о поверхностности нашего образованія и культурной отсталости,—давно стали у насъ уже общимъ мѣстомъ.

Гораздо безпристрастнѣе и научнѣе другое нѣмецкое сочиненіе о Россіи, съ которымъ знакомитъ г. Пыпинъ. Это книга дерптскаго профессора Брикнера, представляющая противовѣсъ обвиненіямъ Петровской реформы. Не вдаваясь въ произвольныя теоріи и голословныя утвержденія, г. Брикнеръ дѣлаетъ обзоръ цѣлаго ряда культурно - историческихъ явленій за время до Петра и послѣ Петра вплоть до новѣйшихъ временъ, и сличеніе ихъ само собою показываетъ наблюдателю продолжительный историческій процессъ культурнаго развитія, начало котораго восходитъ далеко въ Московскую Россію и гдѣ нововведенія Петра были только болѣе сильнымъ толчкомъ давно начатому дѣлу. По поводу спора о значеніи Петровской реформы г. Брикнеръ говоритъ: „Точно также, какъ не можетъ быть приписана какому-нибудь правительству или властителю или какой-либо партіи заслуга, или, если угодно, вина европеизированія Россіи,—не во власти отдѣльныхъ лицъ, или немногихъ, или многихъ, сдѣлать небывшими или повернуть назадъ результаты процесса, продолжавшагося цѣлые вѣка. Если полагали, что, напримѣръ, Петръ Великій несетъ на себѣ отвѣтственность за рѣшеніе судьбы Россіи вслѣдствіе сближенія ея съ Ев-

ропом, то подобный взглядъ основывается только на незнаніи фактовъ“. Для тѣхъ, кому истины, уже добытыя и установленныя у себя дома историческою наукой и общественной мыслью, кажутся очевидными лишь только тогда, когда ихъ выскажутъ уста иностранцевъ,—для тѣхъ, конечно, изслѣдованіе г. Брикнера, трактующее о невозможности для насъ возврата „назадъ“, должно имѣть особую цѣнность. Но въ общемъ сочиненіе это ограничивается обзоромъ лишь немногихъ стороѣвъ процесса и оставляетъ незатронутыми нѣмнѣнія въ экономической жизни, искусствѣ, наукѣ, литературѣ, религіи, школѣ, т.-е. самыя интересныя и существенныя стороны нашего общечеловѣческаго развитія.

Русскій Вѣстникъ, январь. Единственнымъ оазисомъ новогодней книги *Русскаго Вѣстника* является повѣсть *Не по хорошему милу — по милу хорошъ*, подъ которой стоитъ почтенное, всѣмъ извѣстное имя Д. В. Григоровича. Да и вообще имя это слишкомъ рѣзко выдѣляется на блѣдномъ фонѣ гг. Орловскихъ, Брестовскихъ, Стерновъ и иныхъ обычныхъ беллетристовъ этого журнала. Повѣсть Д. В. Григоровича состоитъ изъ ряда мелкихъ разсказовъ, связанныхъ одною внѣшнею нитью и общностью темы. Тема эта—любовь, о которой разговариваютъ нѣсколько старыхъ товарищей, собравшихся однажды у камелька и вспоминающихъ свою молодость.

Въ нашей литературѣ, съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ расширеніемъ рамокъ романа, писатели стали удѣлять этой старой и вѣчно новой пѣснѣ любви ограниченное, сравнительно съ прошлымъ, мѣсто. Они изображали ее на ряду съ другими сферами личной и общественной жизни, которыя стали привлекать къ себѣ ихъ пристальное вниманіе, такъ что талантливыя произведенія, трактующія исключительно о любви, стали появляться у насъ все рѣже и рѣже. Но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе нравственнаго и умственнаго утомленія отъ недавняго напряженія мысли и чувства, въ нѣкоторыхъ слояхъ общества стали раздаваться голоса, выходящіе о реабилитаціи старыхъ правъ любви въ искусствѣ, какъ первенствующей темы для художественныхъ произведеній. И вотъ явились нѣкоторые „молодые“ писатели, которые торжественно и тенденціозно стали водружать въ нашей беллетристикѣ знамя съ девизомъ „любовь и красота“; явились повѣсти и мелкіе разсказы, сюжетомъ которыхъ дѣлаются всевозможныя бурныя страсти. Но насколько мало было въ этомъ движеніи общей органической потребности, насколько отсутствовало въ глашатаяхъ его неподдѣльное искреннее увлеченіе, доказывается бесиліемъ этой школы создать самостоятельные стиль и содержаніе для своего новаго „любовнаго“ направленія. „Любовь и красота“ явились вновь на сцену, но уже въ одеждѣ французскаго натурализма, со всѣмъ арсеналомъ физиологическихъ деталей и разнузданнаго протоколизма. И вотъ мы видимъ, что, несмотря на сравнительное обиліе всевозможныхъ фотографій любви, фигурирующихъ въ беллетристикѣ послѣднихъ лѣтъ, пѣвцы жгучихъ страстей не дали ни одного крупнаго или оригинальнаго произведенія этого рода.

Теперь на страницахъ *Русскаго Вѣстника* встрѣчаемъ еще опытъ произведенія съ исключительно любовною темой, но онъ принадлежитъ перу „старога“ писателя. Посмотримъ же, какъ обрабатываетъ эту тему ветеранъ русской беллетристики. Повѣсть Д. В. Григоровича по внутреннему смыслу распадается на три части. Въ первой изъ нихъ характеризуется мгновенная страсть, которая внезапно охватываетъ людей послѣ первой же встрѣчи, и продолжаетъ жить и крѣпнуть, вовсе не обусловливаясь присутствіемъ какихъ-либо выдающихся нравственныхъ свойствъ или внѣш-

ней красоты у любимого человека. Иллюстрацией этого рода любви служить первый рассказ. Въ немъ описывается случайная встрѣча въ нѣмецкомъ городѣ одного изъ собесѣдниковъ съ простою работницей нѣмкой, въ которую онъ влюбился съ перваго взгляда, хотя она обладала лишь миловидностью и кроткими глазами. Но любовь его къ этой женщинѣ, стоявшей на краю гибели отъ роковыхъ условий среды, перешла въ такое сильное чувство, что онъ привезъ ее въ Россію и женился бы на ней, если бы ее не унесъ въ могилу тифъ. Существованіе подобныхъ же случаевъ внезапнаго и совершенно, повидимому, необъяснимаго увлеченія, носящаго даже на Западѣ специальное названіе „пистолетнаго выстрѣла“, „amore subito“ и т. п., подтверждается въ повѣсти Д. В. Григоровича цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ исторіи литературы и жизни, какъ, наприм., романтическими приключеніями Байрона, Бальзака и друг. Авторъ не вдается въ глубокой психологическій анализъ этого рода страсти, но самый подборъ фактовъ невольно наводитъ мысль на особенность этого явленія; оно должно представлять несомнѣнный интересъ для психолога, ибо эти порывы глубокаго увлеченія, внѣ всякой общности среды, воспитанія и вкусовъ, какъ примѣръ Байрона, рабски подчинившагося венеціанской булочницѣ, производятъ впечатлѣніе положительно психопатическихъ явленій.

Рассказы втораго рода описываютъ у г. Григоровича страсти, выросшія исключительно на почвѣ воображенія и потому непрочныя и быстро угасающія. Одинъ изъ этихъ рассказовъ, передаваемый устами инженера, носитъ даже нѣсколько водевильный характеръ. Это исторія заочной любви между одною провинціальною мечтательною дѣвой и редакторомъ петербургскаго журнала, которые жестоко разочаровываются другъ въ другъ при первомъ же свиданіи. Здѣсь встрѣчается юмористическая характеристика литературнаго вкуса романтическихъ барышень тридцатыхъ годовъ.

Наконецъ, послѣдняя часть повѣсти Д. В. Григоровича посвящена женской любви, основанной исключительно на состраданіи и возвышенномъ самоотверженіи. Выставляя женщину какъ преимущественную носительницу этого рода любви, авторъ приводитъ примѣры, что такое чувство проявляется въ ней независимо отъ самаго объекта любви, который бываетъ иногда ничтожною и порочною личностью, совершенно не достойною той идеальной женщины, которая посвящаетъ ему свою жизнь. Здѣсь рассказывается даже такой изъ ряду вонъ выходящій случай, что выдающаяся во многихъ отношеніяхъ дѣвушка изъ аристократической семьи безповоротно привязывается къ дрянному, жалкому человеку, котораго она, посѣщая бѣдныхъ, находитъ больнымъ въ труппномъ углу. Хохлова не держать за пьянство ни въ одной канцеляріи, а, между тѣмъ, дѣвушка нанячится съ нимъ, окружаетъ всевозможными удобствами, увозитъ больнаго за границу и до конца терпѣть всѣ капризы и выходки мелкой души. Съ другой стороны, давно брошенная Хохловымъ жена, тоже отличная женщина, всею душой привязывается къ ребенку, прижитому развратнымъ мужемъ съ ея покойною сестрой, нѣкогда имъ обольщенной и брошенной.

Такіе необычайные случаи проявленія сострадательной любви въ женщинѣ,—случай, тѣмъ не менѣе, рассказанные какъ факты дѣйствительной жизни,—приводятся авторомъ въ примѣръ того избытка сердечной любви и милосердія, которыя часто проявляются, безъ блеска и шума, въ жизни скромныхъ, невидныхъ людей.

Изъ этого бѣлаго обзора произведенія г. Григоровича можно усмо-

трѣть, насколько оригиналенъ замыселъ автора и какъ рѣзко отличается эта повѣсть о любви „старого“ писателя отъ современныхъ очерковъ натуралистическаго пошиба, трактующихъ о томъ же предметѣ. *Ne pò xорошу милъ—пò милу хорошъ*—это психологическій этюдъ о различныхъ стимулахъ сердечной привязанности, но именно привязанности человеческой, являющейся на почвѣ духовныхъ и альтруистическихъ стремлений. Какъ бы кто ни смотрѣлъ даже на загадочную страсть „амоге subito“, но и она, по объясненію автора, является результатомъ психическаго процесса, возникающаго въ людяхъ вслѣдствіе извѣстныхъ, заранее составленныхъ представлений объ идеалѣ мужчины или женщины, но никакъ не продуктомъ грубаго, полового влеченія. Мы далеки отъ утвержденія, чтобы повѣсть г. Григоровича представляла собою особенно выдающееся художественное произведеніе и что она лишена недостатковъ. Къ числу послѣднихъ относится устарѣлая форма повѣсти въ видѣ длиннѣйшихъ разговоровъ нѣсколькихъ лицъ, слишкомъ поверхностное для избранной темы описаніе фактовъ, наконецъ, какишнія длинноты, пространныя случиватыя разсужденія, замедляющія развитіе сюжета. Но недостатки эти выкупаются изящнымъ слогомъ и, главное, общимъ благоприятнымъ и чистымъ впечатлѣніемъ, которое оставляетъ повѣсть. Несмотря на то, что многіе факты, приведенные у автора, относятся къ разряду сравнительно рѣдко встрѣчающихся любовныхъ аффектовъ нѣсколько страннаго характера, они не производятъ на читателя непріятнаго, раздражающаго дѣйствія вымученныхъ продуктовъ односторонне развитаго воображенія. Поэтому, сравнивая впечатлѣніе отъ данной повѣсти съ впечатлѣніемъ, которое оставляетъ послѣ себя „любовная“ беллетристика нашихъ дней, получается какъ разъ обратное явленіе. Если „молодые“ писатели въ изображеніи перипетій сердечныхъ романовъ могутъ въ теченіе процесса чтенія увлечь на минуту вниманіе читателя тонкостью наблюдений и тщательною архитектурною отдѣлкой своихъ произведеній, за то въ общемъ результатъ отъ послѣднихъ получается скука, а зачастую эти произведенія оставляютъ даже положительно непріятное ощущеніе какъ бы отъ воспріятія чего-то болѣзненно-извращеннаго, патологическаго. Въ этомъ отношеніи между повѣстью „старого“ писателя и разсказами нашихъ доморощенныхъ натуралистовъ—громадная пропасть. Нѣтъ здѣсь и надобѣливаго натуралистическаго жаргона, а также безчисленнаго упоминанія о „гибкихъ, теплыхъ рукахъ“, „алыхъ свѣжихъ устахъ“ и „полныхъ женскихъ икрахъ“, которыми на каждомъ шагѣ уснащаютъ свои фотографіи новѣйшіе изобразители любовныхъ восторговъ. И что всего удивительнѣе, подобная манера выдается у насъ въ служеніе „любви и красотѣ“, т. е. тѣмъ высшимъ понятіямъ, которыя выработаны облагороженнымъ вкусомъ и обобщающею мыслью человѣка. Нѣтъ, если ужъ на то пошло, истинному служенію этому девизу нашимъ „молодымъ“ беллетристамъ слѣдуетъ поучиться у „старыхъ“ писателей вроде г. Григоровича, для котораго „любовь“ является „лучшимъ даромъ, высшимъ чувствомъ человѣка“ въ широкомъ смыслѣ. „Обращается ли это чувство къ отечеству, — говоритъ онъ, — къ общественной пользѣ, къ отдѣльной личности, оно далеко оставляетъ за собою все то, что обыкновенно служитъ двигателемъ въ нашей жизни“. Кроме того, широкий размахъ мысли, характеризующій большинство „старыхъ писателей“, никогда не позволялъ имъ замыкаться въ мелочахъ и рабски подчиняться избранному сюжету, хотя бы при изображеніи только одной сферы человеческихъ отношеній, какъ любовь. И г. Гри-

горовичъ не довольствуется точнымъ описаніемъ фактовъ, которые онъ наблюдалъ въ этой сферѣ, — онъ стремится освѣтить извѣстную дѣятельность человѣческаго сердца болѣе широкимъ свѣтомъ, обобщить и осмыслить собранные имъ факты. Поэтому и въ комической заочной любви старой дѣвы къ идеалу, воплощенному ею въ петербургскомъ редакторѣ, и въ милосердіи дѣвушки, посвятившей себя уходу за больнымъ человѣкомъ, и въ глубокой привязанности несчастной жены Хохлова къ чужому ребенку авторъ видитъ присутствіе искры того увлеченія, тѣхъ благородныхъ душевныхъ порывовъ, которые украшаютъ собою социальную жизнь людей.

Вообще, что касается увлеченія, энтузіазма, то это лучшее свойство человѣческой души и сознаніе его громаднаго значенія для міроваго прогресса вызываютъ у „старого“ писателя страстныя, полныя жизни и вѣры строки:

„Свойство увлеченія всегда показывается въ душѣ человѣка присутствіемъ чего-то живаго, присутствіемъ искры отъ священнаго огня, въ которомъ тайна міроваго воодушевленія! Безъ способности увлекаться, воспламеняться чувствомъ и мыслью, человѣкъ ничего больше, какъ сахаръ, тряпка, гнилушка!... Всѣ великія дѣла, къ какой бы сферѣ они ни принадлежали, всѣ замѣчательныя изобрѣтенія, все, что заставляетъ вѣрить въ успѣхъ человѣчества, одушевляетъ насъ, подвигаетъ нашъ духъ; все, чѣмъ можемъ мы гордиться; все, что видимъ мы вокругъ себя благороднаго, доблестнаго, высокаго; все, что когда-нибудь создавала, создаетъ и будетъ создавать творческая способность, наконецъ, самое это творчество, — все это продуктъ сильнаго душевнаго возбужденія, т. - е. увлеченія! Въ исторіи остались и знаменательны тѣ только факты, которые были результатомъ горячаго возбужденія и увлеченія. Блестящую сторону человѣческой исторіи создали только поэты и энтузіасты... Самодовольное благоразуміе и такъ называемая рассудительность никогда ничего не производили; они, какъ конторщики, вписываютъ только въ счетъ и подводятъ итоги и цифры... „Молодой человѣкъ, вы увлекаетесь...“, или: „Онъ прекрасный человѣкъ, — жаль, увлекается!“ Вотъ, что споконъ вѣку самодовольно повторяете рассудительность, забывая, что сама она вѣчно жила и будетъ жить на счетъ энтузіастовъ, подбирая рождаемыя ими мысли и согрѣвая руки у костра священнаго огня, который во вѣки вѣковъ поддерживался этими увлекающимися и восторженными“...

Въ настоящее время, когда довольно-таки много развелось самодовольнаго благоразумія и оппортунистской рассудительности, эти горячія слова „старого“ писателя производятъ животворное впечатлѣніе. Странно только встрѣчать ихъ на страницахъ журнала, который, кажется, съ „священнымъ огнемъ увлеченія и восторженности“ имѣетъ весьма мало общаго.

Дѣтскіе журналы.

Родникъ, иллюстрированный журналъ для дѣтей, 1888 г. — Игрушечка, журналъ для дѣтей младшаго возраста, 1888 г. — Дѣтское Чтеніе. 1888 г. Первый изъ этихъ трехъ журналовъ и въ нынѣшнемъ году издавался въ томъ же тонѣ и видѣ, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ. Не будучи вовсе лишены недостатковъ, онъ, тѣмъ не менѣе, можетъ считаться лучшимъ дѣтскимъ журналомъ настоящаго времени. Ни одна область человѣческаго знанія не забыта тутъ, — ни исторія, ни географія, ни естественныя науки и т. д. Ре-

дакия, повидимому, старается сдѣлать свое изданіе не только сборникомъ задатныхъ повѣстухъ, но и серьезнымъ журналомъ, откуда дѣти почерпали бы полезныя свѣдѣнія объ окружающемъ ихъ мірѣ. На это еще указываетъ и то, что научные очерки въ *Родникѣ* составлены не какими-нибудь безызвѣстными въ наукѣ и въ литературѣ лицами, а людьми весьма и весьма извѣстными въ своихъ специальностяхъ, — профессорами: Вагнеромъ, Богдановымъ, Кайгородовымъ. Кромѣ того, напомнимъ, что *Родникъ* въ особенности стремится быть не только сборникомъ, но и журналомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, давая очень часто статьи о современной жизни и, такимъ образомъ, не оставляя своихъ читателей въ невѣдѣніи относительно того, что творится въ настоящее время на бѣломъ свѣтѣ. Это, несомнѣнно, весьма полезно. Почему-то дѣтей обыкновенно отрѣшаютъ отъ обсуждения дѣйствительности и, когда рѣчь заходитъ о чемъ-нибудь серьезномъ, присутствующему при этомъ ребенку говорятъ: „выйди, милочка, на минутку; поди въ дѣтскую; а тебя потомъ позову“. Нѣтъ спора, бываютъ иногда у старшихъ такіе разговоры, при которыхъ дѣтамъ присутствовать не полагается. Но всѣ ли разговоры у старшихъ таковы и слѣдуетъ ли оставлять дѣтей въ невѣдѣніи относительно того, что хотя ихъ непосредственно и не касается, но знать что имъ во всякомъ случаѣ не бесполезно? Въ этомъ отношеніи *Родникъ* много дѣлаетъ для своихъ читателей: въ журналѣ имѣется цѣлый отдѣлъ подъ заглавіемъ *Изъ современной жизни*; тутъ помѣщенъ рядъ очерковъ о текущихъ ея явленіяхъ, начиная отъ такихъ, какъ крушеніе императорскаго поѣзда, смерть Вильгельма I и т. п., и кончая явленіями болѣе мелкими, но, тѣмъ не менѣе, представляющими собою несомнѣнный интересъ и назиданіе, наприм., *Смерть скряги*. Есть даже цѣлая книжка *Родника* (іюльская), посвященная отъ первой до послѣдней строки одному изъ выдающихся празднествъ текущаго года, а именно — чествованію девятисотлѣтія крещенія Руси. Нельзя не отнести съ особеннымъ сочувствіемъ къ такимъ стремленіямъ редакціи журнала и не усмотрѣть въ нихъ серьезнаго, честнаго отношенія къ отвѣтственной педагогической задачѣ. Но, относясь серьезно къ серьезному, редакція *Родника*, по нашему мнѣнію, нѣсколько утрируетъ въ томъ смыслѣ, что вовсе почти не даетъ своимъ читателямъ отдохнуть надъ чѣмъ-нибудь веселенькимъ, не даетъ имъ посмѣяться. Мы уже разъ объ этомъ высказали свое мнѣніе въ февральск. книгѣ *Рус. Мысли* за 1888 г. Кажется, это не требуетъ доказательства, а на самомъ дѣлѣ выходитъ, что педагогамъ объ этомъ приходится напоминать. Редакція *Родника* въ настоящемъ году даже относительно статей для легкаго чтенія поскупилась и дала ихъ сравнительно въ гораздо меньшемъ количествѣ и разнѣбрахъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Въ видѣ утѣшенія можно привести, впрочемъ, то, что нѣкоторыя изъ беллетристическихъ произведеній *Родника* являются выдающимися не только въ педагогическомъ, но и въ литературномъ отношеніи, наприм., сказка г. Засодимскаго *Азальемъ*. Но за то не поскупилась редакція по части стиховъ, и объ этомъ стоить поговорить подробно. Во-первыхъ, конечно, необходимо напомнить, что чтеніе и знаніе стихотвореній должны входить важнымъ элементомъ въ воспитаніе дѣтей вообще и въ дѣтское чтеніе въ частности: хорошими стихами развиваются въ ребенкѣ литературный вкусъ и эстетическое чувство. Исходя изъ такой точки зрѣнія и не желая портить въ дѣтяхъ литературнаго вкуса, редакція *Родника* воздерживалась въ послѣднее время отъ помѣщенія стихотвореній въ журналѣ и хорошо дѣлала: крити-

ка не разъ указывала ей на слабыя стороны этого отдѣла. Но въ нынѣшнемъ году, намѣреваясь восполнить этотъ пробѣлъ, она выпустила въ видѣ бесплатной преміи сборникъ стихотвореній, о которомъ мы при его выходѣ въ свѣтъ дали уже отзывъ. Сборникъ этотъ проредактированъ не совсѣмъ удовлетворительно: къ „лучшимъ“ поэтамъ, произведенія которыхъ редакция захотѣла собрать въ одну книжку, были причислены и вовсе не лучшіе, хотя и извѣстные авторы, тогда какъ нѣкоторые дѣйствительно-лучшіе не вошли своими стихотвореніями въ составъ сборника. Но это бы еще ничего: премія *Родника* вышла, все-таки, довольно сносною книжкой, потому что стихи, собранные въ ней, въ общемъ недурны. Худо не то, что была выпущена такая премія, а то, что редакция *Родника*, не ограничившись приложеніемъ къ журналу сборника произведеній извѣстныхъ поэтовъ, опять-таки прибѣгла къ содѣйствию своихъ собственныхъ, никому не нужныхъ и ни для кого не интересныхъ виршелетовъ,—и вотъ въ теченіе года въ журналѣ появлялись стихи, достойные только порицанія. Такъ, напримѣръ, прелестная сказка Франсуа Коппе *Чудный даръ* передана въ совершенно неотдѣланномъ переводѣ г-жи Барыковой, *Сказъ о Перунѣ* г. Авенариуса представляетъ вычурное, неумѣлое подражаніе произведеніямъ устной народной поэзіи; но что всего неприятнѣе и, прямо сказать, возмутительнѣе, такъ это появленіе въ серьезномъ журналѣ такого перла: *Музыканты*, сцена въ стихахъ, И. И. Калашникова, сюжетъ заимствованъ изъ басни Крылова, костюмы соответственныя. Это, если хотите, изъ тѣхъ произведеній, которыя должны возбуждать въ дѣтяхъ смѣхъ, за который, въ свою очередь, такъ горячо ратуемъ и мы. Но если братья за передѣлку басенъ Крылова въ пьесы и оперы для дѣтей, нужно имѣть хоть каплю уваженія къ тѣни знаменитаго дѣдушки, хоть сколько-нибудь таланта, чтобы изящное и умное передавать въ соответственномъ изящномъ видѣ и умномъ освѣщеніи. Увы! въ пьесѣ г. Калашникова ничего нѣтъ ни изящнаго, ни умнаго:

„Вотъ бродяги!... вотъ гвнтля!...“

„Проходимцы!... шалопаи!...“

Не правда ли, какъ это изящно?

Оселъ.

Какіе же съ тобой дебаты?
Ты знай: вы только бородачи!

Козель.

И вы, осли, насчетъ ума
Судьбой обижены весьма.

Оселъ.

Съ тобой мнѣ, братъ, и спорить глупо:
Ты созданъ только для тулуна!

Не правда ли, какъ это умно? И гдѣ это г. Калашниковъ видалъ козминныя тулуны? Вообще, у этого автора довольно своеобразныя представленія о вещахъ:

„Вотъ и я съ виолончелью!
Несъ ее за рукоять“ (?!).

По всей вѣроятности, г. Калашниковъ принимаетъ виолончель за топоръ. Да и пишеть-то онъ (да простятъ намъ неловкій каламбуръ) топорными стихами:

„Ты потыналъ меня разъ пассажой своей,
И я тогда еще тебѣ замѣтилъ,
Что жалъ, не слышалъ ты, какъ нѣтъ гораздъ намъ лѣтелъ,—
Такъ дай и намъ совѣтъ, дружище соловей!“

Какъ хорошо звучитъ въ чтеніи это „разъ тесной“, а третью строку выписки не прочитаешь единымъ духомъ. Хороши у новаго драматурга и ремарки. Напримѣръ: „Соловей унархиваетъ (!); остальные сныва начинаютъ страшную какофонію“. Было бы, лучше, если бы г. Каланшиковъ вовсе не начиналъ своей какофоніи.

Если *Родникъ* можно назвать лучшимъ журналомъ для дѣтей школьнаго возраста, то для маленькыхъ ребятъ дошкольнаго возраста назовемъ одну только *Ирушечку*, хотя по многимъ, такъ сказать, смягчающимъ вину обстоятельствамъ *Ирушечка* далеко еще не такъ хороша, какъ *Родникъ*. Эти обстоятельства, по которымъ возможно отнестись къ *Ирушечкѣ* съ нѣкоторою снисходительностью, слѣдующія: во-первыхъ, *Ирушечка* перешла подъ новую редакцію (г-жи Тюфяевой-Толивѣровой) только еще съ небольшимъ годъ тому назадъ, и ей, слѣдовательно, оплошности и разныя несовершенства простительнѣе, чѣмъ старому, установившемуся уже журналу; во-вторыхъ, *Ирушечка* стоитъ всего 3 рубля за годъ, и поэтому отъ нея нельзя требовать ни того изящества, ни того богатства рисунковъ, какіе обязательны для болѣе дорогаго журнала; въ-третьихъ, наконецъ (и что всего важнѣе), *Ирушечка* издается для дѣтей младшаго возраста, а такой журналъ редактировать гораздо труднѣе, чѣмъ вести изданіе для дѣтей средняго и старшаго возраста, потому что у насъ и писателей-то въ этой области литературы совсѣмъ нѣтъ, а если и есть, то все больше неудачные. Такимъ образомъ, редакція журнала приходится выбирать изъ массы матеріала то, что болѣе пригодно для чтенія съ маленькими дѣтьми. Къ удовольствію нашему, можемъ засвидѣтельствовать, что *Ирушечку* какъ въ отношеніи внутренней, редакціонной стороны изданія, такъ и въ отношеніи вѣшной, издательской части слѣдуетъ признать вполне приличнымъ журналомъ. Правда, есть и въ немъ не мало оплошностей, которыя мы, въ видахъ пользы дѣлу, и укажемъ новой редакціи. Нѣкоторые рассказы изъ помѣщенныхъ на страницахъ *Ирушечки* безосудительны и претенциозны, наприм.: *Онъ — большой* г. Несмѣлова. Задуманъ этотъ рассказъ очень хорошо; по намѣренію автора, онъ долженъ изобразить душевное состояніе ребенка, которому только что купили новую кроватку, побольше, безъ перилъ, и который подъ вліяніемъ таковой перемены въ жизни задумывается надъ тѣмъ, что теперь онъ уже большой и что ему необходимо стать серьезнѣе. Но для г. Несмѣлова такой сюжетъ слишкомъ тонокъ: авторъ не только не сумѣлъ справиться съ нимъ, но нагородилъ въ рассказѣ столько изумительныхъ вещей, что надо удивляться, какъ попалъ его произведеніе на страницы журнала. Есть въ *Ирушечкѣ* и такія повѣсти, которыя не подходятъ дѣтямъ младшаго возраста. Во всякомъ другомъ журналѣ, т.-е. для дѣтей постарше, рассказъ г. Засодимскаго *Блѣный дядушка* составилъ бы собою украшеніе; но для малютокъ онъ не годится, потому что написанъ въ слишкомъ мрачномъ тонѣ; также и историческій рассказъ г. Гаршина *Дети-крестоносцы* слишкомъ сложенъ для малютокъ, такъ что при всѣхъ своихъ достоинствахъ былъ бы уищѣнъ въ другомъ журналѣ. Не понравилась намъ въ *Ирушечкѣ* страсть редакціи перепечатывать, хотя и хорошия, но, тѣмъ не менѣе, уже извѣстныя произведенія Некрасова, Мая и др. Къ чему это? Развѣ журналъ—хрестоматія? Изъ журналовъ перепечатывать въ хрестоматію—это мы понимаемъ, но изъ хрестоматіи въ журналы—это какъ-то странно: подписчики журнала присылаютъ деньги въ обмѣнъ за новое чтеніе, а не за то, что они могутъ вычитать и, можетъ быть, уже зна-

ють въ любой христоматіи. Не желательно бы также встрѣчать въ журналѣ дѣтскія комедіи: совсѣмъ это не подходящее для дѣтей дѣло заниматься актерствомъ. Въ педагогической литературѣ не разъ уже было говорено о томъ, какъ вредно вліяютъ на самолюбіе дѣтей родительскіе апплодисменты, какъ помогаютъ дѣтскіе спектакли кокетству развиваться и укрѣпляться въ маленькихъ лицедѣяхъ, сколько зависти и другихъ заискивающихъ отъ нея душевныхъ ощущений переживаютъ тѣ актеры, чья судьба не улыбается удачей на сценическихъ подмосткахъ, — словомъ, много и горячо было говорено и писано не въ пользу дѣтскихъ театральнхъ представленій и дѣтской драматургіи. Никто не станетъ спорить съ нами о томъ, что драма есть самый трудный родъ поэтическаго творчества и что, слѣдовательно, предлагать дѣтямъ драму въ истинномъ смыслѣ этого понятія нецѣлесообразно: драмы, со всѣми ея тонкостями, характерами, перипетіями и т. д., дѣти и понять, и оцѣнить не могутъ; и такъ, въ видахъ доступности, имъ можно предлагать только пьесы легкаго, не сложнаго содержанія; но не значить ли это дискредитировать въ ихъ глазахъ истинное значеніе драмы? Не значить ли прививать къ нимъ водевильные вкусы? Если къ перечисленнымъ недостаткамъ этого журнала прибавимъ еще не вполне тщательную корректуру (наприм., „Открыта *почиска* на *Ирушеку*), то этимъ мы и можемъ покончить съ отрицательными замѣчаніями о немъ. Остается теперь выяснить, почему намъ нравится этотъ журналъ. Издается онъ изящно и выходитъ аккуратно, а это, — замѣтимъ встати, — составляетъ явленіе довольно рѣдкое, ибо до сихъ поръ, кромѣ *Родника*, еще ни одинъ дѣтскій журналъ не выходилъ аккуратно; рисунками *Ирушечка* не особенно богата, но и не бѣдна; печатается журналъ четкимъ шрифтомъ, удобнымъ для чтенія маленькихъ подписчиковъ. Такова внѣшность изданія. Что же касается его содержанія, то можемъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать, что редактируется журналъ тщательно и умѣло; большинство составляющихъ его статей разнообразны по содержанію и цѣлесообразны по своимъ задачамъ; кромѣ беллетристики, тутъ есть и научные очерки по части естественнаго, изложенные живо и удобопонятно; изъ многихъ стихотвореній можно отмѣтить нѣсколько очень хорошихъ пьесъ гг. Плещеева, Дрожжина и Чюминой. Мы думаемъ, что когда *Ирушечка* избавится отъ указанныхъ нами выше недостатковъ, она сдѣлается безуворизненнымъ журналомъ для дѣтей младшаго возраста.

Третій журналъ, заслуживающій вниманія, — *Дѣтское Чтеніе*. После продолжительнаго перерыва онъ возобновился и выходитъ теперь аккуратно, — даже болѣе, чѣмъ аккуратно: мѣсяцемъ раньше, май — въ апрѣлѣ, октябрь — въ сентябрѣ. По всей вѣроятности, новый его издатель старается возстановить пошатнувшуюся репутацію старѣйшаго изъ дѣтскихъ журналовъ. Жаль только, что мало старанія прикладывается, чтобы придать внѣшности изданія хоть сколько-нибудь привлекательности: бумага сѣровая, печать мелка, рисунки во многихъ случаяхъ безобразны до смѣшнаго. Впрочемъ, внѣшность — дѣло второстепенное. Спасибо хоть за то, что содержаніе журнала вполне соответствуетъ педагогическимъ цѣлямъ. Хорошо въ *Дѣтскомъ Чтеніи* то, что въ остальныхъ журналахъ всего слабѣе, а именно — стихотворенія: гг. Фруга, Лихачева, Дрожжина и другихъ. Повидному, новая редакція обращаетъ преимущественное вниманіе на изящное чтеніе, и отдѣлъ беллетристики является тутъ дѣйствительно богаче другихъ отдѣловъ въ немъ: помимо цѣлаго ряда небольшихъ и очень недурныхъ притомъ рассказовъ и сказокъ гг. Бахтіарова, Цебриковой,

Засоднижскаго, Сахаровой, помѣщено нѣсколько большихъ, весьма интересно составленныхъ повѣстей, преимущественно историческихъ: *Девятьсотъ лѣтъ назадъ* г. Смирнова, его же: *Набвы* и *Старый Будый*, *Марса Борейская* г-жи Прибытковой. Такого рода чтеніе, конечно, дѣтямъ нравится и полезно; но намъ думается, что не мѣшаетъ расширить отдѣлъ научныхъ статей, который пока еще не богатъ въ этомъ журналѣ. Какъ *Роднику* мы предлагали немного оживить содержаніе-журнала статьями для легкаго чтенія, такъ въ *Дѣтскомъ Читеніи* было бы, наоборотъ, желательно встрѣчать побольше научныхъ работъ. Впрочемъ, не забудемъ того, что журналъ этотъ еще недавно возродился и, быть можетъ, редація его не успѣла еще запастись матеріаломъ въ достаточномъ количествѣ и въ желательномъ разнообразіи.

Отвѣтъ на замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей“.

Obsequium amicos, veritas odium parit.

Въ № 20 *Московскихъ Вѣдомостей* г. Страховъ помѣстилъ свое возраженіе на мою рецензію его книги *T. Livii ab urbe condita liber I*, напечатанную въ журналѣ *Русская Мысль* (1888 г., кн. XII). Такъ какъ эта статья затрогиваетъ какъ мою честь, такъ и честь того журнала, гдѣ помѣщена моя рецензія, то я считаю своимъ долгомъ отвѣтить на нее.

Г. Страховъ обвиняетъ меня въ томъ, что я бѣгло прочелъ введе-ніе къ его книгѣ. Конечно, я не имѣлъ ни малѣйшей ни охоты, ни надобности учить его наизусть, какъ священный текстъ; но что я прочелъ его со вниманіемъ, видно уже изъ того, что въ рецензіи своей я указалъ на одну такую ошибку въ немъ, которая при поверхностномъ чтеніи осталась бы не замѣченной. Да и помимо этого, изъ чего г. Страховъ заключаетъ, что я прочелъ его введе-ніе бѣгло? Ужъ не изъ того ли, что я, быть можетъ, не замѣтилъ въ немъ какихъ-либо недостатковъ, которые онъ самъ сознаетъ за собою?

Далѣе, авторъ думаетъ, что при разсмотрѣніи его примѣчаній я „остановился на одной первой страницѣ или, говоря точнѣе, на пятнадцати строкахъ, а далѣе не пошелъ“, потому что для подтвержденія своего недоблагого отзыва объ его примѣчаніяхъ я беру только три примѣра— всѣ съ первой страницы. Что я просмотрѣлъ всю его книгу и на основаніи этого составилъ себѣ мнѣніе о ней, это я постараюсь доказать ниже, гдѣ я укажу на нѣсколько ошибокъ автора изъ разныхъ мѣстъ книги.

Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о неправильномъ толкованіи г. Страхова: *res*—нѣчто (*praefatio* § 1), онъ говоритъ: „Если бы рецензентъ взглянулъ въ латинскій текстъ и разобралъ бы повнимательнѣе Вейссенборна, то онъ понялъ бы изъ его словъ, что стоящее впереди *res populi Romani perscribere* только ближе поясняетъ сильнѣйшее *vulgatum esse rem*, и что второе *res* выражаетъ какъ разъ общее понятіе — нѣчто“. Признаюсь, этихъ словъ г. Страхова я не понимаю, какъ не поймутъ ихъ, думаю, и другіе: смыслъ ихъ, повидимому, составляетъ его тайну. А у Вейссенборна ясно говорится: „*hic rem*—*res populi Romani perscribere*“; если это вѣрно (а на авторитетъ его можно положиться), то очевидно, что *rem* не равняется „нѣчто“.

По поводу втораго моего возраженія, что примѣчаніе о замѣнѣ *quipre qui* поспрество *ut qui* неполно, такъ какъ не сказано, у какихъ писателей она бываетъ, г. Страховъ говоритъ, что это не сдѣлано имъ потому, что „объясненіе особенностей языка всѣхъ писателей въ школь-

номъ изданіи неумѣстно“. Конечно, объясненіе особенностей языка *адео* писателей не только въ школьномъ, но и ни въ какомъ изданіи одного автора неумѣстно, да этого и не требуютъ отъ г. Страхова; но онъ долженъ былъ указать здѣсь на то, что такая замѣна очень мало употребительна въ классической прозѣ Цицерона, какъ на это указываетъ Вейсенборнъ, да и самъ г. Страховъ въ другихъ мѣстахъ часто замѣчаетъ объ отличіи языка Ливія отъ Цицерона и другихъ (наприм., стр. 67, 75, 84, 88 и проч.).

Но особенно интересно возраженіе автора на третью мою замѣтку—объ аористическомъ употребленіи *inf. perf.* вмѣсто *praes.* „Надо полагать,—говоритъ онъ,—что оно совсѣмъ неизвѣстно рецензенту, иначе онъ не сталъ бы спрашивать, у какихъ писателей оно встрѣчается, такъ какъ такое употребленіе можетъ встрѣтиться у каждаго писателя“. Въ доказательство того, что такое употребленіе встрѣчается вовсе не у каждаго писателя, привожу авторитетное свидѣтельство Дрэгера (*Hist. Synt.*, § 128), что у Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Тацита нѣтъ ни одного мѣста съ такимъ *infinitivus*. Слѣдовательно, упрекъ въ незнаніи, брошенный мнѣ авторомъ, долженъ пасть на его собственную голову.

Далѣе, въ своей рецензій я указалъ на то, что „большинство примѣчаній г. Страхова представляетъ просто переводъ отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ выраженій, остальные касаются грамматической или реальной стороны текста“. На это авторъ возражаетъ: „Какъ разъ наоборотъ. Существенная часть—это грамматическій и реальный комментарий: всякій, кто перелистаетъ хоть нѣсколько страницъ, замѣтитъ, что переводъ отдѣльныхъ словъ и выраженій напечатанъ въ разставку и на страницу приходится не болѣе 1—5 строкъ такого перевода, а на каждой страницѣ помѣщается 46 строкъ текста“. Это, можетъ быть, и правда, но авторъ забылъ, что примѣчанія считаются не по строкамъ, а по числу ихъ самихъ, и что поэтому въ моей рецензій сказано „большинство примѣчаній“, а не „большинство строкъ въ примѣчаніяхъ“. Что же касается числа ихъ, то на стр. 59, наприм., находится 16 примѣчаній, служащихъ въ облегченію перевода, 6 грамматическихъ и ни одного реального, на 60 стр.—32, 7 и 2, на 61 стр.—17, 9 и 8, на 62 стр.—24, 8 и 6 и т. д.

Къ сожалѣнію, размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ мнѣ войти въ подробный разборъ книги г. Страхова, и потому я долженъ ограничиться лишь указаніемъ нѣсколькихъ ошибокъ изъ разныхъ мѣстъ ея въ доказательство того, что мой отзывъ о ней безпристрастенъ. Я не буду говорить о томъ, что нѣкоторыя примѣчанія выражены неточно (наприм., „если подлежащее выражено посредствомъ *ablat. absolut.* съ причастіемъ прош. вр.“ и проч., стр. 91), или покажутся странными для учениковъ (наприм., „*supinum* на *um* у Ливія нѣрѣдко имѣетъ при себѣ дополнение“, стр. 72, что имъ извѣстно и изъ грамматики; цѣль этого примѣчанія становится ясной, если посмотрѣть его въ полной формѣ у Вейсенборна); что иногда пропущены нужныя примѣчанія (наприм., о род. мн. *passum*, гл. 23, 3),—но я укажу на прямыя ошибки.

Такъ, въ примѣч. къ *praefatio* § 11 говорится: „*adeo*—вводитъ болѣе точное основаніе предъидущаго—ибо“! Ошибка понятна: у Вейсенборна сказано: *adeo „denn“ so sehr.*

Гл. 1, 1: „*auctores fuerunt*—*indicat.* (?) съ точки зрѣнія Ливія; ожидается скорѣе *plusqperfct.*“.

Гл. 7, 6: „*osserit*—арханческое слово, съ *infinit.*, какъ у поэтовъ“. Ни у какихъ поэтовъ, за исключеніемъ Плавта и Теренція, которыхъ не

могъ г. Страховъ разумѣть подъ словомъ „поэты“, *occipere* съ *infin.* не встрѣчается. Подобная ошибка допущена имъ и въ примѣч. къ гл. 40, 5: „сочиненіе этого глагола (*consuesco*) съ дат. и творит. пад. можно встрѣтить только у поэтовъ и позднѣйшихъ прозаиковъ“: опять-таки, ни у одного поэта такой конструкціи нѣтъ. Наоборотъ, примѣч. къ гл. 54, 6: „*paravegum*—множ. число употребляется только у поэтовъ“, невѣрно въ томъ отношеніи, что множ. число отъ этого слова есть и у прозаиковъ, именно у Плинія (см. *Georges*—словарь s. v.).

Но вотъ еще двѣ интересныя ошибки, изъ которыхъ ясно видно, какъ невнимательно относился г. Страховъ къ своей работѣ и какъ мало обращалъ вниманія на латинскій текстъ.

Въ 12 гл. Ливій рассказываетъ, что сабины, сдѣлавъ вторженіе въ Римскую область, заняли Капитолій и сошли оттуда въ равнину для битвы только тогда, когда римляне *in adversum subiere*—стали подниматься на стоявшую передъ ними гору, т.-е. на Капитолій. Это выраженіе г. Страховъ переводитъ: „поднялись (взобрались) на противулежащую гору“. Слѣдовательно, онъ представляетъ себѣ дѣло, повидимому, такъ: сабины были на Капитоліи; римляне влѣзли на противулежащую гору (т.-е., вѣроятно, на Палатинъ), и тогда сабины сошли въ равнину и стали съ ними тамъ сражаться. Такую же смѣшную ошибку дѣлаетъ онъ и въ гл. 27, 6, перевода и здѣсь глаголь *subire* словами „подниматься на гору“: *ad montes succedit; inde ubi satis subisse sese ratus est, erigit totam aciem*.

Вотъ еще замѣчательная ошибка. Въ гл. 25, 2 рукописи и нѣкоторыя изданія имѣютъ чтеніе *animo incenduntur*. Находя такое чтеніе неправильнымъ, одни ученые поправили это въ *animos intenduntur*, другіе—въ *animos intendunt*. Первое чтеніе находится въ стереотипномъ изданіи Вейссенборна, второе—въ изданіи Фрея, третье—въ комментированномъ изданіи Вейссенборна-Мюллера. Что же сдѣлалъ г. Страховъ? Въ текстѣ у него стоитъ первое чтеніе, а примѣчаніе онъ дѣлаетъ къ третьему—*animos intendunt*, прибавляя изъ изд. Фрея: „обыкновенно говорится *animus intendere*“; у Фрея, читающаго *animos intenduntur*, это вполне уместно, а у г. Страхова лишено всякаго смысла.

Но, помимо всѣхъ этихъ ошибокъ, множество примѣчаній его носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то недосказаннаго, какой-то торопливости, что особенно бросается въ глаза, если сравнить ихъ съ обстоятельнымъ комментариемъ Вейссенборна-Мюллера. А что г. Страховъ имѣетъ привычку работать не особенно внимательно, это я надѣюсь показать въ непродолжительномъ времени, также при разборѣ его греческаго синтаксиса.

Рецензентъ „Русской Мысли“.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Веллетристика: „Сочиненія“ <i>Гамба Успенскаго</i> . — „Стихотворенія“ <i>А. И. Полежаева</i> . — „Донъ-Жуанъ“ <i>Байрона</i> . — „Докторъ Сафоновъ“ <i>Н. Раменскаго</i> . — „Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо“ <i>Даниэля Де-Фо</i>	45
Философія: „Свое Слово“ <i>Изд. проф. А. А. Козлова</i>	51
Исторія: „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“ <i>Госифа Первомфа</i> . — „Западнорусскіе провинціальныя сеймики во 2-й половинѣ XVII в.“ <i>Н. В. Стороженьки</i> . — „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ“ <i>Д. И. Эвартыцкаго</i>	55
Юридическія книги: „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи“.—„Исслѣдованіе намятника польскаго общаго права XIII в.“ <i>М. Винавера</i>	57
Политическая экономія: „An inquiry into socialism“ <i>by Thomas Kirkup</i>	59
Естествознаніе: „Карманная книжка для установившихся электрическаго освѣщенія“ <i>С. Ф. Гайсберга</i> . — „Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1886 г.“ <i>В. К. Савинскаго</i> . — „Равенство химическихъ превращеній“ <i>А. В. Дамскаго</i>	62
Дѣтскія книги и учебники: „Дневникъ школьника“ <i>Эдмонда де-Амичиса</i> . — „Учебникъ всеобщей географіи“ <i>Т. Будимова</i> . — „Конспектированное изложеніе географіи Россіи“ <i>Д. Н. Дмитриева</i>	64
Календари: „Адресъ-Календарь города Москвы на 1889 г.“ <i>Изд. П. М. Мартынова</i> . — „Царь-Колоколъ“ <i>Изд. Э. Э. Гиппиуса</i> . — „Русскій календарь на 1889 г.“ <i>Изд. А. С. Суворина</i>	67

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, январь. — „Русскій Вѣстникъ“, январь. — Дѣтскіе журналы. 68

III. Отвѣтъ на замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей“.

Изданія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Товарищество предприняло рядъ иллюстрированныхъ изданій классическихъ произведеній.

Въ настоящее время вышли и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ Товарищества: Москва, Никольская, д. Чижовыхъ.

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОБИНСОНЪ КРУЗО,

Юркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Сочиненіе Даниэля Де Фо. Новый полный переводъ съ англійскаго Петра Мамчаловскаго, съ портретомъ автора и 100 рисунками въ текстѣ, отдѣльными для этого изданія въ Лондонѣ. М. 1889 года. Цѣна за 2 тома 4 р., съ пересылкою 4 р. 50 к., въ роскошномъ тисненномъ переплетѣ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к. Цѣна I тому отдѣльно 3 р., въ роскошномъ переплетѣ 3 р. 75 к., съ пересылкой 4 р. (I томъ, представляя самостоятельное цѣлое, послужившее темой для бесчисленныхъ искаженій и всевозможныхъ переделокъ, можетъ служить прекраснымъ чтеніемъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ). Цѣна II тому отдѣльно 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. (II томъ появляется въ 1-й разъ въ полномъ русскомъ переводѣ съ англійскаго оригинала и составляетъ разсказъ Робинсона о своемъ кругосвѣтномъ путешествіи).

ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ.

Новый полный переводъ *Юліи Дюпелъмайеръ*. Со многими рисунками въ текстѣ. Изданіе выходитъ выпусками. Въ настоящее время уже вышелъ I вып. Цѣна—35 к., съ перес. 45 к.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу:

ІОНАФАНЪ СВИФТЪ.

Иллюстрированныя сочиненія: I. Путешествіе Гулливера. Перев. съ англ. съ рисунками.

АЛЬБОМЪ КОПИЙ СЪ КАРТИНЪ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

Картины исполнены хромофотографическимъ способомъ, передающимъ оригиналы въ точности.

Это изданіе составитъ изысканнъ и роскошно исполненный альбомъ изъ шести картинокъ, размеромъ 8×8 1/2 вершковъ, съ полями, въ прекрасной иллюстрированной папѣ. Цѣна 5 р., съ пересылкой 5 р. 60 к. Въ альбомѣ войдутъ рисунки слѣдующихъ художниковъ: В. Е. Маковского, И. В. Нереева, Н. А. Трутовскаго, В. И. Сурикова, Ил. М. Примишинова и Н. Е. Рачкова.

Изданіе предназначается для всемирной парижской выставки 1889 г.

Желающие приобрести этотъ изящный альбомъ лучшихъ картинъ русской школы благоволятъ заблаговременно подписаться. Никакого предварительнаго взноса не требуется, а лишь заявленіе о высылкѣ съ наложеннымъ платежомъ.

Лица, приславшіе требованія до выхода въ свѣтъ альбома, пользуются бесплатной пересылкой.

Продаются другія изданія товарищества:

ТЕПЛОТА КАКЪ ОСОБЫЙ РОДЪ ДВИЖЕНІЯ.

Лекція, читанная въ королевскомъ институтѣ Дюномъ Гидалемъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей профессора физики А. П. Шимкова, съ 120 рис. въ текстѣ. М. 1888 г. Изданіе второе. Цѣна 3 р. 75 к., съ перес. 4 р.

ВОЛЬТЕРЪ.

Соч. Джона Морлея.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей профессора Кириичникова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Тамъ же продаются:

ВСТРѢЧИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Посмертныя записки). Виктора Гюго (Choses vues). Переводъ съ французск. Ю. В. Дюпелъмайеръ, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Красивый томъ въ 8°, 330 стр. М. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Эта книга представляетъ большой историко-литературный интересъ и является очень важнымъ матеріаломъ для правильной оцѣнки самаго Виктора Гюго.

Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Изданіе И. Н. Кушнерева, составляемое группою офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. Съ рисунками, картами и планами.

1-ый выпускъ—До-Монгольскій періодъ, II выпускъ—Періодъ Монгольскаго ига и начала Московскаго государства. Цѣна каждому выпуску 80 к., а для войскъ и военно-учебныхъ заведеній 50 к. За пересылку книги прилагаются двѣ семикопѣечныя марки, а при высылкѣ болѣе 10 экземпляровъ—пересылка за счетъ издателя.

Царь-Колоколъ. Иллюстрированный всеобщій Календарь на 1889 годъ. Роскошное изданіе, больш. формата. Годъ третій. Цѣна 45 коп., съ пересылкой 65 коп.

Отъ распорядительнаго комитета по устройству саратовской земской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 года.

Въ сентябрѣ 1889 года, на средства саратовскаго губернскаго земства, предложена къ открытію сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка, для произведеній не только саратовской, но и другихъ губерній. Главная задача выставки — выяснить современное положеніе сельскаго хозяйства и кустарной промышленности Саратовской губерніи. Съ этою цѣлью на выставку допускаются не только образцовыя произведенія и орудія, но и совершенно обыкновенныя, общія среди населенія, чтобы по нимъ можно было бы наглядно являть истинное положеніе и нужды мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности.

Вторая задача выставки состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить потребителей и торговцевъ съ лучшими произведеніями сельскаго хозяйства и промышленности саратовскаго края и дать возможность хозяевамъ и промышленникамъ усвоить болѣе усовершенствованныя приемы производствъ.

Какъ первая, такъ и вторая задачи легче всего достигаются путемъ сравненія саратовскихъ произведеній съ однородными произведеніями другихъ губерній, экспоненты которыхъ покажутъ, чего достигла Саратовская губернія въ своемъ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ развитіи, въ какихъ отношеніяхъ она можетъ служить образцомъ и чему сама должна учиться у своихъ сосѣдей.

Дальнѣйшее развитіе нашей сельской промышленности тѣсно связано съ успѣхами сельско-хозяйственной науки и естествознанія — и саратовская выставка отводитъ для нихъ видное мѣсто. Наконецъ, естественно ожидать, что на выставкѣ земства, положившаго не мало труда и средствъ на дѣло народнаго просвѣщенія и народнаго здравія, эти отдѣлы займутъ почетное мѣсто.

Въ виду указанныхъ цѣлей, предлагаемая саратовская земская выставка имѣть восемь отдѣловъ: I. Животноводство. II. Продукты скотоводства. III. Земледѣіе, садоводство, огородничество, бахчеводство, льсоводство и шелководство. IV. Земледѣльческія машины и орудія. V. Домоводство, сельско-хозяйственныя постройки и сельско-хозяйственная механика. VI. Промышленность: а) кустарная и б) фабрично-заводская. VII. Рыбный промыселъ и охота. VIII. Художественно-научный отдѣлъ: а) научная работа по вопросамъ сельскаго хозяйства и промышленности (сюда входятъ и естествознанія), б) антропология, археология, исторія и этнографія, в) народное образованіе, г) народное здравіе, д) прикладныя знанія, е) художественныя произведенія.

Распорядительный комитетъ дѣлать себя надеждой, что представители учрежденій и образованной части русскаго общества отнесутся съ сочувствіемъ къ мысли выяснить дѣйствительныя нужды и потребности населенія, посвятившаго свой трудъ сельскому хозяйству и кустарной промышленности, и опредѣлить общій уровень культурнаго развитія богатаго внешне-болыскаго края путемъ сравненія его съ культурой другихъ областей Имперіи. Комитетъ надеется, что губернская и уѣздная земства не откажутся принять живое участіе въ предлагаемой выставкѣ и дадутъ возможность русскому обществу наглядно оцѣнить тѣ результаты, которыхъ достигла двадцатилѣтняя дѣятельность русскихъ земствъ на поприщахъ экономическаго преуспѣянія, народнаго здравія и просвѣщенія.

Комитетъ увѣренъ, что люди науки и представители свободныхъ профессій поспѣшатъ ознакомить въ наглядной формѣ многочисленныхъ посѣтителей выставки съ важнѣйшими плодами наукознанія, содѣйствуя такимъ путемъ быстрѣйшему прогрессу науки и культуры, и утилизаціи знанія въ повседневной жизни населенія.

Учрежденія и лица, желающія принять участіе въ саратовской выставкѣ, благоволятъ адресовать свои заявленія въ Саратовъ, въ губернскую земскую управу, на имя предсѣдателя комитета, князя Льва Львовича Голицына, сообщая въ заявленіяхъ званіе, имя, отчество, фамилію и мѣстожительство экспонента и точное перечисленіе предметовъ, которые будутъ присланы на выставку, съ указаніемъ ихъ разнѣровъ.

Распорядительный комитетъ выставки состоитъ: изъ предсѣдателя комитета — губернскаго предводителя дворянства, князя Л. Л. Голицына, вице-предсѣдателя — предсѣдателя совѣта саратовскаго общества сельскаго хозяйства П. А. Кривскаго и предсѣдателя саратовской губернской земской управы М. С. Кропотова, секретера комитета — заведующаго статистическимъ отдѣленіемъ саратовской губернской земской управы О. А. Харизоменова, членовъ комитета: П. Н. Анчкова, Н. В. Веденякина, С. В. Княдкова, Н. П. Кокучева, В. Ф. Лятошинскаго, С. А. Марковскаго, В. А. Менде, С. А. Панчудзева, М. А. Попова, К. И. Соколова, А. А. Сокольскаго, В. Д. Юштова и В. М. Якушева.

Общество любителей российской словесности,

состоящее при Императорском Московском Университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1 января по 1 февраля сего 1889 года къ казначею Общества поступили собранія съ Высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по квитанціямъ отъ процентныхъ бумагъ 175 р. 67 $\frac{1}{2}$ к., 2) по подписному листу № 1141, изъ Москвы, черезъ управляющаго архивомъ министерства юстиціи—22 р. 25 к., 3) изъ Москвы, отъ В. И. Шенрока—10 р., 4) по подписному листу № 1158, изъ Великихъ-Луки; черезъ предсѣдателя окружнаго суда—17 руб., 5) изъ С.-Петербурга отъ гг. Я. Колубовскаго и В. Демича—6 р., 6) по подписному листу № 1164, изъ Нижняго-Новгорода, черезъ предсѣдателя окружнаго суда—13 руб. 86 коп., 7) по подписному листу № 1189, изъ Харькова, черезъ прокурора судебной палаты—2 р. 50 к., 8) по подписному листу № 1140, изъ С.-Петербурга, черезъ директора департамента министерства юстиціи—29 р., 9) изъ Твери, отъ г. С. Д. Квашинова - Самарина—10 р., 10) по подписному листу № 1127, изъ Калина, черезъ управляющаго акціонными сборами Калининской и Петровской губерній—65 руб. 80 к., 11) изъ С.-Петербурга, отъ г. А. Г. Дидимова—5 р., 12) изъ С.-Петербурга, отъ барона Индреніуса—5 р., 13) по подписному листу № 1070, изъ Каменецъ-Подольска, черезъ управляющаго казенною палатой—2 р., 14) по подписному листу № 1218, изъ Херсона, черезъ предсѣдателя окружнаго суда—6 р., 15) изъ Владикавказа, черезъ надзирателя 5-го округа акціонныхъ сборовъ Ставропольской губерніи, Терской и Кубанской областей—9 руб., 16) по подписному листу № 1155, изъ Череповца, черезъ прокурора окружнаго суда—5 р., 17) по подписному листу № 1302, изъ Смоленска, черезъ управляющаго контрольною палатой—7 р., 18) изъ Новороссійска, черезъ надзирателя 6-го округа акціонныхъ сборовъ Ставропольской губерніи, Терской и Кубанской областей—5 руб., 19) по подписному листу № 1162, изъ Калуги, черезъ предсѣдателя окружнаго суда—18 р., 20) по подписному листу № 1309, изъ Одессы, черезъ управляющаго контрольною палатой—18 р. 75 к., 21) по подписному листу № 1084, изъ Самары, черезъ управляющаго контрольною палатой—7 р. 25 к., 22) по подписному листу № 1310, изъ Чернигова, черезъ управляющаго контрольною палатой—6 р., 23) по подписному листу № 1348, изъ С.-Петербурга, черезъ предсѣдателя правленія общества дозово-севастопольской желѣзной дороги—18 руб., 24) отъ г. Масловца, изъ Васильевки, Полтавской губ.—1 руб., 25) по подписному листу № 914, изъ Евпаторіи, черезъ инспектора гимназіи—83 руб., 26) по подписному листу № 1207, изъ Полтавы, черезъ прокурора окружнаго суда—67 р., 27) по подписному листу № 1846, изъ С.-Петербурга, черезъ предсѣдателя правленія общества дозово-воронежско-ростовской желѣзной дороги—35 р., 28) по подписному листу № 1069, изъ Перми, черезъ управляющаго контрольною палатой—17 р., 29) изъ Казани, черезъ г. попечителя учебнаго округа—83 р., 30) по подписному листу № 1210, изъ Новочеркасска, черезъ предсѣдателя окружнаго суда—58 руб., 31) по подписному листу № 1285, изъ Варшавы, черезъ предсѣдателя окружнаго суда—2 руб. 91 коп., 32) по подписному листу № 1146, изъ Пензы, черезъ начальника землемѣрнаго училища—10 р. и 33) по подписному листу № 1303, изъ Симферополя, черезъ управляющаго таурическою контрольною палатой—16 р. Итого семьсотъ тридцать одинъ рубль 49 $\frac{1}{2}$ копѣекъ. А всего съ преждепоступившими тридцать одна тысяча восемьсотъ девяносто пять рублей 17 $\frac{3}{4}$ копѣйки (31,895 руб. 17 $\frac{3}{4}$ коп.).

Вышли и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются новыя сочиненія

Василія Немировича-Данченко:

МОНАХЪ.

(Романъ изъ отшельнической жизни).

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

НЕЗАМѢТНЫЕ ГЕРОИ.

(Счастье Ивана Непомнящаго. — За что? — Сбѣжали. — Ошибка. —
Большое сердце).

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Складъ изданій: ПЕТЕРБУРГЪ, книжный магазинъ М. М. Стасюлевича,
2 линія Васильевского острова, 7. МОСКВА, Моховая, книжный магазинъ
Карбасникова.

Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ», выписывающіе черезъ контору
редакціи, за пересылку не платятъ.

ОЧЕРКИ ИСПАНИИ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Барселона. — Гордый Арагонъ. — Въ преддверіи Кастиліи. — Умира-
ющая страна. — Анкала де Хенаресь. — Гуадалахара. — Мадридъ. —
Среди великихъ. — Музей Прадо. — Испанская сцена. — Нищія. —
Женщины. — Бортесы. — Въ жару борьбы. — Сагаста. — Басте-
ларъ. — Кановасъ. — Генераль и революціонеры. — Печать. — По-
эты и журналисты. — Эскориаль. — Страна королей и рыцарей. —
Авила. — Медина де Кампо. — Ла Мота. — Сеговія. — Старая Касти-
лія. — Вальядолидъ. — Бургосъ. — Сады Аранхуэза. — Положеніе
современной Испаніи.

2 большихъ тома (1,100 стр.) 3 руб.

Для подписчиковъ „Русской Мысли“ 2 р. 50 к. съ пересыл.

- XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева 158
- XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Государственная роспись на 1889 годъ.—Мировые судьи въ Архангельской губерніи.—Дѣло Звѣздочетова.—Земская колонія для сиротъ въ Москвѣ.—Вопросъ объ уѣздномъ управленіи въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ.—Хлѣбный отпускъ въ 1888 г.—Ходатайство борисоглѣбскаго земства.—Вопросъ о хлѣбныхъ тарифахъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.—Проектъ г. Исаева о займѣ на хозяйственныя улучшенія.—Мелиорационный кредитъ.—Уменьшеніе чумы скота въ Россіи 166
- XVIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXII.—Н. В. Шелгунова . . . 193
- XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Московскій «Малый театр»: *Татьяна Рыпина*, комедія А. С. Суворина.—*Теоданд*, трагедія Д. В. Аверкіава.—Фотографическая выставка въ Москвѣ.—*Ан*. 213
- XX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Исторія.—Юридическія книги.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Дѣтскія книги и учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», январь.—«Русскій Вѣстникъ», январь.—Дѣтскіе журналы. III. Отзывъ на замѣтку «Московскихъ Вѣдомостей» 45

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1889 годъ

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причеиъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и затѣиъ, съ 1 апрѣля, ежеиъсячно по 1 руб.

Книгопродавцаиъ дѣлается уступка въ разиърѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляеиыиъ ими подпискаиъ не допускается.

За переиъну адреса взиаается слѣдующая плата: при переиодѣ городскихъ подписчииковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За переиъну адреса на адресъ той же категории уплачивается 25 коп. При переиънѣ адреса на заграничный доплачивается разица подписноиъ цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

**14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.**

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

REC'D LD OCT 4 '72 -5 PM 2 8

REC. CLK.

NN

277

INTERLIBRARY LOAN

LIBRARY USE MAR 20 '86

LIBRARY USE MAY 8 '86

LD21A-40m-3,'72
(Q1178810)476-A-82

General Library
University of California
Berkeley